

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Общество русистов Болгарии

Хорватская ассоциация преподавателей
русского языка и литературы

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

Управление Федеральной антимонопольной
службы России по Пензенской области

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

*Сборник статей по материалам
VII Международной научно-практической конференции*

г. Пенза, 16–19 мая 2023 г.

Под общей редакцией
кандидата филологических наук О. В. Барабаш

Пенза
Издательство ПГУ
2023

УДК 81'33
Я41

Язык. Право. Общество : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16–19 мая 2023 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редкол.: О. В. Барабаш, Н. А. Павлова, С. С. Пашковская. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. – 330 с.

ISBN 978-5-907666-76-4

Представлены результаты исследований в области юридической лингвистики, русистики, лингводидактики. Рассматриваются актуальные проблемы лингвистической экспертизы, языковой политики, общие вопросы юридической техники и толкования правовых актов, выявляются особенности функционирования правовых терминов в юридическом дискурсе и за его пределами. Проблемы межкультурной коммуникации рассматриваются как в аспекте выявления специфики национальной картины мира, так и в свете таких практических задач, как перевод и преподавание русского языка как иностранного.

Издание адресовано филологам, юристам, специалистам в сфере законотворческой деятельности и всем, кто интересуется проблемами юрислингвистики, русистики, методики преподавания русского языка как иностранного.

УДК 81'33

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук О. В. Барабаш,
доктор педагогических наук С. С. Пашковская
кандидат педагогических наук Н. А. Павлова

Приказ
о проведении VII Международной научно-практической конференции
«Язык. Право. Общество» № 419/о от 18.04.2023

ISBN 978-5-907666-76-4

© Пензенский государственный
университет, 2023

НАПРАВЛЕНИЕ 1

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КООРДИНАТАХ ЯЗЫКА И ПРАВА

Раздел 1

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А. В. Александрова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ПРАВИЛЬНОЕ УКАЗАНИЕ ДОЛЖНОСТИ В КАДРОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ПЕНСИОННЫЕ ПРАВА РАБОТНИКА

A. V. Alexandrova

Penza State University, Penza, Russia

CORRECT INDICATION OF AN EMPLOYEE' POSITION IN PERSONNEL DOCUMENTATION AND EMPLOYEE PENSION RIGHTS

Аннотация. Рассматриваются практические аспекты подтверждения трудового стажа. Особое внимание уделяется проблеме некорректного заполнения работодателем кадровой документации, что влечет за собой отказ пенсионных органов в признании соответствующих периодов работы гражданина. Указанная проблема рассматривается во взаимосвязи с принципом уважения человека труда, закрепленным в Конституции России. Формулируются предложения относительно совершенствования законодательного регулирования периодов, включаемых в трудовой стаж и правил их подтверждения.

Ключевые слова: трудовой стаж, работник, работодатель, пенсия, наименование должности

Abstract. The article discusses practical aspects of confirming the length of employment. Special attention is paid to the incorrect filling of personnel documentation by the employer, which entails the refusal of pension authorities to recognize the work time record of an employee. This problem is considered in conjunction with the principle of respect for a working person, enshrined in the Constitution of Russia. The author makes suggestions for improving the legislative regulation of the time included in the length of employment and the rules for its confirmation.

Keywords: length of employment, employee, employer, pension, job title

Вопросы корректного заполнения работодателем кадровой документации не теряют своей актуальности сегодня, в эпоху электронного документооборота и индивидуального персонифицированного учета, поскольку поколение работников, трудившихся до введения указанных технологий, еще не достигло пенсионного возраста (а достигнув его, будет вынуждено подтверждать свой стаж, в том числе и посредством бумажных документов). К сожалению, оплошности работодателя, вызванные неаккуратностью или некомпетентностью лиц, заполняющих (принимающих) соответствующие документы, могут повлечь за собой отказ пенсионных органов во включении в стаж соответствующих периодов работы, а следовательно, отказ в назначении пенсии. Полагаем, что это создает серьезную угрозу для обеспечения принципа уважения человека труда, который был конституционно закреплён в результате внесения поправок в основную закон нашей страны в 2020 г. (статья 75.1 Конституции России) [Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ].

Современное российское законодательство предусматривает связь пенсионного обеспечения с трудом [Гучкова 2016 : 169], хотя роль этого фактора постепенно снижается, уступая место финансовым составляющим стажа. Поясним: начиная с 1 января 2002 г. (согласно законам о пенсионной реформе, принятым в декабре 2001 г.) для большинства граждан России условием получения пенсии является не трудовой стаж, а страховой. То есть важным становится не столько факт работы, сколько факт уплаты страховых взносов. Однако, для получения некоторых видов пенсий (досрочная страховая пенсия по старости, социальная пенсия и др.) значимость трудового стажа сохраняется. Рассмотрим это на примере досрочной страховой пенсии по старости.

Досрочная пенсия предполагает возможность выхода на нее ранее общеустановленного пенсионного возраста (в настоящее время идет процесс постепенного повышения этого общеустановленного возраста, по окончании реформы он достигнет 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин). Право на досрочную пенсию предусмотрено статьями 30-32 федерального закона «О страховых пенсиях» [Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ]. Оно предоставляется лицам, работающим во вредных, тяжелых условиях, либо в условиях, связанных с повышенными физическими и психическими нагрузками: например, лицам, работающим на подземных работах, в горячих цехах, на общественном транспорте; медицинским, педагогическим работникам и др. Для получения досрочной пенсии работнику необходимо иметь не только стаж уплаты страховых взносов (установленный законом), но и стаж работы по определенной специальности или должности. Списки соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций) утверждены Правительством РФ [Постановление Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665].

С 1 января 1997 г. в России действует система индивидуального персонифицированного учета [Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ], в которую работодателем направляются сведения о месте работы, должности и заработке каждого работника, величине уплаченных за него страховых взносов и т.п. Подтверждением регистрации в данной системе является широко известный СНИЛС (страховой номер индивидуального лицевого счета). Таким образом, если работодатель добросовестно выполнял свои обязанности по уплате взносов и направлении сведений в систему индивидуального персонифицированного учета, то документально подтверждать работу в конкретной должности или профессии гражданину не нужно – все сведения уже есть в системе. Однако стаж работы до 1997 г. необходимо подтвердить документально.

Основным документом, подтверждающим трудовой стаж, является трудовая книжка. В случае ее утраты (либо если записи в ней неправильны, неточны) доказательством трудового стажа могут выступать иные документы: трудовые договоры, выписки из приказов, лицевые счета и ведомости на выплату заработной платы, справки, выдаваемые работодателем.

Напомним, что право на досрочную пенсию предоставляется работнику только в том случае, если у него имеется необходимый стаж работы в должности, профессии и т.п., указанной соответствующим списком. Малейшее несоответствие в наименовании должности, профессии, учреждения толкуется Социальным фондом РФ (до 2023 г. – Пенсионным фондом РФ) не в интересах работника: ему отказывают в назначении пенсии.

Примеров тому великое множество [Азарова 2009]. В рамках данной статьи рассмотрим лишь некоторые случаи из практики.

Сварщик Б. обратился в территориальные органы Пенсионного фонда России (ПФР) по Пензенской области в январе 2020 г. с заявлением о назначении ему досрочной страховой пенсии по старости. Решениями органов ПФР от 22 января 2020 г., 2 апреля 2020 г., 19 октября 2021 г. и 16 ноября 2021 г. ему было отказано в назначении пенсии в связи с отсутствием специального страхового стажа. В указанный стаж не был включен, в частности, период работы в совхозе с 13 августа 1986 г. по 1 декабря 1990 г. Обосновывая свой отказ, ПФР ссылаясь на то, что в кадровой документации (приказах о приеме на работу, о перемещении на иное рабочее место, о предоставлении очередного отпуска и т.п.) работодатель лишь однажды назвал Б. «газоэлектросварщиком» («Переве-

сти скотника Б. газозлектросварщиком с 5 июня 1986 г.)), а в дальнейшем именовал его «сварщиком» («Присвоить Б. четвертый разряд сварщика на основании протокола квалификационной комиссии № 15 от 13 августа 1986 г.»; «Перевести сварщика Б. временно в центральный отдел совхоза» и т.п.). Между тем, утвержденные Правительством Списки соответствующих производств и профессий [Постановление Совета Министров СССР от 22 августа 1956 г. № 1173]; [Постановление Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10] не содержат наименования «сварщик», а предполагают соответствующие уточнения: «газосварщик», «сварщик аргонной и атомно-водородной сварки», «электросварщик ручной сварки» и т.п. Поскольку с 13 августа 1986 г. Б. был присвоен разряд сварщика (а не газосварщика), ПФР его дальнейшую работу не включил в специальный стаж. В связи с этим учтенный ПФР на данном этапе специальный стаж Б. оказался равным 2 месяцам 8 дням, а 4 с лишним года оказались выброшены из стажа (в скобках отметим, что подобный иезуитский подход является постоянной практикой пенсионных органов). Трудовая книжка Б. была утеряна. Работодатель (совхоз) прекратил свое существование в 2000-е гг., архив сохранился лишь частично. В связи с этим в качестве письменных доказательств могли быть использованы только приказы администрации и ведомости на выплату заработной платы. При этом в ведомостях бухгалтер совхоза либо вообще не указывал должности работников, либо указывал их очень кратко, в связи с чем Б. именовался опять же «сварщиком», а никак не «газосварщиком» или «электросварщиком». Судебное рассмотрение данного дела еще не завершено. Суды первой и апелляционной инстанции встали на сторону Б., обязав ПФР назначить истцу досрочную страховую пенсию по старости, однако определением кассационного суда решение районного суда и апелляционное определение областного суда были отменены и дело направлено на новое рассмотрение [Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2022 г. по делу № 88-26102/2022].

Рассмотрим еще один пример. Решением Управления № 5 Главного Управления Пенсионного фонда РФ № 2 по г. Москве и Московской области (далее – ГУ ПФР) от 6 июня 2018 г. № 395 фельдшеру станции скорой помощи Л. было отказано в досрочном назначении страховой пенсии по старости. В специальный стаж Л. не были включены, в частности, периоды работы в районной больнице в должности «фельдшер-диспетчер» в 1996-1998 гг. – на том основании, что такая должность отсутствует в Списке, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781 [Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781]; периоды работы в Звенигородском территориальном медицинском объединении в 1993 г. и в Тучковском территориальном медицинском объединении в 1999-2000 г. – со ссылкой на то, что Номенклатурой учреждений здравоохранения в указанные годы подобное медицинское учреждение было не предусмотрено.

Решения ГУ ПФР в данной части могут быть признаны незаконными, поскольку российское пенсионное законодательство позволяет определять периоды стажа согласно тем нормативным актам, которые действовали в период приобретения стажа. А до упомянутого выше Постановления Правительства РФ от 29 октября 2002 г. действовало весьма разумное Постановление Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. [Постановление Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464], которое предоставляло право на пенсию за выслугу лет «врачам и среднему медицинскому персоналу **независимо от наименования должности, лечебно-профилактических и санитарно-эпидемиологических учреждений всех форм собственности**».

Подобная формулировка отражает уважительное отношение к человеку труда в общем и к медицинскому работнику в частности. Она не требует от гражданина при обращении за заслуженной пенсией прилагать дополнительные усилия для сбора доказательств его многолетней работы в области охраны здоровья населения. Полагаем, такая формулировка должна быть возвращена в действующее законодательство и должна заменить пространный Список 2002 г.

Завершая рассмотрение проблем досрочного назначения пенсии, связанных с неправильным заполнением работодателем кадровой документации, необходимо отметить следующее. Пенсионный (а с 2023 г. – Социальный) фонд России традиционно стремится в своей деятельности к максимальной экономии средств социального страхования, в связи с чем придирается к малейшей неточности, имеющейся в документах, подтверждающих стаж работника. Обращение гражданина в суд может способствовать разрешению вопроса в его пользу, однако процедура доказывания является весьма сложной, с учетом того, что многие работодатели, действовавшие в 1980-1990-е гг., перестали существовать, а их архивы утрачены. Более того, внесенные в 2009 г. в пенсионное законодательство изменения не позволяют подтверждать характер работы (вредные, тяжелые условия и т.п.) показаниями свидетелей [Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 213-ФЗ]. К тому же, отнюдь не каждый пенсионер способен заплатить за квалифицированную помощь юриста в процессе. Таким образом, пенсионные права граждан оказываются существенно ограниченными. К сожалению, страдают простые граждане (шахтеры, работники флота, транспорта, врачи, учителя и др.), чьим трудом, в основном, и создается благосостояние нашей страны. Полагаем, что сложившаяся в нашей стране практика применения многочисленных списков и перечней должностей должна быть изменена; действующее законодательство должно быть усовершенствовано, причем образцом

вполне могут служить простые, понятные и не допускающие двусмысленного толкования формулировки, содержащиеся в нормативных актах советского периода.

Список литературы

1. Азарова Е. Г. Судебная защита пенсионных прав. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2009. 408 с.
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14 марта 2020. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1331750/#review> (дата обращения: 02.04.2023).
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2022 г. по делу № 88-26102/2022. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=27728273&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 09.04.2023).
4. Об утверждении Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение : постановление Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136448/ (дата обращения: 09.04.2023).
5. Об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, в соответствии с подпунктом 20 пункта 1 статьи 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : постановление Правительства Российской Федерации № 781 от 29 октября 2002 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39409/ (дата обращения: 09.04.2023).
6. О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение : постановление Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165835/#dst100024 (дата обращения: 09.04.2023).
7. Об утверждении Списка профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет : постановление Совета Министров РСФСР № 464 от 6 сентября 1991 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24883/ (дата обращения: 09.04.2023).
8. Постановление Совета Министров СССР от 22 августа 1956 г. № 1173 «Об утверждении списков производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на государственную пенсию на льготных условиях и в льготных размерах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102334/ (дата обращения: 09.04.2023).
9. Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М. : Проспект, 2016. 456 с.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования : федер. закон № 213-ФЗ от 24 июля 2009 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89926/ (дата обращения: 09.04.2023).
11. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования : федер. закон № 27-ФЗ от 1 апреля 1996 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9839/?ysclid=lcwexxx4jq353752352 (дата обращения: 09.04.2023).
12. О страховых пенсиях : федер. закон № 400-ФЗ от 28 декабря 2013 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/?ysclid=lgqwnrcpyqo659276813 (дата обращения: 09.04.2023).

Сведения об авторе:

Александрова Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

В. В. Булатный

Российский университет Дружбы народов, г. Москва, Россия

ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАОБРАЗА А. ЛУКАШЕНКО В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ NEXТА В ПЕРИОД ПРОТЕСТОВ В БЕЛАРУСИ (2020 г.)

V. V. Bulatny

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

REASONS FOR THE TRANSFORMATION OF THE MEDIA IMAGE OF A. LUKASHENKO IN THE TELEGRAM CHANNEL NEXТА DURING THE PERIOD OF PROTESTS IN BELARUS (2020)

Аннотация. В рамках данного исследования в качестве основной цели выявляются причины трансформации медиаобраза А. Лукашенко (при этом причины рассматриваются в двух аспектах: в контексте влияния трансформируемого образа на массовое сознание путем его мифологизации¹, а также причины как формы реализации коммуникации, которые привели к трансформации соответствующего медиаобраза). Объект исследования – выражение медиаобраза А. Лукашенко в постах телеграм-канала NEXТА. Предмет исследования – лингвистические и экстралингвистические способы трансформации медиаобраза в постах указанного канала. Методология: в рамках теоретического исследования проявлялись общенаучные методы анализа, синтеза, абстрагирования, в рамках практической части применялся метод лингвистического анализа, а также осуществлялся анализ креолизованных текстов.

Ключевые слова: медиаобраз, политический процесс, телеграм-канал, протесты, А. Лукашенко, Беларусь, символический капитал, массовое сознание, архетипы

Abstract. The aim of the article is to identify the reasons for the transformation of the media image of A. Lukashenko (the reasons are considered in two aspects – the reasons in the context of the influence of the transformed image on the mass consciousness through its mythologization, as well as the reasons as a form of communication that led to the transformation of the corresponding media image). The object of the study is the media image of A. Lukashenko in the posts of the telegram channel NEXТА. The subject of the study is linguistic and extralinguistic ways of transforming the media image in the posts of the specified channel.

Keywords: media image, political process, telegram channel, protests, A. Lukashenko, Belarus, symbolic capital, mass consciousness, archetypes

Введение. В современном мире социальные медиа начинают играть важную роль в качестве инструмента политического процесса², канала входа информации в политический процесс

© Булатный В. В., 2023

¹ Гаман-Голутвина О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 153–159.

² См., напр.: Володенков С. В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. С. 290–106. С. 290; Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10; Бондарев Н. С. Использование социальных сетей в политическом процессе общественно-политическими движениями в России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 24–29; Фукалова А. О. Социальные сети как посредник в коммуникации партий и электората URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95740/1/978-5-7996-3164-2_2020_254.pdf (дата обращения: 24.02.2023 г.); Ильин А. А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология. М., 2009. № 2. С. 304–310; Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение / Грачев М. Н. Тула: Изд-во Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2011. 172 с.; Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.

в контексте его коммуникативной природы¹. При этом, одной из наиболее актуальных для анализа форм политического процесса в современном мире становятся протестные движения: во-первых, за последние 15 лет динамика протестной активности в различных регионах мира возростала (рис. 1); во-вторых, в рамках этого процесса участвует множество субъектов, которые, согласно нашей *теоретической гипотезе* под действием психологических процессов суггестии превращаются в массу, толпу (совокупность людей, находящихся в определенном психическом состоянии, легкоуправляемых, легковверных и неспособных принимать рациональные решения, в совместном действии обладающих способностью к разрушительному воздействию²), в связи с чем следует полагать, что в контексте коммуникативной природы политического процесса, трансформация группы людей в массу происходит посредством коммуникации, следовательно, социальные медиа как инструмент коммуникации могут выступать инструментом такой трансформации и мобилизации толпы для оказания существенного воздействия на политическую систему. При этом, полагаю, что основой для суггестии, для интеграции разрозненной совокупности людей в толпу может использоваться трансформированный медиаобраз политика как выражение накопленного им символического капитала³, представляющего противоположный протестующим авангард политической системы, в силу содержания в таком медиаобразе совокупности архетипических образов⁴, воздействующих на сознание масс, которое по форме своей и так состоит из стереотипных образов, представлений⁵.

В качестве примера такой трансформации образа политика с целью воздействия на массовое сознание можно привести трансформацию медиаобраза А. Лукашенко в рамках постов телеграм-канала NEXTA во время протестной активности в Беларуси в 2020 г.⁶.

Теоретические результаты. Прежде чем приступить к реализации практического анализа, актуальным представляется проанализировать теоретические позиции отечественных и зарубежных ученых по ряду вопросов, в частности: какова роль социальных сетей в политическом процессе, может ли медиаобраз стать инструментом воздействия на массовое сознание в контексте позиций философов, психологов о свойствах масс и массового сознания.

Итак, проанализировав позиции Истона Д. относительно коммуникативной природы политического процесса, мы пришли к выводу о том, что политический процесс заключается в обработке информации политической системой, при том, что информация поступает как изнутри самой системы, так и извне – по каналам входа информации⁷. Проанализировав позиции различных ученых о новых медиа⁸, а также особенностях сетевой коммуникации в социологическом⁹ и технологическом аспектах¹⁰, мы пришли к выводу о том, что в контексте самовоспроизводящейся, горизонтальной, мультимедийной природы коммуникации, социальные сети являются эффективным каналом входа для информации, поскольку иные каналы поступления в политический процесс обладают недостатками, которыми социальные сети не обладают (к примеру, в рамках традиционных

¹ Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / под ред. Г. Ю. Семигина и др. М. : Мысль, 1997. С. 630–642. С. 635.

² См., напр.: Лебон Г. Психология народов и масс М. : ИД Социум, 2016; Московичи С. Век толп. М. : б/и, 1996. С. 59; Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с франц. под ред. П. С. Когана М. : б/и, 2001. С. 400.

³ Керимов А. А., Попцов Д. А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 366–371; Ritzi C., Schaal G. S. Politische Führung in der «Postdemokratie» // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2010. № 2–3. S. 13; Ирхин Ю. В. Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 75–89.

⁴ Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Каоно+, 2015.

⁵ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М. : Мысль, 1980. 271 с.; Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. 368 с.

⁶ Протесты в Беларуси. Таймлайн. URL: <https://www.currenttime.tv/a/pahonia/30805592.html> (дата обращения: 15.03.2023 г.)

⁷ Истон Д. Указ. соч.

⁸ Алгави Л. О., Аль-Ханаки Д. А. Термин «новые медиа» и его содержание в современной науке // Журналистика и общество. № 16 : сб. науч. тр. М. : РУДН, 2014. 237 с. С. 124; Castells M. Communication power. Oxford : Oxford university press, 2009; Innis H. Empire and Communications. Oxford : Clarendon Press. 1950. URL: http://books.google.com/books?id=wUwK_dBd6ogC&printsec=frontcover&hl=m#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 05.07.2021 г.)

⁹ Easton D. A. Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1965. - 143 p; Easton, D. A Systems Analysis of Political Life / D. Easton. New York: John Wiley & Sons, 1965. 507 p; Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York : Alfred A. Knopf, 1953. 338 p.; Castells M. Communication power. Oxford : Oxford university press, 2009.

¹⁰ O'Reilly Tim What Is Web 2.0 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 05.06.2021),

медиа информация передается с недостаточной скоростью, а некоторые каналы поступления информации, например, результаты опросов общественного мнения неприменимы в качестве канала входа информации по отношению к такому политическому процессу, как протестная активность)¹.

Далее нами были проанализированы позиции различных известных ученых² относительно особенностей толпы, массы, в результате чего был сделан вывод о том, что для вхождения в состоянии толпы индивиды не обязательно должны находиться в одном месте, поскольку ключевым признаком толпы, массы, становится особое психическое состояние, при котором можно говорить о формировании массового сознания³. В этом контексте, социальные сети могут стать инструментом формирования масс и их мобилизации в целях оказания воздействия на политическую систему, поскольку посредством коммуникации индивидов, находящихся далеко друг от друга, можно ввести в соответствующее психическое состояние.

При этом, массовое сознание содержит в себе различные стереотипные представления, концепты, в связи с чем полагаем, что структура массового сознания может трансформироваться под влиянием коллективного бессознательного, содержащего архетипичные образы, представления в случае воздействия на такое бессознательное (выводы наши также основываем на философских и психологических разработках по вопросам сущности и структуры сознания⁴). В этой связи медиаобраз политика, понимаемый нами как метаобраз (вычленяемый при сознательном анализе или интуитивно только при восприятии всех компонентов имиджа в синергетическом взаимодействии⁵) как выражение символической проекции, символического капитала⁶ политика в рамках медиатекстов, может рассматриваться как эффективный инструмент воздействия на массовое сознание: так, содержа в себе символы⁷, образ при его трансформации может стать архетипом, воздействующим на массовое поведение через воздействие на неосознаваемые стороны психики, тем самым мобилизуя массы для политического действия, в частности, для протеста.

Чтобы доказать данные теоретические положения, обратимся к практическому анализу.

Практические результаты. Наиболее популярным каналом в Беларуси в период протестов в 2020 году являлось издание NEXTA. Этот канал сыграл наиболее важную роль в освещении протестного движения, выступая первичным источником информации, все остальные интернет-СМИ освещали протесты, в основном, ссылаясь на него.

На следующем рисунке (рис. 1) представлен график, отражающий изменения количества подписчиков канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года (именно в этот день, как указывалось ранее, была назначена дата выборов) по 24 декабря 2020 года.

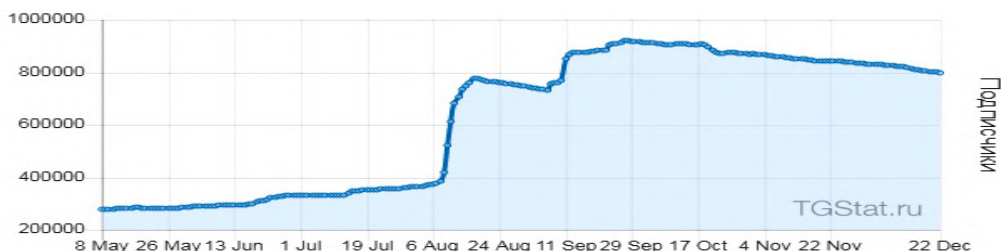

Рис. 1. Изменения количества подписчиков канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года⁸

¹ Нефедов С. А. Системная модель политического процесса: структура и основные понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 84–90.

² См., напр.: Лебон Г., Тард Г., Московичи С.

³ Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.; Панфилова А. О. Массовое сознание и общественное мнение в деятельности современной массовой коммуникации // Известия Дальневосточного федерального университета. 2015.

⁴ См., напр.: Юнг К. Г. Указ. соч. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.; Самченко В. Н. Сознание как понятие и феномен // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 1. 8 с.

⁵ Булатный В. В. Политический лидер в современном медиaprостранстве: маг. дисс. (место защиты: РУДН). М., 2022.

⁶ См.: Керимов А. А. Указ. соч. Ritzi C., Schaal G. S. Указ. соч.

⁷ Fiske J., Curran J. and Gurevitch M. (eds.). Television and Postmodernism // Mass Media and Society. L., 1991.; Бодрийяр Ж. Б75 Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

⁸ Рисунок 1 – Изменения количества подписчиков канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года, на основании: Telegram Analytics. NEXTA URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv (дата обращения: 26.12.2020 г.)

Проанализировав данный график, можно отметить, что первый значительный прирост числа подписчиков произошел накануне выборов 9 августа. Далее количество подписчиков стабильно увеличивалось вплоть до конца августа, после чего в первые 10 дней сентября число подписчиков уменьшалось, а затем снова скачкообразно возросло, при этом, пик приходится на конец сентября – начало октября 2020 года.

При этом, количество просмотров было рекордным 26 сентября, кроме того, скачки просмотров наблюдались 10 августа (сразу после выборов), при этом, в осенние месяцы кривая просмотров характеризуется резкими колебаниями (рис. 2).

Рис. 2. Количество просмотров канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года¹

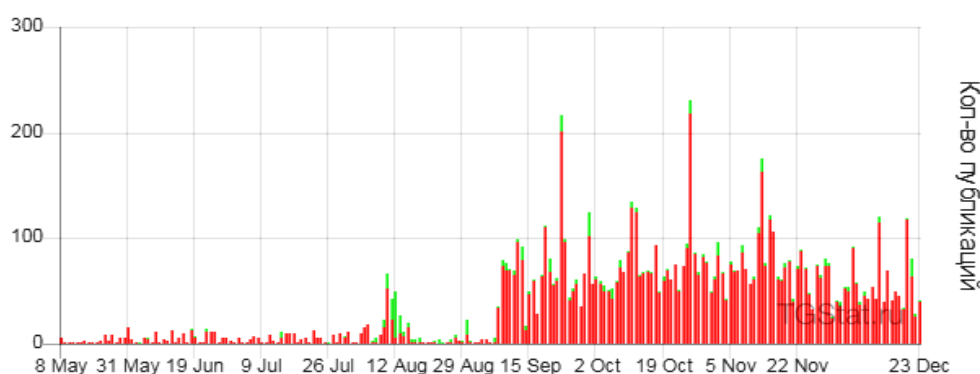

Рис. 3. Количество публикаций канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года²

Проанализировав вышеприведенный рисунок (рис. 3), можно отметить, что пиковое количество публикаций также пришлось на день выборов и несколько дней до и после него, а также в конце сентября и в конце октября. Соотнеся вышеприведенные данные, хронологию событий в период протестов, а также результаты анализа содержания постов в указанном телеграм-канале, мы пришли к выводу, что активизация протестного движения совпала с ростом популярности канала, а также с началом мифологизации медиаобраза А. Лукашенко, что позволяет сделать вывод, во-первых, о том, что между динамикой протестного движения и динамикой канала существует прямая корреляция, в связи с чем можно полагать, что именно данный канал стал ключевым инструментом поступления информации в протестный политический процесс, во-вторых, что именно мифологизированный образ А. Лукашенко лег в основу мобилизации масс для политического действия. Далее приведем примеры трансформации медиаобраза А. Лукашенко в рамках постов телеграм-канала NEXTA.

30 мая канал начал осуществлять организационную функцию при подготовке пикетов по сбору подписей за оппозиционных кандидатов, опубликовав место и время встреч пикетирующих в разных городах Республики, при этом, пикеты носили антиправительственный характер, а фото, на которых были указаны места и время встреч, содержали изображения действующего президента в виде таракана (рис. 4).

¹ Рисунок 2 – Количество просмотров канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года, на основании: Telegram Analytics. NEXTA. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv (дата обращения: 26.12.2020 г.).

² Рисунок 3 – Количество публикаций канала NEXTA в период с 8 мая 2020 года по 22 декабря 2020 года на основании: Telegram Analytics. NEXTA. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv (дата обращения: 26.12.2020 г.).

Рис. 4. Изображение, опубликованное каналом NEXTA¹

Как можно заметить, авторы канала активно используют совокупность визуальных образов и текста. При этом формируется новый когнитивный стереотип – «Усатый таракан». Накануне выборов происходит эскалация напряженности, которая совпадает с появлением новых мифологизированных образов (Саша 3%) и закреплением в массовом сознании уже существующих (таракан). Накануне выборов появляется новый когнитивный стереотип «Саша 3%» в контексте использования хэштэга «#нас97». За полтора месяца до выборов началось массовое пикетное движение под общим лозунгом «Жыве Беларусь», канал прокомментировал первый массовый митинг следующим образом: «акция длилась почти 7 часов;

- в пиковый момент живая цепь растянулась более чем на 3 километра;
- это самая массовая акция протеста за последние годы;
- у людей абсолютно отсутствовал страх перед оборотнями в погонах и устрашающими автозаками;
- тактика Таракана по устрашению больше не работает, ведь это еще больше злит людей.²».

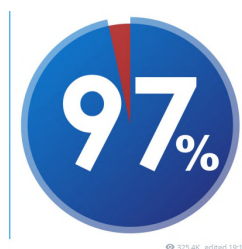

Рис. 5. Изображение, опубликованное каналом NEXTA³

В данном случае авторы канала используют метод манипуляции с использованием статистических данных, а реализация данного метода связана с использованием запоминающихся визуальных образов.

После выборов появились новые призывы к массовым протестам по поводу арестов независимых кандидатов под лозунгом «Власть начинает возвращаться народу» (рис. 12).

Рис. 6. Изображение, опубликованное каналом NEXTA⁴

¹ Рисунок 4 – Изображение, опубликованное каналом NEXTA. URL: https://t.me/nexa_tv/3125 (дата обращения: 26.12.2020 г.)

² URL: https://t.me/nexa_tv/3125 (дата обращения: 26.12.2020 г.)

³ Рисунок 5 – Изображение, опубликованное каналом NEXTA. URL: https://t.me/nexa_tv/3125 (дата обращения: 26.12.2020 г.)

⁴ Рисунок 6 – Изображение, опубликованное каналом NEXTA, на основании. URL: https://t.me/nexa_tv/3125 (дата обращения: 26.12.2020)

В данном случае лозунг апеллирует архетипу времен СССР (Вся власть советам) посредством применения лингвистического средства – устойчивого неидиоматического выражения. Кроме того, применение визуального средства, характеризующегося высокой степенью образности (человек в костюме химзащиты поднял тапок – очевидно, собирается избавляться от тараканов) воздействует на подсознание аудитории канала.

Канал, подкрепляя веру протестующих, по поводу акций в Гомеле опубликовал фото со следующей подписью: «*Кажется, это начало конца режима Лукашенко*». Также появлялись следующие «утешительные» прогнозы: «Режиму осталось 10 дней». При этом авторы канала подчеркивали неуверенность действующих властей: «*Лукашенко плохо. Во время послания народу и парламенту он истекает потом, ему жарко*». Так, происходит последовательная трансформация образа политика из сильного лидера в слабого «*Лукашенко плохо ... ему жарко*».

Лингвистические средства в данном случае (устойчивые выражения (начало конца) удачно сочетаются с явным искажением информации и мифологизацией сознания. Кроме того, стоит отметить применение метода «наведение румян».

Дальше используются более резкие эпитеты в отношении президента: «Да, это действительно 15-летний Николай Лукашенко, младший сын окончательно обезумевшего диктатора». В этот период авторы канала все чаще обращаются к методу «свой парень».

Продолжается организация протестов, впервые звучит лозунг «Саша – выходи!». В данном случае канал применяет метод «свой парень» с использованием лингвистических средств (прямое обращение и восклицание). Также фигура сильного лидера дискредитируется неформальным обращением, что показывает его как более слабого лидера перед народом.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках политической коммуникации в социальных сетях было применено множество методов по созданию новых когнитивных стереотипов, массовизации сознания. При этом дискредитация политика происходила постепенно, по модели градации, в том числе, в связи с тем, что коммуникация происходила однонаправленно, сам политик никакого ответа в социальных сетях не дал, а потому его дискредитация все нарастала. В этой связи, выдвинутая гипотеза частично, как минимум, на примере активизации протестной активности в Беларуси в 2020 году, подтверждается.

Список литературы

1. Алгави Л. О., Аль-Ханаки Д. А. Термин «новые медиа» и его содержание в современной науке // Журналистика и общество : сб. науч. тр. Вып. 16. М. : РУДН, 2014. С. 124.
2. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
4. Бондарев Н. С. Использование социальных сетей в политическом процессе общественно-политическими движениями в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 24–29.
5. Булатный В. Политический лидер в современном медиапространстве : маг. дис. [место защиты: РУДН]. М., 2022.
6. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
7. Володенков С. В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. С. 290.
8. Гаман-Голутвина О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 153–159.
9. Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула : Изд-во Тульск. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 172 с.
10. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. 368 с.
11. Ильин А. А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология. Вып. 2. М., 2009. Вып. 2. С. 304–310.
12. Ирхин Ю. В. Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 75–89.
13. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. / под ред. Г. Ю. Семигина [и др.]. М. : Мысль, 1997. С. 630–642.
14. Керимов А. А., Попцов Д. А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20, № 3. С. 366–371.
15. Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10.
16. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : ИД Социум, 2016.
17. Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 59.

18. Нефедов С. А. Системная модель политического процесса: структура и основные понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 84–90.
19. Панфилова А. О. Массовое сознание и общественное мнение в деятельности современной массовой коммуникации // Известия Дальневосточного федерального университета. 2015. № 1 (73).
20. Протесты в Беларуси. Таймлайн. URL: <https://www.currenttime.tv/a/pahonia/30805592.html> (дата обращения: 15.03.2023)
21. Самченко В. Н. Сознание как понятие и феномен // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 1.
22. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с франц. под ред. П. С. Когана М., 2001. С. 400.
23. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М. : Мысль, 1980. 271 с.
24. Фукалова А. О. Социальные сети как посредник в коммуникации партий и электората. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95740/1/978-5-7996-3164-2_2020_254.pdf (дата обращения: 24.02.2023).
25. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Каоно+, 2015.
26. Castells M. Communication power. Oxford : Oxford university press, 2009.
27. Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1965. 143 p.
28. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York : John Wiley & Sons, 1965. 507 p.
29. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York : Alfred A. Knopf, 1953. 338 p.
30. Fiske J., Curran J. and Gurevitch M. (eds.) Television and Postmodernism // Mass Media and Society. London, 1991.
31. Innis H. Empire and Communications. Oxford : Clarendon Press. 1950. URL: http://books.google.com/books?id=wUwK_dBd6ogC&printsec=frontcover&hl=m#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 05.07.2021).
32. O'Reilly Tim What Is Web 2.0 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 05.06.2021).
33. Ritz C., Schaal G. S. Politische Führung in der «Postdemokratie» // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2010. № 2–3. S. 13.
34. Telegram Analytics. NEXTA. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv (дата обращения: 26.12.2020).

Сведения об авторе:

Булатный Владислав Витальевич, аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета Дружбы народов, г. Москва, Россия.

Л. В. Воронина

Рязанский филиал Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия

**ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ЦЕЛИ
В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПА:
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ**

L. V. Voronina

Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ryazan, Russia

**TEXT UNITS WITH PURPOSE SEMANTICS IN LEGAL
DISCOURSE OF ARGUMENTATIVE TYPE:
CONTENT ASPECT AND FUNCTIONALITY**

Аннотация. В фокусе внимания – специфика функционирования текстовых единиц с семантикой цели в юридическом дискурсе. Цель исследования – выявить наиболее частотные языковые инварианты функционально-семантического поля цели и проанализировать их с точки зрения реализации функционала в дискурсе. На языковом материале фрагментов из публичных речей современных судебных ораторов автор проводит факторный анализ выбора языкового средства с учетом ситуации коммуникации и сферы функционирования.

Ключевые слова: текстовые единицы, семантика цели, юридический дискурс, функционирование

Abstract. The focus is on the functioning of text units with the semantics of purpose in legal discourse. The aim of the study is to identify the most frequent linguistic invariants of the functional-semantic field of purpose and analyze them on the basis of their functioning in discourse. The author conducts a factorial analysis of the linguistic means, taking into account the situation of communication and the area of functioning. The material is taken from public speeches in court.

Keywords: text units, purpose semantics, legal discourse, functioning

Цель как феномен в первую очередь философской и этической перспективы современной антропоцентрической парадигмы научного знания представляется весьма органичной в сфере юридической деятельности. Оказываясь в поле зрения юристов, цель осознается порой как самая высокая в иерархии правовых понятий [Стремоухов 2018: 31] и толкуется с опорой на известные философские подходы как предвосхищение, конечный желаемый результат [Юридический словарь], [Большой юридический словарь].

В лингвистическом ракурсе семантика цели получает свою реализацию в языковых инвариантах и функционирует в юридическом дискурсе в достаточно традиционных контекстах от более высокого уровня обобщений (цель уголовно-законодательного производства, цель уголовного процесса vs цель уголовного наказания) до конкретных проявлений (цель преступления, цель кражи и т. п.). Языковая перспектива исследования предполагает классификацию цели с точки зрения предметного, аксиологического, ситуационного, темпорального и мотивационного аспектов и закономерно приводит к размышлениям лингво-философского характера.

В основе предметного принципа классификации целей лежит анализ содержания референтного события, исследование его характера с точки зрения конкретности / отвлеченности, а также определение сферы функционирования. Так, контент языкового инварианта с семантикой цели может представлять собой:

– действие: *Заключением о пожаре и показаниями Мазина обоснован вывод о поджоге как причине пожара с целью сокрытия следов преступления,*¹

© Воронина Л. В., 2023

¹ Обвинительная речь по делу Артемьева // Судебные речи современных адвокатов и прокуроров Красноярского края. URL: <https://law.wikireading.ru/25157> (дата обращения: 21.03.2023).

– процесс: *На следующий день (14 марта) в дом Смирновой приходил свидетель Березин, чтобы попросить хлеба, но опять же увидел закрытую на навесной замок входную дверь и торчащую в ручке газету¹;*

– состояние: *Как государственный обвинитель я свою задачу вижу в том, чтобы убедить вас, что все доказательства, представленные мной и проверенные здесь, в суде, находятся в точном соответствии с этим правилом²;*

– признак: *А чтобы показания были более правдоподобными, вспоминает, что играли не наши команды³.*

Характер целевого контента определяется в терминах «конкретное» – «отвлеченное» и получает свою реализацию в юридическом дискурсе, который, представляя собой тип институционального дискурса, ориентирован на коммуникацию в рамках статусно-ролевых отношений [Карасик 2000] – в рамках настоящего исследования защитника и обвинителя. По нашим данным, наиболее частотны конкретные цели-действия: из 10 языковых примеров 8 сообщают об определенном желаемом результате: *чтобы продемонстрировать, участвовать, доказать, обмануть* и др.

В рамках исследования предметного содержания целевой семантики небезынтересным представляется изучение риторической структуры локального уровня дискурсивного фрагмента, представленного двумя дискурсивными единицами, организованными по принципу «ядро-спутник» в семантической плоскости цели (Purpose), с точки зрения реализации параметра «+/- Positive». В юридическом дискурсе реализуется полная парадигма указанного параметра риторических связей с безусловной тенденцией к позитивной паре. В заявленном аспекте признак «+/- Positive» реализуется в следующих комбинациях:

1) [ядро+] – [спутник-]: *И про это спросите участвующего в деле прокурора, чтобы ненароком не нарушить его прав и не лишить сторону обвинения возможности успешного для нее завершения дела⁴;*

2) [ядро-] – [спутник-]: *Мы не должны оспаривать фактологическую сторону представления, используя для этого возможности предстоящего судебного следствия. Чтобы Вы, не дай Бог, не удовлетворили эту совершенно немотивированную и не подтвержденную фактическими обстоятельствами просьбу стороны обвинения об отмене оправдательного приговора.*

Функционирование в речи языковых вариантов предполагает в первую очередь их количественный и качественный анализ – частоту использования в речи и чистоту семантики соответственно, последняя определяется высокой степенью концентрации специфических признаков семантики, специализированностью конкретного языкового средства, его достаточной функциональной нагруженностью и др. [Бондарко 1983]. Исследование языковых вариантов позволит представить перспективу выполнения потенциальной функции языкового инварианта – смоделировать функционально-семантическое поле (ФСП), а затем и соотнести его с конкретными реализациями в дискурсивном ракурсе, в нашем случае юридическом дискурсе, то есть представить две конфигурации ФСП цели. Так, по нашим наблюдениям, предположно-падежные конструкции с производными предлогами *с целью, в целях* не теряют своей актуальности в исследуемом типе дискурса, занимая позиции в ядерной зоне ФСП: они действительно частотны как в защитительных, так и в обвинительных речах: *А есть ли в деянии, совершенном Окуньком признаки нападения с целью похищения чужого имущества⁵; Из-за возникшей личной неприязни Харев решил убить Захаренко. С этой целью он взял оказавшийся под рукой на полу молоток и нанес им Захаренко три удара в голову...⁶*

Востребованность конструкции объясняется, во-первых, точным совпадением референта и его интерпретации как цели (отсюда лексический квалификатор *цель*), обобщенной семантикой цели, не осложненной другими семами, во-вторых, и, наконец, стилистической приемлемостью, полным соответствием ситуации функционирования.

¹ Речь государственного обвинителя Андриановой-Стрепетовой Ю. В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров. URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:26/> (дата обращения: 21.03.2023).

² Речь государственного обвинителя Абрамова Н. В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров. URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:29/> (дата обращения: 21.03.2023).

³ Обвинительная речь по делу Артемьева // Судебные речи современных адвокатов и прокуроров Красноярского края. URL: <https://law.wikireading.ru/25157> (дата обращения: 21.03.2023).

⁴ Новолодский Ю. М. Речи адвоката Юрия Новолодского в судах Санкт-Петербурга в защиту Н. М. Абрамидзе (2016–2017). СПб: ООО «Р-КОПИ», 2017. 74 с. URL: <https://apmo.ru/upload/iblock/deb/deb30e4adf1b0e4779ae5aee7abfec78.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

⁵ Речь по делу о групповом разбое // Адвокатская контора Алексея Куприянова. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/razboi> (дата обращения: 21.03.2023).

⁶ Речь государственного обвинителя Абрамова Н.В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров. URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:29/> (дата обращения: 21.03.2023).

На лексическом уровне языка лексему *цель* оттесняет традиционный для юридического дискурса термин *умысел* и его производные *умышленный, преднамеренный, умышленно*: *Как следует из Обвинительного акта, ФИО, имея умысел на причинение последней вреда здоровью, действуя умышленно, осознавая противоправность и общественно опасный характер своих действий, приблизилась к ФИО¹.*

Ситуационный аспект, на наш взгляд, представляется не менее важным для определения функциональности языкового варианта. Например, текстовые единицы с семантикой цели максимально частотны в фабульной части судебной речи, а выбор конкретного языкового варианта позволяет определять активность конкретной функционально-семантической категории (ФСК). О прямой цели сообщает известный спектр языковых средств:

1) ФСК простых двухкомпонентных предложений с лексическими квалификаторами *цель, задача, умысел*: *Целью налогового преступления не может быть «личное обогащение» (такая цель якобы была у подсудимой согласно обвинению...²;*

2) ФСК производных предлогов с квалификаторами с *целью, в целях*: *Поэтому мы хотим объяснить, что образно выражение «картина маслом» употреблялось нами ... с единственной целью – тщательно отделить действительные обстоятельства... от откровенного следственного вымысла, нанесенного яркими масляными красками на картинный холст³;*

3) ФСК непроизводных предлогов: для контроля скорости, для торможения, для «геометрических» расчетов, для проведения... экспертизы

4) ФСК союзных конструкций с типичным квалификатором целевых отношений союзом *чтобы*: *Чтобы испачкать кровью внутреннюю поверхность бедра чуть выше колена, надо пригнуться на корточки либо сесть верхом на поверхность, часть которой окровавлена⁴.*

Семантика цели в языковых вариантах, группирующихся в ФСК бессоюзных конструкций (наиболее активны деепричастные обороты), в большей степени нивелирована: очевидно неявное указание на цели действий, возможно, в связи с нежеланием говорящего квалифицировать ситуацию как целевую: *В продолжение своего преступного умысла ФИОб своей правой рукой схватила левую кисть руки ФИО7, которую последняя выставила перед собой, защищаясь от ФИОб⁵[для защиты / чтобы защититься].*

Выше сказанное позволяет утверждать не только частотность языковых фактов с семантикой цели в юридическом дискурсе, но и отметить их устойчивый характер, обусловленный ситуацией общения, с одной стороны, и разнообразие, определяемое собственно референтом – целью-действие, цель-процесс, цель-состояние, цель-признак, отношением к действительности (параметр «+/- Positive») – цель-утверждение и цель-отрицание, а также факторами субъективного порядка, прежде всего, позицией говорящего квалифицировать референтное событие как цель или уйти от прямого его обозначения – с другой.

Список литературы

1. Большой юридический словарь. URL: https://gufo.me/dict/law/%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F
2. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и аспектологии. Л. : Наука, 1983. 208 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Стремоухов А. А. Классификация правозащитных целей // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 31–35.
5. Юридический словарь. URL: <http://multilang.etalonline.by/ru/Term/Index/26195?langName=ru&ch=%D0%92%D1%81%D0%B5&term=%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C&size=25&page=1&type=3&etalon=false>

¹ Образец прений по уголовному делу по причинению вреда здоровью // Антонов в и партнеры. URL: <https://pravo163.ru/obrazec-prenij-po-ugolovnomu-delu-po-prichineniyu-vreda-zdorovyu/> (дата обращения: 21.03.2023).

² Налоговое дело. Речь в защиту Хатовой. Оправдание // Адвокатская контора Алексея Куприянова. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/2011-01-06-13-59-22> (дата обращения: 21.03.2023)

³ Новолодский Ю. М. Речи адвоката Юрия Новолодского в судах Санкт-Петербурга в защиту Н. М. Абрамидзе (2016–2017). СПб: ООО «Р-КОПИ», 2017. 74 с. URL: <https://apmo.ru/upload/iblock/deb/deb30e4adf1b0e4779ae5ace7abfec78.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

⁴ Речь Андриановой-Стрепетовой Ю. В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:26/> (дата обращения: 21.03.2023).

⁵ Образец прений по уголовному делу по причинению вреда здоровью // Антонов в и партнеры. URL: <https://pravo163.ru/obrazec-prenij-po-ugolovnomu-delu-po-prichineniyu-vreda-zdorovyu/> (дата обращения: 21.03.2023).

6. ДТП на Ленинградском // Адвокатская контора Алексея Куприянова. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/dtp-leningradskii>
7. Налоговое дело. Речь в защиту Хатовой. Оправдание // Адвокатская контора Алексея Куприянова. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/2011-01-06-13-59-22>
8. Новолодский Ю. М. Речи адвоката Юрия Новолодского в судах Санкт-Петербурга в защиту Н. М. Абрамидзе (2016–2017). СПб : ООО «Р-КОПИ», 2017. 74 с. URL:<https://apmo.ru/upload/iblock/deb/deb30e4adf1b0e4779ae5aee7abfec78.pdf>
9. Обвинительная речь по делу Артемьева // Судебные речи современных адвокатов и прокуроров Красноярского края. URL: <https://law.wikireading.ru/25157>
10. Образец прений по уголовному делу по причинению вреда здоровью // Антонов и партнеры. URL: <https://pravo163.ru/obrazec-prenij-po-ugolovnomu-delu-po-prichineniyu-vreda-zdorovyu/>
11. Речь Андриановой-Стрепетовой Ю. В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров // URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:26/>
12. Речь государственного обвинителя Абрамова Н. В. // Обвинительные речи современных российских прокуроров. URL: <https://studfile.net/preview/2782825/page:29/>
13. Речь по делу о групповом разбое // Адвокатская контора Алексея Куприянова. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/razboi>

Сведения об авторе:

Воронина Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия.

Т. А. Долгополова

Северо-западный филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

**КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИСПАНИИ XVI ВЕКА:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВУ**

T. A. Dolgopolova

The North-Western branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia

**CULTURAL PARADIGM OF SPAIN IN THE XVI CENTURY:
NEW APPROACHES TO LAW**

Аннотация. Целью данной статьи является изучение творчества выдающихся юристов и теологов XVI в., внесших вклад в развитие нового подхода в развитии культуры, права и гуманитарных наук в Испании в процессе становления единого государства Испанской монархии XVI–XVII вв.

Ключевые слова: «Всемирная монархия», право, законодательство, гуманизм, Гранада канцелярия

Abstract. A prerequisite for the development of new approaches to the theological and legal foundations of Spain in the 16th century should be considered a change in the entire cultural code, due to the unification of Spain into a single state. The victory of the Catholic kings Isabella and Ferdinand at the end of the Reconquista, the inheritance of united Spain by Carlos I in 1516, his election in 1519 as Emperor of the Holy Roman Empire by Charles V, the proclamation of the "Idea of the World Monarchy", undoubtedly required new approaches in religious and legal justification. The purpose of this article is to study the work of prominent jurists and theologians of the 16th century who contributed to the development of a new approach to the development of culture, law and the humanities in Spain.

Keywords: World Monarchy, law, legislation, humanism, Granada Chancellery

Одним из наиболее интересных в политическом, философском и правовом аспектах развития единой Испании следует, на наш взгляд, выделить период правления Карлоса I- первого короля объединенного государства Испания.

Предпосылкой к развитию новых подходов к теологическим и правовым основам Испании XVI века, следует считать изменение всего культурного кода, обусловленного объединением Испании в единое государство. Победа католических королей Изабеллы и Фердинанда в завершение Реконкисты, избрание в 1519 г. Карлоса I императором Священной римской империи Карлом V, провозглашение «Идеи всемирной монархии», несомненно, требовало новых подходов в религиозном и правовом обосновании.

Начало было положено деятельностью Адриана Утрехтского, избранного в дальнейшем Папой римским, развито в трудах его последователей. Адриан Утрехтский, еще будучи архиепископом и кардиналом и Франсиско Хименес де Сиснерос оказали существенное влияние на формирование государственных гуманистических взглядов своего воспитанника Карла, внука императора Максимилиана с одной стороны и Католических королей Изабеллы и Фердинанда с другой, объединившего в своих руках владения Испании, Нового света и Священной римской империи германской нации.[1, 315–319].

Влияние идей Возрождения и североевропейского гуманизма очевидно проникали в среду ученых теологов и профессоров права, идеи Болонского и Падуанского университетов распространялись вместе с рецепцией римского права, творчества постгlossаторов, развитием канонического права.

Творчество Эразма Роттердамского впечатляло умы европейской знати. Практика богословских диспутов объединяла университеты Европы, а развитие книгопечатания способствовало распространению идей гуманизма и нового подхода к христианской вере.

Идеи английской Реформации, новая религия Мартина Лютера, также были известны в Испании, но в дальнейшем было признаны еретическими и преследовались. Нидерландские события и восьмидесятилетняя война были трагической страницей противостояния идей.

Все это, несмотря на сильные позиции Трибунала Святой инквизиции в Испании, проникало в университетскую среду, на богословские и юридические факультеты, преломлялось в трудах докторов обоих прав и реализовывалось в практической деятельности королевских судей и прокуроров, отражалось в развитии научных школ университетов Саламанки, Алькалы де Энарес, Гранады.

Роль и значение творчества Франсиско Хименеса де Сиснероса для Испанской короны трудно переоценить. Францисканец, кардинал и примаस Испании, родился в Торрелагуне в Новой Кастилии в 1436 году; умер в Роа, близ Вальядолида, в 1517 году. Получив высшее образование в Саламанке в области канонического и гражданского права, отправился в Рим в 1459 году, где в течение нескольких лет практиковал в качестве адвоката консистории.

В 1492 году по рекомендации кардинала Мендосы, архиепископа Толедо, он был назначен духовником королевы Изабеллы. Будучи канцлером, он был обязан принимать видное участие в делах государства, где его благоразумие и мудрость имели большое значение для его страны. После смерти Фердинанда, именно Сиснерос оказал поддержку Каролосу I в противостоянии испанским грандам. Основание Сиснеросом в 1504 году Университета Алькала, явилось значительным вкладом в развитие новых подходов к изучению теологии, права и всего гуманитарного знания, для заполнения профессорских кафедр которого были приглашены самые выдающиеся ученые из Сорбонны, Болоньи, Падуи, Саламанки. Этот новый университет пользовался таким уважением, что все религиозные ордена Испании, кроме бенедиктинцев и иеронимитов, признавали его научный авторитет. Король Фердинанд посетил университет в 1514 году и высоко оценил все, что сделал Хименес. В 1502 г. архиепископ предпринял публикацию первой многоязычной Библии, названной Комплутезианской. Большое значение Сиснерос придавал защите ученых и профессоров от допроса и надзора инквизиторов, издавая благотворные правила, касающиеся обучения и поведения новообращенных, чтобы уберечь их от суеверий и богохульства.

Мудрость и прямота Сиснероса, а также сила характера многое сделали для поддержания целостности испанского трона. Он принимал видное участие в усилиях, направленных на духовное благополучие испанских владений в Америке, организовал группу миссионеров для христианизации Нового Света.

Плеяда испанских теологов и правоведов, профессоров университетов Саламанки, наиболее знаменитого из университетов, а также так Алькалы, Гранады, докторов обоих прав, оставила большое литературное наследие, что дает возможность представить тот вклад в развитие новых подходов к теологии, праву, управлению и политике, деятельности судебных и административных органов, как в самой Испании, так и в ее заморских владениях.

Например, Себастьян Рамирес де Фуэнлеаль (Вильяэскуза де Аро, ок. 1490 – Вальядолид, 22 января 1547) религиозный деятель, политик и юрист, который занимал должности епископа Санто-Доминго и председателя его королевской аудиенции с 1527 по 1530 год, был президентом Королевского двора Мексики и последний правитель Новой Испании до вице -королевства с 1530 по 1535 год. Позже он был назначен инквизитором города Севильи и работал в Королевской канцелярии Гранады.

Находясь на Эспаньоле, был назначен епископом Санто-Доминго и председателем Королевской аудиенции. Во время своего мандата он защищал права коренных жителей, основывал деревни и предоставлял им школы, чтобы жители могли улучшить жизнь, систематизировал поступления в казну и предотвращал, по возможности, восстания против Короны Кастилии.

Значительный вклад в разработку идей права и основ теологии были развиты в десятках томов рассуждений и судебных решений Королевской Аудиенции- высшего судебного органа, расположенной в Гранаде.

Алонсо де Гвадалахара (конец XV — середина XVI века) — сеговийский юрист и политик, сыгравший видную роль в Войне комунерос, в восстании отстаивал традиционные вольности городов в противовес организующей деятельности Карлоса I. В дальнейшем его взгляды претерпели значительные изменения в пользу единства власти.

Альфонсо де Кастро поступил в монастырь Сан - Франциско- де - Саламанка в 1511 году, Изучал богословие в Саламанке и Алькала-де-Энарес.

Несмотря на глубокое погружение в теоретические исследования, на протяжении всей жизни Альфонсо де Кастро был страстным проповедником, с репутацией глубокомысленного, пламенного и эрудированного оратора, как в Испании, так и в Европе. Наиболее известны его выступления, где королевская власть представляла свои интересы в Нидерландах, Священной римской империи, Франции, а также в диспутах в университетах Англии.

Его первая и основная работа – *Adversus omnes haereses*, Paris 1534, в которой он перечисляет и опровергает еретические взгляды возникшие в Церкви со времен апостолов.

Заслуживает внимания также *De iusta haereticorum punitione*, Salamanca 1547, в котором из богословия и закона он пытается установить верную середину между слепым и мстительным осуждением еретика и трусливым снисхождением по отношению к нему. Выявляются пути возвращения его к вере, наказания «упрямцев» и социально-религиозные причины ересей.

De potestate legis poenalis, Саламанка 1550 г., – это работа, за которую Альфонсо де Кастро почитается одним из основателей «Права народов» и науки уголовного права; он систематически раскрывает природу и цель наказания и его связь с преступлением, учение, которое он применяет к уголовным законам, которые, по его мнению, обязывают по совести.

Антонио Агустин Альбанель (Сарагоса, 26 февраля 1517 г. – Таррагона, 31 мая 1586 г.), известный как Августин, был испанским священнослужителем, который выделялся как гуманист, полиграфист и предшественник исторического исследования источников права.

Под его руководством был издан *Corpus Iuris Canonici*, сборник канонического права, который Папа Григорий XIII приказал опубликовать для официального использования в 1580 году и который составлял основу для изучения и применения этого приказа до обнародования первого Кодекса, канонического права в 1917 г.

По его инициативе была открыта мастерская в Таррагоне, которой руководил Фелипе Мей. Благодаря этому сотрудничеству родилась богатая библиотека, которая в настоящее время хранится в монастыре Сан-Лоренцо-де-Эль-Эскориал.

Бальтасар де Айяла (Антверпен, 1548 – Алст, 16 сентября 1584 г.) – юрисконсульт и главный ревизор фламандской армии испанского происхождения.

Будучи на службе в испанской армии во время Восьмидесятилетней войны, получил опыт ведения военных действий. Он написал книгу о военном деле и военной дисциплине под названием *De jure et officiis bellicis et disciplina militari libri III* («Три книги военного положения, военных властей и вооруженных сил»), которая впервые появилась в 1582 году на латыни. В нем он отстаивал доктрину, согласно которой вооруженные силы не могут преднамеренно нападать на гражданских лиц. Он был важным предшественником Гроция (1583-1645), который часто ссылался на его «Джюре...». Бальтасар де Айяла занимался, в частности, вопросом осады городов и грабежей.

Бернардино Даса Пинчано (Вальядолид, 1528 – после 1576) известный испанский юрист, являлся первым переводчиком на кастильский трудов Андреа Альсиато, известнейшего итальянского ученого и гуманиста.

Степень юриста Университета Вальядолида была получена в 1555 году и степень доктора обоих прав год спустя, известно, что он практиковал юристом в канцелярии Вальядолида и что до 1576 года – последней даты записи – он был профессором в своем университете.

Им было подготовлено издание *Corpus iuris civilis* Юстиниана с его испанским переводом: Имперские институты (или принципы гражданского права).

Бартоломе [Фриас] де Альборнос (Талавера де ла Рейна, ок. 1519 –1573) был юристом и историком из школы Саламанки. В своих трудах рассматривал аспекты рабства в заморских колониях, поставив под сомнение традиционные основы рабства. Положив начало изучению гуманитарных наук в Талавере, продолжил изучение права в университете Саламанки и в университете Осуна, где получил докторскую степень. Он свободно говорил на латыни и греческом, читал на иврите, арабском, французском и итальянском языках; его филологические познания были высоко оценены современниками.

Издан трактат «Искусство договоров» (Валенсия: Педро де Уэте, 1573), в наиболее спорной части которого отрицал законность работорговли, по этой причине его чтение и перепечатка были запрещены инквизицией, за несоблюдение канонов, созданных Университетом Саламанки. В его работе был проведен критический анализ трех традиционных основ рабства: справедливой войны, позитивного права и христианизации

Гаспар де Баэса (Baeza, Jaén, 1540–1569), испанский юрист, гуманист, переводчик и писатель Золотого века. Изучал право в университетах Гранады и Саламанки. Он считался одним из самых известных юристов своего времени. Был назначен юристом в Королевскую канцелярию Гранады и профессором в своем университете.

Известен его перевод «Всеобщей истории» на испанский язык (Саламанка: 1562–1563); Сообщества Испании (Гранада: 1564 г.) и Похвалы или краткие жизни древних и современных рыцарей (Гранада: 1568 г.). По мнению современников, он выделялся своим мастерством в богословии, философии, грамматике, географии и истории.

Литературное наследие Гаспара де Баэса включают трактаты: «О конституции Карла Пятого»; «Десятый договор о гарантиях испанского наставника» (Гранада, 1567 г.); «Первая часть трактата о бедном должнике» (Гранада, 1592 г.) «*Opera Omnia Gasparis Beatiae* (Мадрид, 1592 г.)».

Хуан Лопес де Паласиос Рубиос (Паласиосрубис, 1450-1524гг.) был испанским юристом, настоящее имя которого Хуан Лопес де Виверо.

Занимал должности коллегияльного мэра де Сан-Бартоломе, президента Месты во время правления католических монархов, коррехидора Вальядолида, министра Совета Индий и посла в Риме.

Будучи в составе Совета Кастилии с 1504 г., по назначению католических монархов, он был одним из редакторов Законов Торо (обнародованных в 1505 г.), являясь одним из главных защитников вопроса о справедливых титулах домена Кастилия над индейцами. В частности, в своей работе *Libellus de insulis oceanis* он делает добросовестные юридические рассуждения о законности кастильского суверенитета над американскими территориями.

Среди его работ имеются сочинения теоретического характера о дуэлях, неповиновении и военной философии, среди которых выделяется Договор о героических военных действиях (Саламанка, 1524 г.), единственная работа, которую он написал на испанском языке с ярко выраженным политическим характером. и щедро переиздавались в восемнадцатом веке.

Диего де Алава-и-Эскивель (Витория ? – Кордова, 2 апреля 1562 г.) – испанский священнослужитель и юрист. Он был профессором канонического права в Университете Саламанки, судьей, а затем президентом Королевской канцелярии Гранады, рыцарем Ордена Калатравы, советником Орденов и Кастилии, выпускником юридического факультета, судьей Королевского суда Санто-Доминго, управлял островом Куба по назначению того же с 1525 г. по 1526 г. в должности вице-губернатора адмирала Океанского моря. Оставил комментарии по управлению заморскими территориями.

Хуан де Арсе де Оталора (Вальядолид 1515-1520 – Вальядолид, 11-1-1562) был юристом, который стал судьей канцелярий Гранады и Вальядолида. Хосе Луис Мадригал приписал ему авторство Ласарильо де Тормеса. Бакалавр права из Саламанки с отличием проявил себя, выступал достойным юристом в спорах, который стал судьей канцелярий Гранады и Вальядолида. Хосе Луис Мадригал приписал ему авторство Ласарильо де Тормеса.[5]

В Гранаде был назначен майордомом канцелярии, в 1553 году он опубликовал книгу о рыцарстве *De nobilitatis & immunitatis Hispaniae cavsis... deque regalium tributorum... iure, ordine, iudicio & excusatione summa, seu tractatus*. [6]

Что касается реформы организации самого Совета Индий, Хуан де Овандо подготовил постановление для совета в 1571 г. Книгу духовного и светского управления Индией, а также Кодекс законов и постановлений.

Луис Понсе де Леон (умер 20 июля 1526 г.) был испанским судьей, губернатором Новой Испании (4–16 июля 1526 г.). Король Карлос I назначил Луиса Понсе де Леона судьей по месту жительства и губернатором Новой Испании с годовым окладом в 3000 золотых дукатов.

Родриго Мальдонадо де Талавера (Талавера де ла Рейна, 1456 – Саламанка, 1517), был юристом, канцлером Ордена Сантьяго и ректором Саламанкского университета. Был известен как доктор права университета Талавера, был профессором в университете, и членом Королевского совета Кастилии. Таким образом, отмечено его участие в мирных переговорах, которые католические монархи вели с Альфонсо VI из Португалии после войны за престолонаследие Кастилии. Он также был одним из подписантов Тордесильяского договора на кастильской стороне.

Франсиско де Витория (Бургос, 1483 или 1486 – Саламанка, 1546 года) был испанским доминиканским монахом, писателем и профессором Университета Саламанки, который выделялся своими идеями и вкладом в международное право и экономику, основанную на морали о гуманистической мысли Аристотеля – томистическом реализм [1]. Он внес значительный вклад в развитие идеи права, теологии, моральным аспектам экономики, что в дальнейшем оказало влияние на развитие испанской гуманитарной науки.

В своих работах Франсиско утверждает, что индейцы не являются низшими существами, но что они имеют те же права, что и любой человек, и являются владельцами своих земель и имущества. Это было началом *Ius gentium* (права народов). Высоко уважаемый за его интеллектуальную ценность, с ним консультировался король Карлос I, и его идеи и идеи брата Бартоломе де лас Каса были услышаны в Испанских кортесах [4].

Хуан де Овандо-и-Годой (Касерес, ок. 1530 – 8 сентября 1575) был испанским церковным деятелем и юристом, который занимал пост президента Совета Индий (1571–1575) и казначейства. (1574–1575) с Фелиппом II, известным тем, что он инициировал работу по правовой систематизации правил некоторых советов, их организацию, а также создание подробных географических исследований в испанских территориях в Америке.

Херонимо Кастильо де Бобадилья (Медина-дель-Кампо, ок. 1547 – ок. 1605) был испанским юристом 16 века, связанным со школой Саламанки. Он был коррехидором Сории и Гвадалахары, адвокатом судов Кастилии и прокурором канцелярии Вальядолида.[5]

Он написал работу, в которой отразились мысли о правительстве, справедливости, религии, происхождении и легитимности принцев: политика для коррегидоров и вице-королей вассалов короля, в мирное и военное время и для прелатов в духовном и мирском между мирянами, комиссии судьи, олдермены, юристы и другие государственные должностные лица, а также их юрисдикции, преимущества, резиденции и зарплаты, а также их ордена и кабальеро (1597 г.), известные как «La Política» и широко распространенные в Испании Филиппа II.

В трудах испанских теологов и юристов XVI века, сохраняется тот культурный уровень университетского образования, как теологического, так и светского, заложенный Сиснеросом в университете Алькала, испанским королем Карлосом I, в том числе учредившем Гранадский университет в 1532 г. и учебные заведения в испанских землях за океаном [1, с. 318].

Таким образом культурная парадигма в Испании XVI в. отражала требования времени и отвечала тем общим тенденциям европейского развития гуманитарных наук, наряду с позициями христианской веры и монархической власти Карлоса I и Филиппа II, династии испанских Габсбургов.

Список литературы

1. Долгополова Т. А., Долгополова Н. М. Идея Всемирной монархии Карла V: политическая и правовая унификация в Европе XVI в. // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.- практ. конф. Пенза, 2018. С. 315–319.
2. Боренгэссер Норберт М. Франсиско де Витория // *Bibliographisches Kirchenlexikon (BVKL)*. Т. 12. Баутц, Германия : Изд-во Херцберг, 1997. С. 1525–1530.
3. Бенхамин Гонсалес Алонсо. О государстве и управлении Коронай Кастилии при старом режиме: общины Кастилии и другие исследования. Мадрид : Изд. XXI с., 1981. С. 85–136.
4. Бенхамин Гонсалес Алонсо. Монархия, города, коррегидорес (Кастилья, 1480–1523) в От союза корон к Империи Карлоса V. Международный конгресс, Барселона, февраль 2000 г. Себрия : Университет Себрии, Испания, 2001. Т. 1. С. 281–298.
5. Де лас Эрас Сантос, Хосе Луис. Уголовное правосудие Габсбургов в короне Кастилии. Саламанка : Университет Саламанки, 1991. С. 79–81.
6. Вакеро дель Кармен Серрано Мария. Хуан де Арсе де Оталора: Вклад в его биографию и его родственников. Лемир, 2014. Т. 18. С. 9–88.
7. Мадригал Хосе Луис. Об именах и местах: корпус адвоката Арсе де Оталора. Лемир, 2014. Т. 18. С. 89–118. URL: http://pamaseo.uv.es/Lemir/Revistaelectronica/Revista18/02_Madrigal_Jose_Luis_Lemir18.pdf
8. Мартин де Вильодрес Мария Изабель Лорка. «Арсе де Оталора, Хуан» в Королевской исторической академии // *Испанский биографический словарь*. Барселона, Испания, 2011. Т. 1. С. 41–43.
9. Кортес Нарцисо Алонсо, Братья Санга-Мария-де-Эсгуева. *Miscelánea Vallisoletana* (6-я серия). Вальядолид : Изд. Либрерия, Сантарен, Испания, 1946. С. 58, н. 15.
10. Мадригал Хосе Луис Хосе Луис. Заметки об авторстве Лазарильо. Лемир, 2008. Т. 12. С. 137–236. URL: http://pamaseo.uv.es/Lemir/Revista/Revista12/08_Madrigal_Jose_Luis.pdf

Сведения об авторе:

Долгополова Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия.

О. О. Есафьева

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ
А. ПЛАТОНОВА**

O. O. Esafieva

Penza State University, Penza, Russia

**LEGAL DISCOURSE AND EPISTOLARY TEXTS
BY A. PLATONOV**

Аннотация. Предпринята попытка исследовать особенности индивидуального авторского стиля А. Платонова на материале эпистолярных текстов. В центре внимания – эпистолярные тексты, относящиеся к периоду ареста и пребывания в местах заключения сына писателя – Платона Платонова. Именно эти тексты, несущие глубоко личностный смысл, отражают прикладной юридический дискурс, являя собой образцы правовой речи непрофессионалов на связанную с правом тематику.

Ключевые слова: юридический дискурс, А. Платонов, эпистолярный текст, стиль

Abstract. The paper attempts to explore the features of the individual author's style of A. Platonov on the material of epistolary texts. The focus is on epistolary texts relating to the period of arrest and stay in places of detention of the writer's son, Platon Platonov. It is these texts, which carry a deeply personal meaning, reflect the applied legal discourse, being examples of the legal speech of non-professionals on topics related to law.

Keywords: legal discourse, A. Platonov, epistolary text, style

Одной из характерных особенностей современности можно считать актуальность юридического дискурса, ориентированного на все слои общества. Среди причин этого и активная предпринимательская деятельность, и необходимость решать вопросы, связанные с частной собственностью граждан, и расширение практики защиты интересов граждан в судах различных инстанций. Например, Председатель ВС РФ Вячеслав Лебедев, подводя итоги работы судов за 2021 год, сообщил, что только мировыми судьями за год рассмотрено более 30 млн. дел [Председатель ВС РФ 2022].

Однако почти девяносто лет назад в истории нашего государства уже был период, связанный с подобным феноменом, правда, при других обстоятельствах. Сталинские репрессии – эпоха, публичных судебных процессов, бесконечных арестов и протоколов, писем-осуждения и писем-поддержки, ходатайств и прошений. В юридический дискурс той эпохи часто помимо своего желания были погружены миллионы граждан большой страны. Не стал исключением и писатель Андрей Платонов. В 1938 году органы НКВД арестовали его единственного сына – Платона Андреевича Платонова. Юноше на тот момент было пятнадцать лет. Арест пришелся на время борьбы с контрреволюционными молодежными организациями (официально чистка в комсомоле началась после 21 июля 1937 года).

Первым шагом Платонова на пути к облегчению участи сына становится подробное изучение Уголовного кодекса. В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926-м году, лица с нездоровой психикой выделены в особую категорию. Пункт 11 общих начал уголовной политики РСФСР гласил: «меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемые в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии... временного расстройства душевной деятельности или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчет о своих действиях или руководить ими». Следующий пункт (12) тех же общих начал определял возрастные рамки лиц, подвергаемых наказанию и, по мнению Платонова, должен был автоматически освободить подростка как несовершеннолетнего.

Письма А. Платонова того периода обращены к наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову, заместителю наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновскому, прокурору Союза ССР М. И. Панкратьеву, председателю Верховного Суда СССР И. Т. Голякову, а также в НКВД, в Глав-

ное управление лагерей НКВД, в Главное тюремное управление НКВД. В черновиках сохранились два текста писем на имя И. В. Сталина.

В структуре юридического дискурса эти эпистолярные тексты А. Платонова могут быть отнесены к социально-коммуникативному взаимодействию в сфере права как проявление прикладного письменного юридического дискурса. С учетом лингвистических, юридических и логических критериев в юридическом дискурсе выделяют такие элементы, как прикладной письменный юридический дискурс и прикладной устный юридический дискурс. Прикладной юридический дискурс включает в себя профессиональную и обыденную правовую речь. Обыденная правовая речь включает речь непрофессионалов на правовую или связанную с правом тематику. Как и в профессиональной правовой речи когнитивную информацию в первую очередь несут юридические термины. По образованию А. Платонов был инженером-мелиоратором, никакого отношения не имел к юриспруденции, но в упомянутых эпистолярных текстах юридические термины им активно используются. Будучи любящим отцом, Платонов берет дело поисков справедливости в отношении сына в свои руки. Надеясь на талант писателя, пытается в письмах совместить официально-деловой стиль, естественный для переписки с органами правосудия, с элементами публицистического стиля в надежде воздействовать необходимым образом на адресатов.

Воспринимать художественные тексты А. Платонова нелегко, особенно неподготовленному читателю: писатель нарушает норму на всех языковых уровнях. По мнению многих критиков, стилю А. Платонова свойственно косноязычие. Однако, если присмотреться к необычному языку писателя, становится очевидна справедливость утверждения, что его произведения расширяют рамки языка и сознания. Ранее уже были опубликованы две статьи, в которых представлены результаты анализа эпистолярных текстов А. Платонова на предмет сохранения в них узнаваемых черт индивидуального авторского стиля писателя. Письма, обращенные к Н. И. Ежову, М. И. Панкратьеву и М. П. Фриновскому, отличаются сдержанностью в эмоциональном плане, в них усматривается стремление адресанта выражаться предельно точно и ясно. Применительно к ним нельзя говорить о необычности языка: языковые нормы соблюдаются. Это отличает тексты даже от писем А. Платонова И. В. Сталину (1931, 1932). Рассматриваемые в данной статье тексты скорее опровергают известное мнение Н. Корниенко о том, что письма Платонова являются образцами «его эпистолярной прозы, обладающей все тем же неповторимым стилем, по которому мы узнаем автора «Чевенгура» и «Фро», «Котлована» и «Афродиты» [Платонов 2013 : 8].

Для примера обратимся к тексту письма, которое было написано Платоновым 20 июля 1938 года народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову [Платонов 2013 : 428].

На официально-деловой характер текста указывает его сжатость, экономное использование языковых средств, композиция текста, использование юридической терминологии и оборотов правовой речи, принятых в то время (обыск, ордер, арест, «на поруки», «условия освобождения», «основные законы и принципы советской власти, обеспечивающие интересы и благосостояние детей», «с делом», «органами НКВД», «сидит в Бутырской тюрьме», «снисхождение»), присутствие канцеляризмов, включение в текст сложносокращенных слов, аббревиатур, повествовательный характер изложения информации, прямой порядок слов в предложении, тенденция к употреблению сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными, среди которых часты придаточные предложения цели, причины и следствия (последние два типа связаны с необходимостью строго логического подчинения фактов). Усматривается слабая индивидуализация стиля, детализация и конкретизация информации (например, «4-го мая 1938 г., в связи с арестом...», «произведен обыск (ордер № 2915 от 4 мая 1938)», «просил несколько раз (подавал заявления)», «была три раза произведена операция – трепанация черепа (в связи с гнойным заболеванием среднего уха)» и т.п.

В то же время обращает на себя внимание наличие эмоционально-экспрессивных речевых средств («совершенно неизвестной», «очень прошу», «под любые гарантии», «Глубоко уважающий Вас»). Заглавную букву в личном местоимении «Вас» в отношении адресата Платонов использует три раза из трех. Необходимо отметить, что в письмах И. В. Сталину (всего А. Платоновым их было написано и отправлено два: первое письмо от 8 июня 1931 года, второе письмо от сентября-октября 1932 года по поводу постановки пьесы «Большое напряжение») видим демонстративное употребление различных форм местоимения второго лица «вы» с маленькой буквы в обход общепринятой нормы обращения к «вождю народов». Например: 1-е письмо – «Я прошу у вас» (11 слов – 100 % с маленькой буквы). Во 2-ом письме А. Платонов приходит к необходимости ставить заглавную букву: «Я прошу Вас...», но из 16 слов – только 3 с большой буквы (18,8 %). Результат говорит, на наш взгляд, в пользу того, что в тексте письма Ежову адресант, понимая важность форм выражения мысли, ответственно подходит к каждому слову, потому что считает обстоятельства более серьезными, свою литературную судьбу менее значимой в сравнении с судьбой сына. Это проявляется даже в формулах этикета: 1-е письмо Платонова – «Товарищ С т а л и н.»// «Глубоко уважающий вас – АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ», 2-е письмо – «ТОВАРИЩ СТАЛИН.»// –. В письме Н.И. Ежову: «Народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову» // «Глубоко уважающий Вас А. Платонов».

Прикладной юридический дискурс определяет порядок и формы обращения к представителям органов внутренних дел и правосудия. Для А. Платонова именно они, решающие судьбу родного человека, становятся наиболее значимыми персонами. Вот и в письме М. П. Фриновскому находим: «Заместителю народного комиссара внутренних дел тов. Фриновскому»// «Уважающий Вас А. Платонов». Местоимение «вы» в различных формах употребляется 4 раза, каждый раз с большой буквы. То же можно сказать о письмах М. И. Панкратьеву и И. Т. Голякову.

Рассматриваемые эпистолярные тексты, более поздние по времени написания, обретают черты речи в защиту обвиняемого (осужденного), в них Платонов излагает обстоятельства дела (иногда цитирует), анализирует и интерпретирует их. По его выражению, к этому времени была «возможность ознакомиться с характером и существом дела».

Обратимся к письму, адресованному председателю Верховного Суда СССР И. Т. Голякову и датированному октябрем 1939 года [Платонов 2013 : 472]. В нем А. Платонов прикладной юридически дискурс насыщается актуальными политическими смыслами. Например: «Видимо, была кому-то какая-то выгода, чтобы развращать, провоцировать и губить советских подростков», «дело, беря его по существу и по всей его глубине, проведено... с нарушением основных принципов советского государства».

Стилистическая принадлежность текста определяется коммуникативной ситуацией. Текст, конечно, не был рассчитан на широкий круг читателей, но цель текста – добиться от адресата отклика в форме конкретных действий («прошу Вас приговор... опротестовать», «освободить») – заставила Платонова использовать приемы красноречия, что приближает данный эпистолярный текст к публицистическому стилю. Средства выразительности легко находим в тексте письма. Среди них эпитеты: «следственный материал... порочен», «отрицательные фигуры», «рыцарское отношение», «жестокому отчаянию» и т.д. Метафоры: «твердое убеждение», «отдаленно знавшие», «морально разложился», «разжигали... самолюбие» и другие. Появляется инверсия: «К подростку... устанавливаются отношения, как к совершенно взрослому, зрелому человеку», «к следователю вызывались юноши» и т.д. Экспрессивная лексика: «выгородить», «очернить», «оболгать», «мерзавцы», «глупое», «томится по тюрьмам» и т.п. Риторические вопросы используются, но не сопровождаются вопросительными знаками: «Что это значит: он морально разложился», «Но зачем жертву квалифицировать как преступника», «К чему в невменяемость... вкладывать понятие преступления». Однако, для нас важно, что и в этом эпистолярном тексте (как и в упомянутых выше текстах) отсутствуют черты индивидуального авторского стиля А. Платонова, хотя нужно признать: тексты отличаются четко выраженной авторской позицией, что противостоит для текстов официально-делового стиля. Измученный долгим периодом неизвестности и чувством безысходности ожидания, Платонов приходит к необходимости выражаться более откровенно. К возросшей эмоциональности прибавляется категоричность суждений: «ведь это же абсурд. Нелепо даже записывать такие ответы пятнадцатилетнего подростка..., находящегося под стражей», «кто не понимает человека в этом возрасте физиологически, тот не поймет его и юридически», «мы имеем дело с форменной и отчетливой провокацией», «Полтора года... срок более чем достаточный».

Подводя итог, подчеркнем, что рассмотренные эпистолярные тексты А. Платонова – свидетельства трагической эпохи в истории нашей страны. Именно они, содержащие глубоко личностный смысл, отражают прикладной юридический дискурс, являя собой образцы правовой речи непрофессионала на связанную с правом тематику.

Список литературы

1. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2007. 160 с.
2. Павлова З. Председатель ВС РФ подвел итоги работы судов за 2021 год. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predsdatel-vs-rf-podvel-itogi-raboty-sudov-za-2021-god/> (дата обращения: 10.02.2022).
3. Платонов Андрей «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко [и др.]. М. : Астрель, 2013. 688 с. (Наследие Андрея Платонова).

Сведения об авторе:

Есафьева Ольга Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

А. И. Костяев

Московский губернский колледж искусств, г. Химки, Россия

ЗНАК КОМПЕТЕНЦИИ И ЗНАКОВОЕ ОТНОШЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОЦИОКОДЕ ВЛАСТИ

A. I. Kostyaev

Moscow Provincial College of Arts, Khimki, Russia

THE SIGN OF COMPETENCE AND THE SIGN RELATION OF COMPETENCE IN THE SOCIOCODE OF POWER

Аннотация. Дается семиотический анализ понятий «компетенция» и «компетентность» и их роли в оценке управленческих решений. Их обоснованность зависит от компетентности субъекта, но ей не исчерпывается. Знак должен соответствовать семиотической системе, особенно в части подготовки субъектов управления.

Ключевые слова: знак, компетенции, компетентность, компетентное лицо, смысл

Abstract. The article provides a semiotic analysis of the concepts of competency and competence and their role in the evaluation of managerial decisions. Their validity depends on the competence of a subject, but it is not limited to it. The sign must correspond to the semi-otic system, especially in terms of training managerial subjects.

Keywords: sign, competencies, competence, competent person, meaning

Сложившиеся в XX веке представления о компетентности частично осознаны, частично интуитивны. Компетенция – качество управленческого решения, принимаемого субъектом. В дискурсе власти – это правовое или политическое решение. Непосредственное столкновение с проблемой компетентности обнаруживает его основу – личностное, индивидуальное начало. Знак безличности не может взаимодействовать со знаком компетенции. В коллективном управлении компетенции изначально обобщены, но ведь каждый субъект, участвующий в принятии решений, утверждает себя как индивидуальность. Разновидности компетенции могут быть выделены по критерию историческому или генетическому. Например, компетенции в советский период, компетенции в постсоветский период. Существует и другая позиция. Тогда под видом компетенции понимается лишь один из типов управленческого решения. Более целесообразным и в теоретическом и в практическом отношении представляется выделение инварианта во всех или в большинстве случаев оперирования понятием компетенции. Следует учитывать, что компетенции и компетентность – разные семиотические явления. Первое является самостоятельным знаком, а второе характеризует отношение между несколькими знаками.

Компетентное лицо – есть семиотический двойник чиновника. В широком смысле это параллельная знаковая фигура в другом историческом периоде, причем связи между ними нет, но есть определенный поведенческий повтор, виртуальные связи. В советский период двойником знака «компетенции» было классовое чутье. В период либеральных реформ к компетенциям добавлялась небольшая оппозиционность в прошлом. Наличие параллельного знака компетентности объясняется рядом причин. Среди них: большой объем власти у чиновников, объективно близкие ситуации стабильности – кризиса. В мобилизационном обществе существуют сходные типы поведения, синхронизация разных точек пространства – времени. Компетентные лица, пытаются повлиять на события, особенно заметно это в переломные моменты истории, когда возникает проблема легитимности нового пути. Задача компетентного лица в современных условиях подвергнуть любую ценность (фигуру, текст, сообщение) предварительному процессу нейтрализации. После этого старые – новые ценности включаются в аксиологическую систему. Компетентному лицу позволено выборочно иметь критическое мнение. Санкционная экономика нейтрализует социальные отношения, уравнивает разные социальные группы. Важным элементом нейтрализации является мобилизация. Реально возникающий поток отрицательных сообщений нейтрализуется тем, что причину нужно искать в ситуации до 2000 года или в ситуации до 2022 года.

Семиотику компетентности можно представить как два вида управленческого взаимодействия. Первое. S1 - O - S2. Несколько субъектов управления проявляют свою компетентность в отношении объекта. Второе. S - O. Главный субъект управления выражает свою компетентность через отношение к объекту. В любом случае компетентность представляет собой субъект-объектные отношения. Выработка компетентности есть новое измерение этого знака в педагогической сфере. Обоснования знака компетенции в этой сфере пока не достигнуто в силу разных трактовок и критических оценок.

И. Х. Дворецкий приводит понятие «competentia» как одно из 200 000 других. Онтакже перечисляет смыслы понятия: согласование частей, связь, сочетание небесных светил [Дворецкий 2002, 167]. Компетентность не всегда включается в корпус понятий политической семиотики, поэтому ее знаковый статус еще предстоит определить. [Шейгал 2000, 5–8].

Компетенция – общая способность человека, основанная на знаниях, опыте деятельности в определенной области, ценностях, склонностях, которыми он овладел в процессе образования; круг полномочий какого-либо органа или должностного лица [Анисимов 2001, 209].

Вопросов к такому определению больше, чем ответов, содержащихся в нем. Склонностями невозможно овладеть, их можно только развивать. Общие способности относятся к сфере применения знаний или характеризуют субъект педагогического процесса? Опыт деятельности обучаемых скорее сокращается, чем увеличивается.

В советском дискурсе выражение «не в нашей компетенции» означало официальный отказ по формальным причинам. Компетентными органами считались КГБ и КПК. В педагогической науке постсоветского периода понятие «компетенция» встречается, но не имеет статус главного.

Введение нового понятия «компетенция» в педагогическую науку есть сложный и ответственный процесс. Такое понятие должно взаимодействовать с другими понятиями. Бюрократизация педагогической науки приводит к формализации самого процесса образования понятий. Неудачно сконструированный термин внедряется директивно и в сжатые сроки. Как правило, подобные понятия не имеют четких границ. В их содержание произвольно включают набор случайных признаков. Педагогам – практикам остается подчиняться бюрократическому напору и «осваивать» абстрактную конструкцию. При этом, отрыв директивного руководства образованием от реального педагогического процесса еще более увеличивается. По нашему мнению, новое понятие в педагогическую науку надо вводить постепенно, осторожно и, тем более, не объявлять главным.

Но рассматриваемое понятие претендует на роль одного из главных в педагогической науке и практике. Теперь преподаватели обязаны «предусмотренные стандартами» компетенции конкретизировать по каждой теме занятия, по каждому вопросу и заданию. Ценности есть высшие смыслы. Сформировать их за 4–5 лет обучения невозможно, даже свести их к утвержденному набору традиционных духовных ценностей. Проверить систему ценностей спустя продолжительное время после окончания учебного заведения нереально. Расхождение задач и реальности в определении «компетенция» очевидно. Одновременно, из новых стандартов убираются предметы, способствующие развитию навыков смыслообразования у обучаемых. Знания, в современной системе обучения, появляются быстрее, чем их осмысления. Однако, реальная проблема поменяется надуманной установкой на внедрение компетенция.

Присутствие понятия «компетенция» в официальных текстах не предполагает гарантию какого-либо смысла. Понятие разбирается по определенным правилам. Для этого используется техника работы с бинарной оппозицией «компетенция – ее отсутствие», разбор этой оппозиции. Компетенция нужна, но только в качестве дополнительного термина. Абсолютизация любого понятия и абсолютизация смыслов взаимосвязаны. При этом процесс разрушения или ограничения смысловые цепочки охватывает другие понятия, например, «качество образования». Обсуждение мер по директивному внедрению компетенций сводится к ритуальным педсоветам, совещания и заседания. Критическое отношение к мало понятным компетенциям переносится в коридоры, в интернет-общение в сетях.

И. Шумейко пишет: «Недавно, по исторический меркам-вчера, с министерских верхов свалился новый термин, детище бюрократов от образования: «компетенция». Можно ворчать: раньше Королевы, Ландау, Алферовых готовили без «компетенции». А лучше просто зачитать: «Компетенция – это способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траектории самообразования на основе образования в течение всей жизни». Шумейко дает оценку этому определению: «Сферически-гладкий идеал правильной бессмыслицы, но теперь, формально говоря, вся наша «индустрия образования» будет работать на него, на дальнейший рост «компетентности» [Шумейко 2021, 3].

Доктор философских наук, профессор В. А. Бажанов вторит ему: «Компетенции никогда никем не используются в учебном процессе».

Уже появилась карикатура А. Меринова на эту тему. Учитель показывает указкой на лозунг, написанный на доске: «Компетентность – наше все!» [Шумейко 2021, 3].

Можно заучить понятие «компетенция», но трудно его понять. Цель, заложенная в директивном внедрении понятия «компетентности», не соответствует общей направленности педагогического процесса. По существу – понятие «компетенция» заменяет здравый смысл. Высший смысл образования не сводится к понятию «компетенция» и существует помимо желания чиновников. Неспособность, неумение работать, используя смысл, отображает кадровый дефицит в системе управления образованием. Можно подумать, что без понятия «компетенция» система российского образования вообще не развивалась. Наивная вера в директивное руководство способна обесмыслить любое понятие.

Представители власти рекламировали «компетенции» в цифровой упаковке. С уходом из России крупных IT-корпораций, учебным заведениям будет трудно проводить экзамен на компьютере, проективные (форма) работы с объемной визуализацией. В определенных системах не исключены сбои, зависания, вирусные атаки. Могут не открываться графические редакторы, дополнительные функции. Возникнут, возможно, проблемы с новыми версиями программного обновления. Программы из Китая придется адаптировать. Для отчетов по реализации компетенции потребуются тонны офисной бумаги, достаточное количество множительной техники и запчасти к ней.

В заключении следует отметить, что определение компетенции в управлении (педагогике) по-видимому образует отдельную область исследования. Несомненным, однако, является то, что компетентность не принадлежит категории, позволяющей разграничить управленческие решения. Знак компетенции не может быть однозначно положительным, даже когда это требуется носителями социокода. Знаки-слова и знаки-события так же никогда не бывают однозначно положительными. Достаточно обратиться к оппозиции знака-тела «мозолистые руки обслуживающего персонала и умелые руки чиновника за компьютером»; у них – разные компетенции. Сложность семиотического анализа власти заключается в характеристике компетентных лиц, трактовки их компетенций. Существует большой набор ситуаций, где пересекаются управленческие решения. Знак компетенции может закрепиться в семиотической системе если будет мотивирован. На уровне педагогического управления он должен иметь методическое обеспечение и пройти экспериментальную проверку. Более того, этот знак, являясь релятивистским, допускает определенные корректировки. Пока реагирование происходит на форму знака компетенции, а не на его внутреннее содержание.

Список литературы

1. Анисимов П. Ф., Сосонко В. Е. Управление качеством среднего профессионального образования. Казань : ИСПО РАИ, 2001. 256 с.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 2002. 846 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
4. Шумейко И. Бюрократия и отчетность – главные враги просвещения // Московский комсомолец. 2021. № 185. С. 3.

Сведения об авторе:

Костяев Александр Иванович, кандидат философских наук, преподаватель Московского губернского колледжа искусств, г. Химки, Россия.

А. В. Лапаева

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия

ИДЕЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ВОЗЗРЕНИЯХ В. М. ГЕССЕНА

A. V. Lapayeva

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia

THE IDEA OF HUMAN RIGHTS IN THE VIEWS OF V. M. HESSEN

Аннотация. Проведено исследование концепции прав человека в воззрениях Владимира Матвеевича Гессена. Обосновано, что ключевой вехой государственно-правовых преобразований России начала XX столетия явилось закрепление за российскими подданными гражданских прав и свобод. Установлено, что В. М. Гессен разработал теорию прав и свобод личности в контексте взаимосвязи правового государства с проблемами этики и морали. Исследован каталог прав человека в концепции ученого. Рассматривается идея дифференциации субъективных прав на частные и публичные, а также их гарантий.

Ключевые слова: правовое государство, свобода, права человека, гарантии прав человека

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of human rights in the views of Vladimir Matveevich Hessen. It is proved that the key milestone of the state-legal transformations of Russia at the beginning of the XX century was the consolidation of civil rights and freedoms for Russian subjects. It is established that V.M. Hessen developed a theory of individual rights and freedoms in the context of the relationship of the rule of law with the problems of ethics and morality. The original catalogue of human rights developed by V.M. Gessen is presented. The idea of differentiation of subjective rights into private and public, as well as their guarantees, is considered.

Keywords: rule of law, freedom, human rights, guarantees of human rights

Владимир Матвеевич Гессен (1868–1920 гг.) – выдающийся российский юрист-государствовед, общественный деятель и публицист, внесший существенный вклад в разработку идеи естественного права и правового государства. В. М. Гессен пытался воплотить модель конституционного переустройства страны в политико-правовой реальности, являясь членом Партии народной свободы и депутатом Государственной думы второго созыва.

Понимая конституционное и правовое государство в качестве идентичных категорий, правовым ученый считал такое государство, которое «ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним» [Гессен : 11]. К ключевым признакам такого государства В.М. Гессен относил народный суверенитет, представительное правление, обособление властей, верховенство закона, закрепление прав человека и их гарантий [Окатова]. Относясь к представителям школы «возрождения естественного права», ученый так же, как П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, И. А. Покровский, критически оценивал позитивное право, связывая правовое просвещение с проблемами этики и морали [Лапаева : 418]. Гессен считал, что данное философское направление позволяло «изображать право не так, как оно есть, а как оно должно быть» [Гессен : 11].

По мнению государствоведа, права человека являлись ценностями, стоящими над национальным правом, они приобретали значение вечных этических норм [Медушевский : 264]. В современной теории права данная трактовка юснатурализма получила название деонтологической (этической, нравственной, лишенной материального субстрата, в отличие от предшествующих теорий естественного права, связывающих его нормы с законами природы, божественной воли).

С точки зрения В.М. Гессена, конституционным являлось такое государство, в котором народ или народное представительство принимало решающее участие в законодательной и учредительной власти [Гессен : 138]. Именно наличие представительных учреждений отличало конституционное государство от предшествовавших форм абсолютизма, в том числе от сословной монархии. Народное представительство с его точки зрения являлось представительством всего народа, а не его отдельных частей (сословий, классов).

По мнению Гессена, в правовом государстве индивид становился субъектом права, являясь гражданином – носителем субъективных прав и обязанностей [Гессен : 23]. Ученый считал, что рациональная политическая система должна была строиться исходя из необходимости создания сильного конституционного государства, в котором вся власть принадлежала парламенту и ответственному перед ним правительству [Гессен : 139].

Указывая на подзаконность правительственной власти по отношению к законодательной, В.М. Гессен уделял особое значение правоотношениям государства и личности. Государствовед считал, что если в абсолютистском государстве индивид выступал в качестве объекта власти, подданного, который был полностью лишен каких-либо прав по отношению к безграничной власти монарха, то в правовом государстве он становился субъектом права, гражданином, обладателем субъективных публичных прав и обязанностей [Гессен : 23]. Под субъективным публичным правом В.М. Гессен понимал «право, которому соответствует обязанность государственной власти» [Гессен : 10].

В концепции В.М. Гессена субъективные публичные права подразделялись на определенные категории. Во-первых, права свободы (или негативные права). Ученый считал, что закрепляя данные права, государственная власть признавала за гражданином определенную сферу свободы, в пределы которой не имела право вторгаться. По мнению правоведа, обретение данного фундаментального права являлось основой всех «деклараций прав» – каталога основных общегражданских свобод. К правам свободы Гессен относил свободу вероисповедания, совести, печати, союзов и собраний. Ко второй категории относились положительные публичные права индивида (права позитивного статуса), к которым ученый относил права индивида на положительные действия в его интересах, например, право на судебную защиту, право на социальную защиту, право на образование. Третья категория – политические права (активный статус), то есть права на участие в управлении государством. Наиболее важным политическим правом, по мнению Гессена, являлось активное и пассивное избирательное право. К иным политическим правам В.М. Гессен относил наследственное право быть членом верхней палаты депутатов, право быть присяжным заседателем [Гессен : 57]. Представленные права человека могли быть ограничены исключительно в судебном порядке. Государствовед писал, что «только в правовом государстве права находят свое основание в законе, равно обязательном и для подвластных, и для власти» [Гессен : 26].

К основным правам, по мнению государствоведа, относились права гражданские (личные) и политические. Грани, разделявшие гражданские и политические права личности, представлялись ученому достаточно условными и искусственными. Это связывалось с двойственным характером юридической природы гражданских прав. Поскольку они осуществлялись в частных интересах, превращая отдельного индивида из объекта воздействия государства в гражданина – субъекта прав и обязанностей, они считались гражданскими правами. Между тем они создавали возможность участия лица в политической жизни, что сближало их с правами политическими [Гессен : 24].

Среди правовых гарантий обеспечения субъективных прав личности Гессен называл обособление властей, административную юстицию, уголовную и политическую ответственность министров и иных должностных лиц [Гессен : 12]. Одним из эффективных средств защиты субъективных прав, «архимедовым рычагом правового государства» В.М. Гессен считал административную юстицию – обособленную организацию судебной власти, призванную к защите субъективных публичных прав путем отмены незаконных распоряжений административной власти [Гессен : 140].

Государствовед доказывал необходимость создания для функционирования особой формы суда – административной юстиции самостоятельного судебного органа. Гессен утверждал, что рассмотрение конфликтов между индивидом и властью с позиции административного права, требует от судей наличия особых, административных знаний, и потому не могло быть приурочено к рассмотрению в рамках гражданского процесса. В данном случае В.М. Гессен воспринял опыт французской судебной системы, где существовали два различных судебных органа для разрешения частноправовых и административно-правовых споров [Гессен : 46]. К важнейшим принципам организации административных судов государствовед относил независимость административного судьи от администрации, несменяемость судей, состязательность, устность, гласность судопроизводства [Гессен : 141].

Подводя итог сказанному, отметим, В.М. Гессен относился к ярчайшим представителям российских конституционалистов начала XX столетия, отстаивавшим идеи школы возрожденного естественного права и правового государства. Ученый разработал оригинальный каталог прав человека и гражданина, включавший права свободы (свобода вероисповедания, совести, печати, союзов и собраний); положительные публичные права (право на судебную защиту); политические права (избирательное право). Эффективным средством защиты субъективных прав, их правовыми гарантиями, по мнению Гессена, считались обособление властей, административная юстиция, уголовная и политическая ответственность министров и иных должностных лиц.

Список литературы

1. Гессен В. М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. СПб., 1906. 62 с.
2. Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917. 439 с.
3. Гессен В. М. На рубеже. СПб, 1906. 350 с.
4. Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб, 1905. 67 с.
5. Лапаева А. В. Идея естественного права в трудах российских конституционалистов конца XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2013. № 5. С. 30–33.
6. Лапаева А. В. Идея социальных прав человека в трактовке представителей школы возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4, № 16. С. 417–425.
7. Медушевский А. Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. М., 2010. 486 с.
8. Окатова А.С. Учение В. М. Гессена о государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. 24 с.
9. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., 2011. 278 с.

Сведения об авторе:

Лапаева Ангелина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

Н. А. Николина¹, З. Ю. Петрова²

¹Московский педагогический
государственный университет, г. Москва, Россия

²Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук,
г. Москва, Россия

ЗАКОН В ЗЕРКАЛЕ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

N. A. Nikolina¹, Z. Yu. Petrova²

¹Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

²Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

LAW IN THE MIRROR OF COMPARATIVE TROPES IN THE RUSSIAN LITERATURE

Аннотация. Рассматриваются компаративные тропы (метафоры и сравнения), характеризующие термин «закон» в русской художественной речи. При анализе используется корпусный метод. Выделяются основные семантические классы образов сравнения этих тропов, самым объемным из которых является класс «Человек». Выявляются основные функции закона в метафорической картине мира русской литературы XVIII–XXI вв.

Ключевые слова: метафора, сравнение, закон, русская литература, персонификация, юридическая терминология

Abstract. The article deals with comparative tropes (metaphors and similes) that characterize the term *law* in the Russian literature. The analysis uses the corpus-based method. The main semantic classes of images of comparison of these tropes are distinguished, the most voluminous of which is the class «Human». The main functions of the law in the metaphorical world image of the 18th–21st centuries Russian literature are revealed.

Keywords: metaphor, simile, law, Russian literature, personification, legal terminology

Функционирование юридической терминологии, используемой за пределами правового дискурса, изучено недостаточно. Отмечалось использование юридических терминов в разговорной речи и появление у них новых значений [Громова, 2019], рассматривалось переносное употребление отдельных терминов в разных сферах литературного языка [Сичинава, 2012]. Семантические преобразования юридической терминологии отмечались на материале английского языка [Тихонова, 2018]. Мало исследованным остается функционирование юридических терминов в художественной речи, прежде всего образные характеристики, которые их сопровождают, а также их роль в качестве образов сравнения тропов.

Цель нашей работы – рассмотрение употребления слова *закон* в компаративных тропях (метафорах и сравнениях) языка русской художественной литературы. Материалом для анализа служат контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]¹.

Слово *закон* – термин, играющий важную роль в правовом дискурсе и характеризующийся полисемией, при этом его употребление часто выходит за пределы собственно терминологии. Так, в Большом академическом словаре [2006] отмечаются следующие основные значения этой лексической единицы: «1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой»; 2. *Обычно мн.* Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным; обычай; 3. Объективно существующая необходимая связь между явлениями <...>; 4. *Обычно мн.* Основное положение в каком-л. виде

© Николина Н. А., Петрова З. Ю., 2023

¹ В приведенных примерах из прозаических текстов указываются названия произведений и год; в примерах из поэтических текстов – только год создания произведения.

деятельности, творчества и т.п., обусловленное его сущностью». Только первое из приведенных значений непосредственно относится к юридической терминологии, что учитывается нами при анализе языкового материала.

Слово *закон* получает образную характеристику уже в русском фольклоре. См., например пословицы «Закон дышло: куда хочешь, туда и воротись (туда и вышло)», «Закон паутина: шмель проскочит; муха увязнет» [Даль 1989: 589].

В русской художественной речи слово *закон* начиная с XVIII в. регулярно подвергается метафоризации, входит в состав компаративных тропов. См., например: «Закон лежит *повержен, мертв*, Корысть алкает новых жертв, И новой крови жаждет слава! (И. Крылов, 1790–1800), «Вельможа ли?... *цветут* законы, К престолу не доходят стоны» (Н. Николев, 1796).

Эта же тенденция сохраняется и в более поздний период развития русской литературы: «Глагол небес – *молчат* законы, Нередко слышен вопль и стоны» (Д. Хвостов 1804), «Закон должен быть уложен, словно *открытая ладонь, без перстаницы* (великий князь развернул свой кулак); всякий темный человек довидит, что на ней, и зернышко маково не укроется» (И. Лажечников. Басурман, 1838).

В русской художественной речи слово *закон* выступает преимущественно как предмет сравнения. Функционирование этого термина как образа сравнения представлено немногочисленными примерами: «Час настал, звонок раздался, И суровый, как *закон*, Перед обществом поднялся Председатель Паульсон» (Д. Минаев 1862), «Бросали доменные боги Десятки солнц В чугунные ковши И как республики *законы* Дома вставали из бетона На землю тени положив» (К. Некрасова, 1937–1955).

Закон как предмет сравнения характеризуется образами, относящимися к разным семантическим классам, самый обширный из которых – класс «Человек». Закон регулярно подвергается в художественных текстах персонификации, при этом используются единицы следующих основных семантических подклассов:

– «Жизненный цикл» (*мертвый, живой, умирать, воскреснуть*): «Народы и цари! ликуйте: *Воскрес* порядок и Закон» (Н. Карамзин 1814), «Законодатель мертв, но *жив* еще закон» (П. Катенин, 1822), «Закон *не умирал*, но был лишь в усыпленьи» (А. Пушкин, 1833);

– «Физические состояния, процессы, свойства» (*дремать, недремлющий, спать, проснуться; слепой, безглазый, глухой, дряхлый, бессильный, мощь*): «Давно закон в Варшаве *дремлет*» (К. Рылеев, 1825), «Буде же (чего боже сохрани) Михайле Степановичу это неуютно, то он с прискорбием должен будет сему делу дать гласность и просить защиты у *недремлющего* закона и у высочайших особ» (А. Герцен, Долг прежде всего, 1851), «О да, он мог по своему произволу вообразить человека, невинно преследуемого *слепым* законом» (К. Федин. Первые радости, 1943–1945), «Он близких к гибели и слабых на борьбу Звал за *бессильные* и *дряхлые* законы» (Амари 1912),

«Зрительное восприятие» (*взгляд, глядеть, пятит глаз*): «Страстей преступных мрак проникнувши глубоко, Закона зоркий *взгляд* над царствами блюдет, Как провидения не дремлющее око» (П. Вяземский 1818), «Так, безмятежный, *глядит* вечный закон на мятеж Шумных страстей» (В. Кюхельбекер 1820), «В глаза взглянуть городского, – Свисток в ушах, ведь пишется живое слово, А с этим ссорится закон И *пятит* свой суровый *глаз* в бока!» (В. Хлебников 1922),

«Речь» (*глас, говорить, заговорить, провозгласить, диктовать, спрашивать, молчать, безмолвствовать, неметь*): «Твори, что *глас* тебе законов возвещает» (И. Дмитриев 1803), «Закона *глас молчит!* под сень его злодей Спокойно кроется от дремлющих судей» (А. Шишков 1824), «Закон, На вольность опершись, *провозгласил* равенство, И мы воскликнули: Блаженство!» (А. Пушкин 1825), «Так, что закон-то при всей своей карающей власти, как бы подняв кверху меч <...>, и по сие еще время *спрашивает*: куда же мне, говорит, Варравин, ударить?!..» (А. Сухово-Кобылин. Дело, 1861), «Протест тайлся боязливо, И сам закон *немел* пред злом» (А. Иволгин 1868),

«Характер» (*грозный, беспощадный, безжалостный, жестокий, суровый, неумолимый, лютый, непреклонный, леность* и др.): «Закон *суров*, и казнь ужасна» (С. Надсон, 1880), «По людям пустозвон, а жизнь решений жаждет, Мышленье блудствует, *безжалостен* закон...» (К. Случевский, 1880), «Но *грозные* железные законы Раз установлены – и навсегда» (В. Перелешин 1947), «*Лют* закон, Но не он – так смерть народа» (Д. Андреев, 1952), «ведь кто бы снес бичи и глум времен, / презренье гордых, притеснение сильных, / любви напрасной боль, закона *леность* <...>» (В. Набоков 1930).

Как видим, закон наделяется преимущественно негативными характеристиками, доминируют такие признаки, как суровость и безжалостность, однако в художественной речи встречаются и единичные примеры, представляющие образную характеристику с другой оценочностью: «В кулачном праве выросли законы Прекрасные и *кроткие* в сравненьи С законом пороха и правом пулемета» (М. Волошин, 1922), «– Вы, Федулов, насчет сердоболія и сочувствия не давите, – оторвался Данков от бумаг, – все мы чувствительные. И закон *чувствителен*. Учитывает все» (В. Чванов. Прием в половине пятого, 1977).

Персонификация закона проявляется также в использовании субстантивных метафор, обозначающих лиц, например: *защитник*, *страж*, *надсмотрщик*, *мститель*, *угнетатель*, *господин*, *Его Величество*. Ср.: «Когда *защитник* нам закон И совесть сердца не тревожит, Тогда ни ссылка, – думал он, – Ни казнь позорить нас не может» (К. Рылеев, 1822), «свободы *страж* – закон» (В. Жуковский, 1839), «Дом мне был тюрьмой, Где двери на замке держал обычай, Приличие стояло на часах, И был закон *надсмотрщик* престарелый» (Н. Огарев, 1842), «Твой отец служит *господину*, которого имя – закон» (В. Короленко, 1885), «всегда лучше, если угнетатель – а закон всегда *угнетатель* – чужеземец» (И. Бродский. Демократия!, 1990), «– Мы будем действовать только в духе *Его Величества* Закона» (А. Проханов. Господин Гексоген, 2001). Большинство этих метафор развивают тему властных функций закона, которая находит выражение также в употреблении предикатов *царствовать*, *царить* и слова *власть*: «О Правосудие! Тобою Хранится только смертный род. <...> Где ты – там *царствуют* законы» (И. Пнин 1805), «Царит мучительный закон» (А. Тиняков, 1910), «следователь олицетворял собой самую гуманную и человечную *власть* закона и должен был соответствовать» (П. Проскурин. Число зверя, 1999).

Наряду с метафорами семантического класса «Человек» в русской художественной речи для образной характеристики закона используются, хотя и реже, образы сравнения класса «Животные», наиболее яркие из них встречаются в произведениях А. Пушкина: «В суде его дремал карающий закон, Как *дряхлый зверь* уже к ловитве неспособный», «В балованном народе Преобратились привычки уж в права И шмыгают кругом закона на свободе, Как мыши около *зевающего льва*».

Компаративные тропы этого класса носят индивидуально-авторский характер, обладают высокой степенью экспрессивности, немалую роль в создании которой играют распространители: «Как *пес прикормленный*, здесь вору друг – закон, Лишь не воруи один. Строжайше заведен Порядок у воров, и в том их самохвальство, Чтоб часть была тебе, а часть бы для начальства!» (А. Майков, 1855), «С треском ломается икона – И у наших ног бьется в тоске, Задыхается *рыба* ветхого закона, *Раздувая жабры* на золотом песке» (И. Юрков, 1927).

Еще одним объемным семантическим классом образов сравнения, характеризующих в компаративных конструкциях закон, является класс артефактов. Основной его подкласс – лексические единицы, обозначающие негативное воздействие закона на человека: закон сковывает (*ярмо*, *цепи*, *оковы*, *вериги*, *тиски*, *обруч*, *железная перчатка*), лишает свободы (*клетка*), разит (*меч*, *копье*). Например: «Я зрел: изгнанницей поруганную честь, Доступным торжищем – святыню правосудья, Служенье истине – коварства торжеством, Законы, правоты священные орудья, Щитом могучему и слабому *ярмом*» (П. Вяземский, 1820), «Да, людям, в чаяньи свободы, На долгом жизненном пути Успокоенья не найти *В целях* законов и природы» (К. Случевский, 1901), «И законы моей родины были бы такими, чтобы уберечь мою жизнь. А разве они оценили мою жизнь? Разве они охранили мою личность? Их законы — мои *тиски*, моя могила!..» (В. Брусянин. Опустошенные души, 1915), «Только в очи мы взглянули без остатка, Только голос наш до вопля вознесен – Как на горло нам – *железная перчатка* Опускается – по имени закон» (М. Цветаева 1917).

В то же время артефактные метафоры рисуют закон как *щит*: «Лишь там над царскою главою Народов не легло страданье, Где крепко с Вольностью святой Законов мощных сочетанье; Где всем простерт их твердый *щит*» (А. Пушкин, 1817), «Во всех уже странах давно цвели народы, Законов под *щитом*, под сению свободы» (А. Хомяков, 1821).

Компаративные тропы приписывают закону ряд свойств, присущих материалам и вещам. Прежде всего, это эпитеты *твердый*, *жесткий*, *железный*, *каменный*, *бетонный* и др., например: «Юноше красную розу дала чрез решетку невеста: Два запылали костра, плава *железный* закон» (Вяч. Иванов 1910–1911), «Рвусь к *железным* законам Распадаюсь о лезвия истин Ничего не останется когда долечу» (Б. Поплавский 1933–1934), «Столько слов она знала и знала, что сказать Коле, чтобы попасть точно туда, в самое незащищенное, она тоже могла ударить разрывающе больно, и все же чувствовала: по тому же *бетонному* закону, по которому отдана ему в пользование, – голова у нее нет» (М. Кучерская. Тетя Мотя, 2012).

Наряду с эпитетами используются субстантивные метафоры и сравнения (*сталь*, *камень*) и метафорические предикаты (*отвердеть* и др.): «Закон, как *сталь* солдат, для нас звучит жестоко: Ты чуешь в нем, что надо преклониться, Что беспощадно он за око вырвет око, Что он мечом скрепленная страница» (А. Лозина-Лозинский 1912), «Разбиты, разбиты все *камни* закона, Все зло беспросветных времен» (Н. Тихонов, 1913–1919), «Еще закон не *отвердел*, Страна шумит, как непогода» (С. Есенин 1924).

В метафорической картине мира русской литературы последовательно отражаются отношения между человеком и законом: закон *карает*, *казнит*, *наказывает*, *бьет*, *не щадит*, *преследует*, *блуждает по следам*, *повелевает*, в свою очередь, человек *борется*, *ссорится*, *не дружит* с законом, *вступает* с ним *в сговор*, *ладит* с ним, *строит* закону *глазки*, *играет* с ним *в прятки*. Ср., например: «Поди; твои мольбы пустая слов утрата. Не я, закон *казнит*. Спасти нельзя мне брата, И завтра он умрет» (А. Пушкин, 1833), «Может быть, на бранном поле Ищет смерти – жаждет он

Позабить несправедливый И блуждающий ревниво По следам его закон...» (А. Полежаев, 1834), «Не я, – говорит Михаил Михайлыч, волостной старшина, <...> – не я, – а закон *бьет* тебя, дурака!» (Г. Успенский. Водка и честь, 1883), «– Если не изменяет память, именно так *повелевает* закон» (Л. Леонов. Вор, 1927, 1959) – «Вся беда моя в том, что у меня с законом вышла когда-то, давно уже, некоторая суспция... то есть, понимаешь, неожиданная *ссора*... ах, малый, очень это была крупная *ссора!*» (В. Короленко. В дурном обществе, 1885), «И толпы людей взъяренных, Земли трудовой костяк, *Швыряют в лицо* законам Разгневанное: “*Не так!*”» (Е. Ширман, 1939), «Отец у Васьки был здоровее его, никогда *не дружил* с законом и ментов откровенно презирал» (В. Ремизов. Воля вольная, 2013); «трех жизней мало, чтобы успевать *играть в прятки* с законом при столь стеснительной обстановке» (А. Амфитеатров. Отравленная совесть, 1882–1893), «Двадцать шесть лет непрерывной тряски, / рыгтя по карманам, судейской таски, / ученья *строить* Закону *глазки*, / изображать немого» (И. Бродский, 1967), «Впрочем, купить птицу за деньги значило бы *вступить в сговор* с Законом» (Ю. Буйда. Братья мои жаворонки, 1998).

Итак, компаративные тропы, характеризующие закон, широко представлены в русской художественной речи, при этом количество их заметно больше в текстах XIX – первой половины XX века. Среди семантических классов образов сравнения доминируют единицы класса «Человек», создающие персонифицирующие тропы. Компаративные конструкции разных семантических классов четко выделяют основные функции закона в обществе. Это защита (*щит, защитник*), наказание (*карать, казнить, меч, копье, карающая десница* и др.), лишение свободы (*ярмо, цепи, вериги, окопы, клетка*), охрана (*страж, надсмотрщик, стоять на страже*), власть (*царить, велеть, повелевать, господин, Его Величество*). Большинство тропов, характеризующих закон, выражает пейоративную оценку. В метафорической картине мира русской литературы закон интерпретируется неоднозначно: он преимущественно наделяется такими характеристиками, как жестокость и беспощадность, одновременно закон выступает как средство защиты.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН ; ред.: Л. И. Балахонова. М. : СПб. : Наука, 2006. С. 254–256.
2. Громова Н. С. Юридический термин в правовом поле и за его пределами // *Legal Linguistics*. 2019. № 13. С. 5–9.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. : Русский язык, 1989. 699 с.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
5. Сичинава Н. Г. Переносное употребление юридических терминов в общелитературном языке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Вып. 2. Ростов н/Д. : Донское книжное издательство, 2012. С. 183–188.
6. Тихонова Н. Ю. К вопросу о метафоризации как способе терминообразования в юридическом английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 66–70.

Сведения об авторах:

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия.

Петрова Зоя Юрьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Раздел 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. В. Акинина

г. Новоалександровск, Россия

К ВОПРОСУ О СЛОВЕСНОМ ХАРАКТЕРЕ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ, В КОТОРОЕ ВКЛЮЧЕНЫ ЦИФРЫ

A. V. Akinina

Novoaleksandrovsk, Russia

THE VERBAL NATURE OF THE COMPANY NAME, WHICH INCLUDES NUMBERS

Аннотация. Представлен разбор экспертного кейса о сходстве фирменного наименования «Зеленая касса» с одноименным товарным знаком. Кейс интересен тем, что работа правообладателя по модификации фирменного обозначения во избежание сходства включала замену буквы цифрой.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, фирменное наименование, сходство до степени смешения

Abstract. The article explores an expert case on the similarity of the brand name "Zelenaya Kassa" with the trademark of the same name. The case draws attention to the fact that the copyright holder on the modification of the brand name included the replacement of a letter with a number in order to avoid similarity.

Keywords: forensic linguistics, trademark, brand name, similarity to the point of confusion

В сфере интересов филологов, профессионально занимающихся судебной лингвистической экспертизой, сегодня находятся не только традиционные объекты исследования (наименования, короткие сообщения, тексты), но и объекты, которые можно отнести к нетрадиционным по ряду оснований. Так, объекты интеллектуальной собственности, а именно товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения и географические указания обладают специфическим (для экспертных целей) статусом, поскольку, с одной стороны, находятся на стыке научных парадигм юриспруденции и лингвистики, а с другой стороны, могут (и должны) рассматриваться как креолизованный текст экстра-малого объема, поскольку в них графический облик зачастую неотделим от словесного.

Принимая во внимание требования статьи 1482 ГК РФ, согласно которой в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации, вопрос о словесном характере знака (фирменного наименования, коммерческого обозначения) весьма часто выходит на первый план и становится камнем преткновения в его регистрации.

Согласно той же статье 1482 ГК РФ, «к словесным обозначениям относятся слова, сочетания букв, имеющие словесный характер (в частности, совокупности гласных и согласных звуков, в любой последовательности образующих слоги), словосочетания, предложения, а также их сочетания». В свою очередь, «к изобразительным обозначениям относятся изображения живых существ, предметов, природных и иных объектов, композиций линий, пятен, любых фигур на плоскости». На практике провести границу между словесными и изобразительными знаками бывает не так легко.

Цель настоящей статьи – на примере конкретного экспертного кейса показать работу эксперта-лингвиста с нетрадиционными объектами исследования в рамках экспертизы объектов интеллектуальной собственности.

Вот один из кейсов, иллюстрирующих подобное затруднение. Предприниматель Икс назвал свой пункт по продаже билетов «Зеленой кассой». Выглядела вывеска вот так.

Рис. 1. «Зеленая касса». Исходный вид вывески

Через некоторое время предпринимателю пришло предупреждение от Федеральной антимонопольной службы с требованием прекратить использовать это наименование, поскольку оно уже зарегистрировано другим предпринимателем Игреком для остановочного пункта при пассажирских перевозках и может ввести потребителей в заблуждение.

Предприниматель Икс решил переформатировать наименование, заменив букву «З» в названии на цифру «13». И название стало выглядеть так.

Рис. 2. «13Зеленая касса». Вывеска после правки

Является ли элемент «13зеленая» словом, а также сходен ли такой элемент со словом «Зеленая»?

Без учета фотографий образование «13зеленая» можно было бы в соответствии с российским законодательством считать лишенным словесного облика. Это уже нечто среднее между словом и графемой, явно фантазийное (оказиональное) образование, приближающееся по функциям к изобразительному товарному знаку. Важно и то, что в дизайне вывески использован определенный и запоминающийся тип шрифта.

Однако, опираясь на изображения «до» и «после», следует признать, что критически значимое сходство.

Дело в том, что цифра 13 на новой вывеске никак не акцентирована. Она набрана тем же шрифтом и с использованием того же оттенка зеленого цвета. Графически она тоже никак не выделена: не набрана буквами большей или, напротив, меньшей высоты по отношению к основе слова. И при взгляде на название возникает полное впечатление, что написано по-прежнему «Зеленая касса», только почему-то с цифрой 1 в начале. А такое наименование, к сожалению, по-прежнему сходно до степени смешения с чужим зарегистрированным наименованием «Зеленая касса».

Чтобы выполнить требования Федеральной антимонопольной службы, предпринимателю следует либо снова изменить вывеску, либо сменить название. Относительно модификации вывески вопрос в том, чтобы доказать (графически), что на вывеске написано именно «13зеленая касса», то есть выражение является фантазийным и как такового словесного характера не носит. Требование о наличии словесного характера как признака различительной способности является к обязательным для товарных знаков, согласно Правилам составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (раздел II, п. 32), содержащимся в приложении к Приказу Министерства экономического развития РФ от 20 июля 2015 г. № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядку преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак», но в соответствии со ст. 1473 ГК РФ не распространяется на фирменные наименования.

Соответственно, цифру «13» на вывеске следовало бы визуально акцентировать: выделить иным контрастным цветом (например, красным), или изменить шрифт (например, на курсив с тонкими линиями и с более явно выраженными засечками), или сделать цифру более заметной, выполнив ее кеглем заметно большего по отношению к остальным знакам размера. А лучше внести сразу все три этих изменения.

Конечно, тогда может потеряться само смысловое восприятие названия. То есть потребители не будут понимать, что написано, а такие знаки, к сожалению, обычно вызывают подспудное раздражение в силу необходимости прилагать усилия к прочтению и усвоению информации. Но поставленная антимонопольной службой задача будет выполнена.

Список литературы

1. Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядку преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак : приказ Министерства экономического развития РФ № 482 от 20 июля 2015 г. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/482-prikaz-minekonomrazvitiya-rossii-ot-20-07-2015-482#1> (дата обращения: 16.03.2023).

Сведения об авторе:

Акинина Анастасия Вячеславовна, магистр филологии, независимый эксперт (самозанятая), г. Новоалександровск, Россия.

В. К. Теологи¹, С. Г. Амириди²

^{1,2}Фракийский Университет имени Демокрита, г. Комотины, Греция

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. «ЯЗЫК» ПОЛИЦЕЙСКОГО ДОПРОСА

V. K. Theologi¹, S. G. Amiridi²

^{1,2}Democritus University of Thrace, Komotini, Greece

THE ROLE OF FORENSIC LINGUISTICS IN THE INVESTIGATION OF CRIME. THE «LANGUAGE» OF POLICE INTERROGATION

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы судебной лингвистики, связанные с анализом дискурса полицейского допроса (документы, вопросы, показания свидетелей, устный перевод) и судебного разбирательства (анализ голоса, видеоматериалы); поднимается вопрос о подготовленности экспертов и предоставления суду достоверных анализов в отношении технических показаний со стороны экспертов.

Ключевые слова: судебная лингвистика, эксперты, полицейский допрос, голос, документы

Abstract. The article considers the problematic issues of forensic linguistics related to the analysis of discourse during police interrogation (documents, questions, testimonies of witnesses, interpretation) and during the trial (voice analysis, video materials), raises the question of the preparedness of experts, and issues of providing the court with reliable analyzes in relation to technical indications by experts.

Keywords: forensic linguistics, experts, police interrogation, voice, documents

Статья посвящается памяти математика С. Липордезиса, основателя музея в г. Комотины, посвященного всемирно известному великому греческому математику фракийского происхождения Константиносу Карафеодорису, учителю Эйнштейна

1. Введение. Понятия языка и права неразрывно связаны. Их существенная взаимосвязь и соотношение очевидны: с одной стороны, язык придает нормативному положению содержание, а с другой стороны, способствует его пониманию [Παυαρέτου, 2009: 7, Κριτζιάς, Βαλεοντίης, 2014: 7]. Без языка нет толкования и, соответственно, применения закона [Juana and Hazhar 2021:2, Grewendorf and Ratherd 2009:7]. «В языке аккумулируется опыт освоения окружающего мира; в слове материализуются представления человека о предметах, процессах, явлениях; с помощью слов формулируются мысли, осуществляется коммуникация. Право же объективируется в языке для выражения общеобязательных социальных норм, установленных и обеспечиваемых государством. В связи с этим принято говорить о языке права (юридическом языке) как о лингво-правовом феномене» [Барабаш 2014 : 18].

Юридическая лингвистика «как научная отрасль, занимается лингвистическими явлениями права во всех областях его применения» [Gortych-Michalak 2014 : 427–431]. Понятие юридического языка интерпретируется в греческой научной литературе как язык, используемый в теории права и юридической практике (Κριάρας, 1982:113-117, Σταυράκης, 1995:5)¹, то есть во всех аспектах правового поля: в составлении законов, в их применении, в юридической науке, в её использовании практиками уголовного права: полицейскими-юристами-судьями [Gortych-Michalak, 2014:431].

С другой стороны, судебная лингвистика (forensic linguistics) представляет собой особую, новую научную дисциплину [Барабаш, 2014:15], объединяющую прикладную/описательную лингвистику и криминалистику. Таким образом, она выступает связующим звеном между разными компонентами: языком, преступлением и правом [Ahmed, 2021:26, Solan and Tiersma, 2005:13–23].

©Теологи В. К., Амириди С. Г., 2023

¹ Иную точку зрения высказывает профессор Ставракис, который считает, что нет юридического языка, а есть «особый язык юридического обихода вообще»

В указанном выше смысле судебная лингвистика может выделять важные аспекты совершённого преступления посредством анализа речи на полицейском допросе (документы, вопросы, устный перевод) или в ходе разбирательства в суде (толкование юридических документов, анализ аудио- и видеоматериалов), посредством чтения и уяснения обстоятельств.

Концепция судебной лингвистики, присутствие экспертов в системе уголовного правосудия и их вклад в расследование преступления и идентификации преступника составляют элементы обработки и анализа данного исследования.

2. Историко-теоретический подход к понятию судебной лингвистики

Важность, придаваемая формулировке (языку) законов (Παναρέτου, 2009:15–18), подчеркивается ещё в Древней Греции и особенно в Законах Платона, в стихах: «Γ' 855 ε», «Γ' 890 с», где он обосновывает свою идею о том, что должна быть принята в городе Законов «полная законодательная система, которая будет призвана дополнять убеждением, а при необходимости и принуждением, дело образования, основывающегося на высокой морали» [Πλάτων, 2011:317, Κουράκης, 2003:25, Δημόπουλος, 2020:551-556]¹.

Институциональная адаптация и применение основных философских принципов Платона в повседневной жизни человека предполагали правильную лингвистическую формулировку Законов, которые должны быть изложены таким образом, чтобы можно было понять их содержание и цели.

Философ-Стагерит Аристотель в своем трактате о категориях [Καλλιγιάς, 2011:9–25] признает конвенциональную функцию слов, утверждая, что язык конструируется конвенциональным [Хориков, 1993: 720] образом. В указанном выше смысле разворачивается следующий семиотический треугольник: то, что выражается голосом (**signifier**), является отражением чувства, состояния души (**signified**) и это всё вместе взятое влияет на происходящее [Joseph, 28. 6. 2017]. При таком подходе мы можем понять значение и роль юридического языка в современной действительности.

Еще один момент, требующий уточнения, касается связи языка с правом (законом). Эта связь обусловлена следующим:

- использование языка как средства общения полиции с подозреваемыми/свидетелями, аргументации в зале суда [Correa, 2012:6–7];

- место языка по отношению к правовому регулированию: в вопросах понимания, толкования и построения (конструирования) юридических норм;

- наличие преступлений, совершаемых с применением элементов речи как части объективной стороны деяния, как, например, в случаях с клеветой по ст. 362 греческого УК [когда кто-либо умышленно публично, устно, письменно (через Интернет) или через прессу ложно подтверждает факт, который может нанести ущерб репутации кого-либо], необоснованного обвинения согласно ст. 363 греческого УК [когда кто-либо ложно подтверждает факт и знает, что он ложный, устно или письменно].

Вышеприведенные выводы свидетельствуют о различиях между повседневным языком и юридическим языком в сфере осуществления правосудия - в гражданском, уголовном судопроизводстве [Δημόπουλος, 2017: 141–144], подчеркивая при этом необходимость его постоянного изучения экспертами [Δημόπουλος, 2017: 10]².

Кроме того, судебная лингвистика, являющаяся предметом настоящего исследования, рассматривается как междисциплинарная отрасль прикладной лингвистики и криминалистики. Она анализирует и объясняет использование языка по отношению к совершенному преступлению, судебному разбирательству вокруг него, процессу в зале суда, где оно заканчивается обвинением или оправданием обвиняемого (Danielwicz-Betz, 2012: 95–99). Судебная лингвистика функционирует между языком, преступлением и законом [Groot, 2003: 261, Orvell, Ayduk, Moser, Gelman, & Kross, 2019: 568].

¹ Από όπου παραθέτουμε: «Αθ. Η γενική θεώρηση μας, Κλεινία, γιά τούς νόμους θα ήταν ασφαλώς περισσότερο σύμφωνη μέ τήν φύση τους. Άς δούμε, λοιπόν, ώς έκ τούτου, γιά τήν αγάπη τών θεών αυτό σχετικά μέ τούς νομοθέτες. ΚΑ. Ποιο συγκεκριμένα; ΑΘ. Συγγραφικό, βέβαια, ίσως Εργο και γραπτοί λόγοι έχουν γραφεί και από άλλους πολλούς στις πόλεις, συγγραφικό όμως Εργο και λόγοι (ένν. έχουν γραφεί) και από τον νομοθέτη...» (σελ. 317).

² Профессор Димопулос проводит четкое различие между терминами «экспертиза» и «мнение экспертов». Во-первых, он дает определение экспертизы, отмечая, что в статье 183 УПК, регулирующей ее необходимость, а также и её характер, «если требуются специальные знания определённой науки или техники для постановки точного диагноза и суждения о событии, следователи могут по собственной инициативе или же по запросу другой стороны распорядиться о заключении эксперта». Далее он связывает экспертизу с понятием вещи, определенным в статье 947 ГК (под вещью понимается любой осязаемый, безличный, самостоятельный и индивидуально определенный предмет, абсолютно восприимчивый к человеческой власти). Для случаев, однако, «факты которых исходят из живого и деятельного человеческого существования, никоим образом не подпадающего под понятие вещи, может быть принят термин **заключение эксперта**» [Διμοπουλος, Χ (2017), с. 10].

Хотя и результаты судебной лингвистики (такие как интерпретация документов, аудио- и видеоматериалов) возможно могут быть менее точными, чем результаты ДНК [Δημόπουλος, 2021: 554–5580], тем не менее, они, однако, являются полезными для выявления скрытой информации, которая не была обнаружена и собрана во время полицейского допроса [Αλεξιάδης, 2003: 104–105].

Из вышеприведенного подхода вытекает существенное различие между судебной лингвистикой и юридической лингвистикой, поскольку первая рассматривается как синоним судебной лингвистической экспертизы, например, в случае необходимости идентификации личности путем исследования устной (звучащей) или письменной речи, учитывая, что письменная и устная речь каждого человека уникальна: она неповторима, как отпечаток пальца [Balazs 2016: 122–125].

Приведенный выше вывод не должен вести к составлению классификации письменных и речевых признаков, которые будут относиться к идентификации личности [Danielwicz-Betz, 2012: 96, Olsson, 2009: 22]. Преимущественно он относится к письменному/речевому стилю человека, выявляемому по совокупности текстов, который отождествляется с его/ее личным письмом/выражениями и называется индивидуальным стилем.

Возможности применения судебной лингвистики распространяются на области и отрасли, охватывающие обширный спектр уголовного розыска (полицейско-судебного). Вышеупомянутые области применения включают в себя:

- фонетику;
- технику письма;
- анализ юридических текстов;
- семантику слов или текстов по отношению к юридическим или судебным целям.

К областям применения судебной лингвистики в уголовном расследовании относятся:

- язык в отношениях людей-власти;
- язык полицейских допросов;
- язык в процессе дачи свидетельских показаний и в документах, которые следуют за ним;
- язык в межкультурных и межъязыковых различиях;
- «языковые преступления».

В складывающейся тесной взаимосвязи между лингвистикой и судебной лингвистикой судебный лингвист, который отличается от судебного графолога [Δημόπουλος, 2021:454–457], как эксперт использует лингвистические принципы и теории, такие методы, как анализ речи или разговора [письменный (текст), аудио (звонок в полицию), видеозапись (показание потерпевшего/подозреваемого/обвиняемого)] для предоставления суду своей экспертизы [Αλεξιάδης, 2003: 340].

Важность этой специфической междисциплинарной отрасли была подчеркнута американскими учеными, особенно после 1993 г. [Correa, 2013:8, Ramezani et al. 2016:375–376] при появлении необходимости раскрытия преступления – в ходе полицейского и судебного следствия – путем исследования других, появляющихся доказательных средств – которые позволяло техническое развитие – таких как исследование голоса, лингвистический анализ электронного сообщения, а также их изучение или интерпретация с помощью технических средств (в специализированных судебно-медицинских лабораториях учеными/экспертами с аналогичной подготовкой)¹.

Их заключения позволили бы сделать конкретные выводы о преступнике, психологических и эмоциональных потребностях, которые он удовлетворил совершенным преступлением, т.е. о профиле преступника [Αλεξιάδης, 2003: 168, Πανούσης, 2021: 83, Δημόπουλος, 2021: 288]. В свете вышеизложенного произошло отграничение судебной лингвистики от прикладной лингвистики² и правовых нужд раскрытия преступлений, сформулированных нормами полицейского и уголовно-процессуального права и применяемых органами судебной власти и прокуратуры [Svartvik, 1968:2. Groot, 2003:262].

¹ По этой причине считается, что эта конкретная область аналогична судебной медицине, которая занимается применением медицины в юридических вопросах, или судебной психологии, которая занимается анализом психических расстройств с точки зрения юридической науки.

² Особое значение, придаваемое конкретной отрасли, видно из создания международной организации, основанной в 1993 году профессором Малкольмом Култхардом, как «Международное общество судебной лингвистики» или «Международная ассоциация судебной и юридической лингвистики», как она была переименована в 2021. Также с образованием международной организации под названием «Международная ассоциация судебной фонетики и акустики», которая была основана в 1991 г. в Йорке, Англии, под первоначальным названием «Международная ассоциация судебной фонетики». Деятельность, а также и применение принципов данной организации содержится на страницах международного журнала «The Journal of Speech, Language and Law», который впервые был создан в 1994 г. как «Forensic Linguistics», а окончательное название приобрел в 2003 г. [дата обращения: 12.02.2023. URL: <https://www.iafl.org/>]. Первое упоминание можно проследить до 1968 г. у Svartvik, J.

3. Роль судебно-правовой¹ лингвистики в системе уголовного правосудия.

В течение последних двадцати лет организованная преступность, международный терроризм и связанные с этим нарушения прав человека вызывают особую обеспокоенность как на внутригосударственном, так и на международном уровне. В ряде случаев, исходя из существующей правовой базы, во время слушания дела для толкования доказательств, собранных обвинением, требуется судебная лингвистическая экспертиза. К специфическим средствам относится анализ речи и голоса, письменных текстов, из которого выводится степень умысла (*mens rea*) обвиняемых, их мотив или же их психологические и эмоциональные особенности.

Отметим значимость лингвистического анализа переписки, документов и других доказательств, связанных с преступлением, в том числе данных, записанных на электронном носителе (имеется в виду запись звучащей речи или письменных диалогов между членами преступной организации либо преступником и потерпевшим). Еще одним объектом, который необходимо исследовать, являются записи, оставленные преступниками на месте преступления, записи о выкупе в делах о похищении людей. Все это указывает на важную роль экспертов в раскрытии истины.

В этом конкретном разделе освещается практическая значимость присутствия криминалистов/лингвистов в органах прокуратуры или судебных органах, а также в ряде процедур, связанных со сбором, интерпретацией (толкованием) и созданием доказательной базы следственных материалов и того, как это отражается в положениях греческого Уголовно-Процессуального кодекса.

а) практическое применение судебной лингвистики в системе отправления уголовного правосудия.

Судебная лингвистика в основном применяется для изучения технических доказательств системы уголовного правосудия [Αλεξιάδης, 2003: 322].

В этом разделе мы рассмотрим три важные области, связанные с языковыми/лингвистическими доказательствами, которые влияют на доказательный процесс: лингвистические доказательства, анализ голоса и полицейский допрос. Объективный вклад криминалистов-лингвистов как экспертов позволит осветить отдельные стороны уголовного процесса.

1. Лингвистические доказательства: идёт речь о важных доказательствах, относящихся к любому типу текста, устного или письменного, которые можно использовать в следственном расследовании или уголовном процессе. Конкретные тексты включают экстренные вызовы в полицию для немедленного вмешательства на месте преступления (архивы аудиозаписи), требования выкупа, анонимные письма или электронные письма, звонки, записки, предсмертные письма, текстовые сообщения, полицейские протоколы, признательные показания [Αλεξιάδης:2003:322, 339, Δημόπουλος, 2017:150, Agiani et al. 2014:222–225].

«Языковые» доказательства непосредственно переплетаются с некоторыми «языковыми» преступлениями, составляющими часть их объективной природы, такими как взяточничество, предполагающее, в том числе, обещание предоставления выгоды (ст. 236 УК), угроза, когда кто-либо вызывает у другого – посредством слова – ужас или беспокойство (ст. 333 УК), лжесвидетельство (ст. 224 УК), сговор (ст. 135 ч. 2 УК), клевета (ст. 362 УК), диффамация (ст. 363 УК), преступления на почве ненависти или преступления с расистскими признаками (статья 82 УК).

Во всех вышеперечисленных случаях обнаруживается трудность определения языковых «следов», которые будут способствовать подтверждению совершения преступления или – в иных случаях – установлению личности виновного. Поскольку эти преступления представляют собой акты речи/языка, необходимо учитывать не только то, что сказано/написано, но и значение слов и их воздействие на адресата.

Эксперт вызывается для графологической экспертизы письма следователями или судом в силу занимаемой должности (*αυτεπαγγέλτως*) или по ходатайству стороны или прокурора (ст. 183 УПК). Эксперт дает заключение об установлении подлинности письменного текста или личности его автора с использованием лабораторных методов или результатов графологии. Он исследует тип письма, наклон и размер букв, уровень, форму согласно графометрическому методу или «тип» письма, чтобы выявить «маскировку» личности его автора и готовит соответствующий отчет (ст. 187 УПК) [Δημόπουλος, 2021:439–457].

В таких преступлениях, как клевета, терроризм, преступления на почве ненависти и т. д., судебная лингвистика использует различные исследовательские приемы для доказательства преступления – в зависимости от характера интерпретационной работы, такие как психолингвистические приемы и алгоритмы обнаружения языковых символов (ненависти, обмана, ложных фактов и др.) [Toghuj, 2022:15].

¹ Добавление термина «юридическая\правовая» рядом с термином судебная лингвистика отражает международную тенденцию, описанную в ссылке 20 ниже, и переименование Международной организации судебной лингвистики в Международную ассоциацию судебной и юридической лингвистики (International Association for Forensic and Legal Linguistics), предполагая юридическую подготовку специалистов.

2. Распознавание голоса. В этом случае идентификация достигается за счет комбинации физических и биометрических данных, которые являются уникальными и неизменными. Для распознавания голоса подходит приложение VoIP (Voice Over IP network [Adami and Hermansky 2003:844–845]. Полицейские службы на уровне Управлений – в основном в США – и судебно-медицинские лаборатории используют систему распознавания AGNITIO¹, таким образом чтобы ее можно было использовать в залах суда [Θεολόγη, 2022: 228–229].

Процесс идентификации включает в себя профиль говорящего [Morisson, 2018: 20-32], то есть тщательное изучение элементов, связанных с этнической, социальной и образовательной базой говорящего. Параллельно выявляется такая информация, как возраст, происхождение (опираясь на особенности произношения (говора), используемого жителями определенной местности), пол. Сравнение голоса включает в себя анализ голоса в сравнении с известными образцами конкретного говорящего. Основные методы включают «распечатку голоса», аудиолингвистический анализ и анализ с помощью автоматизированных систем [Foulkers and French, 2012: 557–552]. Осуществленный анализ необходим для верификации выдвигаемых предположений.

Распознавание голоса способствует не только идентификации преступника, но и доказательству невиновности подозреваемого лица или группы лиц. Для судебной идентификации говорящего эксперты иногда прибегают к использованию спектрограммы², чтобы проанализировать голоса, принадлежность которых конкретному лицу ставится под сомнение [Koenig, 1986: 2088-2090].

(б) Язык полицейского допроса.

Свидетельские показания, дача объяснений, ответ на обвинения (апология) обвиняемого составляют доказательные средства, играющие важную роль в развитии уголовного процесса и в поисках истины (статья 239 УПК) [Δημόπουλος, 2021:550–561]. Следовательно, слова, произносимые при даче показаний в следственном процессе, имеют двойную функцию, являющуюся в то же время исследовательской и доказательной базой [Haworth, 2010:169–194].

Основной принцип следственного процесса, «принцип собирания доказательств ex officio» статьи 239 ч. 2 УПК, обязывает следователей исследовать и подтвердить ex officio вину или невиновность обвиняемого [Δαλακούρας 2022: 277–278]. Часто данные показаний претерпевают существенные изменения во время их письменной фиксации в официальных документах полиции, что влияет на целостность доказательств, которые должны быть представлены в максимально возможной сохранности, без словесных изменений.

Их лингвистическая обработка экспертами с помощью мощного набора инструментов проясняет такие важные вопросы, как причастность обвиняемого к преступлению, его оправдание или вина, степень умысла, а также такие вопросы, как его эмоциональные и психологические потребности при совершении преступления, мотив преступника/ов. Соответственно, согласно общей картине, вытекающей из контекста (языка показания), может возникнуть некая «конструкция» показания/ допроса.

С другой стороны, допрашиваемый может доказать свою причастность к преступлению или повернуть расследование в иное русло. Материал, который будет собран, станет прототипом для дальнейших исследований и последующих вопросов.

Имея в виду, что допрос – это целый ряд закрепленных в особом порядке действий, а доказательный процесс – работа ума [Αλεξιάδης, 2003. С. 32], можно понять значимость полицейского допроса, как процесса, освещающего особо важные аспекты, такие как преступный умысел (mens rea), corpus delicti (состав преступления) или осознание противоправного деяния. Особый интерес представляет собой способ представления показаний в Уголовном Суде.

Технически реальными доказательствами уголовного процесса являются документирование показаний, являющихся частью обвинительного акта, в которых преобладает устная передача того, что было сказано – в том виде, в каком оно было получено лицом, зафиксировавшим показания в письменной форме. Не факт, однако, что зафиксированные письменно показания всегда являются точными или достоверными (см. также ст. 42 УПК).

Доказательственный материал следственного обвинения по-разному используется участниками уголовного процесса.

Обвинение или адвокаты защиты используют эти показания по собственному усмотрению в поддержку своих аргументов. Прокуратура указывает на разногласия/противоречия как на при-

¹ Morpho adds AGNITIO voice ID solutions to criminal ID biometrics solutions. Retrieved 18.02.2023 from <https://www.biometricupdate.com/companies/agnitio>

² Визуальное сравнение спектрограмм обычно включает изучение характеристик похожих звуков с точки зрения продолжительности, частоты и интенсивности. Методика была разработана Комитетом по акустическому анализу (VIAAS) Международной Ассоциации Идентификации (IAI) и опубликована в научной статье (VCS 1991). ФБР следует аналогичному протоколу.

Retrieved 18.02.2023 from <https://www.glavopoulos.com/fonitiki-anagnorisi/>.

знак непоследовательности, несоответствия действий и слов или недобросовестности и выдвигает обвинение [Haworth, 2010:171–172].

Этот материал подлежит обработке, интерпретации экспертами или экспертами-лингвистами в форме экспертного заключения. Проблемы, с которыми они сталкиваются при выполнении своей работы, **связаны с применением полицейской техники** при допросе подозреваемых/обвиняемых. Охарактеризуем основные проблемы, которые мы выявили в греческой системе уголовного правосудия.

1. Считается проблематичным «право хранить молчание и не свидетельствовать против себя»¹ подозреваемого или обвиняемого (ст. 104 УПК)², право, не препятствующее сбору имеющихся доказательств, независимо от воли подозреваемых или обвиняемых [Δαλακοῦρας, 2022:96].

Относительно вышеуказанного права из законодательства не вытекает и не представляется ущемляющим интересы обвиняемого такое поведение, хотя практика показывает, что она позволяет членам суда делать выводы о подозреваемом, особенно когда в ходе слушания (разбирательства в зале суда) и получаемых им вопросов, доказательства не представлены в полицейском расследовании.

2. Истинный смысл допроса включает в себя поиск объективной истины. Однако в настоящее время, как выясняется, показания представляют собой механизмы, направленные на построение доказательств [Baldwin, 1993: 325–352].

3. Haworth систематизирует проблемы, возникающие при допросе в полиции, распределяя их по трем направлениям, по трактовке их правовой системой, по форме (устная/письменная речь), по форме вопросов, задаваемых сотрудниками полиции/следователями³ (техника допроса).

4. Проблемы правового характера.

– Изменения в содержании показаний, сделанные полицией при их переносе в официальные документы (ответы на обвинение обвиняемого/подозреваемого и т.п.), трактуются правовой системой как не имеющие силы, т.е. как не имевшие места, не состоявшиеся.

– Показания, данные во время «полицейского преследования» или во время судебного разбирательства по делу, показывают – несколько раз – существенные различия, несмотря на честный характер опрошенных. Это происходит потому, что испытуемому задают вопросы с другой повесткой дня опытные судьи в другом контексте, как, например, в уголовных судах.

– В действующей правовой системе на взаимодействие следователя (полиции) и допрашиваемого (подозреваемого/обвиняемого) влияют неравноправные отношения между участниками [Danielewicz-Betz, 2012: 93–108].

В ряде случаев перед арестом или во время допроса подозреваемому предоставляется право быть представленным адвокатом (ст. 105 ч. 2 УПК), право и условия на оказание бесплатной юридической помощи (ст. 91 УПК), право на информацию о предъявленном обвинении (статья 95 УПК), право на устный и письменный перевод (статья 101 УПК), право хранения молчание и не свидетельствования против себя (статья 104 УПК), право на доступ к материалам дела (статья 100 УПК), права, которыми он сам не в силах воспользоваться из-за особой психологической нагрузки, которую он испытывает. Вышеуказанные права остаются неприменимыми в тех случаях, когда обвиняемый не требует этого.

Достаточно часто полицейские формулировки могут привести к очевидному «консенсуальному характеру расследований», а полицейские допросы воспринимаются как принудительные.

Даже право хранить молчание, которым пользуются некоторые обвиняемые или подозреваемые иностранцы, применяется, потому что они не понимают языка, или недостаточно грамотны, или не имеют представителя и адвоката.

5. Проблемы с оформлением показаний

– Письменная передача устных данных во время дачи показаний широко используется без какого-либо понимания связанных с этим проблем. Эта проблема, по-видимому, уже была урегулирована в Англии (1992 г.), Уэльсе (Criminal Act 1984) и в США (Federal Rules of Evidence) с введением обязательной аудиозаписи показаний. В ряде стран эта процедура ставится под сомнение.

¹ Право, вытекающее из формулировки ст. 7 Директивы ЕС 2016/343 о презумпции невиновности.

² Полное молчание – это когда обвиняемый отказывается давать показания на всех стадиях уголовного судопроизводства и по всем вопросам. Например, в случаях, когда обвиняемый: (а) предпочитает ограничиваться только общими утверждениями (о том, что он не является исполнителем преступления); (б) исполняет свои законные обязанности (ознакомление с обвинительным актом, получение копий документов дела); (в) когда он только отвечает на вопросы, касающиеся паспортных данных. Временное молчание – когда подсудимый дает показания в досудебном процессе и отказывается от дачи показаний в судебном заседании, или когда он хранит молчание в течение всего досудебного производства и дает показания в суде впервые.

³ В ст. 31 параграф 1,б) УКП сотрудники полиции относятся к генеральным следователям, а в случае в) государственные служащие также относятся к специальным следователям, когда это предусмотрено специальными законами (например, о таможене).

Европейский Союз в своем предложении, рамочном решении по уголовным процессам в ЕС COM/2004/0328 Final-CNS 2004/0113¹ и, в частности, в статье 9 указывает на «существенное участие обвиняемого в процессе, из чего следует, что в случаях устного перевода и для обеспечения наличия метода для определения уровня качественного устного перевода, государства-члены должны обеспечить наличие какой-либо аудиозаписи, которая может быть использована в случае судебного иска».

По итогам визита в страну с целью предотвращения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕПВ)², Комитет Совета Европы в своем отчете правительству Греции, рекомендовал начать применять электронную (т.е. аудио и/или видео) запись полицейских допросов.

Исключение предусмотрено в Уголовно-процессуальном кодексе Греции, в статье 226 А УПК относительно записи показаний несовершеннолетних на электронные аудиовизуальные носители, после введения Директивы 2012/29/ЕС в греческий правовой порядок [Πανάγος, 2022].

– Данные устных показаний воспроизводятся и реорганизируются во время полицейского допроса, в результате чего они приобретают иную форму при использовании в зале суда. Свидетельские показания подвергаются такому же процессу удаления данных, как это видно из репрезентации некоторых языковых особенностей (паузы, грамматически не оформленная речь и т.д.).

6. Проблемы с форматом вопросов по показаниям

«Очевидные» вопросы полиции, где ответы – однозначны. Конкретными вопросами следователи стремятся подтвердить сам факт совершения преступления. Лингвистическое исследование показывает, что противоречивый результат, полученный в результате вопросов в суде, по сравнению с тем, что предшествовало показаниям в полиции, как упоминалось выше, отрицательно влияет на доказательную силу утверждений обвиняемого.

4. Выводы и предложения

Проблемы, связанные с пониманием «языка» преступления, представляют собой малую часть «проблем, связанных с пониманием природы юридической практики и правовой культуры» [Ainsworth, 2014: 3–5]. Это говорит о том, что закон нельзя понять без оценки и понимания природы самого языка и что многие вопросы права, в конечном итоге, оказываются вопросами языка. Данные показаний (письменных или устных), вопросы следователей, устный перевод на «полицейском допросе», толкование юридических документов, аудио- и видеоматериалы на судебном заседании являются структурными аспектами, влияющими на состав суда и оказывающими существенное влияние на формулировку окончательного варианта судебного решения.

Существенный вклад могут внести эксперты в области судебной лингвистики, поскольку они смогут различать важные моменты, невидимые для других. Необходимым условием является высокий уровень их подготовки и опыта. На основании этого они могут вносить предложения относительно записи или видеозаписи разговора во время допроса, с целью проверки законности процесса. Также, в этом контексте предусмотрено создание руководства (возможно, пособия или учебника) по применению юридически корректного языка в следственных действиях, чтобы свести к минимуму упущения прошлого.

Поэтому прямой необходимостью является обучение экспертов, проводящих допросы, направленное на формирование навыков и умений эффективного распознавания и оценивания языковых характеристик подозреваемого, что позволит им действовать соответствующим образом, а также обеспечивать надлежащее соблюдение прав подозреваемых во время допросов в полиции. Необходимым условием вклада экспертов в судебную систему является стандартизация лингвокриминалистической экспертизы в уголовно-процессуальном праве, их назначение согласно единому государственному каталогу, составляемому на ежегодной основе, как это предусмотрено общим положением об экспертах (ст. 186 УПК).

Остается под вопросом, однако, масштаб полномочий и эффективность экспертов-лингвистов в вопросах освещения характера преступника, на основании заключений которых будет определена личность преступника, которой далее займутся эксперты-криминалисты [Πανούσης, 2001:2065, Δημόπουλος, 2017:335].

Список литературы

1. Adami A., Hermansky H. Segmentation of Speech for speaker and language recognition // EUROSPEECH 2003. GENEV, 2003. P. 841–844.
2. Ahmed H. The role of forensic linguistics in crime investigation: Uses in legal proceedings // Anglisticum. 2021. Vol. 10 (2). P. 23–31.

¹ Retrieved 18/2/2023 from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EL/TXT/HTML/?uri=CELEX:52004PC0328&from=EN>

² В период с 14 по 23 апреля 2015 г.

3. Ainsworth J. Lost in Translation? Linguistic Diversity and the Elusive Quest for Plain Meaning in the Law // A book chapter in the Ashgate Handbook of Legal Translation, Le Chang, King Kui Sin, and Anne Wagner, (eds.), Seattle University School of Law Research Paper No. 2014. 15-01, P. 1–22. URL: <https://ssrn.com/abstract=2568893>.
4. Ariani M. G., Sajedi F., Sajedi M. Forensic Linguistics: A brief overview of the key elements. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 158. P. 222–225.
5. Balazs E. To the recommendation of using “linguistic fingerprints” in the criminal procedure // *Comparative Linguistics*. 2016. Vol. 28. P. 119–136.
6. Baldwin J. POLICE INTERVIEW TECHNIQUES: Establishing Truth or Proof? // *The British Journal of Criminology*. 1993. Vol. 33 (3). P. 325–352.
7. Correa M. Forensic Linguistics: An Overview of the Intersection and Interaction of Language and Law // *Studies about languages*. 2013. № 23. P. 5–13.
8. Chriti M., Kotzia P. Ancient philosophers on language, Στο Giannakis, G. K. (επιμ.) *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. 2014. Vol. 1: A-F. Leiden & Boston : Brill. P. 124–133.
9. Danielwicz-Betz A. The Role of Forensic Linguistics in Crime Investigation // *Language Studies: Stretching the Boundaries* Littlejohn A. and Rao Mehta S. (ed.), Cambridge : Cambridge Scholars Publishing. P. 93–108.
10. Foulkes P., French P. Forensic Speaker Comparison: A Linguistic-Acoustic Perspective. Oxford : Oxford Handbook of Language and Law, 2012. P. 557–572.
11. Gortych-Michalak K. Ασυνέχειες ή συνέχειες της ελληνικής νομικής γλώσσας (1974–2014). 5th European Congress of Modern Greek Studies of the European Society of Modern Greek Studies. Thessaloniki, 2–5 October 2014. *Continuities, Discontinuities, Ruptures in the Greek World*. Thessaloniki, 2015.
12. Grewendorf G. και Rathert M. Law always has a linguistic form there would be no law without language, *Language and Law—new applications of formal Linguistics* // Grewendorf Günter & Monika Rathert (Edit.), *Formal Linguistics and Law. Trends in Linguistics Studies and Monographs 212*. Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 2009. P. 1–22.
13. Groot G. R. *Language and law*. Netherland : Maastricht University Press, 2003.
14. Haworth K. Police interviews as evidence // Malcolm Coulthard & Alison Johnson (eds.) *Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. Abingdon : Routledge, 2010. P. 169–194.
15. Joseph J., Saussure F. *Oxford Research Encyclopedias*. 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.385> [retrieved 12.2.2023].
16. Juana M., Hazhar R. The Role of Forensic Linguistics in Understanding Legal Documents in Court Proceedings: controversies and Future Perspectives // *Electronic Research Journal of Social Sciences and Humanities*. 2021. Vol. 3 (2). P. 1–8.
17. Koenig B. Spectrographic voice identification: A forensic survey // *Journal of the Acoustical Society of America*, 1986. Vol. 79 (6). P. 2088–2090.
18. Morisson G. St. Admissibility of forensic voice comparison testimony in England and Wales // *Criminal Law Review*. 2018. Vol. (1). P. 20–33.
19. Morpho adds AGNITiO voice ID solutions to criminal ID biometrics solutions. URL: <https://www.biometricupdate.com/companies/agnitio> (дата обращения: 18.02.2023).
20. Olsson J. *Word Crime: Solving Crime through Forensic Linguistics*. New York : London : Continuum International Publishing Group. 2009.
21. Orvell A., Ayduk Ö., Moser J. S., Gelman S. A., Kross E. Linguistic Shifts: A Relatively Effortless Route to Emotion Regulation? // *Current Directions in Psychological Science*. 2019. Vol. 28 (6). P. 567–573.
22. Ramezani F., Arefeh Koshousi S., Moghadam K. Forensic Linguistic in the light of Crime Investigation // *Sociala Pertanica Journal, Sciences and Humanities*. 2016. Vol. 24 (1). P. 375–384.
23. Solan L. M., Tiersma P. M. *Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*. Chicago and London : Chicago: The University of Chicago Press, 2005. P. 13–23.
24. Svartvik J. *The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics*. Gothenburg Studies in English, 1968.
25. Toghuji R. Forensic Linguistics function in Evidentiary and Investigative Contexts. 2022. P. 15. doi: 10.31235/osf.io/eaqmw
26. Αλεξιάδης Στ. *Ανακριτική, 5η Έκδοση, Αθήνα-Θεσσαλονίκη, εκδόσεις Σάκκουλα, 2003.*
27. Δαλακούρας Χ. *Ποινική Δικονομία. 9^η έκδοση, Κομοτηνή, Two K. Project EPE Εκδοτική, 2022.*
28. Δημόπουλος Χ. *Η Πραγματογνωμοσύνη, Αθήνα, εκδόσεις Νομική Βιβλιοθήκη, 2017.*
29. Δημόπουλος Χ. *Ποινική Δικαιοσύνη και Έγκλημα [Τα ελληνικά θεμέλια], Σειρά ποινική Δικαιοσύνη και Έγκλημα, Αθήνα, εκδόσεις Παπαζήση, 2020.*
30. Δημόπουλος Χ. *Ανακριτική, Εγκληματολογική, Αστυνομική και Δικανική, Αθήνα, εκδόσεις Νομική Βιβλιοθήκη, 2021.*
31. Θεολόγη Β. *Τεχνολογική Αστυνόμευση και Αντεγκληματική πολιτική, Αθήνα, εκδόσεις Παπαζήση, 2022.*
32. Καλλιγιάς Π. *Αριστοτέλης. Κατηγορία. Περί Ερμηνείας. Καλλιγιάς, Π. (μετάφραση), Αθήνα, Νήσος, 2011.*
33. Κουράκης Ε. *Η ποινική επικαιρότητα των Πλατωνικών Νόμων, στο, Πλάτωνος Νόμοι, Πρακτικά Διεθνούς Επιστημονικού Συνεδρίου (7–8 Μαΐου 2001), Μακρυγιαννάκης, Ε. (Επιμ.), Αθήνα-Κομοτηνή, εκδόσεις Αντ. Ν. Σάκκουλας, 2003.*
34. Κριαράς Ε. «Η νομική γλώσσα». Στο: *Η δημοτική στη νομική πράξη. Μελέτες – Κείμενα – Αποφάσεις. Βοϊκλής Ε. και άλλοι (Επιμ.). Αθήνα-Κομοτηνή, εκδόσεις Αντ. Ν. Σάκκουλα, 1982. Σ. 113–117.*
35. Κριμπάς Π., Βαλεοντής Π., *Νομική γλώσσα, νομική ορολογία. Θεωρία και πράξη. Νομική Βιβλιοθήκη. Αθήνα, 2014.*
36. Παναρέτου Ε. *Γλώσσα και Δομή των Νόμων. Αθήνα, εκδόσεις Παπαζήση, 2009.*

37. Πανάγος Κ. Η δικανική εξέταση ανηλίκων σε υποθέσεις σεξουαλικής κακοποίησης: Νεότερα νομοθετικά δεδομένα, *The art of crime*, τεύχος 12. 2022. URL: <https://theartofcrime.gr/nov-2022/> (дата обращения: 18.02.2023).
38. Πανούσης Γ. Η εγκληματολογική πραγματογνωμοσύνη (ως προϋπόθεση της δίκαιης δίκης), *Ποινικός Λόγος*, τεύχ. 6, σελ. 2065 επ, 2001.
39. Πανούσης Γ. Απεννοχοποιημένες ενοχές [σκέψεις πάνω στην αυτοδικαίωση του πολιτιστικού μη-ηθικού βίαιου], σε *Βιοποικιλότητα, κοινωνική και πολιτισμική ποικιλότητα*, Παπαβασιλείου, Β., Νικολάου, ε., Χατζηνικόλα, Χ. Καίλα, Μ.(επιμ.). Αθήνα, εκδόσεις Διάδραση. 2021. Σ. 79–86.
40. Πλάτων. Νόμοι, Βιβλία Ζ', Η', Θ', Ι', ΙΑ', ΙΒ', Νικολούδης Η. Π. (μετάφραση), Αθήνα, Εκδόσεις Δαίδαλος. Ι. Ζαχαρόπουλος. (Βιβλίο Θ'), 2011. Σ. 315–330.
41. Σταυράκης Α. Νεοελληνική νομική γλώσσα, Αθήνα, εκδόσεις Νομική Βιβλιοθήκη, 1995.
42. Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2014. № 2. С. 14–18.
43. Хориков И., Малев М. Новогреческо-русский словарь. М. : Культура и традиции, 1993. 856 с.

Σведения об авторах:

Γεολογί Βασιλικί Κονσταντινοβνά, кандидат юридических наук, криминалист, преподаватель Юридического факультета Фракийского Университета имени Демокрита, г. Комотини, Греция.

Αμιριδι Στεφάνια Γεοργιεβνά, кандидат филологических наук, доцент, заведующий русским отделением кафедры языков, литературы и культуры причерноморских стран Факультета классических и гуманитарных наук Фракийского Университета имени Демокрита, г. Комотини, Греция.

М. Р. Бабикова

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ГРАФИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

M. R. Babikova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ELEMENTS OF THE LANGUAGE GAME IN GRAPHIC DAMAGE TO URBAN SPACES

Аннотация. Графический вандализм, как и другие формы его проявления, наносит существенный материальный ущерб. В рассматриваемом феномене скрываются и другие вопросы: физической безопасности горожан, вопросы влияния на установки наблюдателей. В рамках настоящего исследования рассматривается языковая игра как один из вариантов привлечения внимания к содержанию, отраженному в графических повреждениях городской среды.

Ключевые слова: графический вандализм, языковая игра, городское пространство, технологии воздействия, манипуляция

Abstract. Graphic vandalism, like other forms of its manifestation, causes significant material damage. Other issues are hidden in the phenomenon under consideration: the physical safety of citizens, issues of influence on the attitudes of observers. In the framework of this study, a language game is considered as one of the options for drawing attention to the content reflected in the graphic damage to the urban environment.

Keywords: graphic vandalism, language game, urban space, impact technologies, manipulation

Языковая игра (далее – ЯИ) – такая же логическая, замысловатая игра, что и игра в шахматы, о чем в курсе общей лингвистики говорил Ф. де Соссюр: «из всех сравнений, которые можно было бы придумать, наиболее показательным является сравнение, которое можно провести между функционированием языка и игрой в шахматы!» [Соссюр цит. по Воронин 2015: 1353]. Между тем языковая игра, имея определенную целевую установку, более динамична благодаря свободному, творческому отношению к языку, стремлению адресата к созданию новых смыслов и форм выражения мысли. Такое стремление может обеспечиваться несколькими средствами: как через использование средств языка, соответствующих языковой норме, так и через сознательное нарушение границ посредством сознательного нарушения этих норм.

Феномен языковой игры, приемы ее реализации являлись и являются объектом внимания многих исследователей, среди наиболее значимых следует назвать работы: Л. Витгенштейна, Т. А. Гридиной, Е. А. Земской, Б. Ю. Нормана, В. З. Санникова и др. Также прием изучается в рамках различных дискурсов: рекламного, политического, литературного, разговорного и пр.

В настоящей работе предприняты попытки описания средств языковой игры, встречающихся в дискурсе вандализма, а точнее в графических повреждениях городской среды. Исследование феноменов, возникающих в городской среде, – одно из актуальных направлений современности. «Вандализм – как один из этих феноменов является объектом исследования, позволяющим определить его роль в становлении личности, среди которых самореализация, самоопределение, самовыражение, познание и самопознание, самоутверждение, самоконструирование и пр., определить закономерности актуализации, сублимации, переноса вандального поведения молодежи в деструктивных и конструктивных формах активности» [Бабикова, Блинова, Воробьева и др. 2021: 13]. Применение средств языковой игры, по мнению Б. Ю. Нормана, заключается в ощущении человеком «эстетического голода и подспудного стремления к бунту» [Норман цит. по Сайфутдинова 2016: 96]. В словах Бориса Юстиновича лежит правда в отношении говорящего к языковым нормам, но если говорить о применении языковой игры в деструктивном дискурсе – дискурсе вандализма, то это в том числе «бунт» той или иной личности не против языковых норм, но против или «за»

каких-либо социальных явлений, общественно-политических событий, который можно выразить многообразием языковых норм и их нарушением.

В исследованиях И. В. Воробьевой и О. В. Кружковой вандализм рассматривается в качестве маргинализованной формы коммуникации: «вандализм представляет собой средство коммуникации, сообщающее о характере взаимодействия человека с тем пространством, в котором он проживает, например, современном мегаполисе» [Воробьева, Кружкова и др. 2018: 126].

Осуществляя коммуникацию нетривиальным способом, нарушители закона стремятся к привлечению внимания адресатов, к формированию мнения относительно того или иного вопроса (зачастую политического), к распространению какой-либо идеи средствами языковой игры.

Изучая содержание графического вандализма разных городов, мы отмечаем, что именно ЯИ является одним из частотных способов привлечения внимания к теме или к затрагиваемой в тексте вандализма проблеме. Предложенные выводы сделаны на основе анализа более 200 фотоизображений графических повреждений с понятным, прочитываемым смыслом.

Применительно к исследуемому дискурсу языковая игра может быть представлена в виде:

- текстовых надписей, включающих супраграфемные средства, такие как: изменение цвета и размера букв, варьирование шрифта, использование поэтического способа передачи информации, подчеркивания текста и т. п.;
- надписей, состоящих из разных языковых кодов или букв одного языка, взаимозаменяющих друг друга и способствующих трансформации смыслов или их дополнению;
- графических повреждений, представленных в форме креолизованного текста, т.е. состоящих из знаков разных семиотических систем: вербальных и визуальных. Это могут быть варианты сочетания текста и рисунка, взаимодополнение которых позволяет адресату отразить полный смысл графического повреждения. К данной категории относятся надписи, включающие рисунки или символы (знаки) на местах пропущенных букв.

Рассмотрим некоторые примеры. На первом изображении представлен текст, позволяющий адресату прочитывать довольно объемный смысл. Одной фразой, используя языковую игру, автор транслирует идею о том, что «*все разные, но все равные*».

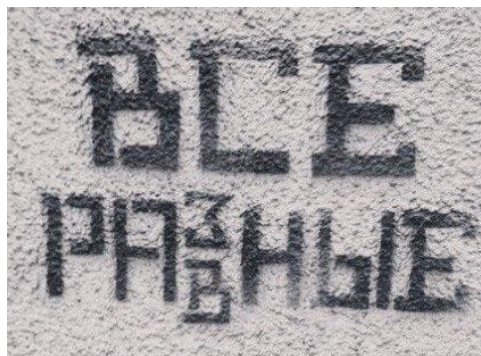

Рис. 1

Изображение номер два представляет собой «холст афоризмов», мимо которых, вероятно, сложно пройти. Смысл всех представленных на стене фраз резюмирует текст, намеренно выделенный автором красным цветом: «*какие умные мы ведем разговоры, и какую глупую жизнь мы ведем?!*». Следует отметить, что автор графического повреждения не только умело передает идею через шрифт, цвет и способ построения высказываний, но и прибегает к стилистическому приему – анафоре, усиливающей остроту и выразительность текста, выделенного другим цветом.

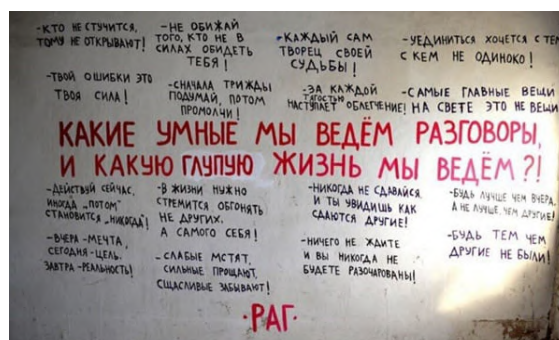

Рис. 2

На третьем изображении графическое повреждение представлено в виде креолизованного текста, смысл которого – символично представить названное вербально: «Мать рашка» заключена в хорошо просматриваемое очертание матрешки (графическое повреждение представлено в закрашенном коммунальными службами варианте).

Рис. 3

Вандажные повреждения городской среды – одна из остро стоящих перед обществом проблем, на разрешение которой брошено много усилий.

Вандализм наносит существенный материальный ущерб, приводящий к последующей деградации пространства. Его результаты могут влиять на психологическое благополучие жителей, сталкивающихся с вандажно преобразованными объектами городской среды. Однако воздействующий потенциал вандализма не ограничивается исключительно деградацией городской среды, имея определенное семантическое наполнение и активную форму выражения в пространстве города, вандализм может оказывать скрытое влияние на установки наблюдателей, а многократное восприятие его посланий может привести к созданию условий для изменения взглядов и позиций человека. Рассматриваемый в настоящем исследовании феномен языковой игры, включенный в дискурс вандализма, обладает высоким прагматическим потенциалом. Используя средства языковой игры авторы графических повреждений стремятся к самовыражению и самоидентификации. Зашифровывают истинное отношение к событиям, фактам, тем самым подталкивая адресата к «нужному» толкованию текстов.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Список литературы

1. Воробьева И. В., Злоказов К. В., Кружкова О. В. [и др.]. Вандализм в городской среде: девиация или коммуникация. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2018. 178 с. EDN: IFLLTN.
2. Воронин Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) 2015. № 7 (9). С. 1352–1361. doi:10.17117/na.2015.07.269. EDN: UGSAFF.
3. Земская Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь. М. : Наука, 1983. 214 с.
4. Бабилова М. Р., Блинова О. А., Воробьева И. В. [и др.]. Культурный код вандализма: опыт кросс-культурного исследования // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2021. 303 с. EDN: EEUUGM.
5. Сайфутдинова Р. Р. Обзор исследований языковой игры: классификации приемов словотворчества // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 4 (18). С. 96–98. EDN: YFOYOD.

Сведения об авторе:

Бабилова Марина Рашитовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики, русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Д. А. Багрова

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, г. Москва, Россия

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

D. A. Bagrova

Russian State University named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia

FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Аннотация. Рассматривается исторический экскурс судебной лингвистической экспертизы, ее теоретические положения о предмете, объекте, задачах, экспертизе в области лингвистической экспертизы, раскрывается понятие судебной лингвистической экспертизы. Отдельное внимание уделяется проблеме исследования текстов интернет-коммуникации, обладающих признаком гипертекстуальности.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, предмет, объект, задачи, интернет-коммуникация

Abstract. The article examines the historical background of forensic linguistic examination, its theoretical provisions on the subject, object, tasks, forensic linguistic scientist, reveals the concept of forensic linguistic examination. Special mention should be made of the problem of studying Internet-communication texts that have a sign of hypertextuality.

Keywords: forensic linguistic examination, the subject, object, tasks, Internet-communication

Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) – новый род судебных экспертиз, который в качестве самостоятельного сформировался только в конце 90-х годов, а получил свое юридическое закрепление в начале XXI века, хотя потребность в проведении подобных экспертиз возникла гораздо раньше. Одним из первых признанных «лингвистических правонарушений» стало дело, связанное с оскорблением частного пристава Врубеля доктором медицины Ельцинским, которого в 1865 году Московский окружной суд признал виновным в оскорблении [Галяшина 2023: 214-215]. В настоящее время подобные исследования имеют только историческую значимость в качестве факта подтверждения потребности в проведении подобных экспертиз, поскольку методы и методики, используемые в то время (если они вообще использовались), уже не являются актуальными.

Современная лингвистическая экспертиза проводится во всех видах судопроизводства. В гражданском и арбитражном – по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации, по делам о защите авторских и смежных прав и т. д.; в уголовном – по делам об экстремизме, оскорблении чувств верующих, получении и даче взятки и т.д.; в административном – по делам об оскорблении, пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и т.д.; в конституционном равно как и в других видах – толкование содержания договоров, различных письменных документов.

Лингвистическая экспертиза, согласно родовой классификации судебных экспертиз, относится к классу речеведческих. Выделение данных родов в отдельный класс экспертиз обусловлено использованием специальных речеведческих знаний при их проведении. Данному подходу к классификации придерживаются такие ученые, как Е. Р. Россинская [Россинская 2020: 145], А. И. Галяшина [Галяшина 2023], И. Н. Сорокотягин [Сорокотягин 2023: 241-148] и некоторые другие.

Судебная лингвистическая экспертиза может быть назначена судом, следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, органом дознания, а также органом или лицом, в производстве которого находится административное дело. О назначении экспертизы выносится постановление или определение.

Для проведения судебной лингвистической экспертизы привлекается лицо, обладающее специальными знаниями в области лингвистики. Следовательно, экспертом в области лингвистической экспертизы можно стать, получив высшее образование по специальности «Судебная экспертиза».

за» (специализации «Речеведческие экспертизы») или путем профессиональной переподготовки и повышения квалификации лиц, имеющих высшее гуманитарное образование («филология», «лингвистика» и под.) [Россинская 2023: 149–150].

Предмет лингвистической экспертизы рассматривается учеными по-разному. К. И. Бринев считает, что предмет лингвистической экспертизы – «какой-либо языко-речевой уровень (= срез) исследуемого объекта» [Бринев 2020: 66]. Е. И. Галяшина под предметом судебной лингвистической экспертизы понимает «установление фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистики» [Галяшина 2023: 220]. Т. В. Назарова, В. О. Хуртилов определяют предмет лингвистической экспертизы как «установление фактических данных при изучении экспертом содержания текста на предмет наличия (отсутствия) информации о событиях и ситуациях, оценки лица или группы лиц, их свойств и действий, побуждения к действию в речевом акте, а также определения социального статуса коммуникантов в различных ситуациях коммуникации с использованием специальных знаний» [Практическое руководство 2011: 460]. Г. С. Иваненко считает, что предметом экспертизы «должно быть именно типовое понимание, массовое восприятие текста, основанное на законах декодировки» [Иваненко 2018: 44]. Данные определения не могут быть корректными по следующим причинам. Во-первых, стоит начать с того, что, согласно теории судебной экспертизы, предмет любой судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, арбитражном, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла [Россинская 2023: 83]. Из этого следует, что под предметом лингвистической экспертизы понимать языковой срез или восприятие текста некорректно. Здесь, скорее всего, авторы данных определений допускают смешение понятий «предмет экспертизы» и «предмет исследования». Во-вторых, предметом экспертизы не может быть процесс, на что указывает отглагольное существительное «установление» в определении, данном Е. И. Галяшиной. Думается, что наиболее точным с точки зрения теории судебной экспертизы следует считать определение, данное Е. Р. Россинской: «Факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования естественного или искусственного языка» [Россинская 2020: 370].

Таким образом, **предмет** судебной лингвистической экспертизы – фактические данные и обстоятельства, исследуемые и устанавливаемые экспертом на основе его специальных знаний в области лингвистики.

Объектом лингвистической экспертизы традиционно считают продукты речевой деятельности, что подтверждается приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237, где род «судебная лингвистическая экспертиза» определяется как «исследование продуктов речевой деятельности». Такое определение дает объекту лингвистической экспертизы и К. И. Бринев [Бринев 2009: 48]. И. А. Ярошук, Н. А. Жукова, Н. И. Долженко под объектами СЛЭ понимают «единицы языка и речи, устные, письменные, электронные тексты, зафиксированные на любом материальном носителе» [Ярошук 2020 : 8]. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина дают следующее определение объекту лингвистической экспертизы: «спорный текст, а также линейные составляющие этого текста: текстовые фрагменты, высказывания, словосочетания, слова» [Вепрева 2020: 22]. Е. И. Галяшина в своем исследовании определяет объект судебной лингвистической экспертизы как «единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе» [Галяшина 2003: 210]. Анализ данных определений дает возможность говорить, что **объект** судебной лингвистической экспертизы – это продукт речевой деятельности, зафиксированный на любом материальном носителе.

Ссылка на текст, размещенный в Интернете, не может предоставляться эксперту-лингвисту для проведения исследования. В связи с этим необходимо производить фиксацию текстов интернет-коммуникации в виде фотографий, скриншотов, протокола осмотра доказательств или иным возможным способом.

При исследовании таких объектов для эксперта представляет сложность гипертекстуальность объекта исследования. Ссылки, находящиеся в тексте, расширяют контекст сообщаемой информации. В случае с предоставлением такого объекта на экспертизу на материальном носителе, у эксперта отсутствует возможность перехода по ссылке и исследования контекста, имеющегося на интернет-странице.

Думается, что в случае, когда объектом лингвистической экспертизы становится текст интернет-коммуникации, необходимо фиксировать не только сам спорный текст, но и информацию, размещенную по внутритекстовой гиперссылке, и передавать в распоряжение эксперта. При этом важно, что объект исследования не изменяется. Дополнительная информация расширяет контекст исследуемого текста и позволяет эксперту сделать обоснованный вывод. Предоставление на экспертизу информации, прямо в тексте не сообщаемой, но содержащейся в нем в виде гиперссылки, позволит эксперту провести объективное, полное и всестороннее исследование [Багрова 2022 : 226].

За последнее время круг объектов лингвистической экспертизы значительно расширился. При различных обстоятельствах объектами могут стать постановления и определения следователя или суда, плакаты и постеры, реклама, видеоклипы, интервью, аудио- и видеосюжеты, смс-сообщения и т.д. А в связи с заметным расширением возможностей интернет-коммуникации появляются новые объекты лингвистической экспертизы, такие как блог, пост в социальной сети, сообщения в мессенджерах и др. Перечень объектов является открытым, что говорит о динамичности общественных отношений.

В целях выявления в объектах исследования криминалистически значимой информации, перед экспертом ставятся задачи как идентификационного, так и диагностического характера.

Круг задач лингвистической экспертизы можно представить следующим образом:

- выявление значения различных речевых единиц (слов, словосочетаний, предложения, текста);
- установление наличия/отсутствия в исследуемом объекте информации определенного содержания;
- выявления значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу;
- толкование фрагментов текста для установления возможных вариантов его понимания;
- установление сходства/различия между текстами;
- установление сходства/различия между товарными знаками, фирменными наименованиями, коммерческими обозначениями и подобными объектами;
- установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста;
- выявление смысловой направленности текста или его фрагмента, наличия в нем признаков эмотивности, особенностей использования стилистических средств и приемов и т. п.

Перечень является открытым, поскольку появление новых преступлений и нормативное их закрепление в юридических документах, а также новых объектов исследования будет требовать расширения круга решаемых экспертом-лингвистом задач.

Таким образом, определение круга ключевых терминов позволяет заключить, что **судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ)** – это самостоятельный род судебных речеведческих экспертиз, исследование продуктов речевой деятельности с целью выявления в них криминалистически значимой информации, которое проводится на основании постановления или определения компетентного органа лицом, обладающим специальными знаниями в области лингвистики, и оформляется в виде письменного заключения эксперта.

Список литературы

1. Багрова Д. А. Текст электронных СМИ как объект судебной лингвистической экспертизы // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер-2022». 2022. Ч. 8. С. 223–227.
2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика : монография. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2020. 300 с.
3. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.
4. Вепрева И. Т. Экспертный лингвистический анализ спорного текста : учеб.-метод. пособие. М. : ФЛИНТА ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 148 с.
5. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 553 с.
6. Галяшина Е. И. Судебное речеведение : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 320 с.
7. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации : монография. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2018. 247 с.
8. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. 724 с.
9. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021) // КонсультантПлюс.
10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 576 с.
11. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 368 с.
12. Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2023. 288 с.
13. Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. Белгород : НИУ «БелГУ», 2020. 96 с.

Сведения об авторе:

Багрова Дарья Андреевна, магистрант Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, г. Москва, Россия.

А. Н. Баранов

Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук,
г. Москва, Россия

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВИСТИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

A. N. Baranov

Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

TOOLS OF LINGUISTICS IN FORENSIC LINGUISTICS: CORPUS TECHNOLOGIES

Аннотация. Лингвистическая экспертиза товарных знаков в некоторых случаях предполагает исследование употребительности обозначения как слова в определенном значении. Согласно вводимому определению, форма X (на письме – последовательность графем) является словом современного русского языка и является общеупотребительной в определенном значении, если и только если она входит в словарь (лексикон) современного русского языка в данном значении. В статье предлагается использовать для установления общеупотребительности обозначения лексикографический и корпусный критерии. По лексикографическому критерию обозначение является словом литературного русского языка, если оно фиксируется современными толковыми словарями в соответствующем значении. По корпусному критерию обозначение должно использоваться в репрезентативном корпусе текстов в определенном значении. В качестве примера рассматривается функционирование формы *Кара-Кум* в отношении конфет определенного вида.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарные знаки, корпусная лингвистика, лексикография

Abstract. Analysis of trademarks in forensic linguistics in some cases involves the study of the use of an expression as a word in a certain meaning. According to the proposed definition, the form X (in writing – a sequence of graphemes) is a word of Russian and is commonly used in a certain meaning, if and only if it is included in the dictionary (lexicon) of the modern Russian language in this meaning. The article suggests using lexicographic and corpus criteria to establish the common use of the expression. According to the lexicographic criterion, the expression is a word of Russian, if it is fixed by modern explanatory dictionaries in the appropriate meaning. According to the corpus criterion, the expression should be used in a representative text corpus in a certain meaning. As an example, the functioning of *the Kara-Kum* form in relation to sweets of a certain type is considered.

Keywords: forensic linguistics, trademarks, corpus linguistics, lexicography

Постановка задачи

В целом ряде случаев для решения задач, поставленных в лингвистической экспертизе, необходимо обращение к инструментарию компьютерной лингвистики, который, вообще говоря, создан для других целей и не преследует специальных экспертных задач. Как известно, корпусная лингвистика – это направление в прикладной лингвистике, занимающееся разработкой принципов создания и обработки корпусов данных, в том числе корпусов текстов [Баранов 2003 : 112–118]. Корпус текстов представляет собой репрезентативное отображение теоретически бесконечной области речевых продукций – результатов функционирования системы языка. Существуют различные способы достижения репрезентативности корпуса, которые широко обсуждаются в существующей литературе по корпусной лингвистике (см., например [Баранов 2001; Беликов и др. 2013; Sinclair 2005; Sharoff 2006]) и которые здесь рассматриваться не будут.

Юридический статус корпусного эксперимента не вполне определен, хотя реально этот метод исследования уже используется в практике лингвистической экспертизы. Корпусный эксперимент позволяет решать, как минимум, следующие задачи:

- подтверждение, проверка и корректировка словарных значений слов и семантики синтаксических конструкций;
- выявление лексических значений, не представленных в словарных источниках;
- проверка употребительности аббревиатур, слов и словосочетаний в экспертизах по товарным знакам;
- оценка тональности контекстов использования слов и словосочетаний;
- составление репрезентативных фоновых корпусов текстов в экспертизах по установлению авторства;
- составление словариков текстов и корпусов текстов, а также оценка частоты употребления соответствующих форм в корпусе;
- выявление лингвистических признаков злоупотребления правом в рамках ст. 10 ГК РФ [Баранов 2022].

Рассмотрим здесь один из примеров использования корпуса текстов для установления общеупотребительности слова в связи с регистрацией товарных знаков.

Критерии общеупотребительности слова как обозначения объектов определенного типа или вида

Согласно ФЗ № 166-ФЗ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров», нельзя регистрировать к качеству товарных знаков обозначения, не обладающие различительной способностью или состоящие только из элементов «вошедших во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида» (ст. 6 п. 1 ФЗ № 166-ФЗ). С лингвистической точки зрения это означает, что слово, входящее в словарь языка в определенном значении (значениях), не может регистрироваться как товарный знак в этом же значении (значениях).

Современная лингвистическая теория исходит из того, что язык состоит из двух важнейших компонентов: грамматики и словаря. И грамматика, и словарь понимаются в этом случае не как конкретные грамматические описания языка и не как конкретный словарь, а как абстрактные сущности, о существовании которых в когнитивной системе человека можно судить по косвенным данным: прежде всего по языковой способности, то есть по тому, что носитель языка в состоянии использовать речь для выражения своих мыслей, для общения с другими носителями, для перефразирования и т.д.¹ В этом случае, вместо термина *словарь*, часто используются также термины *лексика* и *лексикон*. Грамматика описывает регулярные правила построения предложений (высказываний), а словарь (лексика) представляет собой множество слов, которые могут быть использованы для порождения предложений. Лексика, или лексикон – это совокупность слов языка, его словарный состав.

Вхождение слова в современный русский литературный язык и общеупотребительность слова (в том числе в определенном значении) определяется, таким образом, вхождением в словарь, лексику русского литературного языка в соответствующем значении. Иными словами, **форма X (на письме – последовательность графем) является словом современного русского языка и является общеупотребительной в определенном значении, если и только если она входит в словарь (лексикон) современного русского языка в данном значении.**

Словарь, лексика языка фиксируется в словарных изданиях – словарях различного типа. Обычно под словарем понимается определенным образом организованное собрание слов с приписанными им комментариями, в которых в стандартной для данного словаря форме (или формате) описываются особенности их структуры и/или функционирования [Баранов 2003 : 55].

Из сказанного следует сделать вывод о том, что вхождение какого-либо слова в состав лексики и его использование в определенном значении (общеупотребительность) устанавливается, во-первых, по авторитетным, (академическим) словарям русского языка и, во-вторых, по существующим представительным корпусам текстов, в которых отражается современное словоупотребление. Первый критерий вхождения называется **лексикографическим**, а второй – **корпусным**. Лексикографический и корпусный критерий не противоречат друг другу. Иными словами, теоретически возможны три комбинаторных варианта:

- (i) форма X отвечает лексикографическому критерию, то есть она описана в авторитетном словаре в соответствующем значении, но не фиксируется современными корпусами текстов;
- (ii) форма X отвечает корпусному критерию, но не фиксирована в авторитетном словаре либо вообще, либо в соответствующем значении;
- (iii) форма X отвечает и лексикографическому и корпусному критериям.

Очевидно, что случай (i) характеризует те случаи, когда слово является устаревшим и не фиксируется в современных корпусах текстов, впрочем, тогда оно может фиксироваться в фунда-

¹ См. подробнее о разграничении абстрактной грамматики и абстрактного словаря: [Апресян 1996; Есперсен 1958; Шведова 1990]

ментальных корпусах, включающих тексты различных эпох. Можно исходить из того, что, если словарь фиксирует форму как слово в определенном значении, то она заведомо употребляется в речи и, соответственно, представлена в репрезентативных корпусах текстов – случай (ii). Если же все-таки словарь фиксирует форму, но она отсутствует даже в фундаментальных корпусах текстов в соответствующем значении, это означает, что либо корпус текстов нерепрезентативен, либо указанное значение устарело (может быть и устарело само слово) и по этой причине его нет в современном дискурсе (в современных текстах на данном языке). Рассмотрим последовательно лексикографический и корпусный критерии.

Лексикографический критерий

Вхождение в словник далеко не всякого словаря указывает на то, что форма используется как слово современного русского литературного языка в том или ином значении. В лексикографии существуют общепринятые классификации словарей. Так принято различать **филологические словари** и **энциклопедии**. Словники энциклопедий включают самую разнообразную – в том числе специальную и уникальную – лексику в силу того, что их задача заключается в том, чтобы объяснить, дать необходимую информацию как об известных, так и малоизвестных понятиях, концептах, артефактах. Так, например, «Советский энциклопедический словарь» [Советский энциклопедический словарь 1980] включает словарную статью на слово *этихлоргидрин* – обозначение химического вещества, которое относится к подязыку химии, но не входит в современный русский литературный язык. Аналогично термин *эспарцет* является обозначением рода многолетних трав семейства бобовых и принадлежит специальному языку биологии.

Таким образом, лишь филологические словари могут фиксировать состав слов, относящихся именно к современному русскому литературному языку в соответствующих значениях. Однако среди филологических словарей целый ряд словарных изданий также не может использоваться для проверки по лексикографическому критерию на вхождение в состав словника современного русского литературного языка. Так, словари синонимов (например, [Евгеньева 1970–1971]), паронимов (например, [Вишнякова 1984]), словари крылатых слов (см., например, [Фелицына, Прохоров 1979]), словари сленгов и жаргонов [Юганов, Юганова 1997; Елистратов 2000], грамматические словари [Зализняк 1977] и другие **специальные** словари из-за ограниченности словника и недостаточной информации о значении, а также из-за ориентации на специфические ограниченные языковые сообщества не могут использоваться для установления вхождения слова в современный литературный язык и для оценки общеупотребительности.

Нельзя использовать для рассматриваемых целей и переводные словари в их русскоязычной части, поскольку такие словарные издания ориентированы в первую на задачи перевода.

Среди разнообразных типов словарей наиболее значимыми для оценки вхождения в лексикон русского языка оказываются толковые словари – словари, в которых определяется смысл (семантика) слова и приводятся контексты его употребления. Именно они – в особенности **нормативные толковые словари** – содержат слова, вошедшие в состав лексики русского языка. Целью нормативного словаря является фиксация и описание слов, соответствующих литературному стандарту. Кроме литературной лексики, словари указанного типа включают и просторечную, разговорную, отчасти жаргонную и специальную лексику. Система стилистических помет позволяет отделить слова литературного языка от других стилистических пластов лексики.

В российской лексикографической традиции XX–XXI вв. известны четыре академических словаря, которые могут рассматриваться как нормативные. Первый – «Словарь современного русского литературного языка» в 17 тт. (неофициальное название «Большой академический словарь», или БАС) [Словарь современного русского литературного языка 1950–1965]. Второй академический словарь – «Словарь русского языка» в 4-х тт. (название, принятое в кругах лексикографов: «Малый академический словарь русского языка», или МАС [Словарь русского языка 1985–1988]). Третий академический словарь – однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. Этот словарь был создан на основе словаря под ред. Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка 1935–1940] и впоследствии многократно обновлялся, а с 1992 г. выходил в авторстве С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992]. Уточненный и расширенный вариант этого словаря выходит с 2007 г. под названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Толковый словарь... 2007]. Наконец, под грифом Института лингвистических исследований РАН вышел также «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, который также может рассматриваться как академический [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Корпусный критерий

В настоящее время наиболее полным корпусом текстов русского языка, отвечающим критериям репрезентативности, считается «Национальный корпус русского языка», размещенный в интернете и включающий более 2 млрд словоупотреблений (<http://ruscorpora.ru>). Наличие в корпусе

достаточного количества употреблений слова в определенном значении в текстах разных жанров может рассматриваться как фактор, указывающий на вхождение формы в состав лексики русского языка в анализируемом значении, причем существенным оказывается не столько абсолютная частота употребления в конкретный незначительный по длине отрезок времени, сколько сохранение на стабильном уровне частоты употребления на значительном временном промежутке – даже при возможности относительного варьирования формы и значения.

Следует отметить, что произвольно взятые материалы из рунета (русскоязычного интернета) не могут рассматриваться как достоверный источник о семантике слова, о его типичных контекстах употребления в силу того, что для них **не выполняется критерий репрезентативности**¹. Такие данные часто носят случайный характер, отражают окказиональные (авторские) употребления и ошибки носителей языка. Рассмотрим, как используются предложенные критерии в лингвистической экспертизе наименования – в отношении формы *Кара-Кум*.

Case Study – *Кара-Кум*

Форма *Кара-Кум* является товарным знаком, используемым в отношении вида кондитерских изделий – конфет. Для лингвистической экспертизы, проводившейся в связи с данным наименованием, оказались существенными два вопроса: фиксирована ли форма (последовательность графем и соответствующим им звуков) «Кара-Кум» в современном русском языке как слово и если да, то в каком значении?

Лексикографический критерий

В существующих академических толковых словарях наименование «Кара-Кум» не обнаруживается. Единственное слово, близкое по форме к наименованию «Кара-Кум», – это название пустыни в Средней Азии – *Каракумы*, представленное как нормативное на географических картах, в словарях, энциклопедиях, учебниках по географии и т.д.:

КАРАКУМЫ Туркменские, песчаная пустыня в Ср. Азии. Ок. 359 т. км². <...> [Советский энциклопедический словарь 1980].

Каракумы Туркменские (туркм. Гарагум, буквально – черный песок), песчаная пустыня на Ю. Средней Азии, занимающая основную часть территории Туркменской ССР. <...> [Большая советская энциклопедия 1969-1978].

Ни в одном из толкований наименования *Каракумы* нет упоминания кондитерских изделий, конфет и т.п. Следует отметить, что семантика ‘кондитерских изделий, конфет’ отсутствует в анализируемых словарных статьях и в иллюстративных примерах, а также в зоне фразеологии (последняя не воспроизведена в представленных выше кратких версиях словарных статей – см. подробнее соответствующие словари). Иными словами, ни форма «Кара-Кум», отсутствующая в словнике авторитетных академических словарей русского языка, ни внешне (формально) связанное с этой формой наименование *Каракумы* не используются для обозначения определенного вида кондитерских изделий – конфет.

Таким образом, **по лексикографическому критерию слово «Кара-Кум» нельзя считать общепотребительным в качестве обозначения определенного вида кондитерских изделий – конфет.**

Корпусный критерий

В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) формы *Кара-Кум* и *Каракумы* в совокупности встречаются 250 раз (здесь и далее частота дается по старой версии НКРЯ), причем во всех случаях форма во множественном числе – *Каракумы* – функционирует как название пустыни в Средней Азии (1, 2 и 3), а на формы *Кара-Кум* и *Каракум* приходится лишь два употребления в качестве названия конфет (4, 5):

(1) Мы пересекали с ним пески *Каракумы*, взбирались на Памир, шли назад, добирались до Каспийского моря, каждый выбирал свой маршрут, и каждый, конечно, хотел перещеголять другого... [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок]

(2) В Южной Туркмении, на окраине пустыни *Каракумы*, в бронзовом веке располагался город Гонур. [«Знание-сила»]

(3) Оросили безводные пески *Кара-Кума* – это люди труда. [«Октябрь»]

(4) То же самое можно испытать, купив опять-таки знакомые с детства конфеты «*Кара-Кум*», «Мишка на севере» или «Зоологические». [«Встреча» (Дубна)]

(5) Мария Юрьевна дает Мальвине пакет с яблоками. Ребята собираются домой. – Передай Жене привет от всех, – говорит учительница. – Вот ей конфета, – Майя Башмакова протягивает Мальвине «*Каракум*». – Верни ей тридцать копеек, я у нее брал, – Коля Ежов достает деньги. –

¹ Подробнее о проблемах статистической достоверности текстовых данных рунета см. [Беликов 2014].

Я тоже хочу кое-что передать, – говорит Денис и проталкивается к Мальвине. – Передай привет, – Денис смешно кланяется, улыбка до ушей, – от старых штиблет. [Л. Г. Матвеева. Продленка]

В газетном подкорпусе НКРЯ формы *Кара-Кум* и *Каракум* чаще используется для названия конфет – 16 из 75:

(6) Согласно материалам Роспатента, в декабре 2013 года московская фабрика «Красный Октябрь», принадлежащая холдингу «Объединенные кондитеры», предоставила норвежскому концерну Ogkla лицензию на выпуск конфет «Кара-Кум» сроком на два месяца, до 15 февраля 2014 года. [«РБК Дейли»]

(7) Не исключено, что Роспатент отказался регистрировать этот знак, посчитав его схожим с товарным знаком **«Каракум»**, принадлежащим «Красному Октябрю». [«РБК Дейли»]

Во всех случаях номинации конфет слова *Кара-Кум* и *Каракум* вводятся квалификатором *конфета* (4, 5, 6) или даже прямым указанием на товарный знак (7). Иными словами, без этого квалификатора слова *Кара-Кум* и *Каракум* не используется в значении названия конфет. Следовательно, анализируемое слово не является нарицательным существительным, то есть обозначением конфет определенного вида, и сохраняет функции имени собственного – названия, связанного с конкретным производителем. Тем самым, **нет оснований приписывать словам *Кара-Кум* и *Каракум* семантику обозначения ‘определенного вида кондитерских изделий – конфет’** и по корпусному критерию.

Технология анализа с использованием инструментария корпусной лингвистики может использоваться и в других типах лингвистических экспертиз. Использование корпусной методологии ограничивается лишь весьма важным условием: репрезентативностью корпуса. В случае Национального корпуса русского языка такая уверенность основывается на объеме и жанровом разнообразии корпуса (экстенсивный критерий репрезентативности). В иных случаях репрезентативность корпуса требует доказательства относительно исследуемых речевых явлений.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. : Просвещение, 1966, 302 с.
2. Баранов А. Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафоры) // Труды Международного семинара «Диалог 2001». М. : Наука, 2001, URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume2/2_5.htm
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Изд. 2, испр. М., 2007, 358 с.
4. Баранов А. Н. Корпусный эксперимент в лингвистической экспертизе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». М., 2022. Вып. 21. С. 42–49.
5. Беликов В. И. К методике корпусного исследования лексики // Русский язык и новые технологии. М., 2014, С. 99–130.
6. Беликов В. И., Копылов Н. Ю., Пиперски А. Ч., Селегей В. П., Шаров С. А. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. Т. 1, № 12 (19). С. 84–95.
7. Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. 1536 с.
9. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984. 351 с.
10. Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000, 693 с.
11. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
12. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. 879 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. 939 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
15. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970–1971.
16. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950–1965.
17. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. 1600 с.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007, 1166 с.
20. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь. М., 1979. 269 с.
21. Шведова Н. Ю. Грамматика. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 113–115.
22. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997, 301 с.
23. Sinclair J. Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice Corpus and Text – Basic Principles. Oxford : Tuscan Word Centre, 2005. URL: <https://bond-lab.github.io/Corpus-Linguistics/dlc/chapter1.htm>
24. Sharoff S. Open-source Corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2006. № 11. P. 435–462.

Сведения об авторе:

Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом, Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Е. Н. Бондаренко

Академия государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий,
г. Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

E. N. Bondarenko

Academy of the State Fire Service of MES of Russia, Moscow, Russia

ABOUT SOME VIOLATIONS DURING THE LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Причиной неверных выводов лингвистической экспертизы могут являться нарушения при ее проведении. На примере рассмотрения лингвистической экспертизы документов, целью которой выступает установление временного периода их возникновения, выделяются некоторые виды нарушений при исследовании текстов. К ним относится путаница в указании использованных методов, ошибочные интерпретации языковых явлений, неверная квалификация вида исследования и др.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, нарушения при проведении лингвистической экспертизы

Abstract. Violations during the linguistic examination may be the cause for its incorrect conclusions. The article analyzes linguistic expertise, the purpose of which is to establish the time period of the studied documents and the period of their appearance. Some types of textual violations are highlighted. These include confusion in indicating the methods used, erroneous interpretations of linguistic phenomena, incorrect qualification of the type of research, etc.

Keywords: linguistic expertise, violations during linguistic expertise

Популярность и востребованность лингвистической экспертизы, а также профанация филологического образования привела к появлению большого числа исследований, выполненных с различного рода нарушениями. В некоторых случаях речь идет о превышении компетенции специалиста, когда вместо квалификации лингвистических феноменов эксперт занимается определением юридических фактов, или о смешении различных сфер знания под видом лингвоэкспертологии, в тех случаях если описываются психологические явления (например, составление психологического портрета личности вместо языкового и т.п.), а в иных ситуациях нарушения связываются с методологией исследования и ошибками в интерпретации языковых феноменов. Последнее является особенно актуальным, поскольку если первые два типа нарушений могут быть обнаружены специалистами в сфере филологического знания, то неверная интерпретация лингвистических фактов и отступления от норм проведения исследования могут быть обнаружены, как правило, только специалистом.

К числу подобных нарушений можно отнести неверную квалификацию вида исследования; отсутствие необходимых для проведения сравнительно-сопоставительного изучения материалов, которые привлекаются экспертом; некорректные данные о научно-методической основе экспертизы; путаница в указании использованных специалистом методов; нарушения в структуре изложения особенностей и результатов исследования; ошибочность интерпретации языковых явлений.

Примером тому выступает лингвистическая экспертиза документов, имеющая целью установить временной период их возникновения, проведенная специалистом соответствующей квалификации. Данное заключение позиционируется как комплексное, хотя по сути является «собранием» исследований двух экспертов под одной обложкой, поскольку в нем не представлен комплексный подход: в заключении отсутствует рассмотрение одного и того же предмета / объекта исследования специалистами с различной профильной специализацией, а также не представлен обобщающий вывод. Однако в описании теоретического обоснования и общих положений исследования эксперт пишет о нескольких авторах рассматриваемого фрагмента заключения (исследование

№ 5): «При ответе на поставленный вопрос специалист АМИ (выделено мной – автор) был произведен сравнительно-сопоставительный анализ представленных на исследование текстов Постановлений с текстами, представленными в качестве образцов», – что подразумевает изучение вопроса не одним специалистом, хотя и реквизит «подпись» принадлежит одному лицу.

Относительно статуса исследования обращает на себя внимание еще один факт: в определении ответственности эксперта говорится, что назначена была судебная почерковедческая экспертиза и техническая экспертиза документов, а произведенное исследование № 5 является по сути лингвистической экспертизой. Это проистекает и из самого характера вопросов, где необходимо указать лингвистические признаки времени создания деловых бумаг, и из хода исследования, отражающего сравнительно-сопоставительный анализ документов, их содержательной и формальной стороны, но не особенности почерка или материалов изготовления деловых бумаг, представленных на них вещественных реквизитов (оттиски штампов и природа их красящего вещества, время постановки и т.п.). В данном случае эксперт должен был обозначить подобную путаницу и изменить номинации вида исследования согласно своей компетенции, однако подобная информация в рамках рассматриваемого фрагмента заключения отсутствует.

Материалами изучения в экспертизе выступают тексты постановлений 1993 года, а также образцы постановлений за 1991 и 1993 год (в 1993 году предложены постановления за январь, февраль, март, май, сентябрь, октябрь и декабрь). Так как в поставленном перед экспертом вопросе речь идет о датировке, касающейся 1993 года или иного временного периода, то изучению должны были быть подвергнуты документы подобного типа за период до и после 1993 года. Их отсутствие заведомо определяет неточность выводов эксперта.

Использованная в процессе производства экспертизы литература не соответствует виду проводимого исследования: в перечне источников представлены данные о литературе, касающейся непосредственно общих теоретических вопросов лингвоэкспертологии и стилистики текста, хотя при проведении текстологического исследования (исследования, связанного с лингвоисторической судьбой произведения) должны были быть указаны источники, связанные с текстологической сферой филологического знания. Например, классическими в данном аспекте считаются труды Лихачева Д. С., Винокура Г. О., Томашевского Б. В. и Данилевского И. Н. Это позволяет сделать вывод о недостаточной научно-методической базе исследования. Отдельно стоит отметить и наличие в тексте экспертизы ссылки на источник, не отраженный в списке литературы. Так, в пункте 4, посвященном анализу констатирующей части постановлений, цитируется издание, выходные данные которого не представлены полностью: «(Кузнецова Т. В. Секретарское дело. М., 1999)». Указанный источник также не является литературой, связанной с проблемами текстологии.

В этом же отношении неверно определяются и методы, которые необходимо использовать для определения лингвистических признаков времени создания рассматриваемых текстов. Эксперт пишет о применении в исследовании сравнительно-сопоставительного анализа, в то время как в лингвоэкспертологии принято разделять сравнительно-сопоставительный метод и метод анализа, а также определять их как общенаучные и слишком широкие, что наделяет их статусом фиктивных [Баранов 2016]. Конечно, в экспертизе представлены некоторые данные об отличиях рассматриваемых документов (наличие пробелов между словами, знаками препинания, межабзачными интервалами, постановки инициалов ответственного лица до или после его фамилии, наименование должности, особенности переноса слов, знаков для обозначения номера и т.п.), однако количество рассматриваемого материала является недостаточным и результаты подобного изучения языковых особенностей не учитывают синергетического подхода к речевым произведениям, принимающего во внимание стабильные и хаотические явления в функционирующих системах. Так, довод о прописных и строчных буквах номинации «постановление» не выдерживает критики, поскольку не соответствует принципу устойчивой повторяемости (эксперт отмечает, что не существует постоянного единообразного употребления прописных и строчных букв в образцах текстов для сравнения). Кроме того, часть исследования связана с установлением стилиевой принадлежности текстов и определяющей их в этом смысле характеристикой. Это свидетельствует о применении в рамках исследования функционально-стилистического метода, однако и он не является ведущим методом текстологии. Отсутствие в исследовании специальных методов для определения лингвистических признаков времени создания текста таких, как контент-анализ, наблюдение, математико-статистический анализ, филологический анализ текста [Лихачев 1962, Винокур 1959, Данилевский 2018, Томашевский 1959, Мирошников 2010], делает исследование научно необоснованным.

Нарушена также структура экспертизы: сведения об исполнителе представлены не в начале вводной части исследования, а в конце, раздел толкования терминов отсутствует полностью.

Текст рассматриваемого фрагмента заключения не содержит орфографических и пунктуационных ошибок, отличается скрупулезным исследованием данных фототеки и начинается с верного описания лингвистических признаков времени создания документа («<...> Особенности использования тех или иных языковых средств, характерных для данного периода <...> наличие/отсутствие фактологической информации <...> отсутствие устойчивых и регулярных признаков, характерных для данного типа текстов конкретного временного периода»). Однако в исследовании отсутствует описание процесса датировки и ее признаков (данных о различных хронологи-

ческих выкладках, отсчете времени в тексте, указание на тех или иных лиц, упоминание событий или исторических явлений, соотношение с другими произведениями, феномены языка и др.) [Лихачев 1962 : 285], эксперт в большей степени описывает особенности идиостиля автора (исполнителя) текстов, что характерно для исследований, связанных с атрибуцией (установление авторства речевого произведения или получение каких-либо сведений из истории об авторе). При этом нарушение автором (исполнителем) стилистических норм, различия в лексической сочетаемости, обозначение цели использования земельного участка, «нетипичные» формулировки или хаотичное употребление интервалов, пробелов и т.п. выдается за лингвистические признаки датировки: «В обосновании используются абстрактные категории (рациональное использование, наиболее полное, эффективное и рациональное использование), в то время как в Постановлениях-образцах в обосновании содержится очень конкретная информация, факты, данные. Словоупотребление «наиболее полное» является оценочным, использование таких средств для официальных документов не характерно»; «В постановлениях отсутствует описание местоположения земельного участка, в отношении которого выносится постановление, при этом в текстах Постановлений-образцов указание местоположение <опечатка, должно быть «местоположения»> обязательно. Оно обязательно также и с точки зрения корректного оформления официально-делового документа, не допускающего двусмысленности, недосказанности, двоякого понимания», «В постановлениях содержится не характерное для Постановлений-образцов словоупотребление «участок земли» <...> В тексте постановлений-образцов используется словосочетание «земельный участок» <...>»; «В постановлениях используется не характерная для Постановлений-образцов формулировка для описания назначения земельного участка – «для ведения предпринимательской деятельности», «В пункте 2 постановлений используется не характерная для Постановлений – образцов формулировка «в установленном действующим законодательством порядке» <...>», «В исследуемых текстах выявлено использование знака ненормативное знака <опечатка – два раза напечатано слово «знак»> пробела (до и после открывающихся и закрывающихся скобок и кавычек, перед двоеточием) <...> Для текстов постановлений, представленных в качестве образцов, характерно классическое использование пробелов до и после открывающихся скобок и кавычек, перед двоеточием (пробелы отсутствуют) <...>», «В текстах трех исследуемых Постановлений используются интервалы между абзацами текста (по размеру – в 2-3 раза больше межстрочного интервала) <...> В текстах Постановлений – Образцов интервалы между абзацами отсутствуют, либо незначительны (не более 1,5 межстрочных интервалов) <...>» и т.д. Подобные стилистические нарушения, отсутствие стабильности лексической сочетаемости некоторых речевых оборотов, приведение информации с указанием назначения земельного участка, наличие «нехарактерных» формулировок и особенности графического построения текста свидетельствуют лишь о незнании адресантом конкретных речевых норм и о нестабильности использования им тех или иных приемов оформления информации. Иными словами, они характеризуют языковую личность автора (исполнителя), а не определяют лингвистические признаки датировки текста, точнее, не являются в текстологическом отношении существенными, как и указание на наличие типографической информации о заказе и на несоответствие номеров бланков исследуемых постановлений нумерации других текстов данного временного периода.

При текстологическом подходе один основательный аргумент стоит выше многих малоосновательных, это означает, что обозначенные ранее несущественные аргументы не могут быть основанием для определения датировки материалов исследования. Существенными в лингвоэкспертологии считаются специфические для конкретного времени языковые феномены и наличие ссылок на документы с хронологической привязкой. Эксперт пытается привести подобные лингвистические признаки: например, он сообщает, что содержащееся в рассматриваемых текстах словоупотребление «эффективное и рациональное использование земель» в официально-деловых документах (органов местного самоуправления) характерно для «более позднего временного периода». Однако данное утверждение не является научно обоснованным, так как для точного вывода не использовалась информация из корпуса русского языка [Национальный корпус 2021], а приведенный аргумент о связи понятия с рыночной экономикой опровергается отсутствием в исследовании принципа крайних хронологических пределов, являющегося основным в процессе датировки [Миросников 2010 : 8]. Эксперт описывает вхождение указанного употребления слов в научный дискурс в 95–96 годах, ссылаясь на диссертацию Календарева А. М. «Эффективное использование лесных земель в рыночных условиях», датированную 1996 годом. Однако специалист не учитывает основных показателей датировки *terminus a quo* и *terminus ad quem* (время начала и завершения работы над произведением). Так как в среднем время написания диссертации составляет три года до ее защиты, то рассматриваемая терминология вносилась в тему диссертации около 1993 года. Кроме того, чтобы конкретное употребление понятия стало предметом рассмотрения научного дискурса, обозначенное понятие явление должно было обнаружиться как проблема в повседневной и/или научной жизни. Отсюда хронологические рамки создания речевого произведения Календаревым А. М. смещаются к 1990–1996 годам, причем первая дата очень условна.

Другой якобы существенный лингвистический признак датировки, указанный экспертом, – наличие в тексте постановления ссылки на Земельный кодекс Российской Федерации, который вступил в силу в 2001 году. Специалист аргументирует невозможность упоминания указанного до-

кумента в рассматриваемых материалах тем, что «в 1993 году действовал Земельный кодекс РСФСР». Однако данный вывод не является лингвистическим, так как эксперт констатирует юридический факт, а не анализирует сокращение «РФ» в рассматриваемом текстовом фрагменте («Прократить в соответствии со Ст. 39 п. 1 ЗК РФ право собственности ...»). Аббревиатура РФ использовалась как неофициальное название РСФСР в советский период, что подтверждается заменой сокращения и полного наименования РСФСР на наименования «Российская Федерация», «РФ» и «Россия» в ряде документов («Пreamбула Конституции РСФСР 1978 года (в первоначальной редакции)», «Запись заседания Президиума Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 года» и др.). Учитывая описываемые нарушения стилистической нормы автором документа, можно допустить и подобное употребление неофициального наименования «РФ» в тексте рассматриваемого постановления. При этом обращает на себя внимание и еще один факт: культурно-исторический фон, на котором создавался документ, оказывал влияние на особенности использования аббревиатуры «РФ» вместо «РСФСР» (в 90-е годы XX века в наименовании деловых бумаг могли быть взаимозаменяемы многие обозначения типа «РФ», «РСФСР», «СССР» и т.п.). Отсюда вопрос о несоответствии наименования не может выступать научно обоснованным выводом об отнесении датировки постановлений к периоду позже обозначенного в документах.

Отдельного внимания заслуживает анализ пунктуационных особенностей постановлений. Эксперт классифицирует конструкции с предлогом «в соответствии...» как вводные и отмечает наличие ошибки в виде отсутствия запятой перед словом «постановляю». Эту особенность эксперт квалифицирует как отдельный лингвистический признак датировки, однако подобная постановка не может быть маркером временного промежутка, потому что в период создания постановлений никаких реформ русской пунктуации не происходило (это традиционное для эпохи написание) и потому что по правилам современного русского языка обороты, присоединяемые предлогом «в соответствии с», обособляются факультативно, то есть по желанию адресанта [Пахомов 2012 : 526]. Иными словами, отсутствует не знак препинания, а ошибка на письме.

Следует отметить, что на основании научно необоснованных и ошибочных заключений эксперт не только приходит к выводу, что рассматриваемые постановления не относятся по времени своего составления к периоду 1993 года, но и определяет временной промежуток их создания как «более поздний, после 2001 года». При этом никаких данных о том, почему указана именно дата «после 2001 года», не представлено, отсутствует как анализ данной проблемы, так и какое-либо упоминание об его проведении. Иными словами, обозначение периода «после 2001 года» является бездоказательным и неподкрепленным аргументами.

Все это свидетельствует о том, что в экспертизе не только не указаны текстологические методы, но и в принципе не реализован текстологический подход, обязательный для подобного рода исследований, что делает выводы экспертизы неточными и необъективными. Выявленные методические и исследовательские просчеты приводят эксперта к значительному количеству недоказанных экспертных позиций и научно необоснованным, отличающимся неполнотой выводам. Иными словами, причиной неверных выводов эксперта являются допущенные им при проведении исследования нарушения. На примере рассмотрения экспертизы документов, направленной на установление времени их создания, удалось выяснить, что подобного рода нарушениями выступает неверная квалификация вида исследования; отсутствие необходимых для проведения сравнительно-сопоставительного изучения материалов, которые привлекаются экспертом; некорректные данные о научно-методической основе экспертизы; путаница в указании использованных специалистом методов; нарушения в структуре изложения особенностей и результатов исследования; ошибочность интерпретации языковых явлений.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. Пенза, 2016. С. 119–122.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещ. РСФСР, 1959. 492 с.
3. Данилевский И. Н. Историческая текстология. М. : Высшая школа экономики, 2018. 556 с.
4. Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 605 с.
5. Мирошников И. Ю. К вопросу о датировке Евангелия от Фомы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 3. С. 7–18.
6. Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
7. Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации : словарь-справочник. М. : Эксмо, 2012. 576 с.
8. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М. : Искусство, 1959. 280 с.

Сведения об авторе:

Бондаренко Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Академии государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, г. Москва, Россия.

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

E. I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

LEGAL EXPERTISE IN THE NEW PARADIGM OF THE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE USE IN CASES OF EXTREMISM AND TERRORISM COUNTERING

Аннотация. Рассмотрены понятие правовой экспертизы по делам о противодействии экстремизму и терроризму как элемента системы специальных знаний, к числу которых автор относит специальные юридические знания. Определены цели и задачи, объекты правовой экспертизы, требования к ее субъекту. Сделан вывод о необходимости использования инструментария правовой экспертизы для объективизации принимаемых правоприменителем решений по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, сопряженных с проявлениями экстремизма.

Ключевые слова: правовая экспертиза, экстремизм, идеология терроризма, противодействие

Abstract. The article considers the concept of legal expertise in cases of extremism and terrorism countering as an element of special knowledge system, which includes special legal (law) knowledge. The goals and tasks, objects of legal expertise, requirements to the legal expert are defined.

Keywords: legal expertise, extremism, ideology of terrorism, counteraction

Новые вызовы и угрозы, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, деструктивная деятельность множества интернет-сообществ и иные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правовой основы противодействия экстремизму и терроризму.

Для организации работы по правовому обеспечению формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма решением Ученого совета в структуре Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в 2021 году был создан Центр правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма).

Основной задачей Центра является разработка и совершенствование методологии правовой экспертизы как элемента системы научного знания, используемого в целях совершенствования законодательной и правоприменительной практики в сфере борьбы с экстремизмом и идеологией терроризма, подготовка научно-правовых заключений по вопросам правовой квалификации актов проявлений межконфессиональных и межнациональных конфликтов, правовой квалификации информационной продукции на предмет отнесения к экстремистским материалам и иной информации, законодательно запрещенной к распространению в Российской Федерации, в том числе посредством сети Интернет.

Проведение правовых экспертиз сегодня наиболее востребовано по делам об экстремизме, терроризме, оскорблении чувств верующих, дискредитации вооруженных сил, диффамации и оскорблении и других правонарушениях, совершаемых посредством распространения информационных продуктов в медиасреде и в том, числе в интернете [Галяшина 2022 (а)].

Это те категории дел, которые в своем большинстве имеют значительный общественный резонанс, влияют на дестабилизацию общественного порядка, повышают общий градус напряжения в обществе и особенно в молодежной среде.

В настоящее время контент многих интернет-сайтов направлен на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, абсолютизацию свободы личности, активную пропаганду вседозволенности, безнравственности, эгоизма, культа насилия, потребления и наслаждения, формирования сообществ, отрицающих естественное продолжение жизни, содержит информацию, распространение которой в Российской Федерации, законодательно запрещено.

Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений [Галяшина, Богатырев 2022].

В этой связи правовая экспертиза направлена на выработку правовых механизмов, направленных на выявление признаков противоправного девиантного поведения в медиапространстве и пресечение распространения деструктивной идеологии в первую очередь в молодежной среде как наиболее восприимчивой к воздействию различных вредоносных техник манипулирования индивидуальным и групповым сознанием.

Правовая экспертиза призвана исследовать информационные продукты и контекст, в котором они размещены в контенте страницы сайта, на предмет наличия информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации (которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды), а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность [Галяшина 2022 (6)].

Правоохранительные органы получают таким образом объективную критериологию, позволяющую выявлять, пресекать, предупреждать информационные правонарушения. Поэтому обоснованность, правильность и справедливость принимаемого правоприменителем решения по информационному материалу, во многом зависят от качества и профессионализма выполненной правовой экспертизы. Оно, в свою очередь, определяется наличием у эксперта или комиссии экспертов профессиональных компетенций, единством критериологии выявления деструктивной идеологии, научно-методического подхода к технологии выявления информационных правонарушений, знанием экспертом норм права, регламентирующих оборот информационной продукции в медиасреде, включая и интернет.

Рассмотрим понятие правовой экспертизы. Понятие правовой экспертизы (эксперт от лат. *Expertus* – знающий по опыту, опытный, испытанный, изведанный) используется для обозначения исследований, требующих использования профессиональных юридических (правовых, экспертно-криминалистических, юридико-лингвистических) знаний для установления факта наличия или отсутствия информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации.

В соответствии с частью 6 статьи 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность [Федеральный закон №149-ФЗ от 27.07.2006].

Результаты экспертизы получаются опытным путем с помощью специального инструментария – экспертных методик, основанных на правовых критериях отнесения информации к категории запрещенной.

В доктрине юридической науки определенные юридические знания в последнее время относятся к числу специальных. Доктринальные научно-правовые заключения подготавливаются на основе исследований и анализа нормативных правовых актов, правоприменительной практики и соответствующей документации по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области права и смежных с ним областях знаний по существу поставленных задач. В правоприменительной практике наблюдается ситуация, когда многие правоприменители оказываются не в состоянии ориентироваться во всех аспектах постоянно меняющегося отраслевого законодательства. Знание тонкостей современного законодательства во многих случаях необходимо для осуществления полного, объективного и всестороннего исследования информационного материала.

Исследования по определенным вопросам права, результаты которого оформляются в виде письменного научно-правового заключения, нередко приобщаются к материалам дела по ряду сложных уголовных, арбитражных, административных, гражданских дел, приобретают статус дока-

зательства. Правовые заключения в форме научно-правовых консультационных заключений по делам данной категории основаны на специальных юридических знаниях и содержат результаты всесторонних исследований по определенным вопросам права, представляя собой аргументированную позицию экспертов относительно тонкостей современного законодательства в области информационного и иных отраслей права, а также методологии криминалистики и экспертологии, позволяющие определить диагностически значимые специфические маркеры принадлежности информационного контента к криминогенному деструктивному дискурсу.

Предметом правовой экспертизы информационных материалов по делам о противодействии экстремизму и идеологии терроризма является экстремистско-террористическая направленность информационных продуктов, их криминогенность.

Правовая экспертиза – это отличная от других специфическая разновидность экспертиз, обладающая своим предметом, целью, задачами и объектами. Сходство ее с другими экспертизами в других сферах человеческой деятельности заключается в том, что они, по сути, являются исследованиями, основанными на специфических специальных юридических и при необходимости иных гуманитарных знаниях (политологических, религиоведческих, психологических, лингвистических и др.).

Это предполагает наличие у эксперта интегративного комплекса специальных юридических знаний, сформированных на основе знаний различных правовых наук в сфере регулирования оборота информации, уголовного, административного права и т.д. [Галяшина, Никишин 2023].

Подготовка таких экспертов – сложный процесс, требующий наращивания и синтеза теоретических юридических знаний и практических навыков, их преломления через призму экспертологии как научного фундамента экспертной практики и обучения экспертов в разных областях, включая и данную область.

Нередко правовые заключения кладутся в основу решения судов о признании информационных материалов экстремистскими по административным исковым заявлениям прокуроров. Они основаны на специальных юридических знаниях и содержат результаты всесторонних исследований по определенным вопросам права, представляя собой аргументированную позицию экспертов относительно тонкостей современного законодательства в области информационного и иных отраслей права, а также методологии криминалистики и экспертологии, позволяющие определить диагностически значимые специфические маркеры принадлежности информационного контента к криминогенному деструктивному дискурсу.

Задачами правовой экспертизы является содействие правоприменителю в правовой оценке материалов деструктивной направленности, подготовка научно-правовых заключений по вопросам правовой квалификации актов проявлений межконфессиональных и межнациональных конфликтов, правовой квалификации информационной продукции на предмет отнесения к экстремистским материалам и иной информации, законодательно запрещенной к распространению в Российской Федерации, в том числе посредством сети Интернет; осуществление правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма: подготовка заключений правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов по вопросам противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма; подготовка правовых заключений по совершенствованию законодательства в сфере защиты прав и свобод молодежи в цифровой среде.

Правовую экспертизу от других видов экспертной деятельности отличают следующие признаки:

- правовая экспертиза осуществляется на основе обоснованного письменного запроса, в котором дано описание правовой ситуации с перечнем вопросов, требующих, по мнению инициатора запроса проведение правовой экспертизы с приложением соответствующих информационных материалов;
- подготовка материалов на экспертизу с соблюдением правил их документирования (скриншот с датой и временем наличия контента на ссылке, аудио или видеозапись с документированной хеш-суммой – криптографической подписью сообщения/файла);
- проведение правового исследования, основанного на использовании специальных знаний в различных отраслях права, а также иных областях науки, техники, искусства или ремесла;
- дача правового заключения в письменном виде с рекомендациями о принятии мер правового реагирования уполномоченными на то компетентными органами.

Правовая экспертиза сегодня – это действенный инструмент борьбы с распространением противоправного и вредоносного контента в интернете. Она сегодня находится в стадии разработки экспертных технологий для решения всего спектра задач, которые необходимы для объективного и всестороннего исследования информационного продукта с целью широкого внедрения в практическую деятельность экспертов в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Список литературы

1. Галяшина Е. И. Проблемы использования юридических знаний как специальных в уголовном судопроизводстве // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 13–14 октября 2022 г.). Уфа : Науч.-иссл. Ин-т проблем правового гос-ва, 2022. С. 53–58.
2. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica. 2022. Т. 75, № 10. С. 138–151. doi: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151
3. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : монография. М. : Проспект, 2023. 424 с.
4. Галяшина Е. И. Правовая экспертиза в сфере медиабезопасности как новое решение в судебной экспертологии и юридическом консалтинге // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : сб. докл. IX Московского юридического форума : в 4 ч. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 14–16 апреля 2022 г.). М. : Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. Т. 3. С. 318–323.

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «СОЦИОПРАВО»)

Сведения об авторе:

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный правозащитник, директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, и.о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия.

Н. С. Громова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

ПРОПАГАНДА: ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

N. S. Gromova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

PROPAGANDA: LINGUISTIC AND LEGAL ANALYSIS

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения пропаганды как категории лингвистического дискурса и правового поля, т.е. определяются ее и формальные, и содержательные признаки. В рамках исследования проводится сравнение с иными терминами, связанными с распространением информации в целях воздействия на окружающих, делаются выводы о базовых признаках пропаганды как уникального феномена.

Ключевые слова: пропаганда, информация, дезинформация, агитация, дискредитация

Abstract. The article deals with the issues of defining propaganda as a category of linguistic discourse and the legal field, i.e., it defines both its formal and substantive features. As part of the study, a comparison is made with other terms related to information circulation with the aim of influencing others, conclusions are drawn about the basic features of propaganda as a unique phenomenon.

Keywords: propaganda, information, disinformation, agitation, discredit

Пропаганда использовалась на протяжении многих веков, чтобы влиять на умы людей, изменять общественное мнение и трансформировать политические режимы. От памфлетов во время американской революции до использования телевизионной рекламы во время политических кампаний современности пропаганда использовалась для формирования специфического мышления людей в отношении наиболее общественно значимых тем и определения поведения граждан.

Стоит отметить, что пропаганда как прием воздействия на оппонента при конфликтном противостоянии часто связана в науке с термином «гибридная война», т.е. таким видом действий, при котором сторона-агрессор влияет на своего оппонента при помощи сочетания скрытых операций, диверсий, кибервойны, включающих также приемы информационного характера. Наиболее известными примерами пропаганды в рамках многомерного противостояния являются способы воздействия оппонентов друг на друга в период Холодной войны, кубинской революции, войны во Вьетнаме. В рамках пропагандистских кампаний могут быть задействованы фильмы, телевидение и радиопрограммы, чтобы влиять на своих граждан, друг на друга и на другие страны.

В современный цифровой век пропаганда по-прежнему используется в различных формах, например, на телевидении, в газетах и журналах, а также на платформах социальных сетей. Это мощный инструмент, который может быть использован как во благо, так и во вред, в зависимости от того, кто и зачем его использует.

По своей сути пропаганда – это распространение идей или информации с помощью усилий, направленных на то, чтобы повлиять на эмоции или убеждения аудитории, побудить их к принятию точки зрения, выгодной автору текста. Обычно она включает в себя выборочное или предвзятое представление информации с определенной точки зрения, чтобы создать желаемый результат или вывод среди тех лиц, которые ей подвергаются.

С точки зрения дефиниционных характеристик, пропаганда включает два важных семантических компонента: распространение и углублённое разъяснение чего-либо, а также политическое или идеологическое воздействие на широкие массы [Кузнецов 2014]. Так, речь в этом плане идет о форме предоставления информации и о цели ее распространения.

В работе Е. И. Галяшиной дается следующее определение пропаганды: «Деятельность, направленная на то, чтобы повлиять на сознание индивидов, отдельных общественных групп или на общество в целом для достижения определенной, заранее намеченной цели» [Галяшина 2017 : 15]. Категория «влипания» при этом может иметь совершенно различные характеристики: от побуждения к действию до изменения мировоззрения. С учетом содержания Методики РФЦСЭ при Минюсте

России, заметим, что пропаганда соотносится с убеждением как действием, направленным на побуждение адресата к изменению точки зрения, к принятию определенных взглядов. Так, в качестве ядра рассматриваемого понятия мы выделяем именно возможность влияния на адресата при помощи убеждения его в необходимости принятия какой-либо позиции (не обязательного совершения действия).

Пропаганду условно можно разделить на две видовые категории по характеристикам используемой информации:

– «белая» пропаганда, в центре которой находится фактическая информация, служащая определенной цели, т. е. автор не использует средств и методов, априори противоречащих законодательству;

– «черная» пропаганда, которая включает в себя обманные методы, такие как распространение ложной информации с целью дезинформации адресатов, манипулятивные стратегии и пр. виды не всегда законного воздействия на адресата.

При этом на практике все оказывается не так просто, потому что четкую границу между характеристиками распространяемой информации провести не представляется возможным, в частности, в условиях гибридного противостояния.

В России имеется опыт различных попыток регулирования вопросов функционирования пропаганды. Последние попытки навести порядок в распространении идеологических сообщений приняли форму законодательных норм, налагаемых на тех, кто создает и распространяет такого рода контент. Эти нормы призваны защитить граждан России от манипуляций и обмана, сохранив при этом их право на свободу слова.

В связи с этим в рамках правового поля больше внимания уделяется характеристикам пропаганды именно второго вида («черной»), т. к. законодательно требуется ограничить нарушения, запретить то, что может представлять угрозу для человека, общества, государства. В связи с этим в рамках правовой стороны вопроса мы сталкиваемся с теми ограничениями, которые существуют. Серьезная законодательная база, регулирующая пропаганду в России, была сформирована в 2000-е года. С этого периода определяется, как можно квалифицировать пропаганду и какие ограничения должны быть наложены на нее.

Так, согласно законодательству, пропаганда атрибутики или символики, публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами предполагает административную (статья 20.3. КоАП РФ) либо уголовную (статья 282.4. УК РФ) ответственность. В категорию противоправных действий попадает пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (статья 6.21. КоАП РФ), педофилии (статья 6.21.1. КоАП РФ), терроризма (статья 205.2. УК РФ), а также ряд иных деяний. Список таких деяний достаточно широк, однако его существование обусловлено необходимостью защиты прав граждан, а не их ограничением.

При этом стоит отметить, что даже законодательно формируются некоторые условия для позитивного регулирования вопроса, т. е. определяется тот круг задач, при которых пропаганда может быть допустима. Например, законодательно определяется, что допускается использование запрещенной символики в произведениях искусства, литературы и науки и сообщениях СМИ. Важным условием в этом случае является отсутствие признаков ее пропаганды, а также направленность на формирование негативного отношения к демонстрируемому объекту и идеологии в целом.

Таким образом, пропаганду условно можно охарактеризовать как конструктивную или деструктивную по своей сути.

Конструктивная пропаганда ориентирована на необходимость сформировать у адресата систему убеждений, способствующих социальной гармонии. Среди основных функций такого воздействия явно выделяется воспитательная, которая направлена на привитие определенных ценностей для блага индивида и общества. Действия транслятора в этом случае направлены на реализацию интересов широкого круга адресатов, а не ограниченного круга заинтересованных лиц. В силу того, что распространяются таким способом преимущественно «общепринятые ценности», истинной целью пропаганды часто становится тиражирование информации, а не формирование базы для ее принятия. Такой вид пропаганды часто бывает поверхностным, т. е. не имеет сильного убеждающего потенциала, ориентируясь на достижение «эффекта узнаваемости», а не создания новой ценностной системы.

Деструктивная пропаганда навязывает людям убеждения, несущие выгоды узкому кругу лиц, противоречащие общественным интересам: разжигание вражды, ненависти, розни, эскалация конфликтов по различным основаниям, обострение противоречий и пр. Основной функцией является создание иной реальности с «перевернутой» системой ценностей, убеждений, взглядов, которые должны восприниматься адресатом как «правильные». Часто применяется технология создания «образа врага», основанная на тиражировании стереотипов, ведущих к низкой критичности восприятия информационного потока. Здесь нужно оговориться, что негативная пропаганда во многом

близка агитации, поскольку активно включается в реальную повестку дня и формирует в сознании индивида ответ на возникающие вызовы.

Важным правовым аспектом является наличие рекомендаций о том, как СМИ должны относиться к спорным темам, особенно в части текстов, относящихся к вопросам национальной безопасности. Отметим, что на данный момент установлены определенные критерии того, что представляет собой «экстремистский» материал, который должен быть изъят из обращения, а его распространитель подвергнут уголовному преследованию. Результатом подробных характеристик публичного пространства становятся правила использования политического языка при освещении текущих событий или социальных вопросов в стране. Эти требования дают четкое представление о том, какие типы высказываний не одобряются: все, которые потенциально могут угрожать общественному порядку или ослаблять национальную безопасность. В связи с этим можем говорить об ограничениях содержательного и формального характера.

К первым стоит отнести тематические ограничения – есть ряд тем, обсуждение которых должно проходить при особом контроле автора. В частности, особое внимание стоит уделять таким темам, как ЛГБТ или этнические споры. В данном случае важно не замалчивать тему, а правильно ее преподнести адресату. Важно отметить, что вещательные организации должны следить за тем, чтобы поддерживался приемлемый баланс между любыми двумя противоборствующими сторонами, активно препятствуя тому, чтобы адресаты могли занимать крайние позиции во время дискуссий, если формат предполагает обсуждение или возможность комментирования.

Ко вторым относится выбор коммуникативных средств, который предполагает исключение из текста таких лексических единиц, которые могут сформировать контент, ориентированный на понижение социального статуса представителей какой-либо группы, продемонстрировать неуважительное отношение.

С точки зрения специалистов по анализу общественных настроений, понимание того, что представляет собой пропаганда, может помочь определить, следует ли доверять текстовым данным при принятии решений по каким-либо вопросам. Поскольку пропагандистские сообщения часто направлены на возбуждение эмоций, а не на предоставление фактической информации (например, нагнетание страха), выявление таких типов сообщений имеет ключевое значение для того, чтобы избежать непреднамеренного распространения, например, панических настроений в обществе.

Пропагандисты иногда используют сведения из известных или распространенных источников – это усложняет процесс идентификации реального авторства и затрудняет выявление истинных установок. На первый взгляд такая информация может казаться достоверной, но на самом деле данные могут быть сильно «перекошены» в сторону определенной точки зрения, настолько, что кажутся беспристрастными, но при анализе профессионалами возможно установить признаки оказания значительного влияния на адресата. В связи с этим для обеспечения точности при анализе текстовых данных с целью определения общественных настроений важно не только учитывать, насколько авторитетным кажется что-то на первый взгляд, но и тщательно проверять фактические источники, лежащие в основе контента, прежде чем делать какие-либо выводы.

По своей сути распознавание того, что квалифицируется как эффективная пропаганда, требует обширных знаний не только о технике подсознательных сообщений, но и о культурном отношении к определенным темам в любой целевой демографической группе, что крайне важно для специалистов в сфере анализа текстов, поскольку поведение людей варьируется в зависимости от местных обычаев и норм в различных культурах мира и определяется социальными стереотипами.

С точки зрения комплексного подхода, пропаганда обладает рядом уникальных характеристик, которые позволяют отличать ее от других видов информационного воздействия.

Во-первых, можно говорить о том, что пропаганда характеризуется пролонгированностью влияния и обладает свойством длительного воздействия. Нужно понимать, что нельзя побудить человека изменить мнение, а тем более сформировать полноценные убеждения при помощи одного краткого высказывания. Такое высказывание может оказать сиюминутное влияние, побудить к действию, ответной реакции, но не формированию системы ценностей. В связи с этим пропаганда представляется протяженной по времени, идеи передаются непрерывно, актуализируются с учетом изменения общественно-политических реалий и приобретают системный характер. Так, пропаганда не может быть статичной, она трансформируется и может приобретать новый смысл с учетом меняющихся реалий.

Во-вторых, заметим, что спорадические воздействия на адресата, конечно, могут иметь результат, но они больше свойственны агитации. Пропаганда базируется на изменении мнения, постепенной его трансформации от стадии неприемлемости идеи к стадии ее принятия и признания сначала допустимой, а потом и заслуживающей распространения. В связи с этим оценить пропагандистский характер высказывания не всегда представляется возможным, поскольку информация вводится в общественное пространство дозировано. Отметим, что пропагандистские высказывания не всегда воспринимаются как таковые именно в силу их фрагментарного характера. Пропаганда

может формировать убеждения по принципу «составления пазла», когда отсутствие фрагмента делает невозможным воспринять всю картину в целом, однако появление одного последнего фрагмента делает картину завершённой и может оказать реактивное действие на адресата или их группу, переведя «спящую» информацию в открытое побуждение.

Согласимся при этом с позицией о том, что «в результате массированного воздействия на конкретного человека значительного объема непривычной для него информации, красиво оформленной и (или) пугающей пользователя этого информационного массива, порой, происходит фактическое лишение такой жертвы активности» [Шошин 2022 : 29]. Действительно, пропаганда в большом объеме может и не побуждать человека к действию, а наоборот, заставить его отказаться от действий, вызывать торможение реакции, бездействие. Однако это обычно не длительная фаза, далее человек, принимая или отказываясь от принятия точки зрения, переходит к действиям, уже используя новый опыт интерпретации.

При этом проведем четкую границу между пропагандой, агитацией и побуждением. Побуждение формирует у адресата намерение действовать, агитация содержит обоснование, которое может побудить к действию, однако пропаганда обеспечивает создание идеологической базы, позволяющей сделать выбор между тем или иным действием. Пропаганда не направлена на эмоциональное принятие решения, она должна сформировать у адресата концепцию приемлемости ценностей, которые распространяет пропагандист.

Рассмотрим специфику на примере. Человека можно побудить совершить террористический акт разными способами, в том числе и путем запугивания, чтобы он совершил действие, не имея выбора. Для таких задач подходят побудительные конструкции типа «*бей таких-то*». При агитации человек склоняется к совершению указанного действия под влиянием конкретной ситуации, которую агитатор использует в качестве катализатора. В данном случае предшествующая конструкция дополняется обоснованием: «*бей таких-то, потому что они...*». При пропаганде человек принимает идею, он готов совершить террористический акт не потому, что это целесообразно в конкретной ситуации, а потому, что считает это правильным, допустимым, необходимым. Пропагандист при этом может и не побуждать человека к ответной реакции в виде действия сиюминутно, он может отложить это на последующую ситуацию. Важно при пропаганде, что человек принял необходимость совершения конкретного способа решения проблем и готов будет его осуществить в случае необходимости. В данном случае конструкция трансформируется, она, как правило, имеет перевернутую форму: «*они такие-то, несут угрозу... бей их*». Для организации текста в этом плане характерно рассуждение, когда автор взаимодействует с адресатом, приглашает его к совместным размышлениям над проблемой. Выводы с побуждением при этом могут отсутствовать, т. к. реальное действие не всегда является целью пропагандиста.

Так, можем сделать вывод, что, с одной стороны, пропаганда является комплексной категорией и включает многослойное воздействие на адресата с целью изменения его системы ценностей. С другой же стороны – пропаганда выступает, как правило, одним из компонентов противоправной деятельности, базисом для будущего давления, которое создаст благоприятные условия для других средств воздействия.

Пропаганда является одним из основных средств политических манипуляций, однако она не ограничивается только этой сферой. В чем-то пропаганда имеет сходство с рекламой в целом: исходная сигнальная функция сообщения концентрирует в себе элементы экспрессии и суггестии, обеспечивая эффективность воздействия и принятие той информации, которая заложена в сообщении. Отметим, что политическая реклама, призывающая к конкретным действиям, может быть квалифицирована как агитация, поскольку сам контекст ее передачи формирует тональность восприятия и побуждает к совершению действий двунаправленно: и эмоционально, и рационально. В отличие от рекламы, пропаганда не ограничена жесткими временными рамками и ее использование не всегда привязано к конкретному социально-политическому контексту – она может быть ориентирована на «игру вдолгую». Пропаганда не предполагает обязательно ответной реакции «здесь и сейчас», что меняет ее радиус воздействия: расширяя его от тех лиц, которые готовы к восприятию идеи, до тех лиц, которые на данный момент даже не допускают возможности существования такой идеи.

Отметим, что результаты опросов студентов-юристов вузов г. Екатеринбурга, показывают низкий процент лиц, которые могут отличить рекламу и агитацию от пропаганды. В качестве ключевого лексемы семантического ядра «пропаганды» 78 % выделяют «побуждение», «призыв к действию», хотя, на наш взгляд, эти характеристики явно должны оказаться на периферии. «Распространение идей, мыслей, взглядов, позиций» занимает только 48 – 54 % среди ответов студентов. Это указывает не только на тот факт, что студенты не в полной мере владеют умением квалифицировать правовое понятие, но и на их возможную подверженность действиям пропагандистов, т. к. они не понимают их конечной, отложенной цели.

Как справедливо отмечает А. А. Коробов, «пропаганда выступает в качестве односторонней массовой коммуникации без явно выраженной обратной связи» [Коробков 2022 : 74]. Именно это имманентное свойство пропаганды – отсутствие видимого сиюминутного результата – формирует принципиальное отличие от иных форм информационного воздействия.

Таким образом, пропаганда является лингво-правовой категорией. Невозможно дать правовую квалификацию деяния, не имея представления о специфике построения пропагандистского текста. При этом характеристика текста в качестве такового невозможна без правового осмысления последствий распространения конкретной информации. Пропаганда представляет собой скрытую угрозу в случае деструктивного воздействия, но может выступать и помощником в процесс формирования конструктивных установок в рамках развития общественных отношений.

Список литературы

1. Галяшина Е. И. К вопросу об установлении факта пропаганды наркотиков // Профилактика немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ: проблемы и пути решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда, 2017. С. 13–20.
2. Коробов А. А. Цифровая пропаганда и неформальные политические коммуникации: эффект функциональной связи // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 4. С. 73–82.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2014.
4. Шошин С. В. Интернет-мемы: пропаганда и контрпропаганда (некоторые юридические аспекты) // Теология. Философия. Право. 2022. № 1 (17). С. 24–41.

Сведения об авторе:

Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Института государственного, муниципального управления и права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Н. В. Кривошапова

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

N. V. Krivoshapova

Shevchenko Pridnestrovian State University,
Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic

METHODOLOGY OF LINGUISTIC EXPERTISE OF EXTREMIST TEXTS (FROM WORK EXPERIENCE)

Аннотация. Предпринимается попытка исследовать тексты экстремистского характера на предмет наличия в них публичных призывов и публичных действий. Материалом для экспертизы выбраны публикации из социальных сетей за последний год на военную тематику. В работе мы опираемся на толкования публичных призывов и действий, предложенные С. А. Кузнецовым, и на классификацию призывов, описанную И. А. Стерниным; обговариваем значение терминологического сочетания «опосредованный призыв», или «прокси-призыв», включенного нами в методику экспертизы экстремистских текстов.

Ключевые слова: призыв, действие, экстремизм, прямой и косвенный призывы, прокси-призыв

Abstract. The article attempts to investigate extremist texts for the presence of public appeals and public actions in them. The research materials include social networks publications over the past year on military topics. In our study we rely on the interpretations of public appeals and actions proposed by S.A. Kuznetsov, and on the classification of appeals described by I.A. Sternin, we discuss the meaning of the terminological combination «indirect appeal» or «proxy appeal» included by us into the methodology of extremist texts expertise.

Keywords: appeal, action, extremism, direct and indirect appeals, proxy appeal

В контексте информации, указанной в формулировке темы исследования, нами проанализированы и использованы следующие данные Закона Приднестровской Молдавской Республики «О противодействии экстремистской деятельности», где в соответствии со статьей 1 Закона от 27.07.2007 г. № 261-3-IV (САЗ-07-31):

В настоящем Законе применяются следующие основные понятия:

- а) экстремистская деятельность (экстремизм);
- б) экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Законом, судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, вступившее в законную силу;
- в) экстремистские материалы – предназначенные для обнародования печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной групп [Закон 2007].

При назначении лингвистической экспертизы перед экспертом выставляется круг вопросов, например:

1. Содержат ли материалы, опубликованные в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», призывы к подрыву безопасности Приднестровской Молдавской Республики?

2. Имеются ли в материалах, размещенных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушение целостности Приднестровской Молдавской Республики?

3. Усматриваются ли в материалах, опубликованных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», призывы к воспрепятствованию законной деятельности органов государственной власти Приднестровской Молдавской Республики?

4. Имеются ли в материалах, опубликованных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», призывы к возбуждению социальной розни, связанные с насилием и (или) призывами к насилию?

5. Содержатся ли в материалах, опубликованных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», призывы к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы?

6. Имеются ли в материалах, опубликованных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», публичные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности?

Если да, то, какие именно представленные материалы это содержат, и в чем это выражается?

После 24 февраля 2022 года, в связи с началом специальной военной операции Российской Федерации на Украине, к постоянному блоку «экстремистских» вопросов в Приднестровье добавляется еще один:

Содержатся ли в материалах, опубликованных в сообществе «Приднестровье – наш общий дом», социальной сети «Facebook», публичные действия или высказывания, выражающие явное неуважение к миро-творческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике и направленные на искажение положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации либо умаление заслуг Российской Федерации в поддержании мира, безопасности и стабильности в Приднестровской Молдавской Республике?

Отвечая на представленный блок вопросов, мы заметили, что за последний год в интернет-материалах уменьшилось количество прямых призывов. Админы пабликов, участники групп и сообществ, наученные горьким опытом тех, кто за свои экстремистские высказывания, был наказан по Закону, выстраивают свои высказывания с оглядкой на негативный опыт предшественников. В публикациях мы наблюдаем косвенные призывы, а также особые прокси-призывы, имеющие опосредованный характер и уголовно не наказуемые.

Эта же тенденция охватила публичные действия.

Следует различать понятия «публичные призывы» и «публичные действия», «прямой призыв» и «косвенный призыв».

Призыв – обращение, в краткой форме выражающее политические требования [Большой толковый словарь русского языка 2003].

Призыв – побуждение слушающего или аудитории к определенному действию или принятию определенной точки зрения, отражающей некоторые идеалы говорящего [Стернин и др. 2013].

Прямые призывы выражаются через прямое значение составляющих высказывание слов, использование формальных языковых маркеров призыва. Они требуют от адресата простого понимания смысла высказывания. Языковые маркеры прямого призыва:

- стандартные грамматические формы побуждения – 2 лицо ед. или мн. числа повелительного наклонения: *Беги! Читайте! Рисуйте! Борис, не бойсь! Правительство, дай работу!*
- императив 1 л. мн.ч. – когда призыв предполагает совместное действие: *Догоним и перегоним Америку! Превратим Москву в образцовый коммунистический город!*
- вспомогательный глагол быть в форме 1 л. мн. ч. 2 лица ед. и мн. числа: *Будем людьми! Будем великодушны! Будьте вежливы! Будьте верны присяге! Будьте осторожны!*
- глагол *призывать*: Мы призываем всех прийти на Пушкинскую площадь. Я призываю вас к спокойствию!
- глаголы *даешь! давай, давайте;*
- форма *Долой!*
- слова *пусть, пускай, вон (Вон из России!), да (Содружеству - да!)*
- номинализации (смысловые свертки ситуаций): *Никакой поддержки Временному правительству!* Слово *поддержка* является номинализацией ситуации «кто-то поддерживает кого-то»
- имена, приобретающие свойства номинализаций: Например: *Смерть – Смерть немецким оккупантам! Смерть жидам!*
- фразы, начинающиеся предлогом *к*: *К делу! К оружию! К барьеру! К ответу! Банду Ельцина к суду!*

Здесь существительные – не номинализации, но семантические свертки, например *оружие* – семантическая свертка конструкции «кто-то берет оружие и использует его против кого-то».

- инфинитивные предложения в сочетании с императивной интонацией: *Не отступать! Не трусить!*

- именные восклицательные предложения: *Хлеба и зрелищ! Свободу узникам совести!*

- отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией: *Ни шагу назад – позади Москва! Не позволим задушить армию! Никакой поддержки Временному правительству!*

- использование модальных глаголов с семантикой долженствования типа *необходимо, следует, требуется, нужно* [Стернин и др. 2013].

Косвенные призывы – призывы, которые требуют от слушателя или читателя мыслительной реконструкции скрытого смысла высказывания, то есть осуществления определенной мыслительной операции [Стернин и др. 2013].

Действие – деятельность, поступки, поведение [Большой толковый словарь русского языка 2003].

Прокси-призывы, как и прокси-войны носят опосредованный характер, т.е. данные через посредство чего-л. другого [Большой толковый словарь русского языка 2003 : 455].

Английское слово «проху» в буквальном переводе означает «посредник, представитель», происходит от латинского «прохито» (близкий) и имеет в русском языке два основных значения.

Во-первых, во время вооруженных конфликтов словом прокси называют нерегулярные полуправовые воинские части, воюющие в интересах той или иной страны. Во-вторых, в компьютерных сетях прокси – это специальный сервер, который служит посредником, защитником, маскировщиком и ускорителем загрузки для нескольких компьютеров, подключённых к интернету.

В случае прокси-призыва мы обнаруживаем замаскированные другими языковыми единицами (словами, словосочетаниями, высказываниями, фрагментами текста) прямые призывы, например: *...несколько раз от официальных лиц в Кишинёве звучала следующая мысль и следующие заявления о том, что **вопрос реинтеграции Приднестровья** будет решён после победы Украины в войне. А вот этот вопрос я тоже хочу задать: «**А почему не сейчас?**»*

В данном контексте автор с помощью вопроса «*А почему не сейчас?*» опосредованно выражает свое желание решить вопрос реинтеграции Приднестровья как можно быстрее.

* *Остановимся более подробно на вопросе **реинтеграции Приднестровья**. Сразу хочу подчеркнуть тот факт, что именно сегодня сложились фактически идеальные условия для решения приднестровской проблемы.*

В данном контексте содержится опосредованный призыв к молдавским властям действовать в направлении воссоединения, так как именно нынешняя обстановка способствует скорейшему решению проблемы.

А вот смешение в контексте косвенного и опосредованного призыва:

Думаю, что властям в Молдове **пора уже **однозначно** ответить на вопрос «**Ты чей друг?**»*

С учетом предшествующего контекста, данная фраза приобретает функцию опосредованного призыва к властям Республики Молдова приступить к действиям, направленным на подрыв безопасности Приднестровской Молдавской Республики. *Пора* – слово категории состояния с модальным значением необходимости «надо, необходимо». *Однозначно* – наречие, свидетельствующее о четкости, определенности, недвусмысленности, не допущении двойного толкования. Сочетание этих слов (*пора однозначно*) в данном контексте выражает побуждение к действию. Это значение усиливает риторический вопрос, задаваемый автором заметки (*Ты чей друг?*), придавая особую эмоциональную окраску данному фрагменту текста, а также стимулируя молдавские власти принять окончательное решение о присоединении Приднестровской Молдавской Республики. *Думаю, что* превращает косвенный призыв *пора ответить* в прокси-призыв.

В следующем примере публичный косвенный призыв превращается в прямое публичное действие:

... **Нужно напасть на Приднестровье. От нас этого никто не ждет. Будет неожиданно. **Мы ночью, вдоль заборчика, на цыпочках, чтобы не топотеть... и уже в Приднестровье**.*

В данном контексте содержится прямая угроза существованию Приднестровской Молдавской Республики как государственного образования. Автор призывает к подрыву безопасности Приднестровской Молдавской Республики, призывает нанести удар по стране и ущерб ее территориальной целостности.

На уровне языковых средств данный косвенный призыв выражается при помощи предикатива «*нужно*» и инфинитива глагола совершенного вида «*напасть*», но продолжение *Мы ночью, вдоль заборчика, на цыпочках, чтобы не топотеть... и уже в Приднестровье* усиливают эмоциональную окраску высказывания и побуждают действовать.

Еще один яркий пример: ***Хватит! Пора наводить порядок в Молдове... Нет Приднестровья, есть Молдова...***

В данном текстовом фрагменте есть призывы к изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Приднестровской Молдавской Республики, которые выражаются следующими языковыми средствами:

В знак приказа используется глагол в повелительном наклонении «*Хватим!*», что выражает требование прекратить определенное действие, определенную деятельность – это прямой призыв.

Пора – слово категории состояния с модальным значением необходимости «надо, необходимо». *Наводит* – инфинитив глагола, называющий действие. Сочетание этих слов (*пора наводить*) в данном контексте выражает побуждение к действию, но является косвенным призывом.

Нет – частица, используемая в роли предиката в безличном предложении, подчеркивает факт отсутствия Приднестровской Молдавской Республики и вхождение Приднестровской Молдавской Республики в состав Республики Молдова – прямой призыв с синтаксическим параллелизмом, подобен лозунгу.

В примере *Украина была есть и будет а вот Приднестровью Республике 404, осталось недолго. Учи молдавский язык ... или чемоданы готовь а лучшие сухари суши. В Москву ты не успеешь сбежать* – видим несколько публичных действий.

В данных контекстах авторы постов говорят о скором исчезновении Приднестровской Молдавской Республики, сравнивая Республику с несуществующей республикой – по аналогии с компьютерным термином «Ошибка 404», который обозначает отсутствие запрашиваемых данных. Авторы, употребляя фразы «чемоданы готовь», «сухари суши», «учи молдавский язык», подчеркивают грядущее воссоединение с Республикой Молдова, а, следовательно, предсказывают изменение конституционного строя и нарушение целостности Приднестровской Молдавской Республики, призывая к публичным действиям.

В интернет-пространстве муссируются публичные высказывания, выражающие явное неуважение к миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике и направленные на искажение положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации либо умаление заслуг Российской Федерации в поддержании мира, безопасности и стабильности в Приднестровской Молдавской Республике. Это выражается в подобных фразах:

** О каком нейтралитете может вести речь, когда на твоей территории в нарушение всех международных договорённостей находятся войска государства, которое развязало войну? Которое в две тысячи, согласно стамбульских соглашений, по-моему, тысяча девяносто девятого года, девяносто восьмого или девяносто девятого года, обязалось в течение трёх лет вывести свои войска с территории Республики Молдова. Слава богу, сегодня уже 2023-й год.*

О каком нейтралитете можно говорить, когда страна, мало того, что её вооружённые силы находятся на территории Республики Молдова, позволяет себе боевыми ударными летательными средствами нарушать границу Республики Молдова. Я говорю про пролёт крылатых ракет, я говорю про падение остатков ракет на территорию Молдовы.

Данные публичные высказывания выражают явное неуважение к миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике и направлены на искажение положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации, поскольку в них намеренно искажаются реальные исторические факты и российские миротворцы представлены как «*войска государства, которое развязало войну*», которое «*обязалось в течение трёх лет вывести свои войска с территории Республики Молдова*» и которое «*позволяет себе боевыми ударными летательными средствами нарушать границу Республики Молдова*».

На самом деле хорошо известные всем исторические факты, связанные с событиями 1992 года, свидетельствуют о том, что именно российские вооружённые силы позволили остановить и урегулировать кровавый вооружённый конфликт между Приднестровьем и Молдовой. С 1992 года по настоящее время благодаря действиям российских миротворцев совместно с представителями Приднестровья и Молдовы успешная миротворческая операция обеспечивает мир на обоих берегах Днестра.

Таким образом, работая с интернет-материалами последнего времени в рамках лингвистической экспертизы, мы совершенствуем традиционную методику анализа текстов и признания их экстремистскими. Скриншоты, видео- и аудиоматериалы, протоколы осмотра предмета, обширные публикации и комментарии к ним – это далеко не весь перечень объектов исследования судебного эксперта-лингвиста сегодня.

Иногда методика и средства лингвистической экспертизы не справляются с решением задач, поэтому для установления экстремистского характера представленного на экспертизу материала обязательно нужен комплексный подход с привлечением психологов, историков.

С развитием интернет-индустрии и появлением новых публичных каналов мгновенного распространения информации, будут обнаружены и новые объекты лингвистической экспертизы, а, значит, обновится ее методика.

Список литературы

1. О противодействии экстремистской деятельности : закон ПМР № 261-3- IV от 27.07.2007 // Консультант-Плюс.
2. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы. Ярославль, 2013. 80 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 960 с.

Сведения об авторе;

Кривошапова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, директор Многопрофильного центра исследований и консультаций Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика.

М. Ю. Костригина

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

M. Y. Kostrigina

Penza State University, Penza, Russia

LINGUISTIC EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS

Аннотация. Рассматривается проведение лингвистической экспертизы в отношении нормативно-правовых актов. Анализируются ее основные проблемные аспекты: закрепление экспертизы на законодательном уровне, отсутствие закрепления проведения экспертизы в отношении различных нормативно-правовых актов и др. Приводятся предложения по усовершенствованию данного процесса.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, нормативно-правовой акт, качество нормативно-правовых актов, проблемные аспекты

Abstract. The article considers the conduct of linguistic expertise in relation to legal acts. Its main problematic aspects are analyzed: consolidation of the expertise at the legislative level, lack of consolidation of the expertise in relation to various normative legal acts, and others. Proposals for improving this process are given.

Keywords: linguistic expertise, normative legal act, quality of normative legal acts, problematic aspects

В современном мире, где слово власти имеет огромный вес, важно, чтобы законодательные акты были понятны и однозначны. Они должны строго соответствовать основам права и лежать в основе формирования общественных отношений. Законотворчество является необходимым и важным процессом для любого государства, поэтому большое внимание уделяется не только результату данного процесса – изданному нормативно-правовому акту, но и самому проекту нормативно-правового акта на начальных этапах его создания и рассмотрения. Законопроект должен соответствовать различным требованиям, пройти проверки и лингвистическую экспертизу, на которой в данной статье сделан акцент.

Основная функция лингвистической экспертизы - определить ясность и понятность законодательного акта, т.е. выявить, смогут ли граждане, для которых законодательный акт предназначен, понять взятый под рассмотрение документ. Также в результате экспертизы выявляются несогласованности, противоречия и неоднозначные формулировки правовых документов. Проводя экспертизу, лингвисты анализируют словарный состав, лексические единицы, синтаксис, пунктуацию и общий стиль правового акта.

Необходимость проведения лингвистической экспертизы нормативно-правового акта обусловлена ее задачами, а именно:

- повышение качества нормативно-правовых актов;
- установление соответствия терминологии, используемой законодателем, с подразумеваемым значением данных терминов, для дальнейшего понимания нормативно-правового акта на стадии его применения;
- установление соответствия нормативно-правового акта свойственным ему стилистическим особенностям и нормам русского языка.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются лингвисты при экспертизе нормативно-правовых актов, является необходимость перевода нормативного языка законодательных документов в понятную и доступную читателю форму. Нормативный язык – это стандартный язык кодексов, законов, постановлений и других правовых документов, использующихся при изложении норм, правил и инструкций. Такой язык зачастую состоит из длинных и сложных предложений, заведомо непонятных для людей, не связанных с областью нормотворчества. Поэтому специалист должен сохранить нормативный язык, но при этом сделать текст документа более кратким и точ-

ным. В связи с этим возникают трудности в понимании правовых документов, как для непрофессиональных юристов, так и для специалистов.

Осуществлять лингвистическую экспертизу может только лицо, имеющее знания в лингвистике и юриспруденции, это связано с высоким уровнем сложности экспертизы. Знания эксперта в сфере русского языка сводятся к соблюдению основных положений и правил грамматики, пунктуации и др.; если говорить о юриспруденции, то в этом случае речь идёт об основных правилах юридической техники: предложения должны быть чётко и кратко сформулированы, логически последовательны и т.д.

Когда специалист получает проект закона, он может столкнуться со следующими ошибками:

- неверное оформление документов в графическом плане;
- технические ошибки;
- ошибки в пунктуации, грамматике, орфографии;
- несоответствие документов правилам юридической техники.

Данные ошибки подтверждают необходимость наличия знаний у специалиста сразу в двух областях: лингвистике и юридической технике. Совмещение у специалиста сразу двух областей знаний необходимо, в целях экономии времени при проведении лингвистической экспертизы. Очевидным является тот факт, что специалист должен иметь значительный опыт, чтобы быстро и качественно выполнять экспертизу.

В настоящее время данная экспертиза не имеет расширенной регламентации, в указанной сфере существуют только методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, утвержденные Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации [Методические рекомендации 2013]. Из-за этого существует проблема: данные методические рекомендации описывают лишь методы проведения лингвистической экспертизы, а порядок её проведения по различным нормативно-правовым актам отсутствует. Также лингвистическая экспертиза не проводится в отношении нормативно-правовых актов, которые в наибольшей степени интересны гражданам: муниципальные, ведомственные. Таким образом, можно сделать вывод, что существует ряд проблемных моментов:

1. Отсутствие закрепления подробного порядка проведения экспертизы в отношении различных нормативно-правовых актов. По-нашему мнению, необходимо внести изменения в методические рекомендации, закрепив конкретный порядок проведения экспертизы.

2. Проведение экспертизы не на всех уровнях.

Выделяют два вида лингвистической экспертизы:

- официальная, которая проводится по запросу Государственной Думы и специальным экспертным учреждением;
- неофициальная, которая проводится не по запросу Государственной Думы.

Экспертиза может проводиться в отношении нормативно-правовых актов федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации, поэтому мы считаем уместной классификацию лингвистических экспертиз по основанию сферы действия, проверяемого нормативно-правового акта.

Белоконь Н. В. Указывает на то, что в законах субъектов РФ наиболее часто встречаются технические ошибки: неверная нумерация абзацев, пунктов, частей, статей, ошибочное наименование закона, неправильное или сокращенное употребление терминов и наименований [Белоконь 2015 : 146]. Данное положение подтверждает необходимость обязательного проведения лингвистической экспертизы в отношении нормативно-правовых актов субъектов РФ. Хотя законы федерального уровня и уровня субъектов РФ различны по целому ряду показателей, это не исключает важность качества вторых, они также во многом определяют содержание общественных отношений, просто не для такого широкого круга граждан.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: лингвистическая экспертиза в настоящее время представляет сложный необходимый процесс, которые не имеет полноценного урегулирования, поэтому мы считаем, что следует закрепить ряд аспектов проведения экспертизы, например:

- порядок проведения экспертизы в отношении различных видов нормативно-правовых актов: указов, законов, постановлений и других;
- перечень конкретных требований, предъявляемых к специалисту-лингвисту;
- необходимость обязательного проведения лингвистической экспертизы в отношении нормативно-правовых актов субъектов РФ;
- форму заключения, по итогам проведения лингвистической экспертизы.

Список литературы

1. Белоконь Н. В. Лингвистическая экспертиза законопроекта: стратегические направления и перспективы развития // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 145–147.
2. Крюкова Е. А., Крыжановская Л. А. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М. : Издание Гос. думы, 2013. 40 с.

Сведения об авторе:

Костригина Мария Юрьевна, студентка кафедры правосудия Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

А. А. Лавицкий¹, А. Л. Дединкин²

^{1,2}Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ДЕСТРУКТИВНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПРАВОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ

A. A. Lavitsky¹, A. L. Dedinkin²

^{1,2}Vitebsk Branch of the MITSO International University, Vitebsk, Belarus

MODERN BELARUSIAN DESTRUCTIVE DISCOURSE IN THE ASPECT OF LEGAL LINGUISTICS

Аннотация. Деструктивный дискурс отличает наличие особых характеристик делинквентной языковой личности и текстового продукта – противоправного вербального инструментария. Практический опыт подготовки авторами лингвистических заключений для правоохранительных органов Республики Беларусь позволили собрать обширный материал, позволяющий проследить динамику изменений содержания и форм соответствующих текстов.

Ключевые слова: правовая лингвистика, деструктивный дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, делинквентная личность

Abstract. Destructive discourse is distinguished by the specific characteristics of a delinquent linguistic personality and a text product, that is, an illegal verbal toolkit. The authors have experience in preparing linguistic expertise for law enforcement agencies of the Republic of Belarus, which allowed them to collect extensive material and analyze the dynamics of changes in the content and forms of the relevant texts.

Keywords: legal linguistics, destructive discourse, forensic linguistic expertise, delinquent personality

Современная массовая коммуникация являет собой уникальный феномен: если еще несколько десятилетий назад она понималась как сфера функционирования масс-медиа изданий, радио и телевидения, то сегодня она включает огромный пласт различных интерактивных площадок общения, значительная часть из которых напрямую связана с Интернет-технологиями. Кроме того, это еще и зона особой юридической ответственности. Именно этим фактом объясняется растущая роль судебной лингвистической экспертологии, призванной давать объективную лингвоправовую оценку содержания речевой коммуникации.

Несмотря на то, что концептуальные положения теории дискурса были обоснованы еще в середине 1960-х годов прошлого века, категория деструктивного дискурса вошла в активный научный обиход относительно недавно. При этом, как и само родовое понятие, сущностное значение деструктивного дискурса остается одним из самых неопределенных. Поэтому мы придерживаемся мнения, что классическим и самым емким является трактовка, определяющая дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990 : 137].

Очевидно, что система общественных отношений находится в процессе глубоких трансформаций. Это находит непосредственное отражение во всех типах дискурса и во всех его проявлениях. Еще в конце 1990-х гг. Н. Д. Арутюнова прозорливо и пророчески писала о том, что язык способен на преступные действия [Арутюнова 1998 : 3], следовательно, преступным может быть и сам дискурс. Подтверждение этому обнаруживается в многочисленных прецедентных примерах, а также в реальной процессуально-следственной практике, судебных процессах, где предметом правового разбирательства является текст (его содержание). Современная коммуникация, к сожалению, все чаще не чурается «возможности смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливая новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием» [Якова 2015 : 122].

Итак, что же такое деструктивный дискурс? Его научное обоснование связано, прежде всего, с интенсификацией исследований в области лингвистической конфликтологии и лингвистиче-

ской экспертологии. Новые взгляды на текст как продукт речевой активности и языковую личность, которая может выступать в ипостаси делинквентного коммуниканта, эксплицировались в юридическую сферу, нашли отражение в отечественном законодательстве. Совершенно иное понимание приобрели правовые институты чести, достоинства и деловой репутации, общественного порядка и государственной безопасности. Первая триада субъектных прав человека и гражданина актуализировалась как объект посягательств в оскорблении, угрозе, клевете и др. Категории общественного порядка и государственной безопасности существенно расширили границы своего понимания и стали включать такие противоправные деяния, совершаемые, в том числе вербальным способом, как экстремистская деятельность.

Таким образом, деструктивный дискурс отличают наличие особых характеристик субъекта (делинквентная языковая личность) и текстового продукта (представляет собой противоправный вербальный инструментарий).

Практический опыт подготовки авторами данного исследования лингвистических заключений для органов следствия и дознания, судов позволили собрать достаточно обширный фактический материал и проследить динамику изменений содержания и форм текстов деструктивного дискурса. Процессы его внутренних и внешних изменений представляют научный интерес и в плане дальнейшего развития юрислингвистической теории, где слабо разработанным видится проблема делинквентного речевого поведения и его субъекта – делинквентной языковой личности. Объективно обоснованный запросами правовой системы рост интереса к судебной экспертологии, с нашей точки зрения, не должен оставить в тени обозначенное исследовательское поле. Однако его разработка не возможна без количественной и качественной оценки динамики деструктивного дискурса.

Фактический материал, включающий более 150 вербальных и креолизованных текстов за 2018–2022 годы, показывает, что динамика современного белорусского деструктивного дискурса очень стремительна и отражается в четко прислуживающихся тенденциях.

Интерактивность рассматривается нами как феномен активной интеграции и перехода деструктивной коммуникации в опосредованное цифровое пространство. За последние два года нами собрано только девять примеров, когда экспертному исследованию подвергался не цифровой материал, а предметы реальной действительности (листочки и граффити). Хотя еще в 2018 году около 30 % всех подготовленных лингвистических заключений проводились именно по таким род материалам.

Конфиденциализация представляет собой прямое следствие активного перехода деструктивного дискурса в цифровое пространство. Данная тенденция понимается как стремление адресанта конфликтогенного текста сохранить максимальную конфиденциальность своей личности. С точки зрения процесса коммуникации это достаточно несложно – необходимо лишь наличие никнейма. Не усложняют сохранение положения инкогнито и процедуры регистрации и аутентификации, так как они зачастую представлены формально. Однако для современного технологического оборудования, которым пользуются правоохранительные органы, очевидно, не составляет проблемы определить автора текста по IP-адресу.

Для адресанта деструктивного текста сохранение формальной конфиденциальности дает возможность а) чувствовать себя относительно безопасно и не думать о необходимости нивелировать правовые риски в своей речевой деятельности; б) моделировать собственный социальный образ или обезличивать его.

Изученный нами фактический материал показывает, что более чем в 60 % случаев, когда экспертному анализу подлежит текст комментария или сообщения в социальной сети, автор использует никнейм, который не является традиционным именем собственным (*Грустный клоун, Бешенный, PlayGame, Ролекс* и др.). При этом в половине случаев используемые онимы не коррелируют с половой принадлежностью автора.

Мультипликативность являет собой тенденцию, связанную с изменениями жанровых особенностей деструктивного языкового материала. Она проявилась в экспансии малых жанровых форм, где объем речевых данных составляет 1–3 фразы. Для поликодовых текстов это обычно 1–2 иконических (визуальных) элемента и вербальная «пояснительная надпись». Думается, что такие генрические трансформации связаны с изменениями в когнитивных приоритетах языковой личности: стремление к максимальному информационному насыщению за минимальный промежуток времени. Неслучайно по такой формуле функционирует большинство популярных социальных платформ и мессенджеров.

Визуализация и креолизация деструктивного контента реализуется в его тяготении к поликодовости информации. Наблюдается четкая взаимосвязь данной тенденции с указанной выше мультипликативностью. Такая подача информации актуальна и позиции объема предоставления данных, и с точки зрения суггестивного влияния на адресата. Такой текст, безусловно, требует уси-

ленной работы органов чувственного восприятия, а «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [Якобсон 1985 : 323].

Создание креолизованного текста требует больших временных затрат, нежели представление информации в вербальной форме. Возможно, поэтому рост данной тенденции наблюдался нами в течение 2018 – 2020 годов, а в настоящее время находится примерно на одном и том же уровне (чуть более 40 % от собранного материала).

Ювенилизация как особая социолингвистическая характеристика дискурса не всегда легко отслеживается, так как эксперту зачастую неизвестны данные адресанта деструктивного текста. Данная тенденция выявлена нами, в том числе и посредством дополнительного сбора информации в следственных органах. Всеобщее продвижение ювенильного стиля поведения [Карасик 2021 : 19] нашло отражение и в деструктивном дискурсе: по полученным данным из достоверно установленных 98 лиц – авторов спорных текстов 75,5 % являются людьми в возрасте до 45 лет, а молодежь составляет 55,1 %. Кроме того, ювенилизация деструктивного дискурса находит отражение и в лексическом наполнении исследованных текстов, где повсеместно встречаются единицы, относящиеся к молодежному словарю.

Навязчивость деструктивного дискурса – это особая тенденция, которая свидетельствует об особом технологическом статусе соответствующего текста. Он продвигается практически как реклама, проходит процедуру поисковой оптимизации (Search Engine Optimization), то есть становится особым товаром. Идентичные деструктивные тексты многократно тиражируются, «путешествуют» по различным тематическим площадкам социальных сетей. В нашей практике встречалось четыре случая, когда экспертиза по одним и тем же материалам назначалась разными органами, ведущими следствие.

Нивелирование категории формальной грамотности мы также склонны отнести к тенденции деструктивного дискурса. Данное понятие рассматривается нами как соответствие текста языковым нормам и правилам. Можно найти достаточно большое количество работ, где такое положение дел рассматривается как общая тенденция коммуникативного взаимодействия. Полагаем, однако, это и частная характеристика деструктивного текста. В совокупности с использованием обценных и стилистически сниженных единиц такая форма общения позволяет сократить социальную дистанцию и установить коммуникативный контакт [Жельвис 2001 : 342]. То есть, наличие грамматических, речевых ошибок и игнорирование правил синтаксической организации текста можно рассматривать и как тактику создания образа «своего».

Таким образом, деструктивный дискурс представляет собой особый тип дискурсивной практики, где субъект реализации коммуникативной активности – делинквентная языковая личность, а продуктом его речевой деятельности является конфликтотенный текст, содержание которого имеет признаки противоправной деятельности.

Деструктивный дискурс, равно как и делинквентная языковая личность представляют собой актуальное исследовательское поле для современной правовой лингвистики. Полагаем, что научный интерес к данным понятиям будет расти в связи с актуализацией вопросов юридического контроля массовой коммуникации. Важное значение в этой связи приобретает оценка динамики современной деструктивной коммуникации.

Собранные авторами данные – собственные экспертные исследования, проведенные по постановлениям правоохранительных органов, показывают, что для современного белорусского деструктивного дискурса характерным является развитие информационно-аналитических технологий общения. Результаты этого отразились в интерактивности, конфиденциализации и навязчивости деструктивной коммуникации. Трансформации коснулись и социального портрета делинквентной языковой личности (ее ювенилизация). На языковом уровне изменения отразились в развитии текстовых форм (*мультипликативность, визуализация и креолизация* материала), а также их наполнении (*нивелирование категории формальной грамотности*).

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / гл. ред. В. Н.Ярцева // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : монография. М. : Наука, 1998. 341 с.
3. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.
4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. 2021. № 1. С. 14–31.
5. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации. М. : Наука, 1985. 460 с.

6. Якова И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 122–134.

Сведения об авторах:

Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры правоповедения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО», г. Витебск, Беларусь.

Дединкин Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры правоповедения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО», г. Витебск, Беларусь.

А. А. Малюка

Московский государственный педагогический университет, г. Москва, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

A. A. Malyuka

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INSULT: METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS

Аннотация. Рассматриваются методические особенности производства лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, описаны ключевые моменты, на которые необходимо обращать внимание при проведении исследования. Описаны методы, которые автор применяет для установления признаков оскорбительной лексики. Данные рекомендации будут полезны лингвистам и экспертам, которые практикуют проведение лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза, оскорбление, право, оскорбительный характер, речевой акт

Abstract. The article discusses the methodological features of the production of linguistic expertise in cases of insult, describes the key points that need to be paid attention to when conducting research. The methods that the author uses to establish the signs of offensive language are described. These recommendations will be useful for linguists and experts who practice conducting linguistic examinations.

Keywords: forensic linguistic expertise, forensic expertise, an insult, law, insult character, speech act

На данный момент понятие «оскорбление» имеется в ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях №195-ФЗ от 30 декабря 2001 г.], а также в ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» [Уголовный кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13.06.1996]. Несмотря на это, актуальность этой категории дел не уменьшается, а наоборот увеличивается, ввиду перемещения большей часть речевых преступлений в медиапространство, в том числе и оскорблений, когда происходит использование по отношению к какой-либо личности слов или словесных формул, которые вызывают негативные эмоции и являются нанесением морального ущерба.

Оскорбление является вербальным преступлением, поэтому установление факта наличия или отсутствия оскорбления является функцией суда и чисто правовым вопросом, решать который эксперт-лингвист не имеет права. При назначении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении эксперт должен проводить исследование только в соответствии со своими специальными знаниями, то есть знаниями в области лингвистики. Это значит, что лингвист может исследовать представленный объект только на предмет установления признаков оскорбительности спорного текста и на предмет отнесенности оскорбительного характера этого текста к конкретному лицу.

Нередко по делам об оскорблении при назначении лингвистической экспертизы объектом исследования является слово (словосочетание, фраза), которое выделено из общего материала и дано на изучение лингвисту. В таких случаях эксперт (специалист) обязан запросить полный текст, который сопровождает это слово, а также любую дополнительную информацию, которая может сопутствовать тексту (изображения, видеоматериалы, фотоматериалы, рассказы очевидцев и так далее).

Так, например, на лингвистическое исследование было представлено слово «заднеприводный», которое в обиходе относится к машинам и само по себе обозначает автомобиль, которого в движение приводит его задняя пара колес. При запросе всех имеющихся материалов специалист получил следующее: фотографию мужчины в трусах с хорошо развитой мускулатурой, которая

опубликована в социальной сети «ВКонтакте» и подпись под ней *«Еще немного заднеприводного особиста вам в ленту»*. При изучении указанной ранее лексемы *«заднеприводный»* в представленном контексте накладывается новое контекстное негативное значение «мужчина, имеющий гомосексуальные наклонности», что является оскорбительной характеристикой лица, выраженной при помощи слова из молодежного сленга. Употребление этой лексемы публично (социальная сеть) неприемлемо, так как это снижает социальную значимость лица, что обосновывается неприличной формой употребления. В данном случае лексема получила оскорбительную характеристику только при изучении в контексте и с учетом ситуационных характеристик.

Учет целостного контекста позволяет лингвисту выявить основные пути и способы инвективизации лексики, а значит, уточнить процедуры проведения лингвистической экспертизы.

Наличие полного контекста, включая ситуативные детали, при проведении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении является существенным моментом, влияющим кардинально на дальнейшие выводы эксперта (специалиста).

Производство экспертизы предполагает применение совокупности методов для исследования представленного объекта. Для лингвиста-эксперта – это лингвистические методы, которые он использует по своему усмотрению исходя из объекта исследования и поставленных задач. Далее автор приводит ряд методов, которые применяет для производства лингвистических экспертиз по делам об оскорблении в личной практике.

Анализ структурной организации исследуемого материала (текста) позволяет лингвисту установить структурные единицы текста, их количество, границы, форму выражения. При выделении структурных единиц, а именно символов, слов, строк, абзацев и так далее, возможно определение характера взаимодействия участников коммуникации, установление таких параметров исследуемого текста как целостность и связность.

Логико-грамматический (пропозициональный) анализ необходим лингвисту для выявления пропозициональных установок спорного текста с помощью определения логической основы семантической структуры предложения. То есть данный анализ выявляет выражения, в которых содержатся намерения, мнения, желания автора исследуемого текста, его восприятия окружающего мира. В тексте пропозициональные установки выражены в виде глаголов, после которых имеется придаточное предложение, заключающее в себе пропозицию (то есть мысль). Например, в таком высказывании, как *«точно знаю, ты тупой индюк»* установка говорящего выражена пропозициональными предикатами *«знать»*, с которым соотносится семантическая составляющая *«конкретное лицо-«тупой индюк»*, обозначающая оценочное суждение.

Пропозициональный анализ актуален для применения лингвистом, когда на исследование приходит такой объект как видеоматериал (например, который фиксирует факт оскорбления одного лица другим), где необходимо подробно рассмотреть содержание передаваемой информации на всех имеющихся уровнях (текстовая часть, звуковое сопровождение, изображение) через выражаемые пропозиции с последующим их синтезирующим анализом.

Стилистический анализ текстовых фрагментов необходим для установления стиля, в котором выполнен исследуемый материал. В процессе его использования изучается актуальность примененных лексем относительно конкретного стиля.

Например, в современном разговорном стиле, зафиксированном письменно в социальных сетях характерно (то есть считается нормой среди пользователей) использование большого количества абсценной и бранной лексики, сленговой лексики, часто отсутствует правильная пунктуация и пунктуация в целом, имеются нарушения орфографии, присутствует большое количество опечаток. Однако такого рода явления категорически недопустимы в других стилях, будь то научный или официально-деловой.

В связи с этим применение стилистического анализа решает задачу установления нормы применения разного рода лексем в рамках использованного в материалах стиля.

Прагматический анализ позволяет определять интенции автора текста, то есть его коммуникативное намерение, например, донести какую-либо информацию или оказать влияние на эмоциональное состояние человека, например, унижить коммуниканта. В процессе установления намерения автора текста появляется возможность установить характер текста в целом: позитивный (например, шутка), негативный (например, оскорбительность) или нейтральный (непосредственное информирование коммуниканта).

Контент-анализ применяется для выявления в исследуемом материале указаний на те объекты, явления или процессы, которые существовали до создания текста и получили в нем непосредственное отражение (например, разные явления окружающей действительности, сам автор или лица, которым адресованы сообщения).

При помощи контент-анализа в исследовании материалов по делам об оскорблении происходит выявление непосредственных указаний на конкретное лицо (номинаций), на которое направлено оскорбительное высказывание.

Важно отметить, в речи крайне редко употребляется полное имя, отчество и фамилия лица. В исследуемых материалах обозначение адресата в массе своей происходит косвенно, например, использована только фамилия или неполное имя собственное, также могут быть использованы местоимения (*ты, он, тот, этот* и так далее) или словосочетания, состоящие из междометья и местоимения (например, *эй, ты!*). В данном случае применение синтаксического анализа позволит определить референции местоимений, то есть соотношение этих местоимений с конкретным лицом, которое является адресатом сообщения.

Возможны использования указания на профессию лица или его социальный статус (*этот профессор, депутат, инвалид* и так далее). Нередки ситуации, когда адресант обозначен в тексте словом, выходящим за рамки нормы русского языка (бранное, нецензурное и так далее).

В таких случаях важно исследовать весь материал целиком, в совокупности (включая такие элементы как, например, изображения, являющиеся неотъемлемой частью объекта), а не только ту часть, в отношении которой у участников судебного процесса возникли вопросы.

Исследуя весь материал, а также зная обстоятельства дела, эксперт сможет установить направленность текста.

Семантико-синтаксический и лексико-семантический анализы позволяют исследовать значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и единства текста в целом.

При использовании указанных анализов лингвист устанавливает, что выявленные выражения, адресованные непосредственно конкретному лицу, являются негативными, так как они содержат негативный компонент (негативную информацию или негативную оценку этого лица).

Важным аспектом является исследование в данном случае не только плана содержания текста (смысловая нагрузка), но и плана выражения (форма передачи информации). То есть в какой форме (приличная или неприличная) использованы негативные выражения, употребленные в отношении конкретного лица. Характеристика плана выражения по типу приличная/неприличная форма связана с употреблением лексики, которая не может быть использована в данной речевой ситуации. Чаще всего речь идет об инвективной лексике - ненормативная (табуированная, недопустимая) лексика (также мат, нецензурная лексика, обценная лексика, сквернословие). Однако возможны ситуации, когда разговорная лексика, сленг и просторечия в определенной языковой среде могут быть квалифицированы как неприличные. Например, слово «*дурак*», которое в словарях имеет пометку «*разговорное сниженное или бранное*», употребленное одним политиком в адрес другого, будет считаться словом, выраженным в неприличной форме, так как по нормам делового общения употребление сниженной разговорной лексики между коммуникантами неприемлемо.

Список литературы

1. Борисова Е. Г. «Эгоист ужасный/прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях // Вариативность в языке и коммуникации : сб. статей / сост и отв. ред. Л. Л. Федорова. М. : РГГУ, 2013. С. 140–146.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Кемерово, 2010. 42 с.
3. Галашина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь 111 судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Юридический мир, 2006. 96 с.
4. Горбаневский М. Оценка и ненормативность в материалах СМИ // «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» / авт.-сост. А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. А. Сорокин. М. : Фонд защиты гласности, 1997. С. 3–12.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 24.09.2020).
6. Куприн А. И. Поход // Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худлит, 1971. Т. 3. С. 137–146.
7. Кусов Г. В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика) : монография. Краснодар : Изд. Дом – Юг, 2011. 156 с.
8. Кусов Г. В. Основополагающие принципы проведения судебной лингвистической экспертизы // Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2 / ред. И. Н. Титаренко. Ставрополь : Центр научного знания «Логос», 2011. С. 176–179.
9. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9. С. 15–19.
10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 736 с.
11. Семенова Н. В. Инвективное функционирование языка и способы его проявления. URL: <http://www.tmborags.ru/index.php>
12. Стернин И. А. О понятии «неприлична форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. 2010. № 1. С. 16–21.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 24.09.2020).

14. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Галерея, 2002. 424 с.
15. Черкасова М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ : монография. Р н/Д. : Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.

Сведения об авторе:

Малюка Анна Алексеевна, соискатель кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета, г. Москва, Россия.

В. А. Мащенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ
КОНТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

V. A. Mashchenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**LINGUISTIC AND NON-LINGUISTIC MEANS OF CONTEXT
ORGANIZATION AS AN OBJECT OF FORENSIC
LINGUISTIC EXPERTISE**

Аннотация. Проведен анализ контекста как двустороннего явления: языкового и неязыкового. Цель статьи – рассмотреть языковые и неязыковые средства организации контекста на примере спорного текста, предоставленного на судебную лингвистическую экспертизу. В центре внимания находятся следующие положения: понятие контекста, соотношение роли языковых и неязыковых средств в организации контекста, принцип семантического и прагматического двуединства, принцип контекстуального взаимодействия.

Ключевые слова: контекст, языковые и неязыковые факторы действительности, лингвистический анализ, когезия, когерентность, пресуппозиция, анафорические связи, принцип наследования модальности, каузальные связи

Abstract. The article analyzes the context as a two-way linguistic and non-linguistic phenomenon. The aim of the article is to consider linguistic and non-linguistic means of organizing the context on the example of a controversial text submitted for forensic linguistic examination. The article focuses on the concept of context, the correlation of linguistic and non-linguistic means in the organization of the context, the principle of semantic and pragmatic duality, and the principle of contextual interaction.

Keywords: context, linguistic and non-linguistic factors of reality, linguistic analysis, cohesion, coherence, presupposition, anaphoric connections, the principle of inheritance of modality, causal connections

В языковой системе каждый компонент ее структуры лишь в относительной степени обладает самостоятельным значением, поскольку его значимость устанавливается рядом целых построений, координирующих взаимосвязь всех его частей. В качестве одной из форм проявления взаимозависимого характера компонентов языка, представленного в виде конкретных коммуникативных единиц (имеются в виду словосочетания, предложения, абзацы), выступает контекст. Г. В. Колшанский замечает, что «отдельное слово как таковое никогда не может быть соотнесено с каким-либо конкретным предметом, если оно не будет включено в коммуникативный акт, который заранее предполагает построение и передачу некоторого сообщения» [Колшанский 1980 : 57]. Принимая во внимание факт многозначности форм языка, целесообразно заключить, что контекст выступает решающим параметром при определении истинного содержания соответствующей формы языка.

В теории лингвистики существует подход к изучению контекста, согласно которому осуществление языковой коммуникации между коммуникантами предполагает существование в сознании ее участников подобных друг другу образов знака и означаемого, а также связи этих образов. Отмечается, что только в таком случае речевые акты адресанта способны вызвать соответствующие образы у адресата [Ибраев 1981 : 17]. Данный образ действительности, выступающий в качестве общего знака для адресанта и адресата, а также предвосхищающий и устанавливающий восприятие этого знака, и является контекстом. В связи с этим, на наш взгляд, наиболее близкой по своей сути к идее, заложенной в определении контекста, является попытка его соотнести с внеязыковой действительностью. Так, Е.В. Колшанский отмечает, что «возможен и такой подход к определению контекста, который выводит сам контекст из языковой структуры и отводит ему роль интерпретатора вы-

сказывания, определяемого объемом неязыковых знаний коммуниканта» [Колшанский 1980 : 67]. Подобную точку зрения также разделяет Е. Р. Курилович, он соединяет в своем понятии контекста не только языковое окружение, но и «элементы внешней ситуации» [Курилович : 1962 : 251]. Сообразно этому можно заключить, что объектом лингвистического исследования на семантическом уровне является семантическое и прагматическое двуединство: текст и контекст. Нам близок данный теоретический подход и вследствие этого в рамках настоящего исследования мы будем руководствоваться определением, согласно которому контекст представляет собой информацию, выраженную не только посредством языковых единиц, но и с помощью средств внеязыковой действительности.

Объектом настоящего исследования является спорный текст, предоставленный на судебную лингвистическую экспертизу по делу о защите чести и достоинства, а именно публикация пользователя, размещенная на сайте интернет-магазина «Цветочный сад» (название объекта исследования было изменено с целью защиты его авторских прав). Исследуемый текст представляет собой отзыв, в котором автор дает характеристику интернет-магазину «Цветочный сад», а именно обозначает достоинства и недостатки его деятельности. Следовательно, главным объектом негативной информации в рамках данного исследования является интернет-магазин «Цветочный сад».

Дословное содержание исследуемой публикации с сохранением орфографии и пунктуации автора приводится ниже (название объектов речи изменены с целью защиты их авторских прав):

«Отзыв: интернет-магазин растений «Цветочный сад» – Видимо, развод и обман.

ДОСТОИНСТВА: Красивый сайт с большим ассортиментом

НЕДОСТАТКИ: По многочисленным отзывам на сайты-предшественники: мошенники, обманщики.

По рекламе луковиц тюльпанов вышла на сайт «Цветочный сад». Приятно удивил широкий ассортимент тюльпанов и довольно демократичные цены. Еще больше порадовали виноград и розы, а главное - хурма! Я ищу саженец Хурмы Россиянка, пишут, что он у нас растет. Стала искать отзывы об этом магазине – не нашла. Посмотрела ИП, заявленный руководителем сайта, там указан ИНН – существует меньше года. На него же недавно оформлено личное фермерское хозяйство... Но все же решила рискнуть и сделала заказ на 2600 рублей. И тут начались интересные совпадения. Мне приходит СМС о том, что заказ номер 108 принят и ссылка на оплату. Приходит от того же номера, от которого ранее присылал сообщения инет -магазин Остров тюльпанов. А уж об Острове тюльпанов полно отзывов со средним баллом 1,5 - что это мошенники, вымогатели денег. Зашла на сайт Острова тюльпанов - о чудо! Тот же ассортимент, те же фото, те же скидки, цены и ошибки в описаниях. Спрашиваю девушку в чате - вы к магазину Цветочный сад имеете какое-то отношение? Она отвечает - нет, что вы! Мы сами по себе! Как же, говорю, у вас наполнение сайта так совпадает? Тут звонит мне девушка от Цветочного сада обсуждать детали заказа - надо ли мне сообщать, что заказ я, конечно, отменила! И потом подумала - а напишу-ка я о своих открытиях в отзывах, потому что новый магазин активно рекламируется и будет разводить доверчивых россиян на деньги. Так понимаю, все это - дело рук одной и той же мошеннической группы, создававший сайты Садовод, какой-то Сад (не помню точно название), еще сейчас, Агроботаник и Агромир из всех дырок вылезает с навязчивой рекламой... Словом, люди будьте бдительны и не поддавайтесь на обман!».

Прежде всего необходимо указать, что с содержательной точки зрения исследуемый материал обладает логико-тематическим единством, о чем свидетельствует последовательное описание событий, основанное на реализации причинно-следственных связей. Для того, чтобы проследить структуру организации контекста в данном материале, целесообразно обратиться к следующим его фрагментам:

• *«Отзыв: интернет-магазин растений «Цветочный сад» - Видимо, развод и обман».*

С композиционной точки зрения приведенный вербальный фрагмент представляет собой заголовок, т.е. название анализируемого информационного материала. Важно заметить, что заголовки, реализуя номинативную функцию, в краткой и емкой форме передают его основную тему и идею. Соответственно, информация, вынесенная в заголовок, по принципу наследования модальности распространяется на весь последующий текст и влияет на его восприятие реципиентом. Так, в анализируемом заголовке содержится информация о том, что деятельность интернет-магазина растений «Цветочный сад» – это «развод» и «обман». С целью установления смысловой направленности используемых автором лексем рассмотрим его лексико-семантическую структуру:

• **РАЗВОД**, -а; м. 1. к Развести – разводить. [Большой толковый словарь 2000].

• **РАЗВЕСТИ**, -веду, -ведешь; развел, -вела, -ло; разведший; разведенный; -ден, -дена, -дено; разведя; 9. кого. Разг.-сниж. Обмануть. [Большой толковый словарь 2000].

• **ОБМАН**, -а; м. 1. Слова, поступки, действия и т.п., намеренно вводящие других в заблуждение. [Большой толковый словарь 2000].

Из анализа приведенных словарных значений следует, что лексемы «развод» и «обман» обладают негативной коннотацией, поскольку описывают осуждаемые в обществе поступки. Используемая автором манера подачи сведений свидетельствует о его намерении в краткой форме сообщить реципиенту о том, что в основной части отзыва пойдет повествование об отрицательной деятельности объекта речи. Руководствуясь принципом наследования модальности, реципиент еще перед прочтением отзыва формирует представление, согласно которому владельцы и сотрудники интернет-магазина «Цветочный сад» обманывают людей. Данное обстоятельство позволяет установить использование автором такого приема речевого воздействия как постановка в отрицательно оцениваемый контекст.

• *«Стала искать отзывы об этом магазине – не нашла. Посмотрела ИП, заявленный руководителем сайта, там указан ИНН – существует меньше года. На него же недавно оформлено личное фермерское хозяйство... Но все же решила рискнуть и сделала заказ на 2600 рублей. И тут начались интересные совпадения. Мне приходит СМС о том, что заказ номер 108 принят и ссылка на оплату. Приходит от того же номера, от которого ранее присылал сообщения инет-магазин Остров тюльпанов. А уж об Острове тюльпанов полно отзывов со средним баллом 1,5 - что это мошенники, вымогатели денег. Зашла на сайт Острова тюльпанов - о чудо! Тот же ассортимент, те же фото, те же скидки, цены и ошибки в описаниях. Тут звонит мне девушка от Цветочного сада обсуждать детали заказа - надо ли мне сообщать, что заказ я, конечно, отменила!».*

Представленный фрагмент высказывания состоит из нескольких информационных блоков, объединенных между собой причинно-следственной связью. Рассмотрим подробнее каждый из них.

В первой части исследуемого фрагмента содержатся сведения о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» существует на протяжении непродолжительного временного периода, на что указывает отсутствие о нем отзывов и регистрация владельцем организации ИНН меньше года назад: *«Стала искать отзывы об этом магазине - не нашла. Посмотрела ИП, заявленный руководителем сайта, там указан ИНН - существует меньше года. На него же недавно оформлено личное фермерское хозяйство...».* Анализ коммуникативного поведения автора в данной части позволяет установить, что в ходе повествования она обращается к такому приему речевого воздействия как «намек», который состоит в косвенной передаче информации. С формальной точки зрения он основан на усложнении описания информации языковыми формами, а с содержательной предполагает обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным, т.е. угадывание, в основе которого лежат относительно регулярные правила вычисления смысла, а также знания адресатов о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует не альтернативный уровень содержания текста, а его имплицитную составляющую [Баранов 2007 : 218]. Таким образом, намек основан на считывании адресатом информации, выраженной автором имплицитно, при этом сама эта информация является обязательной и легко вербализуется (реконструируется, считывается реципиентом).

Так, в компоненте *«Стала искать отзывы об этом магазине – не нашла»* автор, используя указательное местоимение «этот» в субстантивном словосочетании «этот магазин», отсылает к интернет-магазину «Цветочный сад», о чем свидетельствует учет последовательности изложения событий автором, общность их морфологических характеристик, в частности, формы единственного числа третьего лица, и то обстоятельство, что лексема «этот» выступает в качестве инструмента реализации анафорической связи, т.е. является отсылкой к предшествующей информации: *«По рекламе луковиц тюльпанов вышла на сайт Цветочный сад».*

С помощью предикативных конструкций, выражающих темпоральное значение, «существует меньше года», «недавно оформлено», а также глагола с отрицательной частицей «не» «не нашла», автор сообщает информацию о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» осуществляет свою деятельность с недавнего времени. При этом реципиент, учитывая сведения, сообщаемые автором в заголовке отзыва о возможной принадлежности объекта речи к мошеннической организации, реализует следующую логико-смысловую цепочку: *интернет-магазин «Цветочный сад» осуществляет свою деятельность с недавнего времени, нет отзывов о его работе, следовательно, его деятельность не может вызывать доверия.* Таким образом, в рассматриваемой части высказывания эксплицируется намек относительно ненадежности объекта речи.

Второй блок составляют следующие сведения: *«Но все же решила рискнуть и сделала заказ на 2600 рублей. И тут начались интересные совпадения».* С помощью компонента *«И тут начались интересные совпадения»* автор осуществляет переход от намека к передаче информации на эксплицитном уровне. Об этом свидетельствует субстантивное словосочетание «интересные совпадения», употребленное автором в ироничной форме и указывающее как раз-таки на *неслучайность* событий, описываемых ею далее, т.е. автор продолжает развивать выдвинутый в предыдущей части высказывания тезис о ненадежности интернет-магазина «Цветочный сад» и подготавливает реципиента к восприятию дальнейших действий со стороны объекта речи как закономерных и преднамеренных. На лингвистическом уровне данный переход подтверждается использованием

автором союза «и», маркирующего последовательное развитие мысли автора, т.е. указывающего на то, что данное высказывание продолжает тему предшествующего.

Третий информационный блок эксплицирует негативные сведения, считываемые реципиентом на уровне реализации каузальных (причинно-следственных) связей: *«Мне приходит СМС о том, что заказ номер 108 принят и ссылка на оплату. Приходит от того же номера, от которого ранее присылал сообщения инет-магазин Остров тюльпанов. А уж об Острове тюльпанов полно отзывов со средним баллом 1,5 – что это мошенники, вымогатели денег. Зашла на сайт Острова тюльпанов - о чудо! Тот же ассортимент, те же фото, те же скидки, цены и ошибки в описаниях»*. Для того, чтобы их проследить, рассмотрим пропозициональную структуру приведенного фрагмента. Для этого выделим элементарные пропозиции каждой его части, определив тем самым его концептуальное содержание: 1) Смс-сообщение со ссылкой на оплату заказа от интернет-магазина «Цветочный сад» пришло автору с номера, принадлежащего интернет-магазину «Остров тюльпанов»; 2) Интернет-магазин «Остров тюльпанов» - мошенники и вымогатели денег; 3) Ассортимент и оформление сайта интернет-магазина «Цветочный сад» идентичен ассортименту и оформлению сайта интернет-магазина «Остров тюльпанов».

Несмотря на то, что рассматриваемый фрагмент не имеет формальных маркеров каузальности, причина и следствие в нем выражаются отдельными пропозициями, которые в разворачиваемом дискурсе приобретают значение каузальности, так как воспринимаются в связи друг с другом: дается антецедент (причина) о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» имеет отношение к интернет-магазину «Остров тюльпанов», а также дается негативная характеристика магазина «Остров тюльпанов» (*«мошенники и вымогатели денег»*), и на основании этого вывод о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» также является мошеннической организацией, в которой с людей вымогают деньги, происходит в виде имплицитной логической операции, основанной на учете всего контекста рассматриваемого вербального фрагмента.

• **МОШЭННИК**. м. Тот, кто обманывает других в корыстных целях; плут [Толковый словарь Ефремовой 2000].

• **ВЫМОГАТЕЛЬ**. м. Тот, кто занимается вымогательством [вымогательство 2. Толковый словарь Ефремовой 2000].

• **ВЫМОГАТЕЛЬСТВО**. ср. 2. Добиваться незаконного получения денег в качестве оплаты чего-либо или прав на что-либо посредством угроз, шантажа или злоупотребления служебным положением. [Толковый словарь Ефремовой 2000].

Таким образом, в рассматриваемом высказывании содержится негативная информация о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» является мошеннической организацией, которая занимается вымогательством. Важно заметить, что данная негативная информация извлекается на основании анализа всего фрагмента, т.е. его контекстуальных связей, логико-тематической и содержательной связности. Соответственно, эта негативная информация является имплицитной.

Четвертый информационный блок представляет собой следствие сообщаемых ранее автором сведений, что обнаруживается на уровне логико-содержательных связей: *«Тут звонит мне девушка от Цветочного сада обсуждать детали заказа - надо ли мне сообщать, что заказ я, конечно, отменила!»*. В нем она сообщает сведения о своем решении отменить заказ, сделанный на сайте интернет-магазина «Цветочный сад». Причиной данного действия, как мы установили выше, является факт того, что *«Цветочный сад» является мошеннической организацией, которая занимается вымогательством*. При этом автор использует риторический вопрос *«надо ли мне сообщать»*, а также вводный компонент, характеризующийся эмоционально-экспрессивной окраской, *«конечно»* для обозначения описываемого действия (отмены заказа) как очевидного и не вызывающего никаких сомнений. В результате восприятия реципиентом данных смысловых компонентов в его сознании реализуется когнитивная установка, согласно которой не следует делать заказы на сайте интернет-магазина «Цветочный сад». Выявленная пропозиция является оценкой автора, поскольку представляет ее субъективное мнение относительно целесообразности приобретения товаров в интернет-магазине «Цветочный сад».

• *«И потом подумала - а напишу-ка я о своих открытиях в отзывах, потому что новый магазин активно рекламируется и будет разводиться доверчивых россиян на деньги»*.

Данный вербальный фрагмент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточной частью причины, присоединенной к главной части с помощью подчинительного союза *«потому что»*, выражающего связь основания и следствия. Так, в главной части предложения автор сообщает о своем желании написать отзыв о *«своих открытиях»*. В данном случае автор с помощью притяжательного местоимения *«свои»*, указывающего на принадлежность к субъекту действия, и существительного *«открытия»* делает анафорическую отсылку к предшествующей информации, на основании которой нами была выделена импликатура о том, что интернет-магазин «Цветочный сад» является мошеннической организацией, которая занимается вымогательством (см. выше). Об этом свидетельствует учет принципа когезии и когерентности, т.е. связности и цельности текста,

согласно которому все части анализируемого текста представляют собой единый контекст. Реципиент, который декодирует представленную в тексте информацию, стремится соединить все его компоненты в единое целое и воспринимает новую информацию с учетом уже изложенных сведений, то есть предшествующая информация «наслаивается» и влияет на последующую, образуя единый информационный блок, вследствие чего представленные в тексте сведения воспринимаются реципиентом как взаимосвязанные. Таким образом, реконструируя сообщаемые сведения, целесообразно заключить, что автор решила написать отзыв о мошеннической деятельности интернет-магазина «Цветочный сад».

Во второй части сложноподчиненного предложения «*потому что новый магазин активно рекламируется и будет разводиться доверчивых россиян на деньги*» автор посредством подчинительного союза «*потому что*» указывает на причину осуществления описываемого в главной части предложения действия, состоящую в том, что объект речи «*будет разводиться доверчивых россиян на деньги*», так как он «*активно рекламируется*».

Важно также обратить внимание на использование автором семантической оппозиции, выраженной в противопоставлении двух референтных групп – «*нового магазина*» и «*россиян*». Так, субстантивное словосочетание «*новый магазин*» выполняет в данном случае анафорическую функцию, поскольку, исходя из контекста, отсылает к главному объекту речи в исследуемом тексте: интернет-магазину «Цветочный сад». Автор сообщает негативные сведения о том, что он «*будет разводиться на деньги*», что способствует созданию его отрицательного образа в сознании реципиента. Вместе с тем отрицательному образу интернет-магазина противопоставляется образ «*доверчивых россиян*», которые в данном контексте выступают в качестве жертв интернет-магазина «Цветочный сад». В результате этого за образом магазина «Цветочный сад» закрепляется негативное представление, связанное с его отрицательной деятельностью в отношении референтной группы, обозначенной автором как «*доверчивые россияне*».

• «*Так понимаю, все это - дело рук одной и той же мошеннической группы, создававший сайты Садовод, какой-то Сад (не помню точно название), еще сейчас, Агроботаник и Агромир из всех дырок вылезит с навязчивой рекламой...*».

В приведенном высказывании автор с помощью местоименного словосочетания «*все это*», обладающего обобщающим значением, указывает на события, сведения о которых ею были изложены выше. Данное обстоятельство также подтверждается тем, что рассматриваемое словосочетание выступает в качестве некоего десемантизированного элемента, приобретающего содержательное значение в контексте реализации анафорической функции. Так, вводный компонент «*так понимаю*» используется автором с целью подытожить сообщаемые ранее сведения, а из содержательного анализа второй части высказывания становится ясно, что на основании сообщаемых сведений автор делает вывод относительно существования мошеннической группы, которая создает идентичные друг другу сайты для различных интернет-магазинов и продает на них один и тот же товар.

Обратившись к контексту, а именно к высказыванию автора, в котором она сообщает сведения о том, что владельцами интернет-магазинов «Цветочный сад» и «Остров тюльпанов» являются одни и те же люди, смысловая лакуна, вызванная использованием десемантизированного компонента «*все это*» восполняется, поскольку реконструируется следующая логико-смысловая цепочка: интернет-магазин «Цветочный сад» и интернет-магазины «Остров тюльпанов», «Садовод», «Сад», «Агроботаник» и «Агромир» созданы одной мошеннической группой с целью обмана людей. Данная негативная информация извлекается на основании учета логико-содержательных связей во всем исследуемом тексте, т.е. является следствием осмысленности сообщаемых автором сведений.

• «*По многочисленным отзывам на сайты-предшественники: мошенники, обманщики*».

В приведенном высказывании автор посредством сложного существительного «*сайты-предшественники*» на уровне пресуппозиции (предварительного знания) указывает на то, что данные сайты *предшествовали* сайту интернет-магазина «Цветочный сад», т.е. были созданы раньше него. О том, что в данном высказывании объектом речи является именно интернет-магазин «Цветочный сад» свидетельствует учет принципа контекстуального взаимодействия, который подразумевает восприятие реципиентом текста как совокупности взаимосвязанных событий. Так, в заголовке исследуемого материала автор обозначает интернет-магазин «Цветочный сад» как главный объект речи, вследствие чего реципиент, руководствуясь принципом наследования модальности, воспринимает его таковым и в ходе дальнейшего восприятия информационного материала: «*Отзыв: интернет-магазин растений Цветочный сад - Видимо, развод и обман*». В результате этого, несмотря на эксплицитное отсутствие объекта речи в рассматриваемом высказывании, в сознании реципиента не образуются смысловая лакуна относительно данного обстоятельства, поскольку он воспринимает сообщаемые автором «*новые*» сведения с учетом уже изложенных ранее.

ПРЕДШЕСТВЕННИК, -а; м. Тот, чья деятельность в той или иной области подготовила что-л. в деятельности других. *П. импрессионистов. Иметь предшественников в лице поэтов начала века.* [Большой толковый словарь 2000].

Кроме того, обратившись к контексту, а именно сопоставив выявленные нами выше пропозиции о том, что «интернет-магазин «Цветочный сад» осуществляет свою деятельность с недавнего времени» и «интернет-магазин «Цветочный сад» и интернет-магазины «Остров тюльпанов», «Садовод», «Сад», «Агроботаник» и «Агромир» созданы одной мошеннической группой с целью обмана людей», становится ясно, что «сайтами-предшественниками» являются сайты интернет-магазинов «Остров тюльпанов», «Садовод», «Сад», «Агроботаник» и «Агромир», поскольку они, следуя логическим связям, появились позже, чем интернет-магазин «Цветочный сад». Соответственно, сложное существительное «сайты-предшественники» и группа субстантивных словосочетаний «сайты Садовод, Сад, Агроботаник и Агромир» являются кореферентными, т.е. используются автором для обозначения одних и тех же объектов речи.

Таким образом, учитывая факт того, что в рассматриваемом высказывании автор определяет владельцев «сайтов-предшественников», т.е. сайтов интернет-магазинов «Садовод», «Сад», «Агроботаник» и «Агромир», как «мошенников» и «обманщиков», можно заключить, что уподобление вышеуказанных сайтов сайту интернет-магазина «Цветочный сад» свидетельствует об интенции автора указать на причастность владельцев интернет-магазина «Цветочный сад» к мошеннической деятельности. Следует также заметить, что в рассматриваемом высказывании автор использует прием метонимического переноса: «сайты-предшественники, сайт интернет-магазина «Цветочный сад» - мошенники и обманщики» вместо «владельцы сайтов-предшественников и сайта интернет-магазина «Цветочный сад» – мошенники и обманщики». Однако реципиент самостоятельно реконструирует данные смысловые компоненты, руководствуясь фоновыми знаниями о том, что указанные интернет-магазины, как и любая организация, были основаны кем-то, кто осуществляет их деятельность.

Таким образом, проанализировав материал с точки зрения организации контекста, целесообразно заключить, что контекст представляет собой определенный комплекс языковых и неязыковых знаний коммуникантов, которые воспринимают тот или иной текст (высказывание) в соответствии с этими знаниями и на их основе. При этом именно факторы внеязыковой действительности формируют потенциальную базу для создания любого текста: они содержат в себе сведения об окружающей действительности, являются отражением внешнего мира и его внутреннего восприятия каждым отдельным индивидом. Во внешнем мире в качестве носителей информации выступают различные явления и предметы с их взаимосвязями, а в сознании человека данная информация выражает его опыт, привычки, представление о мире, знания и т.п. Именно поэтому текст трудно вообразить без контекста, а контекст без текста.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. С. 608.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта: наука, 2007. С. 592.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 446.
5. Гальперин И. Р. О понятии «текст» // Лингвистика текста : материалы науч. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1974. Ч. 1. С. 67–72.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 310.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info>
8. Ибраев Л. И. Надзнаковость языка // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 17–35.
9. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М. : Наука, 1980. С. 57.
10. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского язык. СПб. : Норинт, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
11. Курилович Е. Заметки о значении слова. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 241–254.
12. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1. С. 95–100.
13. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики. М. : Прогресс, 1978. С. 480.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1994. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
15. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 127.

Сведения об авторе:

Мащенко Валерия Александровна, магистрант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Л. М. Месропян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ НАРУШЕНИЯ
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЗВОЛЯЮЩИХ
ПРИЗНАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ДЕЙСТВИЙ НЕДОПУСТИМЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ**

L. M. Mesropyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**ABOUT SOME LINGUISTIC SIGNS OF VIOLATION
OF SPEECH-THINKING ACTIVITY, ALLOWING TO RECOGNIZE
CERTAIN DOCUMENTS OF PROCEDURAL ACTIONS
AS INADMISSIBLE EVIDENCE**

Аннотация. Рассматриваются некоторые лингвистические критерии и признаки нарушения речемыслительной деятельности при оформлении документов в результате процессуальных действий вербального характера, которые могут стать основанием для признания данных документов недопустимым доказательством.

Ключевые слова: доказательство, недопустимое доказательство, лингвистическая экспертиза, нарушение процессуальных норм, нарушение речемыслительной деятельности

Abstract. The article examines certain linguistic criteria and signs of deviance of speech-thinking activity when during the documents processing as a result of procedural actions of a verbal nature, which may become the basis for recognition.

Keywords: evidence, inadequate evidence, linguistic examination, processional law violation, deviance of speech-thinking activity

В судебной практике очень распространены случаи, когда объяснения данные до начала возбуждения уголовного дела, выступают в качестве основных доказательств совершения преступления, хотя сам документ, именуемый «объяснением» обладает меньшим юридическим статусом, нежели протоколы допросов, по ряду причин – в частности, по причине отсутствия защитника в процессе получения объяснения, а также ненадлежащего ознакомления лица, дающего объяснение, с полным перечнем его прав и последствий изложенных им в объяснении сведений, которые могут быть использованы против него самого. Как утверждают некоторые юристы, данные факторы обуславливают некую юридическую неопределенность такого речевого продукта по результатам процессуальных действий вербального характера. При этом в ст. 144 УПК РФ содержится пункт 1.2, согласно которому «1.2. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению (часть 1.2 введена Федеральным законом от 04.03.2013 N 23-ФЗ)». Данное право позволяет сторонам разбирательства инициировать исследование принятых в деле доказательств, в том числе для признания их недопустимыми (ст. 75 УПК РФ). При этом основанием для присвоения доказательству такого юридического статуса могут быть в том числе ненадлежащее качество самого доказательства (в данном случае документа, оформленного в виде объяснения) (согласно ст. УПК РФ Статья 88. Правила оценки доказательств 1. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.).

В результате реализации указанных выше прав стороной защиты было заявлено ходатайство о проведении комплексной почерковедческой и лингвистической экспертизы рукописного

объяснения лица, которое обвинялось в причинении смерти собственной супруге в результате ДТП. Основной задачей, поставленной перед экспертами, явилось выявление наличия/отсутствия признаков нарушения речемыслительной деятельности в момент составления объяснения в результате эмоционального стресса, а именно непосредственно после трагического происшествия, что могло явиться основанием для признания сведений, указанных в данном объяснении недопустимым доказательством.

В данной статье мы не будем рассматривать почерковедческий аспект исследования, а остановимся подробно на лингвистических признаках наличия/отсутствия нарушения речемыслительной деятельности автора анализируемого «объяснения».

Для исследования экспертам были предоставлены следующие материалы:

1. Фотокопия рукописного объяснения о дорожно-транспортном происшествии, в ГИБДД МВД России по Республике Крым, отобранного у гражданина Иванова Ивана Ивановича¹, старшим ИДПС ОГИБДД по Ленинскому району Республики Крым, старшим лейтенантом полиции В.С.А., на 3 листах. (далее «Объяснение»).

2. Фотокопия экспериментального образца почерка и письменной речи представленного Иванова И. И., текст начинается словами: «*Сегодня я вспомнил один из прошедших случаев, который особенно, который особенно отложился в моей памяти. Путешествие в которое мы собирались, ...*», – оканчивается словами: «*...Эти дни нашей поездки, я не забуду никогда, т.к. они остались в памяти на всю жизнь*». Образец исполнен на двойном листе линованной в клетку бумаги, вырванной из ученической тетради, на 1 листе.

Перед лингвистом-экспертом был поставлен вопрос «Содержится ли в предоставленном для исследования Объяснении в ГИБДД МВД России по Республике Крым от 29.10.2020 года, данным гражданином Ивановым Иваном Ивановичем, лингвистические признаки нарушения речемыслительной деятельности?»

Исследуемый документ № 1 (Объяснение), был представлен отсканированной фотокопией с ксерокопии подлинника документа, о чем свидетельствуют пять проколов от сшива документа в блок, расположенные слева от обреза листа сверху вниз, и следов от скрепок степлером (3), в левом верхнем углу первой страницы. Документ изготовлен на двух листах белой бумаги формата А 4. На лицевой странице и странице № 3 в правом верхнем углу проставлена нумерация листов «1» и «2». Страница № 2 с бланковой линовкой отпечатана на обратной стороне лицевого листа. На странице № 2 первые семь строк пропущены и перечеркнуты «Z» образным штрихом. Внесенные записи на бланк «Объяснения» заверены подписью исполнителя рукописного текста, заверения расположены в нижнем левом углу страниц 1 и 2. На странице 3 подпись и расшифровка подписи учинены после слов «Мною написано собственноручно 29.10.2020.» - Подпись – Иванов И. И.

Дословный текст предоставленного материала:

«29.10.2020 г. Примерно в 18:20 Я управлял автомашиной фольксваген « Каравела гос номр Е 288 ВаА 761 Двигался по автодороги Керчь – Феодосия Ленинский район республика Крым на 12 км + 500 метров двигался с право В направлении г. Керчь со скоростью 110 км/ч в правом ряду в направление г. Кечь В автомобиле находилось 5 детей, и в следствии отлечения на них, я принял в право и совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части. Услышал хлопок от удара О железное Ограждение по инерции автомобиль отскочил в лево и совершил наезд на металлическое ограждение (металлической части) после чего продолжал двигаться по инерции в право совершил наезд боковое металлическое ограждение отскоквив от которого остановился В автомобиле сомной нах. 6 пассажиров 5 детей трое из которых нах. в детских креслах на задних сидениях автомобиля двое детей 13 и 11 лет нах. на задних сидениях и были пристегнуты ремнями безопасности Я также был пристегнут ремнем безопасности Сзади на среднем ряду с права у пассажирской двери нах. моя супруга Татияна Викторовна Иванова и была пристегнута ремнем безопасности Видеорег. в машине отсутствует. Асфальт сухой осадки отсутствуют. После остановки я потерял сознание, очнулся в автомобиле Скорой Мед. Помощи. Что было дальше, больше ничего не помню.

Пройдти мед. освидетельствование согласен на состояние опьянения.

Мною написано собственноручно 29.10.2200 2020 /подпись/ Иванов И.И.»²

Исследуемый документ № 2. Фотокопия экспериментального образца почерка и письменной речи представленного Ивановым И. И., текст начинается словами: «*Сегодня я вспомнил один из прошедших случаев, который особенно, который особенно отложился в моей памяти. Путешествие в которое мы собирались, ...*», – оканчивается словами: «*...Эти дни нашей поездки, я не забуду никогда, т.к. они остались в памяти на всю жизнь*». Образец исполнен на двойном листе линованной в клетку бумаги, вырванной из ученической тетради, на 1 листе.

Дословный текст предоставленного материала:

¹ Имя гражданина заменено автором статьи в целях сокрытия личности.

² Орфография и пунктуация текста-оригинала здесь и далее в тексте исследования сохраняются.

«Сегодня я вспомнил один из прошедших случаев, который особенно отложился в моей памяти. Путешествие в которое мы собирались, сопровождалось ситуациями, не удачными моментами, и теплыми воспоминаниями случаев, особенно поменявшие мировоззрение на мою жизнь. В одном из случаев жизни, я вспомнил путешествие в незнакомый нам город, в который мы приехали сбившись с пути. Мне казалось, что мы попали в прошлые века, на что указывали постройки, дороги, и общение с людьми. Люди окружавшие нас, любопытно интересовались, откуда и для чего мы здесь.

Другим этапом нашей поездки стало посещение музеев, архитектурных памятников, которые несли в себе смысл истории прошедших дней, и здания храмов которые пронесли в себе долгие годы испытания, особенно годы войны. На пути нам предложили окунуться в более древнее время, чтоб перед началом посещения основных памятников, узнать начало их происхождения.

Эти дни нашей поездки, я не забуду ни когда, так как они остались в памяти на всю жизнь.»¹

Рукописные тексты читаемы, общие и частные особенности письма достаточны для ответа на поставленные вопросы.

В настоящем исследовании применялся метод комплексного анализа текста, включающий:

1) Лексико-семантический анализ – с целью определения лексических значений слов и их сочетаний.

2) Морфолого-синтаксический анализ – направленный на экспликацию смыслового содержания высказываний с учетом значимых морфологических показателей используемых языковых единиц и формальной организации предложения.

3) Логико-грамматический анализ – в целях установления имплицитной информации, типов пропозиции и пресуппозиций, а также анализа текста с точки зрения логичности его структурирования и логики изложения.

4) Контекстуальный анализ – с целью определения значения языковых единиц и уточнения их смыслового содержания.

Прежде чем приступить к изучению предмета исследования, обратимся к краткому описанию характеристик предоставленных на рассмотрение материалов. Основным объектом исследования выступает текст Объяснения.

Текст исследуемого документа формализован, что предопределяется самим характером документа, с одной стороны, и содержанием объяснительной части, отличающимся отсутствием выражения каких-либо семантических компонентов, отсылающих к эмоциональному состоянию пишущего или же к его оценке описываемых им событий. Текст отличается скудностью лексического состава, повторяемостью синтаксических конструкций, использованием клишированных высказываний, характерных для официального стиля речи, используемого для фиксации процессуальных действий вербального характера. В тексте содержится большое количество орфографических и пунктуационных ошибок, характерных для носителей русского языка, не в достаточной степени владеющих нормами принятой орфографии и пунктуации. Зафиксированы также случаи системных ошибок. При анализе объекта исследования мы будем обращаться к тем аспектам текста, которые будут наиболее существенны для разрешения поставленной перед экспертом задачи.

Как отмечалось чуть выше, текст обилует орфографическими и пунктуационными ошибками, однако данный аспект не столь показателен для целей нашего исследования, так как допущение их связано не с речемыслительной деятельностью, а с элементарными знаниями орфографии и пунктуации, их уровнем освоения. При этом следует заметить, что уровень грамотности – это относительно неизменяемый показатель, который может быть зафиксирован лишь при письменной речи, независимо от условий речевой деятельности и психоэмоционального состояния пишущего.

Для более четкого понимания исследовательского подхода обратимся к некоторым основополагающим положениям лингвистики, а в частности таких областей науки о языке, как психо- и нейролингвистика.

Основное положение постулирует о дихотомической связи языка и мышления, которые выступают разными сторонами одного и того же явления – сознания. Мыслительные процессы формируются средствами языка, а речь отражает мыслительные процессы и формирует смысл. Не бывает мышления без языка и языка без мышления: «Сознание – это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [Серль 2002 : 83].

Для более ясного отражения исследовательской позиции обратимся к некоторым теоретическим положениям, которые зафиксированы в науке при изучении речемыслительной деятельно-

¹ Орфография и пунктуация текста-оригинала здесь и далее в тексте исследования сохраняются.

сти в обычных и стрессовых ситуациях. Общеизвестно, что в речеповедении отражается одна из высших психических функций человека. «Речь существует одновременно как набор символов в их допустимых сочетаниях и как отражение в мозге этих же символов и правил, определяющих их сочетаемость» [Николаева 2003: 357]. Нейрофизиологический субстрат речи имеет сложное строение. Х. Джексон полагает, что в «продукцию значимой речи должны вовлекаться затылочная, височная, теменная, лобная доли. В норме доминирует новая, корковая система, тогда как при стрессе старая лимбическая может восстанавливать свое преимущество, что объясняет специфические изменения речи; при этом преобладают междометия и затруднена грамматически правильная речь» [Николаева 2003: 357]. С учетом приведенных выше теоретических положений обратимся к исследованию предоставленного материала.

Итак, обозначим некоторые особенности зафиксированного текста, отражающие специфику речемыслительной деятельности автора текста.

1. С точки зрения формальной организации текста, объект исследования характеризуется относительной простотой синтаксических конструкций, с немногочисленными осложняющими компонентами в виде деепричастных оборотов и сложноподчиненных предложений с определительными союзами и союзными словами. Данный тип характерен при фиксации спонтанной речи описательного содержания. Наиболее существенным для целей предпринятого исследования видится наличие повторяющихся компонентов текста, семантически дублирующих сказанное ранее. Так, во фрагменте «29.10.20020 г. Примерно в 18:20 Я управлял автомашиной фольксваген «Кара-вела гос номр Е 288 ВаА 761 Двигался по автодороги Керчь – Феодосия Ленинский район республика Крым на 12 км + 500 метров двигался с право В направлении г. Керчь со скоростью 110 км/ч в правом ряду в направление г. Керчь» наблюдается дублирование компонента «в направлении (е) г. Керчь». При этом повтор реализуется в рамках одного предложения, является избыточным и свидетельствует о нарушении восприятия и фиксации в памяти пишущим созданного им же текста. Повторы подобного же характера представлены и в следующем фрагменте: «В автомобиле находилось 5 детей, и в следствии отвлечения на них, я принял в право и совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части.».

2. С учетом обозначенных в предыдущем пункте наличествующих повторов, следует указать еще на одну очень важную специфику, отражающую речемыслительную способность пишущего в момент речепорождения и фиксации данной речи в письменной форме. Как видно из приведенного фрагмента «В автомобиле находилось 5 детей, и в следствии отвлечения на них, я принял в право и совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части.», повтор, реализующийся в рамках одного предложения, не только дублирует информацию, но вносит определенные смысловые дополнения. Существенным в данном случае является качество дополняющей информации, ее структурированность и логическая завершенность, уместность и адекватность ситуации. Итак, обратимся к повторяющемуся компоненту с дополненной информацией, где в качестве дополнения выступает сложное словосочетание «ограждение у края части». С точки зрения полноты информации, данное дополнение обладает информационной недостаточностью. Наблюдается алогичность высказывания, отсутствие целостного восприятия сознанием пишущего описываемого объекта, у которого имеется «часть» и «край части», однако сам объект не обозначен.

Интересным видится также дублирование информации в рамках представленного выше фрагмента, связанное с обозначением материала, из которого изготовлено ограждение: «совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части.», где железо – это один из видов металла. С учетом содержания текста Объяснения, данная деталь, с учетом общего представления ситуации и фоновых знаний, не видится основополагающим фактором для установления причинно-следственных связей событий в момент ДТП, однако актуализируется автором текста и выводится на значимые позиции. Идентичный повтор с дополняющей информацией зафиксирован и во фрагменте «Услышал хлопок от удара О железное Ограждение по инерции автомобиль отскочил в лево и совершил наезд на металлическое ограждение (металлической части) после чего продолжал двигаться по инерции в право совершил наезд боковое металлическое ограждение отскоквив от которого остановился». Данное положение может свидетельствовать о временном сбое когнитивных механизмов, которые подобным образом отражаются в спонтанной речи.

3. Показательным является также исследование грамматических особенностей речи пишущего. Наличие в письменной речи некоторых системных ошибок носит в анализируемом тексте тенденциозный характер, причем данные ошибки не связаны с грамотностью автора Объяснения, а являются нарушением системы языка, суть которой сводится к неверному определению пространственных отношений объектов реальной действительности. Так, неоднократно, автор анализируемого текста реализует неверную грамматическую форму, которая нетипична для носителей русского языка: «В автомобиле находилось 5 детей, и в следствии отвлечения на них, я принял в право и совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части. Услышал хлопок от удара О железное Ограждение по инерции автомобиль отскочил в лево и совершил наезд на

*металлическое ограждение (металлической части) после чего продолжал двигаться по инерции вправо совершил **наезд** боковое металлическое ограждение отскокчив от которого остановился*». В приведенном фрагменте три раза представлено сложное словосочетание «наезд (**на**) метал(л)ическое ограждение». Примечательно здесь отсутствие в двух из трех случаев необходимого предлога «на», использование которого в данном случае предопределено логикой и нормами фиксации пространственных отношений между предметами в системе русского языка. Нарушение подобного типа могут свидетельствовать о кратковременных нарушениях пространственных представлений или крайне рассеянного внимания в момент речепорождения, переключения сознания на иные детали воспроизведения в памяти предшествующих событий.

4. Атипичными также являются сокращения, которые автор Объяснения использует при фиксации речи. Следует обозначить, что в целом текст фиксируется без принятых сокращений, прописываются даже довольно длинные слова, в том числе слова с затрудненной орфографией, которые обычно подталкивают пишущих сокращать их во избежание орфографических ошибок. В случае с анализируемым текстом сокращения в основном не вписываются в общие представления о явлении, полностью «ломают» логику их функционирования. Так, автором текста тенденциозно сокращается слово «находились» до буквенного образования «нах.», которое восстанавливается из контекста и содержания текста: «*В автомобиле сомной **нах.** 6 пассажиров 5 детей трое из которых нах. в детских креслах на задних сидениях автомобиля двое детей 13 и 11 лет **нах.** на задних сидениях и были пристегнуты ремнями безопасности Я также был пристегнут ремнем безопасности Сзади на среднем ряду с права у пассажирской двери **нах.** моя супруга Татьяна Викторовна Иванов и была пристегнута ремнем безопасности*». Немотивированным видится также сокращение слова «видеорегастратор» до буквенного обозначения «Видеорег.»: «***Видеорег.** в машине отсутствует.*». Данный феномен можно объяснить, скорее всего, несбалансированным психоэмоциональным состоянием, которое затормаживает процессы речепорождения в тех точках, которые являются для говорящего значимыми, сопряжены с особыми эмоциональными всплесками.

5. Показательной спецификой является игнорирование автором анализируемого текста обозначения окончания предложения постановкой точки. Отсутствие данного знака препинания является более значимым фактом, нежели отсутствие запятых в предложении и иных знаков, на том основании, что точка обозначает логическое завершение мысли, указывает на сформированность суждения. В данном случае очень часто мы наблюдаем сплошное фиксирование потока речи, который в отдельных случаях даже на уровне факультативных признаков нарушает логику построения предложения. Например, во фрагменте «*29.10.20020 г. Примерно в 18:20 Я управлял автомашиное фольксваген «Каравела гос номр Е 288 ВаА 761 Двигался по автодороги Керчь – Феодосия Ленинский район республика Крым на 12 км + 500 метров двигался с право **В** направлении г. Керчь со скоростью 110 км/ч в правом ряду в направление г. **Керчь В** автомобиле находилось 5 детей, и в следствии отлечения на них, я принял в право и совершил наезд металлическое ограждение железное, ограждение у края части. Услышал хлопок от удара **О железное** Ограждение по инерции автомобиль отскокчил в лево и совершил наезд на металлическое ограждение (металлической части) после чего продолжал двигаться по инерции вправо совершил наезд боковое металлическое ограждение отскокчив от которого остановился **В** автомобиле сомной нах. 6 пассажиров 5 детей трое из которых нах. в детских креслах на задних сидениях автомобиля двое детей 13 и 11 лет нах. на задних сидениях и были пристегнуты ремнями безопасности Я также был пристегнут ремнем безопасности **С**зади на среднем ряду с права у пассажирской двери нах. моя супруга Татьяна Викторовна Иванов и была пристегнута ремнем безопасности **Видеорег.** в машине отсутствует.*» отсутствуют в некоторых местах точки как обозначения окончания предложения, а следовательно, и суждения, при этом имеется факультативный признак – обозначение заглавной буквой первого слова следующего предложения. Однако зафиксировано также, что пишущий порой обозначает заглавными буквами слова, которые с точки зрения логики построения предложений не являются началом нового суждения, например: «*Услышал хлопок от удара **О железное** **Ограждение** по инерции автомобиль отскокчил в лево и совершил наезд на металлическое ограждение (металлической части) после чего продолжал двигаться по инерции вправо совершил наезд боковое металлическое ограждение отскокчив от которого остановился **В** автомобиле сомной нах. 6 пассажиров 5 детей*». В первом и во втором случае обозначение предлога «о» и первой буквы в слове «Ограждение» заглавной буквой нарушает логику построения предложения и не обозначает начало нового суждения, а во третьем случае – использование заглавной буквы при обозначении предлога «В» логически мотивировано. Такой разброс в выборе средств структурирования текста свидетельствует о недостаточной включенности пишущего в процесс фиксации речи, о наличии искажений в когнитивных механизмах, отражающихся в речи подобными алогизмами.

6. Наблюдается также нарушение скорости контроля результатов письма, не совпадающей со скоростью начертания буквенных знаков, которые отражены в тексте Объяснения в виде исправ-

лений: «29.10.20020 г. Примерно в 18:20 Я управлял автомашиной фольксваген « Каравела гос номр Е 288 ВаА 761»; «Мною написано собственноручно 29.10.2200 2020 /подпись/ Иванов И.И.».

7. Важной особенностью текста Объяснения является также отсутствие каких-либо маркеров субъективности. Следует отметить, что маркер субъективности в той или иной степени должен присутствовать в текстах с таким функциональным стилем, причем субъективность может выражаться как наличием эмоционально-экспрессивных лексических компонентов, так и указанием на речемыслительную деятельность и на процессы восприятия реальности и воспроизведения в памяти излагаемых событий.

Так, в анализируемом тексте отсутствуют сколь-нибудь эмоционально окрашенные лексические компоненты или высказывания типа «ужасное происшествие», «дурацкое ограждение», «мой детки», а не «дети» и др.

Отсутствуют компоненты, указывающие на наличие глаголов или отглагольных существительных с семантикой речемыслительной деятельности, например, «думаю», «кажется», «показалось» и др.

Очень редко, лишь один раз представлен глагол восприятия реальной действительности «услышал хлопок». В процессе повествования полностью отсутствуют маркеры, обозначающие процесс воссоздания в памяти предшествующих событий, например, «вспоминаю», «помню» за исключением высказывания «*Что было дальше, больше не помню*» в самом конце текста.

Представленные особенности лексической наполненности текста свидетельствуют о том, что в процессе речепорождения пишущий руководствовался некой схемой изложения материала, а не фиксировал свою собственную внутреннюю речь, которая возникала в процессе мыслительной деятельности. Данный вывод базируется на том, что человек, переживших некое событие, при воспроизведении этого события фиксирует в речи извлекаемую из памяти информацию, в том числе и свое эмоциональное состояние, свое отношение к предметам, явлениям и ситуациям, особенно если ситуация стрессовая, чего не наблюдается в анализируемом тексте. О наличии определенной схемы или подсказки относительно выстраивания своего текста может свидетельствовать наличие клишированных высказываний протокольного подстиля официально-делового стиля русской речи и составных терминов, которые в обиходной речи используются в сокращенном виде: «управлял автомобилем», «двигался в направлении», «моя супруга», «ремнем безопасности», «принял в право», «совершил наезд» и др.).

Примечательным в аспекте подтверждения вывода о том, что текст оформлялся исполнителем на основании подсказки или диктовки, является наличие большого количества точной информации, которой не мог владеть исполнитель текста в момент происшествия. Таковыми излишне точными сведениями являются сведения о названии трассы («*по автодороги Керчь – Феодосия*») или точное местонахождение в момент ДТП («*на 12 км + 500 метров*»).

В тексте условно свободного образца почерка (Объект исследования № 2) указанные выше специфические особенности не наблюдаются.

Так, в предоставленном для исследования Объяснении, содержатся лингвистические признаки нарушения речемыслительной деятельности, обусловленные расстройством психоэмоционального состояния пишущего, а также имеются признаки фиксации информации с опорой на некую схему, подсказку или под диктовку иным лицом, владеющим навыком изложения информации с применением протокольного подстиля официально-делового стиля русской речи.

Результаты почерковедческого исследования также свидетельствовали о наличии признаков нарушения мыслительных функций головного мозга исполнителя, отвечающих за письменно-двигательные процессы, проявление стрессовых усталостных свойств мозга от воздействия посторонних раздражителей, в том числе нервных и возможного воздействия химически активных веществ, в том числе и медицинских препаратов, влияющих на особенности контроля движения костно-мышечной системы письма, степени визуального контроля и скорости прохождения нервных импульсов от сетчатки глаз к головному и спинному мозгу, к мышцам фалангов пальцев, которые удерживают пишущий инструмент при письме.

Таким образом, следует говорить, что в качестве проявлений нарушения речемыслительной деятельности в рамках исследования письменных продуктов речи могут выступить следующие критерии и признаки:

1. **Формальная организация текста:** упрощенное синтаксическое построение, наличие повторяющихся элементов синтаксической конструкции, нарушение логики построения предложений, размытое начало и окончание высказываний;

2. **Информативность высказываний:** алогичность и неадекватность объема сообщаемых сведений; неадекватная актуализация отдельных единиц информации;

3. **Грамматическая организация:** наличие системных ошибок (связанных с системой языка), неверное определение пространственных отношений предметов и объектов реальной действительности, отраженные в неверном подборе грамматических средств;

4. **Сокращения слов в письменной речи:** нетипичные сокращения, немотивированные экономией языковых средств или трудностями орфографии;

5. **Соотношение ментальных и физиологических стимулов:** нарушение соотношения скорости контроля результатов письма со скоростью начертания буквенных знаков;

6. **Выражение эмоционально-экспрессивного аспекта речи:** отсутствие каких-либо маркеров субъективности.

Список литературы

1. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М. : Русский язык, 1989. 639 с.
2. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. Изд. 3-е, исправ. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 240 с.
3. Николаева Е. И. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. М. : ПЕР СЭ: Лосос, 2003. С. 357.
4. Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. 354 с.

Сведения об авторе:

Месропян Лилит Месроповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

И. В. Огорелков

Московский Исследовательский Центр, г. Москва, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

I. V. Ogorelkov

Moscow Research Center, Moscow, Russia

MODERN LINGUISTIC AND AUTHOR'S EXPERTISE IN DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. Рассматриваются предмет, задачи и теоретические основы автороведческой и лингвистической экспертизы. Цель статьи заключается в выявлении, описании и классификации ключевых проблем методического и научного обеспечения данных экспертиз. Автором также указываются основные перспективные направления развития автороведческих и лингвистических исследований.

Ключевые слова: автороведческая диагностика и идентификация, речемыслительный навык, признаки письменной речи, лингвистическая экспертиза

Abstract. The article deals with the subject, tasks and theoretical foundations of author's and linguistic expertise. The article aims to identify, describe and classify the key problems of methodological and scientific support for these examinations. The author also indicates the main promising directions for the development of author's and linguistic research.

Keywords: author's diagnostics and identification, verbal-cogitative skill, signs of written speech, linguistic expertise

Автороведческая экспертиза является одним из наиболее значимых направлений традиционной криминалистики. Оно охватывает широкий спектр вопросов, связанных с анализом материалов конфликтногенной направленности.

Автороведческая экспертиза, понимаемая как многостадийный и многосубъектный процесс работы с речевыми произведениями, имеющими статус документов и/или вещественных доказательств, занимает заметное место в современном уголовном, гражданском и административном судебном производстве. Сущность судебной автороведческой экспертизы – установление данных, имеющих значение для разрешения дела, на основе анализа предоставляемых текстовых материалов [Моисеева, Огорелков 2021 : 7].

Научную основу автороведческой экспертизы составляет система знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, определяющих индивидуальность письменной речи, ее динамическую устойчивость и вариативность.

Судебная автороведческая экспертиза — вид судебной экспертизы, в рамках которой исследуются тексты на русском языке с целью установления облика автора текста документа (пола, возраста, уровня образования, родного языка, национальности, профессии, места жительства), а также факта составления ряда документов одним автором (что позволяет доказывать причастность к составлению текстов документов конкретных лиц) [Моисеева, Огорелков 2021 : 8].

В процессе автороведческого исследования текста документа определяется содержание речемыслительного навыка автора, проверяется его устойчивость – наличие последовательного проявления признаков навыка на протяжении всего высказывания, исключаются элементы подражания чужим навыкам. В результате составляется модель отразившегося в тексте речемыслительного навыка автора, на основе которой эксперт делает выводы (в основном вероятные) о социально-биографических характеристиках автора текста исследуемого документа (при диагностике), а также проводит сравнительные исследования навыков в нескольких текстах (при идентификации).

Объектами автороведческого исследования являются книги, брошюры, журналы, листовки, заявления, обращения, жалобы, письма, статьи, электронные ресурсы (записи в блогах, сайты, веб-архивы).

Ранее автороведческие диагностические и идентификационные задачи, в основном, решались на основе анализа смысловых и языковых структур, выявленных в исследуемых документах.

При таком подходе практически не учитывались текстологические, психолингвистические признаки, морфологическая структура текстов, семантическая направленность лексических компонентов. На основании созданных во времена Советского Союза методических пособий определялся возраст автора (на основе анализа ценностных ориентаций), уровень его образования, степень владения русским языком, наличие или отсутствие психических отклонений от нормы.

С расширением информационной базы современного русского языка, развитием интернет-технологий, возникновением новых задач автороведческой диагностики и идентификации, потребовалась основательная переработка традиционных автороведческих методик. В результате проведенных научно-практических исследований были разработаны учебно-методические пособия [Моисеева, Огорелков 2021], [Огорелков, Полосина 2022], [Соколова, Чубина 2023], позволяющие решать следующие задачи автороведения:

- комплексное изучение с единых методических позиций анонимных документов различного объема и содержания (политического, публицистического, бытового);
- проведение автороведческой идентификации исследования с использованием лексических, синтаксических, стилистических, морфологических параметров исследования;
- определение границ автороведческого исследования, выявление специфики его предмета, задач и методов;
- проведение автороведческих исследований анонимных и псевдонимных текстов с элементами маскировки письменной речи автора;
- дифференциация методов определения пола, возраста, профессии автора текста документа по степени их соответствия характеру объекта исследования;
- проведение диагностических автороведческих исследований с целью описания психологического портрета автора;

На основании комплексного лингвистического анализа признаков письменной речи автора текста документа (смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических), выявленных в результате диагностического автороведческого исследования, с вероятностью до 80 % определяют пол и возраст автора анонимного документа.

Достаточно часто в экспертной практике приходится иметь дело с маскировкой письменной речи автора исследуемого документа. Для того чтобы скрыть информацию о себе, автор прибегает к различного рода ухищрениям (делает специальные орфографические и лексические ошибки, дает ложную информацию о себе). Разработанные методы позволяют выявить и подробно описать подобные случаи маскировки письменной речи автора текста документа, а также в некоторых случаях восстановить его подлинный стиль.

Одним из важнейших вопросов автороведческой диагностики продолжает оставаться вопрос определения возможной профессии автора. Основной акцент в вопросе определения профессиональной принадлежности автора документа делается на выявлении и комплексном анализе профессиональной терминологической лексики. Ведется активная работа по составлению словарей профессиональных терминов (военная, финансовая, деловая лексика), используются новейшие компьютерные программы.

Основными перспективными направлениями развития автороведческих исследований являются:

- разработка новых методов решения диагностических и идентификационных задач на основе компьютерных технологий;
- создание комплекса специализированных словарей для диагностики профессии или рода деятельности автора;
- исследование особенностей письменной речи иностранцев на русском языке с целью установления конкретной национальности авторов текстов;
- создание эталонных корпусов текстов лиц различных национальностей, профессий, возрастов;
- создание информационных массивов текстов с различными видами маскировки письменной речи автора анонимного документа.

Для решения указанных выше задач представляется необходимым разработка типовой методики по автороведческой экспертизе, в котором будет подробно проработана концепция диагностического и идентификационного автороведческого исследования, система задач автороведческого исследования текста как продукта речемыслительной деятельности человека, методологические, правовые, организационные, технические и иные аспекты проведения автороведческих экспертиз.

Анализируя современное состояние лингвистической экспертизы можно констатировать, что данный род экспертизы уже прошел первый этап своего развития. Определена ее роль и место среди других родов экспертиз, четко выстроены границы ее компетенции. Накоплена методическая база выполнения лингвистических экспертиз. Все это позволяет сделать вывод о том, что современная лингвистическая экспертиза все больше и больше соответствует потребностям юридической практики.

Основной задачей лингвистического исследования является толкование и разъяснение значений и происхождений слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений, анализ текста с целью выявления его смысловой направленности.

Объектами лингвистической экспертизы являются различные виды текстов: устные (записи разговоров, видеообращения, интервью, фиксация следственных действий), письменные (статьи, книги, жалобы, протоколы, договоры, заявления), поликодовые (демотиваторы, реклама, товарные знаки, видеоролики), электронные (переписки в социальных сетях, блоги, форумы, посты).

Существует несколько основных направлений лингвистического исследования текстов:

– исследование текстов как носителей информации о каких-либо событиях и ситуациях (например, в тексте идет речь о передаче собеседнику денежных средств, о планировании убийства);

– исследование оценочных характеристик лица или группы лиц, определенных действий (например, выявление унижительных характеристик представителей какой-либо национальности, положительных оценок действий насильственного характера – что может расцениваться как пропаганда таких действий);

– исследование высказываний как речевых актов (например, выявление в тексте призывов, угроз, обоснований и т.п.);

– определение характеристик коммуникативной ситуации создания или воспроизведения текста (например, функционально-ролевая характеристика участников коммуникации; кто именно угрожает, кто доминирует и т.п.).

Среди основных современных методик производства лингвистических экспертиз можно выделить следующие [Плотникова, Кузнецов, Саженин 2018], [Катышев, Осадчий 2020], [Баранов 2021], [Галяшина 2021].

Перспективными направлениями развития лингвистических экспертиз являются:

– создание словарей правовой, политологической, религиозной терминологии и методических рекомендаций для экспертов-лингвистов по переводу соответствующих терминов в плоскость лингвистической экспертизы;

– разработка классификации высказываний, отвечающей условиям полноты, непротиворечивости, а также содержащей правила оценки высказываний, имеющих признаки двух или более классификационных единиц;

– разработка научно-методических основ исследования лозунговой коммуникации, включающие в себя принципы выделения лозунгов из множества кратких высказываний;

– создание банка данных материалов конфликтной направленности.

Таким образом, совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз является актуальной задачей, стоящей перед экспертным сообществом, решение которой позволит существенно повысить качество и эффективность экспертной деятельности.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М. : Азбуковник, 2021. 219 с.
2. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. М. : Проспект, 2021. 424 с.
3. Катышев П. А., Осадчий М. А. Судебная лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 121 с.
4. Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза : учеб. пособие. М. : РГУП, 2021. 112 с.
5. Огорелков И. В., Полосина А. М. [и др.]. Судебная автороведческая экспертиза : метод. рекомендации по проведению автороведческих экспертиз с целью идентификации автора текстов. М. : Астро Дизайн, 2022. 128 с.
6. Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. [и др.]. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : метод. пособие. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
7. Соколова Т. П., Чубина Е. А. Судебная автороведческая экспертиза : учеб. пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 368 с.

Сведения об авторе:

Огорелков Игорь Витальевич, кандидат филологических наук, начальник отдела лингвистических экспертиз Московского Исследовательского Центра, г. Москва, Россия.

А. Ю. Хоменко

Нижегородский филиал Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ АУТО- И ГЕТЕРОАГРЕССИИ ПО РЕЧЕВОСПРИЯТИЮ

A. Yu. Khomenko

Nizhny Novgorod branch of HSE National Research University,
Nizhny Novgorod, Russia

THE PROSPECT AUTO- AND HETEROAGGRESSION DIAGNOSTICS BY SPEECH PERCEPTION

Аннотация. Рассматривается создание стимульного материала для диагностики ауто- и гетероагрессивных наклонностей в поведении молодежи методами айтрекинга. Процесс создания стимульного материала строится на принципах понимания идиолектами в парадигме судебного автороведения и теории языковой личности. Результатами работы становится блок стимулов в совокупности с филлерным материалом, которые помещаются в приложение, реализующее алгоритм отслеживания взгляда реципиента. На основе данных о задержке взгляда на определенных элементах материала или, наоборот, нарочитом избегании некоторых компонентов делается вывод о принадлежности респондента к той или иной психологической группе.

Ключевые слова: аутоагрессия, гетероагрессия, языковая личность, айтрекинг, судебное автороведение

Abstract. The article focuses on the creation of stimulus material for diagnosing auto- and hetero-aggressive tendencies in the behavior of young people using eye-tracking methods. The creation of stimulus material is based on the understanding of idiolects in forensic autonomy and the theory of linguistic personality. The result of the work is an application containing a set of stimuli and filler material, which implement the algorithm for tracking the direction of the recipient's gaze. On the basis of data on gaze retention on certain elements or, on the contrary, deliberate avoidance of certain components, a conclusion is made about the respondent's belonging to one or another psychological group.

Keywords: autoaggression, heteroaggression, language personality, eyetracking, forensic authorship attribution

В современном мире суицидальные настроения и гетероагрессивное поведение становятся все более распространенными проблемами. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) (<https://www.who.int/ru/home>), ежегодно более 700 000 людей во всем мире заканчивают жизнь самоубийством. Кроме того, на каждое совершенное самоубийство приходится значительно больше попыток. Согласно ВОЗ, суицид занимает четвертое место среди ведущих причин смерти в возрастной группе 15-29 лет. Проблема детской и подростковой гетероагрессии стала насущной после совершения нападения в апреле 1999 на среднюю школу «Колумбайн». Это событие создало кумиров для многих молодых людей, желающих бросить вызов обществу, повторив совершенное Эриком Харрисом и Диланом Клибблдом. Восхищающиеся «школьными стрелками», разделяющие идеи насилия, молодые люди продолжают брать в руки оружие и без видимых мотивов нападать на сверстников.

Ауто- и гетероагрессивные наклонности, бесспорно, нужно выявлять на ранних этап, чтобы была возможность предотвратить нежелательные действия. Для проведения превентивной работы с конкретными лицами существует необходимость диагностирования склонности к депрессии и гетероагрессии на разных стадиях проявления данных акцентуаций, в том числе на ранних. Такая диагностика возможна с помощью методов психолингвистики. В фокусе науки – индивид в коммуникации. Она исследует процессы планирования речи, механизмы, соединяющие воедино знание и

использование языка, в частности, процессов (алгоритмов) восприятия и продуцирования речи, когнитивных процессов, взаимодействующих с языковым знанием при продуцировании и понимании языка [Жеребило, 2010: URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/5.pdf>]. Так, с точки зрения психолингвистики исследователи в основном изучают два процесса: речевосприятие и речепорождение, а также когнитивные и психологические связи между этими процессами.

В настоящей работе проведено исследование, направленное на диагностику склонности лица к ауто- и гетероагрессивному поведению с помощью технологии айтрекинга.

Айтрекинг, или окулография, – это технология, которая позволяет фиксировать движения взгляда человека. Тестирование с современными айтрекерами (eyetracker) проходит незаметно для человека, не причиняя неудобств и не отвлекая от выполнения задачи. Направление взгляда определяется бесконтактно по движению зрачка с помощью откалиброванной камеры. Применение айтрекинга при тестировании имеет ряд особенностей, описанных, например, в следующих трудах: [Rayner 1998; Huettig., Rommers, Meyer 2011; Барабанщиков 2015; Laurinavichyute, Sekerina, Alexeeva 2018; Siegelman, Schroeder, Acartürk 2022].

Дизайн эксперимента, результаты которого описаны в данной работе, выглядит следующим образом: обследуемому лицу предлагается воспринять ряд стимулов (вербальных и визуальных), выведенных на экран компьютера; в этот момент айтрекер считывает информацию о времени задержки взгляда на том или ином объекте стимульного материала (слове, изображении, их сочетании). Полученные данные анализируются экспертной комиссией вручную и автоматически и на базе разработанной инструкции интерпретируются с целью выявления наличия/отсутствия ауто- или гетероагрессивных акцентуаций.

Для создания стимульного материала, включенного как диагностический в базу айтрекера, было проведено лингвистическое исследование имеющихся в открытом доступе текстовых корпусов и датасетов: Presuicidal signals dataset Twitter [URL: <https://data.mendeley.com/datasets/86v3z38dc7/1>], Rusentiment [URL: <https://data.mendeley.com/datasets/86v3z38dc7/1>], а также базы данных, собранной на основе предоставленных Приволжским исследовательским медицинским университетом (ПИМУ) текстов. В эту базу данных входят оцифрованные и электронные, сведенные в единый массив тексты следующих категорий:

а) порожденные исследуемыми языковыми личностями (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.);

б) на которые анализируемые языковые личности коммуникативно отреагировали:

– репосты текстов (письменных текстов, аудио- и видеоконтента, графического материала: картинок, символов и пр.) в социальных сетях;

– тексты (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.), на которые коммуниканты отреагировали посредством текстового комментария, эмодикона (иной идеографии), реакции («лайка», «дислайка» и пр.);

– тексты (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.) вне социальных сетей, на которые у коммуникантов зафиксирована та или иная реакция (например, в ходе беседы с психологом).

Анализ продуцированных (порожденных) людьми с суицидальной и гетероагрессивной акцентуацией текстов необходим для того, чтобы понять, какие частотные элементы (словесные, изобразительные, иконические, синтаксические – клаузы, паттерны, текстовые структуры, и пр. – встречаются в коммуникации данных социальных групп и вызывают эмоциональный отклик (частое их использование, частая реакция на них). На основе исследования этих стабильных черт создается стимульный материал, используемый при речевосприятии, содержащий означенные элементы, выступающие в роли стимулов и имитирующие речь контрольных групп.

В рамках исследования также был проведен анализ текстов, порожденных лицами, входящими в группу нормы (квазинормы). Были проанализированы датасеты, собранные из открытых источников, URL: https://vk.com/blog_27325, URL: <https://mel.fm/>, URL: https://www.tumblr.com/explore/trending?source=homepage_explore, и репрезентирующие речь молодежной русскоязычной социальной группы. Речь группы нормы исследуется для того, чтобы сравнить ее с речью контрольной группы и выявить принципиальные различия в частотных элементах (словесных, изобразительных, иконических, синтаксических) той и другой. Данный материал нужен не только для того, чтобы более четко представлять, какие речевые элементы действительно вызывают реакцию у перцептора с ауто- или гетероагрессивной акцентуацией, но и для того, чтобы создать так называемый филлерный материал, тексты и изображения-филлеры, имеющие нейтральный статус, вызывающие одинаковые реакции как у контрольной группы, так и у группы нормы (квазинормы).

Наличие такого материала в итоговом тестировании необходимо в связи с особенностями любого лингвистического, социолингвистического, психолингвистического тестирования. Наилучший результат дает неосознанный эксперимент, такой, в котором тестируемый не понимает сути

эксперимента, а значит, не контролирует свои реакции на компоненты диагностики. Для того чтобы добиться неосознанности при проведении эксперимента, истинный диагностический материал следует разбавлять филлерным, не несущим в себе смысловой нагрузки для эксперимента. Более того, филлерный материал необходим для того, чтобы рассчитать время реакции контрольной группы и группы нормы (квазинормы) на разные стимулы диагностики: нейтральные и маркированные.

Все собранные тексты были подвержены автоматической обработке, используемой в методологии корпусной лингвистики, а именно: токенизации, лемматизации, частеречному тегированию; для текстов в базе данных «СуГе» (тексты, предоставленные ПИМУ) также было произведено тегирование уникальными тегами с помощью стандарта XML.

После сбора данные были проанализированы методами компьютерной лингвистики: из текстов была извлечена следующая корпусная статистика – n-граммы (биграммы, триграммы, тетраграммы), ключевые слова с помощью разных метрик (Log-Likelihood, Dice и пр.), коллокации к извлеченным ключевым словам (также по разным метрикам Log-Likelihood, Dice и пр.). Все это – элементы идиолекта социальной группы или/и конкретного лица, который является частью более сложного и многомерного конструкта – индивидуального стиля [Литвинова 2019].

Использованию именно указанной выше аналитики для исследования индивидуального стиля мотивировано тем, что в традиционном подходе к криминалистическому автороведению, текстовой атрибуции, в том числе для решения диагностических задач (отнесения лица к той или иной социальной группе – возрастной, профессиональной, психологической) именно этот набор параметров чаще всего используется [Рубцова, Ермолаева, Безрукова и др. 2007: 105]. Все эти параметры описывают строение нулевого уровня языковой личности (вербально-семантического) [Караулов 2010] и считаются наименее контролируемыми в речи. Более того, вся указанная статистика позволяет говорить о некоторых когнитивных особенностях обследуемого лица или группы лиц: n-граммы маркируют синтаксические построения в речи, наиболее типичные клаузы, являющиеся значимыми элементом речемыслительной деятельности конкретного лица или группы лиц; ключевые слова показывают структуру авторского тезауруса, элементами которого являются аксиологемы, идеологемы, культуремы, необходимые для определения того, что важно для того или иного человека или группы лиц, коллокации к ключевым словам позволяют выстроить семантическую, смысловую матрицу речи лица или группы лиц [Романова, Хоменко 2020; Khomenko, Baranova, Romanov, Zadvornov 2021].

Важно, что похожие методы анализа инварианта языка социальной группы суицидентов уже использовались учеными, ранее проводившими исследования по выявлению маркеров представителей этой группы в их письменной электронной коммуникации: [McCabe, Gotlib, Martin 2000; Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014; Barzman, Ni, Griffey, Patel 2016; Литвинова 2016; Загоровская, Литвинова, Литвинова 2016; Брябрина, Гиберт, Штрахова 2016; Schoth, Lioffi 2017; Litvinova, Seregin, Litvinova, Romanchenko 2017; Гордеев 2017; Литвинова, Литвинова 2017; Elgersma, Koster, Van Tuijl 2018; Бенефис ненависти 2019; Ni, Barzman, Bachtel, Griffey, Osborn, Sorter 2020; Печенева 2021; Лангман 2022].

После автоматического извлечения корпусной статистики из имеющихся датасетов исследователи проинтерпретировали ее методами лингвистического анализа и получили объективные выводы о строении идиолекта исследуемых социальных групп: социальной группы с депрессивной (аутоагрессивной) акцентуацией, социальной группы с гетероагрессивной акцентуацией, группы нормы (квазинормы).

После этого был произведен анализ возможностей айтрекера и методики использования этого вида диагностики в психолингвистических исследованиях.

Результатами работы айтрекера стали тепловые карты разной температуры, окулограммы, а также таблицы в формате .csv с данными о времени задержке взгляда на элементах стимульного материала/ избегании элементов стимульного материала. Именно информация о задержке взгляда и антификсации на некоторых элементах заключает в себе информацию о том, к какой группе: нормы, квазинормы или контрольной (группе с гетеро- или аутоагрессивной акцентуацией), – относится реципиент.

На данный момент в исследовании участие приняло небольшое количество испытуемых (60 человек, в число которых входят респонденты группы нормы, контрольной группы для гетеро- и контрольной группы для аутоагрессии). На базе этого небольшого массива можно говорить о наличии положительной тенденции в использовании технологии айтрекинга и методов психолингвистики для диагностики суицидального и гетероагрессивного поведения. Результаты ручной обработки данных экспертным путем с использованием психолингвистических знаний в подавляющем большинстве случаев сходна с психиатрической диагностикой респондентов врачами-психиатрами. Основной задачей исследования на данном этапе является автоматизация процесса диагностики, то

есть создание компьютерного алгоритма, который фактически повторял бы экспертную работу. Этот алгоритм необходим, чтобы доподлинно определить валидность созданного экспертами стимульного материала. Так, если на большом массиве данных (количество респондентов должно измеряться тысячами) процент верного распознавания ауто- и гетероагрессии будет высоким, то и сам стимульный материал можно признать подходящим для исследования.

Список литературы

1. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи (18+) // Кавказский геополитический клуб. М. : Издатель А. В. Воробьев, 2019. 160 с.
2. Брябрина Т. В., Гиберт А. И., Штрахова А. В. Опыт контент-анализа суицидальных высказываний в сети интернет лиц с различным уровнем суицидальной активности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2016. Т. 9, № 3. С. 35–49. doi:10.14529/psy160304
3. Гордеев Д. И. Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов. Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. № 1. С. 175–181.
4. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 494 с.
5. Загоровская О. В., Литвинова О. А., Литвинова Т. А. Выявление склонности личности к суицидальному поведению на основе количественного анализа ее речевой продукции // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: www.st-hum.ru.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / пер. с англ. С. А. Карпова. М. : Эксмо, 2022. 304 с.
8. Литвинова Т. А. Диагностирование склонности личности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции: методы и подходы // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 57–61.
9. Литвинова Т. А. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 7 21 (25). С. 1–5.
10. Литвинова Т. А., Литвинова О. А. Языковые особенности русскоязычных текстов лиц, совершивших суицид, и лиц с высоким риском аутоагрессивного поведения // *Studia Humanitatis*. 2017. № 4. URL: www.st-hum.ru.
11. Печенегова А. Л. Троллинг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (216). С. 48–56. doi:10.23951/1609-624X-2021-4-48-56
12. Романова Т. В., Хоменко А. Ю. Функционирование элементов семантического поля социальная значимость в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, № 1. С. 49–73.
13. Рубцова И. И., Ермолаева Е. И., Безрукова А. И. [и др.]. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз : метод. рекомендации. М. : ЭКУ МВД России, 2007. 192 с.
14. Barzman D., Ni Y., Griffey M., Patel B., and others. A Pilot Study on Developing a Standardized and Sensitive School Violence Risk Assessment with Manual Annotation. New York : Springer Science+Business Media, 2016. doi:10.1007/s11126-016-9458-7
15. Elgersma H. J., Koster E., Van Tuijl L. [et al.]. Attentional bias for negative, positive, and threat words in current and remitted depression // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13 (10). doi:10.1371/journal.pone.0205154.
16. Khomenko A., Baranova Y., Romanov A., Zadvornov K. Linguistic Modeling as a Basis for Creating Authorship Attribution Software // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии Вып. 20 (27): Дополнительный том. М. : Изд-во РГГУ, 2021. P. 1063–1074.
17. Litvinova T., Seredin, P., Litvinova, O., Romanchenko, O. Identification of Suicidal Tendencies of Individuals Based on the Quantitative Analysis of their Internet Texts // *Computación y Sistemas*. 2017. Vol. 21, № 2. P. 243–252.
18. McCabe S., Gotlib I., Martin R. Cognitive Vulnerability for Depression: Deployment of Attention as a Function of History of Depression and Current Mood. *Cognitive Therapy and Research*. 2000. Vol. 24, № 4. P. 427–444.
19. Ni Y., Barzman D., Bachtel A., Griffey M., Osborn A., Sorter M. Finding Warning Markers: Leveraging Natural Language Processing and Machine Learning Technologies to Detect Risk of School Violence. *Int J Med Inform*. 2020. Vol. 139. P. 104–137. doi:10.1016/j.ijmedinf.2020.104137
20. Schoth D. E., Liossi Ch. A Systematic Review of Experimental Paradigms for Exploring Biased Interpretation of Ambiguous Information with Emotional and Neutral Associations // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. doi:10.3389/fpsyg.2017.00171

Сведения об авторе:

Хоменко Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики Нижегородского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия.

Е. А. Чубина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

PR-ЛЕКАЛА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКСПЕРТОВ-РЕЧЕВЕДОВ

E. A. Chubina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

PR-PATTERNS OF THE INFORMATION WAR AND NEW CHALLENGES FOR FORENSIC LINGUISTICS

Аннотация. Работа посвящена осмыслению тех явлений, которые серьезным образом отражаются на экспертной практике. Современные медиатексты часто создаются по моделям PR-текстов, где реальные факты подменяются медиафактами, эффективно смоделированными и носящими «характер достоверности». Обозначена необходимость расширения сферы специальных лингвистических знаний эксперта в сторону знания PR-коммуникации.

Ключевые слова: компетенция эксперта, судебная лингвистическая экспертиза, PR-коммуникация, медиафакт, утверждение о факте

Abstract. The article considers the phenomena that have a great influence on expert practice. Modern media texts are often created according to the models of PR texts, where real facts are replaced by media facts that are spectacularly modeled and have a "character of reliability". The article indicates the need to expand the scope of linguistic knowledge of an expert in PR-communication.

Keywords: expert competence, forensic examination, PR communication, media fact, statement of fact

В работах последних лет, посвященных осмыслению тех явлений, которые серьезным образом отражаются в практике судебной лингвистической экспертизы, мы уже писали об использовании технологий геймификации в современной коммуникации для построения «реальности под вопросом» – смешанной (гибридной) реальности. Геймифицированный характер коммуникации обусловлен не только прорывными технологическими достижениями, в первую очередь – обусловлен философией постмодернизма, а также теорией игр (показательно, что Нобелевская премия Роберту Ауману (2005) была присуждена за расширение понимания проблем конфликта с помощью анализа в рамках теории игр).

Такие явления современной коммуникации, как культура отмены и фейк, соотносимы с терминами игры – отмена хода и блеф (Блеф – 1. Прием, когда игрок, имеющий плохие карты, действует так, чтобы соперники сочли его карты выигрышными (при игре в покер). 2. Выдумка, ложь, хвастовство с целью запугать кого-либо или внушить кому-либо преувеличенное представление о чём-либо [Ефремова 2002]).

Коммуникация, построенная на законах игры, получившая такие качества, как интерактивность, онлайнность и мультимедийность, стала серьезным вызовом для исследователей. Усложнение коммуникационного контекста к тому же сопровождается размыванием границ журналистики, медиакоммуникации, рекламы и связей с общественностью как коммуникационных сфер.

Сейчас разработанные для специальных целей PR-технологии, под которыми понимаются социально-коммуникативные технологии управления внешними и внутренними коммуникациями социального субъекта и его целевыми аудиториями, активно используются как технологии информационного воздействия и вовлечения.

Для сферы связей с общественностью (Public relations (PR)) формула «факта нет, есть только интерпретация факта» далеко не нова. PR-факт как разновидность медиафакта – есть по сути интерпретация, поскольку за ним часто стоит не реальное событие, явление, словом, то, что действительно произошло, происходит, существует, а *изображение* события, картинка, нацеленная на

формирование общественного мнения, отрицательного или положительного, в зависимости от целей коммуникатора. Можно согласиться с мнением Н.В. Владимирцевой, что дискурс PR представляет собой не реальные, а медиафакты, эффективно смоделированные и носящие характер достоверности [Владимирцева 2013:188].

На признак «носящие характер достоверности» стоит обратить особое внимание в аспекте тех задач, которые сегодня решаются в рамках судебных лингвистических экспертиз по делам, связанным с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ, а также ч.9, 10.1, 10.2 ст.13.15 КоАП РФ). Юридически значимыми являются высказывания, в которых информация выражена в форме утверждения о фактах и событиях, поскольку только такой способ подачи информации позволит правоприменителю установить ее ложность либо достоверность.

Есть определенные методические подходы, есть описанный опыт [Кузнецов 2022], казалось бы, все хорошо, но почему тогда анализ экспертной практики говорит о сложностях в установлении формы утверждения о фактах?

Совершенно очевидно, что в начавшейся против России информационной войне мы столкнулись с потоком текстов, сделанных именно по PR-лекалам, создателями этих текстов (в т.ч. нарративов, которые готовятся для «ботоферм» как своего рода клише для последующих текстовых вариаций) являются люди, хорошо знающие технологии PR-коммуникации (имиджмейкеры, антикризисные менеджеры, политтехнологи и пр.). Показательно, что в специальной литературе, которую используют сейчас для подготовки и планирования информационных операций против России, значительную часть объема занимают разделы, посвященные именно PR-технологиям, а цитатами из американских учебников по информационной войне «пестрят» речи первых лиц Украины, пиарщиков в прошлом (А. Арестович, В. Зеленский, М. Подоляк и др).

Любое действие пиарщиком подобного рода производится исходя из того, как можно его преподнести в СМИ. Факт подменяется PR-фактом. Это хорошо можно проиллюстрировать на примере информационной кампании по дискредитации России и ВС РФ в г.Буча. Из текста блогера Я.: *«Ну вот после отступления путинских войск контроль над городом вернулся к украинской армии и буквально сразу же нам показали (выделено мной – Е.Ч.) жуткую картину...»*. Далее идет информация, содержащая в себе, казалось бы, утверждения о фактах (*«на дороге лежали трупы...»*, *«были обнаружены братские могилы...»* и др.), но эти перечисления вводятся оператором «нам показали». Получается, что говорящий не утверждает, а только описывает то, что показали? Возникает вопрос: можно ли найти в таком тексте утверждение о факте? Как быть эксперту?

Решение этой экспертной проблемы есть, но это отдельная тема, и здесь, как нам кажется, нельзя считать приоритетными комплексные исследования информационных материалов с применением специальных знаний только из области лингвистики и психологии, насущно необходимыми являются специальные знания в сфере PR-коммуникации и PR-технологий.

Кроме того, речевая коммуникация стремительно усложняется технологиями дополненной реальности. Информационное сетевое пространство заполняется пользовательским контентом, когда «каждый пользователь также является реальным соучастником процесса производства публикуемой и распространяемой в Сети информации» [Дружинин, Гуров 2022]. Развертывающийся здесь процесс коммуникационного взаимодействия предполагает в каждом его участнике *соактора* (выделено мной – ЕЧ.) и полноправного агента. Конечно, это серьезный вызов для судебной авторолевческой экспертизы, учитывая, что в качестве соактора может выступать коллективный субъект, а может и вовсе «гибрид человека и машины», как нередко определяют искусственный интеллект.

Таким образом, анализ природы современного медийного пространства – даже в первом приближении – доказывает, что насущно необходимыми для эксперта-речевода являются специальные знания в сфере связей с общественностью (PR), в том числе связанные с процессами медиаконструирования. Однако анализ существующей практики настораживает: психологи вторгаются в сферу речевой коммуникации, пытаясь анализировать коммуникативный акт, коммуникативные цели говорящего, способы достижения перлокутивного эффекта, не имея специальных знаний в области речевой коммуникации, да и вообще в области анализа текста. Как результат появляются весьма сомнительные исследования, далекие от науки: *«Автор в данной публикации не только не распространяет заведомо ложные сведения, он вообще не распространяет никаких сведений о реальном мире, с психологической точки зрения данная публикация является скорее литературным произведением о безысходности и утрате надежд»*¹, показательно, что эксперт-психолог обошелся без определения какой-либо совокупности признаков, указывающих на принадлежность спорного текста к стилю художественной литературы.

В процессе подготовки обучающихся по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза специализации №5 Речеведческие экспертизы важно формировать компетенции, связанные с понима-

¹ По этическим соображениям авторы цитируемых экспертиз не называются.

нием отличительных особенностей медиатекстов, медиапродуктов, коммуникационных продуктов разных медиасегментов и платформ, с пониманием специфики авторской деятельности по созданию текстов в области связей с общественностью или иного коммуникационного продукта с учетом свойств разных каналов коммуникации; нужно знание структуры, общих свойств информации, необходимо ориентироваться в вопросах, связанных с ее поиском, сбором, анализом, хранением и распространением. Эти компетенции не закладываются дисциплинами, которые образуют основу лингвистического образования, здесь необходимы предметные знания основ теории коммуникации, теории и практики связей с общественностью, социальных медиа, медиаконструирования и некоторых других. Имеющийся у вузов академический опыт позволяет формировать учебные дисциплины с учетом интеграции и дифференциации специальных знаний.

Таким образом, усложнение содержательных и формальных компонентов коммуникации в медийном пространстве, подмена факта PR-фактом, эффективно смоделированным и носящим характер достоверности, – все это объективные предпосылки расширения сферы специальных лингвистических знаний эксперта в сторону знания PR-коммуникации.

Список литературы

1. Владимирцева Н. В. Игра как способ воздействия в дискурсе PR // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2013. Т. 3, № 4 (04). С. 188–191.
2. Дружинин А. М., Гуров Ф. Н. Цифровизация медиапроизводства: адаптация, целеполагание, аксиологические аспекты // *Гуманитарный вестник*. 2022. № 2. doi:10.18698/2306-8477-2022-2-772
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.
4. Инфодиверсанты. Как действовал Центр инфо-психологических операций ВСУ. URL: <https://ria.ru/20220513/tsipso-1788372942.htm> (дата обращения: 01.03.2023).
5. Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2022. Т. 17, № 2. С. 49–57. doi:10.30764/1819-2785-2022-2-49-57 (дата обращения: 15.02.2023).

Сведения об авторе:

Чубина Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия.

Раздел 3

ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Д. М. Апкаев

Владимирский юридический институт, г. Владимир, Россия

ПРАВОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

D. M. Apkaev

Vladimir Law Institute, Vladimir, Russia

LEGAL AND LINGUISTIC FOUNDATIONS OF THE RULE-MAKING ACTIVITY OF PRIVILEGED SUBJECTS OF LAW

Аннотация. Сегодня правотворческая деятельность в России становится все более интенсивной за счет увеличения количества принятых (изданных) актов законодательства, однако качество последних в ряде случаев остается на низком уровне. Имеющиеся в нормативных актах недостатки, такие как дублирование, коллизии, пробелы в правовом регулировании, стилистические неточности и др., создают значительные трудности в правоприменительной практике. В этой связи возрастает значение правотворческой (нормотворческой) технологии, центральное место в которой занимает процесс подготовки проектов нормативных правовых актов, состоящий из самостоятельных, последовательно осуществляемых этапов (стадий).

Ключевые слова: нормотворчество, привилегии, принципы, правосознание, правоприменение

Abstract. Today, law-making activity in Russia is becoming more intense, due to an increase in the number of adopted (issued) acts of legislation, but the quality in some cases remains at a low level. Normative acts contain, first of all, such shortcomings as duplication, conflicts, gaps in legal regulation, and stylistic inaccuracies. All of those create significant difficulties in law enforcement practice. In this regard, the importance of law-making (rule-making) technology increases, the central place in which is occupied by the preparation of draft regulatory legal acts, consisting of independent, sequentially implemented stages (stages).

Keywords: rule-making, privileges, principles, legal awareness, law enforcement

На современном этапе развития отечественного законодательства особое значение приобретают более прогрессивные научные подходы к подготовке нормативно-правовых актов, совершенствование юридической техники, стилистические и языковые приемы. Своевременность подготовки и принятия (издания) проектов, их качество является во многом определяющим фактором проведения в стране социально-экономических и политических реформ.

На современном этапе развития в Российской Федерации проводится ряд политических и экономических реформ, требующих интенсивной нормотворческой работы. Эти факторы обусловили необходимость модернизации нормотворческого процесса. Создание в Российской Федерации нормативных актов отличается характерным стремлением как к дальнейшему укреплению демокра-

тических основ, так и к повышению внимания к качеству и целесообразности принимаемых нормативных правовых актов в целом, а также привлечением научной общественности к разработке и обсуждению законодательных актов, обеспечение гласности и публичности в процессе их издания. Стоит отметить, что, несмотря на очевидный прогресс современного законодательства в части совершенствования юридической техники, одним из его главных недостатков до сих пор остается противоречивость и переизбыточность.

Следует сказать, что в существующих нормативных правовых актах можно встретить огромный массив конфликтующих норм и институтов, ошибок и разночтений. Одним из факторов, допускающих эти ошибки, выступает так называемая нестабильность правотворчества, которая оказывает влияние также и на качество издаваемых нормативных правовых актов. Кроме того, среди негативных факторов, оказывающих влияние на нормотворчество, стоит назвать абстрактность принимаемых актов, а также бессистемность законотворческих работ, отсутствие выверенной системы разработки законопроекта государственными органами, особенно когда затрагиваются интересы различных слоев населения, заинтересованных в принятии закона. Ни для кого не секрет, что огромная часть важнейших для общества, государства и отдельной личности задач решается посредством нормотворческой деятельности. Согласование существующих в обществе интересов происходит на тех или иных стадиях нормотворческого процесса, при этом зачастую решаются вопросы взаимоотношений и взаимозависимостей, которые затрагивают взаимосвязь политики, права и идеологии. Конечным итогом правотворчества является позитивация и легитимация нормативных представлений, сформировавшихся в общественном или групповом правосознании, преобразование их в официальные нормативные предписания [Корнев 2008 : 37].

Нам же думается, что уяснение правовой основы нормотворчества невозможно без определения его понятия.

Этимологически термин «нормотворчество» сложился из двух самостоятельных категорий «норма» и «творчество». В свою очередь норма есть общеобязательное правило поведения, санкционированное государством, направленное на регулирование отношений в обществе. Что касается творчества, то его можно рассматривать как сознательное и свободное создание научных и культурных ценностей. Таким образом, можно утверждать, что нормотворчество это вид деятельности связанный с созданием норм права. Однако, стоит указать, что нормотворческий процесс осуществляется субъектами, наделенными на то правом, следовательно имеющими привилегии относительно остальных участников правоотношений.

По мнению профессора Арзамасова Ю.Г. данное понятие можно рассматривать как «составную часть механизма правового регулирования, без которой не появятся на свет нормы права, направленные на регулирование различных общественных отношений...» [Арзамасов 2019 : 312]. В обоснование выдвинутой гипотезы необходимо использовать инструментальный подход к понятию механизма правового регулирования, который дает возможность по-новому исследовать саму структуру данного механизма.

Кроме того, в общей теории права существуют и иные подходы к определению нормотворческого процесса. Так, В. С. Нерсесянц определяет нормотворчество «как форму (и направление) государственной деятельности, связанную с официальным выражением и закреплением норм права, которые составляют нормативно-правовое содержание всех действующих источников позитивного права.» [Нерсесянц 2002 : 14].

Н. И. Матузов и А. В. Малько отмечают, что нормотворчество «есть деятельность, прежде всего, государственных органов по принятию, изменению и отмене юридических норм. Сущность нормотворчества состоит в возведении государственной воли в нормы права, т.е. в форму юридических предписаний, имеющих общеобязательный характер...» [Матузов 2020 : 351].

Рассмотрим также позицию В.В. Иванова, который охарактеризовал нормотворчество как систему организационно-процессуальных действий субъектов права (государственных и негосударственных), направленную на установление (создание, изменение, отмену) правовых норм [Иванов 2000 : 87].

Мы же придерживаемся классической точки зрения и считаем, что нормотворчество есть деятельность уполномоченных на это субъектов, которые наделены привилегиями по разработке, рассмотрению, принятию и официального обнародования нормативно-правовых актов, которая осуществляется по определенной процедуре, установленной в законодательстве.

Нормотворческая деятельность должна основываться на правилах, в которых будут заложены языковые основы.

Во-первых, ясно и кратко формулировать мысль, при этом предложения должны быть лаконичными и не сложными для восприятия и понимания. В подтверждение сказанного вспоминаются исследования отечественных психологов, которые указывали: «...средний статистический гражданин России может удерживать в краткосрочной памяти не более двух - трех мыслей, в последствии он вынужден сделать краткую паузу с целью обобщения прочитанного и анализа.» [Величковский 2015 : 58]. Таким образом, сигналом для обдумывания мысли служит знак препинания

в конце предложения. Кроме того, более емкие и короткие предложения удобны не только для простых граждан, но и для юристов практиков.

Во-вторых, использование законов логики для построения предложений в тексте. Другими словами, первое предложение в нормативном акте либо статье должно нести в себе основную информацию, которая послужит дальнейшей константой правильного понимания текста. Таким образом, все последующие предложения должны логически «вытекать» из первоначальной мысли.

В-третьих, правильное применение «клише» и «штампов». В этой связи отметим, что согласно толкового словаря: «клише (от фр. *cliche*) есть речевой оборот или шаблонная фраза, которая легко воспроизводится в определенном контексте либо условиях.» [Словари 2023]. «Штамп есть слова и выражения, которые в силу частого применения преобразовались в стандартную речевую единицу лишенную эмоциональной окраски.» [Словари 2023]. Например, «государственный орган», «отсрочка наказания», «на основании изложенного..», «в соответствии с действующим законодательством.» и др. Попытки нормодателя изменить содержание устойчивых выражений влечет за собой трудности восприятия.

В-четвертых, ограниченное применения в нормативных актах условных предложений. Условные предложения есть разновидность предложений, устанавливающих определенные условия для субъекта применения права (если, то, иначе). Важно отметить, что большое количество условий затрудняет понимание текста законодательного акта.

И наконец, в-пятых, разумное применение разделительных и соединительных союзов. В данной ситуации речь идет о разделении текста с помощью союза «или» и соединении с помощью союза «и». Если союз «или» предполагает разделение текста, например, альтернативные действия, то союз «и» выступает в качестве соединения, где в качестве примера можно привести любое перечисление признаков. Злоупотребление данными союзами ведет к сложности в восприятии нормативного акта, а следовательно снижению его правовой эффективности.

Нормотворчество в Российской Федерации осуществляется на принципах конституционности, законности, демократизма, гуманизма, научности, компетентности, эффективности, ресурсной обеспеченности. Последние берут свое начало от основополагающих принципов правотворчества, определяются ими, но все же имеют обособленное значение. Думается целесообразно осветить каждый из них:

Итак, принцип «демократизма» заключается в открытости процедур обсуждения и принятия НПА, участие общественности, объединений и партий в нормотворчестве, освещение данного процесса в СМИ, наличие независимой экспертизы нормативного акта, публичное освещение принятых документов и т.д.;

Принцип «законности», характерен для всех сфер деятельности государства, заключается в законодательном закреплении основных, наиболее существенных способов нормотворческой деятельности, сроков, этапов подготовки и принятия НПА и обязательное их осуществление.

Принцип законности означает также и то, что акт правотворчества принят в ходе надлежащей правовой процедуры, в строгом соответствии с регламентом деятельности, того или иного правотворческого органа. Однако, следует иметь в виду, что признать незаконным нормативно правовой акт, соответствующий требованиям законодательства по форме и содержанию только по причине несоблюдения процедуры его принятия возможно исключительно по инициативе данного нормотворческого органа, который принял нормативно-правовой акт, с нарушением надлежащей правовой процедуры.

Принцип «научности», в большей степени данный принцип характеризуется максимально возможным использованием тех или иных достижений как правовой науки, так и юридической техники, используемой при подготовке законопроекта. Название принципа также подразумевает, что при этом упор делается на научном обосновании разрабатываемых положений, а также на непосредственном участии деятелей правовой науки в разработке и подготовке проектов нормативных правовых актов. Все вышесказанное также предполагает последующее проведение коллективами или отдельными учеными правовой экспертиз, а также научное обоснование правил составления и утверждения нормативных актов;

Принцип «планирования» заключается в существовании плана нормотворческой деятельности, исходя из реальных социально-экономических условий. Этот принцип позволяет упорядочить процесс принятия нормативных правовых актов, усилить ответственность должностных лиц в связи с разработкой и принятием непродуманных управленческих решений.

Принцип «профессионализма (компетентности)» выражается в том, что должностные лица, работающие в нормотворческом органе реализуют свои полномочия на профессиональной постоянной основе. Так согласно ст. 97 (ч. 3) Конституции РФ «...депутаты Государственной Думы работают на профессиональной постоянной основе. Депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности». Кроме того, принцип профессионализма включает в себя и отношение к качеству нормативно-правового акта. Последний не может

быть качественным в том случае, если его разработкой занимаются не квалифицированные специалисты.

По мнению Н. И. Матузова «подлинная беда состоит в том, что даже хорошие и нужные законы могут не работать. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их реализации, в других (и это главная причина) – из-за того, что вокруг простирается ненормальная среда их функционирования. Процветает нравственный, политический и правовой нигилизм, общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, зыбкости, законы бесцельны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло. В этом смысле право испытывает небывалые «перегрузки». Оно не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями. Или не вполне справляется. Нельзя с помощью одних только правовых средств, в волевом порядке побороть бедность, преступность, коррупцию, алкоголизм, наркоманию. Эти средства должны использоваться в совокупности с другими мерами – экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными, организационными. Лишь тогда они могут дать желаемый эффект, а не остаться на бумаге. В России всегда страдала именно исполнительно-управленческая и контролирующая стороны дела. Например, проблема правореализации и особенно правоприменения традиционно была у нас и до сих пор остается ахиллесовой пятой всей юридической практики. В такой ситуации даже самые «мудрые» законы лишаются смысла» [Раздьяконова 2016 : 145].

Принцип «технического совершенства» издаваемых нормативных актов предполагает квалифицированное использование при разработке нормативных правовых актов приемов юридической техники.

Важно отметить, что в юридической литературе дается характеристика и других принципов, поэтому их перечень, представленный в настоящем исследовании, не является исчерпывающим. Несмотря на это, приведенные выше принципы и их описание, являются тем исходным началом любого нормотворчества, а равно и правотворчества, обеспечивающее адекватное функционирование правовой системы.

Таким образом, нормотворчество представляет собой определенный вид юридической деятельности (процесс), который направлен на упорядочивание общественных отношений и совершенствование механизма правового регулирования, заключающийся в принятии и обнародовании нормативного акта.

Список литературы

1. Величковский Б. Б. Рабочая память человека. Структура и механизмы. М. : Когито-Центр, 2015. 247 с.
2. Иванов В. В. К вопросу о теории нормативного договора // Журнал российского права. М., 2000. № 7. С. 85–97.
3. Корнев В. Н. Правотворчество, правоприменение и содержание права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2008. № 8 (48). С. 35–42.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2020. 528 с.
5. Нерсесянц В. С. Теория права и государства / РАН ; Акад. правовой ин-т. М. : Норма : ИНФРА-М, 2002. 272 с.
6. Арзамасов Ю. Г. [и др.]. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2019. 460 с.
7. Раздьяконова Е. В. Основы нормотворчества : курс лекций. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2016. 246 с.
8. Словари. URL:<http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

Сведения об авторе:

Апкаев Дамир Маратович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института, г. Владимир, Россия.

Ю. А. Герасименко

Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

**ОГОВОРКИ И ОТСЫЛКИ В ПРАВЕ:
ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Yu. A. Gerasimenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

**RESERVATIONS AND REFERENCES IN LAW:
LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS**

Аннотация. Рассматриваются отдельные аспекты соотношения норм-оговорок и отсылок, используемых в положениях законодательства. На основе элементов общего и особенного оговорок и отсылок в законодательстве формулируются положения, уточняющие и развивающие учение о специализации законодательства, юридической технике правотворчества; предлагается авторское видение содержательной основы норм-оговорок. Норма-оговорка позиционируется в качестве разновидности специального правового предписания, направленного на регулирование видовых правоотношений.

Ключевые слова: норма права, оговорка, отсылка, юрислингвистика

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the correlation of norms-reservations and references used in the provisions of legislation. On the basis of the elements of general and special reservations and references in the legislation, provisions are formulated that clarify and develop the doctrine of the specialization of legislation, the legal technique of law-making, the author's vision of the substantive basis of the norms-reservations is proposed. The reservation norm is positioned as a kind of special legal regulation aimed at regulating specific legal relations.

Keywords: rule of law, reservation, reference, legal linguistics

Появление в современном законодательстве и последующее активное использование различного рода юридико-лингвистических приемов: – уточнений, дополнений, корректировок, изъятий, которые предусматривают иной – отличный от общеустановленного правового порядка, актуализирует обращение ученого сообщества к проблематике языковых оговорок в целом, и норм-оговорок в частности. Интересным в этой связи выступает рассмотрение природы нормативной оговорки, с учетом соотношения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр. При этом, норма-оговорка и вовсе выпала из фокуса внимания ученых в качестве самостоятельного феномена, а лишь фрагментарно изучается правоведами [Репьев 2021]. В этой связи, попробуем нивелировать данное упущение, углубив знания относительно феномена «норма-оговорка» в праве, сопоставив его с близко соприкасающимся феноменом – законодательной отсылкой.

Учитывая полисемичный характер термина «оговорка», начать полагаем уместным с ее краткого юридико-лингвистического анализа. Это необходимо еще и в свете того, что «оговорка» имеет широкий синонимический ряд, а также омонимичное свойство. Так, слово «оговориться» употребляется в одном ряду с терминами «обмолвиться», «ошибиться», и в значении нечаянно произнесенного высказывания, незначительно допущенной ошибки речи [Словарь синонимов 2003 : 37]. Видимо в этой связи в русском языке, как в книжной, так и разговорной речи, за словом «оговорка» закрепилось значение произвольной лингвистической ошибки [Ефремова 2006 : 428]. Полагаем, что для разграничения восприятия «оговорки» как ошибки и как некоего разъяснения, следует обратить внимание на его глагольные формы.

Так, оговаривать значит «объяснять наперед, ставить условие, предупреждать условно» [Толковый словарь 1881 : 667]. Современные справочные источники также используют аналогичную интерпретацию термина «оговорить» через различные формы разъяснения. Например, «объяснить наперед, предупредить» [Ушаков 2008 : 586]. Вместе с тем необходимо иметь в виду и омони-

мичное свойства данного глагола, имеющего кардинально иное значение в понимании «оклеветать, очернить, опорочить» и пр. Таким образом, в юрислингвистическом аспекте и в рамках языка нормотворчества термин «оговорка» используется в значении разъяснительного положения, поправки к основному тексту, дополнения к ранее установленному.

Интересно, что профессор Д. А. Керимов процесс дополнения в правовом регулировании связывает еще и с таким приемом юридической техники, как законодательная отсылка [Керимов 1962 : 89]. Ряд других ученых, в числе которых А. Г. Репьев, развивая данное положение, полагают, что в результате отсылочного предписания правовое регулирование не только может дополняться, но из него могут делаться и изъятия [Репьев 2022, 1 : 19]. Полагаем, что норма-оговорка также используется правотворческими органами для изъятия и дополнения правового регулирования.

Юридическая природа норм-оговорок демонстрирует, что они характеризуются как универсальный, и в то же время самобытный технико-юридический способ фиксации в нормативном правовом акте воли государства. В рамках данного тезиса выдвинуем положение, что способ, как образ технико-юридических действий по закреплению нормы права, как известно, может быть прямым, отсылочным или бланкетным. Закономерности закрепления в правовых актах норм-оговорок демонстрируют, что последняя вполне может сочетать все три варианта. Видимо не случайно мнение, присутствующее в науке, что оговорки выступают в определенном смысле адресом отсылки, «места, где находится недостающая правовая информация» [Ткачук 2008 : 15]. В такой интерпретации, норма-оговорка является способом технико-юридического закрепления и последующей реализации многоярусного правового предписания, в основе которого – базовое правило поведения, а надстройкой является акцессорное уточнение, дополнение, изъятие, указывающее на иной вариант правового регулирования.

Указание на юридическое сходство норм-оговорок и законодательных отсылок, их корреспондирующий друг другу технико-юридический характер, актуализирует обращение к элементам их различия:

– во-первых, законодательная отсылка не является самостоятельным нормативным предписанием [Ткачук 2008 : 15], чего нельзя сказать о норме-оговорке. Предписания, изложенные в норме-оговорке, могут служить основанием как возникновения новых, изменения существующих, так и прекращения имеющихся правовых отношений. К примеру, несмотря на то, что по общему правилу «государство не отвечает по обязательствам Банка России» [Федеральный закон № 86-ФЗ от 10.07.2002 : ст. 2] и наоборот, такие правоотношения могут возникнуть на легитимной основе за счет присутствующей в нормативном правовом акте нормы-оговорки: «если они не приняли на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами». Игнорирование нормы-оговорки, вполне может служить фактом признания такого действия в качестве правонарушения, что повлечет за собой наступление юридической ответственности;

– во-вторых, отсылка ограничивает усмотрение субъектов и правоприменительную интерпретацию [Ткачук 2008 : 19], а норма-оговорка по своей природе реализует обратный потенциал – нацеливает правоприменителя на расширение субъективного усмотрения, в том числе, посредством всех форм и видов толкования. При этом усмотрение, реализуемое в рамках толкования нормы-оговорки, позволяет максимально расширять взгляды на уточнение и детализацию, особенно если норма-оговорка содержит оценочную формулировку, такую, как например «исключительные личные обстоятельства». Так, поднадзорному лицу запрещено оставлять пределы территории проживания, определенные судом [Федеральный закон от № 64-ФЗ 06.04.2011 : п. 3 ч. 1 ст. 4]. Однако нормой-оговоркой, применяемой в совокупности в ведомственном нормативном правовом актом, установлено, что при возникновении исключительных личных обстоятельств заместитель начальника территориального органа МВД России [приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 : п. 6] может дать разрешение на краткосрочный выезд судом [Федеральный закон от № 64-ФЗ 06.04.2011 : ч. 3 ст. 12]. При этом основания для такого разрешения определены в норме федерального закона таким образом, что при их интерпретации нацеливают субъект правоприменения на широкое применение субъективного усмотрения. Формулировка «угрожающая жизни тяжелая болезнь близкого родственника» предполагает, что соответствующее должностное лицо оценит и фактическое состояние здоровья близкого поднадзорному субъекту человека, и определит достаточную степень родства (принимая во внимание, что перечень близких родственников указанным федеральным законом не определен, а в иных нормативных правовых актах имеют место отдельные расхождения, например относительно неполнородных братьев и сестер) (относительно признания неполнородных братьев (сестер) в качестве близких родственников интересно сравнение ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ и ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ);

– в-третьих, отсылка в нормативном правовом акте преследует цели приблизить степень правового регулирования к максимальной конкретности, а оговорка в содержании правового предписания – к абстрактности. Достигается это при помощи соответствующих технико-юридических

приемов: в первом случае – адресуя правоприменителя к положениям иной статьи либо другого нормативного правового акта, а во втором – ориентируя на расширение содержания правового воздействия за счет включения в него общечеловеческих компонентов, нравственных императивов, начал разумности и иных. Так, одними из наиболее часто встречающихся для обозначения норм-оговорок являются словосочетания: «в исключительном случае», «в случае, если», «если иное не предусмотрено» и пр. [Репьев 2022, 4 : 76] К примеру, сочетанием/фразой «если иное не предусмотрено» законодатель указывает вектор по толкованию и применению нормы исходя из общечеловеческих представлений о хорошем и плохом, справедливом и несправедливом. С такой оговоркой начинается статья 2 Федерального закона от 25.10.2002 № 125-ФЗ, определяющая порядок очередности предоставления жилищных субсидий, который предполагает, что «в первую очередь жилищные субсидии предоставляются гражданам, признанным инвалидами I и II групп» [федеральный закон от 25.10.2002 № 125-ФЗ : ст. 2]. Формируя официальную позицию по этому вопросу, Конституционный Суд РФ указал, что «очередность предоставления социальных выплат определяется в зависимости от даты подачи/регистрации заявления о постановке на учет. Указанный порядок определения очередности <...> обеспечивает реализацию конституционного принципа справедливости» [определение Конституционного Суда РФ № 1575-О от 24.09.2012].

Резюмируем кратко представленный материал:

– норма-оговорка есть разновидность специального правового предписания, появившаяся как необходимость дополнения, детализации, уточнения общих правил поведения, вызванная усложнением и трансформацией общественных отношений;

– норма-оговорка компилирует в себе одновременно и способ и метод воздействия на специфические отношения, поскольку определяет обстоятельства, случаи ее применения (которые сами по себе отличны от стандартных ситуаций), исключает отдельных участников из данных отношений, дополняет их взаимные права и обязанности, предусматривает изъятия из ограничений и запретов, а также наделяет статус таких участников гарантиями их правового и социального положения;

– норма-оговорка взаимодействует с иными технико-юридическими средствами и приемами правового регулирования (отсылками, ссылками, примечаниями и пр.), нередко приобретаю юридическую оболочку последних;

– тенденции трансформации отечественного нормативного материала актуализируют потребность расширения знаний о специальных юридических технологиях изложения правил поведения, регулирующих нестандартные (узко-видовые) общественные отношения, при сохранении требований к устойчивости, стабильности общего правового предписания.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160000 слов. Т. 2. М-П. М. : АСТ : Астрель, 2006. 1160 с.
2. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М. : Госюриздат, 1962. 104 с.
3. О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей : федер. закон № 125-ФЗ от 25.10.2002 (в ред. от 20.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4188 ; 2020. № 30. Ст. 4754.
4. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 (в ред. от 30.05.2022) // Российская газета. 2011. 26 авг.
5. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 ; 2021. № 49 (ч. I). Ст. 8142.
6. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037 ; 2019. № 40. Ст. 5491.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Крицкой Галины Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» и пунктом 20 Положения о регистрации и учете граждан, имеющих право на получение социальных выплат для приобретения жилья в связи с переселением из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей : определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1575-О // КонсультантПлюс.
8. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 20–34.
9. Репьев А. Г. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 17–24.
10. Репьев А. Г. Техничко-юридическая лексема «исключительный случай» в российском законодательстве и правоприменительной практике // Юрист-Правоведь. 2022. № 4. С. 75–78.
11. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Т. 1. А-Н / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. 680 с.

12. Ткачук О. В. Отсылки в российском законодательстве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 33 с.
13. Толковый словарь живого Великорусского языка В. Даля. 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рук. автора. Т. 2. И-О. СПб. : Изд-ие книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. 807 с.
14. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт : ДОМ. XXI век, 2008. 1239 с.

Сведения об авторе:

Герасименко Юлия Андреевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Д. А. Гогитидзе

Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

**УВАЖЕНИЕ КАК ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ В ПРАВЕ:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

D. A. Gogitidze

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

**RESPECT AS AN EVALUATIVE CONCEPT IN LAW:
LEXICAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS**

Аннотация. Осуществлена постановка научной проблемы относительно восприятия феномена «уважение» в качестве отправного требования современного российского права. Основываясь на лингвистическом компоненте, исследуя положения законодательства Российской Федерации, юридической доктрины, правоприменительной практики феномен «уважение» подвергается анализу как с позиции идейного начала права, так и конкретного руководящего требования в деятельности субъектов, в том числе обладающих властными полномочиями.

Ключевые слова: уважение, уважительные причины, оценочное понятие, правосознание

Abstract. The formulation of a scientific problem regarding the perception of the phenomenon of "respect" as a starting requirement of modern Russian law is carried out. Based on the linguistic component, examining the provisions of the legislation of the Russian Federation, legal doctrine, law enforcement practice, the phenomenon of "respect" is analyzed both from the standpoint of the ideological principle of law and a specific guiding requirement in the activities of subjects, including those with authority.

Keywords: respect, valid reasons, evaluative concept, legal awareness

С течением времени ученое сообщество все больше обращается к анализу соответствия проводимой правовой политики Российской Федерации провозглашаемым принципам права, отправным идеям и концептам, формируемым соответствующее восприятие юридической реальности личностью. Это абсолютно обоснованно, поскольку основополагающие требования равенства, справедливости, гуманизма и многие другие определяют смысловое и содержательное наполнение не только законодательства, но и непосредственно деятельности различных ветвей власти, а также осознание права гражданским обществом. Последнее, в свою очередь, отражается в таком феномене, как правосознание.

Позитивистское восприятие правосознания, на что обращал внимание профессор В. Н. Синюков, несколько исказило его сущностное, духовно-культурное наполнение [Синюков 2010 : 221]. Мы солидарны с таким тезисом, и в свою очередь полагаем, что отчасти это обусловлено затуханием в числе основополагающих принципов права (а ведь именно им отведена роль по формированию руководящих требований, начал для всей юридической деятельности) – принципа уважения.

Подтверждением сказанному служит фрагментарное ознакомление с нормами законодательства, регламентирующими деятельность органов публичной власти и управления. В качестве фундаментальных основ обеспечения их эффективного функционирования законодатель, как правило, определяет такие, как: законность, равенство, гласность, справедливость [Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 31.12.1996; Федеральный закон № 2202-1 от 17.01.1992]. Однако содержание правовой доктрины, системный анализ законодательства Российской Федерации, практики его применения, показывает, что в данном ряду четко прослеживается потребность в закреплении и реализации универсального правового принципа уважения. Его нравственная сущность открывает иные возможности для прочтения права, в том числе, устанавливает необходимую скрепу с правосознанием общества, позволяет формировать его на высоком уровне. Приведем на этот счет некоторые доводы.

Как известно, правосознание может восприниматься не только как совокупность идей, взглядов, эмоций по поводу права, но и в качестве отражения чувствования правового мира, что впоследствии выражается в позиционировании соответствующего мировоззрения, иллюстрирующего юридический облик государства и общества [Байниязов 2008 : 3]. Полагаем, что демократически устроенное государство, а также общество, позиционирующее себя в качестве цивилизованного гражданского союза, при духовно-культурном восприятии права не может игнорировать идею уважения. Это, на наш взгляд, феномен, сочетающий в себе симбиоз духа и чувства права, формируемый на основе нравственной устойчивости, психологической и ментальной развитости индивида и позволяющий познать истинный смысл права.

Согласно толковым словарям русского языка «уважение» – это «чувство почтения, отношение, основанное на признании достоинства, высоких качеств кого-либо, его заслуг» [Ефремова 2008 : 600; Ушаков 2008 : 1090]. На законодательном уровне этот посыл проявляется в следующем. К примеру, в 2018 году утверждены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации, при этом поставлен приоритет по созданию комфортных условий для жизни граждан, возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека [Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018]. Полагаем, что данный посыл может быть интерпретирован как требование проявления со стороны органов государственной власти и публичного управления уважения к правам, свободам, законным интересам личности, что создаст необходимую основу для восприятия каждым человеком права в качестве регулятора, обеспечивающего его достойное существование. Необходимость прибегнуть к подобному авторскому варианту толкования нормы законодательства отчасти обусловлена тем, что в юридической и иной специальной литературе термин «уважение» понимается неоднозначно.

Без преувеличения можно сказать, что в числе инициаторов современной дискуссии относительно понимания сущности уважения, форм его проявления, можно выделить представителей Саратовской юридической школы: А. С. Мордовец, О. И. Цыбулевская и их ученики (А. Г. Репьев, О. Б. Власова [Власова 2011] и другие).

Так, А. С. Мордовец заложил не только основу понимания уважения через связь с достоинством личности, но и акцентировал внимание на его восприятии в качестве неотделимой составляющей правосознания [Мордовец 1994 : 100]. Мы солидарны с такой позицией, полагая, что наиболее полная характеристика феномена «уважение» может быть раскрыта исключительно через призму нравственной составляющей социальных отношений. Уважение – одно из важнейших требований этики, нравственности, такое отношение к людям, в котором практически признается достоинство личности.

Именно в таком ключе и в неразрывной связи с достоинством личности сегодня развивает в своих работках теорию уважения А. Г. Репьев [Репьев 2017 : 112]. Автор воспринимает уважение не только как идею, какое-либо начало, а возводит его в ранг неукоснительного нормативного предписания, и пишет, что уважение должно быть рассмотрено как «требование максимально почтительного отношения к личности, в котором признается и обеспечивается его честь и достоинство» [Репьев, Репьева 2018 : 78].

Весьма органично связала уважение, достоинство личности в конструкции феномена правосознания профессор О.И. Цыбулевская. Отмечая взаимообусловленный характер уважения и достоинства, автор на первый план поставила отношение конкретного индивида к этим благам, что «характеризует его духовный мир и интеллектуальный уровень» [Цыбулевская 2004 : 115].

В этом контексте уважение – значимая категория юридической науки. Социум, постепенно развиваясь, переживал эволюцию объектов уважения. Речь идет об уважении религиозных культов, уважении к старшим, уважении обычаев, уважении к власти, уважении к собственности (коллективной, частной) и т.д. Иными словами, уважение – важнейший, исторически сложившийся нравственный, религиозный и правовой регулятор общественных отношений.

Закономерно, что сегодня законодательство и правоприменительная практика содержат в своих текстах такие конструкты, как «уважительные причины», «уважительные обстоятельства» и др. На основе включения данных положений в правоотношения изменяется их характер, например, за счет установления послаблений для отдельных участников общественных отношений с общерегулятивных требований на дозволительные предписания, либо напротив – путем исключения юридических фактов из числа уважительных, отношения с общерегулятивных трансформируются в ограничительные. Так, пропущенный по уважительным причинам срок подачи заявления по вопросу «о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций», «может быть восстановлен судом» [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ : ч. 2 ст. 112].

Примером второго выступает положение Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающего, что в случае если гражданин, проживающий в помещении на основании решения суда использует его не по назначению, нарушает права соседей, при этом игнорирует соответ-

ствующие предупреждения, при этом продолжает «использовать жилое помещение не по назначению и без уважительных причин не проведет капитальный ремонт», данный гражданин подлежит выселению по решению суда [Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ : ч. 2 ст. 35].

Однако интерпретация и применение властными органами норм-изъятий и норм-дополнений, конструируемых на основе учета «уважительных причин», существенно разнятся, детерминируя правовые ошибки. Это становится возможным не только в силу их оценочного свойства, но и ввиду различия в уровне правосознания субъектов. Показательным является пример проявления почтительного отношения к субъекту, поведение которого, в свою очередь, подобным уважительным отношением не характеризуется. Речь может идти о лицах, преступивших закон, показавших свое неуважение обществу в виде игнорирования правил поведения, норм морали и пр. Однако к подобному субъекту, даже у условиях изоляции от общества, что является следствием его наказания за совершенное преступление, отношение должно быть максимально почтительным. Это следует из положений как норм международного права [международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 : ст. 10], так и отечественного законодательства [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ч. 2 ст. 7]. Уголовно-исполнительный кодекс РФ если и не перенасыщен нормами об уважительном отношении к осужденным, то по крайней мере прибегает к ним более десяти раз, на наш взгляд, не всегда соизмеряя подобное почтительное отношение с уровнем правосознания осужденного. Так, «при наличии уважительных причин уголовно-исполнительная инспекция вправе разрешить осужденному проработать в течение недели меньшее количество часов» [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ : ч. 2 ст. 27], чем установлено нормативами.

Тезисно изложенный материал позволяет очертить некоторые положения, претендующие на постановку проблемы:

- во-первых, власть вынуждена соизмерять с принципом уважения цели и задачи не только существующих отношений, но и социальных преобразований, учитывать потребности и интересы человека, стимулировать его социально-активное правомерное поведение. Пренебрежение названной закономерностью приводит к трудноразрешимым социальным последствиям;
- во-вторых, вместе с тем, универсальность принципа уважения, рассматриваемого и через призму прав и обязанностей личности, обеспечения ее правового положения, формирования правосознания и правовой культуры, рассматриваемого с позиции территориального мирового признака, далеко не всегда совпадает с оценкой его существенных, содержательных и ценностных свойств;
- в-третьих, обозначенная проблема актуализирует потребность комплексного исследования проблематики уважения, с различных позиций: и как правового принципа, и в качестве компонента формирования правового сознания общества, и в качестве нравственно-этического ценза для государственно-правового реформирования в целом.

Список литературы

1. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. 2-е изд., перераб. Саратов : СЮИ МВД России, 2008. 212 с.
2. Власова О. Б. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 56 с.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160000 слов. Т. 3. Р-Я. М. : АСТ : Астрель, 2006. 973 с.
4. Мордовец А. С., Магомедов А. А., Силантьева Л. В., Чинчиков А. А. Права человека и деятельность органов внутренних дел. Саратов : СВШ МВД РФ, 1994. 131 с.
5. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.
6. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество: диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
7. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2010. 672 с.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт, 2008. 1239 с.
9. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 220 с.

Сведения об авторе:

Гогитидзе Дарья Алексеевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

А. А. Дергунов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Россия

**ГРАДАЦИЯ ПОНЯТИЯ, ТЕРМИНА, ДЕФИНИЦИИ, КАТЕГОРИИ:
ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ
СИНТАГМЫ «ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО»**

A. A. Dergunov

Balakovo branch of the Saratov State Law Academy, Balakovo, Russia

**GRADATION OF THE CONCEPT, TERM, DEFINITION, CATEGORY:
LEGAL AND LINGUISTIC ANALYSIS ON THE EXAMPLE
OF THE SYNTAGMA "PROPERTY LAW"**

Аннотация. Проводится разграничение таких правовых феноменов, как «понятие», «термин», «дефиниция», «категория». Отмечается, что эти лексемы зачастую используются произвольно, без учета необходимой дифференциации. Их градация рассматривается на примере лексемы «преимущественное право», отражающей соответствующее научное понятие. Подчеркивается объективная невозможность создания единой легальной дефиниции «преимущественное право». Доказывается, что преимущественное право нельзя обозначать в качестве правовой категории, равно как и категории права.

Ключевые слова: преимущественное право, правовое понятие, юридический термин, легальная дефиниция, правовая категория, категория права

Abstract. The article distinguishes between such legal phenomena as "concept", "term", "definition", "category". It is noted that these lexemes are often used arbitrarily, without taking into account the necessary differentiation. Their gradation is considered on the example of the lexeme "preferential right", reflecting the corresponding scientific concept. The objective impossibility of creating a single legal definition of "preferential right" is emphasized. It is proved that the pre-emptive right cannot be designated as a legal category, as well as a category of law.

Keywords: preemptive right, legal concept, legal term, legal definition, legal category, category of law

Преимущественное право – юридический феномен, детерминированный сочетанием двух фундаментальных компонентов нормативной регуляции: права и преимущества.

Как справедливо отмечал М. И. Байтин, один из аспектов институционности права состоит в том, что образующие право нормы, создающиеся либо санкционируемые государством, объективируются в определенных знаковых системах [Байтин 2005 : 66].

По нашему мнению, институционность в проекции к упомянутым знаковым системам заключается в том, любая из названных форм права проявляется в словах, совокупность и полиформия комбинаций которых позволяет утверждать о праве как о тексте.

Н. А. Власенко пишет о том, что лексическую основу текста составляют слова («кирпичики»); словообразования (фразеологизмы, устойчивые словосочетания); грамматическое предложение [Власенко 2015 : 106-107].

В контексте юрико-лингвистического анализа преимущественного права несложно заметить, что словами, составляющими рассматриваемую синтагму, выступают «преимущество» и «право».

Преимущественное право тем самым представляет собой юридически значимое словосочетание, способствующее аккумуляции в себе сущностные качества составляющих его слов.

Восприятие преимущественного права в качестве словосочетания, получающего объективирование в нормативном тексте, закономерно обуславливает необходимость корреляции данного словосочетания с такими феноменами как правовое понятие, нормативный правовой термин, легальная дефиниция.

Как думается, преимущественное право не может претендовать на роль понятия; эта миссия принадлежит лексическому обороту «правовое преимущество».

Подобное объясняется несколькими факторами. В первую очередь необходимо учитывать стратификацию правовых понятий «на «понятия права», выраженные в текстах законов и иных нормативных правовых актов и «понятия науки права». Последние отражены в научных источниках (монографиях, научно-практических комментариях к законам и т.д.) [Власенко 2015 : 196].

Здесь с сожалением приходится констатировать коллизинность между юридической наукой и практикой, детерминированную либо некоторой идеалистичностью теоретического восприятия правовой действительности, либо отрицанием научных идей воззрений относительно явлений и процессов, происходящих в правовой системе.

Мониторинг российских нормативных правовых актов позволяет однозначно утверждать о том, что понятие «правовое преимущество» не закреплено в нормативном тексте законодательства современной России.

Соответственно, целесообразным будет восприятие понятия «правовое преимущество» как целого, от которого стратифицируются преимущественное право, льгота, привилегия, иммунитет, особая правовая процедура как части. Последние играют роль юридических, а точнее нормативно-правовых терминов, в которых и находит свое отражение правовое понятие. Подобного рода конструкцию (понятие, объективируемое в терминах) предлагает С.Ю. Суменков в проекции к исключениям в сфере правового регулирования [Суменков 2011 : 71-83].

По нашему мнению, преимущественное право также является юридическим термином, в которых отражаются определенные аспекты понятия «правовое преимущество» [Дергунов 2021 : 116-121].

Последний постулат нуждается, на наш взгляд, в дополнительном иллюстрировании. Так, «юридический термин слово (или словосочетание), точно обозначающее соответствующее юридическое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения» [Туралин 2010 : 43]. Безусловно, характеристики юридического термина не имеют догматического значения, однако их доктринальный характер позволяет, на наш взгляд, предложить концепт о соответствии им синтагмы «преимущественное право».

В частности, преимущественное право точно обозначает понятие правовое преимущество. В проекции к последнему оно выступает как нормативно зафиксированная возможность получения какого-либо блага; причем такой возможности, которая в доминанте своей подчеркнута недоступна иным субъектам.

Таким образом, преимущественное право детерминировано понятием «правовое преимущество», подразумевая собой реальный сегмент правовой действительности; преимущественное право является одним из основных и, соответственно, автономных элементов системы правовых преимуществ, имея при этом собственные подвиды; нормативная фиксация и юридическая оформленность преимущественного права позволяют определять его в качестве юридического (нормативно-правового) термина.

В этой связи закономерно возникает вопрос о необходимости дефинирования термина «преимущественное право».

«Легальные дефиниции – это определения, данные законодателем, иными правотворческими органами, судами в принимаемых ими правовых актах, вынесенных в пределах компетенции этих органов» [Апт, 2010 : 33].

В проекции к данному выводу стоит подчеркнуть, что легальные дефиниции могут быть как в актах официального толкования, так и в законодательных актах. Соответственно, в проекции к преимущественному праву, его дефиниции могут содержаться как в правоинтерпретационных, так и нормативных актах. Только последние могут оцениваться в качестве нормативных дефиниций.

Однако надо понимать, что не все нормы, содержащие словосочетание «преимущественное право» обязательно выступают именно как дефинитивные. Некоторые содержат порядок и условия реализации преимущественного права и скорее являются нормами-правилами поведения, непосредственно регулирующими общественные отношения.

По нашему мнению, взаимосвязь и взаимозависимость абстрактности и конкретности детерминирует: а) нереальность буквальная регламентации каждого отдельного казуса (этому объективно препятствует должная абстрактность нормы); б) невозможность закрепления в норме абсолютно абстрактной, предельно обобщенной дефиниции, ибо это противоречит самой регулятивной природе права, в которой наряду с нормами-правилами поведения, участвуют и исходные (отправные, учредительные) нормы, в том числе и нормы-дефиниции) [Байтин 1987 : 23–24].

Как думается, разработка и предложение максимально общих (абстрактных) понятий (а на их основе и дефиниций) – это прямая и непосредственная задача юридической науки, в частности общей теории права [Васильев 1975].

Принцип научности правотворчества как раз и состоит в том числе в предложении той или иной дефиниции, имплементации ее в правотворчество, а затем уже реализация в правоприменении и разъяснении в ходе правоинтерпретации.

Безусловно, подобное относится и к выработке дефиниции преимущественного права, в силу объективно существующей многочисленности употребления данного термина в действующем законодательстве, и, соответственно, применения на практике.

Также, на наш взгляд, именно общая теория права способна дать ответ на вопрос о возможности обозначения преимущественного права в качестве категории. Последняя представляет собой «научное понятие, выражающее собой наиболее общие свойства и связи явлений действительности» [Ожегов 1987 : 219].

А.М. Васильев предложил стратифицировать категории на правовые категории и категории права. Первые необходимы для познания окружающей действительности; вторые востребованы в правовом регулировании [Васильев 1976 : 91, 93].

Безусловно, нельзя не признать, что преимущественное право отвечает основным атрибутам категории права, предложенным А.М. Васильевым: превращение в общеобязательные государственные установления; выполнение роли средства государственного регулирования общественных отношений; способность переводить абстрактные требования на уровень практических действий [Васильев 1976 : 91, 93].

В тоже время, как уже доказано, преимущественное право нельзя характеризовать как понятие юридической науки. Поэтому наша принципиальная позиция состоит в том, что наличие вариаций легальных дефиниций преимущественного права, закрепленных соответственно в нормативном тексте, не превращает данное словосочетание в категорию права. По образному выражению Ф. Энгельса, «определение бывает часто полезно и необходимо, да оно и не может навредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» [Маркс, Энгельс : 20 : 635].

На настоящий момент преимущественное право все же целесообразней воспринимать именно как нормативный термин, посредством которого в право имплементируется легальная дефиниция.

Резюмируя все вышесказанное, хотелось бы отметить следующее.

Обозначение преимущественного права как лексического оборота детерминирует его корреляцию с таким феноменом как правовое преимущество. Последнее олицетворяет собой правовое понятие, имеющее сугубо доктринальное значение, обозначаемое в юридической науке как «понятие науки права».

Преимущественное право не является правовым понятием, относящимся к юридической доктрине либо практике. При этом можно констатировать наличие терминосистемы правовых преимуществ, ядром которой как раз и выступает правовое преимущество, как исключительно научное, но не сугубо умозрительное понятие.

Преимущественное право включено терминосистему правовых преимуществ, что позволяет рассматривать преимущественное право в качестве нормативно-правового (юридического) термина. В таком аспекте, преимущественное право отличается строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием, отражает определенный сегмент понятия правового преимущества, воплощая собой предусмотренную возможность получения имущественного либо неимущественного блага. Преимущественное право как специфический юридический термин занимает свое собственное автономное место, как в системе правовых преимуществ, так и в правовых актах нормативного и правоприменительного ракурса.

Внедрение преимущественного права в текст нормативного источника обуславливает позиционирование его в качестве легальной дефиниции. Некоторые нормы, содержащие лексему преимущественное право, действительно обладают дефинитивным характером, настолько, насколько это позволяет сочетание в праве абстрактного и конкретного. Другие нормы, также оперирующие названным термином, выступают как нормы-правила поведения, в большинстве своем регламентирующие порядок реализации предоставленного преимущественного права.

Список литературы

1. Апт Л. Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М. : Российская академия правосудия, 2010. 236 с.
2. Байтин М. И. Сущность и понятие советского права // Нормы советского права (проблемы теории) / под ред. В. К. Бабаева, М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 4–65.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
4. Васильев А. М. Категории теории права (К разработке понятийной системы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. 39 с.

5. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 264 с.
6. Власенко Н. А. Избранное. М. : Норма, 2015. 671 с.
7. Губасва Т. В. Словесность в юриспруденции : учебник для вузов по направлению и специальности «Юриспруденция». Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. 300 с.
8. Дергунов А. А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 116–121.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. Анти-Дюринг, Диалектика природы. М. : Политиздат, 1961. 827 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1987. 750 с.
11. Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83.
12. Турагин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования. М. : Изд-во СГУ, 2010. 260 с.

Сведения об авторе:

Дергунов Александр Алексеевич, заместитель директора по учебно-воспитательной и социальной работе Балаковского филиала Саратовской государственной юридической академии, г. Балаково, Россия; соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия.

Г. Н. Дудко

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБ КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

G. N. Dudko

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

THE LINGUISTIC WAY OF CASUAL INTERPRETATION OF LAW

Аннотация. Отстаивается позиция, согласно которой языковой способ казуального толкования юридических норм выступает универсальным инструментом указанного вида деятельности. Он сопровождает каждый правореализационный процесс и позволяет при помощи правил грамматики, синтаксиса, пунктуации, морфологии, орфографии установить значение юридических терминов и выражений, закрепленных в нормативных правовых актах. Утверждается, что для казуального толкования характерно свойство незаметности, которое напрямую зависит от субъекта толкования, а также от целей толкования.

Ключевые слова: языковой способ толкования права, казуальное толкование права, казус, интерпретация права, правореализация

Abstract. The article proves that the linguistic method of casual interpretation of legal norms is a universal tool for this type of activity. It accompanies each law enforcement process and allows, using the rules of grammar, syntax, punctuation, morphology, spelling, to establish the meaning of legal terms and expressions enshrined in regulatory legal acts. It is argued that casual interpretation is characterized by invisibility, which directly depends on the subject of interpretation, as well as on the goals of interpretation.

Keywords: linguistic ways of interpreting law, causal interpretation of law, case, interpretation of law, law enforcement

Язык права представляет собой систему языковых знаков, посредством которых в определенном объеме и содержании формулируются правила поведения, передается смысл нормативных правовых предписаний, происходит моделирование объективной действительности. Он позволяет более точно изложить правовую информацию за счет требования формальной определенности права, при этом испытывает на себе влияние объективных факторов окружающей реальности, и сам же влияет на ее определение через регламентацию общественных отношений.

Стоит отметить, что в научной литературе существуют мнения, отрицающие самостоятельный статус языка права за счет отсутствия у него собственных словаря, грамматики, а потому за указанным названием скрывается лишь стиль правовых актов [Герцог 2011: 15]. Но А. Ю. Кошелева утверждает, что язык права является искусственным языком, т.е. сформированным специально для достижения заранее поставленных целей, и основанном на языке естественном. При этом для искусственных языков в целом характерно использование собственных словарей, синтаксиса и грамматики. Именно поэтому причисление языка права к подобной разновидности кажется неочевидной на первый взгляд, поскольку грамматика, синтаксис и словарь юридического и естественного языка полностью совпадают [Кошелева 2013: 175]. Так, в ходе осуществления правотворческой деятельности соответствующий субъект заимствует указанные составляющие из естественного языка и как бы переводит их в систему юридических понятий и терминов в целях формирования системы единообразных смыслов и значений, употребляемых в как можно большем количестве жизненных ситуаций. Поэтому естественный язык выступает источником искусственного языка права.

При этом формулируемые правотворческим субъектом правила поведения рассчитаны не только на юристов – профессионалов, но и в целом на население, а потому они должны быть понятными и интуитивно очевидными по своему значению, исходя из здравого смысла [Музыка, Багиров 2009 :45]. Такое положение способно обеспечить эффективность регулятивного предназначения права, в том числе и возможность самоисполняемости субъектами общественных отношений норм права. Исходя из этого, к тексту нормативных правовых актов предъявляются требования понятности, ясности, разумности и т.п., а также соответствие правил поведения реальной действительности.

В обратном случае на практике возникает масса проблем, которые возможно разрешить посредством осуществления казуального толкования права.

По нашему мнению, казуальное толкование юридических норм представляет собой интеллектуально-волевую деятельность, осуществляемую любым заинтересованным лицом и направленную на выяснение смысла содержания юридических норм применительно к конкретной жизненной ситуации. Вопросы и проблемы, связанные с толкованием права вообще, являются «вечно актуальными». Ведь правильность и обоснованность толкования выступает неперенным условием для эффективной реализации норм права, обеспечения законности и правопорядка в обществе и государстве.

Очевидно, что большинство юридических норм характеризуется абстрактным характером, в связи с чем они нуждаются в выяснении их смысла применительно к определенным субъектам и жизненным обстоятельствам. Справедливо мнение А. Н. Верещагина о том, что нормы права формируют «коридор» приемлемых с точки зрения законодательства вариантов поведения [Верещагин 2004 :41]. Это побуждает людей в процессе правореализации точно выяснить смысл применимой нормы права для того, чтобы обозначить пределы своей свободы и легально достичь поставленных целей. Равным образом подобный процесс выяснения смысла нормы права происходит и в рамках юридической квалификации, когда компетентный интерпретатор соотносит содержание юридической нормы с установленными фактическими обстоятельствами по делу [Беляева 2004, 149 :39].

Иными словами, содержание самого права находится в прямой зависимости от жизненных обстоятельств, поскольку оно не может игнорировать их. Объективным кажется факт того, что законодатель в ряде случаев считает более правильным не производить тотальную регламентацию отдельных общественных отношений и оставляет, таким образом, возможность некоторой степени свободы субъектам правореализационной практики в части выяснения смысла содержания юридической нормы применительно к определенным жизненным обстоятельствам, фактам, ситуациям.

Однако в юридической литературе находятся и противники этого положения, считающие, что дальнейшая конкретизация юридической нормы возможна только в рамках правотворческой деятельности [Дюрягин 1972 :144]. Также высказываются разные точки зрения относительно применения конкретизации в рамках правоприменения, в частности: ее необходимость должна быть предусмотрена законодателем [Комиссаров 1969 :51]; конкретизация – это необходимый компонент механизма правового регулирования [Братусь 1975 : 132].

По нашему мнению, М.В. Залоило справедливо доказывает, что конкретизация права возможна и в рамках правореализационной практики, поскольку она предполагает необходимость уточнения сферы действия той или иной юридической нормы при условии, что само ее содержание не изменяется [Залоило 2012 :55]. Ведь сформулированная правотворческим субъектом относительно определенная, абстрактная норма как бы подразумевает необходимость выведения из нее более конкретного правила поведения, поскольку без этого вряд ли можно говорить о возможности реального осуществления юридической нормы в жизнь.

Взять хотя бы закрепленные в нормах права термины, принципы, оценочные понятия, а также объективный факт наличия противоречий и пробелов в действующем законодательстве. Правореализационная практика не исключает ситуаций, когда общественные отношения частично либо полностью не урегулированы нормой права, либо существует ряд юридических норм, которые по-разному подходят к регламентации одних и тех же жизненных ситуаций. И здесь особое значение конечно же приобретает правоприменительная практика, поскольку общеизвестно, что суд не может отказать в правосудии, основываясь на отсутствие нормы права. Для того, чтобы решить поставленную задачу предусмотрены правила применения аналогии права, закона, способы преодоления юридических коллизий, различные способы толкования права. В большинстве случаев, их использование входит в компетенцию именно судебных органов, поскольку они являются носителями значительного опыта в части применения права. Здесь продлевается серьезная работа по выяснению смысла содержания применимой нормы либо принципа права, либо выяснения соответствующего способа, позволяющего преодолеть имеющееся в правовом регулировании противоречие.

В случае же с оценочными понятиями правотворческий субъект сознательно их использует для того, чтобы правоприменитель при возникновении необходимости детализировал их содержание применительно к фактическим данным [Кашанина 1974 :16]. Задача состоит не только в том, чтобы выяснить волю правотворца, но и додумать содержание нормы права, так, чтобы она «работала» на практике [Лазарев 1976 :12]. Иными словами, казуальное толкование предоставляет возможность осуществить переход от абстрактно сформулированных нормативных предписаний к конкретным жизненным ситуациям [Кандыбко 2012 :42].

В связи с этим особую значимость приобретает исследование языкового способа казуального толкования, поскольку последний оказывается способным решить ряд проблем, к числу которых, в частности, относятся: отсутствие нормативно закрепленных правил и принципов толкования права, влияние субъективных факторов на интерпретационные процессы, недостаточная разработка

целостной и непротиворечивой теории толкования правовых явлений. По мнению Е.В. Пирмаева, языковое толкование представляет собой осуществляемое в особом законодательно установленном порядке компетентными субъектами разъяснение смысла содержания норм права, выраженного в акте толкования, имеющего обязательный характер [Пирмаев 2010 :35]. Согласимся с мнением А.Н. Шепелева, который указанный способ толкования определяет как инструмент анализа юридического текста посредством использования языковых правил грамматики, синтаксиса, пунктуации, морфологии, орфографии и др. [Шепелев 2011 :373].

Думается, что языковой способ казуального толкования выступает одним из наиболее востребованных и популярных в правоприменительной практике, поскольку он позволяет точно определить значение употребляемых в нормативном тексте слов и выражений, выверить смысл целых предложений с учетом правил пунктуации. Собственно, само казуальное толкование осуществляется в границах конкретного случая, оно носит интеллектуально-волевой характер. Оно направлено на выяснение смысла содержания нормы (норм) права, подлежащих применению в этой ситуации. Если речь идет об официальной разновидности казуального толкования (например, судебное разбирательство), то его результаты отражаются в мотивировочной части решения, придавая, таким образом, большую степень аргументированности принятого по делу решения [Вопленко 1976 :92]. Соответственно в результате проведенной интерпретационной деятельности у ее субъекта не должно быть сомнений относительно смысловой трактовки примененной нормы права.

Этот способ толкования необходим при наличии следующих оснований: абстрактный характер изложения норм права, использование специально-юридического языка при формулировании нормативных предписаний. Языковой способ казуального толкования как бы завершает процесс юридической квалификации конкретного жизненного случая, выступая, таким образом, инструментом предупреждения и устранения ошибок. Можно сказать, что данный способ толкования является универсальным, поскольку он охватывает все стороны правоприменительной практики.

Суть языкового способа толкования состоит в анализе, разборе текста нормативного правового акта с установлением значения и смысла каждого используемого слова, а также контекста употребления.

Неточность либо вовсе неправильное использование того или иного термина в тексте нормативного правового акта может привести, в конечном счете, к неправильному его истолкованию. В связи с чем в юридической практике и литературе сформировались определенные правила языкового толкования норм права, к которым относятся:

- 1) придание словам и выражениям, закрепленным в законодательстве, общеупотребимого значения при отсутствии оснований для иной интерпретации;
- 2) приоритет легальной дефиниции термина или понятия, даже в случае ее противоречия значению, имеющемуся в быденном языке;
- 3) запрет на перенос без достаточных оснований смыслового значения термина, данного в одной отрасли законодательства, на другие;
- 5) использование сформированного в юридической науке и практике значения термина при отсутствии его легального определения;
- 6) придание техническим и иным подобным терминам значения, которое они имеют в своих отраслях знания;
- 7) использование одинакового значения для одних и тех же терминов и формулировок, указанных в одном нормативном правовом акте, и наоборот запрет на употребление разных терминов и формулировок в одном и том же значении без весомых оснований;
- 8) недопустимость толкования норм права таким образом, чтобы отдельные ее слова, выражения или положения рассматривались как лишние;
- 9) придание закладываемого правотворческим субъектам в момент издания нормативного правового акта значения используемым в нем словам и выражениям;
- 10) использование синтаксических правил языка при установлении значения сложных выражений [Черданцев 1979 :42].

Обобщая указанные правила, используемые в рамках языкового толкования, можно прийти к выводу о том, что они должны учитывать специфику самого языка права, а также уже имеющуюся юридическую практику.

Хочется также отметить следующее: в юридической литературе заявляется, что зачастую на практике интерпретация норм права происходит незаметно, как бы «автоматически» для самого интерпретатора. Оно представляет само собой разумеющееся действие, следующее вслед за процессом ознакомления с текстом нормативного правового акта [Пиголкин 2005 :27]. Причем это свойство незаметности напрямую зависит от субъекта (насколько он «юридически подкован») и целей толкования («для себя» или «для других»). Очевидно первостепенное значение статуса интерпретационного субъекта с точки зрения оценки последствий и характера результатов толкования юридических норм. Ведь в рамках одного дела могут интерпретировать одну и ту же норму несколько

субъектов, последствия их работы будет неодинаковыми. Приведем недавний пример из практики. Оговоримся для начала, что согласно ч. 3 ст. 36, ч. 2 ст. 40 Жилищного кодекса РФ уменьшение путем реконструкции, а также реконструкция общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников этого дома. Исходя из данных норм, их смысл, казалось бы, достаточно ясно вытекает из содержания. При этом на деле оказалось все гораздо сложнее настолько, что стороны, которые по-разному истолковали указанную норму, дошли до Верховного Суда РФ.

Фактические обстоятельства дела были следующими: Гаврилова А. А. увеличила площадь собственной квартиры за счет ниши в лифтовом холе многоквартирного дома. Ее соседка Калашникова Н.А. пожаловалась по этому поводу в Госжилинспекцию, которая предписала товариществу собственников недвижимости «Фристайл» ликвидировать возведенную перегородку. Вместо этого, оно провело собрание собственников, по результатам которого более 80 % жильцов этого многоквартирного дома согласились отдать указанную часть лестничной площадки в безвозмездное пользование Гавриловой А.А. сроком на 49 лет. Однако Калашникова Н. А. подала иск на Гаврилову А.А. и на товарищество собственников недвижимости «Фристайл» и в основание своих требований указала, что как собственница квартиры она вправе пользоваться общедомовым имуществом, к числу которого и относится перегородочная ниша на лестничной площадке дома. Заявительнице было отказано в удовлетворении ее требований. Такую же позицию приняли суды апелляционной и кассационной инстанций. Однако Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ решение суда первой инстанции, а также определения судов апелляционной и кассационной инстанций были отменены и дело направили на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку нижестоящими судами были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, которые повлияли на исход дела. В частности, ими не было учтено, что межквартирная лестничная площадка представляет собой составную часть общего имущества в многоквартирном доме. Ее реконструкция, перепланировка, повлекшие уменьшение ее площади, как и непосредственное распоряжение ею требуют согласия всех собственников дома. Однако на собрании решение не было принято единогласно, а значит его следует признать недействительным [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2022 № 5-КГ21-153-К2].

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Язык права представляет собой систему языковых знаков, посредством которых в определенном объеме и содержании формулируются правила поведения, передается смысл нормативных правовых предписаний, происходит моделирование объективной действительности. Он является искусственным языком, что обуславливает кропотливую работу в части выяснения смысла языковых единиц в процессе правореализации.

2. Казуальное толкование юридических норм представляет собой интеллектуально-волевою деятельность, осуществляемую любым заинтересованным лицом и направленную на выяснение смысла содержания юридических норм применительно к конкретной жизненной ситуации.

3. Одним из универсальных способов казуального толкования является языковой, представляющий собой инструмент анализа юридического текста посредством использования грамматических, синтаксических, пунктуационных и т.п. правил. Его суть определяется необходимостью установления значения и смысла каждого используемого в нормативном правовом акте слова, а также контекста употребления.

4. Казуальному толкованию может подлежать любая юридическая норма, поскольку ее необходимо применять к конкретным обстоятельствам. Этот вид деятельности обладает свойством незаметности, которое напрямую зависит от субъекта толкования, а также от целей толкования. При этом в зависимости от статуса интерпретационного субъекта будут различаться последствия и характер результата толкования.

Список литературы

1. Беляева О. М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 6. С. 39–47.
2. Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М. : Междунар. отношения, 2004. 344 с.
3. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М. : Юрид. лит., 1976. 118 с.
4. Герцог Т. Ю. Роль языка права в формировании правовой функциональной грамотности // Актуальные проблемы правоведения. 2011. № 2 (30). С. 13–16.
5. Дюрягин И. Я. К теории применения права. Рецензия на книгу: В. В. Лазарева «Применение советского права». Казань, 1972 // Правоведение. 1972. № 6. С. 142–145.
6. Залоило М. В. Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 50–57.

7. Кандыбко А. И. «Параллельное право» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 2. С. 40–47.
8. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 17 с.
9. Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49–56.
10. Кошелева А. Ю. Язык права: формирование символов и влияние на реальность // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 1 (102). С. 173–181.
11. Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
12. Музыка А. А., Багиров С. Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. Хмельницкий : Изд-во Хмельницкого ун-та управл. и права, 2009. 136 с.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2022 г. № 5-КГ21-153-К2 // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18012022-n-5-kg21-153-k2/> (дата обращения: 10.02.2022).
14. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Гос. изд-во юрид. лит.-ры, 1962. 166 с.
15. Пирмаев Е. В. Языковой способ толкования как способ реализации и дальнейшего совершенствования права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 1. С. 35–36.
16. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М. : Юрид. лит., 1975. 328 с.
17. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М. : Юрид. лит., 1979. 168 с.
18. Шепелев А. Н. Языковое толкование судом // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 12 (104). С. 371–375.

Сведения об авторе:

Дудко Георгий Николаевич, аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии; адвокат, управляющий партнер Бюро «Дудко и партнеры», г. Саратов, Россия.

А. В. Игнатьева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ФИКТИВНЫЙ РАЗВОД КАК ФОРМА ОБХОДА ЗАКОНА

A. V. Ignatieva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs the Russian Federation,
Moscow, Russia

FICTIVE DIVORCE AS A FORM TO CIRCUMVENTION OF THE LAW

Аннотация. Рассматривается фиктивный развод как форма обхода закона с правовой точки зрения и как распространенное явление современности – с общесоциальной. Автором исследуются детерминанты совершения фиктивного расторжения брака, приводится судебная практика, на основании чего формулируется вывод о целесообразности правовой регламентации положений о фиктивном разводе.

Ключевые слова: обход закона, развод, расторжение брака, фиктивный, злоупотребление правом

Abstract. The article considers fictitious divorce as a form of circumvention of the law from a legal point of view, and as a common phenomenon of modernity – from a general social point of view. The author examines the determinants of the fictitious dissolution of marriage, provides judicial practice, on the basis of which a conclusion is formulated about the expediency of legal regulation of the provisions on fictitious divorce.

Keywords: circumvention of the law, divorce, dissolution of marriage, fictitious, abuse of law

В настоящее время существует множество нормативных правовых актов, регулирующих отдельные социальные сферы жизнедеятельности общества. Однако нередко ситуации, вызванные стремлением к излишней юридической детализации, либо напротив обусловленные отсутствием нормативного воздействия на отношения, детерминируют такие формы поведения, как обход закона [Сенякин 2022, 9 : 272-284]. Мотивами данной разновидности правового поведения могут быть противоправные устремления, среди которых преобладают корыстные цели. К сожалению, сфера семейных отношений имеет ряд недоработок, что влечет обход Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [Федеральный закон № 223-ФЗ от 29.12.1995]. Распространённой формой вышеуказанного поведения выступает фиктивный развод, особый интерес к которому проявляется с учётом постоянного совершенствования иного федерального законодательства и принятия подзаконных правовых актов.

В соответствии со статистическими данными, представленными Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации на начало 2022 г. с конца 2021 г. к рассмотрению осталось 42 911 дел о разводе, при этом только за первое полугодие 2022 г. поступило 256 202 дел о расторжении брака [Сводные статистические сведения 2022]. Причины разводов различны и выделить случаи фиктивного развода в общей статистике невозможно, однако, практика показывает, что на сегодняшний день, такое явление встречается довольно-таки часто.

Отсутствие регламентации фиктивного развода в положениях отечественного законодательства вызывает некоторые споры, как в теории, так и на практике, что ведет к обходу закона. В частности, спорным является вопрос об определении данного явления в положениях СК РФ, по правилам мнимой и притворной сделки по ч. 2 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994], доказывания такой фиктивности и определении ответственности за неё ввиду отсутствия чётких положений о фиктивном разводе в законодательстве.

По справедливому замечанию Х.А. Сунгуровой и С.А. Сулеймановой, фиктивные правоотношения необходимо урегулировать, прежде всего, для предупреждения их латентных проявлений [Сунгурова 2019, 5 : 98-99], что можно соотнести и с таким их подвидом, как – фиктивный развод.

Вопрос о причинах фиктивного развода является спорным.

В частности, по мнению Е. А. Лагуновой, фиктивный развод совершается для сокрытия имущества, доходов; улучшения жилищных условий; для беспрепятственного осуществления государственной службы [Лагунова 2019, 4 : 54].

В. В. Копылов и А. Н. Виноградов считают, что распространённой причиной фиктивного развода является конфликт интересов на государственной службе [Копылов 2019, 3 : 60].

А. Ф. Фаряхова акцентирует внимание на том, что фиктивный развод инициируется для получения материальной поддержки и улучшения своего материального и жилищного положения [Фаряхова 2017, 6 : 66].

Обширное исследование фиктивного развода было произведено И.В. Филлимоновой. Помимо всех уже ранее обозначенных причин, автор выделяет участие в государственных программах, приводя в пример программы для молодых семей. Так, семьи, где возраст супругов менее 35 лет, могут получить некоторые привилегии от государства и зачастую граждане, осознавая возможность получения жилья, ипотеки под небольшой процент, социальных выплат, совершают фиктивные разводы, что автором определяются как «негативные явления семейно-правовой практики» [Филлимонова 2015, 7 : 120].

Анализ многочисленных источников позволяет обозначить, что в обобщённом виде, наиболее распространёнными причинами фиктивного развода являются: вопросы, связанные с имуществом; жилищными отношениями; социальным обеспечением; предпринимательской деятельностью; прохождением государственной службы.

Определение фиктивности развода представляет собой весьма сложный процесс, который связан установлением правдивости реализации субъективного права супруга на расторжение брака. Фактически, в основе любого расторжения могут находиться любые причины (ссоры, скандалы и пр.), при этом, так или иначе, при фиктивном и обычном разводе, супруги могут приобретать для себя выгоду, однако, при первом она тесно связана с положениями законодательства, подзаконных и иных актов, а также предполагается сохранение фактических брачных отношений, несмотря на наличие официального развода.

Позитивными последствиями фиктивного развода для супругов является удовлетворение собственных потребностей при реальном сохранении брачно-семейных отношений. Негативный аспект выражается в том, что лица перестают иметь статус «супругов», что предполагает возникновение для них некоторых спорных моментов в части совместного проживания и ведения общего хозяйства, общей совместной собственности, определения вопросов, связанных с детьми и пр.

Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что в последнее время бывшие супруги зачастую обращаются в суд за начислением пенсии по потере кормильца, определяя фиктивность развода. К примеру, в решении Ровеньского районного суда Белгородской области от 15 апреля 2020 г. по делу № 2-196/2020 [Решение Ровеньского районного суда Белгородской области], истец указывала, что развод между супругами являлся фиктивным, основное существование её и семьи осуществлялось за счёт умершего супруга. Причиной фиктивного развода явилось условие родственников умершего супруга о расторжении брака и вступлении в наследство. При этом, суд расценил показания истца как неправдивые и направленные на получение материальной выгоды – пенсии по потере кормильца и в удовлетворении исковых требований отказал.

Аналогичная ситуация была в решении Мичуринского городского суда Тамбовской области от 10 октября 2018 г. по делу № 2-1493/2018 [Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области], однако, суд принял противоположное решение. Истец указывал на то, что находилась на иждивении своего бывшего мужа, с которым они фактически совместно проживали. Суд указал, что сама формулировка «фиктивный развод» в отличие от «фиктивного брака» не закреплена законодательно, однако, по аналогии можно считать, что расторжение брака можно признать недействительным ввиду его фиктивности, когда супруги расторгают брак «только для видимости» и фактически продолжают семейные отношения. К тому же, свидетели указали, что никто не знал, что брак между истцом и ответчиком был расторгнут, суд признал брак действительным, установил факт нахождения истца на иждивении умершей и обязал назначить ей пенсию по потере кормильца.

Решением Мостовского районного суда Краснодарского края от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-1078/2019 [Решением Мостовского районного суда Краснодарского края], требования истца были удовлетворены частично и за ней были признаны супружеские доли в совместно нажитом имуществе по ½ доле. Из решения следует, что супруги оформили фиктивный развод, но проживали совместно и вели совместное хозяйство, в соответствии с чем, потребность в разделе имущества отсутствовала. Факт совместного проживания бывших супругов подтверждается оплатой расходов истцом на содержание дома и коммунальных платежей. Узнав, что умерший супруг оформил завещание на внучку, истец обратилась в суд за признанием имущества совместно нажитым.

Как правило, негативные последствия фиктивного развода возникают всегда, несмотря на первоначальное наличие позитивных. В соответствии с этим, возникает вопрос о справедливости

защиты субъекта, оформившего фиктивный развод. В действительности это является обходом закона, что должно исключать защиту недобросовестного субъекта, однако, отсутствие прямого указания в законе на «фиктивный развод» исключает восприятие таких действий в качестве злоупотребления.

Таким образом, на протяжении длительного временного периода имеется необходимость в правовой регламентации фиктивного развода. В положения СК РФ следует ввести ст. 27.1 под наименованием «Признание развода недействительным», где необходимо указать, что фиктивным разводом признаётся умышленное расторжение брака, связанное с получением выгоды материального и нематериального характера, при котором супруги остаются в фактических брачных отношениях. В статье необходимо конкретизировать, что на основании решения суда брак может быть признан фиктивным. Также следует обозначить, что в случае реализации гражданами фиктивного расторжения брака, им или одному из супругов может быть отказано в защите принадлежащего права полностью.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Копылов В. В., Виноградов А. Н. Использование фиктивного развода как способа урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел РФ в современной России. Тверь : ИП Боярченков Сергей Александрович, 2018. С. 57–60.
4. Лагунова Е. А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). С. 50–56.
5. Сунгурова Х. А., Сулейманова С. А. Фиктивные семейно-правовые состояния // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 98–100.
6. Фаряхова А. Ф. Фиктивный развод как способ получения материальной поддержки // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2 (15). С. 65–66.
7. Филимонова И. В. Фиктивный брак и фиктивный развод как виды фиктивных семейно-правовых состояний // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1 (9). С. 120–124.
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL.: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Сенякин И. Н., Репьев А. Г., Торчилин К. Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272–284.
10. Решение Ровеньского районного суда Белгородской области от 15 апреля 2020 г. по делу № 2-196/2020 // Правосудие.
11. Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 10 октября 2018 г. по делу № 2-1493/2018 // Правосудие.
12. Решением Мостовского районного суда Краснодарского края от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-1078/2019 // Правосудие.

Сведения об авторе

Игнатьева Александра Валентиновна, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Е. А. Казакова

Управление Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области,
г. Пенза, Россия

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ

E. A. Kazakova

Office of the Federal Antimonopoly Service of Penza region, Penza, Russia

CHANGES IN PROCUREMENT LEGISLATION AND APPLICATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Аннотация. Анализируются возникающие в практике вопросы привлечения к административной ответственности с точки зрения изменений законодательства о контрактной системе, даны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: закупка, контрактная система, изменения законодательства, административная ответственность

Abstract. The article analyzes the issues of bringing to administrative responsibility in terms of changes in the legislation on the contract system. Proposals for improving the current legislation are given.

Keywords: procurement, contract system, changes in legislation, administrative responsibility

5 апреля 2023 года специалисты, связанные с закупками для государственных и муниципальных нужд, отметили символический юбилей – 10 лет с момента принятия значимого Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), установившего правила работы отрасли на многие годы.

В Закон о контрактной системе на протяжении его срока действия неоднократно вносились многочисленные изменения. Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ были внесены колоссальные изменения, направленные на оптимизацию процесса осуществления закупок. Изменения затронули многие аспекты сферы регулирования Закона о контрактной системе, в том числе сократили количество конкурентных способов осуществления закупок, предусмотрели обязанность заказчиков по предъявлению единых требований к участникам закупки в рамках части 1 статьи 31 Закона при проведении не только конкурентных закупок, но и закупок у единственного поставщика, ввели универсальную предквалификацию для участников закупок.

Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ были внесены также изменения, касающиеся процедурных моментов, подробная регламентация проведения электронных конкурсов и аукционов, введен механизм одностороннего отказа заказчика и поставщика от исполнения контракта через ЕИС, механизм электронного активирования, т.е. сфера государственного заказа становится еще более прозрачной, что в конечном итоге направлено на повышение конкуренции и как следствие результативности и эффективности удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ вступали в силу постепенно с 01.01.2022, 01.04.2022, 01.07.2022 с учетом необходимости переходного периода как с точки зрения готовности участников контрактной системы, так и с точки зрения готовности технического обеспечения работы ЕИС.

Кроме самого Закона о контрактной системе изменениям подверглись и подзаконные акты, так были приняты новые постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правитель-

ства Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20.12.2021 № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации», изменения внесены в постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Учитывая, что нормативная база действительно обновилась в значительной части, при этом сравнивать механизмы работы редакций Закона о контрактной системе с точки зрения обобщения правоприменительной практики сложно, т.к. в настоящее время существует незначительное количество судебной практики, из анализа которой можно сделать определенные объективные выводы по конкретным темам.

В данной статье мы бы хотели рассмотреть возникающие в практике вопросы привлечения к административной ответственности в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) с точки зрения изменений законодательства о контрактной системе, внесенных Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ.

С 01.01.2022 утратили силу среди прочих статьи 53 – 59, 63 – 69 Закона о контрактной системе в связи с принятием Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ.

При этом статьи 54.1, 54.3, 59, 64 Закона о контрактной системе содержали понятие конкурсной документации и документации об электронном аукционе.

В настоящее время в связи с внесенными изменениями понятие «документация» применимо исключительно к закрытым закупкам.

На примере электронного аукциона в силу недействующих с 01.01.2022 года пунктов 1, 2 части 1, части 4 статьи 64 Закона о контрактной системе¹, **документация** об электронном аукционе наряду с информацией, указанной в извещении о проведении такого аукциона, должна содержать:

- наименование и описание объекта закупки и условия контракта в соответствии со статьей 33 настоящего Федерального закона;
- обоснование начальной (максимальной) цены контракта;
- требования к содержанию, составу заявки на участие в таком аукционе в соответствии с частями 3 - 6 статьи 66 настоящего Федерального закона и инструкцию по ее заполнению;
- к документации об электронном аукционе прилагается проект контракта, который является неотъемлемой частью этой документации.

Действующей редакцией статьи 42 Закона о контрактной системе предусмотрено, что извещение об осуществлении закупки, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, должно содержать следующие **электронные документы**:

- описание объекта закупки в соответствии со статьей 33 настоящего Федерального закона;
- обоснование начальной (максимальной) цены контракта;
- требования к содержанию, составу заявки на участие в закупке в соответствии с настоящим Федеральным законом и инструкцию по ее заполнению;
- проект контракта.

Таким образом, Закон о контрактной системе в настоящее время предусматривает обязательное включение в состав извещения о проведении электронного аукциона в качестве электронных документов абсолютно тех же самых документов, которые ранее входили в понятие «документация об электронном аукционе».

Более того, требование к сути и содержанию данных электронных документов не изменились и строятся на тех же самых принципах и статьях, например, статья 33 Закона о контрактной системе регулирует правила описания объекта закупки, статья 34 Закона – содержание проекта контракта.

Однако, с точки зрения привлечения к административной ответственности лиц, допустивших нарушения в части содержания электронных документов, предусмотренных статьей 42 Закона о контрактной системе, в 2022 году появился ряд серьезных проблем.

Как указано выше понятие документация в отношении открытых конкурентных закупок с 01.01.2022 года не существует.

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 в редакции Федеральных законов от 02.07.2021 № 344-ФЗ, № 351-ФЗ. Начало действия редакции – 02.07.2021, окончание действия редакции – 29.12.2021.

При этом в КоАП РФ и в настоящее время продолжает действовать **часть 4.2 статьи 7.30**, которая предусматривает, что утверждение конкурсной документации, документации об аукционе, документации о проведении запроса предложений, определение содержания извещения о проведении запроса котировок с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 4.1 настоящей статьи, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере трех тысяч рублей.

Без каких-либо изменений с 2016 года действует и **часть 1.4 статьи 7.30** КоАП РФ, из которой следует, что размещение должностным лицом заказчика, должностным лицом уполномоченного органа, должностным лицом уполномоченного учреждения, специализированной организацией в единой информационной системе в сфере закупок или направление оператору электронной площадки информации и документов, подлежащих размещению, направлению, с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, либо нарушение указанными лицами порядка предоставления конкурсной документации или документации об аукционе, порядка разъяснения положений такой документации, порядка приема заявок на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), окончательных предложений, за исключением случаев, предусмотренных частями 1 - 1.3 и 1.7 настоящей статьи, - влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере пятнадцати тысяч рублей; на юридических лиц - пятидесяти тысяч рублей.

В марте 2022 года до сведения территориальных органов центральным аппаратом ФАС России доведено письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14.03.2022 № 73/2-202-2022, направленное в ответ на запрос ФАС России от 17.01.2022 № ПИ/2207/22 о возможности привлечения к административной ответственности должностных лиц государственных и муниципальных заказчиков при проведении закупок открытым способом с учетом изменения законодательства о контрактной системе. В данном письме указано, что сопоставление требований к сведениям и документам, которые должны были содержаться в документации о закупке до 01.01.2022, а также документов, подлежащих включению в извещения, размещаемые в ЕИС, позволяет сделать вывод об их совпадении в значительной части. В связи с чем, если требование закона по существу после 01.01.2022 не изменилось, то заказчик, допустивший его нарушение как до указанной даты, так и после подлежит административной ответственности по части 1.4 и 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ. Иное означало бы необоснованное освобождение нарушителей от установленной законом ответственности исключительно по формальным признакам.

В данном случае ключевыми моментами являются как вывод об аналогичном содержании правовых норм, касающихся документации и электронных документов, поименованных в редакциях Закона о контрактной системе до и после 01.01.2022, так и возможность привлечения должностных лиц заказчиков, допустивших нарушения как до указанной даты, так и после 01.01.2022.

При анализе правоприменительной практики органов ФАС России видно, что в 2022 году территориальные органы ФАС России, ЦА ФАС России **разделились во мнениях** относительно того, по какой именно части статьи 7.30 КоАП РФ, а именно по части 4.2 (утверждение документации с нарушением) или по части 1.4 (размещение информации в ЕИС с нарушением) следует квалифицировать по своей сути одни и те же нарушения.

Пензенское УФАС России на протяжении 2022 года в случае выявления при рассмотрении жалоб, проведении проверок нарушений требований Закона о контрактной системе, касающихся содержания проекта контракта, описания объекта закупки (не квалифицируемых по части 4.1 статьи 7.30 КоАП РФ), требований к содержанию заявки или инструкции по ее заполнению и т.д., указывало в решениях на наличие признаков административного правонарушения, предусмотренного **частью 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ**.

Например, в решении № 058/06/106-89/2022 от 31.01.2022¹ по результатам рассмотрения жалобы на положения извещения при проведении уполномоченным органом – КУМИ администрации Бессоновского района Пензенской области для нужд муниципального заказчика – администрации Бессоновского сельсовета Бессоновского района Пензенской области аукциона в электронной форме «Капитальный ремонт (благоустройство) территории у районного Дома культуры (с. Бессоновка, ул. Центральная, 249)» (извещение № 0355300100622000001 от 17.01.2022) были выявлены нарушения пункта 2 части 6 статьи 43 Закона о контрактной системе в части некорректного установления требований к составу заявки на участие в электронном аукционе без учёта положений Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ, а также требований пункта 1 части 13 статьи 34 Закона о контрактной системе в части наличия в проекте контракта противоречивой информации о сроках оплаты работ.

¹ Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-89/2022 от 31.01.2022

Или решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-189/2022¹ по итогам рассмотрения жалобы на положения извещения при проведении уполномоченным органом – Министерством экономического развития и промышленности Пензенской области для нужд учреждений здравоохранения Пензенской области совместного аукциона в электронной форме «Поставка медицинских изделий (система рентгеновская диагностическая стационарная, цифровая), ввод в эксплуатацию медицинских изделий, обучение правилам эксплуатации специалистов, эксплуатирующих медицинские изделия для нужд учреждений здравоохранения Пензенской области» (извещение № 0155200000922000031 от 22.02.2022), согласно которому было установлено, что заказчиком при описании объекта закупки в нарушение требований пункта 5 части 1 статьи 42 Закона о контрактной системе, а также пункта 4 Правил использования КТРУ, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 08.02.2017 № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не были применены соответствующие позиции КТРУ. При этом составленное заказчиком описание объекта закупки не сводилось к описанию товара единственного производителя, что ограничивало бы количество участников, в том числе конкуренцию среди производителей, при этом поданная заявка на участие в закупке содержала предложение о поставке российского оборудования двух производителей, а сведения о таком оборудовании содержались в соответствующем реестре радиоэлектронной продукции.

Также в решении Пензенского УФАС России по жалобе № 058/06/106-621/2022 от 25.08.2022² на положения извещения при проведении специализированной организацией – ООО МСО «Ценный советник» для нужд заказчика – филиала ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» в г. Пензе электронного аукциона «Капитальный ремонт кровли здания общежития филиала СамГУПС в г. Пензе, расположенного по адресу: г. Пенза, ул. Суворова, 70» (извещение № 0355100010822000007 от 10.08.2022), при выявлении нарушений в части включения в заявку на участие в электронном аукционе предложения о цене контракта, а также положений о продлении срока исполнения обязательств по контракту в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, а именно части 1 статьи 49, части 1 статьи 95 Закона о контрактной системе, указано о наличии признаков административного правонарушения, предусмотренного частью 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ.

Аналогичные выводы о квалификации допущенных субъектами контроля нарушениях **по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ** содержатся в решениях ФАС России № 28/06/105-2382/2022 от 20.07.2022³, ФАС России № 22/44/93/81 от 19.05.2022⁴, Московского УФАС России № 077/06/106-14710/2022 от 28.09.2022⁵, Московского областного УФАС России № 050/06/105-37530/2022 от 11.10.2022⁶, Санкт-Петербургского УФАС России № 44-3404/22 от 04.10.2022⁷, Приморского УФАС России № 025/06/49-915/2022 от 06.10.2022⁸, Самарского УФАС России № 412-9928-22/4 от 04.10.2022⁹, Тульского УФАС России № 071/06/106-1117/2022 от 06.10.2022¹⁰, Костромского УФАС России № 044/06/105-457/2022 от 14.10.2022¹¹.

С другой стороны в 2022 году органами ФАС России принимались решения по результатам рассмотрения жалоб и проведения проверок при выявлении нарушений в части описания объекта закупки, инструкции по заполнению заявки на участие, требований к участникам закупки, положений проекта контракта, и такие нарушения квалифицировались **по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ**, например, решения ФАС России № 28/06/105-3126/2022 от 11.10.2022¹², ФАС России № 28/06/105-3167/2022 от 17.10.2022¹³, Московского УФАС России № 077/06/106-15199/2022 от 07.10.2022¹⁴, Пермского УФАС России от 11.10.2022¹⁵, Псковского УФАС России № 060/06/31-

¹ Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-189/2022 от 10.03.2022

² Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-621/2022 от 25.08.2022.

³ Решение ФАС России № 28/06/105-2382/2022 от 20.07.2022.

⁴ Решение ФАС России № 22/44/93/81 от 19.05.2022.

⁵ Решение Московского УФАС России № 077/06/106-14710/2022 от 28.09.2022.

⁶ Решение Московского областного УФАС России № 050/06/105-37530/2022 от 11.10.2022.

⁷ Решение Санкт-Петербургского УФАС России № 44-3404/22 от 04.10.2022.

⁸ Решение Приморского УФАС России № 025/06/49-915/2022 от 06.10.2022.

⁹ Решение Самарского УФАС России № 412-9928-22/4 от 04.10.2022.

¹⁰ Решение Тульского УФАС России № 071/06/106-1117/2022 от 06.10.2022.

¹¹ Решение Костромского УФАС России № 044/06/105-457/2022 от 14.10.2022.

¹² Решение ФАС России № 28/06/105-3126/2022 от 11.10.2022.

¹³ Решение ФАС России № 28/06/105-3167/2022 от 17.10.2022.

¹⁴ Решение Московского УФАС России № 077/06/106-15199/2022 от 07.10.2022.

¹⁵ Решение Пермского УФАС России от 11.10.2022.

406/2022 от 14.10.2022¹, Свердловского УФАС России № 066/06/33-3303/2022 от 05.10.2022², Ярославского УФАС России № 076/06/106-1009/2022 от 02.11.2022³, Краснодарского УФАС России № 023/06/33-4759/2022 от 10.10.2022⁴, Липецкого УФАС России № 048/06/99-1049/2022 от 11.10.2022⁵.

Существуют решения судов, которые поддержали квалификацию нарушений по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ, однако из содержания судебных актов не следует, что вопрос квалификации ставился во главу угла при оценке законности принятых антимонопольными органами решений.

Но в любом случае, Арбитражный суд г. Москвы в решении по делу № А40-115947/22-130-806 от 16.09.2022⁶ указал следующее: «Учитывая изложенное, Комиссией ФАС России правомерно установлено, что Заказчиком, Уполномоченным органом в извещении о проведении Аукциона не предусмотрено надлежащее требование к участникам закупки о наличии членства участника закупки в саморегулируемой организации, поскольку в извещении о проведении Аукциона отсутствует требование о наличии права у члена саморегулируемой организации выполнять строительство, реконструкцию по договору строительного подряда, в соответствии с которым указанным членом внесен взнос в фонд возмещения вреда согласно положениям части 12 статьи 55.16 ГрК РФ. Таким образом, Комиссия ФАС России обоснованно пришла к выводу, что вышеуказанные действия Заказчика, Уполномоченного органа нарушают пункт 1 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе и содержат признаки состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1.4 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Таким образом, мы видим в 2022 году **разделение позиций** относительно квалификации допущенных нарушений, причем по сути одних и тех же нарушений, по частям 4.2 и 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ.

Соответственно, ситуация с дальнейшим привлечением субъектов контроля к административной ответственности неоднозначная и разделяется также по указанным частям статьи 7.30 КоАП РФ.

Должностными лицами Пензенского УФАС России в отношении нарушений, допущенных в содержании электронных документов, таких как описание объекта закупки (кроме случаев, квалифицируемых по части 4.1 статьи 7.30 КоАП РФ), требования к содержанию заявки на участие в закупке или инструкции по заполнению заявки, проекта контракта, выносятся постановления по делам об административных правонарушениях именно по **части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ**. Аналогичная позиция есть в постановлениях других территориальных органов, например, постановление Алтайского краевого УФАС России № 004/04/7.30-269/2022 от 08.09.2022⁷, Якутского УФАС России № 014/04/7.30-1183/2022 от 14.09.2022⁸.

Причем это касается непосредственно нарушений, допущенных после 01.01.2022 года и внесения изменений в Закон о контрактной системе в части исключения понятия «документация» в отношении открытых электронных закупок.

Вместе с тем, другие территориальные органы, квалифицировавшие нарушения по **части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ**, соответственно, привлекают к административной ответственности по указанной норме, например, постановление Ярославского УФАС России № 076/04/7.30-958/2022 от 24.10.2022⁹, Марийского УФАС России № 012/04/7.30-578/2022 от 15.08.2022¹⁰.

Как следует из анализа размещенных в справочно-правовой системе постановлений, ФАС России в отношении нарушений, **допущенных в 2021 году**, т.е. до вступления в силу новой редакции Закона о контрактной системе, вынесены постановления по делам об административных правонарушениях по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, например, постановления ФАС России № 28/04/7.30-1566/2022 от 23.06.2022¹¹, № 28/04/7.30-2668/2022 от 26.09.2022¹².

В отношении нарушений, допущенных субъектами контроля **в 2022 году**, ФАС России вынесены постановления по делам об административных правонарушениях по части 1.4 статьи 7.30

¹ Решение Псковского УФАС России № 060/06/31-406/2022 от 14.10.2022.

² Решение Свердловского УФАС России № 066/06/33-3303/2022 от 05.10.2022.

³ Решение Ярославского УФАС России № 076/06/106-1009/2022 от 02.11.2022.

⁴ Решение Краснодарского УФАС России № 023/06/33-4759/2022 от 10.10.2022.

⁵ Решение Липецкого УФАС России № 048/06/99-1049/2022 от 11.10.2022.

⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-115947/22-130-806 от 16.09.2022.

⁷ Постановление Алтайского краевого УФАС России № 004/04/7.30-269/2022 от 08.09.2022.

⁸ Постановление Якутского УФАС России № 014/04/7.30-1183/2022 от 14.09.2022.

⁹ Постановление Ярославского УФАС России № 076/04/7.30-958/2022 от 24.10.2022.

¹⁰ Постановление Марийского УФАС России № 012/04/7.30-578/2022 от 15.08.2022.

¹¹ Постановление ФАС России № 28/04/7.30-1566/2022 от 23.06.2022.

¹² Постановление ФАС России № 28/04/7.30-2668/2022 от 26.09.2022.

КоАП РФ, например, постановление ФАС России № 28/04/7.30-2826/2022 от 27.09.2022¹.

В июле 2022 года в справочно-правовых системах было размещено **письмо ФАС России от 29.07.2022 № ПИ/71869/22**². Как следует из текста письма, оно направлено в качестве ответа на обращение об иницировании внесения изменений в КоАП РФ, направленных на разграничение ответственности между субъектами контроля в рамках переданных им полномочий.

В письме указано, что исключение из Закона о контрактной системе понятия «документация о закупке» при проведении открытых конкурентных способов не свидетельствует об отсутствии состава административного правонарушения в действиях субъектов контроля, поскольку сведения, подлежащие указанию в документации о закупке, согласно новой редакции Закона о контрактной системе, должны отражаться в извещении о проведении закупки и прилагаемых к нему документах.

Несмотря на то, что статьи 53–71, параграфы 3.1, 4, 4.1, 5 главы 3 Закона о контрактной системе утратили силу с 01.01.2022, Закон о контрактной системе (в редакции, действующей с 01.01.2022) устанавливает требования к содержанию и оформлению документов о закупках, предусмотренных Законом о контрактной системе, их подписанию и размещению в единой информационной системе.

При этом, по мнению ФАС России, должностные лица, допустившие нарушение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе при размещении извещения и документов, предусмотренных статьей 42 Закона о контрактной системе, подлежат привлечению к административной ответственности на основании **части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ**. Также сообщено о том, что в настоящее время ведется работа по внесению соответствующих изменений в КоАП РФ.

Учитывая внесенные Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ в Закон о контрактной системе изменения, вступившие в силу с 01.01.2022 в части исключения понятий «утверждение» и «документация», **действительно есть сомнения** с точки зрения формального соответствия квалификации нарушений, допущенных в содержании электронных документов (например, проект контракта), которые теперь не называются в отношении открытых закупок «документацией» и не утверждаются соответственно, дальнейшему привлечению виновного должностного лица по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, состав которой предполагает в качестве объекта правонарушения утверждение документации с нарушением требований законодательства о контрактной системе.

В 2022 году в судебной практике присутствует достаточное количество решений, которыми **были отменены постановления**, вынесенные должностными лицами территориальных органов ФАС России в связи с изменениями, внесенными Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ.

Так, 26.05.2022 Нижегородский районный суд г. Нижнего Новгорода установил, что постановлением прокурора возбуждено дело об административном правонарушении в отношении должностного лица по факту нарушения в 2021 году требований пунктов 4, 8 части 1 статьи 54.3 Закона о контрактной системе, впоследствии должностным лицом Нижегородского УФАС России вынесено постановление о назначении наказания по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ. Привлеченное к административной ответственности должностное лицо обратилось в суд с жалобой на вынесенное постановление, при этом прокурор в судебном заседании пояснил, что в связи с изменениями, внесенными в Закон о контрактной системе, а именно об исключении из данного Закона статьи 54.3, нарушение которой вменялось должностному лицу, указал на возможность прекратить производство по делу в соответствии со статьей 1.7 КоАП РФ, поскольку новый закон улучшает положение лица, привлекаемого к административной ответственности.

Суд в решении указал, что *Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ внесены изменения в Закон о контрактной системе, исключена статья 54.3, нарушение которой вменялось должностному лицу. Таким образом, положение закона, за нарушение которого лицо привлечено к административной ответственности не является действующим. При таких обстоятельствах производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению на основании пункта 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, в связи с признанием утратившим силу положения закона, устанавливающего административную ответственность за содеянное*³. Решение суда первой инстанции оставлено в силе Нижегородским областным судом⁴. Аналогичная позиция нашла отражение в решении Нижегородского областного суда от 27.10.2022 по делу № 7-1201/2022⁵.

Также Володарский районный суд г. Брянска в решении от 01.03.2022 по делу № 12-40/2022 установил, что должностное лицо было привлечено к административной ответственности

¹ Постановление ФАС России № 28/04/7.30-2826/2022 от 27.09.2022.

² Письмо ФАС России от 29.07.2022 № ПИ/71869/22.

³ Решение Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26.05.2022 № 12-12/2022 (12-1184/2021).

⁴ Решение Нижегородского областного суда от 11.08.2022 по делу № 7-875/2022.

⁵ Решение Нижегородского областного суда от 27.10.2022 по делу № 7-1201/2022.

ности по части 4.2 статьи 7.3 КоАП РФ в связи с нарушением в 2021 году требований части 11 статьи 34, части 2 статьи 83.2 Закона о контрактной системе, при этом Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ часть 11 статьи 34 Закона о контрактной системе изложена в новой редакции, а статья 83.2 признана утратившей силу. Таким образом, *исходя из анализа положений действующего на момент совершения вменяемого административного правонарушения и на момент обжалования законодательства можно сделать вывод о том, что, поскольку утверждение заказчиком документации о закупке при осуществлении закупки путем проведения электронного аукциона Законом о контрактной системе с 01.01.2022 не предусмотрено, в связи с чем, на момент рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, в действиях должностного лица, которому вменен состав правонарушения, предусмотренного частью 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, нарушений требований действующего законодательства Российской Федерации о контрактной системе не имеется*¹.

Аналогичная позиция изложена в решениях Володарского районного суда г. Брянска от 11.03.2022 по делу № 12-57/2022, от 27.05.2022 по делу № 12-49/2022².

Бийский городской суд Алтайского края в решении от 28.07.2022 по делу № 12-154/2022 указал, что *объектом административного правонарушения, предусмотренного частью 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ является факт утверждения конкурсной документации, документации об аукционе с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Однако, нормы, устанавливающие обязанность заявителя утверждать конкурсную документацию на момент составления протокола об административном правонарушении отменена, положения статьи 31, 63, 64 Закона о контрактной системе на момент рассмотрения дела утратили силу. При таких обстоятельствах, производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению на основании пункта 5 части 1 статьи 24.5 данного Кодекса*³.

Аналогичная позиция содержится в решении Ярославского областного суда от 03.08.2022 по делу № 30-2-400/2022⁴, и также в решении Центрального районного суда г. Твери от 05.10.2022 по делу № 12-2173/2022⁵.

Следует отметить, что во всех приведенных примерах судами рассматривались постановления, вынесенные по фактам нарушения требований Закона о контрактной системе, допущенным в 2021 году.

В судебной практике также **существует противоположная позиция** о возможности привлечения к административной ответственности по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ.

Например, судами в нескольких регионах рассматривались жалобы на постановления территориальных органов ФАС России по факту нарушений требований части 11 статьи 34, части 4 статьи 64 Закона о контрактной системе, допущенных в 2021 году в части неприменения Типового контракта. При этом суды указывали, что, даже, учитывая, что Правила разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 02.07.2014 года № 606 утратили, закупки проводились в период действия Правил, в связи с чем заказчик обязан был ими руководствоваться. При этом в соответствии с Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ условия типовых контрактов и типовые условия контрактов, утвержденные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, применяются в части, не противоречащей Закону о контрактной системе, до утверждения Правительством Российской Федерации в соответствии с частью 11 статьи 34 Закона типовых условий контрактов⁶.

Постановления территориальных органов ФАС России о привлечении к административной ответственности по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ в рассматриваемых случаях были оставлены в силе.

Более точная и полная позиция содержится в решении Пермского краевого суда от 06.06.2022 по делу № 7-1036/2022, суд указал, что *прекращая производство по делу об административном правонарушении на основании пункта 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, судья районного суда, исходил из того, что из содержания положений статьей 64, 66 Закона о контрактной системе следует, что данными статьями регулировались вопросы о содержании документации об электронном аукционе, в том числе содержание заявки, инструкции по ее заполнению, а Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ статьи 63–69 Закона о контрактной системе признаны утратившими силу с 1 января 2022 г., на момент вынесения постановления должностным лицом и*

¹ Решение Володарского районного суда г. Брянска от 01.03.2022 по делу № 12-40/2022.

² Решение Володарского районного суда г. Брянска от 11.03.2022 по делу № 12-57/2022, от 27.05.2022 по делу № 12-49/2022.

³ Решение Бийского городского суда Алтайского края от 28.07.2022 по делу № 12-154/2022.

⁴ Решение Ярославского областного суда от 03.08.2022 по делу № 30-2-400/2022.

⁵ Решение Центрального районного суда г. Твери от 05.10.2022 по делу № 12-2173/2022.

⁶ Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 09.06.2022 по делу № 12-701/2022, решение Ярославского областного суда от 20.04.2022 по делу № 30-2-250/2022.

привлечения к административной ответственности положения статей 64, 66 Закона уже утратили в силу. Действительно, положения статей 63–69 Закона о контрактной системе утратили силу на момент привлечения к административной ответственности, между тем обстоятельства дела не свидетельствуют о том, что изменения, внесенные в нормативный правовой акт, каким-либо образом смягчают или отменяют административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшают положение привлекаемого лица. С 1 января 2022 требования статей 64, 66 Закона о контрактной системе утратили силу, но положения, аналогичные тем, которые ранее содержались в пункте 2 части 1 статьи 64 Закона (до 1 января 2022 г.), с 1 января 2022 года воспроизведены в части 2 статьи 42 Закона о контрактной системе. Таким образом, правовые предписания, нарушение которых вменено должностному лицу, закреплены в Законе о контрактной системе, как на момент совершения административного правонарушения, так и в момент привлечения должностного лица к административной ответственности, сохраняют свою силу и в настоящее время. Учитывая изложенное, оснований для прекращения производства по делу об административном правонарушении по пункту 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ у судьи районного суда не имелось. При указанных обстоятельствах, решение судьи районного суда не может быть признано законным и обоснованным и подлежит отмене, а дело об административном правонарушении подлежит возвращению на новое рассмотрение в районный суд¹.

Кроме того, существует **положительная судебная практика по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ**, при этом в данных делах не ставился в принципе вопрос о внесении изменений в Закон о контрактной системе с 01.01.2022 в части исключения понятия «документация».

Например, постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2022 № 16-3393/2022, постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2022 № П16-1406/2022, решение Санкт-Петербургского городского суда от 19.07.2022 по делу № 7-1788/2022, 12-393/2022, решение Центрального районного суда г. Воронежа от 31.08.2022 № 12-1058/2022, постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 № 16-7198/2022, решение Новгородского районного суда Новгородской области от 26.10.2022 по делу № 12-1202/2022².

Исходя из анализа правоприменительной и судебной практики в отношении привлечения в 2022 году после вступления в силу изменений в Закон о контрактной системе, внесенных Федеральным законом от 02.07.2021 № 360-ФЗ, можно сделать однозначный вывод о наличии двух противоположных позиций в вопросе возможности привлечения субъектов контроля по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, и соответственно, о наличии серьезной проблемы для органов ФАС России при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Пензенское УФАС России полагает возможным привлечение должностных лиц по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ при нарушениях, допущенных в части содержания электронных документов, которые ранее подпадали под понятие «документация», исходя из следующего:

1) законодатель изначально дифференцировал два состава по объектам правонарушения, в настоящее время объект остается таким же, меняется лишь формальное обозначение понятийного аппарата («документация о закупке» на «электронные документы»), но суть осталась прежней;

2) в отношении закрытых закупок понятие «документация» остается в Законе о контрактной системе, таким образом, если мы привлекаем субъектов контроля за нарушения в части утверждения документации о закрытых закупках с нарушением требований законодательства по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, а за такие же нарушения, но при осуществлении открытых процедур, по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ, это не логично и нарушает права привлекаемых к ответственности лиц в части их неравного положения;

3) объективная сторона состава, предусмотренного частью 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ всегда была связана именно с действиями при размещении информации, электронные документы, например, проект контракта, содержащий некорректные положения относительно размеров штрафов, тоже размещается в ЕИС, только ранее территориальные органы в подобных случаях квалифицировали нарушение по части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ, санкция которой предполагает штраф в размере 3000,00 рублей, в настоящее время при квалификации по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ должност-

¹ Решение Пермского краевого суда от 06.06.2022 по делу № 7-1036/2022.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции № 16-3393/2022 от 23.05.2022, постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2022 № П16-1406/2022, решение Санкт-Петербургского городского суда от 19.07.2022 по делу № 7-1788/2022, 12-393/2022, решение Центрального районного суда г. Воронежа от 31.08.2022 № 12-1058/2022, постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 № 16-7198/2022, решение Новгородского районного суда Новгородской области от 26.10.2022 по делу № 12-1202/2022.

ное лицо будет подвергнуто штрафу в размере 15000,00 рублей, что явно ухудшает положения привлекаемых лиц;

4) обязательно встает вопрос относительно субъекта административного правонарушения, так как по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ к ответственности объективно должно привлекаться лицо, непосредственно разместившее в рамках исполнения своих должностных обязанностей информацию в ЕИС с нарушением установленных требований, при этом при проведении закупок с привлечением уполномоченных органов, учреждений или специализированных организаций размещение информации осуществляется именно данными субъектами контроля, но за описание объекта закупки или содержание проекта контракта, как правило в соответствии с положениями о взаимодействии, отвечают заказчики.

Учитывая изложенное Пензенское УФАС России считает необходимым внесение изменений в КоАП РФ в части урегулирования вопроса относительно разделения двух рассмотренных составов статьи 7.30 КоАП РФ, и если дифференцирование составов остается, то возможна конкретизация понятия «утверждение документации» в отношении закрытых закупок и дополнение в части изменения формулировки, например, на «разработка электронных документов» (в отношении открытых закупок).

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон № от 05.04.2013.
2. О защите конкуренции : федер. закон № 135-ФЗ от 26.07.2006.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 14.04.2023) // КонсультантПлюс.
4. Письмо ФАС России от 29.07.2022 № ПИ/71869/22
5. Постановление Алтайского краевого УФАС России № 004/04/7.30-269/2022 от 08.09.2022.
6. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2022 № П16-1406/2022.
7. Постановление Марийского УФАС России № 012/04/7.30-578/2022 от 15.08.2022.
8. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 № 16-7198/2022.
9. Постановление ФАС России № 28/04/7.30-1566/2022 от 23.06.2022.
10. Постановление ФАС России № 28/04/7.30-2668/2022 от 26.09.2022.
11. Постановление ФАС России № 28/04/7.30-2826/2022 от 27.09.2022.
12. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2022 № 16-3393/2022.
13. Постановление Якутского УФАС России № 014/04/7.30-1183/2022 от 14.09.2022.
14. Постановление Ярославского УФАС России № 076/04/7.30-958/2022 от 24.10.2022.
15. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-115947/22-130-806 от 16.09.2022.
16. Решение Бийского городского суда Алтайского края от 28.07.2022 по делу № 12-154/2022.
17. Решение Володарского районного суда г. Брянска от 01.03.2022 по делу № 12-40/2022.
18. Решение Володарского районного суда г. Брянска от 11.03.2022 по делу № 12-57/2022.
19. Решение Костромского УФАС России № 044/06/105-457/2022 от 14.10.2022
20. Решение Краснодарского УФАС России № 023/06/33-4759/2022 от 10.10.2022.
21. Решение Липецкого УФАС России № 048/06/99-1049/2022 от 11.10.2022.
22. Решение Московского областного УФАС России № 050/06/105-37530/2022 от 11.10.2022.
23. Решение Московского УФАС России № 077/06/106-14710/2022 от 28.09.2022.
24. Решение Московского УФАС России № 077/06/106-15199/2022 от 07.10.2022.
25. Решение Нижегородского областного суда от 11.08.2022 по делу № 7-875/2022.
26. Решение Нижегородского областного суда от 27.10.2022 по делу № 7-1201/2022.
27. Решение Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26.05.2022 № 12-12/2022 (12-1184/2021).
28. Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 26.10.2022 по делу № 12-1202/2022.
29. Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-189/2022 от 10.03.2022.
30. Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-621/2022 от 25.08.2022.
31. Решение Пензенского УФАС России № 058/06/106-89/2022 от 31.01.2022.
32. Решение Пермского краевого суда от 06.06.2022 по делу № 7-1036/2022.
33. Решение Пермского УФАС России от 11.10.2022.
34. Решение Приморского УФАС России № 025/06/49-915/2022 от 06.10.2022.
35. Решение Псковского УФАС России № 060/06/31-406/2022 от 14.10.2022.
36. Решение Самарского УФАС России № 412-9928-22/4 от 04.10.2022.
37. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 19.07.2022 по делу № 7-1788/2022, 12-393/2022, решение Центрального районного суда г. Воронежа от 31.08.2022 № 12-1058/2022.
38. Решение Санкт-Петербургского УФАС России № 44-3404/22 от 04.10.2022.
39. Решение Свердловского УФАС России № 066/06/33-3303/2022 от 05.10.2022.
40. Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 09.06.2022 по делу № 12-701/2022, решение Ярославского областного суда от 20.04.2022 по делу № 30-2-250/2022.
41. Решение Тульского УФАС России № 071/06/106-1117/2022 от 06.10.2022.

42. Решение ФАС России № 22/44/93/81 от 19.05.2022.
43. Решение ФАС России № 28/06/105-2382/2022 от 20.07.2022.
44. Решение ФАС России № 28/06/105-3126/2022 от 11.10.2022.
45. Решение ФАС России № 28/06/105-3167/2022 от 17.10.2022.
46. Решение Центрального районного суда г. Твери от 05.10.2022 по делу № 12-2173/2022.
47. Решение Ярославского областного суда от 03.08.2022 по делу № 30-2-400/2022.
48. Решение Ярославского УФАС России № 076/06/106-1009/2022 от 02.11.2022.

Сведения об авторе:

Казакова Елена Александровна, начальник отдела контроля закупок Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области, г. Пенза, Россия.

В. В. Катермина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ ПРАВА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ)**

V. V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

**NEW TRENDS IN THE LANGUAGE OF LAW
(BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH NEOLOGISMS)**

Аннотация. Распределение новых лексических единиц в различных концептуальных областях англоязычной культуры происходит с учетом приоритетов современного англоязычного общества и является результатом взаимодействия языковой и культурной картин мира. Доминирование определенной сферы является показателем ее значимости для лексикона и соответствующего социума. Исследованы новые тенденции употребления англоязычных неологизмов в языке права на материале электронных словарей.

Ключевые слова: неологизм, англоязычный дискурс, право, тенденция, язык, культура, общество

Abstract. The distribution of new lexical units in various conceptual areas of the English-speaking culture takes into account the priorities of the modern English-speaking society and appears to be the result of the interaction of linguistic and cultural pictures of the world. The dominance of a certain area is an indicator of its importance for the lexicon and the corresponding society. New trends in the use of English neologisms in the language of law are studied on the basis of electronic dictionaries.

Keywords: neologism, English discourse, law, trend, language, culture, society

Новые слова «приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка» [цит. по: Катермина, Шершнева 2021 : 448].

Появление в языке новых номинативных единиц – «обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами» [цит. по: Катермина, Шершнева 2021 : 448].

Неологизмы – «лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах» [Рец 2014 : 6].

Наибольшую часть в англоязычном неологическом дискурсе занимают единицы, обозначающие преступления.

Так, отметим тенденцию правонарушений, связанных с платежными системами:

jackpotting – the crime of hacking into a cash machine in order to obtain money (взлом банкомата с целью получения денег);

transaction laundering – the crime of using a company's payment system to process a payment for illegal products and services (использование платежной системы компании для обработки платежей за незаконные продукты и услуги);

cryptojacking – the illegal activity of secretly using someone's computer to obtain new cryptocurrency (незаконная деятельность по тайному использованию чьего-либо компьютера для получения новой криптовалюты).

Также отмечаются и преступления, направленные на кражу и дальнейшие несанкционированные действия:

crypto mugging – the illegal activity of attacking someone in order to steal their mobile phone and use it to take control of their cryptocurrency (незаконная деятельность по нападению на кого-либо с целью кражи их мобильного телефона и использования его для получения контроля над их криптовалютой);

phone hacking – the illegal practice of listening to the calls or messages on another person's phone, especially by accessing the voicemail without their knowledge or consent (незаконная практика прослушивания звонков или сообщений на телефоне другого человека, особенно путем доступа к голосовой почте без его ведома или согласия);

vishing – a type of fraud in which people are phoned and tricked into revealing personal details to fraudsters claiming to be from a legitimate body such as their bank or the police (тип мошенничества, при котором людям звонят и обманом заставляют раскрывать личные данные мошенникам, утверждающим, что они из законного органа, такого как их банк или полиция).

К мелким преступлениям можно отнести *distracted walking* – the minor crime of crossing the road while looking at your mobile phone or similar device and therefore posing a danger to motorists and other pedestrians (незначительное преступление, заключающееся в переходе дороги, глядя на свой мобильный телефон или подобное устройство и, таким образом, создавая опасность для автомобилистов и других пешеходов) и *porch piracy* – the act of stealing a package that has been delivered and left outside someone's house (кража пакета, который был доставлен и оставлен вне чьего-либо дома).

«Новыми» можно назвать следующие преступления:

vomit fraud – a type of deception where a driver of an Uber taxi falsely claims that a passenger has vomited in their car and adds an extra charge to the passenger's bill for cleaning costs (тип обмана, когда водитель такси Uber ложно утверждает, что пассажира вырвало в его машине, и добавляет к счету пассажира дополнительную плату за уборку);

petfishing – a crime that involves attempting to sell someone a pet, usually a puppy or kitten, that has been bred and kept in bad conditions and is often unhealthy or ill (преступление, связанное с попыткой продать кому-либо домашнее животное, обычно щенка или котенка, которое было выращено и содержалось в плохих условиях и часто нездорово или больно);

obfishing – the illegal practice of recruiting people to work for a company that does not exist in order to trick them into sending their personal information and working without being paid (незаконная практика вербовки людей для работы в несуществующей компании с целью заставить их отправить свою личную информацию и работать без оплаты).

Мы видим, что ключевыми компонентами при номинации данных видов преступления являются такие слова, как *fraud* – the crime of obtaining money from someone by tricking them, *hacking* – gaining illegal access to (a computer network, system, etc.), *mugging* – an attack on someone in a public place in order to steal their money, jewelry, or other possessions, *crypto* – hidden or secret, *laundering* – transferring (illegally obtained money or investments) through an outside party to conceal the true source. Данные элементы подчеркивают как традиционные правонарушения, так и новые, связанные с появлением новой виртуальной реальности.

Важной тенденцией в англоязычном неологическом дискурсе является номинация как преступников, так и защитников.

Помимо уже известных правонарушителей *scammer* – someone who tries to cheat people, especially by tricking them into paying for non-existent goods or services (тот, кто пытается обмануть людей, особенно заставляя их платить за несуществующие товары или услуги), *budtender* – a person who dispenses marijuana in a cannabis shop or medical marijuana clinic (человек, который продает марихуану в магазине каннабиса или в клинике медицинской марихуаны), *black hat* – someone who engages in criminal activity on the Internet, such as an illegal hacker (кто-то, кто занимается преступной деятельностью в Интернете, например, нелегальный хакер), *cyber mercenary* – someone who is paid by an organization to use the internet to illegally enter a computer system without permission, for example in order to get secret information or to damage the system (кто-то, кому организация платит за использование Интернета для незаконного входа в компьютерную систему без разрешения, например, для получения секретной информации или повреждения системы), в значениях которых можно выделить семы отрицательной оценочности (*illegal* – not allowed by the law, *criminal* – someone who has committed a crime, *cheat* – to behave dishonestly, or to not obey rules, *damage* – to have a negative effect on someone or something), а также ключевые образные лексемы (*black* – evil or cruel и *mercenary* – interested only in the money or other personal advantages that you can get from something), отметим и «правозащитников»: *cyber ambassador* – a person who helps other people use the internet safely and protect themselves and their computer information against crime or attacks carried out online (человек, который помогает другим людям безопасно пользоваться Интернетом и защищать себя

и свою компьютерную информацию от преступлений или атак, совершаемых в Интернете) и *cyberdefender* – a person who takes actions to protect a workplace from cybercrime (человек, который предпринимает действия для защиты рабочего места от киберпреступности). Показательно, что немногочисленные положительные неологизмы обозначают людей, связанных с помощью в виртуальном пространстве.

Еще одной тенденцией может служить появление неологизмов, обозначающих жанр *crime fiction* – детективная проза. Детективная проза, детективный роман и полицейский роман – это «термины, используемые для описания повествований, сосредоточенных на преступных деяниях и особенно на расследовании преступления, часто убийства, проводимым детективом-любителем или профессиональным детективом» [Abrams 2015 : 69].

Основным компонентом данных единиц выступает слово *noir* (с французского *черный*). Этот термин является переводом французского «черного фильма», и его создание часто приписывают Нино Франк, французскому кинокритику, работавшему в 1930-х и 1940-х годах: *chick noir* – стиль литературы, написанной для женщин, в которой есть криминальная или другая серьезная и захватывающая тема; *Nordic noir* – детективы или телепрограммы из скандинавских стран с мрачными историями и реалистичной социальной обстановкой).

Также интересны неологизмы *property noir* – a style of crime fiction where the plot involves the people who live in a particular neighbourhood and the houses they live in (стиль криминальной фантастики, в сюжете которого участвуют люди, живущие в определенном районе, и дома, в которых они живут); *suburbanoir* – a style of books, films etc. involving exciting, and often illegal, events that happen in an otherwise quiet neighbourhood (стиль книг, фильмов и т. д., включающий захватывающие и часто незаконные события, происходящие в тихом районе). Как видно из данных единиц, помимо основного компонента «нуар», в каждом из них можно выделить еще один, специфичный элемент, конкретизирующий данный жанр: *chick* – основанием служит так называемый жанр *chick lit* – романы, которые нравятся женщинам, обычно написанные писателями-женщинами и в которых основной герой – женщина; *Nordic* – жанр криминальной фантастики, обычно написанный с точки зрения полиции и действие которого происходит в Скандинавии или странах Северной Европы; *property* и *suburb* – данные компоненты концентрируются на месте преступления – определенном районе [Катермина, Липириди 2022 : 162].

Таким образом, распределение новых лексических единиц в различных концептуальных областях англоязычной культуры происходит с учетом ценностных приоритетов современного англоязычного общества и является результатом взаимодействия языковой и культурной картин мира. Особенности взаимодействия языка, культуры и социума обуславливают распределение неологизмов по различным понятийным сферам. Доминирование определенной сферы является показателем ее значимости для лексикона и аксиологической ценности для соответствующего социума.

Будучи национально-специфичными, неологизмы через свое пространство реализуют те категории, которыми мыслят представители того или иного народа, и те границы, в которые они поставлены с целью восприятия и анализа окружающего мира.

Список литературы

1. Abrams M. H. A Glossary of Literary Terms. Boston, MA : Wadsworth, Cengage Learning, 2015. 366 p.
2. Катермина В. В., Липириди С. Х. Когнитивно-прагматический аспект литературных неологизмов англоязычного дискурса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 6 (111). С. 159–166.
3. Катермина В. В., Шершнева Н. Б. Профессиональные неологизмы в англоязычном дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 4. С. 447–453.
4. Рец И. В. Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неологизмов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
5. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 19.03.2023).
6. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 19.03.2023).

Сведения об авторе:

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

С. И. Краснова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК»: ЛЕКСИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

S. I. Krasnova

Penza State University, Penza, Russia

DUALITY OF THE CONCEPT OF LEGAL ORDER: LEXICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

Аннотация. Исследуются понятия «правовой порядок» и «правопорядок», дается их характеристика с правовой точки зрения. Автор анализирует правовой порядок с точки зрения особого состояния в праве и как определенную последовательность действий, выявляет сходства и различия рассматриваемых единиц. Выдвигается предложение по разделению правопорядка и правового порядка с лексической и юридической точек зрения.

Ключевые слова: правовой порядок, порядок в праве, законность

Abstract. The article examines the lexemes «legal order» and «law and order», characterizes these concepts from a legal point of view. The author analyzes the legal order from the point of view of a special state in law and as a certain sequence of actions, identifies their similarities and differences. A proposal is put forward to separate the rule of law and the legal order from the lexical and legal points of view.

Keywords: legal order, order in law, legality

Само слово «порядок» знакомо и понятно каждому человеку, и, казалось бы, не требует дополнительного исследования. В соответствии со словарем В. И. Даля, под порядком понимается правильное устройство чего-либо, соблюдение определенного хода и расположения вещей; противоположностью порядка является беспорядок [Даль 1907, 3: 337]. Толковый словарь И. О. Ушакова дает похожее толкование: порядок – это состояние систематичности, правильности в ходе дел, расположении, благоустройства и налаженности [Ушаков 2014, 496].

Однако здесь можно заметить двойной характер значения лексемы «порядок»: он понимается как некий поэтапно выстроенный процесс и как определенная положительная кондиция чего-либо.

С юридической точки зрения данное понятие имеет две различные морфологические формы: правовой порядок и правопорядок.

В общей теории права «правовой порядок» и «правопорядок» рассматриваются как синонимы. Речь, как правило, идет именно о правовом порядке, как об особом, благоприятном состоянии правовых и общественных отношений; как о части социального порядка [Черногор, Пашенцев, Залоило 2019, 1:48].

Но следует отметить, что двусмысленность слова «порядок» переносится и в область юриспруденции. Эти синтагмы – правовой порядок и правопорядок – только на первый взгляд выступают идентичными вариациями одного и того же феномена.

В последнее время находит свое развитие позиция, согласно которой правопорядок – понятие более узкое, нежели правовой порядок. Первое означает лишь порядок в праве, второе – особую правовую структуру общества, состоящую из субъектов, их правового положения, принадлежащих таким субъектам прав, интересов и обязанностей, компетенции, установленной органами власти [Радько 2012, 358]. Вторая концепция кажется более подходящей, поскольку она разграничивает словосочетание «правовой порядок» и понятие «правопорядок».

Однако стоит ли говорить об экстенсивности правового порядка по сравнению с правопорядком?

Как уже было отмечено ранее, многими учеными правопорядок рассматривается именно с точки зрения состояния, кондиции, а не как порядок действий.

Некоторые авторы связывают порядок-состояние с идеями законности и справедливости. В данном случае законность – это процесс неукоснительного соблюдения действующего законодательства, справедливость – соответствие данной законности нормам морали, а правопорядок выступает в качестве конечного результата действия законности в совокупности со справедливостью [Рабинович 2001, 95].

Существование всех трех компонентов данной триады: законность – справедливость – мораль, демонстрирует высокий уровень развития конкретного общества.

Кроме того, правовой порядок-«состояние» соединяют с идеями правосознания, правового государства и гражданского общества. Именно в государстве, где наличествуют все указанные явления, правопорядок возникает и «держит» свои позиции.

Интересна позиция О.П. Сауляка, который отрицает исключительную благоприятность правового порядка-состояния, говоря о том, что с данной позиции правопорядок является «идеальным образованием, за пределами которого остаются все противоправные явления». Ученый называет эту модель нормативной, отмечая, что нельзя игнорировать и противоположную – реальную, складывающуюся как из поведенческих актов правомерного, так и противоправного характера в рамках конкретного общественного пространства [Сауляк 2009, 41]. Думается, что такой подход более широк и универсален.

Нельзя не отметить, что понятие правопорядка имеет главным образом доктринальную основу, а потому во многом зависит от субъективного понимания. Поэтому имеет место точка зрения о том, что на основании такого разнообразного осмысления существует множество типов, видов, форм правопорядка. Они, в первую очередь, зависят от ценностей конкретного общества. У представителей религиозных конфессий правопорядок направлен на выполнение религиозных и моральных норм. Общественные группы, образовываемые по расовому, национальному, возрастному, гендерному и тому подобным признакам, зачастую ограничивают понимание понятия «правопорядок» защитой прав и интересов представителей таких категорий людей.

Возвращаясь к общей характеристике правового порядка-«состояния», следует отметить, что оно также имеет иные, более разнообразные формы осмысления.

Например, А. Ю. Мамычев приводит довольно обширную классификацию. Указанный теоретик пишет и о естественно-правовом характере правового порядка, который делит изучаемый термин на его идеальную (существующую вне рамок государства и сформированную еще в догосударственный период) и реальную сторону – действительное воплощение в обществе, организованном в государство.

Отмечается рациональный подход к характеру правопорядка, связывающий данный феномен только с государством, вне рамок которого правовой порядок не смог бы существовать. При этом правопорядок зависит от правосознания и правовой культуры социума, которые влияют на специфику правоотношений.

Среди прочих выделяется плюралистический характер правопорядка, который служит фундаментом для всех разновидностей социального порядка, выполняет функции соединения разнообразия ценностей, норм и правил в единое целое.

И сильно уклоняющийся в идеологический аспект правопорядка – идеократический подход – связывающий предмет исследования исключительно с нравственным и психологическим состоянием нации [Мамычев, Сухомлинов 2010, 2].

Исследователь приводит коммуникативный (социологический) подход, где правовой порядок рассматривается как совокупность общественных отношений, выстроенных на признанных обществом правовых нормах. Последние основаны на правовых представлениях, привычках, стереотипах, а также на персональном опыте членов общества, которые и определяют сам правовой порядок.

Выделяется формально-догматический характер правового порядка, с точки зрения которого порядок – это нормативно-правовая система, внутренне согласованная и состоящая из норм, логически взаимосвязанных. Такая система выражает волю государства и подчиняет интересы субъектов общества [Мамычев, Сухомлинов 2010, 3].

Следует отметить, что последние два подхода содержат в себе признаки объекта исследования как правового порядка-состояния, так и правового порядка-последовательности действий.

Другая ветвь ученых дает разделение правопорядка на реальный, формальный и действительный. Формальный представляет собой модель, определенную в юридических нормах, соответствующую требованиям законности. Формально-юридическая форма правопорядка служит неким нормативно установленным образцом, позволяющим оценивать реальный правопорядок. Действительный правопорядок, в свою очередь, играет роль идеологического образа, шаблон для оценки как реального, так и формально-юридических форм правопорядка [Клименко 2019, 57].

А. Скаун отмечает и иные характеристики правового порядка, которые, хотя и подходят более всего под содержание правового порядка-состояния, но также отличаются универсальностью:

одна из его опций – опора на верховенство права и авторитет закона в области правовых отношений. Также, по мнению указанного исследователя, направлено на создание и поддержание благоприятных условий для использования субъективных прав; способствует своевременному и полному выполнению всеми субъектами юридических обязанностей; требует от каждого субъекта правоотношений юридической ответственности; поддерживает в обществе дисциплину; предполагает слаженную и твердую всех ветвей власти и обеспечивается мерами их воздействия [Скакун 2006, 36].

Красочно и подробно рассматривается В. Н. Казаковым идея правопорядка как «качественного состояния правовой жизни, характеризующегося тем, что и общество и очевидное большинство людей готовы воспроизводить сложившиеся и поддерживаемые всеми регулятивными средствами отношения, позиции, роли, ценности, и также результативно сопротивляться социально негативным процессам, действиям, обстоятельствам». Между тем, теоретик подчеркивает, что правовой порядок – реальное, действительное состояние правовой жизни социума, определяющееся правомерным поведением ее участников, возникающее в процессе правореализации [Казаков 1999, 61].

В любом случае, рассматривая различные подходы к вопросу правового порядка, как особого состояния в обществе и праве, можно заметить, что он, зачастую, сопутствует правовому порядку как процессу, состоящему из различных правовых действий / бездействий.

О поликонтекстуальности понятия правопорядка пишет Е. В. Свинин, который классифицирует его с трех граней:

1) правопорядок как норма правовой жизни, формируемое проявлением идей законности, рассмотренной выше, и необходимости. Данные показатели отражают уровень развития права и легитимность существующих правовых норм;

2) правопорядок как результат, выраженный различными юридическими и социальными последствиями правового регулирования;

3) правопорядок с точки зрения процедурно-процессуальной стороны, зависящий от конкретного вида общественным отношений [Свинин 2017, 22].

Автор – один из немногих теоретиков, обративших внимание на процедурно-процессуальный аспект понимания правопорядка.

И все же отсутствие принципиального лексического разделения правопорядка и правового порядка однозначно создает путаницу в юридической теории.

Поэтому, думается, было бы правильным разделить в теории права изучаемые в термины с морфологически-смысловой точки зрения на:

1) правовой порядок – это определенная законом последовательность действий/бездействий субъектов правоотношений, необходимой для достижения какого-либо юридически значимого результата;

2) правопорядок понимать как особое состояние нормативной упорядоченности общественных отношений, основанное на уровне справедливости, законности и верховенстве права конкретного общества, образуемое посредством нормативного установления и выполнения уполномоченными субъектами последовательности действий или воздержания от таковых с целью соблюдения субъективных прав и исполнения корреспондирующих им обязанностей, достижения юридически-значимого результата.

Так или иначе, все понимания правового порядка взаимосвязаны и, более того, взаимозависимы, так как от эффективности, четкости, логичности правового порядка-«последовательности действий» зависит то, как сложится правовой порядок-«состояние». Правопорядок нужно соотносить с правовым порядком как с результатом действия последнего.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб. ; М., 1903. Т. 3. 337 с.
2. Казаков В. Н. Правомерное поведение и правопорядок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01, М., 1999. 185 с.
3. Клименко А. И. Идеологические основания правопорядка // Правопорядок и его институциональные основы : сб. тр. Междунар. науч. конф. (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / редкол. М. А. Беляев, В. В. Денисенко. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2019. 295 с.
4. Мамычев А. Ю., Сухомлинов А. С. Правовой порядок и правовое действие в контексте типов правопонимания // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № S2. С. 297–303.
5. Сауляк О. П. Правопорядок: контуры новых подходов к исследованию. М. : Соц.-полит. мысль, 2009. 252 с.
6. Свинин Е. В. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 24–33.
7. Скакун О. Ф. Теория государства и права (Энциклопедический курс) : учебник. Харьков : Еспада, 2006. С. 725.
8. Рабинович П. М. Основы общей теории права и государства : учебник. Киев : Атика, 2001. 176 с.
9. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2012. 495 с.
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.

11. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А., Залоило М. В. [и др.]. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. Т. 1. 348 с.

Сведения об авторе:

Краснова Светлана Ивановна, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета; юрисконсульт нотариальной конторы нотариуса города Пензы Щербуняева И. Б., г. Пенза, Россия.

А. В. Маргарян

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

A. V. Margaryan

Penza State University, Penza, Russia

EXPERIMENTAL LEGAL NORM: TERMINOLOGICAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS

Аннотация. Автором выдвигается гипотеза о тенденциях доминирования экспериментальных правовых предписаний в качестве средства осуществления государственных преобразований, инструмента апробирования нестандартных подходов к правовому воздействию. Аргументируется вывод о допустимости выделения в числе специальных норм российского права – экспериментальных правовых предписаний, действие которых ограничено как во времени, так и в пространстве по кругу лиц.

Ключевые слова: норма права, законодательный эксперимент, экспериментальная норма права, правотворчество

Abstract. The author puts forward a hypothesis about trends in the dominance of experimental legal prescriptions as a means of implementing state transformations, a tool for testing non-standard approaches to legal influence. The conclusion is argued that it is permissible to single out among the special norms of Russian law – experimental legal prescriptions, the effect of which is limited both in time and in space, in a circle of persons.

Keywords: rule of law, legislative experiment, experimental rule of law, lawmaking

На сегодняшний день, в экономике, производственной деятельности эксперименты прочно вошли в повседневную жизнь. Одновременно с этим следует понимать, что решения, которые принимаются для проведения того или иного испытания, обязательно облачаются в юридическую форму. Такой формой и выступает экспериментальная правовая норма, от качества которой напрямую зависит эффективность регулирования социальных отношений.

Рассуждая о роли экспериментальной правовой нормы как средства регулирования общественных отношений следует конкретизировать предметную сторону ее воздействия. Последняя может быть весьма разнообразной, распространяться как на общие правоотношения, так и на специальные. Примером последних являются отношения, складывающиеся в социальных группах, участники которых обладают особым правовым статусом. Опираясь на существующие разработки в области и общего, и специального правового статуса [Матузов 1987 : 121; Репьев 2016 : 81; Суменков 2022 : 26], полагаем, что на сегодняшний день вполне допустимо выделять в числе последних и экспериментальный правовой статус. К примеру, речь может идти об участниках экспериментальных правовых режимов, которые помимо базовых прав и обязанностей обладают дополнительными элементами своего временного правового положения [Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 : ч. 1 ст. 8, ст. 11].

Эксперимент, с позиций диалектического материализма воспринимается как предметно-орудийная деятельность, активное вмешательство человека в окружающую среду [Штофф 1978 : 83]. С этой точки зрения, правовой эксперимент предполагает материально-практическое воздействие на предмет посредством других средств. Таким средством выступает экспериментальная правовая норма.

Сущность экспериментальной правовой нормы, на наш взгляд, вполне уместно рассматривать через призму института правового экспериментирования в целом. Так, профессор В. В. Лазарев полагает, что оно является «разновидностью юридической практики» и сводится «к выполнению определенных действий, созданию новых условий в области общественных отношений, регулируемых нормами права» [Лазарев 2010 : 6]. Позиция ученого видится весьма обстоятельной, однако может быть уточнена и дополнена.

Во-первых, с точки зрения сферы применения. Отнесение правового экспериментирования лишь к сфере юридической практики может быть осуществлено только в самом широком значении данного термина, т.е. ко всей юридической деятельности. Вместе с тем, позволим себе предположить, что экспериментирование в области государства и права не возможно без создания и утверждения экспериментальных правовых норм, что, как известно, реализуется в области правотворчества, а не правоприменения.

Во-вторых, сам по себе характер новизны для вновь создаваемых нормативных установлений еще не обеспечивает их качеством экспериментальности. В таком случае, всю деятельность органов законодательной власти можно признать построенной на методе проб и ошибок, т.е. экспериментировании. Это безусловно не так. Между тем, например, В. К. Бабаев призывал стремиться к такому подходу, указывая, что социально-правовой эксперимент «должен стать обязательным предварительным этапом в подготовке всех групп нормативных актов» [Бабаев 1987 : 72].

Мы убеждены, что экспериментальная правовая норма возникла из потребности активного вмешательства государственно-властных органов в процесс правового регулирования: не только на первоначальных стадиях правотворчества, но и в дальнейшем, в процессе применения и апробации нормативного установления. В этом смысле, подобная разновидность юридического установления обоснована необходимостью повышения детализации и конкретизации правового воздействия, повышения адресности и точности правил поведения в обществе, исключения или минимизацией социально-вредных последствий ошибочного юридического вмешательства.

«Эксперимент» (от лат. *Experimentum* – проба, опыт), как феномен окружающей действительности, имеет весьма пестрые толкования в справочной литературе. Он воспринимается, во-первых, как воспроизведение какого-либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью его исследования, изучения; во-вторых, в качестве любой попытки, пробы осуществить что-либо каким-либо новым способом; в-третьих, в понимании научно-поставленного опыта [Толковый словарь 2003 : 1566].

Следовательно, среди правовых предписаний вполне допустимо выделять особую разновидность – экспериментальные правовые нормы. Подобное правовое предписание в числе первых авторов акцентировано, рельефно начал исследовать В. И. Никитинский. В частности, в фундаментальном коллективном труде «Правовой эксперимент и совершенствование законодательства» именно данным автором подготовлена первая глава под названием «Общая теория правового эксперимента», в которой профессор останавливается на сущности экспериментальных правовых норм [Правовой эксперимент 1988]. Он рассматривал экспериментальные правовые нормы в качестве «экспериментального фактора правового эксперимента», заключающего в «содержании отступлений от требований действующего законодательства» [Правовой эксперимент 1988 : 25]. В схожем ключе о сущности экспериментальных правовых норм пишет В. В. Лапаева, воспринимая их как правовую форму проверки инновационных идей, а также «экспериментальный фактор, который вводится на определенный период в зоне экспериментирования» [Лапаева 1987 : 62].

В целом позиция авторов не вызывает кардинальных возражений, однако может быть уточнена в некоторых деталях.

Во-первых, относительно рассмотрения данного предписания в качестве фактора. Подобный термин в большей степени означает причину каких-либо происходящих процессов, существенные обстоятельства, определяющие или обуславливающие последующие события [Ушаков 2008 : 1119]. На наш взгляд, фактором, правового эксперимента могут служить появившиеся (новые) общественные отношения, либо трансформирующиеся, под воздействием нестандартных условий, либо потребность в испытании новых подходов в правовом регулировании и пр. На этих факторах вполне возможно остановиться, если рассматривать их в качестве основания появления экспериментальной правовой нормы. Последняя, безусловно выступая связующим звеном между правовым экспериментом и результатом правового воздействия в виде наступления каких-либо правовых последствий, является скорее средством их достижения, а также формально-юридическим основанием экспериментирования в целом.

Во-вторых, следует отметить, что экспериментальная правовая норма не всегда выражается в появлении какого-либо нового, инновационного правового предписания, ранее не существовавшего. Интересной формой объективизации экспериментальной правовой нормы является приостановление действия общего правового предписания или его структурного элемента. Историческим примером является принятие во Франции в 1975 г. закона, приостановившего на определенное время (5 лет) действия санкции за аборт [Карбонье 1986 : 70]. В качестве современной иллюстрации приостановления как формы реализации экспериментальной правовой нормы укажем на проводимую модернизацию системы контроля за загрязнениями окружающей среды [Федеральный закон № 195-ФЗ от 26.07.2019]. Для этого государство использует такой универсальный правовой институт как квоты. Так, установление квот на выбросы загрязняющих веществ на ряде предприятий

приостановило разработку материалов для перехода к наилучшим доступным технологиям [Чистый воздух : 2023].

Более универсальное определение экспериментальной правовой нормы, по нашему мнению, дали профессора А. Г. Репьев и И. Н. Сенякин. Авторы убеждены, что «экспериментальная правовая норма – это нормативное предписание, сложившееся в результате специализации правового регулирования на основе учета особенностей определенного его вида, направленное на пробное установление властного веления, характеризующегося избирательной юридической силой в отношении конкретно установленных субъектов общественных отношений, временных и территориальных границ» [Репьев, Сенякин 2022 : 39].

Солидаризируясь с обозначенной точкой зрения, укажем, что экспериментальная правовая норма, с одной стороны выступает несущей конструкцией правового экспериментирования в целом, поскольку для его участников посредством пробного правила также устанавливаются права, обязанности, закрепляются стимулы и ограничения. С другой стороны, экспериментальная правовая норма характерна не только для экспериментирования в праве, так как любая апробация новых механизмов в экономике, проверка инновационных средств в промышленности имеет документационное оформление (ведомственным правовым актом, актом локального правотворчества), что наделяет экспериментальную норму качеством формально-юридической основы и сущностным ядром испытания.

Среди специфических признаков экспериментальной правовой нормы, отличающей ее от иных, в том числе специальных нормативных установлений, мы хотели бы добавить *особенность ее конструкции*. В частности, в отличие от общего правового предписания, в рамках которого для его применения определяющее значение имеет диспозиция, то для экспериментальной правовой нормы ключевое значение приобретает гипотеза (не затушевывая значение самого правила поведения, изложенного в диспозиции, а также мер ответственности, налагаемых за неисполнение или ненадлежащее исполнение). Данный компонент, как известно, указывает на условия в которых применяется правовая норма, и поэтому ему уделяется здесь особое значение. Помня о том, что «любой социальный эксперимент проводится для верификации гипотезы» [Яцкевич 1984 : 24], укажем, что именно нестандартные условия, исключительные обстоятельства, возможные побочные факторы реализации предполагаемого нормативного установления побуждают законодательные органы прибегать к его экспериментальной разновидности. В частности, для отдельных видов экспериментальных правовых норм гипотеза, как компонент правового предписания, приобретает приоритетный характер по отношению к диспозиции и санкции, поскольку последние не отличаются от генерального установления. К примеру, в рамках эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды, орган его реализации, отдельно остановился на условиях информационно-технологического взаимодействия участников данного эксперимента, которое осуществлялось в рамках апробации платформы цифровой образовательной среды и информационно-коммуникационной образовательной платформы [приказ Минпросвещения России № 492 от 26.07.2021]. При этом, права и обязанности участников опытных испытаний, возможные санкционные последствия игнорирования ограничений и запретов [постановление Правительства Российской Федерации № 2040 от 07.12.2020], не были подвержены изменению.

Таким образом можно предположить, что *экспериментальная норма права – это обусловленное усложнением общественных отношений и специализацией законодательства нормативное правовое предписание, принимаемое на определенный период времени, в рамках очерченного пространства и применительно к ограниченному кругу участников общественных отношений, в целях установления научно и практически обоснованного варианта наиболее эффективной модели правового регулирования*.

Список литературы

1. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1986. 352 с.
2. Лазарев В. В. Избранные труды : в 3 т. Т. II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». М. : Новая юстиция, 2010. 504 с.
3. Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М. : Юрид. лит., 1987. 144 с.
4. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
5. Бабаев В. К., Байтин М. И., Баранов В. М., Вопленко Н. Н. [и др.]. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. В. К. Бабаева и М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 248 с.
6. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. М. : Юрид. лит., 1988. 304 с.
7. Репьев А. Г. Специальный правовой статус: сущность и содержание (на примере сотрудника органов внутренних дел) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
8. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16 : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему

- «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 г.) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Н. Новгород : ЮНИКОПИ, 2022. С. 36–42.
9. Суменков С. Ю. Правосознание специальных субъектов как детерминанта их правового усмотрения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 24–33.
 10. Толковый словарь русского языка : ок. 7000 словар. ст.: свыше 35000 значений: более 70000 ил. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, 2003. 1582 с.
 11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт : ДОМ. XXI век, 2008. 1239 с.
 12. Чистый воздух как эксперимент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5282815?ysclid=l4zbuymuzc341391863> (дата обращения: 29.01.2023).
 13. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. М. : Высшая школа, 1978. 269 с.
 14. Яцкевич С. А. Социальный эксперимент и научное управление обществом. Минск : Изд-во «Университетское», 1984. 143 с.

Сведения об авторе:

Маргарян Арсен Восканович, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета; адвокат Пензенского филиала коллегии адвокатов «Московский юридический центр «Гарант», г. Пенза, Россия.

И. Ю. Онкина

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

СТРАТЕГИИ НАИМЕНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРУПП ЛИЦ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

I. Yu. Onkina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

NAMING STRATEGIES FOR SOCIALLY VULNERABLE GROUPS IN REGULATORY LEGAL ACTS

Аннотация. Рассматривается проблема наименований социально незащищенных групп лиц. Автор предполагает, что систематизация терминологии в таких тематических областях поможет избежать фактических ошибок при создании текстов. В результате исследования на основе анализа законов и иных устоявшихся правил предлагается ряд рекомендаций по безопасному с точки зрения лингвистики освещению неоднозначных тем.

Ключевые слова: стратегии наименования, социально незащищенные группы лиц, медиабезопасность, социальное благополучие, методические рекомендации, безопасный контент

Abstract. The article deals with the issue of naming socially vulnerable groups of people. The author suggests that the systematization of terminology in such thematic areas will help to avoid factual errors when creating texts. The analysis of laws and other established rules allows to offer recommendations for a linguistically safe coverage of ambiguous topics.

Keywords: naming strategies, socially vulnerable groups, media security, social well-being, guidelines, content safety

В любом обществе есть социально незащищенные категории населения. Это люди, которые по разным причинам не имеют стабильного дохода, не могут получать достойную медицинскую помощь, образование и работу. Это могут быть безработные, низкооплачиваемые рабочие, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, беженцы и другие. Социально незащищенные категории населения испытывают трудности в повседневной жизни. Некоторые из этих проблем могут быть связаны с отсутствием социальной защиты и поддержки государства. Для решения проблем социально незащищенных категорий населения необходимо создавать условия для их интеграции в общество. Государство должно обеспечивать доступ к образованию, медицинской помощи и трудовым ресурсам для всех граждан. Кроме того, нужно разрабатывать программы социальной защиты и помощи, включая социальные выплаты, льготы и субсидии. Важно помнить, что социально незащищенные категории населения – это люди, которые также могут внести свой вклад в развитие общества.

В настоящее время остаются актуальными проблемы лиц, которых принято относить к незащищенным категориям граждан. Экологическая ситуация способствует развитию врожденных и приобретенных тяжелых заболеваний, последствия которых в значительной мере осложняют жизнь человека, что часто становится причиной для получения особого статуса здоровья. Наука и медицина активно развиваются, что приводит не только к появлению новых методик лечения, но и позволяет поддерживать жизнедеятельность даже в самых тяжелых случаях. В целом современный мир полон стрессовых ситуаций, кризисов различного характера, которые в том числе подрывают устойчивость человека к трудным жизненным ситуациям, вынуждая их также приобретать особые статусы нуждающихся в какого-либо рода поддержке. Современное общество также склонно к эмпатии, а потому в нем появляется потребность в выражении особого отношения к людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Тем не менее, нормативная база РФ на данный момент не располагает полноценной системой наименований социально незащищенных категорий граждан. Отсутствие систематизации в какой-либо области неизбежно влечет фактические и стилистические ошибки в употреблении тех или иных лексем, существующих для обозначения определенных групп

лиц, что в контексте социально-незащищенных категорий граждан также несет особые последствия с точки зрения морали.

Помимо правового урегулирования нормативные акты также могут выполнять дефинитивную функцию, поясняя в дефинитивных нормах, как именно понимается в законе то или иное явление действительности. Подробное описание различных социальных групп и их признаков в законе также помогает предотвратить фактические ошибки при создании текстов на социально значимую тематику. Так, например, часто в СМИ описываются различные юридические процессы, система участников которых закреплена в соответствующих кодексах, что в значительной мере упрощает процесс наименования участников описываемой ситуации. Система наименований участников юридических процессов в нормативных актах изложена достаточно подробно, в каждом из кодексов участникам посвящены отдельные разделы, главы и статьи. Существующее законодательство, во-первых, разделяет наименования по сферам – для обозначения участников уголовного, гражданского и административного процессов существуют отдельные термины, так, например, в гражданско-правовых отношениях не может быть потерпевших и подсудимых [Кодекс РФ №138-ФЗ от 14.11.2002], а в административном процессе рассматриваются правонарушения [Кодекс РФ № 195-ФЗ от 30.12.2001], а не преступления, как в уголовном [Кодекс РФ №174-ФЗ от 18.12.2001]. Во-вторых, важно учитывать этап и статус доказательства виновности. Доказанность вины является необходимым условием для привлечения человека к любому из видов ответственности [Кодекс РФ №174-ФЗ от 18.12.2001, Кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996, Кодекс РФ № 51-ФЗ от 30.11.1994, Кодекс № 195-ФЗ от 30.12.2001]. При этом производные от наименований преступлений неизбежно содержат в себе компонент вины и часто используются некорректно по отношению к людям, не совершавшим преступления [Фролова 2016 : 163]. Так, ни одна из возможных предусмотренных законом санкций не может быть применена к человеку, который лишь подозревается в совершении противоправного деяния, а следовательно, несправедливым будет также заранее использовать в адрес подозреваемого, ответчика или лица, в отношении которого ведется административное производство, лексические единицы со значением наличия доказанной вины – убийца, вор и др. В случайных контекстах из СМИ только в 5 % случаев были допущены ошибки фактического характера. Преимущественно положительные результаты анализа контекстов из СМИ по данной тематике позволяют говорить о том, что при наличии строго обозначенной системы риск допущения фактической ошибки в тексте снижается.

Выдвинем гипотезу о том, систематизация наименований какой-либо области может способствовать урегулированию таких тематических областей, где правила не закреплены в нормативных правовых актах (НПА) и иных документах, а сами области применения наименований представляют собой неоднозначные с моральной точки зрения темы. Тогда целью нашего исследования будет систематизация существующих наименований социально незащищенных категорий граждан, а также создание свода правил и инструкций рекомендательного характера, на основе анализа нормативно-правовых актов и негласных правил использования наименований в данной сфере, сформировавшихся и используемых в обществе. Подобная система наименований и рекомендаций позволит сформировать общее представление о том, что такое «социально незащищенные категории граждан» и как наиболее корректно использовать данные наименования в текстах различного целевого назначения и жанра.

Для достижения данной цели необходимо: 1) произвести анализ НПА, связанных с данной тематикой для определения правового представления о социально-незащищенных категориях граждан; 2) исследовать негласные сложившиеся в обществе правила и стратегии наименования в данной сфере; 3) обобщить полученные данные в виде системы наименований и набора рекомендаций по использованию данных наименований.

В первую очередь для выявления рекомендаций по благополучному освещению данной тематики необходимо определить круг лиц, входящих в категорию социально-незащищенных. Согласно словарю благотворительности, к социально незащищенным категориям граждан относятся лица, не имеющие возможности без социальной поддержки обеспечить себе и своим семьям достойный уровень жизни [Плотникова 2022 : 101].

Законодательство не дает определения понятию «социально незащищенные категории граждан». Кроме того, в правовом поле существует своего рода синоним данного понятия, включающий в себя элементы дефиниции – лица, имеющие право на социальную помощь. При этом законодатель активно использует именно формулировку «социально незащищенные» или описывает данные группы граждан косвенно в многочисленных НПА.

В Федеральном законе 159-ФЗ о гарантиях социальной поддержки детей-сирот к числу людей, которых государство считает нуждающимися в дополнительной социальной поддержке, относятся: детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей [Федеральный закон №159-ФЗ от 21.12.1996].

В п. 1.2. Указания Генпрокуратуры РФ в контексте рекомендации в первую очередь рассматривать обращения социально незащищенных категорий населения, к данным категориям отно-

ются: ветераны, инвалиды, несовершеннолетние, многодетные семьи, малоимущие граждане [Указание Генеральной прокуратуры РФ №137/9 от 06.03.2020].

В Перечне поручений президента в рамках обсуждения необходимости принятия дополнительных мер по защите от мошеннических схем в качестве потенциальных жертв указываются: инвалиды, пенсионеры, другие социально незащищенные категории граждан [Перечень поручений, утв. Президентом РФ № Пр-2243 от 31.12.2020].

Стратегии развития сотрудничества стран СНГ в контексте приоритетного развития физической культуры и спорта среди различных категорий граждан, в частности, упоминают: детей из многодетных семей, сирот, лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инвалидов, пожилых людей [Документы заседания Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 29.05.2020].

В контексте предоставления льгот на платные услуги, которые оказываются государственными учреждениями культуры упоминаются: дети дошкольного возраста, учащиеся, инвалиды, иные категории социально незащищенных групп населения [Положения № 484-ПП от 23.07.2013].

Зачастую авторы нормативных актов включают в перечень нуждающихся в поддержке само понятие «социально незащищенные категории граждан», оставляя его без уточнения. В целом, помимо выносимых отдельно и конкретно перечисляемых в законе категорий к социально незащищенным, исходя из определения, можно отнести все группы лиц, которым положены какие-либо пособия и иные формы государственной поддержки – безработные, пострадавшие в результате стихийных бедствий, катастроф, беженцы, переселенцы, жертвы репрессий [Плотникова 2019 : 212].

Так, даже в отсутствие в законодательстве установленного перечня, на основании различных НПА можно выделить следующие социальные группы, которые часто относят к социально незащищенным:

- безработные;
- ветераны;
- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей;
- инвалиды;
- лица, которым предоставляется благотворительная помощь в соответствии с законом
 - пострадавшие в результате стихийных бедствий, катастроф,
 - беженцы,
 - переселенцы,
 - жертвы репрессий;
- лица с ОВЗ;
- малоимущие граждане;
- пенсионеры.

В РФ также действует особое законодательство, посвященное социальной защите отдельной категории граждан, нуждающихся в поддержке государства – инвалидов. Правовой статус данной социальной группы закреплен в 181-ФЗ – «О социальной защите инвалидов в РФ». Данный НПА призван определить государственную политику в области социальной защиты людей с ОВЗ и обеспечить им равные возможности в реализации правового статуса гражданина РФ. ФЗ состоит из 6 глав: первая посвящена общим положениям, вторая и третья – медицинским аспектам вопроса, в четвертой и пятой главах подробно описываются виды социальной поддержки инвалидов и способы ее реализации, заключительная глава посвящена формальному обеспечению действия данного НПА.

В рамках изучения данного вопроса особый интерес представляют различного рода дефинитивные нормы, а также нормы, содержащие общие положения, позволяющие сделать выводы о том, как именно обеспечивается безопасность – какие наименования, в каких контекстах уместно и допустимо использовать.

Рассмотрим статьи 1–3 первой главы данного закона. Статья 1 «Понятие "инвалид", основания определения группы инвалидности» является преимущественно дефинитивной – она дает определения таким ключевым понятиям как инвалид и ограничение жизнедеятельности, правонарушения в данной статье не упоминаются. Статья 2 «Понятие социальной защиты инвалидов» также является дефинитивной и дает определения социальной защите и социальной поддержке инвалидов. Статья 3 «Законодательство Российской Федерации о социальной защите инвалидов» определяет круг НПА, регулирующих рассматриваемый вопрос. Статья 3.1 «Недопустимость дискриминации по признаку инвалидности» помимо того, что является дефинитивной и дает определение заявленному в заглавии понятию, также условно отсылает нас к наименованию преступления, регулируемого ст. 136 УК РФ – дискриминации, предусматривающей наказание от штрафа до заключения сроком до 5 лет [Федеральный закон № 181-ФЗ от 24.11.1995].

Среди ключевых слов, так или иначе получивших репрезентацию данным федеральным законом, можно выделить следующие: *инвалид, ограничение жизнедеятельности, ребенок-инвалид,*

социальная защита инвалидов, социальная поддержка инвалидов, дискриминация, дискриминация по признаку инвалидности, оскорбление, обучающийся с ограниченными возможностями здоровья. Однако обозначенный перечень не покрывает все варианты лексем, используемых для обозначения той или иной категории социально незащищенных – к нему также можно добавить медицинскую и правовую терминологию и ее производные (*глухота – глухой, слепота – слепой, кретинизм – кретин, шизофрения – шизофреник, безработица – безработный и др.*), а также разного рода просторечные наименования (*калека, убогий, псих и др.*). Разделим все лексемы на допустимые и недопустимые наименования, а также выделим в отдельную группу медицинскую и правовую терминологию. К допустимым отнесем корректные формулировки, к недопустимым – инвективную лексику и просторечия.

Среди возможных наименований существуют группы лексики, широко используемые в медицине и юриспруденции, которые включают в себя различного рода лексемы, называющие, в том числе, группы лиц, являющихся носителями какого-либо заболевания и/или особого правового статуса. К таким, например, по отношению к лицам с ОВЗ, можно отнести слова *инвалид* и *ребенок-инвалид*, определяемые рассмотренным ранее законом. Сюда же можно отнести такие наименования как *урод, глухой, слепой, аутист, шизофреник, пострадавший, безработный* и др. Особенность данной группы лексики заключается в том, что в зависимости от контекста они могут восприниматься и как формальные наименования с нейтральной окраской, и как инвективы, в том числе, если высказывание не соответствует действительности.

Рассмотрим данное явление подробнее на примере одной из подгрупп. Аутист – это человек с признаками расстройства аутистического спектра (РАС). Данное наименование активно используется в специальных текстах, описывающих симптомы и особенности взаимодействия с нейроразличными людьми:

(1) *Аутисты* обладают большими способностями к программированию, по некоторым данным, в компании Билла Гейтса до 20 % персонала – аутисты. 70 % *аутистов* не имеют друзей [Национальный корпус русского языка].

(2) *Считается, что до полутора лет аутисты* развиваются как обычные дети [Национальный корпус русского языка].

В представленных примерах 1 и 2 лексема «аутист» используется в форме множественного числа и употребляется в научно-популярных контекстах, призванных продемонстрировать факты, отличающие людей с РАС от нейротипичных, для чего важно акцентировать внимание на характеристиках, а не на личностях-носителях особенностей. Такое наименование обобщенно называет целую группу людей с диагнозом, в то время как в обыденной речи «аутист» в форме единственного числа может быть воспринято как инвектив, особенно, если используется по отношению к конкретному человеку, не обезличенно: «*Эй, ты, аутист!*», «*Этот Х вечно молчит – аутист какой-то*». В отрыве от формальных контекстов такое наименование может также звучать спорно или недопустимо, например, когда употребляется в заголовках СМИ или в повествовании. Сравним следующие заголовки:

(1) *Мать выброшенного с балкона третьего этажа аутиста* раскрыла подробности трагедии [Национальный корпус русского языка].

(2) *Пропавшего в Новосибирске подростка-аутиста* ищут по всей России [Там же].

Заголовок из примера (1) можно охарактеризовать как более резкий и менее социально одобряемый, чем заголовок из примера (2). Подобного рода искажения связаны с различными стратегиями наименования людей с особенностями:

- *Identity First Language (IFL)* – акцент на идентичность (например, «аутист» или «аутичная персона»);

- *Person First Language (PFL)* – акцент на личность (например, «человек с аутизмом»).

Более приемлемой стратегией считается PFL, так как при наименовании важно подчеркивать, что вне зависимости от набора способностей и особенностей предметом речи, в первую очередь, является человек, личность [Person-First Language vs. Identity-First Language]. Данная стратегия используется всемирными организациями и официальными организациями, поэтому конструкция с приложением типа «ребенок-аутист» скорее всего будет воспринята в новостных текстах как более допустимая. Также корректными считаются именно наименования, характеризующие наличие у человека какого-либо диагноза как факт, полностью исключающий оценку – «человек с особенностями развития/РАС/аутизмом». Напротив, не рекомендуется включать в такие конструкции слова «заболевание», «расстройство», «страдающий», «больной» так как они отсылают к состоянию человека как к чему-то, что необходимо исправить, исцелить, в то время как большинство таких состояний либо совсем не подвергаются лечению, либо являются трудно корректируемыми, а потому могут быть только приняты и учтены, а не исправлены. Так, например, сами люди с РАС говорят о подобных формулировках:

«Человек, страдающий аутизмом» – это вообще о чем? Вы уверены, что он страдает? Надо ли его в этом убеждать?» [«Страдающий аутизмом» или «аутичный человек?»].

Подобным образом в языке реализуются наименования представителей других групп социально-незащищенных граждан. Лексемы «шизофреник», «даун», «инвалид» могут быть в определенных контекстах истолкованы как инвективы, особенно если используются по отношению к человеку, не имеющему указанного диагноза. Точно так же более допустимыми вариантами будут их употребления в таких синтаксических конструкциях, где диагноз используется для характеристики человека, а не для его обозначения: «девочка с синдромом Дауна», «молодой человек с инвалидностью» и т.д. Не рекомендуется включать в контекст лексемы с семантическим компонентом страдания и болезни – «страдающий», «больной» и др.

Спорной также является сама формулировка «лицо с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)». Подобно словам со смысловым компонентом болезни и страдания, данное наименование содержит в себе прилагательное «ограниченный», что также может быть не самым удачным вариантом обозначения людей, обладающих, например, выраженными умственными способностями и иными талантами в совокупности с особенностями развития или анатомического строения. Тем не менее, данное наименование широко распространено в виде аббревиатуры, частично скрывающей компоненты значений каждого отдельного слова. Акронимы наряду со вторичными номинациями могут использоваться как эвфемизмы [Серкова 2015 : 30]. Следовательно, сокращение ОВЗ может быть использовано для общего обозначения людей с особенностями. В том числе, такая формулировка распространена в нормативных актах различного уровня.

Стоит также отметить, что в рамках самоидентификации данные ограничения значительно расширяются – люди, принадлежащие к какой-либо группе и открыто причисляющие себя к ней, имеют преимущество в использовании практически любых наименований. По возможности, также рекомендуется уточнять у самого объекта речи, какое наименование по отношению к нему лучше всего использовать.

Таким образом, при наименовании социально-незащищенных категорий граждан следует учитывать ряд аспектов. Необходимо:

- 1) учитывать целевое назначение текста и корректно использовать терминологию;
- 2) следовать стратегии наименования PFL – с акцентом на личность, а не на ее особенности;
- 3) исключать из контекста слова со значением болезни и страдания.

По возможности, важно также ориентироваться на индивидуальные предпочтения конкретных людей при обращении или описании их каким-либо образом. Исключительно недопустимыми являются инвективы и примеры использования любых наименований с целью оклеветать, оскорбить или унижить кого-либо. Все полученные данные были обобщены в базу данных методических рекомендаций по созданию безопасного медиаконтента при освещении тем, связанных с социально-незащищенными категориями граждан.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 : (ред. от 28.02.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 : (ред. от 17.02.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
3. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 : (ред. от 16.04.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 18.03.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
6. Person-First Language vs. Identity-First Language: Which Should You Use? URL: <https://www.thesaurus.com/e/writing/person-first-vs-identity-first-language/#:~:text=The%20term%20identity%2Dfirst%20language,blind%20person%2C%20and%20autistic%20person>
7. Документы заседания Совета глав правительств Содружества Независимых Государств «О Стратегии развития сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на 2021–2030 годы» от 29.05.2020. URL: <https://e-cis.info/page/3758/87132/>
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>
9. Перечень поручений по итогам встречи с представителями общественных организаций инвалидов: перечень поручений, утв. Президентом РФ № Пр-2243 от 31.12.2020. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64860>
10. Плотникова А. М., Воронина Т. М., Гуляева Г. Е. Язык добрых дел. Словарь благотворительности / под общ. ред. А. М. Плотниковой. Екатеринбург : Москва : Кабинетный ученый, 2022. 132 с.

11. Плотникова А. М. Наименования социально незащищенных групп лиц в правовом пространстве и за его пределами // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 209–218.
12. Положения, утв. Постановлением Правительства Москвы «О Департаменте культуры города Москвы» № 484-ПП от 23.07.2013. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/6200220/>
13. Размышляем. «Страдающий аутизмом» или «аутичный человек»? URL: <https://antontut.ru/autism/stradayushhij-autizmom-ili-autichnyj-chelovek/>
14. Серкова Н. И. Политкорректные эвфемизмы русского и английского языков в современной лексикографической практике // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 23–31.
15. О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 137/9 от 06.03.2020 URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36989854#pos=1;-106
16. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : федер. закон № 159-ФЗ от 21.12.1996 (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/
17. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон № 181-ФЗ от 24.11.1995 (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
18. Фролова О. Е. О метафоре в лексико-семантической группе «Преступник» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 154–167.

Сведения об авторе:

Онкина Ирина Юрьевна, лаборант-исследователь Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия.

Н. А. Плахтий

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ

N. A. Plakhtiy

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

LEGAL-LINGUISTIC UNCERTAINTY OF AN EXCEPTIONAL CASE

Аннотация. Рассматривается юридико-лингвистическая неопределенность феномена «исключительный случай». Отмечается, что представленное качество настоящей синтагмы репрезентируется как на юридическом, так и лексическом уровнях. Подобная расплывчатость явления детерминируется прежде всего перечнем отличительных признаков исключительного случая.

Ключевые слова: исключительный случай, исключение, оценочное понятие, определенность, неопределенность

Abstract. The article deals with the legal and linguistic uncertainty of the «exceptional case» phenomenon. It is noted that the presented quality of a real syntagma is represented both at the legal and lexical levels. Such vagueness of the phenomenon is determined primarily by the list of distinguishing features of an exceptional case.

Keywords: exceptional case, exception, evaluative concept, certainty, uncertainty

В правовой действительности достаточно активно используются дефиниции неопределенного, оценочного плана. Лингвистический базис нормативно-правового текста не может существовать без абстрактных языковых компонентов, что обусловлено полиморфичной природой самих общественных отношений. Такой лексической расплывчатостью отличается и рассматриваемое явление в виде синтагмы «исключительный случай».

Исключительный случай, в качестве правового феномена, наряду с такими свойствами как экстраординарность, чрезвычайность, универсальность, непременно характеризуется оценочностью, посредством которой привносит элемент неопределенности в регламентируемые отношения.

Не углубляясь в вопросы дефинирования настоящего фразеологического оборота, обратим внимание на одно обстоятельство. Перечень вышеуказанных признаков исключительного случая объединяет два фактора: абстрактность и противоположность правилу.

К примеру, исключительный случай может быть предельно разным. Там, где одно событие представлено как исключительный случай, в иной части мира и другом моменте бытия уже будет рассматриваться в качестве обыденного, тривиального инцидента. Так, для некоторых областей Африки сезон муссонных дождей считается чем-то привычным, отчасти неприятным, но в целом стандартным событием. Если ли же такой погодный период возникнет на территории Саратовской области, то это уже будет казус исключительного порядка, тем самым подпадая под описание явления «исключительный случай».

Конечно сочетание в исключительном случае таких качеств как абстрактность и антагонистичность правилам априори присуще всем феноменам, отражающим понятие «исключение в праве» [Суменков 2012 : 89–94].

Однако подобные объективные частицы, содержащее в себе нечеткие элементы, достаточно сложно выразить в стандартизированной и единой дефиниции. Даже если это удастся сделать, то как указывала Л.Ф. Апт: «неясные легальные определения не достигают своей цели – они не облегчают процесс понимания заинтересованными лицами сути закона» [Апт 2008 : 46].

Такое тем более присуще исключительному случаю, с его гиперболизированными свойствами атипичности и экстраординарности. Вероятно, что именно лингвистические доводы становятся причиной отсутствия, общей унифицированного определения исключительного случая в правовых актах.

В частности, об этой проблематике говорит и Н.А. Власенко: «мышление и язык при всем их могуществе и универсальности не всегда в состоянии с абсолютной точностью отразить разнообразие, оттенки того или иного явления» [Власенко 2015 : 202].

При этом можно задаться вопросом о целесообразности наличия в праве юридико-лингвистически неопределенных понятий, ибо как верно считала Л. Ф. Апт, до сих пор недостаточно ясен вопрос, какие компоненты правовой действительности и при каких условиях нуждаются в легальных определениях [Апт 2008 : 41].

Ведь одностороннее использование в законах и нормативных документах только конкретно определенных дефиниций лишает их гибкости, эластичности, воздействия на общественные отношения, затрудняет оперативное внесение в них изменений и дополнений [Власенко 2015 : 197].

Как думается, очевидно, что в большинстве нормативных положений значение «исключительности» случая в праве не расшифровано и, при общем посыле о том, что он подразумевает атипичность случая, обозначенная дефиниция является достаточно неопределенной как в юридическом, так и лингвистическом плане.

По нашему мнению, формулирование субъектом правотворчества исключительного предписания, обозначаемого как «исключительный случай», вызвано в первую очередь атипичностью и экстраординарностью регламентируемого отношения. Эти свойства исключительного случая позволяют утверждать о некоторой юридико-лингвистической определенности используемого лексического оператора, корреспондирующей с общепризнанной терминологией в праве.

Вместе с тем, надо признать, что и атипичность и, в особенности, экстраординарность изначально предполагают существование неустановленного перечня опасностей, связанных с теми или иными рисками. Количество таких событий может быть непредсказуемое множество, что не позволяет осуществлять их нормативно-правовую регламентацию.

Именно поэтому подобную юридико-лингвистическую неопределенность дефиниции «исключительный случай» должен нивелировать правоприменитель при проведении дискреции [Плахтий 2022 : 109–116].

Однако при практической реализации и толковании заложенных нормативных положений с языковым компонентом «исключительный случай», в конечном счете субъект сталкивается с недостатком информации об исследуемом феномене.

Последствия иллюстрируемой пробельности нередко приводит к тому, что перечень юридических фактов конкретного казуса чрезмерным образом влияет на определение тех или иных обстоятельств в качестве исключительных случаев.

Полагаем для того, чтобы облегчить уполномоченному лицу процесс правоприменения и правоинтерпретации исключительного случая можно предложить и вывести специальную теоретическую гипотезу: соотношение юридической определенности с правовой неопределенностью. Настоящий подход основывается на правовом явлении оценочности, как одного из генеральных признаков синтагмы «исключительный случай».

Представляется, что обозначенные парные явления «определенность» и «неопределенность» имеют не только различия и сходства, но и связаны между собой частными закономерностями.

На это косвенно указывает Н. А. Власенко, когда говорит о том, что «неопределенность используется как средство достижения оптимальной... определенности в правовом опосредовании общественных отношений» [Власенко 2014 : 52].

Центральное ядро настоящей гипотезы состоит из главенствующей закономерности – чем детальнее определен термин «исключительный случай» в нормативно-правовых актах, тем сильнее он утрачивает свои отличительные свойства и наоборот, чем слабее конкретизирован в контексте юридического предписания исключительный случай (и его отдельные признаки, в частности), тем более эксплицитно выражена специфика исследуемого правового феномена.

Предположительно данная конструкция аналогично применима и к большинству других оценочных понятий в основе которых лежат подобные (или схожие) неопределенные свойства или признаки (экстраординарность, чрезвычайность, оценочность, универсальность).

Кроме этого допускаем, что существует взаимосвязь отличительных черт исключительного случая. В рамках предложенной концепции презюмируется, что чем подробнее описывается в норме, например, такой его признак как «экстраординарность» (или любой другой), то тем менее выражены и определены остальные генеральные черты исключительного случая.

В результате следует резюмировать следующие выводы по юридико-лингвистической неопределенности исключительного случая. Анализ языкового компонента «исключительный случай» позволяет утверждать с одной стороны об однозначном смысловом восприятии исследуемой синтагмы в юридическом континууме, а с другой содержит в себе предельную абстракцию. Его конкретизирующим базисом преимущественно является перечень корреспондирующих ему признаков (экстраординарность, чрезвычайность, универсальность, оценочность). В то же время именно они становятся детерминантами неопределенности настоящего феномена. Фактически «исключительный случай» таит в себе своеобразную антиномию имплицитно в себе два на первый взгляд конфликтных свойства: однозначно воспринимаем и относительно не определен.

Список литературы

1. Апт Л. Ф. Дефиниции и право. М. : Академия, 2008. 142 с.
2. Власенко Н. А. Избранное М. : Норма, 2015. 671 с.
3. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М. : ИНФРА-М, 2014. 156 с.
4. Плахтий Н. А. Психологические процессы усмотрения правоприменителем исключительного случая: теория и практика // Право и образование. 2022. № 12. С. 109–116.
5. Суменков С. Ю. Исключения из правил как идеальная возможность сочетания абстрактного и конкретного в правовом регулировании // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2012. № 5. С. 89–94.

Сведения об авторе:

Плахтий Николай Алексеевич, аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия.

Е. А. Прокаева

Управление Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области,
г. Пенза, Россия

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИМОНОПОЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБ НА ТОРГИ, ПРОВОДИМЫЕ В РАМКАХ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

E. A. Prokayeva

Office of the Federal Antimonopoly Service of the Penza region, Penza, Russia

LEGAL ASPECTS OF CONSIDERING COMPLAINTS ON TENDERS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Аннотация. Анализируются отдельные положения норм действующего законодательства, регламентирующие порядок реализации контрольно-надзорных функций и полномочий антимонопольного органа за проведением торгов по реализации имущества должников, признанных несостоятельными (банкротами). Оценивается возможность реализации установленных законом полномочий с учетом правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: полномочия антимонопольного органа, торги по реализации имущества, несостоятельность (банкротство)

Abstract. The article analyzes the provisions of the norms of the current legislation regulating the procedure for exercising control and supervisory functions and the powers of the antimonopoly body for holding auctions for the sale of property of debtors declared insolvent (bankrupt). The article indicates the presence of legal powers, backed up by the position of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: powers of the antimonopoly authority, bidding for the sale of property, insolvency (bankruptcy)

Полномочия антимонопольного органа по рассмотрению жалоб на торги по реализации имущества закреплены пунктом 4.2 части 1 статьи 23 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции), согласно которому антимонопольный орган рассматривает жалобы на нарушение процедуры **обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов**, продажи государственного или муниципального имущества.

В силу положений статей 110, 139 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) **проведение торгов в рамках процедуры банкротства является обязательным.**

Согласно правовой позиции, изложенной, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.04.2014 № 17974/13 по делу № А39-3314/2012, определении Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС21-29313 от 24.02.2022 по делу № А13-6497/2021, пункте 5 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2016, **осуществление контроля за ходом торгов в рамках процедуры банкротства делегировано антимонопольным органам.**

Таким образом, контрольно-надзорная функция по рассмотрению жалоб на проведение торгов в рамках процедур банкротства Законом о защите конкуренции относится к полномочиям антимонопольных органов, а порядок реализации данной функции прямо предусмотрен статьей 18.1 Закона о защите конкуренции.

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определениях от 26.04.2022 № 309-ЭС21-27706, от 06.06.2022 № 305ЭС22-763 сформулирована

следующая правовая позиция относительно полномочий антимонопольного органа по контролю за данной категорией торгов:

– антимонопольный контроль за торгами, в том числе контроль за соблюдением процедуры торгов, ограничен случаями, когда результаты проведения определенных торгов способны оказать влияние на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках (торги, проводимые в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (статья 8), Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (часть 2 статьи 1, пункт 2 части 2 статьи 3),

– вывод о наличии оснований для антимонопольного контроля за торгами в конкретных случаях также может быть сделан по результатам проведенного антимонопольным органом анализа состояния конкуренции, если они свидетельствуют о значимости исхода торгов с точки зрения предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования,

– проводимые в рамках процедур банкротства торги не преследуют в качестве своей основной цели обеспечение и развитие конкуренции на тех или иных товарных рынках, следовательно, осуществление антимонопольного контроля не является безусловным и в каждом конкретном случае требует обоснования со стороны антимонопольного органа с точки зрения реализации целей Закона о защите конкуренции.

Вместе с тем, статья 18.1 Закона о защите конкуренции не предусматривает проведение анализа состояния конкуренции.

Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке установлен Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке».

Данный приказ также не предусматривает проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке при рассмотрении жалоб в порядке статьи 18.1 Закона о защите конкуренции.

Таким образом, действующее законодательство не связывает рассмотрение жалобы в порядке статьи 18.1 Закона о защите конкуренции с проведением антимонопольным органом анализа состояния конкуренции на товарном рынке.

Основной задачей антимонопольного органа при реализации полномочий, установленных статьей 18.1 Закона о защите конкуренции, является оперативное пресечение нарушений действующего законодательства при проведении торгов, о чем свидетельствуют сроки рассмотрения жалоб.

Из буквального содержания части 2 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции следует, что процедура обжалования торгов направлена на защиту прав и законных интересов участников (потенциальных участников) торгов, права или законные интересы которых могут быть ущемлены или нарушены в результате нарушения порядка организации и проведения торгов.

Согласно позиции Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС России), изложенной в письме «О направлении информации территориальным органам ФАС России» от 15.07.2022 № ГМ/67432/22, по смыслу положений Закона о банкротстве задача проведения торгов состоит в необходимости на конкурентной основе определить лучшие условия продажи имущества должника, что в конечном счете подчинено общей цели конкурсного производства как ликвидационной процедуры – получению наибольшей выручки для проведения расчетов с кредиторами.

Когда в результате допущенных нарушений при проведении торгов отсутствует состязательность, нивелируется смысл торгов – определение победителя на конкурентной основе. Аналогичный подход определения сути проведения торгов приведен в пункте 25 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2018 № 3.

Следовательно, нарушение установленного порядка организации и проведения торгов не может не свидетельствовать об ограничении конкуренции, поскольку торги являются конкурентной формой определения наилучших условий реализации товара и в них имеет право принять участие любой желающий из неопределенного круга лиц (в том числе физические лица, не являющиеся профессиональными субъектами делового оборота). В противном случае при проведении торгов утрачивается признак конкуренции среди участников, в результате чего проведенная процедура выявления покупателя может противоречить ее сущности.

Кроме того, поскольку торги являются способом заключения договора по реализации товара, нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка может сказаться на обеспечении конкуренции и формировании конкурентного товарного рынка путем лишения возможности потенциальных участников торгов принять участие в торгах либо необоснованного сокращения числа участников торгов. В случае проведения торгов в отсутствие конкурентной борьбы победитель таких торгов получает дополнительные преимущества на товарном рынке, на котором он осуществляет деятельность, поскольку увеличит количество своих основных производственных

средств, при этом иные участники или потенциальные участники таких торгов будут неправомерно лишены возможности получения данного ресурса.

Анализ правоприменительной практики территориальных органов ФАС России, расположенных в Приволжском федеральном округе, показал, что решения, принимаемые на основании правовой позиции ФАС России, зачастую не находят поддержки в судебных инстанциях.

Так, в 2022 году арбитражные суды отменили 5 решений антимонопольных органов на основании позиции Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в определении от 26.04.2022 № 309-ЭС21-27706 (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.12.2022 по делу А43-7549/2022; решение Арбитражного суда Нижегородской области от 02.11.2022 по делу А43-22281/2022; решение Арбитражного суда Нижегородской области от 16.09.2022 по делу А43-20718/2022; решение Арбитражного суда Нижегородской области от 16.11.2022 по делу А43-29231/2022, решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23.08.2022 по делу А65-14225/2022).

В качестве правоприменительной практики Пензенского УФАС России заслуживает внимания постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2022 по делу № А49-628/2022, где суд пришел к выводу о том, что рассмотрение антимонопольным органом в порядке статьи 18.1 Закона о защите конкуренции жалобы на действия организатора торгов, проводимых в рамках процедуры банкротства, не противоречит изложенной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, при условии, если:

– предметом торгов выступает имущество, которое не предполагает его использования потенциальным покупателем в личных целях, а связана исключительно с экономической составляющей, что предполагают наличие круга профессиональных участников и наличие соответствующего товарного рынка. Характер предмета торгов должен предполагать участие в торгах профессиональных участников соответствующего товарного рынка. Что заведомо предполагает, как общее требование антимонопольного законодательства, обеспечение конкуренции на товарном рынке. Такое требование в рассматриваемом случае должно приниматься во внимание и в случае проведения торгов в рамках дела о банкротстве коммерческой организации.

Вместе с тем, Закон о защите конкуренции (статья 18.1) не ставит в зависимость исполнение функции по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных торгов в зависимость от предмета торгов, цели использования реализуемого имущества в гражданском обороте, статуса участников (физические, юридические лица), а ограничивается только фиксированием факта нарушения законодательства при проведении обязательных торгов и нарушением прав и законных интересов участников (потенциальных участников) торгов.

В связи с вышеизложенным, анализ действующего законодательства позволяет прийти к следующим выводам. Поскольку федеральным законодательством функция по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры проведения обязательных торгов закреплена за антимонопольным органом, установлен порядок рассмотрения таких жалоб, в законе не содержится изъятий в отношении предмета и статуса участников торгов, проводимых в ходе проведения, в том числе, банкротных процедур, следовательно, спорные торги являются предметом антимонопольного обжалования.

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 // КонсультантПлюс.
2. О защите конкуренции : федер. закон № 135-ФЗ от 26.07.2006 // КонсультантПлюс.
3. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 // КонсультантПлюс.
4. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ ФАС России № 220 от 28.04.2010 // КонсультантПлюс.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 17974/13 от 22.04.2014 по делу № А39-3314/2012 // КонсультантПлюс.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) : [утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018] // КонсультантПлюс.
7. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2016 // КонсультантПлюс.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС21-29313 от 24.02.2022 по делу № А13-6497/2021 // КонсультантПлюс.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2022 № 305ЭС22-763 // КонсультантПлюс.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 309-ЭС21-27706 // КонсультантПлюс.
11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.12.2022 по делу А43-7549/2022 // КонсультантПлюс.

12. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2022 по делу № А49-628/2022 // КонсультантПлюс.
13. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 02.11.2022 по делу А43-22281/2022 // КонсультантПлюс.
14. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 16.09.2022 по делу А43-20718/2022 // КонсультантПлюс.
15. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 16.11.2022 по делу А43-29231/2022 // КонсультантПлюс.
16. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23.08.2022 по делу А65-14225/2022 // КонсультантПлюс.
17. Письмо ФАС России «О направлении информации территориальным органам ФАС России» от 15.07.2022 № ГМ/67432/22 // КонсультантПлюс.

Сведения об авторе:

Прокаева Елена Анатольевна, заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области, г. Пенза, Россия.

О. И. Семянкова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА В КУРСЕ «ПРИКЛАДНАЯ
ЛИНГВИСТИКА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
МАГИСТРАНТА-ДОКУМЕНТОВЕДА**

O. I. Semyankova

Penza State University, Penza, Russia

**LEGAL AND LINGUISTIC UNCERTAINTY AS A SUBJECT
OF ANALYSIS IN THE COURSE "APPLIED LINGUISTICS
IN CIVIL SERVICE PAPERWORK" OF THE MASTER'S DEGREE
PROGRAM IN PAPERWORK MANAGEMENT**

Аннотация. Рассматриваются методические аспекты и межпредметные связи при прикладном комплексном лингвистическом анализе текстов нормативных правовых актов в рамках изучения коррупциогенных факторов с позиций документной лингвистики в рамках образовательной программы магистратуры направления 46.04.02.

Ключевые слова: коррупциогенные факторы, юридико-лингвистическая неопределенность, лингвистический анализ текста, документовед, магистратура, образовательный процесс

Abstract. The article examines methodological aspects and interdisciplinary connections in the applied complex linguistic analysis of texts of legal acts within the study of corruption-causing factors from the standpoint of documentary linguistics within the framework of the master's degree in the 46.04.02 training program.

Keywords: corruption-causing factors, legal and linguistic uncertainty, linguistic analysis of the text, paperwork manager, master's degree program, educational process

Дисциплина «Прикладная лингвистика в делопроизводстве государственной службы» относится к дисциплинам по выбору студентов образовательной программы магистра «Документационное обеспечение управления электронного правительства» направления 46.04.02. Учебная дисциплина осваивается магистрантами на начальном этапе обучения (2 семестр). Изучение данной дисциплины идет после курсов «Теория современного документоведения и архивоведения» и «Теория и практика архивного дела».

Компетенции, приобретенные в ходе изучения дисциплины «Прикладная лингвистика в делопроизводстве государственной службы», готовят магистранта к дальнейшему освоению профессиональных компетенций. В частности, компетенция ОПК-1 «Готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности» предполагает знание правил логического, стилистически корректного и функционально оправданного построения текста документа, относящегося к определенному жанру в ситуации делового общения на государственной гражданской службе и владение навыками лингвистического анализа. На уровне бакалавриата подобные задачи решались в рамках изучения курса «Документная лингвистика». Практические работы, предлагаемые к выполнению магистрантам, позволяют проводить углубленный структурный и содержательный анализ текстов конкретных документов, наиболее часто встречающихся в практике государственной гражданской и муниципальной службы. Особенно ценно в работах, на наш взгляд, сочетание общенаучных и количественных методов исследования, позволяющих, с одной стороны, получить начальные навыки научного исследования, с другой – повысить валидность анализа конкретного языкового материала. В частности, практическая работа на тему «Методика антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых

актов» направлена на освоение обучающимися таких научных методов, как метод аналогии, описательный метод, метод интерпретации.

Выполнение задач практической работы магистрантами основывается на подборе для анализа проектов 3-5 нормативных правовых актов (далее – НПА), которые регулярно публикуются на сайте Правительства Пензенской области в разделе «Антикоррупционная экспертиза НПА» [Официальный сайт Правительства 2023].

Комплексный анализ текстов предполагает, что магистранты смогут попробовать свои силы в проведении независимой антикоррупционной экспертизы на предмет оценки наличия/отсутствия коррупциогенных факторов.

Такой коррупциогенный фактор, как юридико-лингвистическая неопределенность по-прежнему является одним из антилидеров, мешающих нормотворческой деятельности органов государственной власти Пензенской области и органов местного самоуправления. Так, по сведениям Прокуратуры Пензенской области в 2017 г. в НПА выявлено 440 коррупциогенных факторов, в 2018 г. – уже 721 коррупциогенный фактор [Официальный сайт Прокуратуры 2018], за 2019 год выявлено более 500 коррупциогенных факторов [Официальный сайт Прокуратуры 2020], за 9 месяцев 2020 г. в 360 НПА выявлено 525 коррупциогенных факторов [Официальный сайт Прокуратуры 20.10.2020]. Очевидна «стабильность», мешающая органам власти и в итоге законотворчеству.

В связи с вышесказанным, магистрантам необходимо, во-первых, проверить ссылки на НПА, упоминаемые в текстах проектов анализируемых документов. Данное задание активизирует межпредметные связи, т.к. корректность ссылок проверяется по их фактическому действию (действует ли документ, имеет ли он юридическую силу) и по правильности следования самих элементов ссылки на документ (наименование вида документа + наименование организации-автора документа + дата документа + регистрационный номер документа + заголовок к тексту). Первое возвращает магистрантов к умению пользоваться поисковыми справочными системами (дисциплина «Информационные технологии в профессиональной деятельности»), второе отсылает к дисциплине «Документоведение».

Во-вторых, анализ направлен на изучение методики антикоррупционной экспертизы в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [Постановление Правительства от 26 февраля 2010 г. № 96]. В связи с отсутствием практического опыта и юридического образования у магистрантов-документоведов им рекомендовано после ознакомления с Правилами и Методикой антикоррупционной экспертизы [Постановление Правительства от 26 февраля 2010 г. № 96] дополнительно прочесть статьи, объясняющие суть данного коррупциогенного фактора.

К научным работам, доступно и методологически обоснованно разъясняющим проблему, можно отнести статью П.А. Кабанова «Юридико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [Кабанов 2014: 61-71], статью Н.В. Белоконь «Юридико-лингвистическая неопределенность: содержание понятия» [Белоконь 2012: 46-54] и др.

После более полного ознакомления с сущностью коррупциогенного фактора магистранты проводят самостоятельный поиск «неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» и нарушений норм официально-делового стиля на уровне лексики, морфологии и синтаксиса. Это третий этап комплексного анализа текста. Смысл этапа – поиск маркеров смысловой лингвистической неопределенности (термин Кабанова П.А.). Нарушения норм русского литературного языка, особенно (при преобладании сложных предложений с разными видами связи в официально-деловом стиле) синтаксических и пунктуационных, могут привести к двусмысленности прочтения и понимания нормы НПА, и, как следствие, к ее вариативному исполнению. Нормы официально-делового стиля можно посмотреть на сайтах <http://doc-style.ru/> и textologia.ru/russkiy/stilistika.

Последним этапом комплексного анализа текстов является проведение семантического анализа (SEO-анализа) для оценки понятности текстов и их доступности для восприятия адресатом. Анализ проводится с помощью количественных методов через следующие сайты: advego.ru/text/seo, https://miratext.ru/seo_analiz_text, <https://text.ru/seo/unauthorized>.

В рамках семантического анализа магистранты исследуют:

- статистику текста,
- его семантическое ядро, т.е. частотность слов (по отдельным словам и словосочетаниям в 2–3 слова),
- плотность ключевых слов, процент ключевых фраз;
- количество стоп-слов;
- «водность» текста,
- количество грамматических ошибок.

Оценка понятности каждого текста, его доступности для восприятия потенциальным адресатом проводится через оценку читабельности текста по закону Ципфа с помощью следующих показателей:

- индекс удобочитаемости Флэша-Кинкайда (рассчитывается по соотношению числа слов к числу предложений и числу слогов к числу слов);
- индекс Колмана-Лиау (рассчитывается по соотношению числа слов к числу предложений и числу букв к числу слов);
- формула Дэйла-Чалла (учитывает сложность слов);
- автоматический индекс удобочитаемости (учитывает соотношение числа букв в тексте к числу слов);
- индекс SMOG (учитывает число слов длиннее трех слогов).

Автоматические расчеты вышеназванных показателей, выдаваемые сайтами, естественно, можно лишь с достаточной степенью условности применять в качестве количественного подтверждения выводов о понятности/доступности анализируемых текстов документов. Тем не менее, нам представляется важным ознакомить студентов с Интернет-инструментарием для автоматической обработки текстов. Полученные количественные данные придают завершенности комплексному анализу текстов и заставляют обучающихся более ответственно подходить к составлению проектов документов с учетом логических законов, требований стилистики и функциональности текста. Думается, именно это и делает лингвистику прикладной.

Список литературы

1. Белоконь Н. В. Юридиколо-лингвистическая неопределенность: содержание понятия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1 (12). С. 46–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-lingvisticheskaya-neopredelennost-soderzhanie-ponyatiya> (дата обращения: 27.02.2023).
2. Кабанов П. А. Юридиколо-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Вестник Административного права и практики администрирования. 2014. № 3. С. 61–71. doi:10.7256/2306-9945.2014.3.12055
3. Официальный сайт Правительства Пензенской области. URL: <http://pnzreg.ru/authority/anticorruption-expertise/> (дата обращения: 27.02.2023).
4. Официальный сайт Прокуратуры Пензенской области. Новости от 2 ноября 2018 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_58/mass-media/news/archive?item=49005232 (дата обращения: 27.02.2023).
5. Официальный сайт Прокуратуры Пензенской области. Новости от 5 февраля 2020 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_58/mass-media/news/archive?item=49164966 (дата обращения: 27.02.2023).
6. Официальный сайт Прокуратуры Пензенской области. Новости от 22 октября 2020 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_58/mass-media/news/archive?item=54800346 (дата обращения: 27.02.2023).
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства Российской Федерации № 96 от 26 февраля 2010 г. (с изм. и доп.) URL: <https://base.garant.ru/197633/> (дата обращения: 27.02.2023).

Сведения об авторе:

Семянкова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения управления и производства Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

В. Ю. Туранин¹, В. В. Нестеренко²

^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

V. Yu. Turanin¹, V. V. Nesterenko²

^{1,2}Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

THE EMERGENCE OF NEW TERMS IN MODERN LEGAL LANGUAGE: CAUSES AND CONSEQUENCES

Аннотация. В современных реалиях, сопряженных с рядом трансформационных процессов, в юридический язык проникают новые термины, характеризующие тот или иной новый феномен с учетом присущей ему специфики. Авторы уделяют внимание выявлению причин и прогнозированию последствий упомянутого явления. Акцент делается на анализе проблемы в контексте изменений, связанных с ограничением использования иностранных слов.

Ключевые слова: русский язык, лексикон, термин, юридический термин, юридический язык

Abstract. The modern period and the transformational processes inherent in it give the legal language new terms that characterize new phenomena of a certain specificity. In this article, the authors pay attention to identifying the causes and predicting the consequences of the mentioned phenomenon. Particular emphasis is placed on the analysis of the problem in the context of changes related to the restriction of the use of foreign words.

Keywords: Russian language, lexicon, term, legal term, legal language

Русский язык испокон веков считается одним из самых богатых и лаконичных, отличающихся своим многообразием. Несмотря на присущую историческую обусловленность, с течением времени он, равно как и многое другое, становится объектом трансформационных процессов, в результате чего одни слова навсегда уходят в прошлое, другие же постепенно интегрируются в лексикон. Особенно последнее актуально для такого феномена как юридический язык, в который с каждым годом проникает все больше новых терминов. Данная тенденция, с одной стороны, неизбежна, с другой – в некоторой степени необходима, чему есть свое логическое объяснение.

Однако прежде, чем перейти к выявлению причин и прогнозированию последствий появления новых терминов в современном юридическом языке, раскроем дефиницию исследуемой категории в целях более детального понимания сущности заявленной проблемы. Полагаем, что юридический язык – это «логичная система словесного выражения мыслей, описывающая право и его проявления, характеризующаяся наличием специфической терминологии, особенных объектов фиксации и определенным кругом постоянных пользователей, служащая средством интеллектуально-правовой коммуникации» [Туранин 2010, 4 : 8]. При этом особое внимание хотелось бы акцентировать на такой его характеристике как «наличие специфической терминологии», которая свидетельствует о том, что как уже наличествующие, так и внедряемые термины, в первую очередь, отражают сущность того или иного правового явления или процесса.

Конкретизируя несколько общих моментов, считаем возможным и, главное, целесообразным перейти непосредственно к выявлению причин появления новых терминов в современном юридическом языке.

В первую очередь, в условиях современного многополярного мира одной из таковых, на наш взгляд, предстают изменения в его политическом ландшафте. Подтверждением тому служит интеграция в современный юридический язык терминов «недружественные действия», «недружественные государства», нашедших свое закрепление в Федеральном законе «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия США и иных иностранных государств» [Федеральный закон № 127-ФЗ от 04.06.2018]. При этом следует подчеркнуть, что в качестве новеллы

упомянутые термины предстают именно для российской правовой действительности, ведь, например, термин «недружественные страны» впервые нашел применение еще конце XVIII века в США, будучи употребляемым в отношении стран, с которыми США находились в неурегулированном торговом или юридическом споре. Тем самым, если в прошлом преимущественное значение в контексте употребления данного термина имели экономические факторы, то в настоящее время, помимо таковых, еще и в большей мере политические, в связи с чем он приобрел свойственную ему смысловую нагрузку.

Также нельзя оставить без внимания в рамках настоящего исследования и такой термин как «дискредитация», ставший, равно как и в ранее рассмотренном случае, новеллой для российского законодательства. Применяется он в контексте использования Вооруженных Сил Российской Федерации, найдя воплощение в нормах ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ. Полагаем, это нововведение стало результатом оперативного реагирования на порожденные современными реалиями угрозы национальной безопасности Российской Федерации, что также можно выделить в качестве одной из причин появления новых терминов в современном юридическом языке. В то же время считаем необходимым подчеркнуть, что, несмотря на все это, законодатель не дает легального толкования данного термина. Если же исходить из буквального толкования, то дискредитация означает «умаление, утрату значения, авторитета» [Ушаков 2020, 5 : 120]. Но, разумеется, относительно использования Вооруженных Сил Российской Федерации оно приобретает более специфическую окраску, в связи с чем нуждается в легальной дефиниции в целях недопущения его двойственного толкования, ведь правильное применение упомянутых ранее норм в наличествующих условиях, сопряженных с угрозами национальной безопасности государства, крайне важно.

Продолжая наше исследование, отметим, что в качестве еще одной из причин появления новых терминов в современном юридическом языке целесообразно выделить качественно новую трансформацию общественных отношений, их модернизацию, что, в первую очередь, неразрывно связано с такими процессами как информатизация и цифровизация. К примеру, сегодня не является редкостью употребление таких терминов как «фейк», «суверенный Рунет», «цифровой суверенитет» и т.д. В этой связи возникает закономерный вопрос о том, насколько они готовы к долговременному функционированию. С одной стороны, это некий результат так называемого «терминологического всплеска», и, опять же, даже здесь как одну из его первопричин можно усмотреть политическую обстановку. С другой стороны, рассуждать о судьбе данных терминов в совокупности не следует. Полагаем, что куда более рационально вести речь в отношении каждого из них отдельно. Не исключено, что одни термины беспрепятственно воспримутся субъектами правоприменения и достаточно быстро займут свою постоянную нишу в юридическом лексиконе. Другие же, наоборот, могут стать неустойчивыми ввиду смены политического вектора или новых трансформационных процессов. Иными словами, некоторые термины носят лишь временный характер.

Однако упомянутая «временность», на наш взгляд, может быть обусловлена и внутригосударственными установками. Например, с 28 февраля 2023 года вступила в силу новая редакция Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005]. Как отмечается в большинстве обзоров, он направлен на ограничение использования иностранных слов государственными органами [Горовцова 2022, 1]. Полагаем, что это связано со стремлением сохранения самобытности русского языка, усиления его значимости во всех сферах, включая правовую.

Законодатель достаточно четко дает понять, что при использовании государственного языка Российской Федерации не допускается употребление:

- иностранных слов, за исключением тех, перечень которых содержится в нормативных словарях (и которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке);
- слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (каковые нормы также определяются нормативными словарями, справочниками и грамматиками).

Тем самым, справедливо предположить, что, например, достаточно неперспективной представляется судьба термина «фейк» (от англ. «fake» – обман, фальшивка), которое часто можно обнаружить в новостных сводках, в том числе опубликованных на ресурсах официальных сетевых изданий органов публичной власти. Учитывая его иностранное происхождение и фактическую возможность замены словом из современного русского литературного языка, более понятным каждому гражданину, можно констатировать, что в скором времени оно может уйти в прошлое.

Достаточно любопытен и тот факт, что проверка соответствия, следуя букве закона, осуществляется вполне прямолинейно – в соответствии с наличием таких слов в утвержденном перечне нормативных словарей, справочников и грамматик. Так называемая кодификация «норм современного русского языка» произошла в 2009 году, когда Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации утвержден Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государ-

ственного языка Российской Федерации. В него вошли всего четыре издания: орфографический, грамматический, фразеологический словари, а также словарь ударений русского языка [Приказ № 195 от 08.06.2009]. Упомянутый перечень до сих пор является действующим, однако, на наш взгляд, он уже давно морально устарел и, соответственно, остро нуждается в обновлении. Более того, актуален и вопрос относительно того, почему в приведенном перечне не находит закрепления ни один толковый словарь, ведь для правильного и оправданного употребления конкретного слова, в первую очередь, важно понимание его значения.

Достаточно подробным образом раскрыв причины появления новых терминов в современном юридическом языке, считаем возможным прогнозировать соответствующие последствия.

В первую очередь, это влечет за собой его обогащение и обеспечение терминологической преемственности. Как уже было упомянуто ранее, каждый термин служит в качестве словесного обозначения того или иного понятия. Так, новые явления и процессы, проникающие в жизнь общества и государства, также нуждаются в выражении своей сущности и, как следствие, языковом обозначении. При этом в условиях наличествующих установок, сопряженных с приоритетным использованием слов из современного русского литературного языка, представляется, что за счет этого конкретные аспекты способны стать более понятными каждому гражданину. В то же время не стоит отрицать наличествующую роль иностранных терминов, поскольку многие из них уже прочно вошли в лексикон, например, «ипотека», «приватизация», «сервитут» и т.д. Тем более, их достаточно сложно заменить. В упомянутом направлении крайне важно соблюдение некоего баланса, имеющего своей целью обеспечение гармоничного сосуществования ранее возникших терминов и интегрированных новаций.

Более того, полагаем, что ввиду актуализации внимания к юридическому языку и усиления стремления к его совершенствованию в поле зрения законодателя попадут и иные насущные проблемы, включая, в первую очередь, так называемый «правовой жаргон», ведь это по своей сущности не менее негативно, чем неоправданное употребление иностранных слов. А. С. Пиголкин обращал внимание на упомянутую проблему еще в 1990 году, отмечая следующее: «хотелось бы решительно возразить против так называемого «правового жаргона», который иногда все же применяется в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе» [Пиголкин 1990, 2 : 189]. Ввиду нерешенности проблемы «правового жаргона» его слова и по сей день остаются актуальными. Взять, например, термин «отмывание», употребляемый в ряде федеральных нормативных правовых актов. Учитывая происхождение данного термина, берущего начало из лексикона преступного сообщества, и отсутствующую смысловую нагрузку, тенденцию его употребления явно нельзя назвать положительной. А ведь это всего лишь одна из проблем современного юридического языка – их перечень куда более широк.

Однако в ряду предполагаемых положительных последствий есть место и для одного отрицательного момента. Именованное, скорее, будет правильнее не столько как «последствие», а как «риск». Связан он с тем, что появление новых терминов в юридическом языке, как правило, влечет за собой необходимость частого внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, особенно в условиях «терминологического всплеска». Это, в свою очередь, может расцениваться гражданами как некая манипуляция и, как следствие, осознанно игнорироваться. Однако, на наш взгляд, преодоление упомянутой проблемы является лишь вопросом времени. Равно, как и пару десятков лет назад, велись споры относительно термина «приватизация», сейчас ведутся споры относительно термина «недружественные государства». Кроме того, важным является уточнение того момента, что внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, в особенности направленных на внедрение новых терминов, является инструментом преодоления пробелов, возникающих вследствие динамичного развития общественных отношений.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что юридический язык достаточно гибко реагирует на трансформационные процессы, происходящие в современном обществе. В этой связи в него интегрируются новые термины. Одни из них достаточно прочно закрепляются в лексиконе, другие играют лишь промежуточную роль, через время теряя свою актуальность. Причин тому множество, однако основными из них предстают такие как изменения в политическом ландшафте мира, возрастание значимости процессов информатизации и цифровизации, влияние на отдельные сферы жизни общества определенных внутригосударственных установок. Более того, рассмотренное явление не происходит бесследно, а способно повлечь за собой ряд последствий, среди которых – обогащение юридического языка, актуализация внимания к нему как к феномену, усиление стремления к его совершенствованию, обеспечение терминологической преемственности. Тем не менее, в этом ряду наличествуют и риски, однако их преодоление является лишь вопросом времени.

Список литературы

1. Горовцова М. Принят закон о запрете использования иностранных слов при наличии аналогов в русском языке. URL: <https://www.garant.ru/news/1609278> (дата обращения: 06.04.2023).

2. Пиголкин А. С. Язык закона. М. : Юрид. лит-ра, 1990. 200 с.
3. Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 195 от 08.06.2009. URL: <https://base.garant.ru/196093> (дата обращения: 06.04.2023).
4. Туранин В. Ю. К вопросу о феномене юридического языка // Современное право. 2010. № 7. С. 7–10.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / под ред. О. А. Щегловой. М. : Хит-книга, 2020. 816 с.
6. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.
7. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия США и иных иностранных государств : федер. закон № 127-ФЗ от 04.06.2018 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

Сведения об авторах:

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Нестеренко Виктория Викторовна, консультант научно-исследовательской лаборатории правовых исследований (юридической клиники) Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

А. С. Хованцев

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТСЫЛОЧНЫХ НОРМ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СПОСОБА ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ

A. S. Khovantsev

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

INSTRUMENTAL MEANING OF REFERENCE NORMS IN THE CONTEXT OF THE LEXICAL WAY OF THEIR PRESENTATION

Аннотация. Раскрывается значение отсылочных норм в правотворческой и правоприменительной деятельности. Отмечается, что отсылочные нормы обеспечивают компактность действующего законодательства, системность права и взаимообусловленность юридических предписаний. Утверждается, что отсылочные нормы оказывают положительное воздействие и на правоприменительную деятельность.

Ключевые слова: отсылочные нормы, нормативный правовой акт, отсылка, статья, взаимодействие

Abstract. The article reveals the significance of reference norms in law-making and law enforcement activities. It is noted that the reference norms ensure the compactness of the current legislation, the consistency of law and the interdependence of legal prescriptions. It is argued that the reference norms have a positive impact on law enforcement activities.

Keywords: reference norms, normative legal act, reference, article, interaction

В современных условиях невозможно представить себе действующее законодательство без отсылочных норм. Отсылочная норма, выступая особой разновидностью норм права, представляет собой общеобязательное нормативное государственное предписание, обеспечивающее отраслевое и межотраслевое взаимодействие нормативных правовых актов.

Отсылочная норма содержит отсылку к другому конкретному юридическому положению, в котором находится вся необходимая информация. Как правило, в отсылочной норме отсутствуют те или иные условия, факторы, обеспечивающие действие правового предписания или не указаны те или иные последствия положительного или отрицательного характера, к которым приводит воплощение отсылочной нормы в действие. Отсутствующая информация содержится в других нормах права, к которым делается отсылка. По справедливому замечанию А. Ф. Черданцева, «эта отсылка является, по сути дела, заместителем недостающей части или признака нормы права» [Черданцев, 1979 : 69]. Отсылочные статьи формулируются посредством отсылочного способа, при котором норма в данной статье лишь частично очерчена и ее смысл не может быть уяснен без иных юридических предписаний, к которым адресуется отсылочная статья.

При этом отсылочные нормы могут быть с внутренней и внешней отсылкой. В качестве примера первой разновидности отсылочных норм можно назвать часть 1 статьи 112 Уголовного кодекса РФ [Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996], согласно которой под умышленным причинением средней тяжести здоровью понимается вред здоровью, не опасный для жизни человека и не повлекший последствий, указанных в ст. 111 Уголовного кодекса РФ, вызвавшее длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Данный пример демонстрирует особую роль отсылочных норм в правотворческом и право-реализационном процессах. Благодаря отсылочным нормам права обеспечивается компактность нормативного правового акта, достигаемая за счет исключения из массива нормативных положений дублирующей, повторяющейся информации путем применения отсылки на конкретную статью, ее часть, пункт или другой структурный элемент, где содержится необходимая информация. Именно отсылочная норма позволяет избежать излишней сложности и громоздкости формулирования юридического положения. Но значение отсылочной нормы в правотворческом процессе данным аспектом не ограничивается.

Посредством отсылочной нормы достигается системность права и взаимообусловленность нормативных предписаний. Несмотря на то, что современные нормы права расположены достаточно системно и последовательно, необходимо в дальнейшем исключать ситуации случайного соединения юридических положений. И на помощь в этом приходят отсылочные нормы. Благодаря последним законодателю получается поддержать и сохранить в будущем достигнутый уровень взаимосвязи между нормами права. Зачастую отсылочные нормы служат неким инструментом, позволяющим обеспечить взаимодействие между общей и специальной нормой, между нормами, содержащимися в разных нормативных правовых актах, и при этом отличающихся между собой юридической силой. Данный аспект наиболее наглядно отражают отсылочные нормы с внешней отсылкой.

Внешняя отсылка может отсылать к конкретной норме другого нормативного правового акта, регулирующего тот же сегмент общественных отношений. В частности, в соответствии с абз. 7 статьи 81 Трудового кодекса РФ [Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001] сведения о применении к работнику дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия включаются работодателем в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, предусмотренный статьей 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Именно в последнем юридическом предписании раскрываются требования, предъявляемые к размещению реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Отсылочная норма может содержать внешнюю отсылку, которая может отсылать к конкретной норме другого источника прав, обладающего иной юридической силой. В качестве примера можно назвать п. 10¹ Постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», который содержит отсылку к пункту 3 части 2 статьи 90 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Федеральный закон № 248-ФЗ от 31.08.2020].

Подобное упорядочение общественных отношений посредством отсылочных норм еще раз подчеркивает тесную взаимосвязь всех норм права, независимо от того, являются они общими или специальными положениями, содержатся ли они в этом или ином нормативном правовом акте. Напротив, с каждым годом мы можем наблюдать тенденцию увеличения масштабов использования отсылочных норм, что выступает следствием расширения и укрепления внутриотраслевых и межотраслевых связей в правовой системе общества. Исходя из отмеченного, можно прийти к выводу о том, что существование отсылочных норм в нормативных правовых актах вполне закономерная практика, направленная на обеспечение целостности и системности действующего законодательства, гармонизацию нормативно-правового материала и его устойчивости.

Отсылочная норма оказывает положительное воздействие и на правоприменительную деятельность. Прибегая к использованию отсылочных норм, правоприменитель может правильно разрешить ту или иную ситуацию, тот или иной спор с учетом всех обстоятельств и аспектов, изложенных в юридическом предписании, на которое сделана отсылка. При этом отсылочные нормы могут содержаться не только в законах и подзаконных актах, но и постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ. Как пример, можно привести ситуации с назначением административного наказания в виде административного ареста мужчинам, имеющим на иждивении малолетних детей в возрасте до 14 лет. Статья 3.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях в части 2 указывает определенный круг субъектов, к которым данный вид административного наказания не применим [Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001]. Среди них несовершеннолетние лица, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, инвалиды 1 и 2 групп, военнослужащие и др. Вместе с тем, на практике суды при принятии решения должны обращаться к Определениям Конституционного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 195-О и от 15 октября 2020 г. № 2375-О [Определение Конституционного Суда РФ № 195-О от 13.06.2006; Определение Конституционного Суда РФ № 2375-О от 15.10.2020], в которых содержатся отсылочные нормы к статьям 7, 18, 38 Конституции РФ, ст. 4.2, 26.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В соответствии с ними судьи при решении вопроса о назначении административного наказания в виде административного ареста должны обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних у мужчин, самостоятельно воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, и принять адекватные меры для исключения ситуаций оставления детей без надзора и опеки.

Приведенный пример примечателен тем, что наглядно демонстрирует определенные недостатки, присущие отсылочным нормам. В данном случае, на наш взгляд, отсылочная норма сформулирована достаточно завуалировано, что неминуемо приводит к возникновению ряда сложностей применения отсылочных норм в практической деятельности. Более того, в судебной практике имеют место случаи, когда мировые судьи вообще не устанавливали у лица, привлекаемого к административной ответственности, с последующим назначением ему административного ареста, наличие или отсутствие детей в возрасте до 14 лет [Практика применения 2017].

Резюмируя сказанное, отметим, отсылочная норма, выступая общеобязательным нормативным государственным предписанием, обеспечивающим отраслевое и межотраслевое взаимодействие нормативных правовых актов, имеет важное значение для правотворческой и правоприменительной деятельности. Благодаря отсылочным нормам права обеспечивается компактность нормативного правового акта за счет исключения повторяющейся информации; поддерживается целостность и системность, гармонизация и устойчивость действующего законодательства; а также гарантируется правильное разрешение тех или иных ситуаций в правоприменительной деятельности.

Действующее законодательство содержит много отсылочных норм. Однако чрезмерное их количество может пагубно отразиться на уровне законности и правопорядка в обществе, поскольку может привести к ошибочному применению их на практике. Оптимальный объем отсылочных норм может только предотвратить возможные нарушения как со стороны правоприменителя, так и иных субъектов права.

Список литературы

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ № 195-О от 13 июня 2006 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5.
3. По жалобе гражданина Милова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ № 2375-О от 15 октября 2020 г. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15102020-n-2375-o-po/>
4. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ № 336 от 10 марта 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.
5. Практика применения мировыми судьями Железнодорожного района г. Улан-Удэ наказания в виде административного ареста за 2017 год. Недостатки в работе мировых судей при применении административного ареста. URL: http://zhel1.bur.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=361
6. Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
7. Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. О противодействии коррупции : федер. закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
9. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон № 248-ФЗ от 31 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.
10. Черданцев А. Ф. Толкование советского права: (теория и практика). М. : Юридическая литература, 1979. 168 с.

Сведения об авторе:

Хованцев Алексей Сергеевич, аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия.

В. С. Хънтов

Великотырновский университет имени святых Кирилла и Мефодия,
г. Велико-Тырново, Болгария

**О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 21 ДЕКАБРЯ 2021 г. № 414-ФЗ «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ
ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

V. S. Hantov

Veliko Tarnovo University, Veliko Tarnovo, Bulgaria

**ON SOME LINGUISTIC ASPECTS OF FEDERAL LAW NO. 414-FZ
OF DECEMBER 21, 2021 «ON THE GENERAL PRINCIPLES
OF THE ORGANISATION OF PUBLIC AUTHORITY
IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION»**

Аннотация. Анализируются некоторые языковые решения в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Отмечены как положительные, так и отрицательные элементы конкретных формулировок и подходов при конструировании данного закона со стороны законодателей Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция Российской Федерации, субъект Российской Федерации, конституция (устав) субъекта Российской Федерации

Abstract. The article analyzes some language decisions in the Federal Law of December 21, 2021 № 414-FZ "On the general principles of organization of public authority in the subjects of the Russian Federation". The article notes that when creating this document, the legislators of the Federal Assembly of the Russian Federation used both positive and negative approaches to the wording of the elements of the law.

Keywords: constitution of the Russian Federation, subject of the Russian Federation, constitution (charter) of the subject of the Russian Federation

В настоящей работе рассматриваются языковые аспекты в нескольких текстах Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и в связанных с ними текстах Конституции Российской Федерации. С 1 января 2023 года вступили в силу все тексты этого закона, а Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, N 42, ст. 5005) окончательно утратил силу.

I.

В упомянутом законе очевидно стремление к четкому, последовательному отграничению названий и наименований федеральных (общегосударственных) органов власти Российской Федерации от названий и наименований органов власти субъектов Российской Федерации. В этом плане очень важны, на наш взгляд, тексты ч. 4 и 5 ст. 20 данного закона:

Статья 20. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации как орган публичной власти

...

4. Наименованием должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является „Глава“ с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации.

5. Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта Российской Федерации **может быть предусмотрено дополнительное наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, которое может указываться в нормативных правовых актах субъекта Российской Федерации после закрепленного настоящим Федеральным законом наименования. Такое наименование не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации.**

В них прямо регламентировано, что:

✓ вводится единое наименование *Глава* должности высшего должностного лица субъекта РФ;

✓ наименование должности высшего должностного лица субъекта РФ может включать и дополнительные лексему или словосочетание, но они не должны совпадать с элементами наименования должности главы государства *Президент Российской Федерации*.

Таким образом, успешно решена застарелая проблема с наименованием должностей высших должностных лиц субъектов РФ, возникшая в 1993 г. после принятия Конституции РФ. Мы считаем что корень этой проблемы – в недостаточно четкой формулировке ч. 1 ст. 77 Конституции РФ:

Статья 77

1. Система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов **устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.**

Пользуясь свободой выбора, предоставленной этим текстом, субъекты РФ использовали наименования должностей высших должностных лиц, входящие в противоречие с логикой конституции РФ. Это противоречие окончательно устранено в рассматриваемом законе.

Приведенные выше тексты ч. 4 и 5 ст. 20 Федерального закона N 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. находятся в соответствии с ч. 3 ст. 77 Конституции РФ. Именно в ней составной юридический термин *высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации* определен как *руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации*.

Здесь, по нашему мнению, возникает следующий вопрос: а необходима ли вообще весьма громоздкая конструкция *высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации*? Не проще ли употребить вместо нее еще в ч. 3 ст. 77 Конституции РФ короткое, четкое и емкое терминологическое словосочетание *глава субъекта Российской Федерации*, регламентированное только в ч. 4 ст. 20 профильного федерального закона? Второе наименование на одну треть короче первого и по количеству слов, и по количеству знаков. Это значит, что в данном случае возможна весьма ощутимая экономия языковых средств, положительно влияющая и на длительность, и на качество восприятия данного ключевого юридического термина (в том числе обычными носителями языка).

II.

В ч. 3 ст. 7 рассматриваемого федерального закона присутствуют две отдельные нормы:

Статья 7. ...

3. **Наименование законодательного органа субъекта Российской Федерации, его структура устанавливаются конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации... такое наименование не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти.**

Вторая норма запрещает употребление в наименованиях законодательных органов субъектов федерации всех трех терминологических конструкций, входящих в наименования органов федеральной законодательной власти в России. Конструкции называют соответственно федеральный парламент, обе его палаты (верхнюю и нижнюю) и содержат стержневые слова *собрание, совет, дума: Федеральное Собрание, Совет Федерации, Государственная Дума*. На наш взгляд, запрет можно расширить, включив в него стержневые слова *совет* и *дума*, входящие в состав двух наиболее часто используемых наименований органов федеральной законодательной власти в России: *Совет Федерации* и *Государственная Дума*. Так будет достигнуто предельно четкое отграничение наименований органов законодательной власти двух разных уровней – федерального и регионального.

Первая норма находится в полном соответствии с уже представленной выше ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, которая предоставляет субъектам федерации очень большую степень свободы выбора, в том числе в сфере использования языковых средств. Свидетельством этой свободы является пестрый „букет“ наименований органов законодательной власти в субъектах Российской Федерации (особенно в республиках).

Вместе с тем в данном разнообразии есть и доминантные лексемы. По нашим наблюдениям [Хънтов 2019: 43-48, 108-110], в 2 краях, 24 областях, 1 городе федерального значения (Москва), 2 автономных округах наименования органов законодательной власти включают слово *дума* (чаще всего с определением: *законодательная, областная, губернская, городская*). В 7 республиках и 2 областях употребляется лексема *совет* (преимущественно с определением *государственный*). Но львиную долю занимает термин *собрание* – 38 случаев (в 29 из них – с определением *законодательное*).

Как обобщить эти данные? Почти половина описанных в предыдущем абзаце терминологических конструкций включает лексемы *дума* и *совет*, входящие в состав самых частотных наименований федеральных органов законодательной власти: *Государственная Дума и Совет Федерации*. Вместе с тем почти половина составных терминов построена на основе слова *собрание*, в том числе одна треть – это конструкции *законодательное собрание*.

Исходя из этого, можно подумать над упорядочением терминологии и в этой сфере (наподобие термина *глава субъекта Российской Федерации*). Так, например, в ст. 77 российской конституции включить текст, устанавливающий обязательное использование в наименованиях органов законодательной власти в субъектах РФ конструкции *законодательное собрание* (с возможностью дополнять ее с учетом исторических, национальных и иных традиций любого субъекта, но без использования слов *дума* и *совет*). Этот прагматичный подход будет опираться на практически выверенную языковую и правовую логику очень большого числа региональных законодателей, выбравших в свободном режиме поиска одно и то же очень элегантное решение. Кроме того, так можно будет избежать совпадений с наиболее частотными наименованиями органов федеральной законодательной власти: *Государственная Дума и Совет Федерации*. При этом влияние частичного совпадения с составным термином *Федеральное Собрание* будет минимальным, так как данная конструкция используется исключительно редко и в нормативных правовых актах, и в письменной, и в устной речи.

III.

Специального внимания заслуживает и формулировка текста ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ:

Статья 32. Высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации

...

3. Наименованием высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации является «Правительство» с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации. Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта Российской Федерации может устанавливаться другое наименование высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации.

Как толковать ч. 3 ст. 32? В ее первом предложении присутствует императивное указание: «Правительство» – это наименование высшего органа исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. Во втором предложении, однако, данный императив фактически отменяется и заменяется свободным выбором наименования этого органа региональной государственной власти: при желании в любом субъекте Российской Федерации всегда можно найти весомые исторические, национальные и иные традиции. Возникает вопрос: если норму, сформулированную в первом предложении ч. 3 ст. 32, можно применять, но можно и не применять, то в чем тогда смысл самой ч. 3 ст. 32?

Если рассмотреть проблему шире, то можно увидеть, что именно второе предложение ч. 3 ст. 32 федерального закона соответствует Конституции РФ, точнее – процитированной выше ч. 1 ст. 77. В то же время первое предложение ч. 3 ст. 32 прямо противоречит тексту ч. 1 ст. 77 российской конституции, ограничивая свободу выбора языковых средств региональными органами законодательной власти. Вместе с тем необходимо отметить и то, что термин *правительство* используется и в наименовании высшего органа федеральной исполнительной власти в России.

Согласно нашим анализам [Хънтов 2019: 48-59, 111-115], по состоянию на июль 2019 термин *правительство* применялся в 67 субъектах федерации, т.е. он был самым частотным в наименованиях высших органов исполнительной власти в регионах РФ. Данный факт несомненно был учтен законодателями Федерального Собрания Российской Федерации, и, вероятнее всего, они хотели ввести лексему *правительство* в круг обязательных для употребления терминов, но их потенциальную попытку нельзя считать успешной. На фоне этих рассуждений легко подсчитать, что в России почти 90 регионов, и соответственно, столько же высших органов региональной исполнительной власти. Если во всех регионах будут правительства, а число министров в каждом из них будет между 5 и 10, то в общем по стране будет примерно от 500 до 1000 региональных министров!

IV.

Мы считаем, что в текстах Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» видно целенаправленное стремление его создателей разграничить наименования органов государственной власти федерального и регионального уровней. И это не самоцель – в некоторых текстах Конституции Российской Федерации (напр., в ст. 77) присутствуют недостаточно конкретные формулировки, ведущие к формированию чрезмерно либеральных правовых норм и, как следствие, к очень большому, почти хаотическому разнообразию юридических терминов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. // «Российская газета». № 294 (8645) от 27 декабря 2021 г., федеральный выпуск. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2021/12/27.html> (дата обращения: 19.04.2023).
3. Хънгов В. С. Российская правовая система глазами языковеда-иностранца (поверхностные заметки). Велико Търново : Изд-во ИВИС. 2019. 144 с.

Сведения об авторе:

Хънгов Владимир Стоев, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русистики Великотърновского университета имени святых Кирилла и Мефодия, г. Велико-Търново, Болгария.

С. А. Чиркаев

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

**СЛОВСОЧЕТАНИЕ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ»:
ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ И (ИЛИ) НОРМАТИВНЫЙ ТЕРМИН**

S. A. Chirkaev

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

**THE PHRASE «LEGAL PRIORITY»:
LEGAL CONCEPT AND (OR) NORMATIVE TERM**

Аннотация. Рассматривается словосочетание «юридический приоритет». Соответствующее понятие рассматривается с позиции нормативно-правового инструментария. Проводится разграничение между дефинициями «правовой приоритет» и «юридический приоритет». Определяется, что «юридический приоритет» является одновременно правовым понятием и юридическим термином.

Ключевые слова: юридический приоритет, правовой приоритет, преимущество, термин, понятие

Abstract. The article deals with the phrase «legal priority». The relevance of the studied lexeme for law is emphasized. The concept of «legal priority» is studied from the standpoint of legal instruments. A distinction is made between the definitions of «juridical priority» and «legal priority». It is determined that «legal priority» is both a legal concept and a legal term.

Keywords: juridical priority, legal priority, advantage, term, concept

В современных условиях слово «приоритет» достаточно часто используется в действующем законодательстве, политико-правовых документах Российской Федерации и в различных организационно-распорядительных актах органов публичной власти.

В действующем законодательстве содержатся различные примеры использования словосочетаний с термином «приоритет». Наиболее часто встречаются такие терминологические конструкции как «приоритетные направления», «приоритетное использование», «приоритетные проекты», «приоритетные условия», «приоритет товаров», «приоритет изобретения», «приоритет промышленного образца», «стратегические приоритеты», «национальные приоритеты», «приоритеты государственной политики», «приоритетный вид деятельности», «приоритетная территория», «приоритетный порядок», «приоритетные отрасли», «приоритетные подотрасли», «приоритетные сферы жизнедеятельности», «приоритетные объекты» и др. Вместе с тем в нормативных правовых актах отсутствуют точные юридические характеристики данных терминов.

Данное обстоятельство позволяет говорить о назревшей необходимости исследования данного термина с позиции нормативно-правового инструментария.

Но, прежде чем, переходить к анализу правотворческого объективирования юридического приоритета, необходимо определить его соотношение с понятием «правовой приоритет».

На наш взгляд, данные словосочетания следует рассматривать в качестве синонимов. Объясняется это тем, что будь то «юридический приоритет» или «правовой приоритет» смыслообразующим термином выступает «приоритет».

Именно лексема «приоритет» несет всю смысловую нагрузку в данных словосочетаниях.

В этой связи прилагательные «юридический» и «правовой» с точки зрения юридической техники и теории права ни коим образом не могут противопоставляться друг другу. Конечно, нельзя однозначно сказать, что термины «юридический» и «правовой» полностью совпадают.

В определенных сферах научно-правового исследования этот вопрос заслуживает более пристального внимания.

Вместе с тем при обращении к технико-юридическим вопросам правотворческого объективирования разделение словосочетаний «юридический приоритет» и «правовой приоритет» может только запутать автора при познании технико-юридической стороны феномена «приоритет».

На основании изложенного, не считаем уместным разграничивать понятия «юридический приоритет» и «правовой приоритет» во избежание подмены исследования проблемы эффективности средства правового регулирования вопросом о его гносеологической значимости.

При этом важно подчеркнуть, что «юридический приоритет» является правовым понятием и одновременно юридическим термином, через которое понятие объективируется в реальной действительности.

Несмотря на подробное научное исследование проблемы соотношения правового понятия и юридического термина, в настоящее время так и не сложилось однозначного подхода к решению данного вопроса. Правовое понятие по справедливому замечанию Т.В. Кашаниной отличается теоретизированным характером, нежели другие компоненты правового материала [Кашанина 1981 : 38].

Правовое понятие обозначает реально существующий правовой феномен, который находит свое непосредственное выражение в нормах права в виде юридического термина [Суменков 2016 : 136].

Это объясняется тем, что «научным понятиям присуща формальная и семантическая вариативность, которая отражает живой процесс терминотворчества и концептуальные различия в понимании и определении сущности правовых явлений» [Хижняк 1998 : 24].

Между тем, как верно отмечает С. Ю. Суменков «термины должны выступать не в качестве антагонизмов, а в виде синонимов, означающих одно и то же понятие» [Суменков 2012 : 164].

Однако в юридической науке существует точка зрения, согласно которой к юридическим терминам относятся только такие понятия, определения которых приводятся в специальных терминологических статьях закона [Батюшкина 2020, 1 : 207–215]. Вместе с тем, данная позиция является весьма спорной. Проблемой юридической терминологии интересовались и интересуются многие ученые-теоретики, среди которых можно назвать В. М. Баранова, Н. А. Власенко, Н. Н. Вопленко, М. Л. Давыдову, В. Н. Карташова, Т. В. Кашанину, Л. А. Морозову, В. Ю. Туранина и др.

На доктринальном уровне В. Ю. Туранин вполне справедливо подчеркивает, что «юридический термин определяется как слово (словосочетание), точно обозначающее соответствующее правовое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения» [Туранин 2017 : 18–19]. При этом данный ученый не исключает, а, напротив, отмечает допустимость как официального, так и неофициального определения юридического термина. И с этим можно согласиться, поскольку юридической науке и практике известны случаи, когда усилиями представителей научного сообщества, вырабатываются те или иные правовые понятия, которые в последующем получили свое нормативное закрепление в законах и подзаконных актах.

В свою очередь юридический термин должен обладать рядом свойств, среди которых, как правило, точность обозначения соответствующего правового понятия, однозначность восприятия в рамках языка и наличие определения [Туранин 2017 : 10]. Думается, юридический приоритет, как юридический термин, отвечает всем вышеперечисленным требованиям.

Относительно вопроса терминологического выражения понятия «юридический приоритет» наиболее оптимальным вариантом видится упоминание словосочетания в синтезе с термином «приоритет», причем не по причине преобладания данной дефиниции в текстах нормативных правовых актов, а в виду наиболее адекватного отражения сути рассматриваемого феномена. Можно с полной уверенностью отметить, что в правотворческой практике наибольшее распространение получил максимально выверенный с точки зрения теории права термин.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие в нормативно-правовых документах легального определения юридического приоритета, данный термин в нормах права закреплен в различных терминологических конструкциях, одними из которых выступают «стратегические приоритеты» и «национальные приоритеты». Стратегические национальные приоритеты реализуются с помощью функций государства в первоочередном порядке в определенный период времени, что позволяет рассматривать их как средство обеспечения национальных интересов, национальной безопасности страны.

Национальные интересы предопределяют цели, задачи и приоритеты развития государства и общества. В свою очередь, юридический приоритет, неся в себе упорядочивающий характер, выступает важным средством упорядочивания и реализации национальных интересов.

Зачастую в нормативных правовых актах встречается форма законодательного закрепления приоритета в виде прилагательного «приоритетный». В качестве примера можно назвать такое словосочетание «приоритетный порядок». Понятие «приоритетный порядок» представляет собой правила, необходимые для регулирования наиболее значимых, важных сторон общественной жизни для решения определенных первостепенных задач, что делает его схожим с первоочередным порядком. Но первоочередной порядок отличается от приоритетного порядка очередностью совершения определенных действий.

Термин «особый порядок» не следует ассоциировать с приоритетным порядком. Принципиальным различием особого и приоритетного порядков является употребление понятия «особый порядок» для обозначения неоднозначных ситуаций, регламентация которых отличается от установленного общего порядка вещей.

Достаточно часто в юридических предписаниях юридический приоритет находит свое выражение в форме приоритетного права. При этом в нормах права приоритетное право понимается как первоочередное, преимущественное право на осуществление какой-либо деятельности, выполнение каких-либо действий. Однако приоритетное право и преимущественное право соотносятся как часть и целое. Будучи разновидностью преимущественного права, приоритетное право обладает всеми его качествами. Несмотря на существенное сходство с преимущественным правом, приоритетное право имеет определенные отличия.

В заключение отметим, что в правотворческом процессе также встречается конструкция юридических предписаний, содержащих термин «приоритетные условия», которая выступает в качестве некоего детерминанта констатации юридического приоритета. В этом случае формой объективирования юридического приоритета в нормах права нередкой служит формулировка «приоритет товаров российского происхождения, работ, услуг», которая используется в определенных случаях в рамках стимулирующей политики государства для создания более благоприятных условий для развития экономики и предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Батюшкина М. В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 1, № 1. С. 207–215.
2. Кашанина Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 33–40.
3. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2012. 345 с.
4. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный аспект. М. : Юрлитинформ, 2016. 376 с.
5. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 с.
6. Хижняк С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998. 39 с.

Сведения об авторе:

Чиркаев Сергей Александрович, соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия.

А. В. Шмидт

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

**ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС
(В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА)**

A. V. Schmidt

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

**FORMAL LEGAL FACTORS DETERMINING THE SPECIAL LEGAL
STATUS (IN THE CONTEXT OF COMMUNICATIVE DISCOURSE)**

Аннотация. Формально-юридические факторы относятся к внутренним механизмам развития правовой системы и определяют не столько сами различия в распределении социальных благ, сколько способы и процедуры их присвоения конкретным лицам и их категориям путем наделения их правами и обязанностями. К собственно юридическим, т.е. получающим правовую формализацию, можно отнести цели и принципы правового регулирования. В конечном счете любые права и обязанности, образующие специальный правовой статус, призваны способствовать реализации основных идей, характерных для соответствующей правовой системы, или же тех целей, которые она ставит перед собой.

Ключевые слова: цели правового регулирования, принципы правового регулирования, специальный правовой статус, отрасли права, юридически значимое поведение

Abstract. Formal legal factors relate to the internal mechanisms of the legal system and determine not only differences in the distribution of social benefits, but the methods and procedures for their assignment to specific individuals and their categories by vesting them with rights and obligations. The goals and principles of legal regulation, receiving legal formalization, can be attributed to legal. Ultimately, any rights and obligations that form a special legal status are designed to contribute to the implementation of the main ideas characteristic of the relevant legal system, or the goals that it sets for itself.

Keywords: goals of legal regulation, principles of legal regulation, special legal status, branches of law, legally significant behavior

Система условий, определяющих особенности содержания специальных правовых статусов различных категорий субъектов, может быть подразделена на две основные группы: социальные и формально-юридические факторы.

При этом социальные факторы, в свою очередь, включают в себя весь набор обстоятельств, которые делают необходимым дифференциацию социального положения членов общества, независимо от способа его нормативного закрепления. При этом речь может идти как о фактически сложившихся различиях, которые впоследствии получают отражение на уровне правового статуса, так и о других, остающихся на сугубо неформальном уровне. Однако в любом случае социальные факторы с одинаковой интенсивностью влияют на характер этой дифференциации, независимо от наличия или отсутствия правового оформления.

В свою очередь, формально-юридические факторы относятся к внутренним механизмам развития правовой системы и определяют не столько сами различия в распределении социальных благ, сколько способы и процедуры их присвоения конкретным лицам и их категориям путем наделения их правами и обязанностями.

К собственно юридическим, т.е. получающим правовую формализацию, можно отнести следующие факторы:

1. Цели и принципы правового регулирования. В конечном счете любые права и обязанности, образующие специальный правовой статус, призваны способствовать реализации основных идей, характерных для соответствующей правовой системы, или же тех целей, которые она ставит перед собой.

Принципы права – это основополагающие начала, которые выражают смысл правового регулирования в той или иной области и, как следствие, носят общеправовой, межотраслевой или отраслевой характер.

Любой принцип права для своего осуществления предполагает наличие двух групп субъектов права: во-первых, тех, на чьи права и обязанности этот принцип оказывает непосредственное влияние; во-вторых, тех, кто призван обеспечивать его соблюдение. Например, общеправовой принцип справедливости требует симметричного воздаяния за совершенные социально вредные или полезные деяния и тем самым порождает специальные правовые статусы осужденного, потерпевшего, лауреата и т.п.; одновременно он опирается на силу государственного принуждения и тем самым определяет специальные статусы должностных лиц, отвечающих за восстановление справедливости.

Особое значение имеет принцип равенства, который ставит пределы дифференциации прав и обязанностей в рамках специальных статусов. Как отмечает А. Г. Репьев, «при нарушении ограничений (к примеру, на равное отношение к субъектам, находящимся в принципиально различных ситуациях и имеющих кардинально отличный правовой статус) возникает дискриминация. В свою очередь, при нарушении пределов (например, использование возможностей иммунитета федерального государственного служащего вне рамок осуществления профессиональной деятельности) начинается злоупотребление преимуществами» [Репьев 2019, с.235].

Аналогичным образом действует механизм целеполагания: юридически значимая цель представляет собой образ желаемого результата правового регулирования и, следовательно, порождает специальные права и обязанности субъектов, прямо совершающих действия по достижению соответствующей цели, а также права и обязанности лиц, вытекающие из стремления к цели.

2. Отраслевая структура права. Различие отраслей права, выстроенных по признакам предмета и метода правового регулирования, отражается на специфике тех статусов, которые конструируются в их рамках. В конечном счете любое отраслевое регулирование находит свое завершающее выражение в конкретном поведении субъектов права, реализующих свои права и обязанности: «Государственное регулирование общественных отношений, какими бы они ни были, начинается с выработки принятия норм позитивного права в процессе нормотворческой деятельности и завершается их реализацией в поведении конкретных субъектов при позитивно-правовом регулировании» [Пьянов 2012, с. 196].

Поскольку существование правовых норм, не относящихся к какой-либо отрасли права, не предполагается или возможно в порядке исключения, постольку специальный правовой статус имеет какую-либо отраслевую или межотраслевую принадлежность, которая во многом задает его содержательные характеристики.

Так, предмет правового регулирования отвечает на вопрос, в какой сфере общественных отношений имеет место данный специальный статус, а следовательно, какой характер прав и обязанностей может входить в его состав (например, гражданско-правовой статус с высокой степенью вероятности будет затрагивать имущественное положение субъекта, уголовно-правовой статус – вопросы ответственности за общественно опасные деяния, административно-правовой – участие в государственном управлении и т.п.). Метод правового регулирования, характеризующий способ нормативно-правового воздействия на общественные отношения, может влиять на механизм приобретения статуса (добровольный или принудительный), особенности прав и обязанностей (императивный или диспозитивный).

По всей видимости, наличие собственных специальных статусов присуще всем отраслям права, в связи с чем трудно поддержать позицию В.В. Груздева, фактического отрицающего специальные правовые статусы в гражданском праве: «гражданско-правовой статус физических лиц жестко обуславливается постоянным равенством правоспособности всех субъектов, получающих это качество на основании одинакового для всех основания – рождения. Из этого вытекает равенство гражданско-правового статуса всех лиц» [Груздев 2010, с. 205]. Равенство является лишь основой правового статуса, однако никак не исчерпывает его разнообразия, поскольку исходя из правового равенства лицо вступает в различные правоотношения, в том числе гражданско-правовые, где приобретает новые, ранее не имевшиеся права и обязанности, а значит, и специальные статусы – например, в гражданском праве статусы продавца, покупателя, доверителя, поверенного, арендодателя, должника, кредитора, наследодателя и т.п.

3. Соотношение источников права по юридической силе. Этот фактор обуславливает не столько набор специальных правовых статусов, сколько их конкретное содержание, поскольку в правовой системе действуют строгие правила соподчинения правовых норм, одни из которых должны соответствовать другим, а в случае противоречия не применяются. Таким образом, при установлении конкретных прав и обязанностей участников правоотношения необходима проверка их согласованности по вертикали, исходя из формы их нормативного закрепления, а также корректировка в правоприменительном порядке, если обнаруживаются несоответствия.

4. Юридически значимое поведение субъектов права. Поскольку специальный правовой статус, будучи основанием участия лиц в правовых отношениях, сам приобретает в рамках правоотношений (исключение составляют прирожденные статусы), то его появление опосредуется определенными юридическими фактами. При этом особенность правоотношений, порождающих специальные правовые статусы, состоит в том, что такой вид юридических фактов, как события, встречается в них сравнительно редко. Основная часть специальных правовых статусов приобретает их носителями путем совершения собственных юридически значимых действий, реже бездействия.

При этом можно различать два случая: во-первых, обретение специального правового статуса в силу закона, когда волеизъявление лица не является необходимым; примером могут служить случаи, когда специальный правовой статус возникает вследствие правонарушения; во-вторых, когда права и обязанности, образующие специальный правовой статус, возникают у их носителя после того, как он проявит такую инициативу или даст на это добровольное согласие; примером являются все специальные правовые статусы, опосредуемые договорной формой.

Список литературы

1. Груздев В. В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки : монография. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 463 с.
2. Пьянов Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 249 с.
3. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. 529 с.

Сведения об авторе:

Шмидт Анна Валерьевна, преподаватель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия.

Раздел 4

ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

S. Annous¹, O. L. Fleonova²

¹Tripoli Policy Research Institute, Tripoli, Lebanon

²Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

SCHOOLING IN EL-MINA, LEBANON: THE INTERPLAY OF RELIGIONS, FOREIGN LANGUAGES AND IMPERIAL RIVALRY FROM THE LATE OTTOMAN RULE TO THE PRESENT DAY

С. Анноус¹, О. Л. Флеонова²

¹Институт политических исследований в Триполи, г. Триполи, Ливан

²Московский государственный университет – Пекинский политехнический институт
в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Китай

ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА В ЭЛЬ-МИНЕ (ЛИВАН): ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИЙ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ИМПЕРСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА С ПОЗДНЕГО ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Abstract. This paper shows how schools in a small Lebanese town have been the sites of linguistic, religious and imperial rivalry for many decades, from the late Ottoman rule to the present day. Document analysis and ethnographic tools were used to provide the historical overview, the legal framework regulating schooling, and to trace the functional transformations of the school sites. The native language, Arabic, remains marginalized by school practices and policies.

Keywords: school education, imperial rivalry, linguistic rivalry, religion, legal framework, Russian schools, language policy, Lebanon

Аннотация. Рассматриваются школы ливанского города Эль-Мина как место языкового, религиозного и имперского соперничества. Для исторического обзора, изучения правовой базы, регулирующей школьное образование, и отслеживания функциональной переориентации школьных объектов использовался анализ документов и этнографические инструменты. Родной язык, арабский, остается в школьном образовании на периферии из-за государственной школьной политики и практики.

Ключевые слова: школьное образование, имперское соперничество, языковое соперничество, религия, правовая база, русские школы, языковая политика, Ливан

Introduction

The political crisis in contemporary Lebanon is a result of sectarian divisions. This divisionism, to a great extent, stems from the complex history of the schooling system in Lebanon. The contemporary schooling set-up is the locus where various religious and sectarian struggles find a reflection and are reproduced. The roots of contemporary crisis can be traced back to the end of the 19th –beginning of the 20th centuries – a few decades preceding the establishment of modern Lebanon – when religious and imperial rivalry in the Middle East found its expression through the establishment of different confessional schools, very often just a few hundred meters apart from each other.

This study looks at El-Mina, a small town in North Lebanon, only 3.7 km² with a population of around 100,000 people. It traces the establishment of schools at the end of the 19th century and the development of the schooling system in this town over the following decades which witnessed the collapse of the Ottoman Empire, French colonization of Lebanon, the independence period up until the present day. This paper shows how schools in this small Mediterranean town turned into sites of linguistic, religious and imperial struggles. Document analysis was employed to provide the historical overview and the legal framework regulating the schooling system. In addition, ethnographic tools were used to trace the present locations and functional transformations of the school sites.

El-Mina: Historical Overview

El-Mina, the outer tip of the Tripoli metropolis, has served as a port city since the Phoenician times. Some historians attribute the name of Tripoli (which now designates the main city that lies eastward) to El-Mina itself which was, according to them, the chosen meeting site for the three city-states on the Phoenician coast, Tyre, Sidon, and Arados; hence, its original name Tri-Polis, a name used until the 14th century, was given afterwards to the larger city that grew around the Crusaders' Castle.

El-Mina witnessed a number of transformations throughout its history. During the Arab-Islamic conquest (7th century), it became an essential strategic point and a center for the construction of shipping fleets. It was then occupied by the Crusaders for nearly two centuries (12th and 13th centuries). Later, during the Ottoman period (1516–1920), and with the re-establishment of trade with Europe, El-Mina became one of the “Echelles du Levant” or “Scala”, one of those celebrated port cities that became anchor points for the trading cities of Europe, such as Marseille and Genoa. In fact, the official name *Askale* (probably from the Italian Scala) was in use until 1979 when the popular Arabic name *El-Mina* (which means “port” in Arabic) was officially given to the city.

In the early 20th century, the port city continued flourishing and had an impact on the urban growth and economy of Tripoli. El-Mina hosted an important regional railway station, and its harbor served as the terminal of an oil pipeline from Iraq, a British colony at that time. As a port city, El-Mina attracted foreign countries – Italy, Greece, France, Britain and Russia – which opened their consulates there in order to preserve their commercial interests and trade activities with the Ottoman Empire and later on with France, the new colonial power.

El-Mina follows the pattern of the Ottoman city which separates Muslim and non-Muslim quarters. In 1913, El-Mina population reached 8538 inhabitants distributed as follows (Table 1).

Table 1

El-Mina Population (1913)

Religion	Number of People
Muslims	4156
Greek Orthodox	4148
Maronites	234
Total	8538

(Bahjat and al-Tamimi, 1917)

Linguistic, Religious and Imperial Struggles Under the Ottomans

In the late 19th century, like most Lebanese cities under the Ottoman rule, El-Mina witnessed the rivalry of three foreign religious missions: Protestant (American), Catholic (French and Italian) and Orthodox (Russian), which were all competing to attract the locals by providing medical and educational services. It is worth noting that under the Ottoman rule, missionaries focused mainly on the Christian community since converting Muslims to Christianity was banned or was considered a dangerous activity. Since Christians comprised more than half of the city's population, the foreign religious missions found it easier to penetrate the community and establish their schools.

During that period, schooling in Lebanon and Syria was controlled by the Ottoman Council of Public Instruction (established in 1845) and then the Ottoman Ministry of Education (established in 1847)

and was carried out by the state schools (Turkish), *melet* schools (local Christian), and foreign missionaries. An example of a decree by Sultan Abdulhamid allowing the establishment of a foreign missionary school in El-Mina is presented in Figure 1.

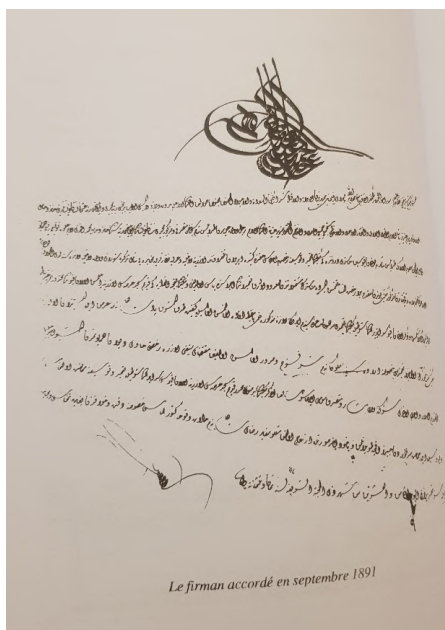

Fig. 1. A decree allowing the establishment of a foreign missionary school in El-Mina [Sleiman 2016]

By 1913, before the breakout of World War I, five types of schools existed in El-Mina, as shown in Table 2.

Table 2

Types of Schools in El-Mina (1913)

Name of School	Religious Sect	Languages	Foreign Sponsors
Ottoman Madrasa	Sunni Muslim	Turkish and Arabic	Ottoman Empire
Moskobiya (Muscovite) (later National Orthodox College)	Greek Orthodox	Arabic, Russian and Greek	Imperial Orthodox Palestinian Society, Russia
Frere La Salle	Roman Catholic	French and Arabic	Jesuit Missionary, France
Franciscan	Roman Catholic	Italian, French Arabic	Franciscans, Italy
Kennedy Memorial	Protestant	English, Arabic	Presbyterian Church, USA

Ottoman schools (madrasas) were mainly providing traditional religious education to Muslim students. After the reform (tanzimat era 1839-1876), the Ottomans adopted a western curriculum, and new subjects such as French, logic, economics, geography, world and Ottoman history, algebra, arithmetic, accounting, engineering, the physical sciences and draftsmanship were introduced to prepare students for jobs in the Ottoman administrative system [Van Duinkerken 1998]. Learning Turkish was compulsory since it was the language of Turkish administration. Arabic was mainly taught as a subject, a language to read the Koran, but not used as a medium of instruction. Tuition was free. In 1913, two Ottoman schools were active in El-Mina, providing elementary education for Muslim students. Some graduates of these schools continued their education in the prestigious Sultanya high school located in Tripoli [Bahjat and al-Tamimi 1917].

Since Christian children were not allowed to attend Ottoman madrasas, foreign missionaries competed to fill this gap. Franciscan monks established a school where French and Italian were used as the languages of instruction. Kennedy Memorial Hospital, a nursing school, established by the American Presbyterian Church introduced English as the medium of instruction. Frere La Salle Jesuit Missionary taught subjects using French. In all these schools, Arabic was taught as one of the subjects. The absence of British schools could be explained by the fact that after the 1860 civil war El-Mina was not included in the British influence zone. The French were protecting the Christian Maronites and Roman Catholics, while the British were opening schools more to the south, about 80 km south of El-Mina, to evangelize the Druze community in Mount Lebanon, who were ardent admirers of the British and enjoyed their protection under the Ottoman rule [Trabulsi 2016].

As a response to the rapid expansion of western Catholic and Protestant missionaries, the Greek Orthodox who were under the protection of the Russian Empire felt threatened and eagerly started attending schools established by the Imperial Orthodox Palestinian Society, which was initiated by members of the Russian imperial family, the Russian church and Russian orientalist.

Two Russian schools were founded in El-Mina in 1897, reaching the total enrollment of 524 students in 1907 [Kφyρu 2010; Sleiman 2016]. The local Arabic speaking Greek Orthodox community considered the Russian Empire as their protector from western religious and cultural influences and Turkish cultural and political domination. This explains the high enrollment rate in these schools that provided modern education for Greek Orthodox boys and girls.

The October Revolution of 1917 ended the activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in Palestine, Syria and Lebanon. However, the Greek Orthodox schools continued to serve the local Arab speaking community and became the base of the modern Arabic medium schooling system in El-Mina reflected in the new name of the school, National Orthodox College, which replaced the old name, Moskobiya school (or Muscovite school).

French Mandate

In 1914, foreign missionary schools were forced to close since Turkey was at war with France, Britain and Russia. With the foundation of Greater Lebanon and under the French mandate that started in 1920, French became the language of administration, thus becoming essential as a linguistic capital for finding jobs in the newly established colony. Colonial subjects stopped learning Turkish, the language of the former rulers. Arabic was taught in most schools as one of the languages but not as a medium of instruction. That period witnessed a rapid increase in the enrollment of Muslim students in western and local Christian schools.

The French Mandate continued to give religious sects authority over education and the freedom to open their own schools. Article 10 of the 1926 Lebanese Constitution stated that “Education shall be free insofar as it is not contrary to public order and morals and does not affect the dignity of any of the religions or sects. There shall be no violation of the right of religious communities to have their own schools provided they follow the general rules issued by the state regulating public instruction” (The article was later adopted by the new 1989 Lebanese Constitution [Lebanese Constitution 1989]).

National Orthodox College, an heir to the Moskobiya school, was the only educational institution which taught in Arabic and attracted both the local Greek Orthodox community and Muslims, who did not perceive this school as a threat to their identity. National schools, like National Orthodox College, emphasized Arabic as a marker of national identity and helped in the revival of the Arabic literary tradition, thus participating in the construction of the modern Arab identity which eventually aided in the struggle for independence from the French.

After Independence

Lebanon gained its independence from France in 1943. However, the cultural, political and economic interdependence that existed between Lebanon and its former colonizer, France, did not disappear. On the contrary, it was further consolidated by the dependence of the Lebanese educational system on the French one. This system produced a Lebanese political elite that kept promoting the use of a foreign language as a medium of instruction in schools and universities. After independence, two serious attempts were made to reform the educational system through the promotion of state schooling and the Arabization movement, that is, the use of Arabic as the language of instruction. However, both attempts have failed.

The 1989 constitution states that “private education shall be protected” and state control over private schools and textbooks shall be strengthened [Lebanese Constitution 1989]. The liberal approach that Lebanon followed after independence allowed schools to use a foreign language in teaching the natural sciences (math, physics, biology, and chemistry) in addition to French or English literature, philosophy and psychology. The only subjects that had to be taught in Arabic were, and still are, history, geography, Arabic language, literature and philosophy.

Current State of Schooling in El-Mina

In the 1990s, El-Mina witnessed a rapid growth of public schooling and enrollment. French remains the most dominant language of instruction both in private and public schools (see Tables 3 and 4).

Table 3

Public Schools in El-Mina (2023)

Name of School	Language of Instruction
Andre Nahhas Secondary Public School - For Girls	French
Saba Zreik Secondary Public School For Boys	French

Al Hayat Public School for Girls	French
Al Tahzibiya Public School for Girls	French
First Public School for Girls	French
An Nour Mixed Public School	French
Adnan Zaki Darwish Public School for Boys (+ second shift for Syrian students)	French
Al-Mina First Public Kindergarten	French
Ra'fat Al Hussaini Public School for Boys	French
Al Nahda Public School for Girls	French
An Nahda Mixed Public School (+ second shift for Syrian students)	French
Al-Mina Third Public Kindergarten	French
Botros Dourah	French
Rawdat Al-Mina Second Mixed Public School	French

Table 4

Private Schools in El-Mina (2023)

Name of School	Language of Instruction	Religious Affiliation
Antonine	French or English tracks	Maronite
Saints-Coeurs	French	French Jesuit Mission, managed by Maronite
National Orthodox College	French	Greek Orthodox
Al Rissala Islamiya	English	Sunni Muslim
Rawda	French	Sunni Muslim

Functional Transformation of Schools

The foreign schools that were founded in the late 19th century gradually ceased to exist or were transformed over the following decades. The three sites of the former Russian schools have undergone transformation. One school was demolished to be rebuilt as the National Orthodox College; another was appropriated by the Lebanese government and became Ra'fat Al Hussaini Public School for Boys, with French becoming its medium of instruction. The third site became an orphanage during World War I and is now a residential housing, belonging to the Greek Orthodox church.

The Franciscan School is now a sports complex and a hostel run by Franciscans and headed by an Italian monk. The Catholic Frere School was sold and demolished in the 1960s, and a residential building stands in its place. The American Kennedy Memorial Hospital was nativized by the locals but later abandoned and demolished in the 1960s. The land was eventually sold to a real estate developer. As for the Ottoman madrassas, they are now religious centers connected to Sunni mosques in the old town.

Conclusion

The legal framework regulating education in Lebanon from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century has changed several times and is a clear reflection of external and internal power struggles.

One century after the establishment of modern Lebanon, although Arabic has become the official language of the Lebanese state and the new constitution of 1989 clearly states that "Lebanon is Arab in its identity and belonging", the language policy remains in favor of western languages representing external powers. The French language continues to be a dominant medium of instruction since France is still trying to protect its economic, cultural, and educational ties with Lebanon opposing the influence of English language hegemony started by the British and propelled in the 21st century by the United States. Arabic, the native language of the Lebanese, continues to be marginalized by school practices and policies. Over centuries, El-Mina has served as a microcosm reflecting the linguistic and religious rivalry of big powers.

References

1. Кфури И. Русские школы Ливана // Русские в Ливане. Российские соотечественники в Ливане: история и современность / сост. С. А. Воробьев. Бейрут : СНАМАС, 2010. С. 19–28.
2. Bahjat M., al-Tamimi M. R. Wilayat Bayrut. Beirut : Matba'at al-Iqbal. [reprint]. 1917. Vol. 1.

3. Lebanese Constitution. 1989. Retrieved from. URL: <https://www.presidency.gov.lb/English/LebaneseSystem/Documents/Lebanese%20Constitution.pdf>
4. Sleiman H. The role of foreign missionaries in Tripoli (1800–1914). Jounieh: The Sacred Valley Publications. 2016.
5. Trabulsi S. Converting the Druzes: The American Missionaries' Road Map to Nowhere. In El-Cheikh, Nadia Maria, Lina Choueiri, and Bilal Orfali (eds.). One Hundred and Fifty. Beirut : AUB Press. 2016.
6. Van Duinkerken W. Educational reform in the Tanzimat era (1839–1876): Secular reforms in Tanzimat MA Thesis, McGill University, Canada. 1998. URL: <https://escholarship.mcgill.ca/concern/theses/qn59q631n>

Сведения об авторах:

Анноус Самер, кандидат педагогических наук, менеджер программы, старший научный сотрудник Института политических исследований в Триполи, г. Триполи, Ливан.

Флеонова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент Центра английского языка, Московский государственный университет – Пекинский политехнический институт в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Китай.

М. А. Капустина

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

M. A. Kapustina

University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, St. Petersburg, Russia

RUSSIAN LANGUAGE AND LEGAL INFORMATION: LANGUAGE POLICY IN THE SPHERE OF LEGAL REGULATION

Аннотация. Рассматривается русский язык в контексте языковых средств выражения, хранения, транслирования правовой информации. Обсуждаются принципы и содержание языковой политики, призванной обеспечивать цели и задачи регулирования общественных отношений в едином пространстве Российской Федерации. Сделан вывод о том, что русский язык как государственный язык включен в систему правового регулирования.

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, правовая информация, правовое регулирование, языковая политика

Abstract. The article considers the Russian language in the context of linguistic means that are used to express, store, broadcast legal information. The discussed principles and issues of language policy are able to ensure the goals and objectives of regulating public relations in the Russian Federation. It is concluded that Russian as the official language is an element of the legal regulation system.

Keywords: Russian language, state language, legal information, legal regulation, language policy

Исследования в области языка и права необходимо проводить в контексте государственной политики по развитию национальной культуры, обеспечению стратегических интересов Российской Федерации на основе системного подхода к регулированию общественных отношений. И если право является особой формой социального взаимодействия, юридически значимого поведения индивидов, то национальный язык можно рассматривать средством выражения правовой формы посредством различных знаков и символов. Единство языковых средств выражения и правовых форм регулирования проявляется в лингвистических и юридических принципах нормированности литературного языка и права, в равной степени обязательности языковых и юридических норм для всех участников языковых и правовых отношений, свободы слова и поведения в установленных нормах пределах и недопущения произвола. Правовая информация во всех официальных источниках Российской Федерации хранится, передается, воспринимается, интерпретируется на русском языке.

В условиях использования современных технологий для хранения и транслирования информации возрастает актуальность рассмотрения процессов правового регулирования в координатах языка и права, передачи юридически значимых текстов посредством законотворчества и правоприменения с использованием электронных площадок. Так, в России с 2010 года начал работать интернет-портал правовой информации – www.pravo.gov.ru, с 2011 г., согласно статьям 4, 9.1 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» [Федеральный закон № 5-ФЗ от 14 июня 1994 года], данный интернет-портал – источник официального опубликования федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания наряду с Парламентской газетой, Российской газетой и Собранием законодательства Российской Федерации. Это важный элемент государственной системы правовой информации.

Интернет-портал www.pravo.gov.ru имеет статус сетевого издания (Свидетельство о регистрации СМИ от 10.11.2011 Эл № ФС77-47467) и федеральной государственной информационной системой (Электронный паспорт ФГИС от 22.07.2011 № ФС77110096). Функционирование государ-

ственной системы правовой информации обеспечивается Федеральной службой охраны Российской Федерации, которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, президентской, правительственной и иных видов специальной связи и информации.

Правовое регулирование, как любое воздействие в социальной среде, означает транслирование информации. Языковая политика в юридической сфере должна обеспечивать доведение до адресатов сведений с тем, чтобы повлиять на поведенческую установку субъектов и сформировать готовность к правомерному поведению в соответствии с юридическими предписаниями. В связи с этим, языковые средства выражения правовой информации, методы юридической герменевтики приобретают особое значение. Эффективность правового регулирования во многом определяется ясностью и конкретностью языка законодательных, правоприменительных и интерпретационных актов. В правовой системе Российской Федерации ведущую роль в регулировании играет законодатель. Именно законодательство определяет юридическое содержание судебных и иных правоприменительных актов, в силу обязанности всех и каждого, включая органы государственной власти, подчиняться в своей деятельности закону. В то же время, несмотря на центральное положение закона в правовой системе, регулирование даже на основе изданных государством актов оказывает не только властное воздействие на поведение субъектов, но и культурное, идеологическое влияния на общество.

Толкование юридических предписаний имеет своей целью раскрытие правового смысла информации в них содержащейся. Правовое регулирование может быть направлено на обеспечение чьих-либо прав, создание условий, стимулирующих надлежащее и в срок выполнение обязанностей, установление запретов и контроль за их соблюдением. Смысл правовой информации интерпретируется и воспринимается субъектами в конкретном культурном контексте, сквозь призму государственно-правовой истории и языковых особенностей. Примером может служить часть 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации, согласно которой создание чрезвычайных судов не допускается. Опираясь на историю трагических событий в Российском государстве 20-30-х годов прошлого века, Федеральный закон «О чрезвычайном положении» [Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001] конкретизирует данное конституционное положение, устанавливая в статье 35, что правосудие на территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляется только судом. На указанной территории действуют все суды, учрежденные в соответствии с главой 7 Конституции Российской Федерации. Учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается. В понятии «чрезвычайный суд» лингвистически закодирован правовой запрет на так называемые «суды двоек и троек». Понять смысл запрета невозможно без знания российской истории первой половины XX века.

Языковая политика в сфере правового регулирования должна обеспечивать позитивный результат транслирования юридической информации, формирование идеологии правомерного поведения, признания гуманистической ценности права на основе поддержания социального равновесия, стабильности и национальной безопасности. Сложность выполнения этих задач обусловлена, в том числе, многонациональностью российского народа, объединяющего представителей разных культур и, соответственно, носителей разных языков. Следует учитывать участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях, миграционные процессы. Русский язык сохраняет статус языка общения между разными народами не только в России, но и в государствах Содружества независимых государств, и в странах Евразийского экономического союза [Искаков 2021 : 64].

Воздействие на поведение субъектов права осуществляется при помощи языковых средств. Определение русского языка государственным языком Российской Федерации означает, с одной стороны, признание его единым языком общения и взаимодействия российского народа, с другой – обязательность норм литературного русского языка для всех юридических актов, независимо от конкретных вопросов и причин, в связи с регулированием которых они приняты. Системный характер и законность регулирования в пространстве России выражается в том числе в единстве языковых средств выражения правовых предписаний. Роднит языковые и юридические нормы то, что и те, и другие – результат развития общества, российской языковой и правовой культуры. Поэтому языковые средства выражения права, законодательная стилистика и юридическая техника в целом демонстрируют консервативность и, одновременно, разнообразие языка права.

Русский язык, согласно Конституции, рассматривается языком государствообразующего народа Российской Федерации. При этом, каждый народ, входящий в многонациональный союз, сохраняет в равной степени право на сохранение и развитие своего языка, народ республики в составе Российской Федерации может, в том числе, установить свой язык в качестве государственного языка республика. Таким образом поступили во всех республиках кроме Карелии. В результате, в республиканских органах государственной власти, органах местного самоуправления, государ-

ственных учреждениях используются и русский язык, и язык республики. В Республике Крым государственными языками признаны три – русский, украинский и крымскотатарский.

В юридико-лингвистическом смысле, понятие «государственный язык» указывает на необходимость сочетания в языке, на котором транслируется правовая информация, реализуются публичные полномочия органов власти и управления, свойств официального, делового и литературного, «живого» национального языка. Гармоничного сочетания таких разных свойств в конкретных законодательных текстах добиться нелегко. Поэтому языковая политика в сфере правового регулирования должна включать принципы использования языковых средств и форм выражения юридических предписаний, особые требования к законодательной стилистике, правила проведения и задачи юридико-правовой экспертизы проектов нормативных актов. В отличие от языка художественной литературы, языка творчества, язык закона не должен поражать своей поэтической красотой, искусством передачи словом эмоций и переживаний, душевных волнений и устремлений в будущее. Красота языка закона в его лаконичности, ясности и точности. Это сдержанный и бесстрастный текст, который должен обеспечить формальную определенность правового регулирования, единообразное толкование правовой информации. Примерами недостатков языка закона будут обнаруженные в юридических актах слова, словосочетания, выражения, не позволяющие однозначно интерпретировать правовой смысл предписаний, допускающие необоснованную дискрецию представителей публичной власти, скрывающие коррупционную составляющую и т.п. Слишком длинные юридические тексты, включающие множество пунктов и подпунктов, часть из которых утратила силу, а другая – дополнена или изменена, затрудняют, если не препятствуют надлежащему правоприменению. Разобраться и установить правовой смысл подобных текстов оказывается сложным даже для опытных профессионалов.

Таким образом, языковая политика выступает элементом системы правового регулирования, являясь совокупностью принципов и правил использования средств русского языка для формально определенного выражения, закрепления, хранения и транслирования правовой информации в едином пространстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Исаков И. Ж. Формирование политико-экономического ландшафта на евразийском континенте в условиях евразийской интеграции и пандемии COVID-19 // Труды XIII Евразийского научного форума (г. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2021 года). Часть I. СПб. : Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2021. С. 58–69.
2. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
3. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : федер. закон № 5-ФЗ от 14 июня 1994 года // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801 ; 1999. № 43. Ст. 5124.
4. О чрезвычайном положении : федер. закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23.

Сведения об авторе:

Капустина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического факультета Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург, Россия.

Е. И. Кожевникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА
В ОБЩЕСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ МОДАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
РОССИИ И ГЕРМАНИИ)**

E. I. Kozhevnikova

Penza State University, Penza, Russia

**REGULATION OF LANGUAGE USE AREAS IN A SOCIETY
THROUGH MODALITY (BASED ON LEGISLATIVE TEXTS
OF RUSSIA AND GERMANY)**

Аннотация. Проведено исследование языковых средств реализации модальности в законодательных текстах России и Германии, регулирующих языковую политику государств. Законодательные тексты анализируются с точки зрения социально-конструкционистского подхода, т.е. закон понимается как общественно значимая дискурсивная практика, а модальность – как одно из ключевых языковых средств актуализации языковой политики в законодательных текстах.

Ключевые слова: модальность, социальные акторы, языковая политика

Abstract. The article considers the study of linguistic means of implementing modality in Russian and German legislative texts, which regulate the language policy of states. The legislative texts are analyzed from the point of view of a social constructionist approach, i.e. the law is understood as a socially significant discursive practice, and modality is understood as one of the key linguistic means of actualizing the language policy in legislative texts.

Keywords: modality, social actors, language policy

1. Введение

Проблемы языковой политики, языковой экологии, регулирования использования языка в обществе являются одними из актуальных и перспективных направлений исследований в социолингвистике. Научная проблема нашей работы заключается в установлении закономерностей концептуализации языка и конструирования социальных групп с помощью модальности в текстах нормативных правовых актов России и Германии. В своем исследовании мы выдвигаем гипотезу, что модальность используется как одно из ключевых средств конструирования социальных сфер.

Актуальность работы определяется ее широким социальным контекстом и недостаточной изученностью законодательных текстов с точки зрения социолингвистики. Новизна работы заключается в том, что впервые модальность рассматривается как средство репрезентации социальных сфер в законодательных текстах, регулирующих языковую политику РФ и ФРГ.

Целью нашей работы является выявление средств модальности и их роли в актуализации языковой политики РФ и ФРГ, для чего необходимо решить следующие задачи:

- выделить сферы использования языка в обществе;
- определить роли социальных акторов;
- проанализировать языковые средства актуализации модальности, используемые при законодательном регулировании сфер использования языка.

Методология исследования основана на социально-конструкционистском подходе, согласно которому право следует рассматривать как общественно значимую дискурсивную практику [Дубровская 2017]. При выявлении общих закономерностей законодательного регулирования языковой политики в РФ и ФРГ мы обращаемся к теории социальных акторов Т. ван Левена [Leeuwen 2008], которая позволяет определить характерных участников рассматриваемой дискурсивной практики. Методика исследования включает в себя следующие этапы:

1. Отбор фрагментов законодательных текстов РФ и ФРГ федерального уровня, регулирующих языковую политику государств;

2. Выявление групп социальных акторов, конструируемых в законодательстве, и сфер их взаимодействия;

3. Определение языковых средств актуализации модальности, посредством которых группы социальных акторов репрезентируются в законодательных текстах.

Материал исследования представлен фрагментами законодательных текстов федерального уровня России и Германии, регулирующих языковую политику в указанных социальных сферах.

2. Теоретические основы изучения модальности

Вслед за М. В. Ляпон мы придерживаемся следующего определения модальности: «Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. <...> Объективная модальность – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности). <...> Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания» [Ляпон 1998 : 303]. Таким образом, М. В. Ляпон выделяет два вида модальности: объективную (осуществляемость или неосуществляемость) и субъективную (личное отношение субъекта высказывания к сообщаемому). Такой же классификации придерживаются Т. В. Булыгина и С. А. Крылов [Булыгина, Крылов 1998 : 385]. Разграничение модальности на субъективную и объективную приводится также в «Русской грамматике-80» [Русская грамматика-80 1980 : 214].

Понимание модальности, изложенное в «Русской грамматике-80», а также анализ значений и языковых средств актуализации модальности, соответствуют точке зрения В. В. Виноградова, который придерживается широкого понимания модальности (как отношения к действительности), и утверждает, что любое высказывание модально по своей природе [Виноградов 1975 : 55-62].

Характер материала исследования позволяет нам рассматривать модальность законодательных текстов как объективную и обращаться к категории деонтической модальности ввиду предписывающей функции законодательных текстов.

3. Теория социальных акторов: краткий обзор

Т. ван Левен определяет социальных акторов (social actors) как участников социальных практик (participants of social practices) [Leeuwen 2008 : 36]. Исследователь отмечает, что «социальные практики являются общественно регулируемым способом действия» (*перевод с английского и немецкого здесь и далее мой – Е. К.*) [Leeuwen 2008 : 6]. Т. ван Левен отмечает вариативность способов регулирования – от строгих предписаний, традиций или отдельных лиц до влияния технологии [Leeuwen 2008: 6–7], а также способов репрезентации социальных акторов в текстах [Leeuwen 2008 : 23-47].

В нашем исследовании мы остановимся на классификации социальных акторов как участников социальных практик в зависимости от репрезентации их ролей в текстах, т. е. как *инициатор* (стимулирует совершение действия), *агенса* (совершает действие), *пациенса* (испытывает воздействие со стороны агенса), *бенефициара* (выгодополучатель) [Leeuwen 2008 : 8]. Также мы рассматриваем язык как *инструмент* осуществления социальной практики [Leeuwen 2008 : 7].

4. Модальность как средство конструирования социальных сфер

В результате анализа языкового материала нам удалось выделить несколько социальных сфер взаимодействия, а именно:

- образование,
- деятельность официальных учреждений,
- суды.

Каждая из этих сфер имеет свои характерные пары взаимодействия. Рассмотрим каждую из них более подробно.

1) Образование

В примере представлена социальная практика получения образования. *Инициатором* выступает *Российская Федерация*, *агенса* и *пациенса* не указаны:

(1) *В Российской Федерации гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. (п. 1 ст. 14 ФЗ «Об образовании в РФ»)*

Государственный язык является *инструментом* осуществления социальной практики. Обязательный характер использования русского языка как государственного актуализируется предикатом в форме глагола в изъявительном наклонении, специфика которого «состоит в том, что оно практически не налагает ограничений на возможности выражения различных модальных оттенков

лексико-грамматическими средствами и средствами контекста» [Русская грамматика-80 1980 : 617]. Таким образом, во фрагменте реализуется деонтическая модальность с помощью конструкции пассива глагола *гарантируется*, актуализируемой «спрягаемой формой глагола с постфиксом *-ся* в страдательном значении <...>. В конструкции пассива глагол является глаголом страдательного залога» [Русская грамматика-80 1980 : 612]. Глагол *гарантируется* относится к глаголам несовершенного вида, которые «не обладают признаком ограниченности действия пределом, признаком целостности действия. <...> Отсюда вытекает способность глаголов несов. вида выражать действие в процессе его протекания, в частности действие, стремящееся к достижению предела» [Русская грамматика-80 1980 : 581]. Видим, что употребление глагола несовершенного вида актуализирует повторяющийся во времени характер регулируемых законодательным текстом действий и обусловливает актуальность законодательства в настоящем и будущем времени.

Социальная практика получения образования на территории республик РФ осуществляется при участии таких акторов как государство (в лице республик РФ), образовательные учреждения и обучающиеся. *Инициатором* выступают *республики РФ, агентом – государственные и муниципальные образовательные организации, расположенные на территории республик РФ, бенефициар* не указан (что является одним из способов реализации универсального характера законодательных текстов):

(2) *В государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории республики Российской Федерации, может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации в соответствии с законодательством республик Российской Федерации. (п. 3 ст. 14 ФЗ «Об образовании в РФ»)*

Государственные языки республик являются инструментом осуществления социальной практики. Возможность использования государственных языков республик актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме 3 л. ед. ч. модального глагола *мочь* (выражает возможность) в изъявительном наклонении и инфинитива глагола несовершенного вида с постфиксом *-ся* (*может вводиться*), имеющего страдательное значение [Русская грамматика-80 1980 : 614].

Социальная практика получения дошкольного образования на территории двуязычных городов Коттбус и Дрезден осуществляется при участии таких социальных акторов как детские дошкольные учреждения и обучающиеся. *Агентом* выступают *детские сады двуязычного региона (Kindergärten im zweisprachigen Gebiet), бенефициаром – дети (Kinder)*:

(3) *In Kindergärten im zweisprachigen Gebiet sind, ausgehend von den muttersprachlichen Voraussetzungen der Kinder, die deutsche bzw. sorbische Sprache in der Bildungs- und Erziehungsarbeit anzuwenden und die muttersprachliche Entwicklung der Kinder zu fördern. (Vierte Durchführungsbestimmung zum Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem - Bildung und Erziehung im zweisprachigen Gebiet der Bezirke Cottbus und Dresden - § 2 Kindergärten)*

Немецкий и сорбский (серболужицкий) языки (*die deutsche bzw. sorbische Sprache*) являются инструментом осуществления социальной практики. Возможность использования указанных языков актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме 3 л. мн. ч. Präsens Indikativ модальной конструкции *sein + zu + Infinitiv* смыслового глагола *anwenden* ('применять, использовать') (*sind* <...> *die deutsche bzw. sorbische Sprache* <...> *anzuwenden*), употребляемой «чаще всего для выражения возможности или невозможности в более четкой, убедительной форме (имеет пассивное значение)» [Тагиль 2016 : 199].

Социальная практика получения образования в немецких школах за рубежом осуществляется при участии таких социальных акторов как Правительство ФРГ, школьные учреждения и обучающиеся. *Агентом* выступает *государство* (в лице Федерального Правительства – *die Bundesregierung*), *пациентом – немецкие школы за границей (Schulen im Ausland)*, а *бенефициаром – немецкий язык (die deutsche Sprache)*:

(4) *Zur Förderung der deutschen Sprache kann die Bundesregierung Schulen im Ausland, die keine Deutschen Auslandsschulen sind, aber das Deutsche Sprachdiplom der Kultusministerkonferenz anbieten, nach Maßgabe des Zuwendungsrechts fördern. (§ 17 Gesetz über die Förderung Deutscher Auslandsschulen (Auslandsschulgesetz - ASchulG))*

Возможность оказания поддержки школам актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме 3 л. ед. ч. Präsens Indikativ модального глагола *können* ('мочь, быть в состоянии') и инфинитива смыслового глагола *fördern* ('способствовать, содействовать, поощрять') (*kann die Bundesregierung Schulen im Ausland* <...> *fördern*).

II) Деятельность официальных учреждений

Социальная практика взаимодействия официальных учреждений и физических лиц осуществляется при участии таких социальных акторов как государство и граждане. В роли *агенса* здесь выступает как *государство* (в лице официальных учреждений и ведомств), так и *граждане* РФ. В роли *пациенса* выступают *запросы* граждан и *ответы* на них:

(5) Граждане Российской Федерации **вправе обращаться** в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют.

Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан Российской Федерации, направленные в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации, **даются** на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения **используется** государственный язык Российской Федерации. (п. 4, 5 ст. 15 ФЗ «О языках народов РФ»)

Язык выступает инструментом осуществления социальной практики. Право граждан обращаться на русском, родном или на любом другом языке народов РФ актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикативом *вправе*, т. е. словом «с модальным значением возможности» [Русская грамматика-80 1980 : 703] и инфинитивом глагола несовершенного вида с постфиксом *-ся* (*граждане <...> вправе обращаться*). Необходимость использования языка обращения для ответов актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатами в форме изъявительного наклонения глаголов несовершенного вида с постфиксом *-ся* (*даваться, использоваться*) в форме 3 л. мн. и ед. числа соответственно (*даются; используется*). Формы 3 л. ед. и мн. ч. имеют семантику обобщения, универсальности применения, характерной для законодательных текстов.

Социальная практика взаимодействия официальных учреждений и физических лиц осуществляется при участии таких социальных акторов как государство и граждане. В роли *агенса* здесь выступает как ФРГ (*die Bundesrepublik Deutschland*) (в лице официальных учреждений и ведомств – *der zuständigen Behörde der Bundesrepublik Deutschland*), так и *физические лица* (*die betroffene Person*):

(6) *Jegliche Kommunikation zwischen der betroffenen Person und der zuständigen Behörde der Bundesrepublik Deutschland in Bezug auf die Anwendung dieses Gesetzes hat in deutscher Sprache zu erfolgen.* (§ 3 EU-DBA-SBG)

Немецкий язык (*deutsche Sprache*) является инструментом осуществления социальной практики. Обязательный характер использования немецкого языка при коммуникации в государственных учреждениях актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме Präsens Indikativ модальной конструкции *haben + zu + Infinitiv*, имеющей «модальное (при этом активное) значение, выражает необходимость, принуждение, закон, при этом высказывание приобретает четкое, более убедительное значение» [Тагиль 2016 : 199], и смыслового глагола *erfolgen* ('происходить, осуществляться') (*Jegliche Kommunikation <...> hat in deutscher Sprache zu erfolgen*).

III) Суды

Социальная практика отправления правосудия в РФ осуществляется при участии таких социальных акторов как государство, судебная система. Государство (*Российская Федерация*) является *инициатором, суды – агенсом, сам процесс судо- и делопроизводства – пациенсом*:

(7) *Судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке - государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.* (п. 1 ст. 10 ФЗ «О судебной системе РФ»)

Язык выступает инструментом осуществления социальной практики. Обязательный характер использования русского языка как языка судопроизводства актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме изъявительного наклонения глагола несовершенного вида с постфиксом *-ся* в 3 л. мн. числа (*Судопроизводство и делопроизводство <...> ведутся*), имеющим страдательное значение [Русская грамматика- 80 1980 : 614]. Вместе с тем закрепляется право на использование государственных языков республик РФ как языка судопроизводства на территории данных республик, актуализируется посредством деонтической модальности, выраженной предикатом в форме изъявительного наклонения настоящего времени модального глагола *мочь* и инфинитива смыслового глагола *вестись* (*Судопроизводство и делопроизводство <...> могут вестись*).

Социальная практика отправления правосудия в ФРГ осуществляется при участии таких социальных акторов как судебная система и стороны процесса. В следствие наделения региона городов Коттбус и Дрезден двуязычным статусом в законе особо выделяется право лужицких сербов использовать свой родной язык на территории указанной области. Суды и стороны процесса играют роль *агенса*:

(8) *Die Gerichtssprache ist deutsch. Das Recht der Sorben, in den Heimatkreisen der sorbischen Bevölkerung vor Gericht sorbisch zu sprechen, ist gewährleistet.* (§ 184 Gerichtsverfassungsgesetz (GVG))

Немецкий и сорбский языки (*deutsch, sorbisch*) выступают инструментом осуществления социальной практики. Обязательный характер использования немецкого языка как языка судопро-

изводства актуализируется деонтической модальностью, выраженной предикатом в форме Präsens Indikativ 3 л. ед. числа глагола *sein* ('быть, являться'). Право сорбского населения использовать свой язык актуализируется посредством деонтической модальности, выраженной предикатом в форме настоящего времени пассива состояния (*das Zustandspassiv*) смыслового глагола *gewährleisten* ('гарантировать, обеспечивать') (*Das Recht der Sorben <...> ist gewährleistet*).

5. Выводы

На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее характерными сферами использования языка в обществе, подверженными законодательному регулированию как в РФ, так и в ФРГ, являются образование, деятельность официальных учреждений, а также суды.

2. Государство и государственные органы чаще всего выступают в роли агенса, несколько реже – в роли инициатора; граждане – в роли пациенса (реже – бенефициара или агенса), а язык — в роли инструмента социальных практик.

3. Деонтическая модальность в русском языке актуализируется чаще всего формами настоящего времени изъявительного наклонения страдательного залога глаголов несовершенного вида с постфиксом *-ся* в 3 л. ед. или мн. ч., реже – с помощью изъявительного наклонения модального глагола (*мочь*) настоящего времени в форме 3 л. ед. и мн. числа, а также предикатива *вправе*.

4. Деонтическая модальность в немецком языке актуализируется чаще всего с помощью форм Präsens Indikativ модальных конструкций *haben/sein + zu + Infinitiv* в 3 л. ед. и мн. ч., реже – с помощью форм Präsens Indikativ смысловых переходных глаголов.

5. Использование в законодательных текстах как РФ, так и ФРГ форм настоящего времени глаголов несовершенного вида указывает на неограниченность действия пределом, на выражение действия в процессе его протекания и актуализирует повторяющийся во времени характер регулируемых действий, тем самым обуславливая актуальность законодательства для настоящего и будущего времени. Формы 3 л. ед. и мн. ч. служат для выражения обобщения, и универсального характера применения законодательных текстов.

Список источников

1. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Понятийные категории // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Репринтное изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 385–386.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике : избр. тр. М., 1975. С. 53–87.
3. Дубровская Т. В. Концептуализация межнациональных отношений в юридическом дискурсе // Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : кол. монография / под общ. ред. Т. В. Дубровской. М. : Флинта: Наука, 2017. С. 99–165.
4. Ляпон М. В. Модальность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. [Репринтное изд.]. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 303–304.
5. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М. : Наука, 1980. 788 с.
6. Тагиль И. П. Грамматика немецкого языка. 7-е изд., испр., перераб. и доп. СПб. : КАРО, 2016. 480 с.
7. Leeuwen T. van. Discourse and practice : new tools for critical discourse analysis. Oxford University Press, 2008. 172 p.
8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.04.2023).
9. О языках народов Российской Федерации : закон РФ № 1807-1 от 25.10.1991 (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 10.04.2023).
10. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон № 1-ФКЗ от 31.12.1996 (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 10.04.2023).
11. Gesetz über die Förderung Deutscher Auslandsschulen (Auslandsschulgesetz – AschulG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/aschulg/BJNR330600013.html> (дата обращения: 10.04.2023).
12. Vierte Durchführungsbestimmung zum Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem – Bildung und Erziehung im zweisprachigen Gebiet der Bezirke Cottbus und Dresden. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/esbisgdbest_4/DDNR200330969.html (дата обращения: 10.04.2023).
13. Gesetz zur Umsetzung der Richtlinie (EU) 2017/1852 des Rates vom 10. Oktober 2017 über Verfahren zur Beilegung von Besteuerungstreitigkeiten in der Europäischen Union (EU-Doppelbesteuerungsabkommen-Streitbeilegungsgesetz – EU-DBA-SBG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eu-dba-sbg/BJNR210310019.html> (дата обращения: 10.04.2023).
14. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/> (дата обращения: 10.04.2023).

Сведения об авторе:

Кожевникова Екатерина Игоревна, аспирант кафедры английского языка Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Б. В. Николаев

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ЯЗЫК – СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ ИЛИ РАЗОБЩЕНИЯ? (ОПЫТ США)

B. V. Nikolaev

Penza State University, Penza, Russia

IS LANGUAGE A MEANS OF COMMUNICATION OR SEPARATION? (USA EXPERIENCE)

Аннотация. Рассматриваются основные тенденции развития языковой политики в современных США, наиболее острые формы и направления проявления языковой дискриминации в североамериканском обществе.

Ключевые слова: языковая политика, равноправие, языковая дискриминация, официальный язык

Abstract. The article discusses the main trends in the development of language policy in the modern United States, the most acute forms and directions of language discrimination in North American society.

Keywords: language policy, equality, language discrimination, official language

В последние годы вопросы языковой политики, обеспечения равноправия для представителей различных языковых групп приобретает нарастающую актуальность в различных странах и регионах мира. Особую остроту проблема языковой дискриминации имеет для нашей страны в контексте дискриминации русскоязычного населения в ряде сопредельных государств. Особое значение языковой политики отражено во внесении конституционной поправки 2020 г., в соответствии с которой в новой редакции ст. 68 ч.1 Конституции РФ русский язык признается в нашей стране ее государственным языком как «язык государствообразующего, входящего в многонациональный союз равноправных народов России». Кроме того, Конституция не только признает право республик определять соответствующие государственные языки (наряду с русским), но и гарантирует право всем народам не только на сохранение своих языков, но и на обеспечение условий для их изучения и развития.

Таким образом, конституционная формула воплощает в себе и интеграционное начало единого государственного языка, так и гарантии языкового многообразия.

В условиях обострения столкновений в североамериканском обществе в связи с дискриминацией по признакам расы, религиозных убеждений, половой идентификации и сексуальной ориентации, вопросы языкового равноправия и языковой политики отошли на второй план. Однако, такое событийное затишье таит множество серьезных вызовов, которые вопросы языковой политики готовят для североамериканского общества.

Первостепенным фактором неопределенности языковой политики современных США остается неурегулированность конституционного статуса языка. Соединенные Штаты изначально формировались как нация мигрантов, в которой языковое многообразие было скорее нормой, чем странностью. Во многом это обусловило молчаливость конституционного текста в отношении государственного языка. Данная ситуация породила два противоположных движения. Первое, известное как «Только английский» («The Only English») выступает за признание английского или «американского английского» официальным государственным языком, что, по мнению сторонников данного движения, обеспечит большую интегрированность североамериканского общества. Кульминацией данного движения стало внесение федерального законопроекта о введении в Свод законов США специальной главы «Английский язык» и проведение серии референдумов по этому вопросу на уровне штатов.

Противоположное движение, представленное в частности «Американским лингвистическим обществом», отмечает опасность такой языковой унификации, которая может привести не к национальному единству, а, напротив, к нарастающей разобщенности американского общества, для

которого, к тому же, ценности языкового плюрализма и языковой свободы являются традиционными.

Сходная ситуация характерна и для конституций штатов, поскольку отсутствует единый подход к закреплению статуса официального языка. Ситуация усугубляется отсутствием точного конституционного разграничения компетенции федеральной власти и властей штатов в этой сфере. С другой стороны, такая пробельность, при отсутствии устойчивой прецедентной практики, позволяет осуществлять более гибкое правовое регулирование вопросов языковой политики и на федеральном уровне, и на уровне штатов [Николаев, Павлова 2013: 5–6].

Все это позволяет исследователям говорить об отсутствии в настоящее время «единой системной целенаправленной языковой политики в общенациональном масштабе», поскольку таковая напоминает лишь «ситуационные противоречивые и неадекватные языковой реальности ответы, реагирующие лишь на политическое давление и конъюнктуру. [Crawford 2004 : 4]

Проблемы языковой дискриминации обнаруживают свое присутствие в различных сферах: образование, трудовые отношения, жилищные отношения, избирательный процесс. Так, острая дискуссия в отношении моноязычных или двуязычных избирательных бюллетеней воспроизводится практически в ходе каждого электорального цикла. Причем одни абсолютно уверены в дискриминационном характере практики издания бюллетеней и других избирательных материалов исключительно на английском языке, другие, напротив, отвергают двуязычие избирательной документации не только в качестве проявления эрозии языкового единства нации, но и как косвенное доказательство ориентированности избирательного законодательства рядаштатов на вовлечение в избирательный процесс иммигрантов. В любом случае, представляется странным, что активное избирательное право осуществляется лицом, не знакомым с элементарной лексикой пусть и не государственного, но, несомненно, официального и наиболее распространенного языка государства места проведения выборов [Николаев 2018: 283–285].

Традиционно проблемы языковой дискриминации во многих странах мира тесно связаны с проблемой национальной дискриминации, не являются исключением в этой связи и США. Важнейшей альтернативой английскому языку в настоящее время, несомненно, является испанский язык [Павлова 2018: 386–388].

Последний осуществляет не только юридическую экспансию (издание все более широкого круга официальных актов и даже президентских посланий на этом языке), но, что даже более тревожно для сторонников языковой унификации, и территориальную экспансию (в первую очередь следует отметить штаты Калифорния, Техас, Нью-Мексико, Аризона).

Действительно, численность американцев испаноязычного происхождения составила в 2021 г. 62,5 миллиона или почти пятую часть (19 процентов) всего населения США. При этом отсутствует какая-то устойчивая единая терминология в отношении данной группы (этнической? языковой?), наиболее употребляемыми стали термины «Latino», «Hispanic», а в последние годы и неологизм «Latinx» [Lopes, Krogstad, Passel 2022].

Ситуация несколько смягчается в связи с нарастающей тенденцией языковой интеграции испаноязычного населения США. Так, в 2021 г. 72 процента латиноамериканцев США от пяти лет и старше владели английским языком (по сравнению с 50 процентами в 2010 г.). Кроме того, доля таких лиц, которые говорят на испанском языке в домашних условиях сократилась с 78 процентов в 2010 г. до 68 процентов в 2021 г. [Krogstad, Passel, Noe-Bustamante 2022].

Относительно новым явлением стали языковые аспекты дискриминации американцев азиатского происхождения. Эта группа, традиционно более «благополучная» в контексте дискриминации по сравнению с другими расовыми и национальными меньшинствами (афроамериканцами, латиноамериканцами, индейцами и другими укоренными народами Америки), также свидетельствует о продолжающихся нарушениях языкового равноправия в современной Америке, прежде всего в сферах трудовых отношений и образования (как общего, так и высшего профессионального). [Noe-Bustamante, Vora, Ruiz 2022].

Таким образом, языковая политика американского государства и в целом языковая ситуация продолжает оставаться специфической и достаточно противоречивой. На конституционном уровне не закреплён официальный государственный язык, отсутствует четкое разграничение компетенции в этой сфере между федеральной властью и властями штата, сохраняются проявления дискриминации по признаку языка при организации и проведении выборов, в сфере трудовых отношений, образования и др.

Особое значение в современных условиях приобретает необходимость официального регулирования статуса и гарантий использования испанского языка, особенно с повышением конституционно-правового статуса Пуэрто-Рико, имеют место жалобы на языковую дискриминацию со стороны других расовых и национальных групп, в частности американцев азиатского происхождения.

Список литературы

1. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Государственно-правовая политика в сфере высшего образования США и законодательные органы штатов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 5–11.
2. Николаев Б. В. Языковые права и избирательное законодательство: проблемы двуязычных бюллетеней // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 383–385.
3. Павлова Н. А. Английский и испанский языки: языковое взаимодействие и языковая политика в США // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 386–388.
4. Crawford J. Educating English Learners: Language Diversity in the Classroom // Bilingual Educational Services, 2004. 442 p.
5. Krogstad J. M., Passel J. S., Noe-Bustamante L. Key facts about U.S. Latinos for National Hispanic Heritage Month. Pew Research Center. September 23, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/09/23/key-facts-about-u-s-latinos-for-national-hispanic-heritage-month/>
6. Lopes M. H., Krogstad J. M., Passel J. S. Who is Hispanic? Pew Research Center. September 15, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/09/15/who-is-hispanic/>
7. Noe-Bustamante L., Vora L., Ruiz N. G. In Their Own Words: Asian Immigrants' Experiences Navigating Language Barriers in the United States. Pew Research Center. December 23, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/race-ethnicity/2022/12/19/in-their-own-words-asian-immigrants-experiences-navigating-language-barriers-in-the-united-states/>

Сведения об авторе:

Николаев Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

В. И. Мозговой

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

СИСТЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И «ПИСАНОЕ ПРАВО»

V. I. Mozgovoy

Donetsk State University, Donetsk, Russia

THE RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE AND «WRITTEN LAW»

Аннотация. Анализируются причины несоответствия писаного права системе русского языка. Приводятся примеры, когда устоявшееся в социуме обычное право игнорируется, а нормы зависят исключительно от уровня языковой компетентности властных структур. Предлагается модель изучения пунктуационных, графических и орфографических норм на основе устной речи и системы русского национального языка.

Ключевые слова: национальный язык, языковая норма, пунктуация, орфография, графика

Abstract. The article analyzes the inconsistencies of written law with the system of the Russian language and their causes. The article gives examples when customary law, which is established in society, is ignored, and the norms depend solely on the level of linguistic competence of power structures. To study punctuation, graphic and spelling norms, the authors propose a model built on the basis of oral speech and the system of the Russian national language.

Keywords: national language, language norm, punctuation, spelling, graphics

Понятие «писаного права» (от лат. *ius scriptum*), сформулированное как «...закон и другие нормы, исходящие от органов власти и зафиксированное ими в определенной редакции» [Новицкий 2009 : 18], является ключевым, но и наиболее проблемным в юридической практике. Проблема заключается в том, что «буква закона» зависит в этом случае от уровня языковой компетентности властных структур, разрушающих при незнании системных особенностей конкретного языка нормы естественного права, заложенные «...в самой природе человеческого бытия (право на жизнь, безопасность, семью, собственность, достоинство, охрану материнства, детства и старости и т. д.)» [Лопухов 2013 : 18].

Примером несоответствия законодательства системе языка может служить «революционная» европейская доктрина о правомочности феминитивов, узаконенная Верховной Радой Украины 26 августа 2020 г. Речь в ней идет не о заявленном «гендерном» равенстве, а о разных денотатах.

Так, формы *філолог* и *філологиня*, *міністр* и *міністерка*, *член* и *членкиня*, *працівник* и *працівниця* не могут существовать в правовом поле, поскольку в любом языке существительные имеют род, а не изменяются по родам. Что касается русского и украинского языков, то в них эта грамматическая особенность проявляется особенно ярко:

– в украинском языке *секретар* и *секретарка* – разные должности (*секретар партії* – ее руководитель, а *секретарка* – «обслуживающий персонал»); *двадцять чоловік* – количество присутствующих на мероприятии, которое при отдельном подсчете (*вісім чоловік* и *дванадцять жінок*) разрушает заявленное равенство (*чоловік* – это мужчина, а женщина в таком случае – не человек);

– в русском языке *генеральша* – «жена генерала», а не «генерал»; варианты *парикмахер* и *парикмахерша* или украинские *директор* и *директорка* наделены разными стилистическими окрасками и смыслами.

Еще большей неадекватностью характеризуются вариантные «нормы» собственных имен, ложные с правовой точки зрения.

Во-первых, потому что они объединяют процессы номинации с обычной субстантивацией, превращающей любое существительное в несклоняемое имя собственное при его явном или предполагаемом «закавычивании»:

– *факультет «Авиастроение»* (правильно: *факультет авиастроения* Донского государственного университета);

– в городе **Мариуполь** (правильно: в городе Мариуполе, но на станции Мариуполь);
– Муниципальное образование «Аксайское городское **поселение**» (правильно: город Аксай Ростовской области) и т. п.

Во-вторых, потому что в их состав включаются не имеющие юридической силы денотаты, типа *обучающиеся* (студент, ученик, курсант или просто человек, что-то изучающий?); *руководитель* (директор, заведующий или руководитель вообще?) и т. п.

В-третьих, потому что вариативность лишает собственника имени его права на уникальность:

– *Чернышев* (псевдоправильная форма от *Чернышбв*);
– рус. *Юриевич*, заимствованная из укр. *Юрійович* (правильно: *Юрьевич*);
– укр. *Катерина* от русского имени *Екатерина* (правильно: *Скатерина*);
– укр. *Миколаїв* от рус. г. *Николаев* (правильно: *Николаїв*);
– укр. *Одеса* (правильно: *Одесса* из греч. *Ὀδησσός* «*Одессос*» – путь к морю);
– *Оленовка* от укр. *Оленівка* (переведенная с русского языка форма *Еленовка*; правильно *Сленівка*);

– рус. *Благодарственный лист* от укр. *Лист подяки* (правильно: *Благодарственное письмо*);
– *Донецкий государственный университет* ≠ *Донецкий национальный* («исключительный») *университет* > Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» // **ДОННУ** // ГОУ ВПО «**ДОННУ**» (аббревиатура **ДОН** уничтожает смысл названия «Донецкий») > Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» (см. об этом подробнее: [Мозговой 2022 : 54–55]).

Выводом из анализа подобных употреблений может служить утверждение о том, что первичный уровень юридической грамотности – это не закрепленные органами исполнительной власти нормы, а их соответствие языковой системе и обычному праву. Иными словами, не право диктует норму языковой презентации, а языковая система определяет форму правового документа.

В этой парадигме зависимости права от языка выделяются две важнейшие для сегодняшнего дня проблемы.

Проблема функционирования языка

Язык – всеобъемлющее гуманитарное понятие, выделяющее человека из окружающего мира, поэтому оценить его по каким-то материальным признакам или компонентам необычайно сложно. Вот почему принятое В.И. Лениным функциональное определение («Язык – наиважнейшее средство человеческого общения») кажется наиболее убедительным, но только до тех пор, пока речь идет о диалоге внутри первичных социальных коллективов, ограниченных пределами семьи, рода или племени. При появлении государства и нации, включающих в себя множество национальных культур, языков, религий и мировоззрений актуальность общения теряет правовой смысл, выдвигая на авансцену истории понятие общности, без которой общение становится проблематичным. В современном обществе с его неограниченными возможностями передачи информации главным становится не общение в пределах конкретного языка, а духовный смысл общенационального языка как средства общности. Только национальный язык способен сохранить философию, культуру и психологию нации, используя для этого разные языковые системы, подсистемы и материализованное в невербальных способах выражения (живописи, музыке, архитектуре, балете) национальное самосознание и мышление.

Единство нации обеспечивается, таким образом, многообразной палитрой форм национального языка. Чем их больше, тем богаче нация и уникальность ее культурных смыслов, переданных языками национальностей, диалектами, региолектами, религиозными традициями, онимосферой и т. п. Ее полифоничность должна в таком случае охраняться законом, иначе при запрещении той или иной языковой культуры неизбежна эскалация конфликтов вплоть до разрушения нации, государства и самой цивилизации.

В качестве рецепта, обеспечивающего созидательность национально-языковой политики, предлагается модель правового регулирования социальных отношений, опирающаяся на реальный, а не навязанный статус языков, функционирующих в современном поликультурном пространстве (см. об этом подробнее [Мозговой 2023 : 8–20]):

А. Государственный или государственные языки – это языки общенационального диалога, которые понимает большинство граждан государства, независимо от их национальной принадлежности или территории проживания. В Швейцарии, например, их четыре (немецкий, французский, итальянский и романшский), в России – тридцать семь, поэтому попытки установить в многонациональных сообществах единственный государственный язык по принципу «титულიвой нации» провоцируют социальные конфликты.

Б. Юридической формой государственного языка является государственный официальный язык, представляющий государство на межнациональном или международном уровнях. Им

может быть только один язык (например, русский язык в России), поскольку множественность официальных языков искажает «букву закона».

В. Языки национальностей (но не негативно коннотирующее понятие *языки национальных меньшинств*) – это языки граждан определенной национальности, компактно проживающих на ограниченной территории государства (например, греческий язык в ДНР или болгарский язык в Запорожской области);

Г. Языки ситуативного общения, не связанные с национальным языком:

а) **региональный язык**, который понимает большинство населения определенного региона, как правило, пограничного, вне зависимости от национальности и территории его проживания (например, венгерский язык в Закарпатье, польский язык во Львове, китайский язык в Приамурье и др.);

б) **нетерриториальные языки**, распространенные в мировой практике, но не имеющие отношения к национальной идентичности социальных коллективов, использующих его для опосредованного общения (например, английский язык как мировой, идиш у евреев и т. п.).

Проблема нормативности письменной речи

Правовой язык может существовать только в письменной форме, поскольку на устную речь ссылаться нельзя. Она субъективна, изменчива, ситуативна, ограничена во времени и пространстве и не способна объединить разрозненные языковые коллективы единой идеологией. Вот почему полноценное право может возникнуть только при появлении общего для всех письменного кода.

В России этот процесс начался в 988 году вместе с распространением православия с помощью кириллической азбуки, объединившей произносительную систему «живаго великорускаго языка» с письменным кодом церковнославянского, сформировавшего общее будущее восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского).

Письменная речь узаконила христианские каноны древних русичей («Закон Божий»), на базе которых возникло светское право [Русская Правда XVII], одинаково воспринимаемое всеми с учетом общей графической системы. Ее знание актуально поэтому до сегодняшнего дня, несмотря на возникающие в языке контактные заимствования и варианты лексико-грамматических значений.

В пределах данной статьи речь поэтому пойдет о традициях русской фонетики – первичном инструменте устной речи, оказавшем влияние на всю языковую систему, но прежде всего на пунктуацию, графику и орфографию. Подобный акцент связан с тем, что устная речь первична, как с точки зрения происхождения (она насчитывает более 240 тысяч лет), так и с точки зрения конкретной ситуации, в которой прежде чем составить текст, нужно сформулировать мысль устно. Устный контекст обладает огромным потенциалом воздействия на собеседника, оперируя не только словами, но и ударением, жестами, мимикой, паузами, интонацией, смехом, плачем, которые в письменной речи ограничены графикой букв и знаков препинания. Но именно от их знания зависит правильность кодирования устного высказывания.

Русская фонетика и пунктуация

Произносительная система русского языка отличается от других систем многими чертами, но среди них особо выделяются: а) многофункциональность ударения; б) редукция гласных и ассимиляция по глухости-звонкости согласных звуков. Они и формируют основу пунктуационных и орфографических норм и правил.

Многофункциональность ударения и нормы пунктуации

В русском языке общий смысл слова и предложения определяется прежде всего слоговым и фразовым ударениями, при помощи которых можно выделить любой из слогов в слове и любое слово в предложении.

Русское слоговое ударение одновременно количественное, тоновое и силовое, что увеличивает возможности акцентного словообразования:

- *пески́* (вид почвы) – *Пёски* (поселок);
- *Бахму́тка* (речка) – *Ба́хмут* (город);
- *за́мок* (тип архитектуры) – *замо́к* (средство защиты);
- *Но́вгород* (главный смысл в основе *нов-*, т. е. «новый город»), но *Новомоско́вск* (главный смысл в основе *моско́вск*, а не *ново-*, т. е. что это «почти Москва»);
- *Бе́лгород* и *бе́лгородский* (главный смысл в корне *бе́л-*, т. е. «белый» город), но *Белогóрск* и *белогóрский* (главный смысл в основе *го́рск*, т. е. поселение возле «горы Белой»);
- *Богда́нович* (отчество) – *Богданóвич* (фамилия) и т. п.

Фразовое ударение в сочетании со свободным порядком слов способно отделять главную информацию от второстепенной:

- *Ты пойдешь в театр?* («Да!» означает «Пойду!»);
- *Ты пойдешь в театр?* или *В театр пойдешь ты?* («Да!» означает «Я!»);
- *Ты пойдешь в театр?* («Да!» означает «В театр!»).

В нюансах ударения и выражается диалектика богатства, сложности и простоты русского синтаксиса.

Сложность состоит в том, что если участник диалога (например, иностранец) не может понять интонационный рисунок, он не может в таком случае и правильно оценить лексическое или грамматическое значение слова и предложения. Однако и понимание интонации не всегда приводит к пунктуационной грамотности. Коммуникант, «обремененный» багажом изученной, но не осмысленной грамматики, не способен «соединить» ее с родной для него произносительной практикой. Врожденная ясность родного языка превращается для него в сложный ребус декодирования текста.

На самом деле простота пунктуационной грамотности лежит на поверхности. Она раскрывается не «на полях сражения» пишущего с говорящим, а в речевом синтаксисе, направленном на расшифровку тех разрядов пунктуации, которые передают априори знакомый для говорящего на родном языке произносительный смысл:

1. Точка как знак отделения одной информации от другой.

Ее варианты зависят от нисходящей вплоть до нуля интонации в сочетании с обертонами, фиксируемыми надстрочными символами: **многоточием**, **точкой** с вопросительным знаком, **точкой** с восклицательным знаком, **точкой** с вопросительным и восклицательным знаками, **точкой** с запятой и **двоеточием**:

– **точка** – философский символ конца и начала: *Мы взобрались на гору* (нейтральность до нуля нисходящей интонации) ;

– **двоеточие** – символ деления на делимое и делитель: а) *Никогда не прекращается работа железнодорожного транспорта: ни днем, ни ночью, ни в стужу, ни в зной* (нейтральность нисходящей интонации с добавлением после обобщающего слова перед однородными членами паузы, указывающей на разъяснение смысла делимого, усиленного в данном случае повторяющейся частью *ни*); б) *Любите книгу: она поможет вам разобраться в пестрой путанице мыслей* (нейтральность нисходящей интонации, передающей далее значение «потому что»); *Я только тогда выпрямился и подумал: «Зачем это отец ходит ночью по саду?»* (нейтральность нисходящей интонации, передающей после слов автора прямую речь).

– **точка с запятой** – знак соединения (запятая) несоединимой по смыслу информации в бессоюзном сложном предложении (точка): *Река вьется верст на десять, тускло синев сквозь туман; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологие холмы...* (нейтральность до нуля нисходящей интонации трех частей с добавлением между ними соответствующей паузы):

– **точка с вопросительным** (*Что делать?*), **восклицательным** (*Да здравствует солнце!*) или **вопросительным и восклицательным знаками** (эмоциональность до нуля нисходящей интонации с добавлением вопросительной, восклицательной или вопросительно-восклицательной интонации, усиленной соответствующими частицами: *И до каких пор ты будешь мною командовать?!*)

– **многоточие** – символ недосказанности, к которому могут добавляться знаки вопроса и восклицания (*1941 год...; Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь.*); *Сколько жить еще на свете?!.*);

2. Запятая как знак соединения:

а) однородных членов предложения: *Это была не гроза, а стремительный ураган.; Это был человек с молодым лицом, но седыми волосами.; Дни стояли пасмурные, однако теплые.; На столе лежали и книги, и тетради, и ручки* (эмоциональность повышенной и пониженной интонации с использованием противительных союзов **а**, **но**, **однако** или повторяющихся усилительных частиц **и**, **...и**, **ни**, **...ни**);

б) сложносочиненных предложений: *Палящий зной спадал, и от притихшего океана веяло нежной прохладой; Ни один сучок не шелохнется, ни одна капля дождя на тебя не падет* (нейтральность повышенной и пониженной интонации с использованием соединительных союзов **и**, **да**, **то есть**, **или**, **то**, **...то**, **а**, **зато**, **хотя**).

Если понижения интонации в сложносочиненном предложении нет (а это может быть при наличии общего второстепенного члена), запятая не ставится: *Часам к двум пополудни сверкнула молния и прокатил гром.*

3. Запяты или скобки как знаки выделения.

Их употребление связано с затуханием интонации и паузами в начале и конце обособленных лексических единиц (или только в конце, если с них начинается предложение):

а) при затухании интонации конструкций, грамматически не связанных с основной информацией: *Вы отгадаете, конечно, кто этот гость нежданый был?; Нет, не выдумывайте, а расскажите все как было; Тот, казавшийся неразрешимым, узел, который связывал свободу Ростову, был разрешен этим неожиданным (как казалось Николаю), ничем не вызванным письмом Сони;*

б) уточнений, которые предполагают вопрос «а именно что?, кто?, где?, когда?» и т. п.: *Здесь, наверху, на ветру, ощущения морской болезни были не так мучительны, как в душной каюте»;*

в) условных уточнениях, выраженных распространенными определениями, стоящими после определяемого слова, в том числе имеющих причинное значение или относящихся к имени собственному или личному местоимению: *Резкие звуки рожка, игравшего сбор, заставили меня вздрогнуть; Начитанный и образованный, он знал несколько иностранных языков; Худой, с воспаленными глазами, Павел яростно взмывал лопатой;*

в) обстоятельств, фиксирующих добавочное действие или условие действия: *Сверкая быстро в вышине, кружились искры; Несмотря на дожди, материалы для строительства были подвезены вовремя;*

г) обособленных приложений: *И ворон, птица умная, присел, сидит на дереве у самого конца.*

д) придаточных предложений и сравнительных оборотов: *Однажды в мае месяце, когда Город проснулся, сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим домишкам и заспанные приказчики начали открывать рокошующие шторы, прокатился по городу страшный и злоеющий звук;*

е) обособленных предложений: *Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей»* (И.А. Бунин); *Нет, не выдумывайте, а расскажите все как было»* (К. Паустовский); *Тот, казавшийся неразрешимым, узел, который связывал свободу Ростову, был разрешен этим неожиданным (как казалось Николаю), ничем не вызванным письмом Сони* (Л. Толстой); *Они наняли извозчика – Павлика посадили на переднюю откидную скамеечку, а Петя, совершенно, как взрослый, поместился рядом с папой на главном сиденье – и поехали* (И. Катаев) – нейтрально пониженная интонация, выделяющая на письме запятыми и скобками (реже, тире) слова-предложения *да, нет* и сложные синтаксические конструкции, не связанные грамматически с основным текстом. При повышенной эмоциональности они могут выделяться восклицательной или вопросительной интонацией: *Нет! Ты уж выслушай!* (А. Толстой.); *Ты вернешься завтра? Да?* (Б. Пастернак).

4. Тире как знак пропуска (своеобразный знак минуса).

Применяется в качестве антонима двоеточия при передаче интонации следствия, вывода, противопоставления, неожиданной смены событий, сопровождаясь паузой и явным или подразумеваемым взмахом руки: *Лес рубят – щепки летят* («**поэтому** щепки летят»); *Ни днем, ни ночью, ни в стужу, ни в зной – никогда не прекращается работа железнодорожного транспорта* (однородные члены перед обобщающим словом); *Значит, родился артиллеристом, – сказал полковник»* (после прямой речи перед словами автора); *Секунда – и, мелькая в чаще, олени понеслись вниз»* (неожиданная смена событий и вывод); *Упали две-три капли дождя – и вдруг блеснула молния* (авторская фиксация неожиданности события).

Русская фонетика и правописание

Проблема орфографических норм обостряется из-за постоянного желания их реформировать [Паховов 2023 : 21-30]. В его основе лежит идея о том, что реформируется якобы не язык, а его графические знаки, которые должны по истечению определенного времени подвергаться унификации. Ее нелогичность, однако, очевидна: всякое упрощение русского правописания отрицает его внеграфический смысл, которые скрываются за редукцией гласных и ассимиляцией согласных звуков.

Редукция гласных, ассимиляция согласных звуков и правописание

Главной особенностью русской произносительной системы является то, что гласные звуки звучат в русском языке полно и ясно только под ударением, а согласные только перед гласными, сонорными или звонкими (сильная позиция). В слабой позиции гласные звуки изменяют свое качество или количество, т. е. подвергаются редукции, а согласные ассимилируются по глухости-звонкости ([в^ддавос] *водво*з, [в^{ис}н'а] *весна*, [м'от] *мед*, [столп] *столб*, [кроф'] *кровь*). Такая особенность делает невозможным написание по произношению. «Упрощенно-классическое» пользование алфавитом как «системой букв, которая передает звуки» и всякая попытка реформирования правописания на этой почве обречены на провал, поскольку письменный код перестает быть таковым (представьте «слова-ребусы» *вдавос, мьот, столп, крофь, висна* и т. п.

Таким образом, сильная позиция является определяющей для русской орфографии.

Правописание приставок. В речевой культуре их «произносительная» вариативность естественна и базируется на сильной-слабой позиции: *безо*глядный, но *бес*печный; *ро*звальни, *раз*бить, но *ро*ссыпи, *рас*пил, *рас*сказать; *чрез*мерный, но *чер*есполосица). Лишь приставка *с-* в любой из них остается неизменной: *ска*зать, *сб*ить, *сж*ечь (исключение *здесь, здание, здоровье, зги* не является таковым, поскольку «з» – часть корня, а не приставка: слов *дес*ь, *дани*е, *дор*овье, *ги* просто не существует).

Правописание суффиксов и окончаний связано с чередованием [о], [е], [и] и нулем звука в сильной и слабой позициях:

а) под ударением в суффиксах и окончаниях имен существительных, прилагательных и наречий после шипящих пишется только *о* (сильная позиция – рот открыт полностью), а без ударе-

ния – *е* (не сильная позиция, рот открыт наполовину): *плечѳм, собачѳнка, Черныѳов, горячѳ, большѳй, калачѳм но товарищѳм, меньше, Малышѳв*. Исключение составляют собственные имена, где в суффиксах под ударением пишется *е* после *ч* (*Лихачѳв, Пугачѳв, Сычевка*), в суффиксе *ер-* (*дирижер, стажер*) и в отчестве *Ильичѳм* в значении *Ленин*;

б) в варьировании суффиксов *-ек* – *-ик* все зависит от того, выпадает или не выпадает гласный звук: *замочек*, потому что *замочка* (выпадать могут только «беглые» гласные *о* или *е*), но *ключик*, потому что *ключика* («линейный» звук *и* как символ «закрытости» рта сохраняется во всех падежных формах).

Правописание корней в большинстве случаев зависит от трех системных подходов к оценке особенностей русского произношения:

а) под ударением в корнях слов всегда пишется то, что слышится (сильная позиция), без ударения она заменяется антонимичными буквенными символами (слабая позиция): *загѳр* – *загореть* (но: *пригарь*), *клѳняться* – *клонитья*, *зѳрька* – *заря*, *плѳвать* и *заплѳв* – *пловец* (но: *пльвун*), *твѳрь* – *творить* (но: *утварь*) и т. п.;

б) в безударном корне написание зависит от суффикса: если за корнем суффикс *-а* (*-я*), то и в корне будет *а* или *и*, если его нет, буква заменяется на антонимичную, иногда даже с изменением состава корня: *кас(а)ться* – *кос(н)уться*: *замир(а)ть* – *замереть*, *забир(а)ть* – *заберу*, *излаг(а)ть* – *излож(ж)ение*, *полаг(а)ть* – *полож(ж)ение*, *прискак(а)ть* – *подско(ч)ить*,

в) в остальных случаях при всей их близости по звучанию, это разные по составу корни, часто с разными значениями:

– *вырас(т)и*, *выра(щ)енный*, *возрас(т)*, *рас(т)ение*, но: *выросла*, *водоро(с)ли*, *поро(с)ль*, *выро(с)иший*;

– *обмакнуть кисточку* («погрузить, опустить в жидкость»), но: *вымокнуть под дождем*, *непромокаемая ткань* («пропускать, впитывать жидкость, становится мокрым, влажным»);

– *уравнять величины*, *равные условия*, *поравняться с идущими впереди* («быть одинаковым, равным»), но: *выровнять дорогу*, *подровнять газон*, *разровнять землю* («сделать ровным, прямым, гладким»);

– *промышленность развивается* (от «развитие, виток»), но: *флаг развеивается* (от «веять»);

– *размежеваться* (от «межа»), но: *размешать* (от «мешать»);

– *на деревьях изморозь* (от «мороз»), но: *изморось стекала за воротник* (от «моросить»)

– *зарядить ружье* (от «заряд»), но: *проредить грядку* («сделать редкой»)

Особенности русского алфавита и графики

Кириллическая азбука является основой многих южнославянских, восточнославянских и некоторых других языков, но это не означает, что у них одинаковые алфавиты. В русском языке, например, буквы и звуки далеко не всегда совпадают из-за редукции и многовариантности произношения. Это приводит к тому, что русский алфавит по своей природе «полифункциональный». Знание функций каждой из букв становится условием правильности письменной речи.

Наиболее ярко эту особенность демонстрируют русские буквы *е*, *е*, *э*, *и*, *ы*, на которых следует обратить особое внимание.

е // «йе», «э»

Употребление буквы «е» в разных позициях (*те[‘e]нь*, *е[йе]льник*, *це[э]нтр*) дополняется еще и параллельным использованием других букв и буквосочетаний, непонятных для обычного пользователя.

Буквосочетания «йе», как и «йя» или «йи», передают понятия, пришедшие из германских языков (*плейер, конвейер, фейерверк, Йемен; секвойя, паранойя, Майя; Йиглава*), а графика «э» обобщенного (зеркального отражения «е») говорит о его романской природе.

Буква «э» употребляется «по произношению» в тех случаях, когда русское «е» не в состоянии обеспечить адекватность иностранного произношения в начале слова (*эль, этот, эхо, Эммануэль*) и после гласного звука (*дуэт, поэт*). Во всех остальных случаях, как правило, между согласными, употребляется буква «е», которая звучит как «э» (*цель, жезл, шевалье, шерсть, денди*).

Исключение составляют пришедшие из-за рубежа, но «обрусевшие» слова и понятия, употребляемые с «е» (*проект, соте, карате*) и не имеющие в русской культуре аналогов понятия, фиксируемые «чужой» буквой «э» (*мэр, нэр, сэр, Улан-Удэ*) и т. п.

е // «о», «йо», «ьо»

Вариативность этих букв отражает национальную или заимствованную природу происхождения понятий.

В корнях русских слов под ударением после шипящих на месте «е», пишется «е», хотя это не всегда фиксируется, но произносится именно так (*шерстка // шерстка из шерсть, черт // черт из чертовщина, шепот // шепот из шепчет, желтый // желтый из желтеть, бечевка // бечевка из бечева*). «О» употребляется только в том случае, если нельзя подобрать однокоренные слова с «е» (*крыжовник, труппа, шорох, шоры, шорник, шоркать, чокаться, чопорный, чохом; плацовка, мелочовка; Шолохов, Щорс, Печора, Ижора*), или если при изменении формы появляются беглые гласные (*шов – шва, обжора – жрать, жом – жму*).

В корнях заимствованных слов под ударением после шипящих пишется «о» по произношению (*шок, шопол, шорты, артишок, капюшон, крюшон, шоу, шоколад, Шотландия, шоссе, шофер, шовинист, боржоми, джонка, пижон, мажор, мажордом, креп-жоржет, жонглер, анчус*), «**ИО**» – по графическому «рисунку» пришедших из германских языков слов (*район, майор*), а «**БО**» – по графическому «рисунку» пришедших из романских языков: *бульон, медальон, батальон, почтальон, совиньон, кроманьонец*.

«и» // «ы»

Вариативность в употреблении букв «и» // «ы» определена языковой историей. После шипящих и «ц» в древнерусском языке «и» передавал мягкость предыдущего согласного. Позже, несмотря на то, что звуки [ж, ш, ц] отвердели, «по традиции» после них продолжают писать «и»: *жил, шина, чиж, щипать, уши, ужи, карандаши, цифра*, хотя в корнях таких слов, как *жать, шаг, час, щавель, журчит, шуршит, чудо, щупальца* пишется «а», «у», а в окончаниях существительных после «ц» – «**Ы**» (*щипцы, овцы, стрельцы, столицы, Клинцы, Люберцы*).

К исключениям относят слова *цыц, цыган, цыпленок, цыпочки*, некоторые иноязычные слова (*брошюра, жюри, парашют, Жюль, Сент-Жюст, Чюрленис, Мкртчян, Лонжюмо*), а также прилагательные на **-цый, -цын** (*куцый, бледнолицый, узколицый, Лисицын, Царицын, Троицын день, Голлицыно* по произношению). При этом орфографические нормы могут разрушаться при документальном оформлении фамилий по инструкциям, составленным административными органами: *Ципко*, но *Цыбин; Куницын, Курицын, Синицын, Скобельцын, Свицын, Солженицын*, но *Вицын, Ельцын, Цицын*.

Нетипичную для русской графики картину определяют также нормы правописания приставок на согласный, после которых «и» может варьироваться с «**Ы**», исходя из слогового деления слова: *придыстор'ий'а*, *сы-змальства* [сызмал'ства], *обы-грать* [абыгр'ат'], *взыскать* [взыск'ат'], но: *контр-игра* [контригр'а], *меж-институтский* [межинст'итутс'к'ый], *паниндийский* [панинд'ийск'ый], *сверх-идеальный* [свэрхид'иал'ный], *пост-инфарктный* [постинф'арктный].

В последнем случае произносительное «разделение» приставки и корня связано с тем, что обе морфемы имеют лексическое значение (что подчеркивается наличием у них ударения), из-за чего становится невозможным произнесение [ы] в начале корня. Исключение составляет профессионализм *взимать* (*налоги, штраф*), который произносится и пишется с «**И**».

В качестве материала для дальнейшего рассмотрения проблемы влияния системы языка на компетентность писаного права, приведем примеры, демонстрирующие методику определения частей речи по произношению:

1. *Вначале мы должны ознакомиться с материалами* (интонация нейтральная: *ознакомиться* когда? *вначале* – наречие, пишется слитно), но: *В начале леса мы увидели поляну* (фразовым ударением и паузой подчеркивается словосочетание *в начале*; речь идет о существительном с предлогом).

2. *Некошенная трава* (интонация нейтральная: *трава* какая? *некошенная* – имя прилагательное, субъект не предполагается, пишется с одной -н- и слитно), но: *еще не кошенная трава* (фразовым ударением выделяется слово *еще*: речь идет о причастии *не кошенная*, которое объясняет, что ее кто-то не скошил: пишется с двумя **-ни-** и отдельно *не*).

Вывод. Теория соответствия писаного права системным нормам национального языка ждет своего дальнейшего развития в методике преподавания русского языка и учебно-правовой практике, подкрепленной системой тренировочных упражнений.

Список литературы

1. Лопухов А. М. Словарь терминов и понятий по обществознанию. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис ПРЕСС. 2013. С. 94.
2. Мозговой В. И. Правовой принцип классификации собственных имен и его роль в сохранении онимосферы // Социоллингвистика. 2022. № 3 (11). С. 54–71.
3. Мозговой В. И. Национальный язык в истории русской государственности // Неофилология. 2023. Т. 9, № 1. С. 8–20.
4. Новицкий И. Б. Римское право : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2009. 304 с.
5. Пахомов В. М. Наследие Михаила Викторовича Панова и разговор о настоящем и будущем русской орфографии // Неофилология. 2023. Т. 9, № 1. С. 21–30.
6. Русская Правда (Пространная редакция) / подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 4. XII век. URL: <https://azbyka.ru/otechnic/istorija>

Сведения об авторе

Мозговой Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета, г. Донецк, Россия.

Раздел 5

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. В. Арсениев

Университет национальной и мировой экономики, г. София, Болгария

СБОРНИК «ТУК СЕ СЪЗДАВА НАРОДЪТ НА БЪДЕЩЕТО»: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

S. V. Arseniev

The University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

THE COLLECTION «ТУК СЕ СЪЗДАВА НАРОДЪТ НА БЪДЕЩЕТО»: TRANSLATION FEATURES

Аннотация. Рассматриваются переводческий подход и редакторская работа по подготовке издания «Тук се създава народът на бъдещето». Приведены конкретные примеры сравнения исходного текста на русском языке и перевода на болгарский язык, комментируется работа редактора.

Ключевые слова: перевод, редакция, сборник, мемуары, дневники

Abstract. The article deals with the translation approach and editorial work on the preparation of the publication *Тук се създава народът на бъдещето*. Specific examples of comparing the source text in Russian and the translation into Bulgarian are given, the work of the editor is commented on.

Keywords: translation, editorial office, collection, memoirs, diaries

Особое значение имеют события, являющимися вехами в историческом прошлом народа. Для Болгарии одна из самых ярких дат связана с Национальным праздником – Днем Освобождения Болгарии от османского ига. Дата чествования праздника – 3 марта, это день подписания прелиминарного мирного договора между Российской и Османской империями по результатам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В этом году, в честь 145-летия великого события, среди прочего следует отметить выход в свет сборника «Тук се създава народът на бъдещето»¹, составители которого² проделали сложную и очень ответственную работу, связанную с поиском текстов и их подготовкой к печати. Сборник представляет собой собрание воспоминаний участников Русско-турецкой войны 1877–78 гг. – представителей разных слоев русского общества того времени. Среди них – генералы, офицеры, «нижние чины», сестра милосердия. Мне было поручено перевести часть этих своеобразных «свидетельств»³: С. А. Цурикова – ординарца главнокомандующего армией, А. М. Дондукова-Корсакова – командира армейского корпуса, Ф. Меняйло – унтер-офицера, Е.В. Духониной – сестры милосердия в полку своего мужа и В. В. Вознесенского – кавалерийского офицера, после окончания войны перешедшего временно на гражданскую службу в Болгарии. Кроме указанных воспоминаний, мной была переведена запись из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, посвященная объявлению войны и реакции общества на это важнейшее событие.

© Арсениев С. В., 2023

¹ «Тук се създава народът на бъдещето» / науч. ред. Р. Михневой, Н. Гусева. София : Изд. Синева, 2023. 368 с.

² Проф. Р. Михнева, проф. Р. Гугкаев, доц. Н. Гусев, к.ф.н. Н. Воробьева.

³ «Тук се създава ...». С. 21–106, 146–191.

Данные тексты можно разделить, с известной условностью, по жанровой принадлежности: *дневники* (Ф. М. Достоевский, А. М. Дондуков-Корсаков и Е. В. Духонина) и *мемуары* (С. А. Цуриков, В. В. Вознесенский и Ф. Меньяло). При этом текст Ф. М. Достоевского нельзя причислить к типичной дневниковой записи. В «Дневник писателя» вошли, наряду с рассказами и очерками, также «...статьи, объявления, заметки, «картинки», сцены, внутренние и иностранные обозрения, рецензии, предисловия, отчеты, некрологи, примечания, фельетоны» [Борисова 2016: 129]. Текст «Народы эти находились в угнетении, под вторым египетским игом», в свою очередь, нельзя определить как мемуары в связи с тем, что он был записан со слов солдата Ф. Меньяло и отредактирован И. П. Матченко. Не ставя под сомнение общую достоверность *исправленного* и отредактированного текста, все же следует отметить, что в результате правки могло «пострадать» *живое и непосредственное выражение личности автора*, как один из признаков мемуаров [ЛЭФ 1987: 216].

Именно указанные особенности пяти текстов определили подход переводчика для каждого из них в отдельности. Подробнее остановимся на записи Ф. М. Достоевского, воспоминаниях С. А. Цурикова и Ф. Меньяло.

Текст Ф. М. Достоевского был ранее переведен на болгарский язык В. Райчевым¹. Особенность рабочего процесса, связанная с необходимостью перевести во всем объеме «Дневник писателя», наряду с упомянутым жанровым разнообразием произведения, привело к созданию адекватного, но не всегда эквивалентного перевода. Несколько примеров. Слово сочетание *еврействующие христиане* было переведено как болг. *чифути (пренебр. еврей), ...миллионы косных, пьяных податных единиц* как болг. *...милиони тълпи и пияни глави добитък, ...в природе всеединящегося духа русского* как болг. *...в природата на всепобеждаващия руски дух* и т.д. Данные комментарии никоим образом не ставят под сомнение качества перевода В. Райчева.

Перед нами стояла задача перевести за достаточный срок времени совсем небольшой, по сравнению с объемом всего цикла, текст. Это позволило добиваться в максимальной степени точности перевода как с точки зрения адекватности, так и с точки зрения эквивалентности.

Объяснимо почему выбор текста, открывающего сборник, пал именно на данную «дневниковую» запись. Темы, поднимаемые на страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, будь то национальные или общечеловеческие, проблемы взаимоотношений поколений, человека и его связи с окружающим миром, все так же актуальны. Несмотря на разнообразие жанров, цикл, как пишет В. В. Щурова, представляет собой литературный текст, с соответствующими особенностями повествования, формы изложения, языка и стиля писателя. В центре его внимания – основные концепты, которые присутствуют в художественных и публицистических произведениях: «свобода», «вера», «страдание», «вина», «человеческое достоинство», «зло», «добро», «правда». Тексты, объединенные в цикле, имеют еще одну важную особенность: писатель последовательно развивает свои тезисы, не предлагая читателю некий «готовый продукт», а убеждая его в своей точке зрения [Щурова 2005: 5-14]. В цикле проявляются разные аспекты самоидентификации Ф. М. Достоевского: как писателя, лидера, носителя идеи нации, патриота [Гаврилова 2011: 232]. Эти особенности цикла принимались во внимание в ходе работы над переводом.

Особое внимание было уделено сохранению и точной передаче особенностей синтаксиса предложения, придающий тексту особую торжественность и патетику. Например:

<i>Это сам народ поднялся на войну, с царем во главе.</i>	<i>Самият народ се надигна на война, с царя начело.</i>
<i>Любопытно, наконец, как и чем оправдают они свой разрыв с всеобщим и повсеместным чувством народным?</i>	<i>Любопитно е, накрая, как ще оправдаят разрыва с всеобщото и повсеместно чувство народно?</i>
<i>Это не надежда только, это полная уверенность, и в этой невозможности расшатать колосс — вся наша сила перед Европой, где все теперь чуть не сплошь боятся, что расшатается их старое здание и обрушатся на них потолки.</i>	<i>Това не е само надежда, това е пълна увереност и в тази невъзможност да се разклати колосът е цялата ни сила пред Европа, където сега почти всички се страхуват, че ще се разтресе старият им дом и таваните ще рухнат върху тях.</i>
Далее:	
<i>Близятся они к страшному краху, и когда разразится над ними крах, пустятся и они говорить другим языком, но все увидят, что они бормочут чужие слова и с чужого голоса, и отвернутся от них и обратят свое упование туда, где царь и народ его с ним.</i>	<i>Наближава страшият им крах и когато този крах ги застигне, ще се втурнат да говорят друго, но всички ще разберат, че те произнасят чужди думи под чужда диктовка, ще се отвърнат от тях и ще насочат упованието си натам, където е царят ведно с народа си.</i>

¹ В Собрании сочинений Ф. М. Достоевского. Т. XI. 1989. С. 111–116.

И еще:

<i>И какой, какой опять начнется свист и гам и цинизм на несколько лет, какая опять вакханалия самооплевания, пощечин и самодрознения, — и это не для вызова к воскресению и силе, а именно ради торжества собственного бесчестия, безличности и бессилия.</i>	<i>И какво, какво освиркване, шум и цинизъм ще започнат за няколко години напред; отново каква вакханалия на самоунижение, плесници и самочовъркане. И всичко това не като зов за възкресение и сила, а заради триумфа на собственото безчестие, безличие и безсилие.</i>
--	---

В нескольких местах в тексте Ф.М. Достоевский использует существительное *мудрецы* с яркой негативной коннотацией. Как эквивалент нами было выбрано существительное болг. *умници*, обладающее в контексте той же коннотацией:

<i>Вот в чем клялись мудрецы наши, и что же: на них почти и сердиться нельзя, это их взгляд и понятия, кровные взгляд и понятия.</i>	<i>Ето в какво се кълнат умниците наши! Какво от това – на тях и да се сърдим почти не трябва. Това е техният поглед и разбирање, вроденият им поглед и разбирање.</i>
--	--

Далее использовано прилагательное *премудрый* (в форме р.п. мн.ч.) с прилагательным *разумный* (в той же форме р.п. мн.ч.): ...«*премудрых и разумных*» *наших*. Было решено в переводе снова использовать существительное болг. *умници* вместо соответствующего болгарского прилагательного. Вместо прилагательного *разумный* в соответствующей форме в переводе так же было использовано существительное болг. *разумници*, тоже в данном контексте обладающим отрицательной коннотацией.

<i>И, само собою, они слушали одних лишь «премудрых и разумных» наших.</i>	<i>И, то се разбира, слушаха единствено и само „умниците и разумници“ наши.</i>
--	---

Случай замены заимствованного существительного *капут* в исходном тексте глаголом болг. *свършивам* (в форме 3 л. ед.ч. пр.вр.):

<i>... и не мог не воскликнуть: «Капут России и жалеть нечего!».</i>	<i>... и не би могъл да не възкликне: „Свършии Русия и няма какво да съжаляваме!“.</i>
--	--

Данная замена связана с использованием существительного *капут* в болгарском языке в жаргоне (со значением *презерватив* и др.) или же в составе устойчивого словосочетания болг. *Хитлер капут*.

Работу редактора издательства над переводом этого текста нельзя назвать объемной. Были исправлены некоторые опечатки и пунктуационные пропуски. Вместе с тем нельзя не отметить и серьезную неточность, допущенную в ходе редакции:

<i>Но народ верит, что он готов на новый, обновляющий и великий шаг.</i>	<i>Но народът вярва, че е готов за нова, обновяваща и велика стъпка.</i>	<i>Но народът вярваше, че е готов за нова, обновяваща и велика стъпка.</i>
--	--	--

Глагол НСВ *верить* (в форме 3 л. ед.ч.) использован автором в настоящем времени, чем подчеркнуто продолжающееся в момент написания действие, т.е. вера остается такой же, какой была во время описываемого события и какая есть на момент написания текста. Форма прошедшего времени болг. *вярваше* указывает на изменение состояния, т.е. совершенно отличается в как в плане модальности, так и не соответствует посланию автора к читателям.

Добавленная в издании биографическая справка о Ф. М. Достоевском требует редакции в плане содержания.

Более типичным для своего, мемуарного, жанра можно назвать воспоминания С. А. Цурикова, бывшего во время войны ординарцем Великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего войсками на Балканском театре. В уже цитированном ЛЭС мемуары определяются как «...повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был» [ЛЭС 1987: 216].

Насыщенность реальных событий, участником которых был С.А. Цуриков, определяют особенность текста его воспоминаний – большое количество сносок, необходимое для разъяснения военных терминов, географических названий, и, наверное в первую очередь, сведения о военных и гражданских лицах, участвующих или имеющих отношение к той войне. К слову, составитель сборника с болгарской стороны проф. Румяна Михнева подготовила десятки страниц биографических и прочих справок и данных.

Перевод военных терминов всегда является непростой задачей. В конкретном случае дополнительная сложность связана с большой дистанцией во времени между описываемыми событиями и сегодняшним днем. Изменилось вооружение, снаряжение, даже военные звания. Например, термин *кроки* со значением *чертеж участка местности, отображающий ее важнейшие элементы, выполненной при глазомерной съемке*¹. В современной армейской практике, благодаря много-

¹ СЭС (1988). С. 657.

численным техническим средствам, такое средство не используется. Переводчиком был выбран вариант перевода болг. *скица* с соответствующим пояснением в сноске.

Часто встречающееся в более ранней военной литературе выражение *ружейный огонь* подразумевает ведение огня из винтовок (карабинов). Наиболее удачным представляется вариант перевода болг. *винтовъчен огън*, передающий точно средство ведения огня. По непонятной причине, в тексте издания редактором использовано словосочетание *стрелба на пушки*, неуместное, по крайней мере, в связи с использованием неправильного предлога *на* вместо правильного *с*. Далее в тексте редактор оставил болг. *винтовъчна стрелба* без изменений.

Опять же со стрельбой связан перевод реалии *берданка*. Имеется ввиду винтовка Бердана, принятая на вооружение Русской императорской армии в 1870 г. После 1878 г. данные винтовки в больших количествах были переданы Россией вновь созданной армии освобожденной Болгарии. Как реалия *берданка* существует и в болгарском языке – имеется соответствующая статья в Толковом словаре болгарского литературного языка. *Берданка* встречается несколько раз в тексте и в переводе осталась без изменений. В тексте издания встречается как *берданка*, так и болг. *пушка* (рус. *винтовка*). Подобная непоследовательность, не влияя на смысл конкретного контекста, представляет подтверждение отсутствия системности в процессе редакции.

Важен вопрос правильной передачи военных званий. По правилам перевода текстов на военную тематику, военные звания передаются посредством транслитерации или транскрипции. В паре русский/болгарский язык в этом нет необходимости, так как после Освобождения строительством болгарской армии занимались русские офицеры. Многие болгарские офицеры, особенно до 1885 г., были выпускниками военных училищ и академий Российской Империи. Остановимся на двух примерах: звание *штабс-капитан* и понятие *субалтерн*, общее для обозначения младших офицеров. В первом случае звание болг. *щабскапитан* имелось и в болгарской армии. Вопрос в правильном написании. В соответствующем словаре указано правильное написание – болг. *щабскапитан*¹, каким оно должно быть во всех текстах издания. К сожалению «разнобой» есть и в этом случае: *щабс-капитан*, *щабскапитан* (опечатка). Что касается передачи общего понятия *субалтерн*, то оно сохраняет написание с объяснением значения в сноске.

К военным терминам можно добавить и термин *переправа* (в контекстуальном значении). В русском и болгарском существует термин *форсирование* / *форсиране*, использующийся для обозначения преодоления водной преграды. В конкретном случае (Освободительной войны 1877/78 гг.) его использование не совсем уместно. В болгарской историографии, художественной и популярной литературе утвердился термин болг. *преминаване*, *преминаването на Дунава*, что и было использовано при переводе.

Наиболее острой «болевой точкой» оказалась передача топонимов (регионимов и микро-топонимов). Балканский полуостров, в том числе территории населенные преимущественно болгарскими, на протяжении столетий были полем соперничества и сражений между империями. С XVII по XX вв. между Российской и Османской империями велись многочисленные войны (в общей сложности 11). По этой причине у Русской императорской армии имелись топографические карты с обозначениями наименований населенных пунктов, формами рельефа. Многие из них в настоящее время имеют иные наименования. Актуален вопрос их передачи на болгарский язык. Наиболее удачными, на наш взгляд, являются два варианта: сохранение современного написания топонима с пояснением в сноске [Хънгов 2012: 345] о написании топонима в исходном тексте. Например, болг. *град Свищов*, текст в сноске: «в текста *Систов*» или сохранение написания оригинала болг. *град Систов*, текст в сноске: «днес гр. *Свищов*». Обязательное требование – соблюдение одного конкретного подхода во всем тексте перевода. Таким же должен быть подход и в случае присутствия в тексте прилагательных, образованных от топонимов: соответственно *систовски* или *свищовски* позиции/батареи. Сноска дается при первом упоминании топонима в тексте. В тексте издания эти несложные требования не соблюдены, он пестрит *Плевен* и *Плевна*, *Ловеч* и *Ловча* и т.д.

Поиск соответствий топонимов в ходе перевода был интересным, хотя иногда и не совсем простым делом. Например, в воспоминаниях С.А. Цурикова упоминается о его «командировке» с заданием разыскать отряд генерала Гурко, который мог находиться «...за Малыми Балканами или не доходя до них». Поиск местонахождения конкретного топонима *Малые Балканы* вначале не дал результатов, позиционируя объект в Краснодарском крае. Затем, благодаря дополнительным данным о других регионимах, напр. *долина Тунджи*, *долина Роз*, *45-ти-верстном пространстве от Шипки до Хаинкиоя*, и маршруте офицера, выяснилось, что *Малые Балканы* – это массив *Средна гора*, что и было указано в сноске.

Тема топонимов в сборнике разнообразна и ей вполне может быть посвящена отдельная статья. К примеру, от написания в тексте воспоминаний регионима *Ески-Загра* становится ясно, что он передан путем транслитерации с турецкого (тур. *Eski Zağra*), так как графема *ğ* в турецком языке

¹ «Речник на слятото, полуслятото и разделно писане за 21. век». 2003. С. 198.

обозначает лишь удлинение гласного и не выговаривается, т.е. регионим следует произносить и писать на русском языке [Эски За:ра].

В воспоминаниях С. А. Цурикова приводится множество событий, в которых автору, по долгу службы, приходилось принимать участие. Среди них – доклад Императору Александру II, служба ординарцем у главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, поручения у генералов Святополка-Мирского, Скобелева, Гурко, Драгомирова. Участие в переправе через Дунай в начале войны, в первых боях на Шипке, осаде Плевны и т.д. Эти воспоминания, пусть и с отдельными неточностями, являются интересным свидетельством офицера, поучаствовавшего в боях и служившего при Главной квартире.

Если до начала и в ходе войны выразителем общественного мнения была, в первую очередь, интеллигенция [Кочуков 2006: 19–24], то после ее окончания наблюдался серьезный интерес к точке зрения ее участников – генералов, офицеров [Фролова 2019: 134-156], «нижних чинов», в результате чего появилось множество их воспоминаний. Воспоминания, записанные со слов унтер-офицера Федора Меняйло занимают среди них достойное место, описывая чувства и переживания военного, прошедшего тяжелый боевой путь от переправы через Дунай, бои на Шипке, до местечка Сан-Стефано у Константинополя.

Своеобразно повествование воспоминаний – временами приближающееся к выразительным средствам былины, исполненное христианского благоволения и упования. При переводе главной целью была передача этих особенностей на болгарский язык. Выразителен «былинный» язык Ф. Меняйло:

<i>Почему и говорил я товарищем своим: «Увидим ли мы, братцы, завтра утром, как будет восходить ясное солнышко?»</i>	<i>Затова и казах на другарите си: „Ще видим ли, братя, как утре сутринта ще изгрее ясното слънце?“.</i>
--	--

Далее:

<i>Бой кипел, кровь лилась; богатырская сила в очах горела!</i>	<i>Битката беше в разгара си, кръв се лееше, богатурска сила пламтеше в очите!</i>
---	--

Описания боев на Шипке:

<i>Боролся я с разъяренным врагом своим турком, который со всех сторон бросался на нас, как лютый тигр и открывал нам совершенный ад, стараясь поглотить нас живыми; но все его усилия были неудачны.</i>	<i>Борих се с яростния мой враг турчина, който се нахвърли върху нас от всички страни като свиреп тигър и ни отвори същинския ад, опитвайки се да ни погълне живи. Всичките му усилия обаче бяха напразни.</i>
---	--

Глубоко трогает доверие солдата к своему духовному пастырю:

<i>Эти слова пастыря нашего действительно утешили и успокоили сердца наши, прекратились и источники слез.</i>	<i>Тези думи на нашия пастир наистина утешиха и успокоиха сърцата ни и изворите на съзри пресеконаха.</i>
---	---

И далее:

<i>По совершении молебна мужественный и непоколебимый духовник наш о. Дормидон сказал нам поучительную речь: о военных подвигах победоносных предков наших.</i>	<i>След приключване на молебена, мъжественният и непоколебим наш духовник о. Дормидон ни изнесе поучителна рече за военните подвизи на победоносните предци наши.</i>
---	---

Свидетельство отваги русского солдата, его готовности вступить в смертельный бой:

<i>Все солдаты суетились и приготавливались к роковому делу: надевали белое белье и просили прощения друг у друга, ибо каждый из вас мыслями был уже в Боге.</i>	<i>Всички войници се суетяха и приготвяха за съдбовното дело: облякоха бяло бельо и поискаха прошка един от друг, защото всеки от нас вече беше в мислите с Бога.</i>
--	---

На следующий отрывок следует обратить особое внимание. В нем содержится убедительнейший контрапункт суждениям, которые в ходу уже не первое десятилетие, о целях и результатах Русско-турецкой войны 1877-78 гг. У государства могут быть разные, часто противоречивые цели, что находило выражение в противостоянии властных структур. Но нет сомнений в искренности понимания целей войны обыкновенным солдатом:

<i>Перешедши через Дунай реку, мы вступили на так называемый Балканский полуостров, где живет много наших единокровных, славян: болгар, сербов, герцеговинцев, босняков, черногорцев а также и греков. Все эти народы, забранные нашим злым врагом турком, чему прошло уже несколько сот лет, как известно нам по словам нашего духовника и по рассказам славян.</i>	<i>След като преминахме река Дунав, ние стъпихме на така наречения Балкански полуостров, където живеят много наши братя по кръв, славяни: българи, сърби, херцеговинци, бошняци, черногорци, а също и гърци. Всички тези народи, са покорени от нашия зъл враг турчина. Оттогава са минали няколкостотин години, както знаем от думите на нашия духовник и от разказите на славяните.</i>
--	--

Воспоминания Ф. Меняйло дают иной ракурс видения событий войны. Именно солдаты выносят на своих плечах тяжесть и невзгоды войны, им же по заслугам следует отдать дань благодарности в первую очередь.

Дневниковые записи Е. В. Духониной, воспоминания А. М. Дондукова-Корсакова и В. В. Вознесенского можно рассматривать не только как объекты языковедческого или литературоведческого изучения, но и как ценные эго-документы, описывающие события с позиций очевидцев и участников военных и послевоенных событий. Будем надеяться, что такая возможность представится в скором времени.

Выход в свет сборника в такое непростое время нельзя не приветствовать. Он – свидетельство смелости и бескорыстия солдат и офицеров, неприятия крупным государственным чиновником неурядиц и коррупции, и даже того, что у войны может быть женское лицо – добровольной сестры милосердия, ушедшей на войну вместе с супругом. Их объединяет персональный вклад в Освобождение поработанного народа.

Участвовать в переводе сборника было большой ответственностью и нелегким трудом. Но по-другому не мыслится достойное и нужное общественное начинание и, как оказалось, осуществленное на общественных же началах. Именно поэтому не следует обходить стороной недоработки редактора издательства¹. Если будет допечатка или второе издание, баланса между видением переводчика и редактора можно добиться. Впрочем, как и найти иные возможности представить исходный текст перевода.

В заключение хотелось бы еще раз вернуться к труду составителей сборника проф. Р. Михневу, проф. Р. Гугкаева, доц. Н. Гусева, к.ф.н. Н. Воробьеву, отметить их достойнейшую работу. Будем надеяться, что она продолжится и в будущем.

Список литературы

1. Борисова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 2 (28). С. 128–135.
2. Гаврилова Л. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского: проблема самоидентификации автора // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 2 (Гум. науки). С. 229–233.
3. Кочуков С. А. К вопросу о взглядах русского общества на войну с Турцией 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Т. 8. Сер.: История. Международные отношения. 2008. №. 1. С. 19–24.
4. Фролова М. М. Шипка (июль–август 1877 г.): русские и болгары (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 134–156.
5. Хънтов В. С. Перевод и транслитерация некоторых русских аббревиатур // Филологический сборник «Тверь – Велико-Тырново». 2012. № V. С. 344–349.
6. Щурова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского: Типология, жанр, антропология. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2005. 24 с.
7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. 750 с.

Сведения об авторе:

Арсениев Светослав Валентинов, доктор, старший преподаватель кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национальной и мировой экономики, г. София, Болгария.

¹ В настоящем тексте приведено всего несколько их примеров.

М. Р. Джураева

Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Таджикистан

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

M. R. Juraeva

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

TRANSLATION AS A FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Аннотация. Рассматривается феномен перевода как средство межкультурной коммуникации. Это указывает на важность фактора перевода в эпоху глобализации, насколько перевод занимает важное место в повседневной жизни людей. Собственно, фактор перевода всегда являлся связующим звеном между людьми различного происхождения. Эта статья призвана продемонстрировать процесс профессионального перевода, отношение переводчика к процессу перевода, который должен обладать такой важной компетенцией, как совершенное знание языка и культуры переводимых языков. Нельзя забывать о процессе перевода в наши дни, так как перевод играет важную роль как средство коммуникации в глобальном мире. Переводчик должен быть своего рода экспертом в области культуры.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, переводчик, глобализация, культура, язык

Abstract. This article examines the phenomenon of translation as a means of intercultural communication. This indicates the importance of the translation factor in the era of globalization, to what extent translation occupies an important place in people's daily lives. Actually, the translation factor has always been a link between people of different origins. This article is intended to demonstrate the process of professional translation, the translator's attitude to the translation process, which should have such an important competence as perfect knowledge of the language and culture of the languages being translated. We should not forget about the translation process nowadays, as translation plays an important role as a means of communication in the global world. The translator should be a kind of expert in the field of culture.

Keywords: translation, intercultural communication, translator, globalization, culture, language

В современном мире, когда в процессе глобализации границы между странами и культурами стираются, и люди живут, создавая многокультурную среду, доминирующие культурные элементы обществ оказывают влияние друг на друга, иногда обеспечивая взаимную интеграцию. Сегодня для обществ, групп и отдельных лиц, культура которых сильно отличается друг от друга, согласие и правильное общение считаются необходимостью. В результате этого стало уделяться больше внимания взаимосвязи между культурой и общением, и количество исследований, проведенных в этой области, увеличивается.

В результате исследований, проведенных в области межкультурной коммуникации, были созданы различные теории. Несомненно, эти теории заложили основу для тех, кто работает и проводит исследования в областях, где важна межкультурная коммуникация. Теории, созданные в этой области, обеспечивают важные условия для устранения коммуникативных барьеров и конфликтов, возникающих в мультикультурной среде [1, 2, 4, 5, 6, 7]. Однако, здесь следует остановить пристальное внимание на том факте, что эти теории не являются универсальными, поэтому они могут применяться не ко всем обстоятельствам и при восприятии культур и разрешении коммуникативных конфликтов.

Рассматривая теории межкультурной коммуникации, мы видим, что одним из способов, предложенных американским ученым Эдвардом Холлом для понимания их межкультурных различий, является изучение коммуникативного поведения представителей культур. По словам Холла, то, как люди, живущие в разных культурах, справляются с информационным потоком, отличается друг

от друга. В 1954 году вышла книга Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация» [«Culture as communication»], в которой впервые термин *межкультурная коммуникация* был предложен для широкого употребления [1].

С точки зрения А. П. Садохина «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [6, 26].

Одной из основных проблем, затронутых в «Теории коммуникативного действия» немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса, является проблема языка. Это объясняется диалогической формой самой коммуникации, требующей особого внимания к языку, вне которого не может быть в должной мере изучена специфика коммуникативного действия. Социолог воспринимает саму коммуникацию, в процессе которой выявляются смыслы и значения языковых выражений, как интеракцию, опосредованную языком [1, 57].

В межкультурной среде, когда люди общаются друг с другом с точки зрения айсберга, видимого только для глаз, поведение людей зависит от ситуации и результата, уважительного / неуважительного, манерного / фамильярного и т.д. Тем не менее, необходимо создавать атмосферу плодотворного сотрудничества для всех сторон, особенно в межкультурной рабочей среде. Это обязательство, в свою очередь, требует от сторон достижения согласия, несмотря на культурные различия между ними.

Сегодня каждая организация, стремящаяся к росту, имеет веб-страницы на многих языках. Переводчик обязан правильно определять элементы, препятствующие общению, и правильно передавать сообщение, которое должно быть доставлено. Язык и культура настолько взаимосвязаны, что одно не может существовать без другого. Хорошее знание языков возможно только при очень хорошем знании тонкостей обеих культур. Поскольку перевод – это форма общения, необходимо сначала изучить факторы, которые делают общение возможным или препятствуют ему. Что переводчик должен знать и учитывать в целом в культурном контексте, чтобы иметь возможность наиболее точно перевести текст на другой язык в соответствии с его назначением? Поскольку на концепцию культуры влияет глобальная и локальная динамика, сегодня она переопределяется. Каждый феномен перевода, несомненно, является культурной передачей. Процесс перевода – это процесс, который передает человеческие чувства, служа различным культурам, без этого невозможно общение различных национальностей и культур. Феномен перевода – это культурное общение, это деятельность, которую невозможно отделить от культуры. Причина, по которой переводчика сегодня называют специалистом по культуре, заключается в том, что культура и перевод взаимосвязаны. В частности, переводчик это тот, кто, воспринимая ту или иную культуру, передает исходный текст на свой родной язык, придавая ему функциональную форму в зависимости от ситуации общения.

Перевод существовал с тех пор, как существует человечество. Феномен перевода, который позволяет людям общаться друг с другом, выделяется как межкультурное общение, то есть перевод – это передача языка и культуры. Феномен перевода существовал всегда, даже когда люди не были знакомы с наукой. Сегодня мы видим, насколько важную роль играет фактор перевода в современном мире. В процессе глобализации в мире многие люди с разными культурами и языками заключают соглашения в различных областях и осуществляют совместную деятельность. Культура происхождения и культура перевода подобны зеркалам, отражающим друг друга.

Возрождение различных обычаев и традиций каждой культуры с другими изменениями оживает с переводом на другие языки. Например, часто даже не делается различия между тем, что многие программы и постановки, которые смотрят по телевизору, на самом деле являются переведенными произведениями искусства. Программы на телевидении, которые являются незаменимым источником информации, развлечений и культуры для общества, переводятся на разные языки в различной форме и пропорции. Об этом могут свидетельствовать многочисленные программы таджикских телеканалов «Илм ва табиат» (Наука и природа), «Сайеъи ва ӯнарниҳои мардумӣ» (Туризм и народные ремесла).

Переводчик должен быть осведомлен как о нормах говорящего в исходном тексте, так и о нормах говорящего в переведенном тексте. Независимо от того, происходит ли желаемое общение между различными культурами, зависит от компетентности специалиста-переводчика в области культуры.

Первый из ключевых элементов, лежащих в основе успешного перевода, это совершенное знание языка, во-вторых, восприятие культурных традиций, без них перевод был бы немислим. Если переводчик не знаком с другой культурой, он вряд ли сможет сделать правильный перевод. В этом смысле переводчик – это специалист, который сознательно действует в процессе создания оригинального текста, сознательно использует свои культурные знания и принимает обоснованные решения на каждом этапе процесса перевода. Культура, в которой находится культурный человек, и абстракция от ситуации, в которой он находится, должны быть сопоставлены с его собственной

культурой и, конечно же, применять эти сравнения на практике с помощью своих наблюдений. Переводчик должен быть осведомлен как о говорящем в исходном тексте, так и о нормах говорящего в переведенном тексте. У каждого общества своя культура. Каждый действует, основываясь на своей культуре. Например, в таджикской культуре, где все люди традиционно гостеприимны, при прощании с гостями могут сказать: Имшаб ӯамин ӯо хоб равед, гап зада хоб меравам. (дословно, оставайтесь ночевать, будем беседа спать), что может показаться более чем странным представителю иной культуры.

Культура – это система, которая напрямую влияет на поведение и личность людей. Следы культуры прослеживаются во многих аспектах, от традиций до образования в семье, моральных норм, структуры личности, образа поведения, образа жизни и социальной среды. Независимо от того, происходит ли желаемое общение между различными культурами, зависит от компетентности специалиста-переводчика в области культуры. Другими словами, переводчик всегда должен знать нормы как говорящего с исходным текстом, так и говорящего с переводческим текстом, иначе могут возникнуть неприятные последствия. По словам Комиссарова: «Культура людей, принадлежащих к одному языковому сообществу, тоже одинакова. У них общие традиции, привычки, манера делать и говорить. У них много общих знаний о географии, истории, климате, политике, экономике, социальных и культурных институтах своей страны, общих ценностях, табу и многом другом. Вся эта информация является основой предположений, которые позволяют тем, кто общается, генерировать и понимать сообщения на используемом ими языке» [3, 91].

На самом деле, переводы – это не только перевод с одного языка на другой, но и передача культуры в другую культуру. Переводчик должен преодолевать языковые и культурные барьеры в переводческой деятельности. Лингвистические и культурные факторы должны быть на переднем крае успешного перевода. Комиссаров сформулировал эту тему так: «В настоящее время теория лингвистического перевода составляет основу теоретического мышления, охватывающего наиболее важную часть межъязыковой коммуникации» [3, 94].

Таким образом, полагая, что переводчик, безусловно, должен проходить обучение переводу, мы считаем, что при выполнении профессии специализированного переводчика мы должны ориентироваться не только на знание языка или языковые способности, но и на новые современные исследования и теории, которые сосредоточены на проблемах, возникающих из-за культурных различий в профессии переводчика в рамках программ обучения переводу. Переводчик всегда должен помнить, насколько велика ответственность переводчика и насколько большая проблема может возникнуть из-за небольшой ошибки.

Переводчик всегда должен учитывать широкую аудиторию при подборе исходного текста и создании прямого текста. Кроме того, решение, принимаемое переводчиком, связано не только с языком, но и с тем, что переводчик должен иметь возможность думать о том, для какой цели он будет работать, и каким образом информация о культуре источника будет реализована в межкультурной коммуникации. Как видно, перевод заслуживает изучения как деятельность, способствующая развитию национальной культуры, занимающая важное место в культуре и даже способствующая формированию культуры.

Список литературы

1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
3. Комиссаров В. Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М. : МГЛУ, 1999. С. 75–87.
4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М. : Либроком, 2016.
5. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. М. : Гнозис, 2007. 368 с.
6. Садохин А. П. Введение в межкультурную коммуникацию. М. : Высшая школа, 2005. 310 с.
7. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 448 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
9. Утробина А. А. Теория перевода. М. : Приор-издат, 2010. 144 с.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4.

Сведения об авторе:

Джураева Мушаррафа Рустамовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Таджикского национального университета, г. Душанбе, Таджикистан.

И. А. Крылова¹, Ху Юнцзянь²

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

О ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

I. A. Krylova¹, Hu YongQian²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

NUMERICAL SYMBOLISM IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES

Аннотация. Рассматривается культурная семантика числительных и числовых номинаций в русском и китайском языках. На основе сопоставительного анализа выявляются и описываются фоновые смыслы и культурные коннотации слов со значением числа.

Ключевые слова: число, лингвокультура, сопоставительный анализ, фоновое значение

Abstract. The article is devoted to the study of the cultural semantics of numerals and numerical nominations in the Russian and Chinese languages. On the basis of comparative analysis, the background meanings and cultural connotations of words with the meaning of a number are identified and described.

Keywords: numeral, linguoculture, comparative analysis, background value

Числа сопровождают жизнь человека с древних времен, их появление относят к дописьменной эпохе, они присутствуют в культуре любой нации. Понятие числа реализуется в слове. Числительные в лексическом плане относят к языковым универсалиям. Как языковой знак слово под воздействием внутриязыковых и внеязыковых (экстралингвистических) факторов приобретает дополнительные смыслы, то есть общее для всех языков значение количества или порядка предмета при счете в языковом сознании носителей языка может ассоциироваться с оценочными значениями, фоновыми смыслами (термин Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова), схожими или специфическими для разных лингвокультур. Место числа в символической системе народа нередко определяет поведение его представителей, отражается в национальных привычках, обычаях и традициях. Культурные коннотации языковых единиц стали объектом изучения нового направления в русистике – лингвокультурологии, которое «изучает язык как феномен культуры, занимается разносторонним исследованием культурной семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их живом, синхронно действующем употреблении, отображающем культурно-национальную ментальность носителей языка» [Телия 1999 : 14].

Интерес к изучению и описанию современного числового пласта лексики и фразеологии разных языков в лингвокультурологическом аспекте не ослабевает (см.: [Се Синьюнь, Бойцов 2016], [Цуй Хунь Ень 2016]). Восприятие чисел в разных культурах имеет свои особенности, понимание национальной специфики такого восприятия происходит при сравнении разных, в том числе и неродственных, языков и культур. Исследователи отмечают общие и различные фоновые смыслы и коннотации в разных лингвокультурах, что имеет значимость для практики межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам.

Отмечено многими исследователями, что китайский и русский народы отличаются разными числовыми приоритетами. Эти приоритеты определяются философскими и религиозными традициями, уходят своими корнями в древнее мифологическое сознание народа, его представление о мире. Китайская культура тяготеет к четным числам, в отличие от русской, где предпочтение отдается нечетным числам. Это проявляется в сложившихся обычаях, приметах и традициях. В русской культуре они нередко связаны с нечетными числами. Так, для русских цветы являются важным и частым знаком внимания, благодарности, уважения и т.п., что не характерно для китайцев. Существует строгая традиция: живым дарят только нечетное количество цветов, четное количество приносят умершим на похороны и на могилу. Четные и нечетные числа имеют символическое значе-

ние, связанное с понятиями жизни и смерти, реального и потустороннего миров. Нарушение по незнанию данной традиции вызывает серьезный психологический дискомфорт у представителей русской культуры, а сознательное нарушение используется в качестве негативного знака, связанного со смертью. Отличительным знаком русской культуры воспринимается другими народами троекратный поцелуй; русские трижды стучат по дереву, трижды плюют через левое плечо или имитируют такое действие звукоподражанием *тьфу-тьфу-тьфу*, чтобы защититься от сглаза и дурного влияния.

Число «семь» в русской лингвокультуре, как и в ряде западноевропейских культур, считается счастливым, приносящим удачу, а число «тринадцать», хотя является нечетным, воспринимается, как несчастливое: суеверные русские предпочитают избегать его в повседневной жизни: не выбирать номера машин с этим числом, не назначать важные события на тринадцатое число месяца, если тринадцатое выпадает на пятницу – *пятница тринадцатое* – день воспринимается, как особенно трудный, несчастливый, наполненный возможными неудачами, ошибками, нелепыми случайностями и т.п. Такие символические значения чисел находят отражение во фразеологии языка: описывая состояние блаженства, счастья, русские используют идиому *на седьмом небе* <от счастья>; выражение *чертова дюжина* – известная перифраза числа «тринадцать» с отрицательной коннотацией. Возможная причина такого восприятия чисел 7 и 13 связана с тем, что это два первых элемента в числовом ряду, которые делятся без остатка только на самих себя, но в других культурах «счастливыми» и несчастливыми» считаются другие числа. Хорошо известно, что число «три» в русской лингвокультуре пользуется особым предпочтением (выше мы отметили некоторые обычаи, связанный с числом «три»). На отношение русских к этому числу, несомненно, оказывает влияние религия: триединое божественное начало в христианстве – *Бог-отец, Бог Сын и Святой Дух* – именуется *святой троица*. В языке пословицы и поговорки отражают христианскую символику: *Бог троицу любит, Без троицы дом не строится* и др.

Однако особое отношение к числу «три» сложилось еще в дохристианскую эпоху у предков современного русского народа. Русские народные сказки нередко начинаются со слов: «В тридцатом царстве, в тридцатом государстве...», «За тридцать земель...», в них обычно у царя или отца 3 сына, дракон, с которым приходится сражаться главному герою, о трех головах, девочка Маша попадает в дом к трем медведям. Это отношение уловил и передал А.С. Пушкин, в сказках которого мы читаем: «Жил старик со своею старухой ... Ровно тридцать лет и три года.» («Сказка о рыбаке и рыбке»), «... И очутятся на бреге В чешуе, как жар горя, Тридцать три богатыря» («Сказка о царе Салтане»).

В обыденной коммуникации присутствует разговорная перифраза *сообразить на троих*, понятное только русским: *Третьим будешь?*

С давних времен числа наделялись и наделяются символическими смыслами и даже магическими свойствами. Отношение к числам уходит корнями в сознание древнего человека, «кусочки» которого сохраняются в языке и поведении человека современного.

Согласно традиционной древней китайской философии «Инь-Ян» числа от одного до десяти делятся на два ряда, при этом нечетные числа ряда относят к «Ян» – символу неба, твердости и мужского начала, а четные – к «Инь» – символу земли, мягкости и женского начала. Китайца отдают предпочтение парам («два») и четным числам: «четыре», «шесть», «восемь».

Обычаи и традиции китайской культуры предписывают во многих случаях отдавать предпочтение четным числам, поскольку в сознании китайцев четные числа являются символом гармонии и благоприятности. Так, в праздничном поздравительном букете должно быть четное количество цветов, подарки молодоженам не должны по традиции состоять из единичных предметов, хозяевам дома, когда вы идете в гости, следует приносить в подарок четное количество предметов: два пакета сока или молока, можно подарить два-четыре цветка, две шоколадки и т. п. Такое восприятие четных чисел отражено в идиомах китайского языка. При обслуживании гостей и сервировке блюд часто говорят: **好事成双** – «Хорошее бывает парами». Хорошо известны выражения-пожелания: **六六大顺** – «Шесть, шесть, много счастья и удачи»; **要想发, 不离八** – «Если хотите быть богатым, будьте близко к восьми» (перевод наш) и др. Однако такие клишированные пожелания есть на каждую цифру до десяти. В то же время число «восемь» является символом богатства для китайцев.

Число «четыре» связано с представлениями о пространстве, как в русском, так и в китайском менталитете: четыре стороны света, что отражается в языках. В русском языке отмечены фразеологизмы: *на все четыре стороны* <идти, убираться, прогонять, отпустить> и т.п. в значении «куда угодно, куда только захочется»; Китайская идиома **四面八方** – букв. «четыре направления, восемь сторон» – сопоставима с русскими сочетаниями *из разных мест, со всех сторон, со всех уголков страны* [Готлиб 2019]. Число «четыре» в менталитете китайцев представляет собой две пары и выполняет символическую функцию полноты и гармонии. Примером языковой гармонии яв-

ляются классические идиомы. Под фразеологизмом традиционно понимается образное сочетание, которое построено согласно правилам древнекитайского языка и состоит из четырех иероглифов.

С другой стороны, в Китае люди избегают цифру «четыре». Это объясняется скорее не традициями, а языковыми особенностями, поскольку разные иероглифы **四** – «четыре» и **死** – «умереть» имеют похожее звучание. По той же причине к «нелюбимым» относят 48 (четыре, восемь) – **四八**, что созвучно сниженному разговорному выражению **死吧** – «умри», которое используется при эмоциональной ссоре. Данные примеры иллюстрируют влияние чисто лингвистических факторов на формирование коннотативной рамки слова, в нашем случае числительного и цифры. К такому фактору относится явление омофонии: коннотации, оценочные и символические значения, закрепляются за языковой единицей на основе фонетического сходства с эмоционально значимыми словами.

К экстралингвистическим факторам, влияющим на трансформацию восприятия чисел, относится активное развитие современных цифровых технологий. В виртуальной коммуникации и за ее пределами китайская молодежь использует цифры как своеобразным код для слов и фраз. В результате частичного совпадения звучания с другими языковыми единицами цифры используются для передачи смыслов, выражаемых другими китайскими иероглифами: **五** (пять) может выражать значение **我** (я), **一** (один) и **零** (ноль) – **你** (ты), **二** (два) – **爱** (любить, любовь), **七** (семь) соотносится с иероглифом **吃** (еда). В молодежном и компьютерном сленге появляются многочисленные речевые новообразования. На основе вторичных значений, закрепившихся за цифрами, носители китайского языка кодируют целые фразы, часть из которых стали популярными. Так, комбинация цифр *пять, два, ноль* – 520 – служит для выражения значения **我爱你** – «Я люблю тебя». Кроме того, правила написания даты в китайском языке определяют обратный порядок чисел в сравнении с русским написанием: сначала пишется месяц, потом число, или год, месяц, число, поэтому цифры *пять, два, ноль* (520) ассоциируются с датой 20 мая. Этот день считается в молодежной китайской среде Днем влюбленных – праздником, похожим на День святого Валентина, который отмечается в католических странах 14 февраля. Комбинация цифр *один, три, один, четыре* – 1314 – имеет значение **一生一世** – «На всю жизнь», 666 (шесть, шесть, шесть) созвучно **厉害**, что по смыслу близко русским оценкам: «Здорово! / Молодец! / Отличная работа!», а 88 (восемь, восемь) и 886 (восемь, восемь, шесть) соответствует фразе **再见** – «До свидания!».

Развитие числовой семантики происходит в словах разных частей речи, образование которых мотивировано числительными. Русский язык отличается богатством словообразовательных моделей. Числительные могут участвовать в образовании других слов, закрепляя в значении «числовой/количественный компонент». Таких слов в русском языке немало: *однорукий, одноглазый, первоурядный, первостепенный, второсортный, двуглавый, двухкомпонентный, трехъярусный, трехэтажный, пятилетний, пятилетка, пятиэтажка, сороконожка, семимильный, триединство, семилетка, миллионер, миллионщик, удвоить* и др. Числовой компонент понимается как семантический компонент, соотносимый с числительным, в лексическом значении слов, относящихся к другим частям речи, преимущественно существительным и прилагательным, он объединяет более широкий пласт лексики и фразеологии.

В русском языке существует особый способ обозначения цифры, не имеющий аналога в китайском языке: от числительных (от одного до десяти) образуются существительные с помощью суффикса -к-, кроме слова *единица*: *два / две – двойка, три – тройка, четыре – четверка* и т.д. Согласно толковым словарям русского языка все эти существительные многозначны. В разговорной речи числовые номинации служат для обозначения каких-либо предметов, обозначенных соответствующей цифрой, например, транспорта: *Здесь пятерка останавливается?* В зависимости от ситуации, фоновых смыслов, известных участникам диалога, так может быть назван автобус, троллейбус, трамвай или маршрутка № 5. Таким способом обозначается группа из нескольких человек или предметов как единое целое: *Спортсмен вошел в тройку лидеров*. Числовые номинации называют игральные карты, имеющие определенные знаки – ярким примером переносного значения является выражение: *Тройка, семерка, туз* из произведения А. С. Пушкина «Пиковая дама». Существительные от *единицы* до *пятерки* служат для обозначения отметки, которую получают учащиеся на уроке или экзамене, согласно традиционной шкале оценок, принятой в России. Отметим, что данные значения, как правило, не вызывают затруднений у иностранцев, изучающий русский язык. Однако некоторые переносные значения числовых номинаций нуждаются в комментарии фоновых и символических смыслов для иностранной аудитории.

Слово *тройка* имеет значение «Упряжка в три лошади» [Ожегов 1990 : 810]. такой экипаж занимает особое место в русской традиционной культуре: он изображен русскими художниками, упоминается в русских стихах, романах, народных песнях, прозаических произведениях. Запоминающийся образ тройки создал Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души», назвав ее птицей-тройкой. Благодаря мастерству и таланту писателя этот образ «необгонимой тройки» стал многозначным

символом России, страны, устремленной вперед, несущейся по дороге и не дающей ответа, куда она «несется». Изображение русской тройки стало еще одним знаком России. Зная данные культурные коннотации, можно понять, как и почему транспортная карта Москвы получила название «Тройка».

Знание национально-культурных особенностей языковых единиц другого народа способствует пониманию его культуры и языка, что способствует успешной межкультурной коммуникации. Кроме того, выявление фоновых смыслов и культурной коннотации помогает пониманию и описанию сложившегося в национальной культуре концепта числа.

Список литературы

1. Готлиб О. М., Хуаин Му. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 921 с.
3. Се Синьюнь, Бойцов И. А. Числовая символика в русском и китайском языках: опыт сопоставительного лингвокультурологического анализа. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislovaya-simvolika-v-russkom-i-kitayskom-yazykah-opyt-sopostavitelnogo-lingvokulturologicheskogo-analiza>
4. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура : материалы II Междунар. конф. : в 3 ч. Тамбов, 1999. Ч. 3. С. 14–15.
5. Цуй Хунь Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: Лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд филол. наук. Краснодар, 2016. 16 с.

Сведения об авторах:

Крылова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Ху Юнцян, магистрант Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

A. Ye. Loseva¹, T. A. Razuvaeva²

^{1,2}Staatliche Universität Penza, Penza, Russland

**DIE INTERKULTURALITÄT: DAS PROBLEM
DER BEGRIFFSBESTIMMUNG INTERCULTURALITY:
THE PROBLEM OF DEFINITION**

A. E. Лосева¹, Т. А. Разуваева²

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ПРИЧИНЫ,
ПОБУЖДАЮЩИЕ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

Annotation. Dieser Artikel stellt die Etymologie des Wortes Interkulturalität, kurze Beschreibungen seiner Aspekte sowie Interpretationen dieses Konzepts einiger Wissenschaftler vor. Am Ende des Artikels wird eine umfassende, facettenreiche Definition von Interkulturalität gegeben, die auf der Analyse der obigen Interpretationen basiert.

Schlüsselwörter: Interkulturalität, das Konzept der Interkulturalität, Aspekte der Interkulturalität

Аннотация. Рассматривается проблема интерпретации понятия «межкультурность»: раскрывается этимология термина, дается краткая характеристика аспектов межкультурности, анализируются трактовки понятия, предложенные различными учеными. На основе проведенного анализа в выводах статьи дается уточненное определение понятия «межкультурность».

Ключевые слова: межкультурность, концепция межкультурности, аспекты межкультурности

Interkulturalität ist einer jener Begriffe, die von verschiedenen ForscherInnen in verschiedenen wissenschaftlichen Bereichen unterschiedlich interpretiert werden. Dieser Begriff umfasst viele Aspekte, so dass es schwierig ist, seine spezifische Bedeutung zu bestimmen. Und deshalb werden im Folgenden wichtige Elemente erläutern, auf deren Basis die Definition des Begriffes „Interkulturalität“ beruht.

Zuerst müssen wir die Etymologie des Wortes „Interkulturalität“ verstehen. Dieses Wort kam aus dem Lateinischen in alle Sprachen der Welt, in denen es existiert. Es besteht aus dem Präfix „inter“, das „zwischen, unter“ bedeutet, und dem Wurzel „Kultur“. Aus dieser Bestimmung schließen wir, dass „Interkulturalität“ die Bedeutung „zwischen den Kulturen“ hat. So können wir eine klare Grenze zwischen den Begriffen „Interkulturalität“, „Multikulturalität“ – der gemeinsamen Existenz verschiedener Kulturen nebeneinander – und „Transkulturalität“ – der Aufnahme bestimmter Elemente aus anderen Kulturen durch eine Kultur ziehen [Blioumi 2002: 29].

Ein wesentlicher Bestandteil des Begriffes „Interkulturalität“ ist das „Konzept einer dynamischen Kultur, die auf Homogenisierungen und Fixierungen verzichtet“ [Hofmann 2006: 9]. In diesem Sinne kann jede Kultur nicht homogen sein, da jeder Teilnehmer einer bestimmten Kultur unterschiedliche Bezugspunkte haben kann. Das heißt, ein Mitglied der Gemeinschaft ist nicht seine Geisel, sein Verhalten kann sich von anderen unterscheiden [Hofmann 2006: 10].

In diesem Konzept ist Interkulturalität für die Konstruktion des Kulturalismus ziemlich kritisch. Der Kulturalismus macht die Kultur stationär, statisch und basiert auf der Position, dass jede Kultur stabile Eigenschaften hat, die sie anderen Kulturen nicht ähneln. Das Konzept der Interkulturalität ist genau das Gegenteil. Es besagt, dass die kulturelle Identität der Gesellschaft und jedes Einzelnen nur ein vorübergehendes festes Ergebnis eines noch nicht abgeschlossenen Prozesses ist. [Hofmann 2006: 11]. Und so sind kulturelle Unterschiede kein Zustand, sondern eher das Ergebnis der Zuschreibung, die während der Begegnung stattfindet [Hofmann 2006: 11].

Mit anderen Worten, wenn wir von einem Zusammenstoß von Kulturen sprechen, meinen wir nicht die Begegnung verschiedener Kulturen mit ihren bereits festgelegten Merkmalen, sondern den kultu-

rellen Austausch, der Unterschiede im Zusammenspielprozess hervorbringt [Hofmann 2006: 11]. Man kann sagen, dass die Grenzen zwischen den Kulturen nie klar sind, sie sind immer verschwommen. Solche Grenzen sind so undeutlich, dass sie einen eigenen Raum bilden, der als "dritter Raum" oder "Hybridraum" bezeichnet wird. Zum Beispiel, wenn wir uns einen Russen vorstellen, der in Deutschland lebt, denken wir an einen Träger der russischen Kultur, die sich mit der deutschen Kultur vermischt hat. Aber das ist nicht ganz richtig. In diesem Fall ist es fair, den Besitzer einer veränderlichen Form der Identität als ständigen Wechsel zwischen den Kulturen darzustellen. Dieser Gedanke ergibt sich aus der Position, dass sich Interkulturalität erst nach der Entstehung von Nationen und nationaler Identität manifestieren kann [Blioumi 2002: 29]. Jedenfalls setzen wir, wenn wir über Interkulturalität sprechen, unsere Gedanken in das Konzept von Nationalstaaten. Durch diesen Kontext sollte die Vorherrschaft der nationalen Identität, die Diffusion von Kulturen und das Eintauchen in die Interkulturalität vermieden werden [Blioumi 2002: 30].

Wenn man den Begriff "Interkulturalität" zusammenfasst, bedeutet er den Prozess des Austauschs kultureller Erfahrungen. H. R. Yousefi interpretiert Interkulturalität als "Theorie und Praxis, eine Methode des gegenseitigen Verständnisses, die vergangene und moderne Beziehungen zwischen allen Vertretern kultureller Räume verbindet" [Yousefi 2014: 25]. Durch interkulturelle Kommunikation werden neue Kommunikations- und Verhaltensregeln geschaffen, die reich an innerer Dynamik sind. Interkulturalität entsteht im kulturellen Plexus, wenn Menschen das "Eigene" und das "Fremde" gleichermaßen schätzen [Barmeyer 2012: 82].

Interkultureller Erfahrungsaustausch verbirgt immer Mehrdeutiges, Unbekanntes in sich, kann daher als etwas Negatives oder sogar Feindliches wahrgenommen werden. Das heißt, die Interkulturalität selbst kann sich sowohl mit einer positiven als auch mit einer negativen Wahrnehmung der Realität befassen [Barmeyer 2012: 81]. Dabei muss man berücksichtigen, dass "Interkulturalität ein soziales Phänomen ist, das in allen Kulturen der Völker üblich ist und auf der vollständigen Gleichwertigkeit der Menschen basiert, obwohl diese Vorstellung von sich selbst weder in ihrer eigenen noch in einer anderen Kultur gleich ist" [Yousefi 2014: 28].

Dies ist nur eine der Definitionen der Interkulturalität, die wir auf der Grundlage der oben beschriebenen Aspekte zusammengestellt haben. Wie wir bereits gesagt haben, gibt es sehr viele Definitionen von Interkulturalität, und sie sind auch wichtig für die Definition des endgültigen Begriffs. Zum Beispiel, das deutsche Online-Wörterbuch "Duden" definiert Interkulturalität als ein Bewusstsein, das besonders empfindlich auf kulturelle, sprachliche oder religiöse Unterschiede der Mitglieder einer Gesellschaft reagiert und sich auf die Akzeptanz und Achtung der Vielfalt der Menschen konzentriert [Duden].

Klaus Altmayer spricht von Multikulturalität als Erfahrung der grundlegenden Vielfalt menschlicher Lebensformen und ihres unerfüllten Strebens nach gleichberechtigter Anerkennung und Geltung [Altmayer 2021: 376]. Er verbindet Multikulturalität direkt mit radikalischer Globalisierung, globaler Migration und Mobilität sowie einer Veränderung des allgemeinen Kommunikationsstils aufgrund des Aufkommens von Informationstechnologien. Trotz der Betonung der Globalisierung und der Vermischung von Kulturen unterstreicht diese Definition jedoch, dass menschliche Vielfalt für immer ist und nicht verschwinden kann, daher ist es die logischste Entscheidung, die ein Mensch treffen kann, andere Kulturen anzuerkennen und respektvoll zu behandeln.

Hans-Jürgen Lüsebrink betrachtet alle Phänomene, die aus dem Kontakt zwischen verschiedenen Kulturen entstehen, aber nicht unbedingt eine kommunikative Dimension haben (im engeren Sinne der Interaktion), als Interkulturalität [Lüsebrink 2016: 17]. In gewissem Sinne kann diese Definition die allgemeinste Vorstellung von Interkulturalität sein. Wenn es keine Wechselwirkung zwischen zwei oder mehr Kulturen gibt (nicht unbedingt kommunikativ), tritt auch das Phänomen der Interkulturalität nicht auf. Der Autor der Aussage betont, dass die positive oder negative Rolle der Interaktion von Kulturen selbst keine Rolle spielt. Das heißt, Interkulturalität ist definiert als nur ein Ereignis oder eine Bedingung, die ohne vorherige Kenntnis oder Absicht auftritt. Interkulturelle Interaktion kann entweder einen Zweck haben oder völlig zufällig sein. Ein kommunikativer Austausch muss auch nicht unbedingt stattfinden. Aus dieser Position kann sogar ein zufälliger, unauffälliger Zusammenstoß von Kulturen als interkulturell angesehen werden.

Die Webseite "IKUD Seminare" gibt folgende Definition der Interkulturalität: "das ist die Auseinandersetzung mehrerer Kulturen, die sich durch ihre kulturellen Unterschiede gegenseitig beeinflussen" [IKUD Seminare]. Dieser Begriff ähnelt dem Verständnis der Interkulturalität des vorherigen Autors, aber hier spielt der gegenseitige Einfluss der Kulturen eine entscheidende Rolle. Es wird klargestellt, dass der Kontakt der Kulturen nicht unbedingt kommunikativ sein muss. Man kann sagen, dass Interkulturalität in dieser Definition der Prozess des Zusammenstoßes von Kulturen ist. Es bedeutet nicht, gleichzeitig Vertreter von Kulturen in einem Raum zu finden. Der Kontakt der Kulturen kann auch im Informationsbereich stattfinden: zum Beispiel in den Medien. Daher wird jede Begegnung verschiedener Kulturen als Interkulturalität bezeichnet.

In der pädagogischen und sozialpädagogischen Erforschung meint Interkulturalität das wechselseitige Aufeinander-Bezogenheit von Selbst- und Fremdbestimmung und die je besonderen Beziehungsstrukturen zwischen Eigenem und Fremdem [Gemende 2004: 59]. Es ist auch wichtig, das Verständnis von Interkulturalität in der sozialpädagogischen Forschung zu berücksichtigen. Diese Definition legt Wert darauf, wie wichtig es ist, zwischen dem "Eigenen" und dem "Fremden" klar zu unterscheiden. Dies bedeutet, dass die Beziehungen zwischen verschiedenen Kulturen sowohl positiv als auch negativ sein können, und Selbst- und Fremdbestimmung eine besondere Rolle spielen.

Bei Corinna Albrecht findet sich die Definition der Interkulturalität als ein Bewusstseins- oder Erkenntnisprozess, der aus der selbstreflexiven Wahrnehmung und Erfahrung kultureller Pluralität erwächst [Albrecht 1997: 116]. Dies ist eine Definition, die die prozessuale Dimension der Interkulturalität unterstreicht. Auch hier spielt die Selbstbestimmung eine wichtige Rolle, da sie den Weg der Selbstreflexion der Erfahrung aus dem Zusammenleben mit anderen Kulturen wählt.

Klaus P. Hansen verbindet Interkulturalität mit der Verständigung der Nationalkulturen untereinander, was ihr gegenseitiges Verstehen voraussetzt [Hansen 2004: 59], und spricht somit die Dimension der auf Verständigung angelegten Interkulturalität an. Dieser Begriff verlagert den Fokus von Selbstbestimmung und legt ihn auf das Verständnis anderer Kulturen.

Bernhard Waldenfels nennt Interkulturalität "Zwischensphäre", die zwar von einer Scheidung in Eigen- und Fremdkultur ausgeht, aber weder auf Eigenes noch auf ein Ganzes zurückgreift, sondern eine Grenzlandschaft darstellt, die zugleich verbindet und trennt [Waldenfels 2000: 245]. In dieser Hinsicht wird eine interkulturelle Erfahrung ohne die Relation zwischen Eigen- und Fremdkultur nicht denkbar. Dabei spielt deren Unterschied im Hinblick auf den "Standpunkt eines vermittelnden Dritten" eine wesentliche Rolle. Dieser Begriff definiert Interkulturalität als eine besondere Sphäre, die näher an den oben beschriebenen Aspekten der Interkulturalität liegt. Er erkennt die Bedeutung der Selbst- und Fremdbestimmung an, betrachtet aber weder seine eigene noch eine andere Kultur als Stütze der Interkulturalität. Der Schwerpunkt dieses Konzepts liegt auf der Interaktion von Kulturen mit einem klaren Verständnis ihrer Unterschiede. Man kann sagen, dass Interkulturalität auch eine Art Kultur ist.

In diesem Artikel haben wir den Begriff der Interkulturalität von A. Blioumi, M. Hoffmann, Ch. Barmeyer, H. R. Yousefi, K. Altmayer, H.-J. Lüsebrink, M. Gemende, C. Albrecht, K. P. Hansen und B. Waldenfels analysiert. Viele der untersuchten Definitionen sind nicht facettenreich, aber sie haben einen großen Beitrag zur Entwicklung des Begriffs der Interkulturalität geleistet. Basierend auf den Definitionen von A. Blouse, M. Hofmann, H. R. Yousefi und B. Waldenfels können wir die Interkulturalität folgenderweise definieren:

– *Interkulturalität ist also eine Kultur des Zusammenlebens verschiedener Kulturen durch Selbst- und Fremdbestimmung, Verständnis und Achtung anderer Kulturen durch alle Beteiligten;*

– *Sie wird durch jede Interaktion verschiedener Kulturen erzeugt, die zu einem gegenseitigen Erfahrungsaustausch und einem Einfluss aufeinander führt;*

– *Interkulturalität ist dynamisch, sie hat keine Homogenisierung und verschiedene Fixierungen, was ihr einen Verfahrenscharakter verleiht.*

References

1. Albrecht C. Überlegungen zum Konzept der Interkulturalität. In: Yves Bizeul, Ulrich Bliesener und Marek Prawda (Hg.): Vom Umgang mit dem Fremden. Hintergrund -Definitionen -Vorschläge. Weinheim/Basel, 1997. S. 116.
2. Altmayer C., Biebighäuser K., Haberzettl S., Heine A. (eds) Handbuch Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Stuttgart: J. B. Metzler, 2021. S. 376–393.
3. Barmeyer Ch. Taschenlexikon Interkulturalität. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. S. 81–82.
4. Blioumi A. Interkulturalität und Literatur. Interkulturelle Elemente in Sten Nadolnys Roman, Selim oder Die Gabe der Rede // Migration und Interkulturalität in neueren literarischen Texten. München, 2002. S. 28–40.
5. Duden Online-Wörterbuch [D]. Interkulturalität. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 02.04.2023).
6. Gemende M., Schröder W., Sting S., Pädagogische und sozialpädagogische Zugänge zur Interkulturalität. In: Bonghi Cha, Siegfried J. Schmidt (Hg.): Interkulturalität: Theorie und Praxis: Deutschland und Korea. Verlag Münster, 2004. S. 59.
7. Hansen K. P., Kultur und Kulturwissenschaft. In: Bonghi Cha, Siegfried J. Schmidt (Hg.): Interkulturalität: Theorie und Praxis : Deutschland und Korea. Verlag Münster, 2004. S. 59.
8. Hoffmann M. Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung. Stuttgart: UTV, 2006. 246 S.
9. IKUD Seminare. Multikulturalität, Interkulturalität, Transkulturalität und Plurikulturalität. URL: <https://www.ikud.de/> (дата обращения: 03.04.2023).
10. Lüsebrink H.-J., Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart : J. B. Metzler, 2016. S. 17.
11. Waldenfels B., Zwischen den Kulturen. In: Alois Wierlacher (Hg.): Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache Bd. 26. 2000. S. 245–246.

12. Yousefi Hamid R. Grundbegriffe der interkulturellen Kommunikation. München: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2014. S. 25–29.

Сведения об авторах:

Лосева Александра Евгеньевна, магистрант Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Разуваева Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Кутбиддин Мухтори

Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Таджикистан

ПЕРЕВОД МЕДИАТЕКСТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Kutbiddin Mukhtori

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

MEDIA TEXT TRANSLATION AS A WAY OF FORMING PUBLIC OPINION

Аннотация. Обсуждается вопрос использования переведенных материалов СМИ в манипулятивных целях. Автор, ссылаясь на научные источники, подтверждает, что СМИ являются оружием информационной борьбы, поэтому, придерживаясь редакционной политики, целенаправленно формируют общественное мнение. Для таких целей используются материалы из зарубежных СМИ и информационных агентств в переводе.

Ключевые слова: СМИ, редакционная политика, перевод, формирование общественного мнения, манипуляция

Abstract. The article examines translated media materials for manipulative purposes. Referring to scientific sources, the author confirms that the media is a weapon of information warfare, therefore, adhering to the editorial policy, they purposefully form public opinion. For such purposes, materials from foreign media and news agencies in translation are used.

Keywords: media, editorial policy, translation, public opinion formation, manipulation

В условиях информационной войны и целенаправленного формирования общественного мнения деятельность средств массовых информации направлена еще больше на манипулирование сознаниями масс. Это происходит путем подбора событий, освещение которых приблизит СМИ к манипулятивным целям. Из огромного потока информации подбираются те, которые считаются важным со стороны редакции, а не аудитории. «В воплощении геополитических целей роль средств массовой информации велика. Потому что посредством СМИ влияние информации на развитии человека и формировании его сознания происходит более эффективным. Человек развивается и расширяет свой кругозор с влиянием информации, которое получает в течении своей жизни» [Мухим 2007 : 7].

СМИ влияет на сознание масс не только путем воспроизведения сообщений, а также заимствованием информации из других источников распространения информации. В каждом СМИ заимствованная информация составляет определенно значительную часть передаваемых массам. За помощью для пополнения своих полос и полей СМИ обращаются к различным источникам информации. Этому процессу еще больше способствовало развитие и проникновения Интренета и цифровых технологий в жизнь СМИ. Поэтому, ныне не только СМИ, также информационные агентства обращаются и ссылаются друг на друга за информацией и при этом каждый заимствует ту информацию, которая соответствует с его редакционной политикой и манипулятивными целями. На полосах и на интернет-страницах всех СМИ основную часть заимствованной информации составляют зарубежные новости из зарубежных источников. Такие материалы естественно, переводятся на том языке, на каком ведется деятельность данного информационного агентства или СМИ.

В этом огромна роль языка и языковых категорий. Именно они являются важнейшим оружием достижения цели. «Язык не только выражает и оформляет идеологические, политические термины, положения, но и оказывает значительное влияние на процессы социализации личности, конструирования ментальности, манипулирования общественным сознанием» [Солганик 2008 : 464].

В условиях Таджикистана, и разумеется многих других стран, не каждое СМИ имеет возможность пользоваться услугами своего корреспондента в разных странах мира для сбора и

передачи информации. Лучше всего иметь доступ к сайтам информационных агентств и получать информацию из достоверных источников.

Российский исследователь А. М. Микоян уместно отметил: «Хотя главной функцией массовой коммуникации принято считать передачу информации, эта передача довольно редко бывает абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждающими аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию, средствами привлечения внимания к информации или к точке зрения, выражаемой в сообщении» [Микоян 2008 : 445].

Подобное отношение, естественно, применяется и к материалам из зарубежных источников информации.

Прежде чем полемизировать вопрос перевода медиатекстов, хотелось бы остановиться буквально на несколько слов про само понятие «медиатекст».

Известно, что термин и понятие относительно новое, появилось оно в конце XX – начало XXI века, в зарубежной науке о теории коммуникации и лингвистике, особое внимание на него обратили европейские ученые как Огромное внимание данной проблематике уделяли такие известные ученые, как Теун Ван Дейк, Мартин Монтгомери, Алан Белл, Норман Фейерклаф, Роберт Фаулер, рассматривая тексты средств массовой информации с разных точек зрения. Также российскими учеными как С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик и другими были установлены и развиты теория медиатекста. В становление концепции огромна роль Т. Г. Добросклонской [см.: Казак 2012; Шестакова 2016].

Все перечисленные теоретики единогласны в специфической особенности медиатекста и согласны с тем, что медиатекст отличается своей спецификой структуры и содержания. Кроме того, есть еще и другая проблема: особый подход к переводу медиатекста. Этому вопросу тоже обратили внимание определенное количество ученых, развивая теорию и практику перевода медиатекста.

В самой теории и практики перевода выделяют различные методы, способы, подходы к переводу текста [см.: Виноградов 2001 ; Комиссаров 1999]. Нами были преследованы иные цели. Мы сходили из манипулятивных задач СМИ и цели формирования общественного мнения с их стороны. Анализируя многочисленные материалы СМИ мы наблюдали, что перевод материалов в СМИ происходит с определенными целями, исходя из которых можно классифицировать переведенные материалы на следующие группы:

- 1) мотивированно переведенные материалы;
- 2) условно-стихийно переведенное сообщения;
- 3) подобранно переведенное сообщение;
- 4) отвлекающие переведенные сообщения.

1. Мотивированно переведенные материалы. К ним мы отнесли материалы взятые из других, зарубежных источников, которые служат для поддержки существующих идей, идеологий, политики редакции. Наши наблюдения показывают, что, выбрав материал на иностранных языках при переводе сотрудники СМИ относятся по определенным принципам. Первым делом особое внимание будет направлен на заголовок материала.

На сайте газеты «Чумхурият» (Республика) (официальная правительственная газета Республики Таджикистан) опубликован материал под заголовком «Беларус ташаббуси Чинро дастгири мекунад» (Белоруссия поддерживает инициативу Китая), со ссылкой на ТАСС, а на сайте ТАСС мы встречаем этот материал под названием «Белоруссия поддерживает инициативу КНР о международной безопасности», который дает ссылку на БелТА. А на сайте БелТА на этой теме опубликован материал под названием «Си Цзиньпин: новый статус двусторонних отношений с Беларусью должен наполняться новым содержанием» [11].

Такой вариант перевода на таджикский язык имеет важное значение для таджикской аудитории. Таджикской аудитории известно, что КНР делает много вложение в разных отраслях производство и коммуникации в Таджикистане. Подобное озаглавление материала, есть упоминание таджикской аудитории, что Китай поддерживают и с ней сотрудничают наши постсоветские страны, то есть мы находимся в правильном пути. Российскому аудитории важно напомнить о всеобщей безопасности, поэтому ТАСС больше акцентирует на политическую сторону вопроса и вбрал заголовок с подчеркиванием «международной безопасности». БелТа хочет подчеркнуть, что вопрос сотрудничество был поставлен самым лидером КНР, поэтому в заголовке цитирует слова лидера КНР.

В последующем пройдя по тексту мы видим, что материал переведен из сайта ТАСС. Все части текста сохранены, но заголовок, как мы знаем служит как впечатление от первой встрече и является важным средством привлечения внимания читателя.

2. Условно-стихийно переведенное сообщения. К таким переводам мы отнесли краткие сообщения, заметки, в которых освещается события социального или политического характера, из

далеких стран мира, о которых таджикская аудитория знает очень мало или им не так интересно знать об этих событиях. Но при этом реципиенты будут сравнивать события, которые расскажут о нестабильностях, происшествиях, проблемах в какой-то стране.

С другой стороны в медиа не бывает нейтральных или стихийно выбранных материалов, у них есть своя задача: освещение события со всех уголков мира. То есть, мы – наша СМИ, в курсе всех событий во всем мире. Это тоже как бы способ привлечения внимания аудитории, ее придержания у себя. Поэтому мы их называли условно-стихийно переведенными материалами.

3. Подобранные переведенные сообщения. Это сообщения, заметки или в другой форме информационных, аналитических жанров материалы, которые освещают события происходившие в других странах, но определенным образом влияют на жизнь населения страны, или на большую часть населения, в интересах аудитории данного СМИ, на политику правительства в определенных направлениях, или события аналогично в нашей стране, показывающие аналогию государственной политики нашего правительства. К подобным сообщениям можно отнести информации о политиках стран с большим влиянием на потоков миграции, правил перевозки различных крупных товаров и услуг, медицины, а также положительные отзывы туристов, политиков про Таджикистан и т.п. Переводы сообщений этой категории выполняются для того, чтобы подсознательно подготовить аудиторию к поддержке политики правительства, а в партийно-политических СМИ в поддержке политики партии.

4. Отвлекающие переведенные сообщения. К ним относятся материалы про культуру, обрядов народов разных стран, жизнь мировых знаменитостей, деятелей культуры, спорта и тому подобные. У них несколько основных назначений: во первых для развлечения аудитории, а во вторых для целевой аудитории, есть категория реципиентов, которые увлекаются подобными новостями, а во третьих, для заполнения пустых полос или страниц.

В заключении хотелось бы отметить, что на полосах газет и страницах интернет-СМИ, на радио и теле-эфирах никогда не допускаются нейтральная информация, хаотично подобранные новости, каждая строка, каждая минута используется в определенных целях, освещаются события в соответствии редакционной политики. И именно, поэтому даже события из зарубежом отбираются в соответствии редакционной политики.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2008. 340 с.
3. Казак М. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. 2012. №. 6. С. 30–42. URL: www.discourseanalyses.org
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М. : ЧеРО, 1999. 136 с.
5. Микоян А. М. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык Средств массовой информации. М., 2008. С. 445.
6. Муқим Қ. Сиеат ва ҷанги иттилоотӣ / Қ. Муқим. Душанбе, 2006. 71 с. [на тадж. яз.: Политика и информационная война].
7. Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Особенности перевода медиатекста (на примере статьи «Tsar Harry!» из газеты «Daily Mail») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1, № 1. С. 136–143.
8. Солганик Я. И. Стилистика публицистической речи // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 456–468.
9. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 234 с.
10. Шестакова Э. Г. Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений // Медиалингвистика. 2016. № 11. С. 19–28.

Сведения об авторе:

Кутбидин Мухтори, доктор филологических наук, профессор кафедры печати Таджикского национального университета, г. Душанбе, Таджикистан.

А. И. Пенчева

Университет национальной и мировой экономики, г. София, Болгария

ОБЫЧНОЕ НАРОДНОЕ ПРАВО В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

A. I. Pencheva

The University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

RUSSIAN AND BULGARIAN CUSTOMARY FOLK LAW IN THE LEGAL PROVERBS

Аннотация. Юридические обычаи и, в частности, пословицы, становятся предметом собирания, кодифицирования и обширного и глубокого изучения. Фокусируется внимание на сопоставительном изучении русских и болгарских юридических пословиц, сформированных бытом и традициями и отражающих национальный менталитет и характер. Выявляются сходства и различия в отношении к праву.

Ключевые слова: народное право, юридические обычаи, юридические пословицы и поговорки, закон, законность

Abstract. Legal customs and in particular, proverbs become the subject of collecting, codification, extensive and deep study. This article draws attention to a comparative study of Russian and Bulgarian legal proverbs formed by everyday life and traditions and reflecting the national mentality and character. Similarity and differences are revealed in relation to law.

Keywords: folk law, legal customs, legal proverbs and sayings, law, legality

В рамках современной антрополингвистической лингвистической концепции паремии рассматриваются как обобщение социального опыта народов и часть концептуальной картины мира народов. Паремии (пословицы, поговорки и афоризмы) играют важную роль в осмыслении опыта народов во всех сферах его жизни, так как репрезентируют его отражение в национальном сознании в течение длительных периодов. С помощью пословиц и поговорок в ходе исторического развития любого этноса в сознании людей формируются ценностные ориентации, на которые огромное влияние оказывают исторические предпосылки и образ жизни. Эти факторы влияют на народопсихологию, мировоззрение, отношение к материальным и духовным ценностям. Национальный менталитет связан с национальным характером, который формируется как на основе своеобразных, присущих только данному народу характерных особенностей, так и на основе универсальных общечеловеческих черт. «Менталитет формирует соответствующую культурную картину мира и в значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми» [Беляев 2010: 43]. Национальный менталитет находит свое отражение в быте, традициях, обычаях народа, но прежде всего – в системе единиц речи, в том числе в паремиях. В «Напутном к первому изданию» Владимир Даль писал, что пословица «не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств», а сборник пословиц представляет «свод народной опытной премудрости и суемудрия», «цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [Даль 2004: 11].

Объектом анализа настоящей работы является отношение к праву, закону и законности русского и болгарского народов, получившее репрезентацию в юридических пословицах и поговорках, а целью – выявление и сопоставительное описание народного представления о праве в паремиях. Источником материала на болгарском языке послужили исследование Стефана Савова Бобчева «Наше народное право в юридических пословицах» (Нашето народно право в юридическите ни пословици) и сборник «Болгарские юридические пословицы» (Български юридически пословици) Христо Петева, а на русском – «Юридические пословицы и поговорки русского народа» Иакинфа Ивановича Иллюстрова. Выбор данных источников обусловлен тем, что авторы сфокусировали свое внимание на юридических пословицах. В исследовании применяются в основном описательный и сопоставительный методы.

Юридическая паремиология является сравнительно новым направлением лингвистической науки. Г. П. Лупарев пишет, что «юридические пословицы и поговорки, представляющие плод коллективного творчества, заключают в себе преимущественно эмпирически-житейские воззрения, выражают в основном обыденное правосознание массы людей» [2018: 67]. Пословицы и поговорки как исторический источник изучения формирования основ формального права рассматриваются в работах ряда российских и иностранных исследователей. А. В. Цихоцкий считает, что юридические пословицы по сути представляют «право, не закрепленное в нормативных актах, но живущее в памяти народа» [Цихоцкий 2002: 16]. А. И. Сидоров заключает, что «пословицы и народные поговорки, принятые в употребление обществом правомерно тяготеют на роль закона, замещают его» [Сидоров 2012: 198]. В. Б. Романовская и А. Г. Алборова рассматривают зафиксированный в народных пословицах XIX века практический опыт народа и его оценка конкретных исторических персонажей и событий как отражение закона, обычая, религии и правосознания (2015). Л. И. Ростовцева выделяет три основные общественно значимые функции, выполняемые пословицами: «1) институциональную (определяют правила и нормы, способствующие выработке стереотипов поведения); 2) социального контроля (дают оценку социальному поведению); 3) психологическую (предоставляют психологическую защиту)» [Ростовцева 2004: 93]. Г. П. Лупарев предпринял масштабное исследование юридических пословиц и поговорок мира сквозь призму народного права и формы правосознания (2008). В. В. Седелник обращается к источникам белорусской юридической терминологии. К. Н. Бейн, сопоставляя паремиологический фонд немецкого и русского языков, приходит к выводу, что юридические пословицы и поговорки обеспечивают преемственность в развитии правовой культуры личности, становясь особой формой нормотворчества (2022). В отдельных работах рассматриваются пословицы, посвященные торговле, обмену и деньгам, началу регулирования торговых отношений, раскрывающие механизм функционирования рынка (Л. И. Ростовцева 2002, Н. А. Биленко 2017).

В России интерес к паронимам как к одному из источников народного права зародился еще в начале XIX века. В своих статьях И. М. Снегирев описывает механизм становления народного права – от частных споров до их превращения в судебные обычаи, и предпринимает «первую попытку к собранию юридических пословиц»¹. В 1875 году И. И. Иллюстров писал, что «задался мыслью проследить как русский народ в пословицах и поговорках выразил свой взгляд на те или иные правовые отношения» [Иллюстров 1885: 7]. По его словам, «пословицы и поговорки, как выражение мудрости народной по поводу правовых отношений, нередко характеризовали то или другое юридическое воззрение прежде, чем оно было облечено в форму закона писанного» [Иллюстров 1885: 6]. Пословицы систематизированы автором в пяти разделах (по автору «отделах»): «Закон вообще», «Государственное право», «Уголовное право», «Гражданское право», «Судоустройство и судопроизводство».

Юридическая паремиология как направление научных исследований в Болгарии зародилась в начале XX века. Стефан Савов Бобчев, окончивший в 1880 году Юридический факультет Московского университета, в 20-е годы прошлого века начинает огромную по объему собирательскую и исследовательскую деятельность – сбор болгарских юридических пословиц. В этом своем апостольском деле он руководствуется практикой в России, где, по его словам, «обычное право рано привлекло внимание широко образованного общества» [Бобчев 1899]. Идею, что источником обычного права может служить паремиология, Ст. Савов почерпнул у французских (Лоазер, Ливониер, Ферьер, Ленси), немецких (А. Шезмартен), русских (Загоскин, М. Ковалевский, Д. Княжевич, И. Снегирев, В. Даль, Барсов, Сухов, И. Иллюстров) и других славянских (Тимошенко, А. Рибичка) языковедов, этнографов, юристов. Под руководством Ст. Бобчева в 1904 г. его учеником Христо Петевым составляется и издается небольшое собрание Болгарских юридических пословиц («Български юридикески пословици»), взятых из Сборника народных умотворений, собраний пословиц Петко Рачева Славейкова и Василя Чолакова. Этот небольшой сборник становится первой попыткой упорядочения и систематизирования категорий болгарских юридических пословиц. Неудовлетворенный отзвуком работы своего ученика среди юристов, сам Стефан Бобчев, обладающий огромным авторитетом и эрудицией, начинает работать над собранием юридических пословиц, вдохновившись исследовательским методом А. Шезмартена в его работах над немецкими юридическими пословицами. Этой своей деятельностью Ст. Бобчев стремится создать исчерпывающее представление о болгарском обычном праве – деятельности, которой он посвящает значительный период своей жизни. По словам П. Пырванова, Стефан Бобчев приходит к выводу, что «для полной кодификации болгарского обычного права следует включить и юридические пословицы» [Пырванов 2012: 57]. Сам Бобчев пишет, что юридические пословицы являются выражением народного правосознания, продуктом народного духа, сформировавшегося под внешним влиянием и под воздействием борьбы правды с неправдой, и что их изучение имеет как научное, так и практическое значение,

¹ Цитата по Иллюстрову И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа, 1885: 8.

являясь «непосредственным источником изучения обычного народного права» [Бобчев 1933: 32, 34]. В первой части своей книги «Наше народное право в юридических пословицах» Ст. Бобчев рассуждает о природе пословиц и описывает попытки их классификации. Юридические пословицы он распределяет в шести разделах, среди которых: «Право и обычай», «Государство», «Верховная власть», «Управление», «Финансы», «Самоуправление». Остановившись на значении данной работы, Бобчев подчеркивает, что юридические пословицы должны стать предметом специального изучения специалистов разных областей – историков, юристов, фольклористов, этнологов и филологов.

Зафиксированное в пословицах понимание болгар о праве свидетельствует о том, что по народному мнению право имеет верховное, божественное происхождение, оно неизменно и вечно. Ст. Бобчев включает в книгу пословицы, в которых отражается представление народа, что право обладает силой и мощью и его не следует нарушать: *Що е право и Богу е драго; Правдата е вечна; Правото си е всякога право; Правината планини поместя; Правината не се бои и от владика*. В пословице *Царска правда вред грее* Ст. Бобчев находит теоретическое положение о равенстве перед законом в тезисе, что «право должно быть одинаковым для всех без разницы в положении, одинаковым для бедных и богатых, для всех классов, занятий, вероисповеданий и рас».

Подобные пословицы, утверждающие силу права, закона и законности, в сборнике И. Иллюстрова отсутствуют. Пословицы, включенные им в сборник, иллюстрируют понимание русского народа, что «исполнение закона обуславливается сознанием каждого из граждан своего долга» [Иллюстров 1885: 10]: *Всем – добро, никому – зло, то – законное житье; Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы*.

Колебание народной веры в незыблемость права в результате несправедливости и судебного произвола с позиции силы нередко находит выражение и в русской, и в болгарской паремииологии – зачастую наблюдается почти дословное совпадение: *Сила закон ломит; Где сила владеет, там закон уступает*. (рус.) – *Силата над правото надвива. Дето сила владее, там се закон люлее*. (болг.). Бездействие закона находит красноречивое отражение в таких поговорках, как *Закон – что дышло, куда поворотишь, туда и вышло; Закон, как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*.

В народном правосознании надежда на правосудие и справедливость направлена к Богу и его наместнику на земле – Царю. Русские пословицы приравнивают царя к Богу: *Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится; Богат Бог милостью, Государь – жалостью; Чего Бог не изволит, того и Царь не изволит*. Болгарская пословица *Един Бог на небето, един цар на земята* также приравнивает Бога и государя, который заслуживает не только почтение, но и послушание. Однако на царскую власть болгарский народ смотрит критически и реалистично – царская власть не может существовать без народа: *Цар без народ не може; Цар две глави не носи. Цар царува, ум богува*. В этих пословицах ограничивается верховная царская власть. В русском сознании близость к царю предоставляет разного рода благоденствий (*При солнце – тепло, а при Государе – добро; Близ Царя – близ чести*) или угрожает жестокой карой (*Близ Царя – близ смерти; Царев гнев – посол смерти*).

Что касается недоверия к возможности получения правосудия, нельзя не отметить сходство, содержащееся в почти дословных пословицах, выражающих боль и отчаяние и русского, и болгарского народов: *До Бога – высоко, а до Царя – далеко* (рус.); *Бог високо, цар далеко* (болг.).

В исследуемых источниках значительное место занимают пословицы, порожденные неполучением правосудия. По наблюдениям И. И. Иллюстрова, «неправосудие является преступлением самым опасным для общества» [Иллюстров 1885: 23]. Судейский произвол еще более увеличивает недоверие русских к суду и судопроизводству: *Не бойся суда, а бойся судьи; Судья что плотник, что захочет, то и вырубит; Судья в суде, что рыба в пруде; Законы – святы, да судьи – супостаты*. Нередко решения судей разоряли людей, которые не видели смысла обращаться в суд: *Не судись: лапоть дороже сапога станет; Тяжбу завел – стал, как бубен, гол; За малое судиться, большее потерять*.

В паремиях зафиксировано и негативное отношение к продажности судей. В сборнике Иллюстрова отведено немалое место пословицам о взяточничестве судебных служащих (судей, дьяков и писцов): *Судьям то и полезно, что им в карман полезло; Скорее дело веришь, коли судью подаришь; С кого судья взял, тот и прав стал; Быть так, как пометил дьяк; Всяк подъячий любит принос горячий*. Представление о подкупности судьи выражено и в болгарских пословицах, приведенных в сборнике Хр. Петева: *Кадия станеш ли, масло много. От едно яйце до кадията стават сто. Хем кирия, хем кадия*, хотя по численности их меньше, чем русских. Вероятную причину можно искать в судопроизводстве во время пятивекового турецкого правления болгарских земель, где роль судьи выполнял *кадия*, который судил в те времена по законам шариата.

Превосходство силы над правом и правдой, над законностью находит выражение и в болгарских пословицах *Дето е силата, там е правото; Дето има сила, правина няма. Силата над правото надвива*. Свообразным призывом к суду, как институту, и судьям – как предствителям правосудия являются пословицы, воплотившие надежду на справедливость: *Съдът от Бога е оставен; Съдът съди по правина; Криво седи, право съди; Съдия, кога съди по право, и Господ се радва*.

В своих сочинениях по истории права Ст. Бобчев выдвигает тезис, что обычное народное право возникает на основе житейской нужды и обычаев и является выражением житейской мудрости. В русском правосознании это находит выражение в таких пословицах, как *Нужда закон изменяет. Нужда свой закон пишет* (рус.). Подобный эквивалент встречается в болгарской юридической паремиологии – *Адетът¹ (обичаят) не е закон, а закон става*.

В обоих языках существуют пословицы, связанные с местными обычаями, распространенными на большей или меньшей территории, свидетельствующие о разнообразии обычного народного права: *Что город, то норы; что деревня, то обычай; Что сторона, то и новизна; В каком народе живешь, того и обычая держись* (рус.) – *Друга държава, друга наредба. Във всяка хижа и закон. Всеки град си има свой обичай* (болг.). Долгое время народное право, подчиняясь вековой традиции, не хочет уступать официальным законам и формальному праву. По убеждению Ст. Бобчева, сила и воздействие юридических пословиц коренится в глубокой уверенности народа, что она передает от поколения к поколению практический опыт и житейскую мудрость.

Анализ сопоставляемых пословиц позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, наблюдается значительное сходство в восприятии несправедливости, судебного произвола и бездействия закона. Недоверие к правосудию выражается в почти дословно звучащих пословицах. Основной тезис, выдвинутый ст. Бобчевым о том, что обычное народное право возникает на основе житейской нужды и может меняться по мере изменения ситуации, находит подтверждение в пословицах обоих народов.

С другой стороны, выявляется несоответствие в отождествлении права и законности с нравственными ценностями и божественными нормами. В сознании болгар право обладает силой и мощью и торжествует над неправдой. Специфично также отношение болгар к государю. Наблюдается недоверие в возможностях царя (*Цар криле няма*), его власть ограничена и не может существовать без народа.

Таким образом, сопоставительное исследование юридических пословиц позволяет вскрыть как специфичные национальные особенности менталитета и характера болгарского и русского народов, так и общие универсальные черты народопсихологии, сформированные под влиянием исторического развития, которые стоят в основе обычного народного права.

Список литературы

1. Беляев Д. А. История культуры и искусств: словарь терминов и понятий : учеб. пособие. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. 81 с.
2. Бобчев С. С. Нашето народно право в юридическите ни пословици. Книга първа. Обичай, закон и държава в юридическите ни пословици. Годишник на Софийския университет III. Юридически факултет. Т. 28. – София : КП «Гутенберг», 1399; София : КП «Гутенберг», 1932. 151 с.
3. Бобчев С. С. Разработване на обичайното право в Русия. Юридически преглед. 1899. 696 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. / под ред. В. И. Даля, И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1. А – О. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 12800 с.
5. Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа: опыт систематического, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа. М. : Тип. В. В. Чичерина, 1885. 72, IV с.
6. Лупарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки как форма правосознания // Государство и право. 2018. № 11. С. 65–78.
7. Петев Х. Български юридически пословици. София : Придворна печатница, 1904. 28 с.
8. Първанов П. Диренията на Ст. С. Бобчев в областта на обичайното право. *Studia Iuridico-Historica*, 2012. Кн. 1. 47–61 с.
9. Романовская В. Б., Алборова А. Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вестник Курганского государственного университета. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-obyuchay-religiya-i-pravosoznanie-ih-otrazhenie-v-narodnyh-poslovitsah-xix-veka> (дата обращения: 23.04.2023).
10. Ростовцева Л. И. Поведение потребителей в пословицах и поговорках // Социологические исследования. 2004. № 4 (240). С. 90–93.
11. Седельник В. В. К вопросу об источниках белорусской юридической паремиологии // Історія і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва усходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. пр., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І. А. Юхо / Беларускі дзярж. ун-т, Юрыд. фак-т, Юрыд. каледж. Мінск : Бизнесофсет, 2012. С. 331–336.
12. Сидоров А. И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа. Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-poslovitsy-i-pogovorki-v-pravovoy-praktike-russkogo-naroda> (дата обращения: 21.04.2023).

¹ Адет /адат/ – обычай. Турецкое слово, употреблявшееся в болгарском языке во время турецкого рабства.

13. Снегирев И. М. Русские юридические пословицы // Москвитянин. 1849. Ч. II, № 7, отд. III. С. 1–14 ; № 8. С. 15–22.
14. Цихоцкий А. В. Пословицы как источники устного народного права Государство и право: теория и практика : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та. 2002. 14–29. URL: http://elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Kaliningrad/Uчебные_e_pub/Teise/KGU_jur_03.pdf

Сведения об авторе:

Пенчева Антония Иванова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и прикладной русистики Университета национальной и мировой экономики, г. София, Болгария.

Shirnen Tsolmon¹, Khaltar Narmandakh², Gundalai Agiimaa³

^{1,2,3}Mongolian National University of Education, Ulan-Bator, Mongolia

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNET COMMUNICATION IN MONGOLIAN AND RUSSIAN

Ширнэн Цолмон¹, Халтар Нармандах², Гундалай Агиймаа³

^{1,2,3}Монгольский государственный университет образования,
г. Улан-Батор, Монголия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В МОНГОЛИИ И РОССИИ

Abstract. The language of communication in the Internet environment is called the Internet language, and the new version of this language is now actively used in many languages of the world, so we aim to compare the form and usage of this language in Mongolian and Russian languages. In this way, we believe that the choice of language of Mongolian and Russian people participating in internet communication and their attitude towards their language can be clearly seen, and we have discovered the characteristics and mentality of the above two languages and cultures, as well as their similarities and differences. Also, how communication has changed and how the language is used and the advantages and disadvantages of internet languages are being used.

Keywords: social media, appropriate use of language, computer-mediated communication

Аннотация. Язык общения в интернет-среде называется интернет-языком, и новая версия этого языка сейчас активно используется во многих языках мира. В нашем исследовании мы ставим целью сравнить особенности использования этого языка в Монголии и в России. Таким образом, мы полагаем, что благодаря проведенному анализу можно проследить выбор элементов этого языка монгольскими и русскими участниками интернет-общения, их отношение к своему языку, особенности менталитета двух языков и культур, а также их сходства и различия. Кроме того, наше исследование акцентирует внимание на том, как изменилось общение в целом и каковы преимущества и недостатки интернет-языков.

Ключевые слова: социальные сети, адекватное использование языка, компьютерная коммуникация

1. Introduction. Through language, human beings are known as social animals because they express their ideas and desires to others throughout their lives, share them with others, and receive all information from society and pass it on to others. Therefore, language is definitely the main tool to connect people and society. Since language is a social phenomenon, it develops and changes along with the society. The process of enriching the vocabulary and creating new words is not always active, but sometimes it develops and stagnates, and major changes in social development affect the development of the vocabulary of a given language. In this study, we aim to discover the features of language use in the Internet environment based on Mongolian and Russian language messages, comments, posts, even facts or documents, and we will talk about Internet linguistics and language use in the Internet environment.

It is no secret that in recent years, as society has progressed, we have been spending more time using the Internet and social media to communicate with each other and receive and disseminate or share information. In addition to that, people use a variety of symbols, shapes, icons, and graphics to communicate with each other on the Internet, and many of them find it easier and more interesting to communicate. No one would argue that the Internet has become a huge field of human communication. Therefore, the study of the language of the Internet environment has been studied with the respect to socio-linguistics and psycho-linguistics.

Language is a tool for representing conscious human activity as well as accumulated historical and cultural experience. It also aids in the acquisition, preservation, and transmission of knowledge, making it a powerful tool for comprehending the universe. A language reflects a nation's experience. This experience is

founded on cognition, imagination, and religious, philosophical, behavioral, ethical, social norms, and aesthetic principles. As a result, language is the most important component of ethnocultural activities, serving to preserve, represent, and transmit social consciousness and culture (Tsog-Ochir 2016:17).

Scientists in many countries of the world continue to study the language of the Internet environment. Research in this area began in the mid-1990s in England and the United States. The term "Internet Linguistics" was first coined by English scientist David Crystal in 2001 and established the foundation of Internet Linguistics. In addition, American scientists Herring S.C., Baron N.S., English scientists Sherry Turkle, Thurlow Crispin, Russian scientists Goroshko E.I, Golysheko A.V, Belinskaya E.P., Sidorovo E.N, Yu.M. Research and works of many scientists such as Galichkina will take an important place.

David Crystal, the English scientist, is the founder of a new field of research called "Internet Linguistics" and has created significant works such as "Language and the Internet" and "Internet Linguistics". The effects of the Internet on language and problems with language use in the Internet environment are discussed in this work.

But for the researchers of our country, at the beginning of 2000, newspapers, magazines, radio and television are important / Sonintogos.E "Characteristics of the language of television advertising" (Ulaanbaatar, 2011), Hongorzul.D "Synonymous study of the vocabulary of newspaper information discourse from the point of view of register" (Ulaanbaatar, 2004) / research was conducted and researcher Borolzoi.D "Survey of the Internet environment" (Ulaanbaatar, 2013), "Electronic media, features of social networks and the Mongolian language" (<http://www.academia.edu>, 2016), Enkhmaa.B "Internet Linguistics" (Ulaanbaatar, 2015) respectively.

Computer-mediated communication, a new form of communication is being considered a major part of our lives since its advent in Applied Linguistics. Nowadays, all communication types: official, personal, and business are mostly taken place through the Internet, and different types of texts and language variations have emerged depending on people's age, gender as well as their communication types, and topics. Internet language, a new form of language has attracted the attention of modern linguists and psychologists due to its impact on language and social psychology.

2. Methods. In the study, we used a variety of research methods such as analysis, synthesis, classification, observation. We also compared language-based evidence about the internet environment in Mongolian and Russian, and we used a comparative method to define the similarities and differences between the two languages. As a result, the two cultures' universal and unique language forms, cultural characteristics, and mentalities were studied using a human-centered approach and a variety of methods.

3. Discussion. Internet linguistics is a branch of linguistics that studies new forms and changes in language that have emerged in connection with Internet communication, Internet language, use, and innovative information tools. Scholars name the words and communication used in the Internet environment in a variety of ways, and they believe that the characteristics of the Internet language must be considered in terms of composition, graphics, spelling, vocabulary, grammar, and discourse. The following are the primary directions of Internet linguistics. These are some examples:

- Sociolinguistics;
- Educational studies;
- Composition direction;
- Usage direction

With the help of technical and technological development, the most common type of communication that people communicate on the Internet today is instant messages (IM). The advantage of this communication can be seen in the framework of two words: fast and short.

The following fundamental principles underpin Internet language (Burlutkina 2006:124). Based on Mongolian and Russian language materials or facts, we can demonstrate the active use of Internet languages:

✓ using numbers instead of letters. Usage in Mongolian: nice – 89, you too- u2, I love you – 143 / 247, be for you – b4u, face to face – f2f; usage in Russian: leet (elite)-1337; *Оле4ки* (Olechka-the name of a person)

✓ Substituting letters that are similar in pronunciation. Usage in Mongolian: please-plz, don't know-dunno; usage in Russian: fear-phear, phear-fear, please-pleaze/pliiz

✓ Grammatical and spelling rules are violated / uppercase and lowercase letters are mixed up or some sounds are misspelled. Usage in Mongolian: Have a nice day-HAND, because-cuz, about-ABT, text message-txt msg, Never mind-nvm; usage in Russian: Like this – LiKe THiS, very – vry

✓ periods, commas, numbers and symbols are used instead of letters in Russian: M – ^\, H - |-, Ж (G)-}\}, Ю (U)- I0, Ч (Ch)-4, Ш (Sh)-6. But in Mongolian the symbols above are not used: e-mail-email, of course-ofcourse, co-operate-cooperate.

The language of the Internet is constantly evolving, as each new user uses his imagination and creativity to come up with new words while using the Internet. But if everyone starts creating and writing

their own abbreviations, the use of language will be chaotic and norms will be lost. Therefore, there is an urgent need to study the actual impact of Internet language and its use on people's language education from the perspective of educational research.

Based on more than 400 documents of Mongolian and Russian languages sampled from the Internet environment, we have studied the use of Internet language in detail, divided into the following 4 directions, and we have set a goal to discover the characteristics of each direction. It includes:

4. Results

4.1. Use of foreign words in the language of the Internet environment. The vocabulary of any language reflects the traces of the country's relations with other countries. Due to the direct influence of language development trends and scientific, technical, and technological progress, in recent years, terms and professional words from foreign languages have been introduced to the Mongolian and Russian languages in large numbers.

Scholars will discuss and classify languages as languages with good immunity and languages with poor immunity based on how they absorb foreign words, and it is a feature of not absorbing every single foreign word used in the vocabulary of any language. There is a need to get some of the words of a foreign language into the vocabulary of that language.

In what cases can foreign language terms be borrowed? Borrow international common words and terms that have been established for use in the world, for example, in fields such as science, culture, and economics. If the new concept denoted by a foreign word cannot be replaced by a word in the original language, it is borrowed, although it is not an international term. In this case, both the name and the concept are foreign. Tech, food, sports, and games are all here. For example: words that are actively used in both Mongolian and Russian languages; *модем* (modem), *пи си* (PC), *чат* (chat), *дата* (data), *снөүбоорд* (snowboard), *биллиард* (billiards), *пицца* (pizza), *кебаб* (kebab), *коктейл* (cocktail), *эндвич* (sandwich), *пепси* (Pepsi), *софт теннис* (soft tennis), etc.

Evidence shows that more than 80% of all foreign words that entered the two languages in the last 20 years are English words. It is clear from the Internet and media that when English is widely used, there are many cases of spelling mistakes, Latin and Cyrillic letters and words that are not compatible with the norms of the written culture and the language.

For instance, *But the Benz G500 behind me was driving with the music turned up and screaming STOP STOP by the Russian Band VIAGRA... But our car suddenly унтрааскүй (turned off) ... I just pushed the key and it didn't help, there was HET (No) gasoline... behind the other nice car just signal and signal with its light...*[www.facebook.com.2021.11.14]; *we Japand :))) (We are in Japan :)))* [www.facebook.com.2022.12.01]; *Лев, ну а по сути я о том, что если издания хвалят, это еще не прямой путь к Грамму. (Lev, in general, I mentioned that if the press praises you, it's not even a direct path to the GRAMMY awards.)* [www.vk.com. 2021.12.16]; *Алиса, согласна. Это как с hair. Без Шона она лучше (Alice, I agree. It's like hair. Without Shona she is better)* [www.vk.com. 2021.12.16], etc.

Therefore, it is necessary to write the words that come through the English language correctly. The use of these foreign words is accelerated by the Internet. English words are used a lot in the online world. For example: web means WORLD WIDE WEB or global open network, and Web is called *вэб* in both Mongolian and Russian languages. In addition, the word *чат* (chat) is explained in the Dictionary of the English Language" by Oyunchimeg et al as follows; 1. nonsense talks 2. chatters' talks 3. gossip. But young people are directly using the word in the meaning of *exchanging news, talking, and speaking*. As an example, consider a comment left by a Facebook user; *Гадаадад ажиллаж сурч байгаа монголчуудтайгаа интернетээр "чатлахаар" болоод байгаа билээ. (I am going to "chat" with Mongolians who are studying and working abroad.)*[www.facebook.com. 2020.02.03]; *Когда люди говорят изи, мне кажется что они говорят про фирму Канье :)*(If people are talking about izi (easy), I think they're talking about Kanye's company) [www.vk.com. 2021.12.16]; *Почему когда я оставляю комы и ставлю лайки на ее фото, никто об этом не пишет? Так странно* 😞 (I wrote comments and liked under his pictures, why is no one writing about this? It's strange 😞)[www.vk.com. 21.11.16] г.м.

Even though there are similar words in their mother tongue, children and youth are still "spouting" foreign words like this. For example,

Сайхан амраарай сахилгагүй хүүхдээ зээд постлы. (Let me post like good night unruly child) [www.facebook.com. 2019.02.30]; *Za profile zurgaa solii. (Ok, I am going to change my profile picture.)* [www.facebook.com. 2022.05.10] г. м.

For some time, countries around the world have been receiving and distributing information transmitted over the Internet in their native and foreign languages, and it has evolved into a type of information language. As a result, the need for proper translation of foreign words, standardization of terms, and policy regulation of foreign language education is unavoidable, as evidenced by language evidence, which accounts for 48% of our research materials.

By making these policy changes, not only the native language but also the foreign language can be learned well, and the country will survive as a developed country that values its national language and culture. The introduction of foreign words into any language does not constitute an invasion of other languages, but it is critical to use them correctly. Furthermore, it is possible to conclude that it is preferable for everyone to make an effort to learn and study their mother tongue rather than being apathetic about the issue of learning and developing it.

4.2. Jargon in the language of the Internet environment. In order not to let others know their thoughts, people use jargons to deliberately distort the meaning of words and to "squeeze", and few people discuss them in a narrow way.

A language, by definition, contains many variant characteristics, which manifest themselves in the form of local dialects, the unique features of the speaker's position in society, in the age difference of the speaker of that language, and so on. The vocabulary of the Mongolian and Russian languages evolves as a direct reflection of the development, innovation, and change of the respective society, and one of its manifestations is the peculiar words, which are a clear example of the vocabulary of the spoken language. In other words, words are used to hide ideas from the narrator, to create a personal image, to make the conversation fun, to mock, or to be rude. Based on this, it becomes clear that language and speech are a subject of sociolinguistics, reflecting the relationship between language and social evolution. Nowadays, researchers understand the concept of idioms to include the concepts of social dialects, slang, and Argo.

Our study shows that not only students but also teenagers use jargons in the Internet environment. For example, Message commenter: *Estoi tasarhai duu yumaa (It's a cool song)* [www.youtube.com]; *Daam2 (Super, bossy, wonderful, etc)* [www.facebook.com]; *DND –бүмгүй саад бол (do not disturb)* [www.facebook.com]; *BBF-үүрд сайн найзүүд (best friends forever)* [www.facebook.com]; *Яаж ч харсан хөөрхөн наасан. (No matter how I looked at her, she's so pretty.)* [www.facebook.com]; *Это Россия, бро. (It's Russia, brother (bro))* [www.vk.com] з.м.

In addition, the use of two names combined into one among young Russians has become widespread in the last several years. However, such use of language has not yet been observed in the Mongolian language. For example, *Найлена круче, хотя я долго любила Джелену (I like Jelena, but Nylena is better.)* [www.vk.com.2022.12.16] /Naylena is the name of world star Niall and Selena Gomez. Jelena means Justin Bieber and Selena Gomez; Бранджелина" распалась: (Angelina Jolie and Brad Pitt broke up/divorced)/ [www.youtube.com.20.09.16 photo, video].

Jargons are known as rude speech in spoken language, but they are not inappropriate in written language. Based on the data, users of the Internet environment can be divided into two categories; native language broadcasters (whistleblowers) and native language commenters.

The language and composition of broadcasters is more sophisticated than that of commenters, and they write their information in accordance with language norms. However, the users who leave comments on the news have poor knowledge of language norms, or do not adhere to language standards, and use all the jargons they know and can use.

Compared to the use of jargons and slangs in the Internet environment, although it is relatively limited, it is more extensive in terms of scope and is used more in the social and political situations. As can be seen from the fact that the knowledge and ability of the native language of young people and teenagers in both countries is deteriorating to a certain extent. It is easy to see that there are distortions in their moral upbringing and intellectual thinking, and the evidence of language representing this situation accounts for 12% of the evidence of our study.

It is obvious that such words above are widely used not only in the Internet environment, but also in everyday use, which will have a negative effect on the general literacy education.

4.3. Use of abbreviations in the language of the Internet environment. There is a custom in any language to save compound words and terms, which are usually related to the rhythm of speaking and writing. Savings have no effect on the meaning, which must be explained in relation to the word's form and structure. The ability to shorten words is a key feature of Internet language. The phenomenon of word shortening and abbreviation is related to the principle of language rhythm, but also to the rate of human development. Internet communication occurs at high speeds in a very short period of time. The characteristics of spoken language are also influenced.

Abbreviation of English conjunctions and sentences in both languages:

B4-before-өмнө; ATM-at the moment-яг энэ үед; IDK-I don't know- би мэдэхгүй; W8-wait-хүлээ; OS-operating system-үйлдлийн систем; с и-see you (дараа уулзъя); LOL – Laughing Out Loud (инээдтэй, чанга инээх); MSG – Message (захиа) Idk - I don't know (би мэдэхгүй); У Би все заслуженно. Легенда (Be is the name of the singer Beyonce) etc.

Abbreviation of Mongolian and Russian compound words, collocations and sentences:

Hudhud yum bnoo-Hudhud means (It's a lie); yu bn-u bn (Hi, how are you); sonin saihan – so sa (What's up?); naiz-nz (friend); medehgui-mdku (don't know); amjihgui-amjku (won't make it); nad ruu-ndru (to me); chamd-chmd (for you); yu hij bn-u hj bn (What are you doing?); heregtei-hrgtei, hergt

(need); bid hoyor-bd 2 (Both of us); computer-com; *Сашиа, смешно спс-спасибо /баярлалаа/ (It's funny Sasha, thank you); Она в инсту фото залила - инстаграмма (She posted her photo on her Insta (Instagram)) etc.*

In addition, when it is not possible to use standard writing tools to transmit information, computer and phone keyboards are used to express emotions in both Mongolian and Russian languages as symbols or images like emoticons and emojis. For example,

:-) 😊 *инээмсэглэх (smile)*; :- (😞 *үйтгэрлэх, гуниглах (sad)*; ;-) 😏 *нүдээ ирмэх (wink)*; :- (🤔 *уйлах (cry)*; %- (%-) 😞 😞 *зовох, аягүйрхэх (worry, suffer)*; :-0 8-0 😲 *гайхах (surprised)*; :-| 😏 😏 - сарказм (jokes, sarcasm); etc.

This writing style seems to stem from the need to look unique, to swagger, to write as if speaking, to abbreviate words, to communicate in short periods of time, to express emotions, etc.

Due to the nature of speech, there is a law in the language of cutting off words and syllables. This phenomenon should be regulated by certain standards in any language, but today there are very few opportunities to regulate entries in the Internet environment, as confirmed by our data /26% of the total samples/.

Mobile text messages, e-mails, chats, websites, etc. are coming into the written language of the Internet environment intensively continues to weaken the immunity of the native language. In addition, the phenomenon of violating the norms of the literary language by adding foreign words, cutting and abbreviating words and sentences, and shortening them has become common.

There are many ways to abbreviate words, compound words, collocations and sentences are shortened by letters, words are expressed by tenses, emotional expressions are expressed by symbols, emoticons and emojis, and fixed terms are also abbreviated. We conclude that this tends to have a negative impact on universal literacy.

4.4. The use of Latin letters in the language of the Internet environment and the correlation of spelling rules. Since the 1990s, English has become the global language, the use of mobile phones and computers have increased in our daily lives, and as a result, it has become possible to exchange information and communicate across continents, so the main means of its transmission has become the Latin alphabet. However, in the case of the Russian language, there is no use of Latin letters in the Internet environment, so no sample documents were found, and the analysis of language documents in this area was made only within the framework of the Mongolian language sample documents.

The use of Cyrillic letters instead of Latin letters in various forms has led to negative consequences that have led to the loss of the unity of the language through the correct understanding and misunderstanding and use of Mongolian words. Here is an example of how Latin letters are used in the Internet; Commenter: *Bayar[laa amraltiin odor jaahan salhilaad kkk (Thank you, took some walk at the weekend kkk)[www.facebook.com]; Like goe duu [bn aa [Like, It's a nice song) www.youtube.com]*

With the increasing influence of the English language, there is an ever-increasing need to write e-mails and messages in Latin letters in computer and mobile environments of information technology era. For example, *Mania anar yumo [fb duuren pic bn shd (There are full of pics on Fb (Facebook)) [www.facebook.com]; You so bn?? Hoorhon hvvhdee (What's up, my beautiful babe?)[www.facebook.com]; Sainuu so yu bn daa (Hi, there, what's the news?)[www.facebook.com]*

Due to this need, language scholars developed the "National Program of Latin Letters" in 2002, supported by the Parliament and approved by Resolution No. 31. Based on this program, the standard "Romanization of the Mongolian Cyrillic alphabet" (MNS 5217.2002) was issued, according to which, the use of the Mongolian Cyrillic alphabet instead of the Latin alphabet, conducting training, converting the Mongolian Cyrillic alphabet into the Latin alphabet, developing reference materials, training and retraining teachers to teach the Latin alphabet, Creating an environment for the use of Latin letters and widely promoting the use of Latin letters on social media is being done.

Researcher Sambuudorj.O mentioned that another feature of the new type of cultural association of the written language of the Mongolian people who use writing is that the communication on the Internet using Latin letters has been established, and you can write certain things in Latin letters, but there is no unified rule yet. Therefore, it is observed that they adhere to the rules of their own written languages, or write by following the rules of the Mongolian Cyrillic alphabet [Sambuudorj 2011:33-35].

Cyrillic is the official script of Mongolia, but in general, spelling mistakes are made when both Cyrillic and Latin letters are used equally in the online environment. For example, *2 naizdaa bayr hurgye goy haragday bn (Congrats to my 2 friends) [facebook.com 2023.01.25]; Yaadag2 genee ☺ Zylaatai yylzaj bga yu? Yylzyyl mend hurgeerei! (what are you doing2, then ,hey. Do you meet Zulaa? If you Zulaa, say hello!) [facebook.com 2021.04.02].*

Here are some examples of spelling mistakes: *Нэгэн цагт нэг хүн шиг байсанаа санаач* (Remember that you were once like one person); *Монголийн залуучуудийг пивочин болгож байгаа юм юманд хошуу дүрсэн алиа салбадай*. (Alia Salbadai (среер), who has dipped her nose in the fact that the youth of Mongolia are being turned into beer drinkers.)

In this way, it can be understood that the fact that everyone writes freely is due to the lack of a fixed language at the national level. In addition to writing incorrectly in Cyrillic, Latin is also written incorrectly in many versions. The Latin script developed by linguists and some citizens is still written in their own way because it is not common and official. This arbitrary writing is easily understood by other people, so there are no misunderstandings, which further exacerbates this disorder.

In order to regulate this, some individuals have created their own versions of Latin spelling and come up with good initiatives. For example, the journalist Baabar (it should be emphasized that a type of Baabarism has been imitated by many people in the Internet) and citizen Bayarkhuu.A can be mentioned. He observed that because there is no unified standard for transliteration in Latin, some people mark the same letter in two or three ways, and even write the word in many ways as shown below.

Goe duu bn, goyo duu bn, goy duu bn (It's a nice song) [www.youtube.com];

Az jargal hvsie, amjilt hvsey, amjilt husie, amjilt xusii (Wish you happiness and good luck)[www.facebook.com]

Also, birthday greeting messages are written in several ways. For example, *Tursun udriin mend hvргеi! (Happy birthday!)*[www.facebook.com.2022.09.14]; *Tursun udriin mend hvргii! (Happy birthday!)* [www.facebook.com.2021.11.12]; *HB шүү найз аа! (HB-Happy birthday, my friend!)* [www.facebook.com.2021.11.12], etc.

In today's widespread use of computers, this will not only cause difficulties in communication between people, but also make it difficult to recognize any text in the future. Thus, the disorderly writing of Latin letters in the Internet environment affects the general language education, and the phenomenon of mixing Cyrillic and Latin letters in words and sentences is increasing. Even when writing in Cyrillic, using abbreviations also increases the incidence of incorrect writing, according to study language materials /14%.

Recently, this situation has even been observed in the media, and some TV channels have seen this kind of phenomenon all the time. Therefore, it is not only a factor that will negatively affect universal literacy education, but it is also dangerous to affect the language norms in the future.

When summarizing the total language documents (Mongolian-246, Russian-154) collected from the Internet, it was observed that the use of foreign words accounts for the majority in both Mongolian and Russian languages, while the use of abbreviations, jargons and slangs are relatively few. But the phenomenon of transliteration in Latin will have different scenes or use in both languages. The examples of our sample show that the use of Latin is quite common in Mongolian, while Latin is not used at all in Russian.

In addition, it is worth mentioning that while studying the use of language in the Internet environment, the style of composition could not be overlooked.

In any language, a literary language serves as a means of communication between many dialects. One of the new styles of language composition that has become quite dominant in newspaper articles in both countries since the 1990s is the phenomenon of colloquial or spoken writing. This style is characterized by being clear and interesting to read. It has further developed and enriched the composition of the Mongolian and Russian languages. Because he was writing using the correct spelling rules without breaking the written language. But now, when writing colloquially, writing without correct spelling is the most common in the Internet environment.

It may not seem like much of a threat, but it sets the wrong example for universal literacy in its use of powerful media. There is no need for spelling rules if you just write as you speak. This form of recording is being developed by bloggers who have recently entered journalism forcefully and mostly young people who leave comments on the news. Write as you speak. Let's see some examples, Commenter: *Амралтын өдөр амар ч чадаагүй байхад л нэг дэх болчхымаа дөвши (Oh, no. It is Monday while I couldn't relax on the weekend)*

[www.facebook.com 2022.03.26]; *Толгой өвдөөд үхэх юм байна дөө (I am going to die because of headache)*[www.facebook.com 2022.03.18]; *Hiimel hun bnshde t1 humus huurch bgam shg (It's a fake person, it's like fooling/deceiving stupid people)*[www.facebook.com 2023.01.14]

Thus, there have been many examples of distortion of the style of language composition, and the strong penetration of such speech phenomena into the written language will have a negative effect, such as distorting the correct record and breaking the language composition. Therefore, the compositional style of the language of the Internet environment is one of the issues that language researchers must pay attention to it.

5. Conclusion. Materials for this study were collected from websites such as www.facebook.com, www.gogo.mn, www.youtube.com, www.24tsag.mn, www.vk.com, www.youtube.com, and sample

materials in more than 400 languages were created to form a card database. After analysis, about 80% of the foreign words that entered the vocabulary of Mongolian and Russian languages in the last several years are English words. During the widespread use of the English language, Internet users in both countries make spelling mistakes, mix Latin and Cyrillic letters, and do not conform to the cultural and linguistic norms of the alphabet.

Due to the widespread use of the Internet, the uncontrolled use of foreign words in unnecessary places, the use of jargon and slangs, and abbreviation and the shortening of words and sentences harm the vocabulary of both languages.

Writing in colloquial or spoken language and writing without correct spelling is the most common in the Internet environment. While the phenomenon of writing as we speak is not necessarily dangerous, it is setting the wrong example for public literacy in its use of powerful informational tools.

The number of users connected to the Internet is increasing year by year recently, which means that people will have to somehow adapt their communication to this new environment of computer-mediated communication. Therefore, it is best to communicate in spoken language when speaking and in written language when writing online. For this purpose, there are such things as a spoken language, written language, correct pronunciation, and correct writing or spelling.

Finally, Mongolian and Russian languages are rich enough languages that can express emotions within the framework of orthography, can be written quickly, can be written in a spoken composition, and can look unique to others without breaking or destroying the language. Is the language of the country dying or developing in the Internet environment? The problem arises. Of course, everything has two sides.

On the one hand, the language of the Internet environment is developing any language from the point of view of making it richer in content and many colors of composition, but on the other hand, it can be concluded that the prevailing tendency is to destroy the language due to improper use and to destroy it as a wrong example for everyone.

Considering that the language of the Internet harms language development and social psychology, we as linguists and lecturers should not sit back and talk about this phenomenon.

References

1. Баярхүү А. Латинаар галиглахад стандарт хэрэгтэй юу? URL: www.bayarhuu.com
2. Боролзой Д. Интернет орчны судалгаа. 2013. Улаанбаатар. С. 10–15.
3. Бурлуткина В. Н. Современные информационные технологии и лингвистика (на материале англоязычных чатов и форумов) // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное : материалы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 24–27 апреля 2006 г.). Элиста, 2006. С. 120–124.
4. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. London – New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2011. 191 p.
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.
6. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография. Луганск : Знание, 2008. 528 с.
7. Лутовинова О. В. Лингво-культурологические характеристики виртуального дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 519 с.
8. Пүрэвжав Э. Монгол латин үсгийн хэрэглээ // Монгол судлалын өгүүллийн түүвэр. Улаанбаатар, 2006. С. 4–6.
9. Самбуудорж О. Монгол хэлний этгээд үг хэллэгийн толь. Улаанбаатар, 2011. С. 33–35.
10. Энхмаа Б. Интернет хэл шинжлэл ба түүний үндсэн чиглэлүүд // Монгол судлалын чуулган. Улаанбаатар, 2012. № 13 (48). С. 63–74.
11. Цогт-Очир А. Зүйрлэлийн танин мэдэхүйн онол // Монгол судлалын чуулган. 2016. 21 (56). С. 17.
12. URL: www.niitlelch.mn
13. URL: http://mergenii.blog.banjig.net/post.php?post_id=145409
14. URL: www.internetworldstats.com
15. URL: www.google.mn
16. URL: www.facebook.com
17. URL: www.vk.com

Сведения об авторах:

Ширэн Цолмон, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Монгольского государственного университета образования, г. Улан-Батор, Монголия.

Халтар Нармандах, преподаватель кафедры английского языка Монгольского государственного университета образования, г. Улан-Батор, Монголия.

Гундалай Агиймаа, начальник отдела образовательных программ Монгольского государственного университета образования, г. Улан-Батор, Монголия.

Т. Н. Шумилина

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулева в г. Пензе, г. Пенза, Россия

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

T. N. Shumilina

Branch of Military Academy of Logistics named after
General of the Army A. V. Hrulev, Penza, Russia

PROBLEMS OF ADAPTATION OF FOREIGNERS STUDYING IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Аннотация. Раскрываются проблемы адаптации иностранных обучающихся к новой этносоциокультурной среде. Отмечается адаптирующая функция русского языка. На основе изученных теоретических положений западных специалистов по коммуникации культур в статье выделены шесть типов реакции на другую культуру. Предлагаются рекомендации по развитию успешной адаптации иностранцев в российской этносоциокультурной среде.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, адаптация, этносоциокультурная среда

Abstract. The article reveals the problems of adaptation of foreign students to a new ethnic, social and cultural environment. The adaptive function of the Russian language is noted. Based on the theoretical positions of Western experts in cultural communication, the author identifies six types of reactions to another culture. The author offers recommendations for the development of successful adaptation of foreigners in the Russian environment.

Keywords: intercultural communication, adaptation, ethno-socio-cultural environment

Язык как выразитель культурных ценностей и их транслятор кроме передачи информации обладает мощной адаптирующей функцией. Адаптация и интеграция иностранцев в чужую культуру основываются не столько на знании языка и обычаев, сколько на личной заинтересованности в понимании ее ценностей и установок, эмоциональном контакте с ее представителями.

В свете межкультурной коммуникации важными факторами являются особенности восприятия «иног», механизмы социального общения. На основании многочисленных исследований западными специалистами по коммуникации культур было выделено шесть типов реакции на другую культуру и ее представителей [Белл 1980 : 5]. Они подразделяются на эмоциональные и этнорелятивные типы восприятия. К этноцентричным относятся: отрицание различий культур, защита собственного культурного превосходства, минимизация различий. Этнорелятивные включают в себя принятие существования межкультурных различий, адаптацию к новой культуре.

Обычной реакцией человека на межкультурные различия является минимизация – достаточно продвинутой по зарубежным меркам способ восприятия других культур. Ее характерными признаками являются признание возможности существования инокультурных ценностей, норм, форм поведения. Попадая в незнакомую культуру, человек оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы поведения могут быть неприемлемы или, по крайней мере, неэффективны. В результате можно констатировать, во-первых, несовпадение динамики межличностного общения с развитием процессов взаимодействия культур на уровне исторически сложившихся «нормативных» социальных и духовных структур. Во-вторых, знания, полученные в прошлом, в системе формального образования, из средств массовой информации и литературы, художественной и научной, часто интегрируются в негативные стереотипы другой культуры. Это ведет к проявлению таких реакций, как отрицание возможности межкультурных различий, уверенность в том, что все люди в мире разделяют (или обязаны разделять) одни и те же убеждения, нормы поведения, ценности. При проявлении отрицания возможно преднамеренное воздвижение физических и социальных барьеров, которое имеет целью установить дистанцию, отделяющую от инокультурных явлений [Белл 1980 : 10].

Межкультурные различия отчетливо фиксируются в виде негативных стереотипов другой культуры. В их основе обычно лежат расовые, национальные, религиозные, возрастные, профессиональные отличия. Набор характерных черт, ролей, способностей, интересов, личных качеств приписывают при этом всем или большинству членов стереотипной группы и каждому из них в отдельности. Приоритет отдается своей культуре. Часто люди нарочито демонстрируют свою непохожесть, чтобы восстановить или установить культурную дистанцию. Это можно заметить по внешним признакам и по поведению. Другая форма защиты – это предвзятое отношение к мировоззренческим культурным ориентациям. К этому типу реакции относится отказ признать право на утверждение самобытности народа, среди которого иностранец должен жить. Можно выделить типичные ситуации, когда формирование защитной реакции на межкультурную ситуацию у большинства членов общества без целенаправленного вмешательства специалистов-педагогов, органов управления, социальных работников практически невозможно.

Эволюцию восприятия человека, попавшего в новую для него среду межкультурной коммуникации, представим по типологии Н. К. Иконниковой:

1. Нулевой этап, когда происходит осмысление предполагаемого нового, известного по сведениям, полученным дома.

2. Начальный этап, связанный с ознакомлением с ситуацией, формированием первых представлений и планированием общей стратегии поведения, который обычно имеет место накануне непосредственного контакта.

3. Оптимизм, приподнятость настроения, уверенность в успешном взаимодействии и беспроblemной перспективе на будущее, навеянные знакомством с новой культурой, ее отдельными достижениями или представлениями.

4. «Культурный шок». Это период крушения всех надежд, когда положительный эмоциональный настрой сменяется депрессией, смятением и враждебностью. Шок возникает в первую очередь в эмоциональной сфере, однако важнейшую роль играют такие социальные факторы, как неприспособленность и неприятие новых обычаев, стилей поведения и общения, темпа жизни, изменений в материальной инфраструктуре общества.

5. Реалистическая оценка ситуации, при которой возникает адекватное понимание происходящего, возможность эффективно добиваться собственных целей. Однако не исключается и возможность полного отвержения новых культурных феноменов, что приводит к отчуждению [Иконникова 1995 : 28].

Коммуникация часто сопряжена с конфликтами, что вызвано противоречием фактического положения дел с ожиданием людей. Не исключены конфликтные ситуации в учебных коллективах, включающих представителей разных народов. Причиной возникновения конфликтной ситуации могут стать барьеры общения, неприятие менталитета одного этноса другим, хотя анализ межэтнических конфликтов внутри учебных групп и между этническими группами показывает, что в основе межнационального конфликта заложены особенности бессознательного поведения, вызванные национально-этническими стереотипами поведения одной этнической общностью, непринятые другой. Представителями разных культур движет желание сохранить, защитить свои ценности и традиции. Защита может быть обусловлена представлением об угрозе разрушения привычного образа жизни, неуважением обычаев и традиций, кажущейся дискриминированностью по отношению к проявлениям национальной культуры.

Иностранцы, имеющие социальный опыт обучения в своей стране или других странах, подвержены влиянию педагогических стереотипов, сформировавшихся в процессе обучения. Этот опыт и традиции не совпадают и различаются по характеру обучения с аналогичными фактами в российской системе образования и воспитания. Еще в XIX в. великий педагог К.Д. Ушинский писал: «Общей системы воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории... У каждого народа своя собственная система воспитания, а поэтому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным» [Ушинский 1988 : 30]. Педагогические несовпадения также могут быть причиной нарушения взаимодействия преподавателя и обучающегося. Группа ученых к педагогическим несовпадениям в данном случае относит:

- «социальный статус педагога в разных культурах;
- привычный уровень притязаний преподавателя и учащегося;
- понятие о характере дистанции и близости между преподавателем и учащимся;
- господствующий педагогический стиль (авторитарность, демократизм, либерализм, социальное партнерство и т.д.);
- привычный стиль общения между преподавателем и учащимися и круг проблем, допустимых для обсуждения преподавателем и учащимся;
- национальная предпочтительность способа ведения занятий (экстенсивный, интенсивный, игровой; степень индивидуализации и пр.);
- способы контроля и формы оценки учебной деятельности, отношение к санкциям и т.д.» [Балыхина, Харитоновна 2006 : 54].

Во избежание культурного шока, вызванного различием особенностей педагогического общения, преподавателю необходимо изучить особенности образовательных систем стран обучающихся, сопоставить педагогические традиции в учебном процессе. В ходе установления и поддержания контакта с обучающимися преподавателю русского языка как иностранного необходимо знать культурные традиции стран, традиции в коммуникации (предпочтения передачи информации: книжная передача знания, передача знаний от учителя как носителя знаний к ученику), а также знать систему языка, на котором говорит обучающийся иностранец. При обучении русскому языку как иностранному важен учет лингвострановедческого аспекта, а также знаний традиций иностранцев, обучающихся в России. Адаптация иностранца зависит от степени его включения в систему социально-психологических отношений общества иноязычной среды.

В целях успешной адаптации важно учитывать национально-психологические особенности обучающихся иностранцев. Это важно при определении путей адаптации к новой педагогической системе, к иной социокультурной среде, при выборе целесообразных и эффективных средств педагогического воздействия. При конфликтной ситуации снять противоречие способен педагог, который является проводником русской культуры и может помочь обучающимся адаптироваться в новой социокультурной среде.

Список литературы

1. Балыхина Т. М., Харитоновна О. В. Коммуникативный портрет преподавателя русского языка: профессионально-педагогическая речь как лингводидактический дискурс. М. : Изд-во РУДН, 2006. С. 54.
2. Белл Р. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы / пер. с англ. Р. Белл ; предисл. А. Д. Швейцера. М. : Междунар. отношения, 1980. С. 5–22.
3. Иконникова Н. М. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 26–34.
4. Ушинский К. Д. Педагогические соч. : в 6 т. М., 1988. Т. 2. С. 30.

Сведения об авторе:

Шумилина Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева в г. Пензе, г. Пенза, Россия.

НАПРАВЛЕНИЕ 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И МЕТОДЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКА

О. В. Барабаш

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ПОНЯТИЕ АВАНСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

O. V. Barabash

Penza State University, Penza, Russia

THE CONCEPT OF ADVANCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SYNCHRONOUS-DIACHRONIC ANALYSIS OF SEMANTIC SHIFTS

Аннотация. Представлены результаты синхронно-диахронного анализа семантических переходов в смысловой структуре финансово-правового термина «аванс». В синхронии семантический переход рассматривается как результат семантической деривации, в диахронии – как эволюция семантики под воздействием собственно языковых и экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: семантический переход, финансово-правовой термин, синхрония, диахрония, аванс

Abstract. The article presents a synchronous-diachronic analysis of semantic transitions in the semantic structure of the financial and legal term "advance". Synchrony considers the semantic shift as a result of semantic derivation, diachrony interprets it as the evolution of semantics under the influence of linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: semantic shift, financial and legal term, synchrony, diachrony, advance

Вводные замечания. Данная работа продолжает исследование смысловых трансформаций консубстанциональных лексических единиц русского языка, функционирующих в различных типах дискурса и «вовлеченных» в реализуемые в процессе развития языка сценарии взаимопереходов общеупотребительных слов и терминов права (см. [Барабаш 2016; 2017; 2021]). Подобные смысловые и функционально-стилистические преобразования мы рассматриваем в рамках концепции семантического перехода, разрабатываемой в статьях и монографиях Е. В. Падучевой [Падучева 2004], Анны А. Зализняк [Зализняк 2006; 2013; 2021], Е. В. Рахилиной [Рахилина 2008], а также опираясь на фундаментальные исследования по семантике Ю. Д. Апресяна [Апресян 1974]. Понятие семантического перехода, несмотря на его метафоричность, действительно оказывается довольно ёмким и терминологически удобным для описания рассматриваемых процессов.

Под семантическим переходом понимается такое совмещение в пределах одного слова двух разных значений, которое может рассматриваться в синхронии как полисемия, а в диахронии – как семантическая эволюция лексической единицы¹.

Цель данной статьи – представить результаты синхронно-диахронного анализа семантических переходов в смысловой структуре финансово-правового термина «аванс».

Материалом выступают лексикографические источники, тексты художественных произведений, публикаций СМИ, в том числе представленных в Национальном корпусе русского языка.

Результаты. В современном русском языке под *авансом* принято понимать «предварительную выплату заказчиком некоторой денежной суммы в счет предстоящих платежей за поставляемые товары, выполняемые работы, услуги» [БТС 2000]. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова дает слову «аванс» следующее определение: «деньги (или другие ценности), выдаваемые вперед в счет заработка, причитающихся кому-нибудь платежей, для предстоящих расходов. Делать авансы кому (разг.) – делать что-нибудь, чтобы расположить заранее в свою пользу» [Ожегов 2013 : 22]. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой выделяет у данной лексической единицы два значения – основное и переносное: «аванс м. 1) Деньги или другие материальные ценности, выдаваемые в счет предстоящих платежей. 2) перен. Доверие, похвала, поддержка, которые выражены или высказаны заранее и требуют оправдания или подтверждения в будущем» [Ефремова 2000].

Как видим, в синхроническом срезе основным является лексико-семантический вариант с финансово-правовым компонентом ‘деньги или другие материальные ценности’, который замещается в случае переносного употребления слова другим – значимым в конкретной речевой ситуации элементом (доверие, поощрение, поддержка и т. п.), сравним:

(1) «*Выписать командировку, получить аванс, передать отделение Нине Константиновне (она – в цыплячем ужасе) – на всё это ушла половина дня*» [Грекова 1990 : 8].

(2) «*Польша выдает политические авансы администрации Байдена*» [Стремидловский 2020].

В примере (1) реализуется прямое значение: *получить аванс* здесь означает ‘взять в кассе организации деньги, выписанные для осуществления командировочных расходов’. В примере (2) путем метафорического переноса происходит расширение семантики слова *аванс*, в котором утрачивается (затемняется) компонент ‘деньги’, а компонент ‘предварительно, вперед’ – напротив, высвечивается. При этом, благодаря наличию определения *политический*, семантика аванса получает дополнительную конкретизацию в соответствующей плоскости. Следовательно, в данном высказывании *политические авансы* – это некие действия (в том числе обещания и уступки) представителей власти в пользу другой стороны политических отношений, от которой впоследствии ожидаются ответные, значимые для первой стороны, действия.

Как отмечает Е. В. Падучева, «любая модель деривации, которая переводит один смысловой компонент в другой, самым своим существованием подтверждает наличие в семантике слова этого компонента» [Падучева 2004 : 153]. Действительно, сопоставление лексико-семантических вариантов и их контекстных реализаций дает нам основание представить в обобщенном виде семантическую структуру рассматриваемой лексической единицы в виде следующего сценария: аванс – ‘то, что один субъект дает / предоставляет другому предварительно, до наступления предполагаемых действий другого субъекта, как часть ожидаемого вознаграждения за совершение данных действий’.

Таким образом, в синхронии семантический переход фиксируется как развитие регулярной полисемии, при этом семантическая деривация происходит путем расширения – по направлению от более узкого финансово-правового значения к более широкому переносному.

В то же время диахронный анализ слова «аванс» выявляет о нем несколько иные представления. Прежде всего обратимся к более ранним лексикографическим источникам, фиксирующим узкое значение лексических единиц соответствующего периода развития языка. Так, в Словаре русского языка XVIII в. искомое слово зафиксировано как существительное множественного числа, восходящее к французскому *avance* и употребляющееся в русском языке с 1741 г. в двух вариантах: «авансы» и «аванцы» со значением «обещания, предложения» [Словарь русского языка XVIII в. 1984]. Согласно «Историческому словарю галлицизмов русского языка» в этом значении рассматриваемое слово первоначально отмечается в дипломатических документах, а затем и в других текстах общественно-политической тематики, где оно употреблялось для обозначения «поступков и предложений неофициального, необязывающего какую-либо сторону характера, но предполагающих намерения к сближению» [Исторический словарь галлицизмов русского языка 2010]. В каче-

¹ В работе [Зализняк 2021] выделяется шесть типов реализации семантического перехода, включающих, помимо полисемии и семантической эволюции, деривацию, когнаты, заимствования и грамматикализацию. Применительно к целям данного исследования все указанные типы переходов учитываются, однако мы фокусируем внимание преимущественно на полисемии и семантической эволюции. О корреляции вторичных значений аванса, сформировавшихся в славянских языках (русском и болгарском), с набором лексико-семантических вариантов исходного слова французского языка см. в работе [Барабаш, Пенчева 2021].

стве иллюстрации указанные словари приводят высказывание из сочинений А. Д. Кантемира: «При таких намѣрениях шведскаго двора и поныне вновь от вас учиненным авансам уже ничего иного не остается, как взять сильнѣйшия мѣры для своей обороны».

В известных словарях иностранных слов, вышедших во второй половине XIX в., слово *аванс* подается уже в форме единственного числа, а в его толкованиях в качестве первого (что дает основания полагать, теперь – основного) указывается другое значение – ‘задаток’. Так, в словаре, составленном в 1866 г. А. Д. Михельсоном, *аванс* также объясняется через французское *avance* (от *avant* – *вперед, вперед, прежде*), но уже определяется как «а) Задатокъ. б) Услуга кому-нибудь, съ цѣлю пріобрѣсти дружбу, сблизиться» [Михельсон 1866 : 9]. В словаре А. Н. Чудинова (1894 г.) фиксируются те же значения: «Авансъ (фр. avance от avant – вперед, прежде): 1) Задатокъ, выдача взаймы денегъ или товаровъ; барышъ, получаемый при перепродажѣ векселя. 2) Услуга кому-нибудь съ цѣлю пріобрѣсти дружбу или сблизиться. 3) Повышеніе» [Чудинов 1894 : 11]. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона также фокусируется на финансово-экономической стороне семантики слова *аванс*, оно определяется здесь как «выгода, преимущество, выдача денегъ вперед <...>; авансировать извѣстную сумму значит выдать ее вперед до получения товара или исполненія работы» [Брокгауз, Ефрон 1890 : 50].

Анализ контекстов употребления лексической единицы *аванс* в конце XIX – начале XX вв. позволяет отметить довольно широкое ее использование в значении предоплаты, например:

(3) «Аванс рублей сто под принятую статью можно выслать немедленно по получении Вашего согласия» [Короленко 1909].

Выдвижение на ведущую позицию лексико-семантического варианта с финансовым компонентом семантики свидетельствует о спецификации понятия аванса и его активном вхождении в сферу экономических и правовых отношений, а закрепление в качестве синонима к слову *задаток* способствует его дальнейшей терминологизации. Подобное стилистическое и смысловое смещение и приводит слово «аванс» в разряд консубстанциональных единиц.

Отметим, что форма множественного числа *авансы* со значением ‘обещания, предложения’ продолжает встречаться в текстах XIX в. и даже начала XX в., например:

(4) «До сих пор они упорно не хотели поддаваться на *авансы*, которые делал им сестра Саша, чтобы сблизиться с ними» [Чайковский 1879].

(5) «Англии меньше чем кому-либо, нужна "разделка" Китая, особенно ввиду ея надежд на союз с Японией, которая и раньше делала авансы в этом направлении» [Оболенский 1900].

В современном русском языке выражение *делать авансы* имеет разговорный оттенок (см. помету «разг.», например, в словаре С. И. Ожегова и др.). В то же время в общественно-политическом дискурсе довольно часто употребляется языковая формула *политические авансы* (реже в ед. ч. – *политический аванс*), например:

(6) «Польша выдает политические авансы администрации Байдена» [Стремидловский 2020].

Об устойчивом характере данного выражения свидетельствует высокая частотность его употребления в публикациях СМИ на общественно-политические темы, а также включение термина *аванс* в специальные справочники по государственной службе и политике именно в значении ‘обещания властей’ (см., например, [Халипов 1996]).

Таким образом, диахронный анализ позволяет говорить о «рокировке» лексико-семантических вариантов в смысловой структуре аванса. Соответственно, его семантическую эволюцию в русском языке можно условно представить следующим образом:

‘обещания, уступки с целью сближения’ > // ‘задаток, услуга’ > ‘деньги, выдаваемые до выполнения обязательств’ // > ‘доверие, выраженное заранее и требующее оправдания в будущем’.

Как видим, крайние позиции в этом сценарии переключаются, при этом исходное значение в синхронии уже не фиксируется в качестве самостоятельного, оно как бы «растворяется» в переносном значении аванса, теперь уже воспринимаемом в качестве вторичного.

Изучение семантических переходов на материале правовых терминов представляет исследовательский интерес, поскольку значительная их часть образована на основе общеупотребительных слов, функционирующих в русском языке. При этом наиболее репрезентативные результаты дает, на наш взгляд, именно комплексный – синхронно-диахронный анализ таких переходов. Синхронный анализ позволяет выявить модель семантической деривации, установить регулярные семантические связи, обеспечивающие тождество означающего при наличии лексико-семантических вариантов. В свою очередь, диахронный подход дает возможность проследить семантические трансформации в динамике, в контексте изменения условий функционирования слова под воздействием собственно языковых и экстралингвистических факторов, и зафиксировать эти преобразования в виде схемы-сценария.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр., доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1975. 472 с.
2. Барабаш О. В. Лингво-когнитивный анализ механизмов полисемии в тексте правовых документов: к постановке проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 181–186.
3. Барабаш О. В. Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 28–45.
4. Барабаш О. В. Термин «кредит» в различных типах дискурса: функции и семантика // Proceedings of the 2nd International Scientific Conference “Croatics within the Slavistics, European and World Context” (on the occasion of the 25th anniversary of the founding of the Department of Croatian language and literature in Pula) / Editors: Irena Mikulaco & Daniel Mikulaco. Pula : Juraj Dobrila University of Pula, Croatia, 2021. P. 179–189. [Original scientific paper; UDK 811.161.1'373.612.2:340.113].
5. Барабаш О. В., Пенчева А. И. Интернационализм «аванс» в русском и болгарском языках: сопоставительный анализ // Чуждоезиково обучение / Foreign Language Teaching. Т. 48, № 6. С. 567–578.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. I. А – Алтай. СПб., 1890. 495 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
9. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 673 с.
10. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». Вып. 20. М. : РГГУ, 2021.
11. Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. № 2. 2013. С. 32–51.
12. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Исторический период: XVII – нач. XXI в. / сост. Н. И. Епишкин. М. : ЭТС, 2010. 5140 с.
13. Короленко В. Г. Письма (1909). URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&startyear=1800&mydocsize=&mysize=&spp=&mysentsize=&req=аванс&mycorp=&dpp=&mysent=&api=1.0&mode=main&env=alpha&text=lexform&spd=&endyear=2019&nodia=1&p=49
14. Михельсонъ А. Д. 30 000 иностранных словъ вошедшихъ въ употребленіе въ русский языкъ, с объясненіемъ ихъ корней // По словарямъ Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсонъ. М. : Собственное изданіе автора, 1866. 684 с.
15. Оболенский Л. Е. Что делать с Китаем после его укрощения // Новости. 1 августа 1900.
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Мир и Образование, 2013. 736 с.
17. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с. (Studia philologica).
18. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
19. Словарь иностранных словъ, вошедших в составъ русскаго языка / составленъ подъ редакціею А. Н. Чудинова. СПб. : Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго, 1894. 992 с.
20. Словарь русского языка XVIII в. 1984 / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1. А – Безпристрастие. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 224 с.
21. Стремидловский С. Польша выдает политические авансы администрации Байдена // News-Front.info. 26.12.2020. URL: <https://news-front.info/2020/12/26/polsha-vydaet-politicheskie-avansy-administracii-bajdena/>
22. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М. : Луч, 1996. 271 с.
23. Чайковский, П. И. Письма Н. Ф. фон-Мекк. 1879. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&g=i_doc&dpp=10&spp=50&text=lexform&req=авансы&kwsz=5&p=15&mode=main&sr=1&spd=10&nodia=1&out=normal

Сведения об авторе:

Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований; и.о. заведующего кафедрой русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

И. Ю. Закарадзе

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МИМИКИ И ЖЕСТОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ РЕБЕНКА, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

I. Yu. Zakariadze

Penza State University, Penza, Russia

VERBALIZATION OF FACIAL EXPRESSIONS AND GESTURES REFLECTING THE EMOTIONS OF A CHILD IN A LITERARY TEXT

Аннотация. Рассматриваются приемы вербализации мимики и жестов, выражающих чувства и эмоции ребенка, в художественном тексте на примере повести Л. Н. Толстого «Детство».

Ключевые слова: эмоции, невербальные средства выражения эмоций, вербализация, мимика, жесты

Abstract. The article discusses the techniques of verbalization of facial expressions and gestures expressing the feelings and emotions of a child in a literary text on the example of L.N. Tolstoy's novella "Childhood".

Keywords: emotions, nonverbal means of expressing emotions, verbalization, facial expressions, gestures

Эмоции играют важную роль в жизни каждого человека. От эмоционального состояния человека, его настроения (позитивного или негативного) зависит достижение успеха в трудовой и учебной деятельности, физическая и интеллектуальная активность, здоровье человека; эмоции определяют, как будут складываться отношения с близкими людьми; эмоции отражают наше восприятие окружающей действительности.

В связи с этим проблема выражения эмоций заслуживает особого внимания. Во второй половине XX века объектом исследования многих психологов и лингвистов (П. Экман, А. Меграбян, Р. Бердвистел, В. А. Лабунская, В. И. Шаховский, К. В. Судаков, Г. В. Колшанский, И. Н. Горелов, С. В. Воронин, Е. П. Ильин, А. А. Акишина и др.) становится невербальное поведение человека. Интерес к способам выражения эмоций и чувств привел к возникновению новой научной дисциплины – «невербальной семиотики».

Чувства, эмоции, переживания, настроения могут быть выражены в тексте разными способами: лексическими, морфологическими, синтаксическими, интонационными. Одним из способов выражения эмоций и чувств человека в художественном тексте является вербализация – словесное описание переживаний, мыслей, чувств и их проявлений. [Психотерапевтическая энциклопедия 2000 : 83] В. И. Шаховский выделяет 3 способа выражения эмоциональных состояний человека: их трансляция (обозначение), описание и выражение. [Шаховский 1998: 39]

Каждое эмоциональное состояние имеет своё внешнее выражение и распознаётся по использованию тех или иных вербальных и невербальных средств. «Каждое движение души имеет свое естественное выражение в голосе, жесте, мимике», - писал Цицерон. Жесты, мимика, движения тела, поза, интонация, темп речи, тембр голоса, высота тона – все это является невербальными средствами выражения эмоционального состояния человека.

Ученые (А. Меграбян, Р. Бердвистел) установили, что более 65 % информации, в том числе и о чувствах человека, передаётся с помощью невербальных и фонационных средств. Невербальные и фонационные средства выполняют информативную, коммуникативную, когнитивную, экспрессивную, регулятивную и изобразительную функции; обогащают передачу смысла и эмоций, выражают качество и изменение взаимоотношений партнеров по общению, формируют эти отношения. [Карпова 2011 : 76]

Кроме того, было отмечено, что люди склонны больше доверять языку тела, чем информации, выраженной с помощью слов. Этому можно найти научное объяснение, поскольку эмоции связаны с областью бессознательного и не поддаются прямому управлению, они произвольно отоб-

ражаются на лице. Мимика и взгляд человека помогают нам понять его истинные чувства и намерения. Импульсы на подсознательном уровне дают команду рукам и телу принять то или иное положение, которое определённым образом характеризует наше эмоциональное состояние.

Основные невербальные средства выражения эмоций не отличаются друг от друга в большинстве стран мира и могут считаться универсальными, но большинство невербальных компонентов является специфическими, культурно обусловленными. Отметим также, что способы выражения эмоций и степень интенсивности их проявления может быть различна у взрослых и детей.

Дети, особенно в раннем возрасте, более естественны в проявлении чувств, они открыто демонстрируют своё отношение к людям и явлениям действительности, не пытаются скрыть свои истинные намерения. Детская психика более уязвима, ребенку требуется гораздо больше волевых усилий, чтобы контролировать свое поведение. Эмоции ребенка по степени интенсивности их проявления превосходят эмоции взрослого человека, они ярче выражены. Детям свойственна резкая смена настроения, быстрое переключение от радости к грусти и наоборот. По степени длительности (продолжительности) эмоции ребёнка чаще всего бывают кратковременными.

Важно отметить, что в детстве формирование картины мира только начинается. Дети не всегда осознают то, что чувствуют, им труднее выразить своё эмоциональное состояние с помощью слов. Поэтому невербальные средства помогают определить настроение и эмоции ребёнка, усиливают эмоциональное значение слов, с помощью которых ребенок выражает свои чувства.

В художественном произведении вербализация мимики, взгляда, жестов, голоса, движений тела становится одним из главных способов выражения эмоций и чувств ребенка. Как подчеркивает Л. Г. Бабенко, выявление особенностей моторной экспрессии важно для анализа художественного текста, ибо оно вскрывает портретную характеристику персонажа, символизирует жестами внутреннюю, скрытую эмоциональность персонажа [Бабенко 1989 : 119].

В качестве примера обратимся к анализу повести Л. Н. Толстого «Детство». Глубокие чувства и переживания героев, настроение, состояние аффекта – все эти различные по степени интенсивности, продолжительности и характеру эмоциональные состояния сумел передать Л.Н.Толстой с помощью приема вербализации мимики, жестов и фонационных средств. В повести «Детство» главный герой переживает различные эмоции и чувства, положительно или отрицательно действующие на него.

К первой группе, позитивных эмоциональных состояний, которые испытывают маленькие герои повести, можно отнести радость, весёлое настроение, гордость, самолюбование, очарованность, умиление, восхищение, воодушевление, чувство влюблённости, чувство наслаждения, удовольствие.

Эмоции радости и веселья передают такие невербальные кинесические компоненты: топот, припрыгивание, движения ног, жесты, цвет и выражение лица, слёзы: «с визгом и топотом побежали наверх одеваться» [Толстой 2021 : 40], «припрыгивая, в самом весёлом расположении духа» [Толстой 2021 : 76], «прыгая от радости» [Толстой 2021 : 145], «я перевернулся на одной ножке, щёлкнул пальцами и припрыгнул» [Толстой 2021 : 96], «общее выражение лица было такое весёлое, доброе, здоровое, что я сам себе понравился» [Толстой 2021 : 146], а также фонационные компоненты: экстралингвистические (визг, смех) и паралингвистические (громкость голоса): «Сонечка до того расхохоталась, что слёзы навернулись ей на глаза, и все кудряшки распрыгались около её покрасневшего личика», «смех её был слишком громок и естествен, чтоб быть насмешливым» [Толстой 2021 : 135], «расхохоталась ужасно» [Толстой 2021 : 136]; «не переставала смеяться... смеялась и хохотала ...и помирала со смеху» [Толстой 2021 : 146], «хохотал от души» [Толстой 2021 : 145]

Чувство гордости и самолюбования выражено кинесическими средствами (мимика, выражающая самодовольство, поза, горделивая осанка, походка, манера езды на лошади): «желая прельстить всех сидевших в линейке, принял непринуждённо грациозное положение и хотел вихрем пронестись мимо их» [Толстой 2021 : 55–56], «сказал я с видом знатока» [Толстой 2021 : 46], «сказал, потягиваясь и самодовольно улыбаясь, лениво повалившись на траву» [Толстой 2021 : 51]

Чувство умиления, очарованность происходящим вокруг, передают фонационные экстралингвистические средства (частота и скорость дыхания, дрожь): «я чувствовал дрожь и замирание сердца», «я не переводил дыхания», «мы не переводили дыхания» [Толстой 2021 : 69]

Рассказывая о впечатлении, которое произвёл на Николеньку юродивый странник Гриша во время молитвы, Л. Н. Толстой обращает внимание на поведение ребенка, который не может оторвать взгляд («Володя уцепился за меня, но я даже не оглянулся» [Толстой 2021 : 69]) и изменить неудобную позу («я отсидел себе ноги, сидя на одном месте» [Толстой 2021 : 70]), продолжая «с чувством детского удивления, жалости и благоговения следить за всеми движениями и словами Гриши» [Толстой 2021 : 69].

Чувство влюбленности и восхищения объектом своей любви передает взгляд и мимика героя: «я не мог наглядеться на князя», «не спуская глаз с Серёжи ... следил за всеми его движения-

ми» [Толстой 2021 :117], «беспрестанно устремлённые на него мои беспокойные глаза» [Толстой 2021 : 115], «я не спускал глаз с Катеньки», «я стал внимательнее всматриваться в него (лицо) и полюбил его» [Толстой 2021 : 55]

Переживая влюбленность, герои порой испытывают неловкое чувство, смущение.

Л. Н.Толстой показывает нам эти эмоциональные состояния с помощью вербализации мимики (цвет лица, выражение лица, улыбка): «я до того растерялся от такого неожиданного счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему» [Толстой 2021 : 116] , «Сонечка улыбнулась, покраснела – я тоже покраснел, глядя на неё» [Толстой 2021 : 127] , «она не обернулась, но шейка и уши её покраснели» [Толстой 2021 : 55].

Таким образом, можно сделать вывод, что в повести Л. Н. Толстого «Детство» одним из способов выражения позитивных эмоциональных состояний является вербализация мимики и жестов героя.

Ко второй группе отрицательных, негативных эмоциональных состояний, которые испытывают герои повести, относятся следующие: недовольство, страх, ужас, испуг, робость, скука, обида, злость, отвращение, досада, раздражение, печаль, сожаление, огорчение, страдание, отчаяние, стыд.

Важно отметить, что герой повести «Детство» склонен к рефлексии и подвержен фрустрации. Он переживает такое эмоциональное состояние, которое испытывает человек, когда не может получить то, что сильно хочет, когда его потребности и желания недоступны или недостижимы. Фрустрации сопровождают негативные чувства, поэтому Николенька гораздо чаще испытывает чувства недовольства, огорчения, стыда, сожаления, чем чувства радости и удовольствия.

Чувство недовольства выражено в тексте с помощью вербализации взгляда, жестов: «сердитыми глазами окинул Карла Иваныча» [Толстой 2021 : 5], «глубже запрятал голову под подушки, изо всех сил брыкал ногами» [Толстой 2021 : 6-7], «холодно поцеловал» [Толстой 2021 : 83].

Эмоции страха (тревогу, испуг, ужас) автор передаёт с помощью вербализации мимики, взгляда, жестов, а также с помощью фонационных средств.

Отметим, что одни и те же невербальные признаки могут характеризовать различные эмоции (лицо может покраснеть от смущения, от стыда, от обиды), и наоборот, одни и те же эмоции могут быть выражены по-разному у героев повести.

Так, например, во время испуга «Володя покраснел и дрожащим голосом передал поручение матушки» [Толстой 2021 : 24] , а Иленька Грапп «заметно испугался и побледнел» [Толстой 2021 : 121], а после «покраснел и чуть слышным голосом уверял...»[Толстой 2021 : 121].

В то время как одни герои, испытывающие страх, находятся в состоянии оцепенения и безмолвия, другие «содрогаются» и «неистово кричат». В этом отношении показателен эпизод прощания с матерью, когда дети впервые испытывают чувство утраты, горя, страха:

Николенька: «вздрогнул от ужаса», «холодная дрожь пробегает по моей спине и волосам», «содрогался, но не переставал смотреть» [Толстой 2021 : 168], «я вскрикнул голосом, который был ещё ужаснее того» [Толстой 2021 : 173]

Володя: «он то стоял, задумавшись, уставив неподвижные взоры на какой-нибудь предмет, то рот его вдруг начинал кривиться, и он поспешно кривился и кланялся» [Толстой 2021 : 172].

Любочка: «вся мокрая от слёз, опустила головку, изредка взглядывала на гроб, и лицо её при этом выражало только детский страх» [Толстой 2021 : 171–172].

Маленькая девочка-крестьянка: «отмахиваясь ручонками, откинув назад испуганное личико и уставив выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшным, неистовым голосом» [Толстой 2021 : 173]

Эмоции обиды и злости часто трудно бывает отделить друг от друга. Эти эмоции сопровождают такие невербальные паралингвистические компоненты, как слезы, рыдания: «разревелся от злости» [Толстой 2021 : 77], «громко зарыдал» [Толстой 2021 : 123], «захлёбываясь от слёз» [Толстой 2021 : 77], «сквозь слёзы, выговорила» [Толстой 2021 : 51], «плачевная фигура Иленьки с заплаканным лицом» [Толстой 2021 : 122], а также кинесические компоненты: активная жестикуляция, характерная мимика: «побледнев от злости, крикнул молодой князь», «сжал кулаки, топнул ногой, и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал» [Толстой 2021 : 119], «плакал так, что, казалось, ещё немного, и он умрёт от конвульсий, которые дёргали всё его тело» [Толстой 2021 : 123].

Таким образом, рассмотрев различные невербальные компоненты выражения эмоций в повести «Детство» Л. Н.Толстого, можно сделать вывод о том, что вербализация мимики и жестов является важным способом выражения эмоций в художественном тексте. Эмоциональное состояние ребёнка может быть выражено различными невербальными средствами. Большинство невербальных компонентов, отражающих эмоции, можно считать универсальными, но есть много примеров индивидуального выражения чувств и переживаний, которые нашли отражение в тексте художественного произведения.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1989. С. 184.
2. Карпова Ю. А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. 2011. № 4. С. 73–79.
3. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. Изд. 2-е. доп. и перераб. изд. СПб. [и др.] : Питер, 2000. С. 1019.
4. Толстой Л. Н. Детство. М. : Эксмо, 2021. С. 192.
5. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград : Перемена, 1998. С. 149.

Сведения об авторе:

Закарадзе Ирина Юрьевна, ассистент кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

**Е. Б. Козеренко¹, К. И. Кузнецов²,
Д. А. Романов³, Ю. И. Синягина⁴**

^{1,2,4}Институт проблем информатики Российской академии наук
Федерального исследовательского центра «Информатика и управление»
Российской академии наук, г. Москва, Россия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия

ДИСТРИБУТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА В ПРОЦЕДУРАХ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

**E. B. Kozerenko¹, K. I. Kuznetsov²,
D. A. Romanov³, Yu. I. Sinyagina⁴**

^{1,2,4}Federal Research Center Informatics and Management of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

³HSE National Research University, Moscow, Russia

DISTRIBUTIONAL SEMANTICS AND FORMAL MODELS OF LANGUAGE IN LEGAL TEXT ANALYSIS PROCEDURES

Аннотация. Представлены методы и инструменты семантической обработки юридических документов. Рассматриваются подходы, основанные на формальных моделях языка, в частности формальной семантике, и методы, основанные на вычислительных процедурах дистрибутивной семантики. Выдвигаются проектные решения, сочетающие в себе формальные и дистрибутивные методы. В качестве инструментария обработки естественно-языковых текстов, в данном случае относящихся к предметной области юриспруденции, используются новые версии лингвистических процессоров, разработанных на программном пакете PullEnti. Пакет PullEnti включает алгоритмы морфологического, семантико-синтаксического и лексико-семантического анализа. Приводятся примеры реализованных систем обработки текстов юридической тематики на русском языке.

Ключевые слова: семантическое моделирование, формальные модели, дистрибутивная семантика, извлечение именованных сущностей, автоматизированные системы извлечения знаний, семантический поиск, правовая экспертиза

Abstract. This paper presents methods and tools for semantic processing of legal documents. Approaches based on formal language models, in particular, formal semantics, and methods based on computational procedures of distributional semantics are considered. Design solutions combining formal and distributional methods are put forward. New versions of linguistic processors developed on the PullEnti software development kit are used as tools for processing natural language texts, in this case, related to the subject area of legislation. The PullEnti package includes algorithms for morphological, semantic-syntactic and lexical-semantic analysis. Examples of implemented systems of legal text processing in Russian are given.

Keywords: semantic modeling, formal models, distributional semantics; extraction of named entities, automated knowledge extraction systems, semantic search, legal expertise

1. Введение.

Для решения задач семантической обработки текстов в данной работе используется комплексный подход, в котором сочетаются методы формальных моделей языка, композиционных семантических представлений, дистрибутивной семантики и статистических подходов. Для различных видов обработки знаний в сфере юридической науки и практики проблема семантического анализа, в особенности, установление смыслового сходства текстовой информации является особенно актуальной.

Формальная семантика и дистрибутивная семантика – две очень влиятельные семантические парадигмы в компьютерной лингвистике. Формальная семантика основана на символической традиции и сосредоточена вокруг выводимых свойств языка. Дистрибутивная семантика является статистической и управляемой данными и фокусируется на аспектах значения, связанных с контекстным окружением. Эти две парадигмы дополняют друг друга, каждая имеет свои сильные стороны, и это побудило заинтересоваться объединением их во всеобъемлющую семантическую структуру: “Формальную дистрибутивную семантику” [Lewis, Steedman 2013; Clark, Pulman 2007; Baroni, Bernardi, Zamparelli 2014].

1960-е и 1970-е годы ознаменовались новаторскими работами в области формальной и вычислительной семантики: с формальной стороны Монтегю разработал основополагающую теорию по обработке кванторов [Montague 1974], а с вычислительной стороны Спарк-Джонс и коллеги разрабатывали векторные представления лексикона [Spärck-Jones 1967]. В то же время когнитивная наука и искусственный интеллект выдвигали гипотезы, какими способами можно было бы смоделировать и протестировать понимание естественного языка – рассматриваемое как широкая, всеохватывающая задача [Schank 1972; Winograd 1972]. Однако эксперименты, проводившиеся тогда, были ограничены нехваткой ресурсов (как с точки зрения допустимых объемов данных, так и вычислительных возможностей) и, таким образом, давали лишь ограниченную возможность реализации разработанных теорий.

К настоящему моменту и векторные модели значения, обычно называемые “дистрибутивной семантикой” (Distributional Semantics – DS), и формальная семантика (Formal Semantics - FS) добились существенного прогресса. Доступны большие машиночитаемые корпуса текстов, а вычислительная мощность растет в геометрической прогрессии. Эти разработки вместе с появлением усовершенствованных методов машинного обучения [LeCun, Bengio, Hinton, 2015] вернули идею о том, что компьютерная лингвистика должна работать над общим пониманием языка, то есть над теориями и моделями, которые учитывают как использование языка в целом, так и связанный с ним концептуальный аппарат [Collobert R, Weston, 2008; Mikolov, Joulin, Baroni, 2015; Goodman, Tenenbaum, Gerstenberg, 2015; Erk, 2016].

В исследованиях и разработках авторов данной статьи именно интегральный взгляд на моделирование естественного языка и семантический анализ рассматривается как наиболее перспективный [Kozerenko, 2012; Козеренко, Михеев, Сомин, Эрлих, Кузнецов, 2020].

Центральным компонентом создаваемых лингвистических процессоров является инструментальный пакет (Software Development Kit - SDK) PullEnti. В зависимости от целей каждого конкретного проекта, предметной области и сложности извлеченных объектов точность (P), полнота (R) и F-мера, продемонстрированные Pullenti для задач извлечения именованных сущностей (Named Entity Recognition – NER), соответствуют самым передовым достижениям мирового уровня: P = 0,7957-0,9663; R = 0,7091-0,8675; F-мера = 0,8083-0,8570. Лингвистический процессор на базе Pullenti участвовал в конкурсе NER, организованном для конференции Dialog 2016, и показал лучшие результаты в двух треках и второй лучший результат в третьем треке [FACTRUEVAL 2016]. В 2021 году на соревновании RuNormAS по нормализации текстовых фрагментов на 1-й дорожке лингвистический процессор на основе Pullenti занял 1-е место, на 2-й второе соответственно. В 2022 году на соревновании RuNNE по извлечению вложенных именованных сущностей лингвистический процессор на основе Pullenti занял первые места на обеих дорожках [RuNNE 2022].

2. Дистрибутивные и формальные модели, интегральный подход.

Дистрибутивный анализ – это метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Дистрибутивный анализ был впервые предложен Л. Блумфилдом в 20-х гг. XX века и применялся, главным образом, в фонологии и морфологии. В ходе исследований выяснилось, что, используя контексты в качестве исходных данных, можно выделить основные единицы языка (фонемы, морфемы, слова, словосочетания), объединить их в классы и установить отношения сочетаемости между этими классами.

В течение последних двух десятилетий было предпринято множество успешных попыток применения метода дистрибутивного анализа к изучению семантики. Была разработана дистрибутивно-семантическая методика, позволяющая в автоматическом режиме сопоставлять контексты, в которых встречаются различные слова, и устанавливать семантические связи между ними.

В качестве вычислительного инструмента дистрибутивно-семантической методики используется линейная алгебра. Информация о дистрибуции лингвистических единиц представляется в виде многомерных векторов, которые образуют словесное пространство. Векторы соответствуют лингвистическим единицам (словам или словосочетаниям), а измерения векторов соответствуют контекстам. Размер контекста определяется целями исследования. Для установления синтагматических связей используются контексты, ограниченные одним или двумя соседними словами, для

установления парадигматических связей используется контекстное «окно» размером 5–10 слов, для установления тематических связей используются контексты размером 50 слов и больше. Векторы состоят из чисел, которые показывают, сколько раз данное слово или словосочетание встретилось в данном контексте в данном корпусе текстов. Семантическая близость между лингвистическими единицами вычисляется как расстояние между векторами.

Дистрибутивные модели были успешно применены для решения следующих задач автоматической обработки текста: выявление семантической близости слов и словосочетаний; автоматическая кластеризация слов по степени их семантической близости; автоматическая генерация тезаурусов и двуязычных словарей; разрешение лексической неоднозначности; расширение запросов за счет ассоциативных связей; определение тематики документа; кластеризация документов для информационного поиска; извлечение знаний из текстов; построение семантических карт различных предметных областей; моделирование перифраз; определение тональности высказывания; моделирование свойств сочетаемости для глаголов.

Формальная семантика - это широкий термин, который охватывает целый ряд подходов к изучению значения, от теоретико-модельного до теоретико-доказательной семантики. Формальная семантика дает представление о выводимых свойствах языка и композиционности, основанных на формализации отношений между различными сущностями и событиями, упоминаемыми в лингвистическом выражении [Montague 1974; Partee 2008]. Формальная семантика называется так потому, что она использует некоторые инструменты, стандартно используемые для описания формальных языков: в частности, Монтегю предложил способ выражения семантической композиции относительно модели с использованием интенциональной логики [Montague, 1974]. Опираясь на хорошо отточенный логический аппарат, FS разработала выдающиеся модели многих лингвистических явлений, от количественной оценки до модальности.

К задаче интеграции формального и дистрибутивного подходов в новую структуру, Formal Distributional Semantics (FDS), можно подходить различными способами. В литературе появились два основных направления, которые различаются тем, что они считают своим основным смысловым представлением. Один из них можно рассматривать как формальную семантику, дополненную богатой лексической информацией (в виде дистрибуций). Другой ставит дистрибутивную семантику во главу угла и пытается переформулировать явления, традиционно рассматриваемые формальной семантикой в векторных пространствах (например, количественная оценка, отрицание).

В первом случае для представления значения предложений выбирается классическая формальная семантика. Популярным выбором является определение семантики, выражаемой в логике первого порядка, со ссылкой на некоторое понятие модели. Наличие модели позволяет выполнять логические операции над отдельными объектами, начиная от количественной оценки и заканчивая выводом. Использование существующей логики позволяет семантике полагаться на стандартный формальный аппарат для представления композиционности, дополненный методами интеграции информации о дистрибуции.

Во втором случае логические операторы непосредственно выражаются как функции над дистрибуциями, минуя существующие логики. Решения, предлагаемые для этой задачи, сильно различаются. Кванторы, например, могут принимать форму (а) операций над тензорами в логике, основанной на истинности [Grefenstette 2013]; (б) функции отображения из пространства дистрибутивной семантики в некоторую форму “теоретико-модельного” пространства [Herbelot and Vecchi 2015]; (с) функция от предложений в дискурсе к другим предложениям в том же дискурсе [Capetola 2013]. Некоторые аспекты логических операторов, фактически, могут быть даже непосредственно выведены из их векторов: [Baroni 2012].

3. Семантический анализ и обработка знаний лингвистическими процессорами на основе PullEnti, алгоритм расширения семантики.

Рис. 1. Граф, представляющий множество сущностей, выделенных из текста

Разработаны усовершенствованные версии лингвистических процессоров на основе SDK PullEnti, предназначенные для анализа неструктурированной информации – текстов на естественном языке. Ядром процессора является программный пакет PullEnti, включающий алгоритмы морфологического и синтаксического анализа, который позволяет выделять сущности определенных типов из текстов естественного языка, в рассматриваемом случае – текстов юридической тематики. «Именованная сущность» – это объект, содержащий набор значений атрибутов, отличающий его от других объектов этого же типа. В тексте находятся именованные сущности и устанавливаются семантические связи между ними, при этом учитывается возможность обозначения одной сущности несколькими способами (синонимия). Все множество сущностей, выделенных из текста или нескольких текстов, представляет собой ориентированный граф.

Правительство России задумало вернуть налог на движимое имущество, который отменили с 1 января 2019 года, еще при предыдущем составе кабмина. Об этом заявил замминистра финансов Алексей Лавров, пишут «Ведомости». Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко напомнила, что ранее предупреждали о негативных последствиях налогового послабления: «Освободить от налога стоило только новое оборудование, приобретаемое компаниями, но нас не послушали, все освободили». В 2019 году Минфин оценил выпадающие доходы в 183 миллиарда рублей. Компенсировать их предполагалось за счет роста цен на крепкий алкоголь, но добиться этого не удалось.

Примером нетривиального использования функции для задачи обнаружения похожих семантических объектов является алгоритм семантического расширения. Здесь мы обсуждаем использование NER для установления семантического сходства в российских юридических текстах в связи с постановлениями Конституционного Суда и правоприменительными правовыми актами. Алгоритм работает в два этапа. Рассмотрим этап 1: в верхнем левом окне находится текст вновь поступившего заявления в Конституционный суд (КС). В левом нижнем углу внутри находится список ссылок на профиль приложений, отслеживаемых ссылками на действующие правовые акты (ПА) и правовые нормы (ПН) (значимые термины и биграммы). В середине приведен ранжированный список более ранних постановлений и определений Конституционного суда (т.е. «прецедентов»).

С помощью курсора можно выбрать необходимый документ. Правая панель – это текст приложения, выделенный курсором. Специальный семантический алгоритм используется для расширения значимых терминов из запроса пользователя (вновь поступившего заявления) за счет сильно связанных терминов и понятий (ассоциированных правовых норм), выявленных при анализе всего массива решений Конституционного Суда.

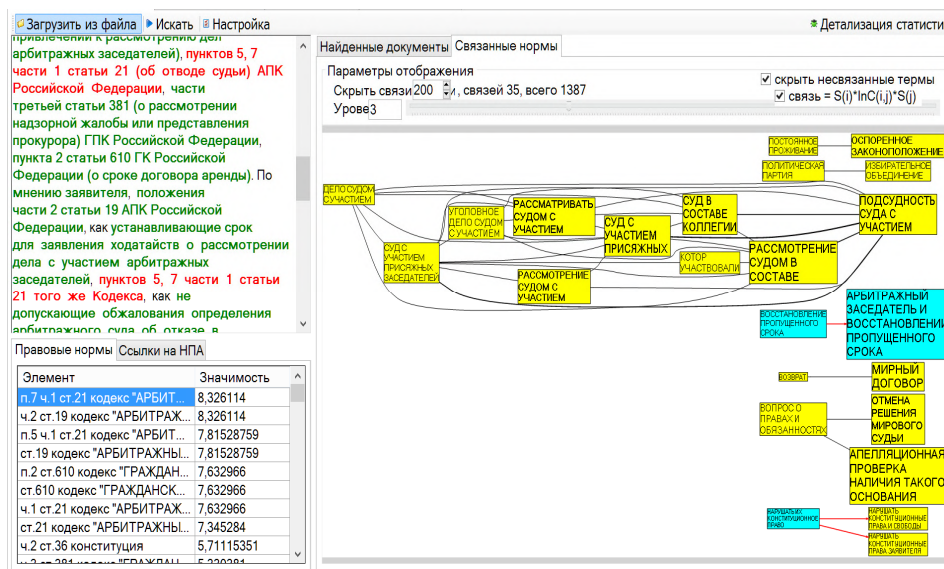

Рис. 2. Результаты семантического расширения

Рассмотрим пример постановления Конституционного суда. Идентифицированными объектами являются физические лица, организации (их значимость устраняется алгоритмом - присваивается нулевое значение – для смещения акцента на правовые нормы) и ссылки на нормативные правовые акты (NLA) (их значимость принудительно увеличивается).

4. Заключение.

Лингвистические процессоры на основе программа PullEnti могут быть использованы в различных областях, в которых информация представлена в текстовом виде. Особенно это важно

в тех случаях, когда необходимо выделять важную информацию из большого потока документов на естественном языке. Очень хорошо данная технология работает в задачах кластеризации текстов по определенным признакам. При этом, существует возможность автоматической настройки программы на требования пользователя.

Последовательное применение формально-семантических моделей в сочетании с дистрибутивной семантикой позволит повысить точность и полноту семантического анализа текстов на естественном языке.

Список литературы

1. Lewis M., Steedman M. Combined distributional and logical semantics // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2013. Т. 1. С. 179–192.
2. Clark S., Pulman S. Combining symbolic and distributional models of meaning // Proceedings of AAAI Spring Symposium on Quantum Interaction. AAAI Press, 2007. URL: <http://www.cl.cam.ac.uk/~sc609/pubs/aaai07.pdf>
3. Baroni M., Bernardi R., Zamparelli R. Frege in space: A program for compositional distributional semantics // Linguistic Issues in language technology. 2014. Т. 9. С. 241–346.
4. Montague R. Universal grammar // Theoria. 1970. Vol. 36. P. 373–398. Reprinted in Formal Philosophy: Selected papers of Richard Montague / Ed. R. H. Thomason. New Haven : Yale University Press, 1974.
5. Spärck Jones K. A small semantic classification experiment using cooccurrence data // Report ML. 1967. Т. 196.
6. Schank R. C. Conceptual dependency: A theory of natural language understanding // Cognitive psychology. 1972. Т. 3, № 4. С. 552–631.
7. Winograd T. Understanding natural language // Cognitive psychology. 1972. Т. 3, № 1. С. 1–191.
8. LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep learning // Nature. 2015. Т. 521, № 7553. С. 436–444.
9. Collobert R., Weston J. A unified architecture for natural language processing: Deep neural networks with multi-task learning // Proceedings of the 25th international conference on Machine learning. 2008. С. 160–167.
10. Mikolov T., Joulin A., Baroni M. A roadmap towards machine intelligence // Computational Linguistics and Intelligent Text Processing: 17th International Conference, CICLing 2016, Konya, Turkey, April 3–9, 2016, Revised Selected Papers, Part I 17. Springer International Publishing, 2018. С. 29–61.
11. Goodman N. D., Tenenbaum J. B., Gerstenberg T. Concepts in a probabilistic language of thought. Center for Brains, Minds and Machines (CBMM), 2014.
12. Erk K. What do you know about an alligator when you know the company it keeps? // Semantics and Pragmatics. 2016. Т. 9. С. 17: 1–63.
13. Kozerenko E. B. Parallel Texts Alignment Strategies // WORLDCOMP'12 (Las Vegas, Nevada, USA, 18–21 July 2012): Proceedings of ICAI'12. Las Vegas : CSREA Press, 2012. Vol. II. P. 945–951.
14. Козеренко Е. Б., Михеев М. Ю., Сомин Н. В., Эрлих Л. И., Кузнецов К. И. Аналитическая текстология в системах интеллектуальной обработки неструктурированных данных // Информатика и ее применения. 2020. Т. 14, № 1. С. 113–120.
15. FACTRUEVAL 2016: Evaluation of Named Entity Recognition and Fact Extraction Systems for Russian. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3430/starostinaetal.pdf>
16. RuNNE-2022 Shared Task: Recognizing Nested Named Entities. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5747/artemovaelplusetal109.pdf>
17. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990.
18. Partee Barbara H. Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee. John Wiley & Sons, 2008.
19. Grefenstette E. Towards a formal distributional semantics: Simulating logical calculi with tensors // arXiv preprint arXiv:1304.5823. 2013.
20. Herbelot A., Vecchi E. M. Building a shared world: Mapping distributional to model-theoretic semantic spaces // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2015. С. 22–32.
21. Capetola M. Towards universal quantification in distributional semantic space // Joint Symposium on Semantic Processing (JSSP2013). 2013. С. 75–79.
22. Baroni M. [et al.]. Entailment above the word level in distributional semantics // Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. 2012. С. 23–32.

Сведения об авторах:

Козеренко Елена Борисовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель научной группы «Компьютерная лингвистика и когнитивные технологии обработки текстов» Института проблем информатики Российской академии наук Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Кузнецов Константин Игоревич, ведущий инженер Института проблем информатики Российской академии наук Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Романов Дмитрий Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры моделирования и оптимизации бизнес-процессов департамента бизнес-информатики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

Синягина Юлия Игоревна, научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Е. В. Макарова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СЛОВА «ДОМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX в.

E. V. Makarova

Penza State University, Penza, Russia

SEMANTIC TRANSFORMATIONS DYNAMICS OF THE WORD "HOME" IN THE XX CENTURY RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. Настоящее исследование посвящено описанию динамики семантических трансформаций слова *дом* в языковом сознании общества, связанных с историческими, культурными, социально-политическими и экономическими преобразованиями. Динамика изменений в семантике слова *дом* в русском языке XX в. представлена на основе анализа словарных дефиниций и текстов художественной литературы.

Ключевые слова: динамика семантических трансформаций, семантические изменения, языковое сознание, дом

Abstract. The present study is devoted to describing semantic transformations dynamics of the word home in the linguistic consciousness of society associated with historical, cultural, social, political and economic transformations. The dynamics of semantic changes of the word home in the Russian language of the 20th century is presented on the basis of the analysis of dictionary definitions and fiction texts.

Keywords: dynamics of semantic transformations, semantic changes, linguistic consciousness, home

Дом – один из ключевых лингвокультурных символов национальной и идентичности, самоопределения личности и социальной стабильности. Общественно-политические преобразования, происходившие в России в XX веке, привели к значительным изменениям семантики слова *дом*. Так, в системе новых ценностей революционной эпохи решительная трансформация центра гражданских устремлений от личного обогащения к общественному благу шла в том числе и через понятие *дом*. Выбранный исторический период позволяет отследить как этап стабильности национальных ценностей, так и время коренных переломов в общественном сознании, способы языковой адаптации к изменениям реалий жизни.

Настоящее исследование описывает динамику семантических трансформаций слова *дом* в XX веке на материале основных толковых словарей русского языка (словари В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, лингвоэнциклопедический словарь «Язык старой Москвы» В. С. Елистратова, «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной), текстов художественной литературы. Выбор художественного стиля как материала исследования позволяет сделать ценные выводы относительно роли художественной литературы в воспроизведении ментальной картины общественного сознания.

Итак, до 1917 года к важнейшим семантическим значениям слова *дом* относились [Даль 2002], [Елистратов 1997], [Ожегов, Шведова 2012]:

- 1) “свое” огражденное от внешнего мира замкнутое жилое пространство;
- 2) жилище, строение, пригодное для проживания в нём;
- 4) центр семейного очага, место, объединяющее родственников (фамильный дом, путевой дом);
- 6) место устойчивой эмоциональной привязанности человека;
- 7) династия (дом Романовых, царский дом, династический дом);
- 8) торговое предприятие (торговый дом, банкирский дом, дом купцов Елисеевых, дом купцов Пьянковых, дом купцов Саврасовых);
- 9) увеселительное учреждение (питейный дом, дом терпимости, публичный дом, картёжный дом, игорный дом);

10) благотворительная организация («ночлежный дом, сиротский дом, старческий дом, странноприимный дом, дом призрения, безумный дом» [Зеленин 2007 : 233]).

11) учреждение предпринимательства (доходный дом).

Дом дореволюционной эпохи описывается в текстах художественной литературы как центр семейного очага и оплот семейственности, место устойчивой эмоциональной привязанности человека. Домашний быт эстетизируется, наиболее значимой становится ассоциация *дом – храм*: «Беляты ризы на образах <...>. Вешают на окна свежие накрахмаленные шторы, подтягивают пышными сборками, – и это напоминает чистый, морозный снег <...>. Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом Праздника» [Шмелев 2019 : 282]. Дореволюционный домашний очаг отождествляется с православным праздником: «Под большие зимние праздники был всегда, как баня, натоплен деревенский дом и являл картину старинную <...> в углах перед золочеными и серебряными окладами икон зажигали лампы и свечи, все же прочие огни тушили. К этому часу уже темно синела зимняя ночь за окнами, и все расходилось по своим спальным горницам. В доме водворялась тогда полная тишина, благоговейный и как бы ждущий чего-то покой, как нельзя более подобающий ночному священному виду окон, озарённых скорбно и умирительно» [Бунин 2019 : 12–13].

После революции 1917 года появляется тенденция к активному вытеснению на языковую и культурную периферию следующих групп семантических моделей понятия *дом*: обозначение бывшей правящей династии, торговых предприятий, увеселительных учреждений, благотворительных организаций.

Истолкование понятия *дом* как личного пространства нивелируется, индивидуальное вытесняется общественным. Отныне для обозначения жилища используются лексемы *комната, квартира, жилплощадь, коммуналка*. В первые постреволюционные годы по причине бытовой неуборочности и неустойчивости общественно-политической системы слово *дом* часто заменяется лексемой *пристанница*, подчёркивая временный характер и непостоянство жилища новой революционной эпохи: «Катенька воздвигала привезенной из города кукле Нинке жилище куда с большим смыслом и более постоянное, чем те чужие меняющиеся пристанища, по которым её таскали» [Пастернак 2017 : 497].

Обобществление собственности ведёт к утрате личного в пользу общественного в семантике понятия *дом*. «Исчезает семантическое поле *дом – храм, дом – воплощение самого человека*» [Шмелькова, Макарова 2022 : 475]. Ослабление роли церкви в общественной жизни приводит к отмиранию лексем, связанных с религиозными обрядами: *гречневик (грешник), каля, коливо, царградский стручок, пасхальная баба, обед для разных*. Знаменательно также и изменение семантики словосочетания *красный угол*: до революции 1917 года обозначавшее «наиболее почётное место в доме, где находились иконы» [Ожегов, Шведова 2016], позднее изменило своё значение на «помещение, предназначенное для проведения пропагандистской и культурно-просветительской работы» [Мокиенко, Никитина 1998 : 617].

Архаизируется лексика из семантических полей «бытовое устройство» (*помпадур, дулет, чайная*, и др.), «питание» (названия блюд: *арме, бомарше, Мари-Луиз, претаньер, тюрбо, тифур, маседуан*; сорта вин: *люнель, марсала, нюи, помар, редерер, шато-икем*; сорта чая: *жемчужный, кирпичный, ханский, кантонский, ямайский, куанг-су, сиофаюн*) [Елистратов 1997].

Помимо этого, в 1920–1930-е гг. происходит расщепление семантической структуры слова *дом* на частные составляющие [Мокиенко, Никитина 1998], [Ушаков 2008]:

- Культурно-просветительские учреждения: дом офицеров, дом крестьянина, дом искусств, дом политического просвещения, дом Красной Армии, дом писателя, дом учителя, дом архитектора, дом культуры, дом народного творчества, дом отдыха.
- Органы самоуправления: домком (домовой комитет), домуправ (управляющий домом).
- Место постоянного пребывания определенных социальных групп: детдом (детский дом), домзак (дом заключения).
- Торговое учреждение: дом новосёла, дом обуви, дом книги, дом тканей.

Для обозначения крупных учреждений, занимавших обширные здания слово «дом» часто заменяла лексема «дворец»: *дворец бракосочетаний, дворец культуры, дворец пионеров, дворец молодежи, дворец труда, дворец профсоюзов, дворец здоровья, ледовый дворец, подземный дворец* (метрополитен).

Слово «изба» также подверглось семантическим изменениям: до революции означавшая «крестьянский дом», в Советской России эта лексема получает новое политическо-просветительское значение («*красная изба* – помещение для проведения пропагандистской работы на селе, *изба-читальня* – читальный зал в помещении крестьянского дома») [Мокиенко, Никитина 1998 : 225]).

Дом утрачивает свое значение семейного очага и оплота семейственности и места, к которому человек эмоционально привязан. «Из языкового сознания того времени уходят ассоциации дома с теплом, уютом, комфортом, красотой и постоянством» [Шмелькова, Макарова 2022 : 469].

В 1990-е годы с распадом Советского Союза возрождается интерес к дореволюционной эпохе российской истории. Со сменой социально-политического устройства языковые тенденции меняются на противоположные лингвистическим процессам 1920–1930-х годов. Смещение акцента с общественного вновь на индивидуальное обусловило возврат в повседневную языковую практику лексемы *дом* со значением «частное отгороженное просторное жилое пространство», формируя некую оппозицию слову *квартира* как обобществленному тесному жилищу.

Из пассива в актив перемещаются в это время следующие дореволюционные семантические модели слова *дом*: *личное жилое пространство, к которому человек эмоционально привязан; центр семейного очага, объединяющий родственников; просторное и уютное жилое пространство*. В ментальную картину общественного сознания возвращаются ассоциации дома с *семейными традициями, системой устойчивых межличностных отношений и нравственных ценностей, благополучным бытом*. Напротив, распространены в советское время значения слова *дом* – воспитательные учреждения (дом пионеров, дом молодежи), торговые организации (дом обуви, дом книги), учреждения профессионального типа (дом архитектора, дом учителя), государственные учреждения культурно-просветительского характера (дом политпросвещения, дом народного творчества) – уходят из активного употребления в языковой практике.

Проведенное исследование показало, что семантические изменения в ключевых единицах языка (на примере слова *дом*) исторически и социокультурно обусловлены и напрямую зависят от значимых социально-политических преобразований в стране. На семантические трансформации слова *дом* в русском языке XX века повлияли такие значимые исторические события как революция 1917 года, последующее становление и развитие социалистической системы, распад Советского Союза и последовавшие за ними изменения языкового сознания общества.

Перспективы дальнейшего исследования семантики слова *дом* могут быть связаны с наблюдением над русским языком 2000–2020-х годов XXI века и отражением рассматриваемой лексемы в современной русской художественной литературе.

Список литературы

1. Бунин И. А. Темные аллеи. М. : Изд-во АСТ, 2019. 352 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 2002. 779 с.
3. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М. : Русские словари, 1997. 704 с.
4. Зеленин А. В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб. : Златоуст, 2007. 380 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и Образование : ОНИКС, 2012. 1375 с.
7. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М. : Изд-во «Э», 2017. 624 с.
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Дом Славянской книги, 2008. 959 с.
9. Шмелев И. С. Лето Господне. М. : Изд-во АСТ, 2019. 480 с.
10. Шмелькова В. В., Макарова Е. В. Изменение семантики слова «Дом» в русском языке первых десятилетий XX века // Русистика. 2022. Т. 20, № 4. С. 467–483.

Сведения об авторе:

Макарова Елена Витальевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Г. Д. Скар¹, О. Н. Шевченко²

^{1,2}Ростовский государственный медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕМ

G. D. Sknar¹, O. N. Shevchenko²

^{1,2}The Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

COGNITIVE FACTORS OF IDENTIFICATION OF THE TOPIC OF ARTISTIC UTTERANCE BY THE READER

Аннотация. Отражены результаты исследования идентификации темы художественного высказывания читателем, описаны когнитивные факторы, влияющие на процесс читательского установления темы. Именно в небольших по объему произведениях читателю легче всего определить тему художественного высказывания, поэтому описанные нами когнитивные факторы проиллюстрированы примерами из рассказов С. Кржижановского и новелл Эдгара По.

Ключевые слова: художественный текст, автор, читатель, тематические компоненты, референт, когнитивные факторы

Abstract. The article explores how the reader identifies the topic of an artistic statement, the article describes the cognitive factors that influence the process of establishing the topic by the reader. It is easier for the reader to determine the theme of artistic expression in works of small volume, therefore, the cognitive factors described by the authors are illustrated by the stories of S. Krzhizhanovsky and short stories by Edgar Allan Poe.

Keywords: literary text, author, reader, thematic components, referent, cognitive factors

Концептуальные основания процесса читательского установления темы художественного высказывания отражают когнитивные факторы, которые обладают естественными связями с прототипичностью темы. Подобные основания предопределяют гипотезу читателя относительно того, что определенные типы референтов, актуализованные в тексте, являются темой высказывания.

К указанным когнитивным факторам можно отнести:

• **Эгоцентричность или антропоцентричность.**

Языковые сегменты, выражающие одушевленные предметы, легче распознаются как тематические компоненты, чем те сегменты, которые выражают неодушевленные предметы [Croft 2003 : 137]. Так, местоимения 1-го лица легче воспринимаются в качестве темы высказывания, чем местоимения других лиц: в повествовании от первого лица говорящий проявляет тенденцию активно проявлять себя в центре читательского внимания [Берестнев 2001 : 62–64]. Категория первого лица задается, как правило, для предоставления читателю доступа к текстовому пространству, в котором при выражении тематического компонента актуализируется другое лицо. Проиллюстрируем это положение примерами. Так, в основу сюжета первой новеллы Эдгара По «Убийство на улице Морг», которую А. Адамов называет гениальным открытием писателя [Адамов 1980: 80], положено загадочное, страшное преступление. Весь короткий рассказ направлен на разгадку тайны опасного преступления. Шевалье Дюпен произносит свой монолог – убеждение, будучи уверенным в том, что матрос был свидетелем страшного убийства:

«Мы ничего плохого вам не сделаем, поверьте. Даю вам слово француза и порядочного человека: у нас самые добрые намерения. Мне хорошо известно, что вы не виновны в этих ужасах на улице Морг. Но не станете же вы утверждать, будто вы здесь совершенно ни при чем. Как видите, многое мне уже известно... В общем, положение мне ясно... [По 1993 : 112].

Второй пример из рассказа С. Кржижановского «В зрачке»:

«Я не виноват, если конец подстерег ее меж днем и ночью, в тусклом бреге. Виновата она, не история, а та она, «да» которой я так долго и страстно ждал».

В приведенных примерах повествователь актуализует себя посредством местоимения 1-го лица с тем, чтобы предоставить читателю доступ к объекту повествования («истории»), который также манифестируется в качестве темы высказывания.

Когда адресат художественного текста призван, по мнению автора, воспринять точку зрения некоторого персонажа, данный персонаж всегда выражается в качестве тематического компонента высказывания, поскольку на уровне своего воображения автор в этом случае идентифицирует себя с этим персонажем. Другими словами, тематический статус персонажа обладает эгоцентрической мотивацией.

● **Гештальтная природа восприятия, т.е. фигура против основания.**

Из указанных сущностей фигура в качестве тенденции своего употребления занимает в тексте такую позицию, чтобы привлечь читательское внимание. В метафорическом смысле фигура представляет собой концептуально подвижную сущность, перспективы движения которой воспринимаются как изменчивые, непостоянные, однако отличающуюся уместностью употребления. Основание – это референциальная сущность, проявляющая константные характеристики в аспекте референциальной рамке повествования, по отношению к которой характеризуется перспектива движения фигуры [Гусаренко 2009 : 127-130; Ищенко 2003 : 114]. В общем, фигуру легче воспринимать в качестве тематического компонента высказывания, чем основание или референциальную рамку повествования.

Так, языковые средства выражения личностей персонажей (сущностей, которые репрезентируются в тексте как активные) легче воспринимаются читателем в качестве темы высказывания, чем характеристики персонажей (сущности, которые представляются в тексте как пассивные). Индивидуализированные сущности (конкретные, определенные, уникальные в своем роде, исчисляемые) более проявляют текстовую способность привлекать читательское внимание, чем их противоположности.

В высшей степени индивидуализированный референт в процессе интерпретации может проявлять такие характеристики, как меньшая подвижность, небольшие размеры, геометрическая простота, более позднее – по сравнению с другими референтами – появление на сцене повествования, а следовательно, и более поздняя актуализация в когнитивном сознании читателя.

В связи с этим, указанный тип референта легче воспринимается читателем в качестве тематического компонента высказывания, чем обозначения пространства или целые пропозиции.

● **Комбинирование формальных и концептуальных показателей.**

Инициальная позиция в рамках художественного высказывания с когнитивной точки зрения воспринимается как значимая в смысловом отношении. Персонаж, упоминаемый в начальной позиции высказывания, закладывает ментальные основания нарратива и должен располагаться в зоне доступности в целях построения когерентной текстовой структуры. Указанное читательское ожидание априорно моделирует начальную позицию как мощный смысловой показатель.

В данном случае срабатывает следующая закономерность: первый референт А в дискурсивном сегменте Б идентифицируется как тема сегмента Б. Указанные выше факторы непосредственно определяют типы референтов, которые без особого труда воспринимаются читателем в качестве тематических компонентов высказывания.

Указанные выше факторы предполагают, что адресат текста рассматривает определенные типы референтов как возможные темы художественных высказываний в рамках связного текста. Вместе с тем, автор контролирует процесс моделирования дискурсивной топикальности и имеет потенциальную возможность избирать в качестве тематического компонента практически любое разнообразие сущностей.

К концептуальным возможностям автора в процессе моделирования тематических компонентов текста можно отнести следующие:

● в художественном повествовании автор, как правило, реализует свою заинтересованность в выборе содержания, которое соотносится с той или иной сущностью (персонажем): чем больше читатель узнает об этой сущности или – метафорически выражаясь – чем большим весом эта сущность обладает в когнитивной памяти читателя, тем более индивидуализированной она предстает в тексте [Заика 2006 : 237–240].

Для автора говорить о персонаже – это способ актуализировать свою заинтересованность в этом персонаже, а следовательно, и читательские ожидания, что языковые средства выражения этого персонажа в тексте являются тематическим компонентом художественного высказывания, хотя эти ожидания не всегда оправдываются:

● автор имеет возможность организовывать повествование с точки зрения одного из персонажей (часто наблюдается в новеллах Э. А. По);

• автор имеет возможность беспрерывно активировать в когнитивном сознании читателя некий референт, таким образом поддерживать его референциальную частотность. Например, референт **пальцы** в рассказе С. Кржижановского «Сбежавшие пальцы».

«Встряхнувшись, пальцы расправили затекшие суставы и попробовали вытянуться во всю длину на жестком ложе... Подпрыгнув раз и другой кверху, ударившись о крышку короба, пальцы осторожно просунулись наружу и сели на влажном скосе церковной кружки... Как ни необычна была ситуация, многолетняя выгранная в пальцы привычка к полуторачасовым утренним экзерсисам заставила их взобраться на карниз церкви и проделать методический гаммообразный бег... Кончив упражнения, пальцы спрыгнули вниз на кружку и стали грезить о близком, но оторванном прочь прошлом: ... вот они лежат в тепле под атласом одеяла; утреннее купание в мыльной теплой воде; затем прислуживающие пальцы левой руки одевают их в замшевую перчатку, защелкивают кнопки, Дорн бережно несет их, положив в карман теплого пальто. Вдруг... замша сдернута, чьи-то тонкие душистые ноготки, чуть дрогнув, коснулись их. Пальцы страстно притиснулись к розовым ноготкам и... И вдруг чья-то корявая, с желтыми грязными ногтями рука столкнула размечтавшиеся пальцы со скоса кружки...»

На протяжении всего художественного повествования референт «пальцы» в рассказе С. Кржижановского «Сбежавшие пальцы» актуализуется 91 раз (на 7 страницах текста). Данный референт предстает темой связанных высказываний (как дискурсивной, так и глобальной). Подобный статус анализируемый референт приобретает в связи с беспрерывной активацией в когнитивном сознании читателя, референциальной частотностью. Этот статус референта «пальцы» полностью контролируется автором художественного повествования, а поэтому он становится свидетельством моделируемой в тексте темы.

При этом один и тот же референт предполагает разнообразные номинации, подчеркивающие его характеристики в зависимости от ситуаций, в которых оказывается референт (*сбежавшие, холеные, белые, оторвавшиеся, продрогшие, улепетывающие, гонимые лаем и гиком, пальцы, они, суставы, мизинец, указательный, безымянный, убегавшая пятинежка, измученные, малые, замученные, неподвижно лежащие оторвыши*). Многие из данных номинаций, подчеркивая состояние референта в той или иной ситуации, прямо или косвенно выражают авторское отношение к референту. Другими словами, анализируемый референт можно также рассматривать в качестве ситуационной темы повествования.

Вместе с тем, процесс поддержания когнитивного внимания читателя к теме художественного высказывания зависит от иерархической структуры моделируемого при этом художественного дискурса. Так, в приведенных примерах задействуется два различных способа поддержания когнитивного внимания читателя:

• тема абзаца поддерживается в статусе тематического компонента через бесперебойную активацию в каждом высказывании абзаца, что, в свою очередь, предопределено двумя основными требованиями к определению темы: интеграцией и особой заинтересованностью автора, которые реализуются в том, что в большинстве высказываний тема предстает субъектом действия;

• референция на глобальную тему в рамках всего художественного текста реализуется не последовательно и не частотно (в этом случае глобальная тема для конкретных высказываний оказывается удаленной).

В свете последнего положения глобальной темой в рассказе С. Кржижановского предстает ее главный персонаж – пианист Генрих Дорн, от которого во время концерта убежали пальцы, а в новелле Эдгара По – сыщик Дюпен, который хитростью и убеждением добивается признания матроса. В частности, данная глобальная тема является удаленной для фрагмента текста, представленного в примерах. Введенный однажды в ментальные репрезентации читателя, указанный тип темы впоследствии учитывается читателем, который начинает понимать, что эта тема косвенно соотносится с конкретным художественным высказыванием. На протяжении всего художественного повествования глобальная тема занимает полуактивную позицию, что непосредственно отражается в различных формальных показателях, особенно в процессе кодирования значимости этой темы для конкретного высказывания. Повторное введение или реактивация глобальной темы осуществляется в последующем художественном изложении «более мягким» ее кодированием, использованием новых (неактивных и зачастую неявно выраженных) референтов.

Например, в рассказе С. Кржижановского реактивация глобальной темы «пианист Генрих Дорн» осуществляется за счет того, что сбежавшие от пианиста пальцы:

• размышляют о ситуации, в которой они оказались, отражая образ жизни своего хозяина (они говорят о ситуации так, как сказал бы о ней их обладатель, ведут себя точно также). Ср.:

«Теперь, очутившись на липком и холодном асфальте площади, ступая по плевкам и жиже луж, пальцы сразу поняли все безумие и экстравагантность своей выходки»; на утро после побега:

«Как ни необычна была ситуация, многолетняя выгранная в пальцы привычка к полутора-часовым утренним эзерсисам заставила их взобраться на карниз церкви и проделать методический гаммообразный бег от края до края, справа налево и слева направо, пока тепло и гибкость не вошли в суставы. Кончив упражнения, пальцы прыгнули вниз на кружку, и, сев поперек ее отверстия, стали грезить о близком, но оторванном прочь прошлом: ... вот они лежат в тепле под атласом одеяла; утреннее купание в мыльной теплой воде; а там приятная прогулка по мягко поддающимся клавишам...»;

пальцы убегают от преследователей:

«Только необычайная пианистическая беглость спасала улетывающие пальцы... они бежали с быстротой бетховенской Appassionat'ы...»;

• отражают портретные характеристики и манеру ходьбы своего обладателя. Например:

«Пальцы, макая свою белую и тонкую кожу в лужи канавы, медленно побрели, то спотыкаясь, то скользя, вдоль мостовой»;

• в тех или иных «нелицеприятных» ситуациях проявляют ту же реакцию, которую проявил бы и их обладатель. Ср.:

«Внезапно из тумана прогрохотал колесный обод: расивыряв комья грязи, прокружил прочь. Пальцы еле успели увернуться: брезгливо отряхивая вонючие брызги, они взобрались на дрожащих и подгибающихся от волнения и устали фалангах по скосу тротуара и шли вдоль домов...»;

• чувствуют те же болезненные симптомы, что и их обладатель (возможно, после концерта). Например:

«Суставы ревматически ныли; в обломанных и потрескавшихся ногтях зуд; мизинец распух, и тонкий обруч кольца глубоко врезался в кожу».

На уровне конкретного художественного высказывания выделенные выше характеристики и действия моделируют ревматический компонент (рему высказывания). На уровне целостного текста данные характеристики и действия следует рассматривать в качестве формальных показателей авторского намерения поддержать когнитивное внимание читателя к глобальной теме текста. Эти компоненты высказывания предстают неактивной темой, поскольку отражают имманентные свойства глобальной (удаленной) темы.

При движении от конкретного к глобальному уровню текста тема бесперебойно кодируется в рему. За счет ремо-тематического синкретизма автор имеет возможность сообщать информацию о глобальной теме текста через дискурсивную тему связанных высказываний, которую на уровне отдельно взятого абзаца можно также воспринимать как глобальную тему.

В результате автор актуализует как когнитивное сознание читателя, так и его воображение: ревматические компоненты отдельно взятых высказываний расширяют концептуальную структуру глобального тематически маркированного объекта повествования, моделируемый в воображении читателя концепт акцентирует значение онтологической нераздельности внешних характеристик и внутренней жизни главного персонажа. Таким образом, автор и читатель активно участвуют в процессе моделирования и интерпретации текстового пространства, точки зрения, порождаемой внутри художественного текста.

Список литературы

1. Адамов А. Г. Мой любимый жанр – детектив. М. : Сов. писатель, 1980. 312 с.
2. Берестнев Г. И. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 60–84.
3. Гусаренко С. В. Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2009. 441 с.
4. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи. В. Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. 407 с.
5. Ищенко Е. Н. Интерпретация: структура, эпистемологический статус и основания : монография // Современная эпистемология и гуманитарное познание. Воронеж : ВГУ, 2003. С. 111–138.
6. Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов. М. : Гудьял-Пресс, 2000. 560 с.
7. По Э. А. Убийство на улице Морг // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Пресса, 1993. С. 85–116.
8. Croft W. Typology and Universals. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 298 p.

Сведения об авторе:

Скнар Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры русской речи Ростовского государственного медицинского университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Шевченко Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры русской речи Ростовского государственного медицинского университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

О. С. Чупрунова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

O. S. Chuprunova

Penza State University, Penza, Russia

ANALYSIS OF THE SEMANTICS OF THE SENTENCE IN THE LINGUODIDACTIC ASPECT

Аннотация. Рассматривается понятие семантики, исследуются компоненты, формирующие семантику предложения, а также приводятся наиболее эффективные виды работы с предложениями, имеющими «полипропозитивную» структуру, с целью предотвращения синтаксической неоднозначности, приводящей к ошибкам в письменной речи специалистов.

Ключевые слова: внутренняя семантика, внешняя семантика, пропозиция, синтаксическая неоднозначность, интерпретация

Abstract. The article discusses the concept of semantics, examines the components that form the semantics of a sentence, and also provides the most effective types of work with sentences that have a "polypropositive" structure in order to prevent syntactic ambiguity leading to errors in the written speech of specialists.

Keywords: internal semantics, external semantics, proposition, syntactic ambiguity, interpretation

До середины 60-х гг. XX века развивалась преимущественно лексическая семантика. Это вполне соответствовало тому положению, которое занимало слово в представлениях лингвистов. Вспомним знаменитое изречение Ф. де Соссюра: «...слово есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка» [Цит. по. Виноградов 1986 : 19]. Однако примерно в это же время появляется интерес к семантике предложения. Как мы знаем, основная функция языка – коммуникативная, поэтому именно предложение способно служить инструментом осуществления коммуникативных актов. Только предложение обладает свойством выражать суждение о чем-либо, которое, будучи соотнесено с действительностью, может быть оценено как истинное или ложное. Слово выступает лишь строительным материалом предложения.

Выдвижение семантики на первое место в лингвистических исследованиях и осознание центрального места предложения в функционировании языка как средства общения привели в конце 60-х – 70-х гг. к тому, что впоследствии было названо «штурмом семантики предложения» [Кобозева 2000 : 199].

Как отмечает С. Е. Кузьмина, «в современной лингвистике известны различные концепции семантики предложения, исходящие из разных теоретических посылок и предлагающие разную терминологию. В их числе, например, генеративная (порождающая) семантика Дж. Лакоффа, Дж. МакКоли, П. Постала и др.; интерпретирующая семантика, или «расширенная стандартная теория» Н. Хомского, Дж. Катца и Дж. Фодора; падежная грамматика Ч. Филлмора, Дж. Грубера, У. Чейфа, Дж. Андерсона, Р. Джэкендоффа и др.; фреймовая семантика Ч. Филлмора; процедурная (компьютерная) семантика Р. Шенка, П. Саппса. Многочисленные модели семантики предложения, в том числе модели, основывающиеся на понятиях математической (предикатной) логики, падежной грамматики, фреймовой семантики и других направлений в лингвистике, были предложены и отечественными учеными – Ю. Д. Апресяном, В. В. Богдановым, В. Г. Гаком, Г. А. Золотовой, И. А. Мельчуком, А. М. Мухиным, С. Д. Кацнельсоном, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, И. П. Распоповым, И. П. Сусовым, Н. Ю. Шведовой и другими» [Кузьмина 2009 : 92].

По определению Н. Ю. Шведовой, «семантическая структура предложения – это абстрактное языковое значение, представляющее собой отношение семантических компонентов, формирующееся взаимным действием грамматических и лексических средств выражения» [Шведова 1990, 2 : 124].

Ю. А. Левицкий выделяет компоненты семантики предложения: «Поскольку в состав предложения входят не просто слова, а словоформы, можно считать, что семантика предложения складывается из двух «слоев», двух компонентов или аспектов: семантики собственно слов (лексем), входящих в состав предложения, и семантики грамматических форм этих слов (словоформ). При этом первый (семантический) и второй (структурный) планы совершенно независимы друг от друга» [Левицкий 2009: 102].

По мнению Ю. А. Левицкого, «Семантика словоформ связана с синтаксическими позициями, которые слова занимают в предложении, и определяется через систему внутренних связей предложения; семантика лексем связывает его с миром предметов и явлений, внешних по отношению к предложению, поэтому два компонента семантики можно соответственно обозначить как внутреннюю (грамматическую) и внешнюю (лексическую) семантику предложения» [Левицкий 2002: 66].

В аспекте лексической, или внешней, семантики предложение представляет собой обозначение (наименование) некоторого события или ситуации.

Так, одна и та же ситуация действительности может отображаться в языке разными предложениями, которые рассматривают эту ситуацию с различных сторон и воспроизводят ее по-своему. Это связано с тем, что при языковом выражении события мы его по-своему интерпретируем, вычленим значимые для нас в этом событии действующие лица и отношение, их связывающее. При этом «мы сталкиваемся с определенными ограничениями, налагаемыми структурой предложения, а в более широком смысле – линейностью речи. Линейность речи и двусоставность предложения заставляют нас выбирать в качестве подлежащего *только одного* из ... участников события, но при этом – *любого*» [Левицкий 2002: 108].

Простые по *грамматической* структуре предложения не обязательно являются простыми с точки зрения внешней семантики, т.е. не обязательно передают одну элементарную ситуацию. Иными словами, предложения, имеющие «монопредикативную» структуру, могут обладать как «монопропозитивной», так и «полипропозитивной» структурой. Это связано с различными допустимыми способами выражения пропозиции.

В. А. Белошапкина под пропозицией понимает «модель называемого предложением “положения дел”, как объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, какую придает ему та или иная формальная организация предложения» [Белошапкина 1989 : 481].

Как справедливо отмечают исследователи, каждая ситуация действительности не отображается однозначно в ту или иную пропозицию. «Ситуация действительности – это элемент не дискретного человеческого опыта, а пропозиция – это результат интерпретации, или концептуализации человеком этого не дискретного опыта, выделения в нем определенного количества тех или иных дискретных элементов, подведение их под определенные понятийные категории» [Кобозева 2000 : 248].

Итак, мы подошли к понятию интерпретации. Предложение может иметь определенную грамматическую структуру, но быть синтаксически неоднозначным, т.е. обладать несколькими смыслами одновременно. При этом, как отмечает О. В. Барабаш, «в определенных случаях даже грамматически правильное предложение может демонстрировать возможность вариативного толкования – как с точки зрения структуры предложения и расстановки зависимостей его членов, так и с точки зрения смысла, выражаемого высказыванием» [Барабаш 2021 : 98]. Так, например, читатель может по-разному интерпретировать предложение «*Сын Дубровского был добрым и милосердным, он бросил все и приехал к отцу, когда ему было плохо*» (из школьного сочинения). Неясно, кто себя плохо чувствовал: Дубровский-младший или Дубровский-старший. Местоимение «ему» указывает сразу на двух героев. Разрешить неоднозначность сможет тот, кто знаком с произведением «Дубровский» А. С. Пушкина.

Следует признать, что для успеха в профессиональной сфере современному специалисту необходимо в совершенстве владеть навыками культуры профессиональной речи. Одной из приоритетных задач образования становится подготовка специалистов, обладающих необходимыми знаниями и способностями, умеющих пользоваться всеми средствами языка, то есть готовых к будущей профессиональной деятельности.

Двойственность смыслов или так называемая синтаксическая неоднозначность – это ошибка в построении предложений, так как коммуникативная задача считается выполненной, когда коммуниканты понимают друг друга (за исключением случаев, когда неоднозначность несет определенную функцию – привлечь внимание читателя, запутать его, заставить его задуматься в прочитанное). Если предложение синтаксически неоднозначно, то коммуникация пройдет неудачно.

Как отмечает Л. А. Шестак, «современное многостороннее описание предложения включает в себя 12 аспектов: логико-грамматический, номинативный, предикативный, пропозициональный (референциальный и модальный), коммуникативный (актуализирующий), стилистический, эмоционально-экспрессивный, структурный, семантический, функциональный, прагматический (иллюку-

тивный), психолингвистический, социологический и некоторые др.» [Шестак 2014 : 81]. Эти взгляды на предложение как единицу синтаксиса в ряде случаев сформировали отдельные направления современной синтаксической науки (семантический и коммуникативный аспекты).

Представленная последовательность выделения аспектов предложения не единственная в современном синтаксисе. В учебной и справочной литературе встречается не только их иная последовательность (структура – эмоциональность – коммуникативные акценты), но и разное выделение количества аспектов. Так, в «Грамматике-70» их два: структурный и коммуникативный. В «Грамматике-80» – три: структурный, коммуникативный, семантический, а в «Краткой русской грамматике» 1989 г. – шесть. В. В. Бабайцева как основные аспекты выделяет структурный и семантический, а внутри содержательного – логический, семантический и коммуникативный. В логический аспект она включает не только собственно логический, но и функциональный, и семантический [Бабайцева 2008 : 294–296].

Можно заметить, что семантический аспект предложения в школьной программе практически не рассматривается. Это связано с тем, что школьной программой должным образом не предусмотрено изучение предложения с точки зрения синтаксической неоднозначности и семантики предложения. Школьная схема разбора предложения выделяет тип по цели высказывания, тип по эмоциональной окрашенности и, конечно, структурный. В дидактическую модель аспектного описания предложения высшей школы (для нефилологических специальностей) также включены далеко не все аспекты изучения предложения. В то же время следует обучать будущих специалистов (как школьников, так и студентов колледжей, высших учебных заведений) составлять предложения, не допускающие синтаксической неоднозначности.

К наиболее значимым элементам деятельности, обозначаемой как «работа над текстом», в лингводидактике чаще всего относят:

– анализ образцовых текстов с определенной точки зрения («понятийно-направленный анализ» – О. М. Казарцева);

– приемы трансформации текстов (изменение расположения слов в предложении или же изменение формулировки предложения в целом, вставка или исключение компонентов высказывания, замена местоимений существительными);

– редактирование и корректуру «отрицательного языкового материала» (Н. М. Шанский);

– воспроизведение собственного текста по заданному образцу и заданным параметрам;

– продуцирование, создание, конструирование текста.

Полагаем, что формирование у обучающихся умения видеть структуру предложения и оценивать возможные варианты его интерпретации будет способствовать предотвращению синтаксической неоднозначности, приводящей к ошибкам в письменной речи будущих специалистов.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Николина Н. А., Чеснокова Л. Д. [и др.]. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. 3-е изд. М., 2008. 624 с. URL: <https://sci.house/yazyik-russkiy-scibook/sovremennyiy-russkiy-yazyik-teoriya-analiz.html> (дата обращения: 29.04.2023).
2. Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык : учебник / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989. С. 363–552. URL: http://lib.yu.am/open_books/143459.pdf (дата обращения: 28.04.2023).
3. Барабаш О. В. Синтаксическая неоднозначность в тексте правовых документов // Управлению Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области – 30 лет : сб. материалов / под ред. Е. Н. Демидовой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 98–104.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986. URL: <https://vk.com/doc483377913625315578?hash=T8jUc6w8UH7USKZokmxgHfOTzVI2NphOgl2JmztCasL&dl=DigyntHBJ2aHLLAwRH1xuwDqO4bSLXT68SzpFbJn360> (дата обращения: 26.04.2023).
5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с. URL: https://vk.com/doc71202324_658013577?hash=vQpgpLpm5JUaPps5jttLRYtwOL74zNzmrIvq4CZWyJ4&dl=MCSPoT7NfEHfznlPSHKA82WqNIZD5gbdZF3SMqDCnpx (дата обращения: 25.04.2023).
6. Кузьмина С. Е. Исследование семантики предложения в концептуальном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-semantiki-predlozheniya-v-kontseptualnom-aspekte> (дата обращения: 25.04.2023).
7. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 236 с.
8. Левицкий Ю. А. Проблемы лингвистической семантики. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
9. Шестак Л. А. Аспекты описания предложения / Л. А. Шестак // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-opisaniya-predlozheniya> (дата обращения: 30.04.2023).
10. Шведова Н. Ю. Русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1990. Т. 2. 639 с. URL: <https://vk.com/doc>

1384871_365838292?hash=ozDR5GjplN4BRRBE90Llppqd7qaLNwe4ZBXifezT17z&dl=gOTkqxBEXB4Wa7GPf
q04bkFxVdUWFTpKaGzgBfK2Qoz (дата обращения: 26.04.2023).

Сведения об авторе:

Чупрунова Оксана Сергеевна, магистрант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ с. Вазерки имени В. М. Покровского, г. Пенза, Россия.

НАПРАВЛЕНИЕ 3

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РУСИСТИКЕ И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

А. Ю. Боровая¹, С. С. Богомолова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ВИДЕОКУРС КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

A. Y. Borovaya¹, S. S. Bogomolova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

VIDEO COURSE AS A MEANS OF TEACHING THE TYPES OF SPEECH ACTIVITY IN THE CLASSROOM OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы обучения видам речевой деятельности, которые представлены в видеокурсе «Читаем и говорим о современной медицине». Особое внимание уделено обучению элементам конспектирования текста. Показаны особенности методики работы с видеоматериалами, которые способствуют развитию навыков профессионально ориентированной речи на уроках русского языка как иностранного.

Ключевые слова: процесс обучения, научная речь, медицинская специальность, речевая деятельность, видеокурс, видеоматериалы

Abstract. The article considers the issues of teaching the types of speech activity, which are presented in the video course "Reading and talking about modern medicine." Particular attention is paid to teaching note-taking. The article introduces the methods of working with video materials, which contribute to the development of skills of professionally oriented speech in the lessons of Russian as a foreign language.

Keywords: learning process, scientific speech, medical specialty, speech activity, video course, video materials

За последнее время Россия уверенно набирает свой научный и культурный потенциал, развивает новые направления. Сегодня русский язык дает не просто возможность получить знания, но и знакомит иностранных студентов с русской ментальностью и русской картиной мира, научными достижениями, что особенно важно. Количество иностранных студентов в вузах, желающих получить высшее образование в России, а также познакомиться с нашей страной и культурой, неуклонно растет. Многие студенты выбирают обучение при помощи языка-посредника, что обуславливает выбор различных методов и подходов в преподавании русского языка как иностранного. Для иностранных студентов медицинских факультетов особенно важным представляется прохождение

практики, к началу которой у них необходимо сформировать на определенном уровне навыки профессионально-ориентированной речи, возможность вступить в коммуникацию в профессиональной сфере, а также дать возможность познакомиться с новыми достижениями российских ученых в различных сферах. Успешно реализовать поставленные цели возможно при правильном выборе методов и средств обучения. Эффективным средством в процессе обучения русскому языку как иностранному является использование видеоматериалов. Стоит отметить, что демонстрация видеокурсов или видеофильмов, видеопрограмм, видеофрагментов давно стала неотъемлемой частью процесса обучения. В условиях недавней пандемии коронавируса, онлайн-обучение изменило образовательный процесс, внесло свои коррективы, плюсы и минусы. Анализируя результаты использования различных технологий, видеоматериалов, демонстраций и т.п., можно сделать некоторые выводы. Конечно, личность преподавателя в аудитории невозможно заменить, но использование различных видеоматериалов помогает осваивать язык и является привычным способом для студентов. Так, например, многие студенты на родине начинали изучать русский язык при помощи видеокурсов и достигали определенных успехов. Предлагая для обучения видеокурс, необходимо учитывать, что демонстрация видеоматериалов должна быть направлена на достижение учебных целей и определенным способом организована. Применение разнообразных видеоматериалов в процессе изучения иностранного языка и наличие большого количества видеокурсов требуют определенной методики работы, которая все еще остается недостаточно разработанной. Использование отобранных текстов, заданий, видеороликов способствует развитию и совершенствованию коммуникативных компетенций, а конкретно всех видов речевой деятельности в условиях профессионально-ориентированного общения.

Авторами был создан видеокурс «Читаем и говорим о современной медицине» как дополнение к основному учебному пособию по русскому языку (научному стилю речи) для иностранных студентов-медиков, обучающихся при помощи языка-посредника. Видеокурс не только активизирует коммуникативные компетенции в условиях профессионального общения, но и знакомит с интересными научными событиями в русской медицине. Особое внимание уделяется таким видам речевой деятельности, как чтение, аудирование и говорение.

Необходимо обозначить структуру видеокурса. Весь курс состоит из 6 уроков, включающих презентации, тексты и задания, видеоролики. Тексты, отобранные для прослушивания, содержат информацию об инновациях в медицине, например, применение кибер-ножа врачами-онкологами, использование лазерного «шприца» для определения уровня глюкозы в крови, изобретение и использование особых сердечных клапанов и т.д. Задания для притекстовой и предтекстовой работы направлены на снятие лексико-грамматических трудностей, отработку речевых навыков. Все тексты сопровождаются презентациями или видеороликами, дополняющими услышанную информацию.

В учебном процессе аудирование требует от студента понимания иноязычного текстового материала, удержание смысла, услышанного и анализ его. Основным источником информации по специальности для студента являются учебная и научная литература, а также лекции. Для студентов, обучающихся при помощи языка-посредника, вся литература предоставляется на языке-посреднике, но практическая деятельность неизменно проходит с использованием русского языка.

Навыки понимания прочитанного текст важны. Обучаясь в университете, студент неизбежно сталкивается с письменными образцами. Конечно, чтение связано с аудированием, потому что в основе этих двух видов деятельности лежит перцептивно-мыслительная деятельность. Она основана на анализе, синтезе и восприятии текста. Используя чтение в видеокурсе, авторы стремились к тому, чтобы учащиеся умели как можно полно и точно понять сообщаемую в тексте информацию, могли самостоятельно найти эту информацию, а иногда интуитивно понять общее содержание и основные факты. При чтении очень важно подобрать такой текст, который не только максимально стимулировал языковую деятельность учащихся, но и соответствовал их будущим профессиональным интересам. Такие тексты в нашем видеокурсе связаны с современными открытиями в медицине на территории нашей страны. Работа с текстом предполагает 3 этапа: предтекстовый (анализ языковых единиц, структурных материалов), текстовый (извлечение информации), послетекстовый (выявление основных смысловых частей текста и подготовка к монологическому высказыванию)

Безусловно, при чтении зрительное восприятие текста помогает учащимся: к прочитанной информации всегда можно вернуться или проверить себя. Но есть факты, которые усложняют чтение, например, наличие более сложных фраз, отсутствие пауз и интонации.

Итак, чтение интересных текстов возможно, если читающий понимает смысл текста, усваивает его формальную сторону. Тогда главная задача чтения – получение информации – будет достигнута.

Процесс мыслительной переработки необходимой информации требует фиксации, а значит, необходимо обучить студента элементам конспектирования, как на основе слушания, так и на основе чтения.

Как известно, конспектирование – это особый вид текста, который создается в результате аналитической переработки информации звучащей или письменной речи. Успешность обучения конспектированию зависит от психологических механизмов, к которым методисты относят механизмы оперативной, кратковременной и долговременной памяти, механизм вероятностного прогнозирования, механизм осмысления. Задания, которые предлагаются в видеокурсе, направлены на развитие умения проанализировать и переработать полученную информацию, определить и выделить главную и второстепенную информацию, трансформировать ее, зафиксировать в удобном для себя виде. Хотелось бы отдельно остановиться на возможных вариантах фиксации полученной информации, которые используются в видеокурсе. Мы предлагаем фиксировать информацию в виде заполнения таблиц, схем, граф-схем. Такой тип фиксации оказался наиболее удобным и понятным для студентов. Для видеокурса были подобраны тексты, которые сопровождаются видеороликами и презентациями. Каждый урок предлагает задания для снятия лексико-грамматических трудностей, для развития навыков вычленения главной информации, а также для сокращенной записи информации. Разработана и предложена система заданий, обучающая умению записывать сжатую информацию при помощи сокращений, условных обозначений, символов и знаков. Учитывая сложность подобных заданий, студентам предлагается готовая таблица или граф-схема, которую необходимо заполнить в процессе прослушивания текста. Безусловно, наиболее сложным остается задание воспроизвести полученную информацию с опорой на заполненную таблицу или граф-схему. Для более детальной и четкой актуализации полученной информации студентам предлагается ответить на вопросы, которые составлены к информации текста.

Таким образом, для организации учебного процесса важным является вопрос о соотношении видов речевой деятельности. Хочется отметить, что навыки и умения, полученные учащимися при обучении конспектированию на начальном и среднем этапах, в дальнейшем будут востребованы на продвинутых этапах овладения РКИ при написании и составлении рефератов, аннотаций, тезисов, докладов, научных статей и диссертаций.

Список литературы

1. Вегвари В. Новые технологии в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 54–58.
2. Кутузова Г. И. Видеофильм как компонент мультимедийной технологии обучения на основе принципа междисциплинарных связей // Предвузовская подготовка иностранных студентов в СПбГПУ / под ред. Д. Г. Арсеньевой, О. В. Дороховой, А. И. Сурыгина. Вып. 3. СПб., 2005. С. 142–159. Проблемы обучения иностранных студентов.
3. Ливер Б. Адаптация процесса преподавания к учащимся // Русский язык за рубежом. 2001. № 1. С. 56–64.
4. Малеева В. Е. Лингвистическая прагматика в содержании обучения русскому языку как иностранному. // Русский язык за рубежом. 2000. № 2. С. 56–63.
5. Писаренко В. И. Педагогический алгоритм работы с видеоматериалами // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы. 2003. Вып. 1 (13). С. 77–83.

Сведения об авторах:

Боровая Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Богомолова Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Н. В. Загуменникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

N. V. Zagumennikova

Penza State University, Penza, Russia

INTEGRATION OF DIGITAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются возможности интеграции цифровых и педагогических технологий в обучении русскому языку как иностранному. Представлены этапы реализации педагогических технологий посредством цифровых технологий. Выявлены трудности при интеграции цифровых и педагогических технологий в обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: цифровые технологии, педагогические технологии, русский язык как иностранный, проектная технология, обучение в сотрудничестве

Abstract. The article discusses the possibilities of integrating digital and pedagogical technologies in teaching Russian as a foreign language. The stages of the implementation of pedagogical technologies through digital technologies are presented. Difficulties in integrating digital and pedagogical technologies in teaching Russian as a foreign language are revealed.

Keywords: digital technologies, pedagogical technologies, Russian as a foreign language, project technology, learning in cooperation

В настоящее время в образовательную практику прочно вошли различные педагогические технологии: обучение в сотрудничестве, проектная, игровые и проблемные технологии. Активное использование инновационных способов обучения позволяет решать задачи, которые стоят перед образованием на современном этапе: формирование личности с творческим критическим мышлением, способной быстро адаптироваться в социуме и решать практические вопросы. Другой тенденцией является повсеместное внедрение цифровых технологий (ЦТ) в процесс обучения. «Новые педагогические технологии немислимы без широкого применения новых информационных технологий. Именно новые информационные технологии позволяют в полной мере раскрыть педагогические, дидактические функции этих методов, реализовать заложенные в них потенциальные возможности» [Полат 2008 : 10].

Возможности интеграции цифровых и педагогических технологий в обучении иностранному языку, в том числе русскому языку как иностранному (РКИ), рассматривались в работах Е. С. Полат, А. В. Тряпельникова, И. В. Нефедова, И. Ю. Гавриковой, С. А. Хуссеина. Так, А. В. Тряпельников исследует методологические аспекты процесса интеграции компьютерных и педагогических технологий в обучении РКИ [Тряпельников 2014]. И. В. Нефедов отмечает, что «применение М-learning и видеоконтента в рамках метода проектов максимально повышает эффективность обучения РКИ, позволяет реализовать креативный личностный потенциал, делает образовательный процесс студентоориентированным» [Нефедов 2018 : 178]. И. Ю. Гаврикова обращает внимание на то, что проектная деятельность выводит студентов не только на повторение лексико-грамматического материала, но и в активную коммуникацию, а использование современных информационных технологий повышает мотивацию обучающихся [Гаврикова 2015 : 177]. С. А. Хуссеин подчеркивает, что педагогические технологии позволяют «уравнять всех членов проектной группы, независимо от их уровня владения изучаемым языком и вывести обучаемого на новый этап познания и коммуникаций» [Хуссеин 2017 : 47].

Центральный термин данной статьи «педагогическая технология» довольно прочно вошел в понятийный аппарат педагогики. В литературе можно встретить различные определения.

Так, В. П. Беспалько считает, что педагогическая технология – «систематичное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного учебного процесса» [Беспалько 1989 : 6].

Б. С. Гершунский под педагогической технологией понимает все последовательно проводимые учебно-воспитательные мероприятия [Гершунский 428 : 21].

Е. С. Полат следующим образом раскрывает термин педагогическая технология: «целенаправленное, последовательное описание деятельности учителя и учащихся для достижения поставленных дидактических целей». [Полат 2008 : 10].

Ориентация на личность учащегося, его психологические особенности, на желание общения в процессе обучения, самостоятельность мышления – общие черты различных современных педагогических технологий.

Среди разнообразных педагогических технологий в данном исследовании рассматриваются проектная технология и обучение в сотрудничестве. Этот выбор обусловлен тем, что указанные технологии активно реализуют личностно-ориентированный, коммуникативный и компетентностный подходы, занимающие ведущие позиции в современной методике преподавания русского языка как иностранного.

Обучение в сотрудничестве подразумевает обучение во взаимодействии учащихся, где каждый берет не только личную, но и коллективную ответственность за результат группы. Преподавателем создается творческая групповая деятельность, в результате которой студенты начинают активно общаться на русском языке; обучаемые осознают, что успешность выполнения задания зависит не только от запоминания слов и готовых речевых образцов из учебника, но и от умения анализировать различный лексический и грамматический материал, правильно выражать свои мысли. Особое внимание уделяется социальным аспектам обучения, способам общения между членами группы.

Технология проектного обучения, или проектная технология, трактуется ее основоположником Дж. Дьюи «как способ обучения через делание». В любом задании по данной технологии делается упор на его практическую [Дьюи 1995 : 85]. Проектная технология позволяет обучающимся приобретать знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно и последовательно усложняющихся практических заданий проектов. По мнению Е. С. Полат, такой метод можно использовать на любой ступени обучения [Полат 2008 : 18].

Эти две технологии объединяет самостоятельность выполнения задания, его практическая значимость, активное социальное взаимодействие, смена роли преподавателя, в связи с этим данные технологии будут рассматриваться в нашем исследовании в совокупности.

Термин цифровые технологии (digital technologies) включает разнообразные, недавно появившиеся (облачные, мобильные, смарт-технологии и др.) и ставшие уже традиционными информационно-коммуникационные технологии [Титова 2017 : 3]. ЦТ при реализации педагогических технологий в обучении РКИ выступают инструментом, способствующим решению учебных задач, внося определенную специфику в их воплощение на практике.

Задания в рамках определенной педагогической технологии обычно даются по итогам изучения конкретной темы и носят практическую направленность, поисковый характер. Подобная работа предполагает исследовательскую деятельность с дополнительными источниками информации, возможно, интервьюированием.

Исследователи выделяют различные этапы работы при обучении РКИ в рамках определенной педагогической технологии. Дополнив последовательность действий работы над заданием соответствующими действиями с помощью ЦТ, можно весь учебный процесс представить в следующей таблице (таблица 1). В данном исследовании в качестве примера приведены сервисы Google, использование которых позволяет выполнять разнообразные учебные задачи с возможностью одновременной совместной работы.

Этапы реализации педагогических технологий посредством цифровых технологий в обучении русскому языку как иностранному.

Таблица 1

Этап 1	Деятельность в РКИ 2	Деятельность с помощью ЦТ 3
Работа над темой раздела	Изучение лексики, грамматики, речевых образцов. Аудирование, говорение	Использование Google презентаций, Google форм, учебных и аутентичных роликов с Youtube канала
Планирование	Анализ темы, постановка проблемы и способов ее решения, обозначение источников информации, определение параметров оценки результатов	Фиксация плана и этапов работы в Google документе с правами общего доступа
Исследование	Реализация всех видов речевой деятельности при работе над исследованием (аудирование, говорение, чтение, письмо). Активная коммуникация, интервьюирование на русском языке, рассмотрение и внесение различных вариантов результатов	Поиск информации на русскоязычных сайтах. Фиксация всех этапов исследования в Google документе всеми участниками исследования

1	2	3
Оформление исследования	Письмо	Оформление в виде таблиц, плакатов, рисунков, документов с помощью инструментов Google
Презентация исследования	Представление результатов работы, дискуссия на русском языке	Google презентация
Рефлексия	Обсуждение и анализ результатов на русском языке	Анализ хода работы с помощью функции «показ историй версий» в Google документе. Фиксация выводов

Все обсуждения, письменные и устные, фиксация результатов, а также презентация исследования проходят на русском языке, что способствует развитию коммуникативной компетенции.

Таким образом, ЦТ позволяют реализовать следующие дидактические задачи:

1. Организовать совместную исследовательскую деятельность студентов как внутри одной учебной группы, так и из разных стран.

2. Предоставить быструю консультационную поддержку одновременно всем участникам исследования.

3. Оперативно обмениваться информацией, идеями, планами по интересующим студентов вопросам, темам совместных исследований.

4. Развивать умение извлекать информацию из разных источников и обрабатывать ее с помощью инструментов ЦТ.

5. Реализовать метапредметные цели [Полат 2008].

При этом нельзя не отметить определенные сложности интеграции цифровых и педагогических технологий в обучении РКИ:

- организовать такое обучение на первых этапах достаточно трудно;
- повышенная нагрузка на преподавателя, связанная с подготовкой материалов;
- риск неудачного завершения проекта требует постоянного контроля деятельности студентов со стороны преподавателя и своевременной коррекции в случае необходимости;
- студенты должны быть «приучены» к подобному формату работы, неоднократно в течение года выполнять небольшие проекты, чтобы в итоге прийти к успешному самостоятельно созданному, полноценному проекту;
- несмотря на то, что указанные педагогические технологии активно способствуют развитию различных компетенций, они не готовят напрямую к государственному экзамену, т.к. имеют другой формат;
- так как конечный результат часто представляет собой творческий продукт, то его оценивание не может быть стандартизировано;
- возможны некоторые технические неполадки, способные привести к сбою работы над учебным проектом;
- современные студенты очень много времени проводят с гаджетами, но не всегда обладают достаточной цифровой компетентностью, поэтому зачастую требуется помощь преподавателя в организации деятельности в электронном образовательном пространстве. Студенты нуждаются в подробных инструкциях по созданию и оформлению презентаций, электронных буклетов, плакатов, видеороликов. Соответственно и сам преподаватель должен обладать достаточно высокой цифровой грамотностью.

Для снятия указанных трудностей преподавателю необходимо дополнительно знакомить студентов с необходимой лексикой, учить приемам компрессии текста, обработке информации, правилам работы с современными цифровыми сервисами.

Таким образом, интеграция педагогических технологий и цифровых технологий при обучении РКИ преследует несколько целей: работа с лексико-грамматическим материалом, развитие коммуникативной компетенции, социализация. В то же время современные технологии выполняют не только «техническую» функцию (упрощение поиска и фиксации информации, коммуникации между участниками исследования), но психологическую. Использование мобильного телефона и знакомых студентам программ на занятии может стать дополнительным стимулом при обучении. Проблема мотивации к самостоятельной учебной деятельности учащихся не менее, а может быть, и более важна, чем способ организации, условия и методика работы над заданием. Поэтому совокупное использование педагогических технологий и ЦТ способствует повышению эффективности обучения РКИ. Важно также и то, что при выполнении задания в рамках технологии проекта и обучения в сотрудничестве студенты берут на себя коллективную ответственность и конечный результат строится из вклада каждого участника, а русский язык при подобном формате работы выступает как средство общения.

Список литературы

1. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М., 1989. 192 с.
2. Гаврикова И. Ю. Специфика использования метода проектов при обучении подростков русскому языку как иностранному // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 4. С. 174–178.
3. Гершунский Б. С. Философия образования. М., 1998. 428 с.
4. Дьюи Дж. Моя педагогическая вера // Демократизация образовательного процесса в школе : хрестоматия для учителя / под ред. Г. Б. Корнетова. М. : Наука, 1995. С. 84–96.
5. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2008. 272 с.
6. Нефедов И. В. Видеоконтент и мобильные технологии в проектной деятельности при обучении РКИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 2. С. 168–179.
7. Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении. Теория и практика. М. : Эдитус, 2017. 240 с.
8. Хусsein С. А. Отдельные методы проектного обучения русскому языку как иностранному // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65). С. 46–48.

Сведения об авторе:

Загуменникова Наталия Васильевна, аспирант кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Е. С. Замятина

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулева в г. Пензе, г. Пенза, Россия

**ЭКСКУРСИЯ В ЗООПАРК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

E. S. Zamyatina

Branch of Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Hrulev,
Penza, Russia

**GOING TO THE ZOO AS A MEANS OF FORMING COMMUNICATIVE,
LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE WHILE TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. Рассматривается структура урока-экскурсии в зоопарк и его использование для формирования коммуникативной и лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, коммуникативная компетенция, урок-экскурсия, зоопарк

Abstract. The article discusses the structure of the lesson-excursion to the zoo to form communicative and linguocultural competence.

Keywords: linguoculturological competence, communicative competence, lesson-excursion, zoo

Коммуникативная компетенция понимается как «способность и реальная готовность к общению адекватно целям, сферам и ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию» [Обучение русскому языку в школе 2004: 27]; «комплекс коммуникативных умений, основанных на синтезе лингвистических, культурологических, психологических и социальных знаний» [Галлямова 2008: 22]; «знание языка и умение использовать языковые средства в реальных ситуациях профессионального общения» [Агафонова 2009: 14].

Лингвокультурологическая компетенция определяется как способность понимать культурно-национальную ментальность носителей языка, национальную специфику языковой картины мира, национально-культурный компонент значения языковых единиц, выраженных в культурной семантике языковых знаков [Телия 1993; Дортман 2012]; как система знаний о культуре и культурных ценностях, воплощенных в языке [Башурина 2005; Харченкова 2013]; как совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенных в языке, готовности к аксиологической и семиотической интерпретации языковых и экстралингвистических фактов, а также аналитических и коммуникативных умений, которые приобретаются в процессе знакомства с этнокультурными ценностями и концептосферой страны изучаемого языка [Харченкова 2013]. Ученые находят, что усвоение языковых единиц обучающимися проходит легче, если они осознают культурное содержание данных языковых единиц. Таким образом, формирование лингвокультурологической компетенции помогает формированию коммуникативной компетенции, и несет важную воспитательную функцию, прививая интерес к культуре страны изучаемого языка, в нашем случае – России.

Одним из традиционных и широко распространенных способов формирования лингвокультурологической компетенции являются уроки в форме экскурсии. Экскурсия в данном случае понимается как «форма организации обучения, позволяющая проводить наблюдения, а также изучение различных предметов, явлений и процессов в естественных условиях. В отличие от уроков экскурсии, проводятся вне класса, не имеют строгого ограничения во времени, их способен вести не учитель; может меняться состав учащихся» [Жоджаспирова 2000: 167]. Тем не менее, преподаватель

русского как иностранного в качестве экскурсовода будет лучшим вариантом, чем обычный экскурсовод, поскольку цель учебной экскурсии – не только рассказать о каком-либо месте (например, музее, улице или городе), но и поспособствовать формированию коммуникативной компетенции. Преподаватель лучше знает своих обучающихся, их уровень владения русским языком, и может откорректировать текст экскурсии согласно этому, приспособив для конкретной группы.

Выделяются следующие этапы учебной экскурсии:

1. Предэкскурсионный этап. В него входит изучение лексики и чтение текстов по теме, связанной с экскурсией.

2. Основной этап. Собственно экскурсия.

3. Завершающий этап. Это аудиторное занятие, на котором проверяется прочность усвоения материала экскурсии [Нефедов 2015: 604].

Как правило, в учебный процесс включаются экскурсии по городу, в котором обучающиеся проходят обучение, по музеям и мемориалам. Тем не менее, мы хотим рассказать о значении экскурсии в место, которое обычно не считается культурным объектом – в зоопарк.

На первый взгляд, экскурсия в подобное место не несет воспитательной нагрузки, только развлекательную, особенно учитывая что в зоопарке представлены животные из других стран. Тем не менее, это впечатление обманчиво. Преимущества экскурсии в зоопарк следующие:

1. Тексты, посвященные природе страны изучаемого языка – неотъемлемая часть программы обучения. В зоопарке обучающиеся собственными глазами могут увидеть животных, которые упоминались в этих текстах. Наблюдение за живыми животными куда более увлекательно, чем просмотр фотографий или осмотр чучел животных (например, в краеведческом музее).

2. В зоопарке содержатся не только животные России и конкретно Пензенской области, но и животные, обитающие в других странах, в том числе и родных стран обучающихся.

3. Как следствие п.1 и п.2, обитатели зоопарка вызывают у обучающихся живой интерес, зачастую даже больший, чем культурные экспонаты. Интерес способствует более расслабленной атмосфере общения, что побуждает обучающихся к коммуникации, ослабляя или снимая психологический барьер.

Рассмотрим специфику экскурсии в зоопарк подробнее.

Предэкскурсионный этап. Нет необходимости посвящать отдельный урок подготовке к экскурсии. Необходимая лексика обычно усваивается на подготовительном факультете, в ходе изучения текстов, посвященных России, ее природе и животному миру. Обучающиеся не только узнают о регионе и климате России, но и запоминают названия животных, проживающих в стране изучаемого языка – медведь (белый и бурый), волк, лиса (лисица), заяц, белка, и т.д.

Опыт показывает, что сразу после изучения лексики, касающейся животного мира России, эффективно обратиться к лексике, касающейся животного мира родных стран обучающихся (желательно на этом же уроке). Сначала необходимо обратиться к обучающимся с вопросом «А какие животные живут в вашей стране?». Можно предварить вопросами: «А в вашей стране живут медведи (голуби, вороны, белки, зайцы)?». Обычно обучающиеся не знают названия животных своей родины на русском языке, называя их на английском (французском, испанском, португальском), описывая, показывая жестами, звукоподражанием, или просто рисуя в тетради. Задача преподавателя – понять, о каком животном идет речь, и написать на доске русское название животного (обучающиеся переписывают в тетрадь). Надо заметить, что обучающиеся могут пользоваться двуязычными словарями при переводе, однако преподавателю не рекомендуется это поощрять, потому что поиск в словарях может замедлять темп урока, а попытка описания животного с помощью известной лексики и подручных средств способствует развитию компенсаторной компетенции. Далее можно дать следующее задание на самоподготовку: написать текст о животном мире родной страны (или же о родной стране по плану, одним из пунктов которого будет описание животного мира).

Основной этап. Основной этап проходит непосредственно в зоопарке. Преподавателю рекомендуется заранее изучить, какие животные есть в зоопарке, где планируется проводить экскурсию, и условно разделить их на три группы:

1. Российские животные, названия которых обучающиеся уже знают.

Когда обучающиеся останавливаются рядом с вольером, содержащим таких животных, преподаватель задает им следующие вопросы:

– Как называется это животное?

– Как вы думаете, оно живет в Пензе (здесь необходимо назвать тот город или регион, где проходит обучение русскому языку)?

– Вы видели это животное в Пензе?

Также преподаватель может назвать один-два интересных факта о животном. Например:

– Бурый медведь отлично плавает. Они очень умны.

– Белый медведь – самый крупный наземный хищник.

– Заяц очень быстро бежит, поэтому его считают трусливым. Но у него очень мощные лапы, и он способен отбиться даже от хищника.

– Лисы считаются хитрыми животными. И это правда.

– Посмотрите, какой у белки большой хвост. Он нужен ей чтобы далеко прыгать.

– В России большая часть рысей живет в Сибири.

2. Российские животные, названия которых обучающиеся не знают.

Когда обучающиеся останавливаются рядом с вольером с таким животным, задача преподавателя – сказать его название (или спросить обучающегося, попросить прочитать на табличке) и коротко рассказать о нем. Эта часть экскурсии требует дополнительной подготовки и предварительного изучения животных, которые содержатся в зоопарке.

3. Животные, не обитающие в России, но обитающие в родных странах курсантов.

В данном случае преподаватель обращается к обучающимся с вопросами:

– Это животное живет в вашей стране?

– Где – в лесу (джунглях), пустыне, саванне?

– Вы видели его в природе?

– Оно есть у вас в зоопарке?

– Оно есть у вас дома?

– Что оно ест?

– Что вы можете рассказать мне о нем?

Этот момент также требует дополнительной подготовки: заранее изучить, какие из животных зоопарка обитают в родных для обучающихся странах, и найти несколько интересных фактов о них, чтобы можно было задать обучающимся дополнительные вопросы. Например:

– Говорят, что страусы глупые. Это так?

– Говорят, что верблюды плюют в тех, кто им не нравится. Это правда?

– А вы знаете, как спят жирафы?

– Где в мире живут тигры?

– Где живут яки?

– Говорят, попугаи ару очень умные и могут научиться говорить, как люди. Это правда?

– Говорят, монголы считают волка священным животным. Это правда?

– Я читала, что ягуары отлично умеют плавать. Это так?

– Я слышала, дикобраз умеет «стрелять» своими иглами. Это правда?

– Я читала, что львы спят 20 часов в день. Это правда? А вы сколько часов в день спите?

Хотите быть как львы?

– Мне рассказывали, что в Индии обезьяны могут прийти в город и атаковать супермаркет.

Тогда полиция выпускает против них дрессированных горилл. Это правда или меня обманули?

– Я слышала, в Индии в дом может заползти змея. И человеку нельзя ее убивать, потому что это «конь Шивы». Ему нужно звонить в специальную службу, они приедут, поймут змею и вынесут ее на улицу. Этот рассказ – правда?

Как вы заметили, мы привели в пример разнообразные с точки зрения лексического наполнения и сложности конструкций вопросы. Преподавателю необходимо гибко подстраиваться под ситуацию и под уровень владения русским языком группы.

Другие аспекты основного этапа урока-экскурсии в зоопарк:

1. Преподаватель не должен читать целую лекцию о каждом животном. Максимум нужно задавать два-три вопроса перед каждой клеткой.

2. Вопросы могут задаваться как всей группе, так и отдельным обучающимся.

3. По окончании экскурсии, на обратном пути, желательно «по горячим следам» расспросить обучающихся о впечатлениях. Задаются следующие вопросы:

– Какое животное понравилось вам больше всего?

– Почему?

– У вас в стране есть зоопарки?

– В каких городах?

– В каких вы были?

– Какие там есть животные?

– Какое животное там вам нравится больше всего?

– Вы любите ходить в зоопарк в вашей стране?

– Вам понравился наш зоопарк?

– Вы хотели бы сходить сюда еще раз?

Завершающий этап. Завершающий этап можно опустить, его заменой может выступить беседа на обратном пути из зоопарка. Вместе с тем полученные во время экскурсии навыки можно закрепить следующими способами:

1. Беседа на уроке. В случае, если беседа на обратной дороге из зоопарка не состоялась или вышла слишком обрывочной, можно провести ее на уроке, задав указанные выше вопросы.
2. Рассказ о животном, которое понравилось больше всего.
3. Рассказ о животном, которое является символом родной страны или города обучающегося.
4. Рассказ о впечатлениях от экскурсии в зоопарк.
5. Рассказ о зоопарке в родной стране.
6. Написание текста экскурсии в русский зоопарк.
7. Написание текста экскурсии в зоопарк родной страны.

Из всего написанного выше можно сделать вывод, что экскурсия в зоопарк, несмотря на кажущейся развлекательный характер, может принести большую пользу в рамках обучения русскому как иностранному, потому что подталкивает обучающихся к спонтанному, непринужденному общению на изучаемом языке, формирует интерес к культуре и природе России, а значит и к самой России.

Список литературы

1. Агафонова И. Д. Формирование коммуникативной компетенции у менеджеров в дополнительном профессиональном образовании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2009. 26 с.
2. Башурина Д. И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 242 с.
3. Бирюкова М. С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy/viewer> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Галлямова Н. Ш. Активные методы обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции // Русский язык в школе. 2008. № 7. С. 22–25.
5. Дортман С. Р. Обучение лингвокультурологической компетенции учащихся средних профессиональных образовательных учреждений : дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2012. 180 с.
6. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь : для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2000. 176 с.
7. Нефедов И. В., Хашхаян М. А. Экскурсия как способ формирования лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ // Молодой ученый, 2015. № 20 (100). С. 602–606.
8. Быстрова Е. А., Львова С. И., Капинос В. И. [и др.]. Обучение русскому языку в школе : учеб. пособие для студентов педагогических вузов / под ред. Е. А. Быстровой. М. : Дрофа, 2004. С. 27.
9. Стурикова М. В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 27–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentsiya-k-voprosu-o-definitcii-i-strukture/viewer> (дата обращения: 26.04.2023).
10. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: От мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. М., 1993. С. 309.
11. Харченкова И. В. Концепция формирования лингвокультурологической компетенции студентов языковых факультетов на материале креолизованных текстов при обучении немецкому языку // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

Сведения об авторе:

Замятина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева в г. Пензе, г. Пенза, Россия.

А. А. Илюнина¹, С. С. Нойкина²

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

МОДЕЛЬ И ТИП ПОСТРОЕНИЯ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

A. A. Ilyunina¹, S. S. Noikina²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

MODEL AND CONSTRUCTION OF A LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Представлены модели и типы построения урока русского языка как иностранного. Дается характеристика модели, описываются типы и этапы урока, средства для взаимосвязи этапов урока. Представлены рекомендации по осуществлению этапов урока. Авторы уделяют внимание проверке усвоенного материала. Предложены способы опроса студентов.

Ключевые слова: модели урока, типы урока, этапы урока, речевой материал

Abstract. This article presents models and types of creating a lesson in Russian as a foreign language. The authors characterize the model, describe the types and stages of the lesson, as well as the means for interconnecting the stages of the lesson. Recommendations for the stages of the lesson are presented. In the article, the authors pay attention to the verification of the material. Methods for questioning students are proposed.

Keywords: lesson models, lesson types, lesson steps, speech material

Урок – самая маленькая организационная единица учебного процесса. Урок русского языка как иностранного, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, – это «перекресток культур, это факт подачи иноязычной культуры, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру» [Тер-Минасова, 2000,30].

Формирование коммуникативной компетентности – главная цель обучения русскому языку как иностранному.

В преподавании русского языка как иностранного необходимо учитывать некоторые особенности:

- 1) мотивацию речевой деятельности обучаемых;
- 2) присутствие определенных взаимоотношений между обучаемыми;
- 3) обучение темам, важным для студентов;
- 4) использование лексических средств, применяемых в учебном процессе.

В методике преподавания русского языка как иностранного различают **традиционные и нестандартные уроки.**

Традиционный урок – это «урок, который характеризуется порядком, проверенной регламентацией, дисциплиной, исполнительностью учеников, подчиняющихся учителю; точными очертаниями учебного материала, сложившимися традициями и стереотипами» [Коджиспарова, Коджиспаров, 2005, 363].

Примеры традиционных уроков:

1. Объяснение новых знаний.
2. Закрепление полученных знаний.
3. Выработка умений и навыков.
4. Обобщающий урок.
5. Проверка и коррекция знаний, умений и навыков.
6. Комбинированный урок.

Комбинированный урок является чаще используемым по сравнению с другими.

Нестандартный урок – это импровизированное занятие, обладающее разнообразным и гибким построением.

Выделяют следующие типы уроков:

1. Когнитивный тип урока (урок-наблюдение; урок-эксперимент и др.)

2. Креативный тип урока (урок-фантазия; творческий урок; ролевая игра).
3. Организационный тип урока (урок разработки индивидуальных программ; урок самооценок).
4. Коммуникативный тип урока (урок-дискуссия; урок-конференция; урок-круглый стол и т.п.).

На занятиях по русскому языку как иностранному формируются как лексические навыки, так и грамматические. Также совершенствуются навыки чтения, письма, понимания текста.

При обучении русскому языку как иностранному преподаватель может опираться на текстовый материал или использовать наглядный материал; статьи из интернета или других источников. При изучении некоторых тем можно проводить уроки-экскурсии. Что значит модель построения урока русского языка как иностранного? Это пошаговые действия обучения студентов в процессе овладения русским языком.

В методике преподавания описаны некоторые основные модели построения урока русского языка как иностранного. Например:

Модель «три П» - презентация, практика, применение

ПРЕЗЕНТАЦИЯ – когда вводится незнакомый языковой материал, преподавателю необходимо несколько раз повторять, продемонстрировать наглядный материал, чтобы ученики лучше поняли предлагаемую лексику и грамматику.

ПРАКТИКА – после введения нового материала нужна тренировка обучаемых в применении изучаемого материала. Для этого выполняются различного рода упражнения. Например: постановка в нужную форму глаголов, прилагательных, данных в скобках; постановка вопросов к разным частям речи в предложениях; образование форм прошедшего или будущего времени глаголов; составление кратких диалогов. Процесс тренировки происходит под управлением преподавателя.

ПРИМЕНЕНИЕ – самостоятельное использование учащимися в речи усвоенных моделей. При этом их деятельность регулируется преподавателем.

В настоящее время данная модель часто критикуется за пассивную роль учащихся и ориентацию на преподавателя.

Модель «Вовлечение, изучение, активизация». Модель «Наблюдение, постановка гипотезы, экспериментирование».

Применение этих моделей способствует тому, чтобы учащиеся не только изучали и наблюдали, но и анализировали употребление различных лексических средств в речевых ситуациях.

Модель «Аутентичный, ограничивающий, разъясняющий» отражает, какой материал используется для изучения и какие методы можно использовать при работе с ним.

При аутентичной модели необходимо применять только аутентичный материал в речевых упражнениях и коммуникативных видах деятельности.

При ограничивающей модели преподаватель намеренно ограничивает лексический и грамматический материал и тренировку его в различных упражнениях.

При разъясняющей модели для усвоения формы какой-либо языковой единицы выполняются упражнения самых различных типов.

При модели «Три П наоборот» необходимо поставить коммуникативную цель перед обучаемыми, начать с выполнения коммуникативных заданий, а затем работать над выработкой лексико-грамматических навыков и речевых умений.

Модель «Дорога в джунглях» применяют более опытные преподаватели. Дело в том, что при этой модели учитель не готовится к занятию вообще. Он хорошо ориентируется в обстановке и строит занятие чисто интуитивно.

От выбранной преподавателем модели зависит и тип урока. В методике выделяют следующие типы урока: урок-«передача информации» и урок-взаимодействие.

Урок – «передача информации». Этот тип урока представляет собой традиционный тип, при котором вводится основной языковой материал. Обучаемые иностранные студенты должны усвоить предложенные языковые единицы, правильно построить высказывания на основе изучаемых единиц и в конечном итоге воспроизвести усвоенные речевые модели.

Урок-взаимодействие. В центре внимания такого урока – общение преподавателя и студента. При таком взаимодействии устанавливаются социальные отношения между группой и преподавателем. Студенты должны чувствовать себя комфортно, без особого напряжения должны вступить в коммуникативную ситуацию.

Урок-передача информации не пользуется такой популярностью, как **урок-взаимодействие**, так как последний более эффективен благодаря тому, что способствует развитию мышления обучаемых, творческого воображения.

Каждый урок русского языка как иностранного имеет четкое построение и состоит из нескольких отдельных частей, каждая из которых имеет промежуточную цель по отношению к общей цели занятия.

Как правило, урок начинается с организационного момента, когда объявляется тема и цель занятия. Далее преподаватель приступает к проверке домашнего задания. Основная часть занятия посвящается знакомству с новым материалом. Затем выполняются тренировочные упражнения, направленные на закрепление и формирование лексических и грамматических навыков. Умения и навыки формируются в чтении, говорении, аудировании и письме. В конце урока преподаватель подводит итоги, оценивает работу всей группы и задает домашнее задание, которое записывается на доске. Преподаватель сам устанавливает последовательность частей урока в зависимости от выбранной модели.

Чтобы этапы урока были взаимосвязаны, используются такие средства, как: **речевой материал, общий замысел, предметное наполнение урока.**

Строгий отбор **речевого** материала при выполнении различных типов лексико-грамматических упражнений обеспечивает связность этапов урока.

Предметное наполнение. Этапы урока могут иметь различные цели, то есть на одном формируются грамматические навыки и умения, а на другом – может быть обучение говорению или чтению. В таком случае единая тематика способствует связности всех этапов занятия.

Общий замысел предполагает объединение всех этапов урока единой идеей и формой проведения урока.

Для связи этапов урока используются **вербальные связки:**

«Сначала попробуем прочитать ..., а потом ...» или «Мы уже прочитали ..., а сейчас будем ...»

В методике преподавания русского языка как иностранного определены рекомендации по реализации этапов урока:

1. Всем известно, что в начале урока учащиеся наиболее внимательны. Поэтому легкие задания целесообразно переносить на конец занятия.

2. Как правило, к концу занятия обучаемые устают, поэтому все задания, связанные с игровыми моментами, лучше проводить в конце урока.

3. Все этапы урока должны быть связаны между собой.

4. Очень важными моментами являются начало и конец урока. Когда преподаватель начинает занятие, он старается привлечь внимание учеников к работе, а когда заканчивает, подводит итоги.

5. Чтобы студенты поверили в свои силы, чтобы у них появился стимул к дальнейшей работе, необходимо положительно оценить работу всей группы.

Составной частью урока является проверка представленного материала. Преподаватель может предложить каждому ученику свой способ опроса, например:

Основной опрос проводится по определенной теме, изученной раньше.

При таком опросе перечисляются основные понятия и правила по данной теме, которые должен знать студент. Обычно предлагается несколько вариантов ответов, но иностранец выбирает только один ответ.

Цепочка – если преподавателем предусмотрен логически связанный ответ, то ответ ученика может прерываться и передаваться другому.

Тихий опрос – преподаватель проводит опрос учащегося (обычно пропустившего занятия) очень тихо, когда группа работает с другим заданием.

Безупречный опрос проводится в том случае, когда студент сам сообщает преподавателю о степени своей подготовки.

Задания, которые студенты выполняют дома, также могут задаваться с учетом индивидуальных способностей обучаемых.

В методике предлагают **три уровня домашнего задания:**

1) общеобразовательный минимум (доступен каждому студенту);

2) тренировочный (для тех, кто хочет лучше знать предмет);

3) креативное задание (задание выбирается добровольно в зависимости от темы урока).

Задания дифференцируются в зависимости от подготовки обучаемых. Например, для сильных студентов можно предложить такое задание: к именам существительным подобрать имена прилагательные, при этом изменив форму прилагательного.

Красивого	дом
Теплого	девушка
Маленького	погода
Холодного	лето
Для слабых учащихся предлагается подобрать прилагательные к именам существительным.	
Красивый	дом
Теплый	девушка
Маленький	погода
Холодный	лето

Для средних учащихся можно предложить следующее задание: составить словосочетания, например, прилагательное + существительное.

Красивый, играет, дом, погода, холодный, стоит, лето, теплый, погода, идет, девушка, маленький.

Преподаватель может предложить большее количество заданий, а студент может выбрать то, что он способен сделать.

Таким образом, **модель построения урока русского языка как иностранного** – это последовательные, взаимосвязанные действия преподавателя и студентов-иностранцев, направленные на усвоение и овладение обучаемыми лексическими, грамматическими навыками, а также их применение в различных речевых ситуациях.

Список литературы

1. Куприна Т. В. Новые тенденции в преподавании иностранных языков (по материалам V Междунар. науч. конф. Варшавского университета, май 2012 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. Гос. эконом. ун-та, 2012. С. 164 – 203.
2. Петрикова А., Куприна Т. В., Галло Я. Введение в дидактику русского языка и межкультурную коммуникацию. Прешов : Философский факультет, 2013. 365 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 163 с.
4. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2003. 334 с.
5. Шукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. 4-е изд. М. : Филоматис, 2010. 489 с.

Сведения об авторах:

Илюнина Анна Анатольевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Нойкина Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Р. Квапил

Экономический университет в Братиславе, г. Братислава, Словакия

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ АУДИТОРИИ

R. Kvařil

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia

RUSSIAN LANGUAGE IN THE TODAY'S SLOVAK AUDIENCE

Аннотация. Анализируется модель понимания межкультурной коммуникации по Повчаничу в процессе изучения русского языка как иностранного. Представленная модель также связана с вопросом о существующих учебниках русского языка, в которых могла бы быть принята упомянутая модель понимания межкультурной коммуникации. Отсутствие таких учебников вызывает потребность в педагоге, который может достоверно интерпретировать модель Повчанича и при учете недостатка таких учебников в словацкой языковой среде. В настоящее время наблюдается на книжном рынке дефицит национальных учебников русского языка. Мы считаем усилия Эвы Колларовой и ее коллектива авторов по подготовке нового электронного учебника «Встречи с Россией» новаторскими тенденциями в этой области.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, реалии и лингвореалии, учебник русского языка, модель межкультурной коммуникации, явления интерференции

Abstract. In the article, we analyze Povchanič's model of understanding intercultural communication in the process of learning Russian as a foreign language. The presented model is also related to the question of existing Russian language textbooks in which the mentioned model of understanding intercultural communication could be accepted. and the lack of such textbooks requires a teacher who can reliably interpret this deficiency in the Slovak language environment even without a textbook. Currently, we are registering a lack of national Russian language textbooks on the book market. We consider the efforts of Eva Kolářová and her team of authors in the preparation of the new electronic textbook *Vstrečij s Rossijej* to be innovative tendencies in this area.

Keywords: intercultural communication, realities and linguistic realities, Russian language textbook, model of intercultural communication, interference phenomena

Введение

Обучение русскому языку как иностранному на всех уровнях образовательной системы на территории Словакии, входившей в состав бывшей Чехословакии, в последние 30 лет характеризуется значительными изменениями. В связи с политическими событиями в 90-е годы XX века интерес к обучению русскому языку в школе был минимальным. Русский язык потерял свое ведущее место среди иностранных языков во всех типах словацких школ [смотри более Markova, Kvařil, 2021]. 90-ые годы были трудными. Престиж русского языка значительно упал, количество преподавателей, методиков, специалистов по-русскому языку а и литературе оказались без нагрузки и большинство из них должны были менять свою специализацию в рамках т. н. преобразования. Из тогдашних русистов стали германисты, англисты, испанисты и т. д. Русский язык оставался в словацких школах в качестве предмета по выбору в рамках второго иностранного языка.

Предмет «Русский язык» (как и остальные иностранные языки, и родной язык) принадлежит к образовательной области «Язык и языковая коммуникация». К главным целям образования в этой области, прямо связанным с обучением иностранным языкам, относятся, прежде всего, «развитие положительного отношения к многоязычию и уважение культурного многообразия», а также «овладение правилами межлической коммуникации данной культурной среды и развитие положительного отношения к языку в рамках межкультурной коммуникации».

Таблицы 1, 2 и 3 показывают количество учеников основных школ, выбравших в годы 2015–2020 иностранный язык. Между годами 2015, 2016, 2017, 2018 и 2019, 2020 есть два переломных года – 2015 (обязательный английский) и 2019 (либерализация в выборе обязательного языка). Количество всех обучающихся иностранному языку с 2015 года растет, что можно отнести к позитив-

ным трендам второй половины 10-х годов этого столетия. Однако наблюдается ослабление интереса к так называемым «малым» языкам (имеется ввиду малым по количеству обучающихся им), поскольку обязательность английского в качестве первого иностранного языка была введена в учебный процесс насильственно. Эта тенденция постепенно усугубляется спадом количества интересующихся французским, немецким, русским, испанским и итальянским языками. Второй переломный момент (2019 год) характеризуется т. н. оттепелью в языковой политике – ученики могли свободно выбирать два иностранных языка, один в качестве первого, второй в качестве второго иностранного.

Таблица 1

Количество обучающихся иностранным языкам в основных школах. По статистическим данным Центра научно-технической информации Словацкой Республики
https://www.cvtisr.sk/cvti-sr-vedecka-kniznica/informacie-o-skolstve/statistiky/statisticka-rocenka-publikacia/statisticka-rocenka-zakladne-skoly.html?page_id=9601

Основные школы	Общее количество всех учащихся ИЯ	Обучающиеся иностранный язык				
		ФЯ	НЯ	РЯ	ИсЯ	ИтЯ
2015	359 283	2395	106 791	45 106	769	94
2016	362 736	2207	87 107	36 213	737	92
2017	368 848	1619	80 498	33 627	766	115
2018	375 063	1565	74 136	30 895	990	151
2019	382 430	1232	67 272	29 505	959	151
2020	388 240	1149	68 277	30 883	1074	158

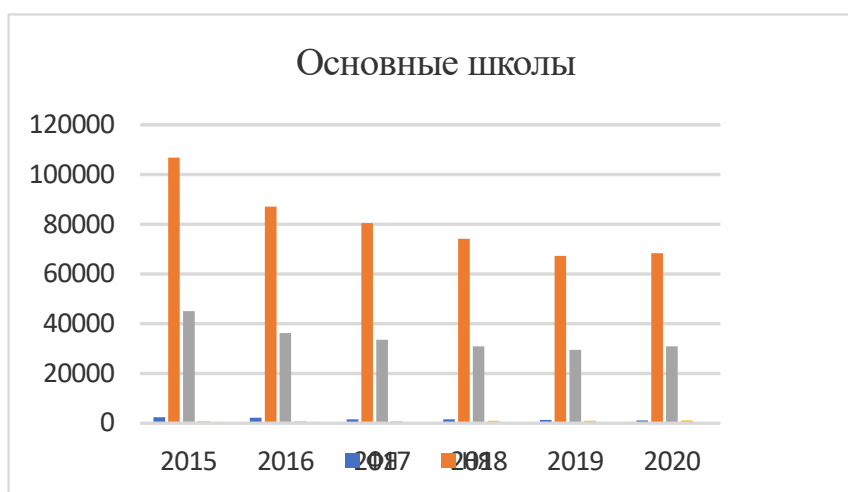

График 1. Количество обучающихся иностранным языкам в основных школах

Таблица 2

Количество обучающихся иностранным языкам в гимназиях. По статистическим данным Центра научно-технической информации Словацкой Республики
https://www.cvtisr.sk/cvti-sr-vedecka-kniznica/informacie-o-skolstve/statistiky/statisticka-rocenka-publikacia/statisticka-rocenka-gymnazia.html?page_id=9599

Гимназии	Общее количество всех учащихся ИЯ	Обучающиеся иностранный язык				
		ФЯ	НЯ	РЯ	ИсЯ	ИтЯ
2015	73 433	7216	44325	12462	7202	762
2016	71 978	6228	44035	12527	6624	699
2017	73 631	6381	44612	12487	7204	760
2018	72 664	6144	43576	12351	7786	662
2019	71 098	6096	42513	11795	7971	530
2020	70 630	6043	41385	11030	8544	547

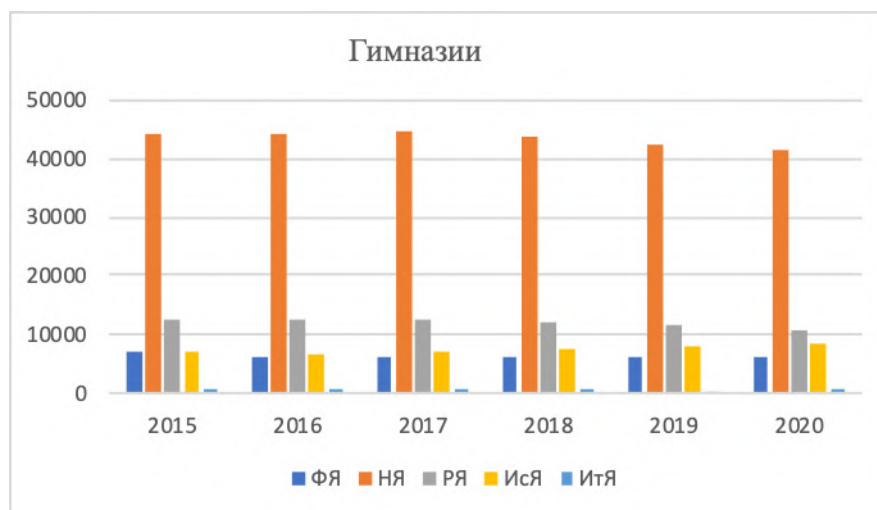

График 2. Количество обучающихся иностранным языкам в гимназиях

Таблица 3

**Количество обучающихся иностранным языкам в средних школах и ПТУ.
По статистическим данным Центра научно-технической информации Словацкой Республики.**

https://www.cvtisr.sk/cvti-sr-vedecka-kniznica/informacie-o-skolstve/statistiky/statisticka-rocenka-publikacia/statisticka-rocenka-stredne-odborne-skoly.html?page_id=9597

Средние школы, ПТУ	Общее количество всех учащихся ИЯ	Обучающиеся иностранный язык				
		ФЯ	НЯ	РЯ	ИсаЯ	ИтЯ
2015	134 130	3130	52 306	14 389	1454	615
2016	129 973	2289	43 908	12 371	1252	479
2017	125648	2213	39 581	11888	1272	425
2018	120 945	1739	35427	10 797	1246	355
2019	117 648	1601	31 946	9805	1305	265
2020	117 995	1728	29 600	9524	1353	210

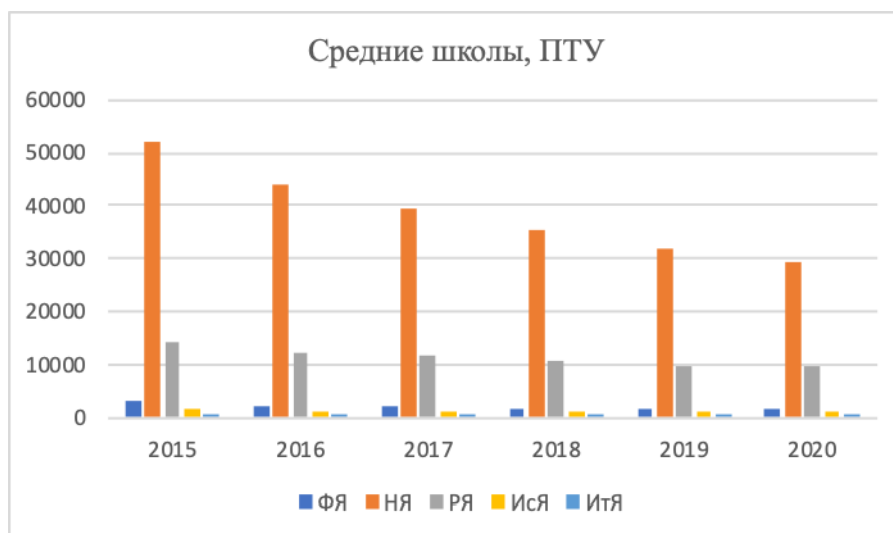

График 3. Количество обучающихся иностранным языкам в средних школах и ПТУ

Русский язык как культурная система

Приблизительно до 90-х годов в словацкой русистике и в преподавании русского языка в качестве первого или второго иностранных языков существовало т. н. традиционное – линейное упорядочивание отдельных тем, которые в контексте занятий иностранным языком интерпретировались как факты, а не как функциональные явления, оказывающие существенное влияние на по-

нимание контекстов в процессе общения и мышления. Повчанич утверждает, что «традиционная интерпретация культурных элементов в виде сопоставления отдельных компонентов игнорирует их проявления, указывая на более высокую структуру – культурную систему, знание которой является необходимым условием успешного межкультурного диалога» [Povchanič, 2012: 37]. Автор предлагает трехступенчатый подход к проблеме:

- 1) плоскость реалий как культурного субстрата;
- 2) плоскость проявлений субстрата (так называемая живая культура);
- 3) плоскость системы.

Под плоскостью реалий мы понимаем лишь энциклопедический перечень базовых знаний, содержащихся в произвольных справочниках по реалиям. Этот инвентарь (сумма знаний о предметах, вещах и явлениях) составляет так называемую несущую конструкцию всей модели, предложенной Повчаничем. Это плоскость культурного субстрата, который сам по себе предлагает знания, но менее пригоден для использования в процессе коммуникативного акта. Географический, исторический, политический, культурный, экономический и прочий субстрат в линейном (неконтекстуальном, непространственном) упорядочении как система фактов воспринимается как статичный сам по себе, лишенный так называемого третьего измерения. Целенаправленная когнитивизация этих явлений не имеет применения в самой практике. Эти явления необходимо рассматривать в контексте, поскольку то, что можно рассмотреть в контексте, можно также объяснить и понять.

Проявлениями субстрата являются отношение к жизни (положительное против отрицательного), к окружающей действительности, к людям и обществу (коллективное против индивидуального), к рабочей среде (проблема иерархизации и человеческих отношений), привычки и обычаи, тенденции повседневной жизни, питание, но также и представление о времени, пространстве и т.д. По мнению Повчанича, культурная система – это вершина трехступенчатой модели, которая представляет собой тип данной культуры, абстрагированный от проявления культурного субстрата. Это знание о том, что является специфическим и неповторяемым для данного народа и какова функциональность отдельных компонентов культурного субстрата в процессе межкультурной коммуникации.

Модель Повчанича можно идентифицировать в существующей культурологической концепции словацкой русистики. В августе 1999 года в Братиславе (Словакия) проходил IX Конгресс «Русский язык, литература и культура на рубеже веков». На заседаниях Конгресса рассматривались вопросы сопоставления русского языка с другими языками, проблемы языковых изменений, а также динамики развития функциональных стилей современного русского языка. Особое внимание уделялось проблеме когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, текстологии, сравнительного литературоведения, проблемам межкультурного общения. На методической секции участники конгресса анализировали творческий подход преподавателя к процессу обучения и его влияние на формирование личности учащихся. На этом конгрессе Пассов говорил о значении языка и культуры в школьной аудитории. Он лишает культуру недостойного статуса приписка языка, живущего только в рамках своего рода стратификации, которая прочно утвердилась уже, наверное, лет 30 назад – в этом термине, в географическо-исторической концепции в учебниках и в учебном процессе всех типов школ [смотри более Passov, 2013: 80]. В этой связи нам приходят на ум мысли Евы Колларовой о том, что «...это был долгий путь к сегодняшнему культурно-лингвистическому направлению обучения иностранным языкам...» Колларова знала и знает, что этот вызов прежней традиции был и остается значимым. «В начале это было интуитивно, затем обдуманно и концептуально». Встречи с русским искусством для словацкой аудитории Колларова строила в системно-хронологическом изложении великих личностей русской культуры в форме диалога с родной культурой, в контексте мировой культуры, в соотношении: автор – период – произведение через синтез искусств, и в межпредметном постижении среды средней школы» [Kollárová, 2008: 4-5]. Коммуникативно-культурная ориентация – «открытие окон в мир другой культуры» должна привести к углублению не только языковой, но и человеческой компетенции учащихся.

Наша человечность, по словам Колларовой, находится в нашей компетенции. Встреча с искусством должна не только трогать нас, но и помогать нам понять его ценность и смысл, потому что открытие неисчерпаемых явлений вокруг нас и внутри нас – одна из его великих сил. Словацкая русистика говорит об иноязычном образовании, содержанием которого является культура. Оно основано на схеме базовой культуры личности, как это описано в монографии «Культурологические направления иноязычного образования» [Kollárová, 2004: 17 – 19]. Обсуждается такое обучение иностранному языку, как оно наглядно реализовано в учебнике «Встречи с Россией» и других вспомогательных представленных учебных материалах. Материалы были задуманы с пониманием того, что если учебник и учебные материалы действительно развивают ученика, то они также формируют и развивают педагога: «учебник – это не пропуск в магазин, а окно в современный мир».

Коммуникативно-культурная ориентация стремится привести к росту не только языковой, но и человеческой компетенции наших учащихся. В ее рамках обучение иностранным языкам с по-

мощью «Встреч с Россией» понимается как открытие окна в другой мир, в другую культуру, в историю и современную жизнь другого народа. Взаимное влияние, взаимные отношения, взаимное восприятие, взаимный диалог культур. Основной принцип здесь – уметь принимать, понимать, постигать больше, чем отдавать. Многие грамматические и лексические явления воспринимаются как сопутствующие, т.е. не поддерживающие, не используемые, а принимаемые.

Учебник как неотъемлемая часть учебного процесса

Необходимость создания национального учебника уже давно является предметом довольно острой дискуссии, и мнения по этому вопросу в профессиональном сообществе разнятся. Мы исходим из убеждения, что при изучении иностранного языка необходимо учитывать факт языкового сознания, то есть, какой язык является родным для целевой категории (славянский, германский, франкофонный), точнее, к какой языковой семье принадлежит его или ее родной язык. Согласно Адамеку [Adamka, 2010: 7], «*приобретение новых знаний и навыков в каждой области, а значит и в языке, не происходит изолированно (за исключением детей дошкольного и младшего школьного возраста, которые приобретают базовую лексику и элементарные коммуникативные навыки на иностранном языке через игры и заучивание идиом)*». Для изучающего язык существует естественная тенденция анализировать и подвергать сомнению передаваемые факты. Правила построения и использования языка также принимаются автоматически, но в соответствии с уже существующими знаниями и идеями, которые формируются в основном на основе знаний о функционировании родного языка. Код входного языка и возраст начала изучения иностранного языка имеют большое значение. После пятнадцатого года жизни человека его так называемое языковое сознание закрывается, а значит, закрывается и то, что было в него записано или вложено. Следующий язык считается иностранным, и при его освоении нельзя избежать интерференции с родным языком. По мнению Адамека, при овладении иностранным языком интерференция часто является одной из причин развития отвращения к новому языку. Автор учебника иностранного языка не может правильно определить некоторые явления интерференции, поскольку он не может знать входные языки всех изучающих данный учебник.

Проблемы с учебниками по русскому языку и русской литературе в Словацкой Республике существовали особенно после революции 1989 года. В настоящее время книг для школьников и студентов в Словакии, изданных словацкими авторами недостаточно, хотя на словацком книжном рынке существуют учебники, изданные чешскими авторами. В начальных и основных школах в основном преподаются английский и немецкий языки, за ними следуют русский, французский, испанский и итальянский. Как уже упоминалось выше, преподавание иностранных языков является обязательным, и, учитывая этот факт, можно было бы ожидать, что школы в достаточной степени обеспечены учебниками по иностранным языкам. Однако даже спустя 15 лет после изменений 1989 года ситуация в этой области не была удовлетворительно решена.

До 1989 года по всей стране использовались единые учебники, утвержденные Министерством образования, по всем предметам, включая иностранные языки. Существовали серии учебников по русскому, английскому и немецкому языкам для начальных и средних школ, написанные словацкими или чешскими авторами, переведенные на словацкий язык и издавались словацким издательством – главным образом Словацким педагогическим издательством в Братиславе.

Учебник не утратил своей актуальности даже в век Интернета и по-прежнему остается важнейшим дидактическим инструментом. Однако учебник не должен быть единственным дидактическим средством, используемым учителем. Учитель должен воспринимать учебник только как отправную точку, как вспомогательный материал, стараясь проявлять творческий подход и адаптировать преподавание к индивидуальным условиям в классе, как бы хорошо ни был разработан учебник.

Учебники, методические пособия и рабочие тетради очень важны при обучении иностранному языку в начальной школе. Они основаны на учебной программе и требованиях Европейских компетенций владения иностранным языком для уровней A1 и A2. Несмотря на то, что весь материал в учебниках представлен таким образом, что ученик может его освоить, иногда полезно сделать уроки более разнообразными. Необходимо дать учащимся что-то, что вызовет их интерес, создать ситуацию или просто поиграть в игры, спеть или посмотреть короткий фильм. Такой "перерыв" в обычном уроке можно использовать для отработки новой лексики, произношения, понимания прочитанного, восприятия услышанного и т.д.

Заключение

1. Интерес к русскому языку в Словакии есть, о чем свидетельствуют статистические данные и исследования в области преподавания иностранных языков.

2. Понятия реалии и лингвореалии отличаются друг от друга, хотя на практике они часто воспринимаются как синонимичные термины. Их разграничение детально приводит статья Дулебовой «Реалии и лингвореалии или о вопросе культурологического направления иноязычного образования» [смотри более Dulebová, 2012: 67–77].

3. Феномены реалий понимаются в основном как изолированные компоненты системы, лишенные непрерывности и встроенности в функциональную динамику.

4. Учебников, учитывающих системный культурологический подход к обучению языка на словацком рынке недостаток.

5. На рынке учебников отсутствует больше национальных учебников по русскому языку для начальных и средних школы.

6. Коммуникативно-культурная ориентация стремится привести к повышению не только языковой, но и человеческой компетенции учителей и учеников.

7. Учебник иностранного языка не должен быть догмой и единственным источником дидактического представления охватываемых тематических и лексико-грамматических явлений.

8. Учителям следует регулярно встречаться с авторами учебников русского языка, чтобы глубже проникнуть в их вертикаль и возможности работы с ними в классе. Здесь мы обращаемся к методическим и педагогическим центрам в отдельных регионах, которые должны регулярно обеспечивать контакты между учителями русского языка и авторами конкретных учебников.

Список литературы

1. Adamka P. 2010. Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka. // Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie. Prešov : FF PU, 2010. S. 7–14.
2. Dulebová I. Realie a lingvorealie alebo o otázke kulturologického smerovania cudzojazyčnej edukácie // Vyučovanie ruštiny ako cudzieho jazyka vo viackultúrnom priestore : zborník vedeckých príspevkov. Prešov : Prešovská univerzita v Prešove. 2012. S. 68. URL: <http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova5/index.html>
3. Kollárová E. Hovory so sebou a s vami o Vstrečach s Rossijej. Bratislava : MPC, 2008.
4. Kollarová E. Kulturologické smerovanie cudzojazyčnej edukácie. Banská : Bystrica, 2004.
5. Markova E., Kvapil R. Osobnosti obučnija russkomu jazyku v blizkorodstvennoj slovackej srede. // Russian Language Studies, 2021. Vol. 19, № 2. S. 191–206. doi:10.22363/2618-8163-2021-19-2-191-206
6. Passov E. I. Metodickája sistema inojazyčnogo obrazovanija kak adekvatnoje sredstvo razvítia umenija individualnosti vesti dialog kultur. Lipeck : Jelec, 2013. 109 s.
7. Povchanič Š. 2012. Kultúra, realie a interkultúrna komunikácia // Cudzie jazyky v premenách času III. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava : Ekonóm, 2012. S. 35–42.
8. SPOLOČNÝ EURÓPSKY REFERENČNÝ RÁMEC PRE JAZYKY (S.E.R.R.). Bratislava : ŠPÚ, 2006. 252 s.

Сведения об авторе:

Квапил Роман, кандидат философских наук, старший преподаватель Экономического университета в Братиславе, г. Братислава, Словакия.

Т. В. Колюшко

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ
И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

T. V. Kolyuzhko

Penza State University, Penza, Russia

**INTERNET RESOURCES AND MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN
TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. Рассматривается вопрос об использовании интернет-ресурсов и мультимедийных технологий в обучении русскому языку иностранных студентов. На основе работы делается вывод о роли интернет-ресурсов и мультимедийных технологий для формирования русской речевой культуры иностранных учащихся. Приводятся также различные формы аудиторной и внеаудиторной работы, способствующие развитию речевой культуры иностранных студентов.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, мультимедийные технологии, иностранные студенты, мотивация, иноязычная деятельность

Abstract. The article discusses the use of Internet resources and multimedia technologies in teaching Russian to foreign students. Based on the work, the conclusion is made about the role of Internet resources and multimedia technologies for the formation of Russian speech culture of foreign students. There are also various forms of classroom and extracurricular work that contribute to the development of the speech culture of foreign students.

Keywords: Internet resources, multimedia technologies, foreign students, motivation, foreign language activity

Современное общество развивается во времена информатизации и глобализации, когда информационные и мультимедийные технологии внедряются во все более широких масштабах в образование и преподавание иностранных языков. Русский как иностранный язык не является исключением в этом отношении. Мультимедийные технологии – это «обобщающий термин для технологий, которые одновременно используют несколько типов форм контента, таких как графика, тексты, видео, фотографии, анимация, звуковые эффекты и сопровождающие звуки» [Азимов, Щукин, 2009: 149]. Их применение требует использования специального программного обеспечения и аппаратных средств. Мультимедийные технологии внедряются в электронные учебники и электронные курсы, и коренным образом меняют процесс обучения: теперь оно может проходить где угодно и как угодно, что отдает приоритет сотрудничеству и позволяет студентам-иностранцам играть активную, а не пассивную роль; суть технологий заключается в развитии коммуникативных навыков у иностранных студентов. Электронные учебники и образовательные программы (тренинги, мультимедийные презентации и онлайн-ресурсы) относятся к наиболее популярным мультимедиа. Использование мультимедийных технологий в обучении русскому языку как иностранному стало необходимым условием углубления, динамизации и разнообразит процесс обучения.

Важную роль играет тот факт, что «видеосвязь, включая контакт с фильмами, телевидением и компьютерной графикой, в настоящее время становится значительной и постоянно расширяющейся частью коммуникации в современном обществе» [Азимов, 2006: 38]. Это интернет-ресурсы, сайты телеканалов, YouTube и различные СМИ, откуда современный человек получает информацию. И нет никаких препятствий для использования информации из этих источников в образовательных целях, включая преподавание русского языка как иностранного. Эти ресурсы могут быть использованы и применяются в настоящее время в образовательных целях, поскольку они доступны преподавателям со всего мира, они отличаются ясностью, высокой информативностью по своему характеру и, наконец, просто удобны в использовании. Следует отметить, что, с точки зрения иностранного учащегося, современные источники достоверных данных пользуются большим доверием,

чем классические справочники, особенно с учетом того, что молодое поколение предпочитает работать с электронными данными, мобильными телефонами и смартфонами, поэтому процесс изучения языка с использованием мультимедийных инструментов будет для них более эффективным. Интернет создает уникальные возможности для изучения русского языка как иностранного, он создает естественную языковую среду. Для начала давайте вспомним особенности предмета «русский язык как иностранный». Основной целью является формирование коммуникативной компетенции, которая предусматривает формирование способности к межкультурному взаимодействию. В наше время это цель, наиболее востребованная среди студентов. Следует иметь в виду еще одну особенность предмета «русский язык как иностранный». Научить речевой деятельности можно только в общении, живом общении. При подготовке к следующему занятию, преподавателю важно иметь в виду дидактические свойства и функции каждого из выбранных учебных пособий, четко представляя, что для решения какой-либо методической задачи то или иное учебное пособие может быть наиболее эффективным. Используя информационные ресурсы сети Интернет, мы можем интегрировать их в учебный процесс, более эффективно решать ряд дидактических задач на уроке:

- улучшить умение слушать на основе аутентичных звуковых текстов в Интернете;
- пополнить словарный запас, как активный, так и пассивный современный язык;
- сформировать устойчивую мотивацию к иноязычной деятельности.

Включение сетевых материалов в содержание занятия позволяет студентам-иностранцам лучше понимать современные реалии, участвовать в совместных исследованиях, научных и творческих проектах, развивать любознательность и навыки. Важной задачей преподавателя является создание реальных и воображаемых ситуаций общения на русском языке как иностранном с использованием различных методов работы. Не менее важным является приобщение иностранцев к культурным ценностям носителя языка. Для этой цели большое значение имеют аутентичные материалы, включая видеофильмы. Их использование способствует реализации важнейшего требования коммуникативной методики – представить процесс овладения языком как постижение живой культуры, чуждой другой культуре; индивидуализации преподавания и развитию и мотивации речевой деятельности студентов-иностранцев.

Еще одним преимуществом видеоматериала является его эмоциональное воздействие на студентов. Поэтому внимание должно быть направлено на формирование личного отношения обучающихся к увиденному. Использование видео помогает также развитию различных аспектов умственной деятельности учащихся, особенно внимания и памяти. Во время просмотра в аудитории царит атмосфера совместной познавательной деятельности. В этих условиях даже невнимательный студент становится внимательным. Для того чтобы понять содержание фильма, обучаемым необходимо составить некоторые усилия. Таким образом, непроизвольное внимание становится произвольным, его интенсивность влияет на процесс запоминания.

Использование различных каналов ввода информации (слуховое, зрительное, моторное восприятие) положительно влияет на качество записи регионального и лингвистического материала. Таким образом, психологические особенности воздействия обучающих видеороликов на учащихся способствуют интенсификации процесса обучения и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной компетентности учащихся. В наше время, когда связи отношения между разными странами и народами развиваются все шире, знакомство с русской национальной культурой становится незаменимым элементом процесса изучения русского языка как иностранного.

Принцип диалога культур предполагает использование культурного материала о родной стране, что позволяет развивать культуру представления о родине, а также формировать представления о культуре страны изучаемого языка. Преподаватель, сознавая стимулирующую силу региональной и культурной мотивации, стремится развить познавательные потребности учащихся посредством нетрадиционного проведения урока.

На первый взгляд может показаться, что использование мультимедийных технологии во многом облегчают жизнь обучающихся, и может даже создаться неверное впечатление, что фильм, видео или программа выполняют работу за преподавателя. Проблема использования мультимедийных технологий в обучении русскому языку как иностранному в настоящее время вызывает большой интерес как у практиков, так и у теоретиков. Разрабатываются методические рекомендации как для отдельных занятий с применением видеоматериалов, художественных и анимационных фильмов, так и для целых курсов, основанных на фильмах одного режиссера или наборе фильмов, созданных за определенный период времени. Среди множества интересных и полезных руководств можно найти следующее: «Разговор по-русски о российских фильмах» Н. Н. Глебова и И. А. Орехова [Глебова, Орехова, 2012: 35], «Использование видеоматериалов как средство развития коммуникативных навыков на занятиях по русскому языку как иностранному» О. П. Игнатенко [Игнатенко, 2014], «Мы смотрим! Мы слушаем! Мы говорим!» О. В. Кряхтунова [Кряхтунова, 2012], методическое пособие «Мы из будущего (использование художественных фильмов в процессе изу-

чения языка)», автор Т. Н. Дьяченко [Дьяченко, 2015: 26] и «Обучающие модули по использованию видеоматериалов» О. П. Быковой и многих других.

Обучающие видеоролики, новостные репортажи, теледебаты и различные ток-шоу, а также художественные и анимационные фильмы могут демонстрироваться на любом занятии, на любом этапе изучения языка учащимся как базового, так и продвинутого уровня. Выбор видеоматериалов с точки зрения их тематики, жанров и продолжительности зависит от выбора преподавателя и цели и задачи, которые подходят для занятия и могут быть достигнуты с помощью выбранных видеоматериалов. Выбор также обусловлен уровнем подготовки студентов или курсовых групп, их возрастом и интересами, а также тематикой занятий. При выборе видеоролика также важно учитывать культурное происхождение студентов.

Из собственного опыта преподавания русского языка как иностранного для иностранных студентов можно подтвердить вывод, к которому недавно пришли практики и методисты, а именно, что представляется разумным использовать видеоматериалы на занятиях практически для всех языковых уровней, однако, как правило, для демонстрации художественных фильмов уровень владения русским языком у учащихся должен быть В1 и выше.

Демонстрация видеоматериалов на занятиях может преследовать разные цели: от иллюстрации лексических и грамматических явлений (например, эпизод из Ералаша «Ловись, рыбка!»), тренирует использование конструкций в родительном падеже), к изучению вновь выученной разговорной лексики и восприятию фильма со всеми его семантическими и экстралингвистическими свойствами и прецедентными текстами.

Курлова И. В. пишет, что «просмотр фильма – это «не только демонстрация фильма с последующим обсуждением его, но и предоставление материала для изучения языка, поскольку это именно это является его главной целью, в то время как этнокультурные, культурно-антропологические аспекты таковыми не являются, какими бы хорошими они ни были» [Курлова, 2008: 25].

Социокультурная компетенция – это «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национальных и культурных особенностях носителей языка вербальное поведение и способность применять эти знания в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и поведенческим стереотипам носителей языка» [Азимов, Щукин, 2009: 286].

Поэтому видеоматериалы, от учебных фильмов до художественных, могут стать хорошим решением для преодоления упомянутых трудностей в преподавании русского языка как иностранного языка. Видеоматериалы и фильмы предоставляют прекрасную возможность для развития навыков понимания на слух у студентов, поскольку они слышат язык, на котором говорят носители языка, в нормальном темпе, с различными интонациями, возможными нарушениями и проблемами с артикуляцией, а также в различных функциональных стилях, просматривая фильмы и видеоматериалы; видеоматериалы также способствуют формированию культурных, языковых и социальных компетенций, знакомят студентов с различными историческими событиями и социальными явлениями, позволяют им получить базовые знания об этикете, русской повседневной жизни, гендерных установках и стереотипах, взаимодействии между людьми неравного социального и финансового положения, невербальном общении, характеристиках, характерные конкретно для россиян, и, наконец, видео помогает преподавателю разнообразить занятия, оживить лекции и поддержать интерес студентов, их внимание, повысить мотивацию к русскому языку и т.д.

И последнее, но не менее важное: видеоматериалы и художественные фильмы могут помочь бороться со стереотипами о России. Молодые люди, как правило, интересуются современной российской жизнью, проблемами своих российских современников, и поэтому, с этой точки зрения, показ современных российских фильмов таким студентам кажется очень уместным. И, основываясь на опыте общения с иностранными студентами, можно сказать, что и старые советские ленты, снятые в 1970-80 годы, до сих пор вызывают интерес у студентов. Эти фильмы замечательные, но они требуют более подробного объяснения со стороны преподавателя. Кроме того, эти художественные картины богаты прецедентными текстами, фразеологизмами, разговорными названиями и разговорными клише, а их знание и правильное использование в речи приближает иностранца к уровню владения языком носителем языка.

Использование инновационных методов позволяет осуществлять дифференцированный подход к студентам, вовлекать каждого студента в работу с учетом его интересов, склонностей, уровня языковой подготовки. Интерактивные методы обогащают учащихся новым опытом, активизируют словарь, выполняют развивающую функцию, снимают усталость.

Таким образом, использование новых информационных технологий в преподавании русского языка как иностранного является неотъемлемой частью методики преподавания в современных условиях модернизации образования, поскольку с использованием современных технологий процесс обучения становится более эффективным и лично ориентированным. В целом, есть несколько положительных моментов, общих с использованием веб-ресурсов в обучении. Таким образом, ИКТ на занятии по русскому языку как иностранному позволяют:

- обеспечить стабильную мотивацию к изучению русского языка иностранными студентами;
- создать комфортную атмосферу в учебной аудитории;
- обеспечить высокую степень персонализированного обучения;
- увеличить объем выполняемой работы и расширить знания и навыки, приобретаемые на занятиях;
- улучшить контроль качества знаний иностранных студентов;
- эффективно планировать и организовывать учебный процесс, тем самым повышая эффективность занятия РКИ;
- формировать коммуникативную компетентность студентов с помощью аутентичных материалов;
- предоставить иностранным студентам доступ к различным словарям, справочным системам, электронным библиотекам, репозиториям и другим информационным ресурсам. Немаловажным является тот факт, что просмотр фильма и работа с ним делают занятия более интересными для студентов и помогают повысить их мотивацию.

В современных методиках преподавания иностранных языков уже давно выделены наиболее распространенные ресурсы, которые доказали свою эффективность в практике преподавания РКИ. Эти онлайн-ресурсы содержат разнообразные языковые материалы, в том числе текстовые, аудио- и видеоматериалы по различным темам на изучаемом языке. Поисковые системы Интернета позволяют преподавателю использовать аутентичные материалы, такие как аудио, видео и тексты, знакомиться с художественными произведениями авторов из страны изучаемого языка, приобщаться к иноязычной культуре, развивать кругозор и пополнять свой активный словарный запас лексикой. Использование интернет-ресурсов и мультимедийных технологий на занятиях по русскому языку как иностранному имеет большой потенциал для работы с иностранными студентами.

Список литературы

1. Азимов Э. Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. М. : Русский язык. Курсы, 2006. 148 с.
2. Азимов Е. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
3. Дьяченко Т. Н. «Мы из будущего» (использование художественных фильмов в языковом учебном процессе) // Русский язык за рубежом. 2015. № 3. С. 24–38.
4. Игнатенко О. П. Использование видеоматериалов как средство формирования коммуникационных технологий на занятиях РКИ. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=vcnkoj> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Кряхтунова О. В. Смотрим! Слушаем! Говорим! (на материале художественных, научно-популярных и мультипликационных фильмов на русском языке) : метод. пособие по русскому языку для работы на уроках русского языка как иностранного (элементарный и базовый уровни) Астрахань : АГТУ, 2012. URL: <https://studylib.ru/doc/3785059/vidеоuroki--smotrim--slushaem--govorim---2012g.-> (дата обращения: 16.03.2023).
6. Курлова И. В. Работа с учебными, мультипликационными и художественными фильмами на уроке РКИ // Методический семинар для преподавателей русского языка. Велико Тырново, Болгария, 2008.
7. Орехова И. А. Языковая среда есть. Языковой среды нет // Русский язык за рубежом. 2007. № 3. С. 35–38.
8. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2003. 334 с.

Сведения об авторе:

Колюшко Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Н. В. Кулибина

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва, Россия

ОПЫТЫ ЦИФРОВОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИНТЕРАКТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ПО ЧТЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ

N. V. Kulibina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

DIGITAL PEDAGOGY: INTERACTIVE RESOURCES FOR READING FICTION BY DIFFERENT CATEGORIES OF READERS

Аннотация. Представлены мультимедийные образовательные комплексы Института Пушкина по обучению чтению художественной литературы для разных категорий читателей. Дано краткое описание основных принципов методики обучения чтению художественной литературы и новой формы учебного взаимодействия в цифровой среде – интерактивного урока чтения.

Ключевые слова: Институт Пушкина, цифровой мультимедийный образовательный комплекс, художественная литература, обучение чтению, интерактивный урок чтения

Abstract. The article presents multimedia educational resources of the Pushkin Institute for teaching reading fiction to different categories of readers. A brief description of the main principles of the methodology for teaching reading fiction and a new form of educational interaction in the digital environment – an interactive reading lesson is given.

Keywords: Pushkin Institute, digital multimedia educational complex, fiction, reading instruction, interactive reading lesson

Это - начало новой эпохи в педагогике...

*Самое интересное и важное –
возможность взаимодействия со студентом на расстоянии.*

В. Г. Костомаров

(«Авторитетное мнение» на Главной странице
проекта «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина»)

С 2015 года в Институте Пушкина в рамках научного направления «Цифровая лингводидактика» разрабатываются электронные ресурсы по чтению художественной литературы. Специально для этого проекта был создан вариант методики обучения чтению художественной литературы для использования в цифровой среде.

Современный уровень развития цифровых технологий позволяет создавать электронные образовательные ресурсы, использование которых не только вносит в учебный процесс разнообразие, делает занятия более привлекательными для аудитории, но и позволяет более эффективно использовать собственно методические интерактивные технологии.

Как известно, *интерактивность* – это свойство методики, вовлекающей обучаемого в активную учебную деятельность, благодаря чему он становится субъектом учебного процесса и самостоятельно моделирует учебную ситуацию по образцам естественного речевого взаимодействия. Задолго до появления разнообразных компьютерных устройств и цифровых технологий, учитель, используя традиционный набор - доску, мел и книгу, мог сделать урок «живым» всего лишь особым – интерактивным - образом формулируя вопросы и задания, которые буквально побуждали учеников к действиям (ответам, обсуждению, спору и т.п.).

Возможности современной цифровой среды позволяют «зафиксировать» интерактивный методический аппарат и многократно повторять, создавая эффект взаимодействия не только на расстоянии, но и во времени – «здесь и сейчас».

Интерактивный онлайн-урок чтения – это новая форма учебного взаимодействия, разработанная специально для использования в цифровой образовательной среде. В отличие от лекции

МООК (в том числе лекции по литературе), которая представляет собой изложение преподавателем теоретического материала, интерактивный урок чтения ориентирован на практическое использование учащимися имеющихся у него и/или получаемых в процессе урока знаний, формирование и совершенствование навыков чтения (не анализа) художественного текста на русском языке.

Основной компонент интерактивного урока чтения – собственно художественный текст, который предъявляется читателю по фрагментам печатным текстом и в аудио-/ видеозаписи (текст читает преподаватель-автор урока). Предъявление текста по фрагментам позволяет читателю более глубоко вникнуть в текст, чему способствуют также интерактивные вопросы и задания. Небольшой объем фрагмента и следующие за ним вопросы, позволяющие преодолеть сложные моменты, не дают ученику возможности «испугаться трудностей» (по выражению одного из учеников), и чтение текста проходит в комфортных условиях.

Каждый урок чтения представлен в двух версиях «Читателям» и «Учителям». Продвижение вперед в версии «Читателям» возможно только в случае правильного ответа. Читатель не может пропустить тот или иной вопрос/задание, показавшийся ему трудным или неинтересным. Версия «Учителям» с первой сцены урока знакомит пользователя со структурой урока и предоставляет пользователю большую свободу: он может перемещаться по уроку по своему усмотрению, заходя в нужные фрагменты урока и открывая задания в любой последовательности без необходимости их выполнения. Для детей с особенностями речевого развития (дислексией) имеются специальные *логopedические* версии уроков чтения, отличающиеся от основных особой организацией экрана (размер шрифта и расположение изображений на экране), а также дополнительными ресурсами «Предупреждаем трудности» и др.

Основных методических принципов, по которым создаются онлайн-уроки чтения для разных категорий учащихся всего три.

Во-первых, для обучения чтению, или «смысловому восприятию», в терминологии И.А. Зимней, целесообразно использовать аутентичные художественные тексты, не подвергавшиеся адаптации и /или сокращению. Текст (стихотворение, рассказ, сказка и др.), изначально созданный на русском языке (не перевод) для целей общения (не для учебных целей), должен быть небольшого объема, чтобы работа над ним не выходила за рамки занятия одного дня (45 мин, 1,5 ак. часа и т.п.). Текст должен содержать только знакомую грамматику, а ситуация текста должна быть узнаваема потенциальным читателем.

Во-вторых, при разработке методического аппарата к художественному тексту – комплекса интерактивных вопросов и ответов к ключевым единицам текста – необходимо учитывать универсальные психологические механизмы чтения: уровневую структуру читательской деятельности (уровень узнавания языкового значения, установления смысла текстовой единицы и уровень воссоздания словесных образов текста в форме читательских представлений) и когнитивные стратегии, используемые на каждом уровне.

В-третьих, сам урок чтения организуется по модели естественного взаимодействия читателя и книги в реальных условиях: задача предтекстового этапа работы – формирование внутреннего мотива чтения («Я хочу прочитать!»), притекстовый этап – собственно читательская деятельность с целью моделирования ситуации текста, послетекстовый этап (факультативный) – углубление и расширение знаний читателя о тексте и его авторе. В онлайн-уроке чтения используется тестовый формат заданий: читателю предлагается набор вариантов ответов (правильным может быть один, два и более). Время и количество попыток выбора правильного (-ых) варианта (-ов) не ограничено. В любом случае правильный ответ будет найден, для чего читателю потребуется не один раз обратиться к тексту (что само по себе хорошо).

Более подробно с авторской методикой обучения чтению художественной литературы можно познакомиться в монографии и других публикациях автора настоящей статьи [Кулибина 2023; 2019; 2015]. По предлагаемой методике могут создаваться ресурсы по чтению для разных категорий читателей: детей и взрослых; инофонов, билингов, носителей русского языка, а также изучающих русский язык как неродной (государственный язык России); дошкольников, школьников, студентов etc. Индивидуализация уроков достигается путем выбора художественного текста, соответствующего интересам, потребностям и возможностям (возраст и уровень владения русским языком) потенциального читателя.

В настоящее время созданные по этой методике интерактивные ресурсы по обучению чтению размещены на портале «Образование на русском» в нескольких комплексах.

Прежде всего, на сайте интерактивного курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» <https://ac.pushkininstitute.ru/course1.php> размещено 57 онлайн-уроков чтения по художественным текстам русских писателей XVIII–XXI веков: от М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина до С. В. Лукьяненко и Д. И. Рубиной, а также более 300 дополнительных ресурсов к ним: уроки «Учим наизусть» (для поэтических текстов) и «Читаем сами» с использованием технологии распознавания

голоса, pdf-приложения с творческими заданиями, аудио- и видеотексты и др. На сайте представлены уроки чтения:

- по стихотворениям русских поэтов Золотого и Серебряного веков русской литературы, а также поэтов XX–XXI веков И. А. Бродского, Б. А. Ахмадулиной, А. В. Вознесенского, Е. А. Евтушенко и др.;

- по рассказам Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина, В. М. Шукшина, Д. И. Рубиной, С. В. Лукьяненко, Петра Бормора и др.;

- сказкам: народным («Рукавичка») и авторским (Л. С. Петрушевской, С. В. Козлова); и даже загадкам из «Ненаглядного пособия по математике» Г. Б. Остера.

Рис. 1. Главная страница Интерактивного курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой»

В разделе «Практика применения» размещены примеры того, как российские и зарубежные преподаватели-русисты и родители используют в материалы курса в своей педагогической практике для групповой и индивидуальной работы на уроках и дома.

В настоящее время идет активная модернизация мультимедийного образовательного комплекса Института Пушкина «Русский язык для наших детей». В новой разделе «Уроки русского» размещаются ресурсы по разным аспектам практического курса русского языка, их объединяет формат предъявления учебного материала – визуализация очного урока в форме интерактивного онлайн-урока (лексики, грамматики; чтения, аудирования и др.).

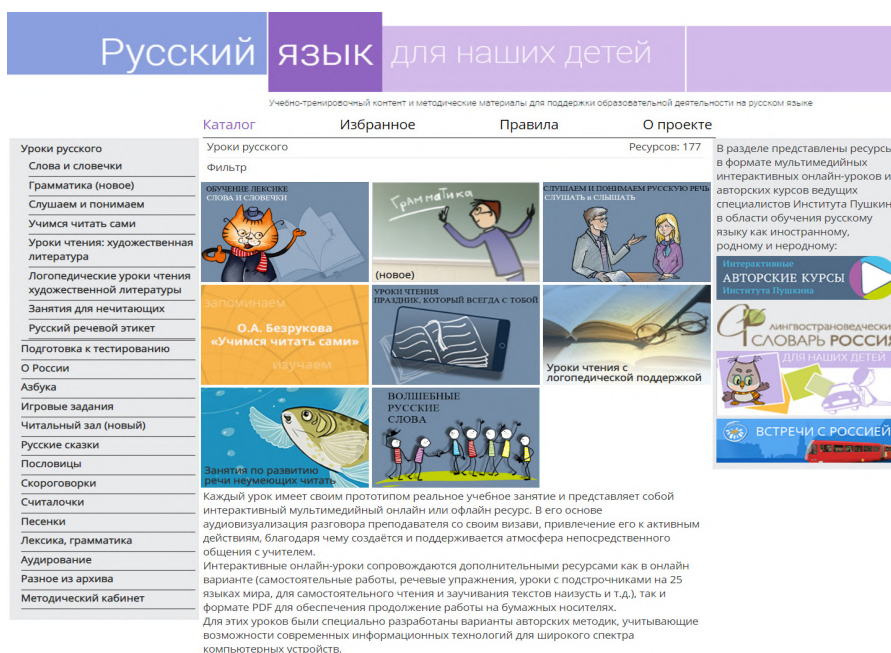

Рис. 2. Страница раздела «Уроки русского» обновленной версии комплекса «Русский язык для наших детей»

По завершении всех работ в обновленной версии этого комплекса будут размещены онлайн-уроки чтения для детской аудитории, а пока детские уроки можно посмотреть на сайте интерактивного курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой». В этих уроках использованы художественные тексты русских писателей как любимых многими поколениями детей (С. Я. Маршак, К. И. Чуковского и других), так и современных авторов (М. Я. Бородинской, В. А. Левина и др.). В детских уроках и дополнительных ресурсах к ним активно используются иллюстрации, анимация; звукозаписи, фрагменты мультфильмов и др. Обычно средства наглядности размещаются на экране последней сцены урока, так они не отвлекают юных читателей и служат своего рода наградой за прочитанный текст.

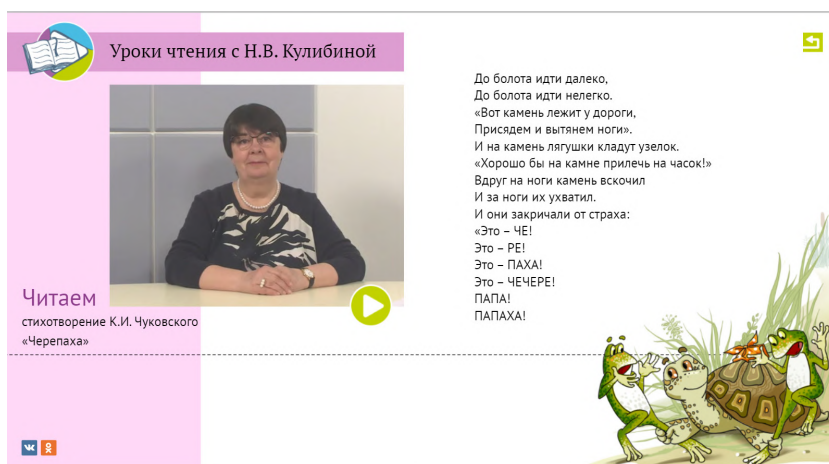

Рис. 3. Сцена послетекстовой работы из урока чтения по стихотворению К. И. Чуковского

Также в мультимедийном комплексе «Русский язык для наших детей» планируется разместить ресурсы под общим названием «Читаем с дошколятами, не умеющими читать»: цифровые занятия для интеллектуального развития детей (4+) на основе обучения смысловому восприятию текстов русской детской художественной литературы»

В силу особенностей дошкольного возраста – уровня когнитивной зрелости и степени сформированности психических процессов (восприятия, памяти и внимания) у детей 4-7 лет – прямой перенос методик, разработанных для школьников и более взрослых читателей, невозможен. Онлайн-ресурс для детей дошкольного возраста требует принципиально иных формулировок и способа подачи инструкций и заданий, исключающих использование письменного текста, насыщенных специальными пиктограммами, знаками и символами, необходима также разработка интуитивно понятного дошкольникам и взрослым (неспециалистам) интерфейса.

Так как использование печатного текста не имеет смысла, все необходимые текстовые материалы – собственно художественные тексты (последовательно по фрагментам и целиком), вопросы и задания – предлагаются в аудио-формате. Варианты ответов в тестовых заданиях даются картинками и озвучиваются. Юному «читателю» предлагается выбрать нужную картинку, отвечая на устный вопрос, например, «За чем дед пошел в лес?» (в онлайн-занятии по русской сказке «Рукавичка»):

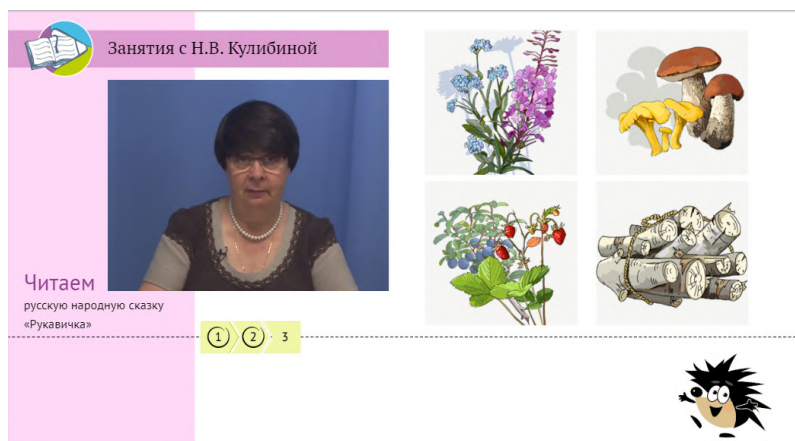

Рис. 4. Сцена занятия по чтению по русской народной сказке «Рукавичка»

К юбилею Ф. М. Достоевского (2021) при финансовой поддержке фонда «Русский мир» был создан электронный ресурс «Достоевский на интерактивном уроке чтения»: на сайте которого размещены интерактивный онлайн-урок чтения по рассказу писателя «Елка и свадьба» в двух версиях «Читателям» и «Учителям», а также дополнительные ресурсы к нему аудио- и видеотексты, pdf-приложение с творческими заданиями, а также мобильное приложение, позволяющее использовать электронные ресурсы вне цифровой среды.

К юбилею А. С. Пушкина (2024) запланировано создание мультимедийного комплекса по пушкинской повести «Барышня-крестьянка». Комплекс будет состоять из четырех уроков чтения (в двух версиях), дополнительных ресурсов к ним, включая мобильные приложения, pdf-приложение с творческими заданиями и др.

Рис. 5. Главная страница проекта

В целом можно сказать, что на портале «Образование на русском» Институтом Пушкина создается интерактивная образовательная среда по чтению для самых разных целевых групп: читателей, учителей/преподавателей, родителей, иными словами: для всех интересующихся чтением русской художественной литературы.

Чтение – вот лучшее учение! (А. С. Пушкин).

Список литературы

1. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы : монография. 3-е изд. М. : Флинта, 2023.
2. Кулибина Н. В. Читаем стихи русских поэтов : учеб. пособие по чтению для изучающих РКИ. 7-е изд. СПб. : Златоуст, 2019.
3. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке : метод. пособие для преподавателя РКИ. СПб. : Златоуст, 2015.

Сведения об авторе:

Кулибина Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, начальник методического отдела Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва, Россия.

И. В. Малявкина

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

**ВНЕАУДИТОРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ В МУЗЕЙНОЙ СРЕДЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

I. V. Malyavkina

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

**EXTRACURRICULAR STUDIES OF RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE IN THE MUSEUM AREA OF ST. PETERSBURG**

Аннотация. Цикл посещений различных музеев Санкт-Петербурга рассматривается как действенная современная методика, направленная на достижение нескольких дидактических целей: актуализация лексического запаса студентов и усвоение новой лексики, непосредственное погружение в культурно-историческую языковую среду, формирование полноценного образа города, который должен стать дополнительным мотивирующим фактором в изучении русского языка как иностранного. Приведены результаты опроса китайских студентов по завершении цикла внеаудиторных занятий.

Ключевые слова: внеаудиторные занятия русским языком как иностранным, экскурсии в музеи, культурно-историческая языковая среда, действенная методика

Abstract. A series of trips to the museums of St. Petersburg is considered as an effective technique aimed at achieving several didactic goals: updating the vocabulary of students and mastering new vocabulary, immersion in cultural and historical language environment, the formation of a full-fledged image of the city, which should become an additional motivating factor in the study Russian as a foreign language. The results of a survey of Chinese students at the end of extracurricular activities are given.

Keywords: extracurricular studies of Russian as a foreign language, excursions to museums, cultural and historical language environment, effective methodology

Современная методика преподавания РКИ располагает обширным набором приемов и форм проведения занятий. Наряду с использованием цифровых технологий применяются и традиционные, успешно зарекомендовавшие себя за многие десятилетия формы обучения иностранцев русскому языку. В частности, коллеги из разнопрофильных российских вузов активно делятся успешным опытом проведения внеаудиторных занятий. Особый интерес вызывает учебная экскурсия как педагогическое средство формирования различных компетенций у студентов. М. И. Божкова рассказывает о формировании лингвострановедческой компетенции иностранных студентов во время внеаудиторной работы на кафедре белорусского и русского языков Белорусского государственного экономического университета. Она выделяет базовые принципы внеаудиторной работы: культурно-познавательная значимость мероприятия, взаимосвязь с изучаемым учебным материалом, соответствие мероприятия национальным и индивидуальным особенностям учащихся [Божкова 2017 : 178]. Образовательный потенциал учебной экскурсии исследуют петербургские педагоги О. А. Устинова и Т. А. Аврашко. Ими представлены полезные материалы, которые помогут при проведении экскурсии в художественный музей с иностранными военнослужащими, находящимися на обучении в России. По мнению авторов, «подобные экскурсии способствуют формированию лингвокультурной компетенции, воспитывают человека, умеющего ценить и уважать духовные ценности другой культуры, готового вести диалог в рамках этой культуры» [Устинова, Аврашко 2022 : 137]. Дидактическими функциям учебных экскурсий, их лингводидактической ценности, а также этапам проведения учебных экскурсий, их содержанию и роли в оптимизации обучения РКИ посвятили научную статью Н. Г. Большакова и Л. А. Ильина. Они описывают практику учебных экскурсий в профессионально ориентированном обучении РКИ студентов Российского университета дружбы народов [Большакова, Ильина 2016 : 1647].

В длинном перечне статей, посвященных различным аспектам внеаудиторной работы, статья А. В. Дикаревой наиболее созвучна нашему исследованию. Автор рассматривает экскурсию как важное средство формирования образа города, который должен стать стимулирующим фактором на занятиях русским языком для иностранцев. А.В. Дикарева приводит примеры учебных экскурсий, дополняющих аудиторные занятия и развивающих коммуникативные навыки иностранных студентов [Дикарева 2013 : 89].

Цель данной публикации – рассказать об успешном опыте проведения цикла из шести внеаудиторных занятий в музеях Санкт-Петербурга. По данным сайта <http://www.peterburg.biz>, в Петербурге сегодня работают 146 музеев. Каким образом производился отбор шести объектов посещения? Изначально все экскурсии в музей планировались для студентов 2 курса бакалавриата в рамках Практического курса первого иностранного языка по теме «Профессии». В расписании четвертого семестра в понедельник два раза в месяц значилось сдвоенное занятие (четыре академических часа подряд) в первой половине дня. В Петербурге в большинстве музеев понедельник – выходной день, однако отраслевые музеи работают по пятидневному графику. В результате проведенной преподавателем предварительной работы был составлен следующий список:

- Театральный музей.
- Музей космонавтики (Газодинамическая лаборатория).
- Военно-медицинский музей.
- Музей Банка России.
- Музей Института русского языка и литературы (Пушкинский дом).
- Музей почвоведения.

Как видно, в данном перечне представлены разнообразные профессиональные сферы деятельности, что позволило значительно расширить и пополнить словарный запас второкурсников. В конце каждой экскурсии преподаватель закреплял новые слова и понятия – их написание, произношение, значение и перевод на родной язык. В качестве домашнего задания студентам было необходимо заполнить тематическую таблицу, например

Театральные профессии

Кто	Что делает

В левый столбец студенты вписывают название профессии, в правый – что делает человек этой профессии. Проверка домашнего задания на начальном этапе цикла экскурсий выявила следующий недочет: некоторые студенты заполняли столбец «Что делает» формально, вставляя текст, скопированный из толкового словаря или ответ на поисковый запрос в интернете. Невысокая оценка подобной работы и подробный разбор правильных вариантов заполнения таблицы побудили всех студентов в дальнейшем писать «своими словами», что поспособствовало усвоению семантики новых слов и закреплению грамматических форм (глаголов; согласования глаголов с существительными).

Помимо письменного домашнего задания новая лексика закреплялась в аудитории – активизировался навык говорения на русском языке. Например, после экскурсии в Театральный музей студентам предлагалось рассказать о своем любимом актере. Это задание вызвало живой отклик у аудитории: студенты с удовольствием показывали фото своих кумиров, сопровождая краткой информацией о сыгранных ролях. После посещения Музея Банка России учащиеся высказывались на тему «Я хотел(а) бы стать банкиром, потому что.../ я не хотел(а) бы стать банкиром, потому что...». Дискуссия получилась активной, интересной и увлекательной. Личностный подход к обсуждению иной профессиональной сферы стимулировал эмоциональное речепорождение у студентов.

Поддерживая тезис А.В. Дикаревой об экскурсии как важном средстве формирования образа города, нельзя не сказать об изменениях в восприятии Санкт-Петербурга, которые отразили студенты в ходе анкетирования. На вопрос: изменилось ли ваше представление о Санкт-Петербурге после проведенных экскурсий, лишь 15,8% ответили отрицательно: не изменилось (мы не уточняем оценку восприятия города). На вопрос, если ваше представление изменилось, то напишите, каким было и каким стало, получены следующие ответы (орфография и пунктуация авторские):

- *В Санкт-Петербурге все еще есть много знаний, которые мне нужно понять.*
- *Санкт-Петербург показался мне городом с богатой историей и культурой, с множеством различных музеев.*
- *Это город с глубоким культурным наследием.*
- *Экскурсия интересная и образованная. Совсем не скучно.*
- *Санкт-Петербург – древний город. Его культуру нам нужно изучать.*

- *Посетив Санкт-Петербург, я открыл для себя очарование этого города. Раньше я думал, что это был самый обычный город. Теперь я знаю, что в Санкт-Петербурге богатая культура.*
- *Я узнаю, что много других знаний, помимо учебников.*
- *Я знал только, что в Санкт-Петербурге много театров, но после посещения Театрального музея я узнал больше о том, что происходит за кулисами и как развивался театр.*
- *Каждый раз, когда я посещаю музей, мое понимание города Петербурга будет углубляться, я буду понимать историю, культуру и искусство города. Мне нравится ходить в музеи, там можно не только узнать новые слова и знания, но и побольше узнать о городе.*
- *Петербург интереснее, чем я думал.*
- *В Санкт-Петербурге мне еще многое нужно узнать.*
- *Каждый раз, когда я посещаю музей, я глубже понимаю город Санкт-Петербург, лучше понимаю его культуру, искусство и историю. Также в состоянии выучить новые слова, и мне нравилось посещать музеи.*

Прочитав мнения студентов из Китая, обучающихся в Институте РКИ РГПУ им. А.И. Герцена, можно с уверенностью сказать, что экскурсии в малоизвестные иностранцам петербургские музеи оказали существенное влияние на восприятие города, способствовали пробуждению интереса к его истории, культуре, науке. Помимо этого студенты расширили географию самостоятельных поездок по городу (по их просьбе встречи назначались у входа в здания музеев).

Итоговый опрос наглядно подтвердил лингводидактическую ценность занятий, проведенных в музеях – 94,7 % респондентов ответили утвердительно на вопрос: помогают ли внеаудиторные занятия в освоении новой лексики русского языка? Лишь один студент выбрал вариант «мне трудно ответить».

На вопрос: какие занятия вы считаете полезными для языковой практики, 68,4% учащихся ответили «внеаудиторные – экскурсии». Хотя сотрудники музеев не готовили рассказ, специально адаптированный для иностранной группы, китайские студенты пользовались индивидуальными голосовыми переводчиками в смартфонах, что помогало им лучше понимать устную русскую речь и задавать вопросы по окончании экскурсии.

Какой музей оказался самым трудным для восприятия и понимания?
19 ответов

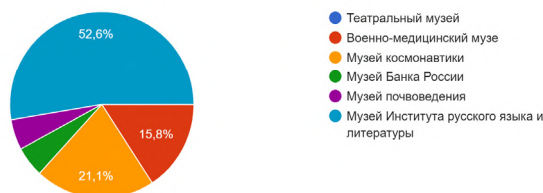

Рис. 1. Ответы на вопрос № 2

Проведенное микроисследование выявило интересные и неожиданные для преподавателя предпочтения иностранных студентов. Самыми «запоминающимися» музеями из перечня оказались Музей космонавтики и Музей почвоведения, а «самым трудным для восприятия и понимания» студентами-филологами стал Музей Института русского языка и литературы (!). Тема экскурсии «Истории музея и раздел «Пушкин и его окружение».

Над этими результатами еще предстоит поразмыслить и возможно скорректировать программу посещений, учитывая интерес подавляющего большинства студентов к внеаудиторным занятиям в музее.

Хотите ли вы, чтобы внеаудиторные занятия проводились
19 ответов

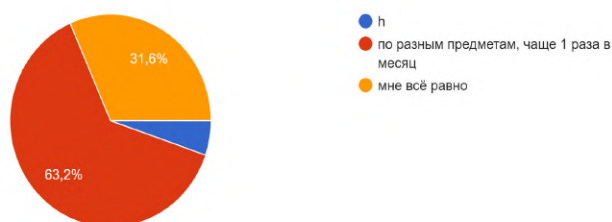

Рис. 2. Ответы на вопрос № 7.

Как справедливо отметили коллеги, наиболее эффективными средствами обучения в преподавании РКИ выступают зрительные и зрительно-слуховые, так как они характеризуются высоким уровнем информативности и динамизмом изображения [Найденова, Скрябина, Демишкевич 2021 : 225].

Опыт проведения внеаудиторных занятий по теме «Профессии» в музеях Санкт-Петербурга наглядно показал, что экскурсия является той внеаудиторной работой, которая позволяет оптимизировать учебный процесс, активизировать словарный запас и отработать введение новой лексики в пространстве высоконаглядных, доступных и одновременно уникальных музейных экспозиций.

Список литературы

1. Божкова М. И. О культуроведческой направленности внеаудиторных занятий при обучении РКИ // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы III Междунар. науч.-метод. конф. : в 2 т. (г. Омск, 26 мая 2017 г.) // Омский автобронетанковый инженерный институт. Т. 1. Омск : Изд-во Ипполитова, 2017. С. 178–181. EDN YOLMZX.
2. Большакова Н. Г., Ильина Л. А. Учебная профессионально ориентированная экскурсия в РКИ: функции и содержание // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1646–1650. EDN XXDLTF.
3. Дикарева А. В. Экскурсия как педагогическое средство формирования образа города в сознании вторичной языковой личности / А. В. Дикарева // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Т. 12, № 2(105). С. 88-90. EDN QBMJAL.
4. Найденова Т. П., Скрябина В. С., Демишкевич Е. В. Потенциал экскурсионной педагогики в рамках обучения русскому языку как иностранному // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., посвящ. 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета (г. Донецк, 17 мая 2021 г.). Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2021. С. 219–225. EDN QQDIYZ.
5. Устинова О. А., Аврашко Т. А. Образовательный потенциал учебной экскурсии как внеаудиторной формы организации занятий по РКИ (на примере экскурсии в Русский музей) // Новое и традиционное в практике обучения русскому языку как родному и иностранному в университетах нефилологического профиля : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 27 мая 2022 г.). СПб. : Санкт-Петербургский гос. архит.-стр. ун-т, 2022. С. 129–138. EDN HZGEVE.

Сведения об авторе:

Малявкина Ирина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

С. С. Пашковская

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ВЫ МЕНЯ НЕ ТАК ПОНЯЛИ... ОБУЧЕНИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

S. S. Pashkovskaya

Penza State University, Penza, Russia

YOU GOT ME WRONG... TEACHING SOUNDING SPEECH IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Цель статьи – анализ особенностей обучения звучащей речи на уроках русского языка как иностранного. Представлен анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных ученых; выявлены назревшие проблемы и противоречия в теории и практике преподавания звучащей речи на уроках русского языка как иностранного; обобщены накопленные экспериментальные материалы (руководство выпускными квалификационными работами бакалавров и магистрантов по анализу звучащей русской речи (более 10 исследований); опрос бакалавров и магистрантов (филологов); сопоставлены полученные результаты эксперимента с классическими и современными теоретическими концепциями. Анализ и синтез теоретических и практических исследований по обозначенной теме позволил обосновать систему работы над фонетико-интонационной интерпретацией звучащего текста, включающей также экстралингвистический и паралингвистический анализ контекста.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, обучение звучащей речи, коммуникативные неудачи

Abstract. The aim of the article is to analyze the teaching of sounding speech in the lessons of Russian as a foreign language. The author presents an analysis of theoretical studies of domestic and foreign scientists, reveals urgent issues and contradictions in the theory and practice of teaching sounding speech in the lessons of Russian as a foreign language. The article summarizes the accumulated experimental materials (graduate qualification works of bachelors and masters on the analysis of sounding Russian speech (more than 10 studies); a survey of bachelors and masters (philologists). The author compares the experimental results with classical and modern theoretical concepts. Analysis and synthesis of theoretical and practical research on the designated topic allowed to substantiate the system of work on the phonetic-intonational interpretation of the sounding text, which also includes extralinguistic and paralinguistic analysis of the context.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, teaching sounding speech, communicative failures

Введение. Звучающая речь первична и естественна для реальной коммуникации: учебные и производственные организации, трудовые коллективы, семья постоянно «находятся в процессе производства, интерпретации и передачи смысла»: «порядок дел (*в быту, учебном процессе, экономике и т.д.* – *авт.*) есть результат действия (*успешной*) коммуникации» [Киселева 2016: 17-18].

«Детерминанты компетенций» («структура деятельности») специфичны для каждого вида деятельности человека, но имеют нечто общее – «структуру взаимодействия (коммуникацию)» [Киселева 2016: 16–17].

Причиной «коммуникативных неудач» (глобальных и частных) являются:

- 1) языковые и экстралингвистические нарушения со стороны говорящего,
- 2) отсутствие адекватного восприятия информации со стороны слушающего.

Неверный выбор лексики, грамматические и стилистические неточности, фонетические и интонационные ошибки говорящего превращают даже глубокое и интересное по содержанию высказывание в набор отдельных слов и словосочетаний, а отсутствие навыков декодирования звучащего текста реципиентом превращает этот текст 1) в «единый поток звуков», 2) в «выхватывание»

из этого текста отдельных фраз, слов, 3) в искажение общего смысла, что не только нежелательно, но и опасно в современном коммуникативно-информационном мире.

Общение людей, по мнению А. Шопенгауэра, напоминает греющихся «в холодную, зимнюю ночь» дикобразов, которые колют друг друга, но приближаются, чтобы согреться. Знание этикета и правил вежливости позволяет коммуникантам не наносить «словесных ран» друг другу, поэтому на практических занятиях по русскому языку как иностранному много учебного времени уделяется знакомству с речевым этикетом и традиционными правилами вежливости, принятым в русской культуре. Это необходимо, но не менее важно сформировать у иностранных учащихся умения декодирования звучащей русской речи. Приятные (на первый взгляд) и добрые слова могут обидеть человека: смысл высказывания меняется в зависимости от контекста, пресуппозиции, интонации (ироничной, насмешливой, саркастичной), что остается вне компетенции иностранных студентов.

Смыслоразличительные и эмоционально-стилистические возможности интонации русского языка, темпоральные характеристики высказываний, паузы, фразовое и логическое ударение расширяют и углубляют представления иностранцев о коммуникативных возможностях звучащей речи – коммуникативный принцип обучения является основополагающим при работе над звучащим текстом.

Считаем, что обучение звучащей речи на занятиях по русскому языку как иностранному должно быть: 1) системным и последовательным, 2) на всех этапах обучения иностранному языку.

В данной области фундаментальными являются исследования Е. А. Брызгуновой, Л. В. Бондарко, Т. М. Николаевой, Р. К. Потаповой, Н. Д. Светозаровой, S. Ode, Fougeron, Н. Д. Арутюновой, Н. И. Самуйловой, И. Г. Торсуевой, С. С. Хромова, И. Л. Муханова, Н. В. Черемисиной, В. И. Петрянкиной, Е. В. Падучевой, С. В. Кодзасова, О. Ф. Кривновой, М. Н. Шутовой, Е. В. Цветковой и др., но до сих пор вопрос о методах преподавания звучащей речи на уроках русского языка как иностранного остается актуальным.

Какая научно-методическая концепция работы над звучащей речью наиболее эффективна на современных уроках русского языка как иностранного?

Цель

Цель исследования – анализ особенностей обучения звучащей речи на уроках русского языка как иностранного.

Материалы и методы

1. Анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных ученых.
2. Выявление назревших проблем и противоречий в теории и практике преподавания звучащей речи на уроках РКИ.
3. Обобщение накопленного экспериментального материала (руководство выпускными квалификационными работами бакалавров и магистрантов по анализу звучащей русской речи (более 10 исследований); анкетирование и опрос бакалавров и магистрантов (филологов).
4. Сопоставление полученных результатов эксперимента с классическими и современными теоретическими концепциями.

Результаты

Анализ и синтез теоретических и практических исследований по обозначенной теме позволил сформулировать следующие выводы:

1. Важность и актуальность анализа звучащей речи отмечена всеми участниками опроса (35 человек).
2. Обоснованность системы работы над фонетико-интонационной интерпретацией звучащего текста, включающей экстралингвистический и паралингвистический анализ контекста (во время всего обучения в вузе).

Обсуждение

Иностранный язык усваивается лучше и быстрее в процессе речевой деятельности, когда у учащегося есть желание сообщить, спросить или побудить собеседника к чему-либо – коммуникативная установка, коммуникативное задание; когда есть желание услышать и правильно понять ответ собеседника (важность обучения звучащей речи отмечена всеми учащимися опроса – бакалаврами (филологами) и магистрантами (филологами) ПГУ).

В процессе учебной деятельности и аккультурации иностранцы заинтересованы в успешной коммуникации.

Обучение звучащей речи начинается с вводно-фонетического курса русского языка, имеет продолжение на практических занятиях по русскому языку, теории и практике межкультурной коммуникации, занятиях по культуре речи, т.е. на всех занятиях бакалавриата и магистратуры. В магистратуре (для филологов) выделен специальный курс «Фонетический анализ звучащей речи», предполагающий систематизацию и обобщение всего изученного ранее материала.

Коммуникация (общение) – «специфический вид человеческой деятельности», где язык выступает лишь средством [Бадмаев 1999: 26]. Звучащий текст, характерный для естественной коммуникации, – чрезвычайно сложный объект изучения, включающий следующие компоненты:

- а) фонетико-интонационные:
 - мелодику (изменение высоты голоса – восходящая, нисходящая, ровная, нисходяще-восходящая, восходяще-нисходящая);
 - ритмику («количественный показатель» звучания отдельных звуков, длительности пауз);
 - особенности тембра голоса говорящего;
 - темпоральные особенности звучания гласных в ИЦ (интонационных центрах), в предцентровой и постцентровой части;
- б) лексические (словарные) особенности;
- в) грамматико-синтаксические характеристики;
- г) контекстные (социокультурные);
- д) индивидуально-личностные (общий уровень культуры и жизненный опыт) говорящего и слушающего.

На занятиях по обучению звучащей речи необходимо:

- 1) показать связь интонации и синтаксиса; интонации и актуального членения,
- 2) познакомить с теоретическими концепциями отечественных и зарубежных исследователей,
- 3) сформировать практический навык составления интонационной и фонетической транскрипции звучащего текста,
- 4) представить учащимся алгоритм анализа экстралингвистических и паралингвистических особенностей говорящего.

Рассмотрим обучение звучащей речи на разных этапах.

1. Обучение звучащей речи на начальном этапе обучения – это путь «снизу - вверх» (в соответствии с постепенным восхождением от звукового сигнала к понятийному уровню), а на продвинутом этапе – «сверху-вниз» (от целостного восприятия контекста и темы к отдельным компонентам высказывания).

Обучение звучащей речи начинается с вводно-фонетического курса – формирования фонематического слуха и слухопроизносительных навыков.

Аудитивная компетенция (восприятие и понимание звучащего текста) формируется в процессе последовательного и поэтапного обучения.

Во-первых, наблюдение за артикуляцией говорящего, внутреннее проговаривание (которое возможно только при наличии установки *на слушание*) способствует трансформации звуковых и зрительных образов в артикуляционные; корректное внутреннее проговаривание (в свою очередь) является следствием сформированных слухопроизносительных навыков.

Во-вторых, готовность к слушанию обусловлена восприятием звучащего текста в целом, которая коррелирует с пониманием отдельных частей звучащего текста, т.е. окончанием фраз, синтагм (осмыслением отдельных сегментов речевой цепи). Чтобы понять текст в целом, надо научиться «слышать» составляющие сегменты речевой цепи – фразы, словосочетания и отдельные слова.

Обязательным условием осмысления (интерпретации) звучащего текста является развитие оперативной и долговременной памяти учащихся. Психологи советуют начинать с 5–6 слов (во фразе!), постепенно увеличивая до 13 единиц (данное количество слов не должно превышать!) [Ильина 1968].

Итак, успех иностранцев в работе над звучащим текстом зависит от развитого фонематического слуха, автоматизированных слухопроизносительных навыков, навыков сегментации связного текста.

2. Обучение звучащей речи связано с декодированием смысловых компонентов высказывания (лексики и грамматики русского языка).

Трудности декодирования звучащего текста связаны: 1) с омонимией; 2) омофонией; 3) полисемией, т.е. с «идентификацией значения слова, актуализированного в данном контексте» [Балыхина 2007: 119].

Таким образом, работа по обучению звучащей речи предполагает поэтапную работу над многозначной лексикой, грамматической омонимией (например, нужно показать иностранным студентам разницу слов *лечу* от «лететь» и «лечить» в контексте), что поможет в снятии трудностей узнавания (перцепции) языкового материала.

3. «Опережающий лингвистический код реконструкции мысли» [Гальскова; Гез 2005: 164] предшествует работе над смысловой и грамматической апперцепцией текста (прогнозированием). Предлагаются задания на «сжатие» текста (выявление «сгустка информации»), эквивалентную замену (грамматическая и лексическая трансформация); коммуникативное членение предложения.

4. Работа над уровнем понимания звучащего текста, на наш взгляд, самое сложное. Успешное декодирование (корректная расшифровка) мысли звучащего текста - переход этой мысли в сознание реципиента (слушающего) без искажения и подмены смысла (что не всегда возможно даже и на родном языке!). Примером тому многочисленные конфликты, недопонимания и привычные фразы: «Вы неправильно меня поняли!»; «Я не это имел в виду»; «А с чего Вы это взяли?!».

Понимание звучащего текста предполагает декодирование:

а) буквального значения высказывания (с учетом описанных выше фонетических, лексических, грамматических особенностей);

б) экстралингвистических, паралингвистических пресуппозиций и социокультурных знаний контекста;

в) интенциональных особенностей;

г) коннотативной (субъективно – оценочной, эмоциональной) информации;

д) когнитивной информации (выведение адекватного смысла) [Балыхина 2007: 121].

Подробное описание уровня осмысления реципиентом звучащего текста представлено в работах А. Р. Лурии.

Обучение звучащей речи предлагается начинать с 1) метаязыка данной научной дисциплины и 2) введения «необходимой и достаточной» теории: знакомства с синтагматическим членением, «паузированием» (вариативными и обязательными паузами; грамматическими и неграмматическими паузами / психологическими и паузами хезитации; дикторскими; фразовым ударением и интонационной транскрипцией (теория интонационных конструкции (ИК) Е.А.Брызгуновой); интонационными особенностями текста (теория С.В.Кодзасова и др).

В процессе работы над звучащим текстом – его коммуникативной направленностью – предлагается:

1) целостное восприятие звучащего текста, где фонетические явления воспринимаются не как отдельные факты, а как составляющие единой артикуляционной базы, которая (по мнению Е. А. Брызгуновой) распространяются «не только на произношение звуков, слов, но и на ... интонационный рисунок предложений», таким образом, основной единицей обучения выступает предложение (высказывание), что предполагает:

- комментирование незнакомой лексики;
- иллюстрацию синтаксических особенностей и соотношение синтаксиса и интонации; интонации и контекста;
- описание общего смысла высказывания;
- представление соответствующих контексту экстралингвистических и паралингвистических характеристик;
- знакомство с соответствующими звучащему тексту средствами невербальной коммуникации;

2) отработка отдельных фонетических явлений (учебно-методическая «изолированность» фонетических фактов, предполагающая отработку не только интонационных, но и вызывающих затруднения артикуляционно-просодических составляющих текста):

- членение звучащего текста (с опорой на монтажный лист) текста на синтагмы; выявление небольших (/) и больших (//) пауз; обозначение пауз хезитации (на продвинутом этапе обучения);
- выявление интонационного центра (ИЦ – ударного слога главного по смыслу слова) в каждой синтагме;

– движение тона (на гласном ИЦ); сравнение с уровнем тона на предцентральной и постцентральной частях – рисунок интонационной конструкции (ИК в теории Е. А. Брызгуновой);

3) закрепление и автоматизация фонетико-интонационных навыков (в потоке речи) – работа с монтажным листом (письменным текстом с синтагматическим членением и интонационной транскрипцией); воспроизведение (чтение) с опорой на интонационную разметку текста (труды и Г. Н. Ивановой–Лукияновой, Н. В. Черемисиной и др.);

4) работа над возможными вариативными трансформациями (динамический аспект): изменение порядка слов, лексического наполнения; нейтральные и модальные варианты интонационных конструкций (исследования S. Ode, Е. В. Цветковой, И. Г. Торсуевой, Н. Д. Светозаровой и др.).

Теория ИК Е. А. Брызгуновой – краткая и методически «совершенная» концепция для понимания и отработки особенностей мелодики и интонации русского языка. На наш взгляд, теория Е. А. Брызгуновой – выдающийся вклад в методику обучения русского языка как иностранного: интонационные конструкции (ИК), выделенные и описанные ученым, систематизируют богатую и «сложную эмоционально-субъективную сферу интонации» русского языка.

Теория С. В. Кодзасова, как и работы С. Оде [Ode 1989], внесли уточнение в систему интонологии русского языка. На продвинутом этапе обучения, а также при работе над выпускными квалификационными работами по звучащему тексту, на наш взгляд, кроме классической теории ИК

Е. А. Брызгуновой, можно использовать интересные и сложные для восприятия иностранных филологов работы С. Оде, С. В. Кодзасова.

По мнению С. В. Кодзасова, «С. Оде впервые предложила описание интонационных конструкций на основе эксплицитной признаковой модели», более подробную и сложную классификацию интонации русского языка, что «существенно увеличило количество «инвентаря единиц»: их здесь 13 вместо 7, которые предлагались Е. А. Брызгуновой». Однако и эта система, по мнению С. В. Кодзасова, также неполная и «страдает редуционизмом, не позволяющим отразить реальную сложность интонационных структур» (см. ее анализ в [Кодзасов 1992]).

Итак, на современном этапе обучения русскому языку как иностранному одной из сложных областей фонетики (как с точки зрения теоретического исследования, так и с позиции практического использования), на наш взгляд, является фонетика звучащей речи.

Фонетика связанного звучащего текста – выработка навыков синтагматического членения и интонирования в процессе говорения и навыков раскодирования заложенной информации в звучащем тексте. Работа над звучащим текстом должна приносить удовлетворение и удовольствие студентам-иностранцам, так как «слушать на нашем языке означает видеть то, о чем говорят, а говорить – значит рисовать зрительные образы» [Станиславский 1955: 88].

Список литературы

1. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие для преподавателей и студентов. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2007. С. 185.
2. Бадмаев Б. Ц., Малышев А. А. Психология обучения речевому мастерству. М. : Гуманит. изд. центр ВЛА-ДОС, 1999. 224 с.
3. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 1.
4. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
5. Брызгунова Е. А. Русская речь в начале 90-х гг. XX вв. // Русская словесность. М., 1994. № 3. С. 88–94.
6. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М., 2005.
7. Киселева А. А. Продуктивная коммуникация. Лингвистика результативности. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. 204 с.
8. Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М : Языки славянских культур, 2009. 496 с. (Studia philologica).

Сведения об авторе:

Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Е. А. Пескова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОДСТВЕННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРЕ

E. A. Peskova

Penza State University, Penza, Russia

EMOTIONAL COMPONENTS OF RELATIVES ADDRESS IN THE RUSSIAN ETHNIC CULTURE

Аннотация. Рассматривается реализация эмоционального компонента в обращениях, созданных на основе потенциально нейтральной лексики. Материалом послужили художественные произведения и личные наблюдения.

Ключевые слова: лексика родства, тональность общения, коммуникативная культура

Abstract. The article analyzes the emotional component in speech appeals created on the basis of neutral vocabulary. Artistic works and personal observations served as the material of this study.

Keywords: Lexicon of relationship, communication tonality, communicative

Обращение, как первоэлемент речевого этикета, не только помогает установить контакт между собеседниками, но и определяет тон всего коммуникативного взаимодействия. Эмоциональность при обращении служит маркером для определения отношения к оппоненту.

Как указывает Г. Гийом в своей теории, каждая единица языка имеет как выражение, так и выразительность, где *выражение (expression)* определяется как процесс использования устоявшегося в языке, а *выразительность (expressivité)* понимается как обращение к неустоявшемуся, импровизационному, т.е. к речи, а единица – это символ целого, всей совокупности речевой деятельности. Тем самым подчеркивается, что любая языковая единица имеет в потенции как рациональное, так и эмоциональное, в реализации доминирует или рациональное, или эмоциональное [Гийом 1992: 86].

Например, слова *мальши, малышка* имеют нулевую эмоциональность в словарном значении, но, используя их при обращении к любимому человеку, в них реализуется потенциальное, они приобретают эмоциональный характер.

У эмоциональных обращений, как и у обращений-характеристик, дейктическая функция часто оказывается утраченной, они лишь сигнализируют о личностном отношении говорящего к слушающему (положительном или отрицательном). Эта функция обращения хорошо видна в следующем примере: « – *Ах ты, мой бутончик!... пупочка... – говорил Порфир Порфирыч, целуя руки у Дуни. – Вот так красавица!... Ну-ка, повернись-ка маленько... Ну!.. Пышная бабенка, черт возьми! Аришенька, матушка, здравствуй!.. Что ты так нахохлилась, как курица перед ненастьем?*» [Мамин-Сибиряк Д. Н., Дикое счастье, 1960: 123].

Эмоциональные обращения частотны и разнообразны в семейном кругу. Но надо отметить, что тема обращения, особенно семейного речевого этикета, недостаточно изучена. Это обусловлено закрытостью семейной коммуникации, а также отсутствием практической потребности в описании семейных обращений. Отсутствует специальная необходимость обучения иностранцев внутрисемейной лексике. В обычной жизненной ситуации иностранцу просто негде применять подобную лексику, ведь он не является членом русской семьи. Семейный этикет избегается в виду его закрытости и трудности проникновения в семейный этикет других культур.

Семья, родственные отношения являются наивысшей ценностью в русской этнокультуре, поэтому, по мнению исследователей, русская номинативная цепочка в системе родства количественно превосходит родственные номинации во многих других языках (внук/внучка, двоюродные/троюродные братья/сестры, свекор/свекровь, тещь/теща, деверь, шурина, золовка и др.).

Первоначально семейные отношения строились на отношениях кровного родства. По мнению О. Н. Трубачева, «собственно терминами кровного родства являются названия *отца, матери,*

ребенка, сына, дочери, брата, сестры. С течением времени брачно-семейные отношения усложнялись, возникла «терминология свойственного родства, которая в общем противостоит кровному родству как родство по браку» [Трубачев 1959 : 88]. Так возникли наименования *супруг, супруга, зять, невестка, теща, тесть, свекровь, свекор* и др.

Традиция называть свекровь и свекра матерью и отцом пришла к нам из давних патриархальных времен. Тогда девушка, выходя замуж, навсегда покидала отчий дом и переходила в дом мужа, оставляла свой род, своих родителей и становилась принадлежностью рода мужа и принимала фамилию мужа. И если ее муж был молод, то во главе его рода, как правило, стояли его родители, которым подчинялся весь дом – и дети, и их супруги. Поэтому логично было, что невестка называла их отцом и матерью – ведь отныне она должна была подчиняться именно этим людям, а собственных родителей видела крайне редко. Да и слова «отец» и «мать» несли в данном случае несколько иной смысл – они означали не столько любовь и нежность, сколько почтение и беспрекословное подчинение.

В этом отношении представляется не совсем обоснованным тещу и тестя называть мамой и папой. Однако большинство источников утверждает, что это также старинная традиция – на свадьбе невеста должна назвать родителей жениха, а он ее родителей – папой и мамой. Надо отметить, что слова свекор/свекровь в качестве обращений не используются, а вот наименования тесть/теща частотны в качестве обращений.

Обращения к свекру/свекрови и тестю/теще частотны в паремиологии и фразеологии. В художественной литературе эта тема затрагивается редко. Хорошим примером для работы со студентами-иностранцами является рассказ В. Осеевой «Бабка», подтверждающий реализацию эмоционального компонента в обращениях, созданных на основе потенциально нейтральной лексики. В рассказе В. Осеевой два главных действующих лица: бабушка и внук. Автор интересно показывает отношение бабушки к внуку и внука к бабушке на основе обращений в различных ситуациях.

В обращении бабушки к внуку выражена вся любовь, ласка, нежность с помощью слов-обращений «голубчик, батюшка, Борюшка». Когда бабка будит внука в школу, она обращается к нему «батюшка».

Слово «батюшка» восходит к праславянскому слову «batę, bat'a» (батя), по данным «Этимологического словаря» М. Фасмера [Фасмер 1986, 1 : 56]. В русской традиции батей называли главу семейства, рода, а в средние века так стали называть главу группы людей, общины, казачьего атамана или командира воинского подразделения. В русской армии бойцы иногда так называют своего командира, человека, который заботится о них и им близок. Само обращение «батюшка» образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса и выражает значение уважения, почитания мужчины, как главы семества, способного защитить слабых. «*Вставай, батюшка мой, в школу пора!*» [Осеева 2013: 37]. Данный пример показывает, как актуализируется в обращении к маленькому ребенку это значение.

Обращение «голубчик», образованное от слова с нейтральным значением «маленький голубь», реализует эмоциональное значение, показывая ласковое отношение к адресату.

«Так-то, голубчики мои... не просто, не просто жить на свете!»

Бабушка часто обращается к внуку по имени, прибавляя к имени уменьшительно-ласкательный суффикс –*юшк*, что еще раз подчеркивает ее трепетное отношение к внуку.

«Все хорошо, Борюшка, и плохое, и хорошее! От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает».

«В старину говаривали; трудней всего три вещи в жизни – богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Борюшка, голубчик».

В обращениях внука к бабушке превалирует слово «бабка», образованное с помощью суффикса –*к-*, который обычно придает сниженный оттенок слову. И в примерах рассказа В. Осеевой мы чувствуем это пренебрежительное отношение внука к бабке:

«Бабка, не мешай!», «Иди, ты, бабка!», «Бабка, поесть!»

Но в конце рассказа, когда бабка умерла, внук сильно переживает, плачет, но при воспоминании о ней внук произносит: «*Не придет завтра бабка!*». Форма номинации бабушки остается прежней, но в данном контексте суффикс –*к-* придает не сниженное уничижительное значение, а простой, по-семейному родной оттенок. Так же, как и у А. С. Пушкина, который называл своих детей *Машка, Сашка, Гришка, Наташка*.

В ономастике значения суффикса –*к* сводятся к трем основным семантикам:

- 1) женскость (без эмоционально-экспрессивных оттенков);
- 2) уменьшительность и ласкательность;
- 3) фамильярность, грубоватость и уничижительность [Трифонов 2000: 8].

Функцией эмоциональных обращений является выражение эмоционального состояния говорящего. Данный тип обращений встречается в неформальном общении. В отличие от обращений-характеристик, предметно-логический компонент значения данной группы обращений отесняется не предикативно-характеризующим, а эмоциональным, оценочным.

Список литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрединой. М. : Прогресс, 1992. 224 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. : Диамант, 1998.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : Рус. яз., 2000.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье. Архангельск : Архангельск. Кн. Изд-во, 1960. 256 с.
5. Осеева В. Д. Волшебное слово. М. : Дет. лит-ра, 2014. С. 36–49.
6. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС. 2001.
7. Трифонова Т. Д. Отономастические дериваты с суффиксом -к- в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Белгород, 2000. 19 с.
8. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древних терминов. М. : АН СССР, 1959. 212 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. С. 56.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 2.

Сведения об авторе:

Пескова Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Л. Ю. Семёнова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ НАД ПОЭТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ**

L. Yu. Semenova

Penza State University, Penza, Russia

**ORGANIZATION OF WORK ON A POETIC TEXT IN RUSSIAN
LITERATURE CLASSES WITH FOREIGN STUDENTS**

Аннотация. Рассматриваются особенности организации работы над поэтическим текстом с иностранными магистрантами-филологами. На примере стихотворения «Бьется в тесной печурке огонь» А. А. Суркова поэтапно описываются приемы и задания, подготавливающие иностранных студентов к анализу стихотворения и облегчающие понимание темы, образов, смысла, авторской позиции.

Ключевые слова: русская литература, иностранные студенты, военная поэзия, поэтический текст, анализ текста, этапы работы над текстом, изобразительно-выразительные средства языка

Abstract. The article discusses the peculiarities of the organization of work on a poetic text with foreign undergraduates-philologists. Using the example of the poem "The fire beats in a small stove" by A.A. Surkov, the techniques and tasks that prepare foreign students for the analysis of the poem and facilitate the understanding of the theme, images, meaning, and author's position are described in stages.

Keywords: Russian literature, foreign students, military poetry, poetic text, text analysis, stages of work on the text, visual and expressive means of language

Дисциплина «Русская литература» входит в учебный план подготовки иностранных магистров по программе 45.04.01 «Филология» (Русский язык как иностранный) и является важной составной частью в системе учебных дисциплин, обеспечивающих формирование профессиональных компетенций.

Главная цель занятий по русской литературе – научить иностранных студентов понимать художественный текст и высказывать свое мнение на основе прочитанного.

Анализ и понимание поэтического текста представляют для студентов-иностранцев определенные трудности, что объясняется, во-первых, недостаточным уровнем владения ими русским языком, во-вторых, особой языковой и семантической организацией поэтического текста, в-третьих, невозможностью адаптации текста стихотворения. И. И. Толстухина отмечает: «Поэтическое, особенно лирическое произведение, отличается сложностью семантического, эмоционального и духовного плана. Лирическое слово многозначно, напряженно, концентрированно, богато коннотациями; лирический образ рождает у чуткого читателя многие ассоциации» [Толстухина 2007: 428].

Следовательно, при отборе стихотворных текстов для чтения и изучения преподаватель должен учитывать уровень владения русским языком иностранными учащимися, тематику стихотворений, интерес студентов к данным произведениям, доступность стихотворного текста, а также образовательный и воспитательный потенциал текста, его лингвострановедческую и культурологическую ценность.

В курсе русской литературы XX века магистранты-филологи знакомятся с поэзией периода Великой отечественной войны. Стихотворения, написанные в годы войны и в послевоенное время, занимают особое место в русской литературе. Необходимо рассказать студентам, какой вклад в победу внесли писатели и поэты, обсудить вопрос, почему в тот сложный период времени поэзия играла важную роль в литературе.

На занятиях студенты читают как стихотворения, написанные в первые месяцы войны (К. Симонов «Жди меня» июль-август 1941 г., А. Сурков «Бьется в тесной печурке огонь» но-

ябрь 1941 г., А. Ахматова «Мужество» февраль 1942 г.), так и произведения, созданные в послевоенное время (А.Т. Твардовский «Я знаю, никакой моей вины» 1966 г., В. Харитонов «День победы» 1975 г.).

Продуманная система заданий и правильная организация работы над стихотворениями не только облегчат понимание смысла произведений, передадут лингвострановедческую информацию, но и помогут объяснить студентам, какое место в истории России и в памяти российского народа занимают события Великой отечественной войны.

В методике преподавания РКИ традиционно выделяется несколько этапов работы над текстом (предтекстовый этап, этап чтения, послетекстовый этап). Последовательность работы над поэтическим текстом можно представить следующим образом:

1) предтекстовый этап (знакомство с биографией поэта, историей создания стихотворения, выполнение лексических заданий с целью подготовки к чтению и пониманию изучаемого стихотворения);

2) этап чтения произведения (выразительное чтение стихотворения преподавателем, проверка понимания студентами темы, основного содержания произведения);

3) этап анализа произведения (чтение стихотворения по частям, анализ стихотворного текста, работа над изобразительно-выразительными средствами языка);

4) послетекстовый этап (обмен мнениями о прочитанном, выразительное чтение стихотворения, дополнительная информация о создании стихотворения и др.).

Рассмотрим организацию работы над поэтическим текстом с иностранными студентами на примере стихотворения А. А. Суркова «Бьется в тесной печурке огонь».

Перед чтением стихотворения преподавателю необходимо познакомить студентов с биографией поэта. Алексей Александрович Сурков (1899–1983) прошел сложный жизненный путь: сын крестьянина, в 12 лет начавший работать, участник гражданской войны, после окончания учебы преподаватель Литературного института, военный корреспондент в годы Великой отечественной войны, в послевоенные годы редактор «Литературной газеты», журналов «Новый мир», «Огонек».

Первый сборник стихов А. А. Суркова вышел в 1930 году. Широкую известность поэту принесли стихотворения, написанные в военные годы. В произведениях он сумел выразить общенародные чувства гнева, ненависти к врагу, стремление народа к победе, солдатскую тоску по дому. Самое известное стихотворение Алексея Суркова «Бьется в тесной печурке огонь» было написано в ноябре 1941 года в деревне Кашино в тяжелое время обороны Москвы.

На этапе предтекстовой работы необходимо «снять» лексические трудности, например, уточнить значение имен существительных, которые встретятся сразу в первом четверостишии: *землянка, печурка (печь), поленца, смола, гармонь, гармоника*. Фотографии военных лет с изображением землянки, солдата, играющего на гармонии, печи в землянке наглядно представят студентам реалии военного времени.

Можно предложить учащимся побыть в роли поэта и составить словосочетания с именами существительными из стихотворения *печурка, поля, голос, счастье, землянка, любовь*, используя прилагательные *заплутовавшее, холодная, негасимая, тесная, живой, белоснежные*. Проверив выполненное задание, преподаватель дает авторский вариант, спрашивает, какие словосочетания показались учащимся особенно выразительными, как они понимают словосочетания *негасимая любовь, белоснежные поля, заплутовавшее счастье*, можно уточнить способы образования данных прилагательных.

На следующем этапе преподаватель читает стихотворение выразительно, предварив чтение заданием, например, назовите тему стихотворения, объясните, почему вы так думаете. После прослушивания стихотворения при затруднении студентов преподаватель предлагает ответить на вопросы: *Как вы думаете, кто герой стихотворения? Где находится лирический герой? О ком он думает, вспоминает? Где его любимая? Почему он думает о ней? О чем это стихотворение?* Студенты могут использовать отрывки из стихотворения, подтверждающие их ответ.

После целостного восприятия текста начинается построчный анализ стихотворения, связанный с работой над пониманием значения слов, словосочетаний, смысла предложений. На данном этапе студенты переводят новые слова, при необходимости преподаватель объясняет значение некоторых слов с помощью антонимов, синонимов, однокоренных слов, обращает внимание студентов на строки стихотворения с особым порядком слов.

Н. В. Кулибина указывает на необходимость «в процессе чтения помогать учащимся увидеть в тексте знакомое, известное и, оперевшись на него, стараться понять то, что пока неизвестно» [Кулибина 2003: 29]. Смысл подобной работы, по мнению методиста, заключается «в формировании у обучаемых навыков самостоятельного преодоления языковых трудностей текста с помощью разнообразных когнитивных стратегий идентификации незнакомых слов» [Кулибина 2003: 33].

Поэтический текст можно рассматривать как ситуацию или последовательность мини-ситуаций. По мнению Н. В. Кулибиной, «читатель понимает текст в том случае, если ему понятна

ситуация, о которой идет речь» [Кулибина 2003: 29]. Преподаватель должен продумать систему заданий, которые помогут магистрантам «воссоздать в воображении и описать вслух возникшие образы» [Кулибина 2003: 30].

Для проведения анализа стихотворения А.А. Суркова можно разделить на четыре четверостишия. В первой части дается описание землянки (землянка, огонь в небольшой печурке, солдат играет на гармонии). После чтения четверостишия нужно уточнить, как студенты понимают глагольные словосочетания *бьется огонь, поет гармонь*, сравнение *смола, как слеза*, обратить внимание студентов на порядок слов в строках «*и поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза*».

Во второй части стихотворения герой вспоминает любимую женщину, думает о ней, тоскует. После семантизации глаголов *шептает, тосковать* необходимо рассмотреть значение словосочетаний *шептали кусты, тоскует мой голос*, отметить необычный порядок слов в строках «*о тебе мне шептали кусты*».

Третье четверостишие – выражение тоски и сожаления лирического героя из-за невозможности встретиться со своей любимой. Трудность встречи с ней противопоставляется в тексте ожиданию смерти, которая всегда рядом с солдатом. Повторы слов *далеко-далеко, снега и снега* усиливают выражение безысходности, строка «*а до смерти – четыре шага*» указывает на опасность ситуации.

Следует обратить внимание студентов на употребление личных и притяжательных местоимений, попросить прочитать все местоимения во второй и третьей частях, прокомментировать их роль в тексте.

В последней части герой стихотворения говорит о силе любви, способной защитить его в тяжелое время. Необходимо вспомнить еще раз значение словосочетаний *запутавшее счастье, негасимая любовь*, назвать неопределенную форму глаголов *пой, зови*, используемых с обращением *гармоника*, объяснить значение наречия *назло* в строке «*пой, гармоника, вьюге назло*».

Такой подробный построчный анализ побуждает учащихся рассуждать, высказывать свои языковые догадки. Постепенно в сознании студентов создается целостная смысловая картина стихотворного текста.

Организуя работу над поэтическим текстом, преподавателю необходимо помнить, что смысловое восприятие стихотворения идет от определения значений средств языкового выражения текста к пониманию его смысла и воссозданию этого смысла в форме образов-представлений. Во время анализа поэтического текста нужно учить иностранных студентов восстанавливать при чтении скрытые смыслы произведения, передаваемые автором читателю.

В завершение анализа стихотворения можно попросить учащихся назвать изобразительно-выразительные средства языка, используемые автором для создания образности (эпитеты, метафоры, повторы, олицетворение, сравнение, инверсию и т. п.).

Студенты делают вывод, что стихотворение А. А. Суркова не только о любви, но и о жизни и смерти, о силе духа человека. Поэт показывает читателю, что выжить на войне солдату помогали воспоминания о любимой женщине. В произведении образ любимой женщины противопоставляется злу, разрушению и смерти.

Послетекстовый этап работы может включать в себя сообщение дополнительных сведений о поэте или истории создания произведения, высказывание студентами личных впечатлений по поводу прочитанного, выразительное чтение или заучивание стихотворения наизусть, прослушивание аудио- или видеозаписи чтения стихотворения известными актерами.

На уроке можно рассказать студентам, что А. А. Сурков посвятил стихотворение «Бьется в тесной печурке огонь» своей жене Софье Кревс, которая вместе с детьми находилась в эвакуации, и отправил его в солдатском письме-треугольнике. Письмо начиналось словами, адресованными по этому супруге: «Тебе – солнышко мое!».

Учащимся будет интересно узнать, что в феврале 1942 года А. А. Сурков передал стихотворение композитору К. Листову, который написал музыку. Так появилась песня «В землянке», быстро ставшая очень популярной. На занятии студенты могут послушать песню на слова А.А. Суркова в исполнении Л. Утесова или современных певцов. Опыт работы показывает, что после чтения и анализа стихотворения песня никого не оставляет равнодушным: студенты-иностранцы всегда слушают и подпевают.

Завершающий этап работы над стихотворным текстом должен иметь своей целью приобщение иностранных студентов к русской литературе, истории и культуре, развитие интереса к русскому языку.

Таким образом, несмотря на сложность восприятия, поэтический текст должен быть и может быть понят иностранными студентами при правильной организации работы и продуманной системе различных заданий, направленных не только на лексическую отработку новых слов, но и на анализ и осмысление ситуации и образов, представленных автором в произведении.

Список литературы

1. Кулибина Н. В. Текст литературного произведения в лингводидактическом осмыслении // Текст в лингводидактическом аспекте : материалы научно-практического семинара. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. С. 25–41.
2. Толстухина И. И. Подготовка к восприятию русского поэтического произведения студентами-иностранцами // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. 2007. № 45. С. 428–432.

Сведения об авторе:

Семёнова Лариса Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

Н. Д. Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В. И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия

**ГДЕ ВЗЯТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ?
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

N. D. Strelnikova

Saint Petersburg Electrotechnical University 'LETI', St. Petersburg, Russia

**WHERE CAN WE GET ADDITIONAL MATERIAL?
POPULAR SCIENCE TEXT AT THE LESSONS OF RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. Рассматривается проблема привлечения дополнительного материала на уроках русского языка как иностранного. На примере научно-популярного текста показаны принципы и методы разноаспектной работы на занятиях в иностранной аудитории. Доказывается, что удачным считается небольшой текст, из которого возможно извлечь максимум информации.

Ключевые слова: научно-популярный текст, технологии, новая реальность, иностранная аудитория

Abstract. The article explores the issues of extra material in the lessons of Russian as a foreign language. As an example, the author uses a popular science text and considers the principles and methods of various aspects of work in the classroom in a foreign audience. It is proved that the most successful is a small text from which one can extract the maximum amount of information.

Keywords: popular science text, technologies, new reality, foreign audience

Привлечение дополнительного материала на уроках РКИ при обучении студентов, независимо от уровня и курса, всегда воспринимается позитивно и разнообразит занятия и общение со студентами. Свежие материалы, к которым обращается преподаватель, тем более соответствующие направлению вуза, актуальны всегда. Наличие учебно-методических пособий, постоянно обновляемых кафедрами русского языка, – и наша кафедра не исключение [Смирнова 2016; Стрельникова 2021], – не снимает потребности в поиске новых источников информации. Подбор дополнительных текстов по-прежнему непрост, определяется многими факторами, среди которых уровень владения языком, особенности конкретной специальности, степень адаптации текстов, их объем и др. В этой связи использование периодики, сайтов, блогов, видеороликов, короткометражных фильмов и т.д. представляет особую ценность, так как найти современное, даже сиюминутное, и интересное есть задача не из легких. Если выбранный текст способен восприниматься неоднозначно, породить разные точки зрения, то успех гарантирован.

Иногда специфические научно-популярные статьи удастся найти в неожиданных обстоятельствах, например, в журналах, предлагаемых в поездах. Так, в выпуске издания р/д (Российские дороги) за февраль 2023 г., предлагаемом пассажирам скоростного поезда «Сапсан», в разделе *Наука* нашелся сюжет – «*Добро пожаловать в цифровой мир!*» [Кацман 2023]. Этот раздел, как выяснилось позже, встречается далеко не в каждом номере: в следующем, мартовском, он отсутствует. Заметим, что элемент везения и удачи присутствует везде, даже в учебно-научных поисках!

Итак, небольшая статья, посвященная новациям в мире науки и технологий будущего, начинается с преамбулы: «*В XXI веке в руках людей оказалась сумма технологий, которая стремительно меняет нашу жизнь прямо сейчас и может изменить еще сильнее в будущем. Разбираемся, как именно ее могут применять*» [Кацман 2023: 66]. Статья состоит из нескольких небольших глав и начинается с краткого введения, в котором, в частности, утверждается: «*Современной вычислительной техникой, искусственным интеллектом, нейросетями, системами компьютерного зрения*

и быстрым обменом данными мы в состоянии создать виртуальный аналог главных элементов нашей культуры: дома, личности, закона, денег и много чего еще» [Кацман 2023: 66]. Однако так ли это? Согласны ли студенты с данным тезисом? Если да, то смогут ли аргументировать свою точку зрения? Кажется, приведенные выше высказывания могут стать отправной точкой для дискуссии. Впрочем, можно вернуться к изложенной проблеме позже и продолжить знакомство с научно-популярной статьей, автор которой рассуждает о *странном новом мире*, в котором оказалось человечество. Вся статья разделена на пять маленьких главок: «Мы собрали пять явлений этого странного нового мира, о которых сейчас говорят больше всего» [Кацман 2023: 66]. Каждому явлению посвящена более чем лаконичная глава: меньше страницы текста. Среди пяти *новых явлений* – *Новая реальность*; *Новые деньги*; *Новая приватность*; *Новые направления*; *Новые возможности* – выбор в пользу одного из них затруднителен, ибо все, как нам кажется, заслуживает внимания и обсуждения. Преподаватели железнодорожного или транспортного вуза остановились бы, вероятно, на главе «Новые направления» о *навигационных спутниках*, прокладывании *маршрутов*, *навигаторах* и *беспилотниках*; для преподавателей экономического профиля привлекательной могла бы стать глава «Новые деньги» о *биткойне* и *криптовалюте*; для студентов метеорологического направления полезной была бы глава «Новые возможности». Для преподавателей Электротехнического университета наибольший интерес представляют первая и третья главы: «Новая реальность» и «Новая приватность». Первая глава о *метавселенных* интересна тем, что поднимает спорную проблему: все ли может стать цифровым? А культура и искусство, например? Таким образом, лаконичная статья выходит на глобальную тему, могущую стать поводом для диалога и дискуссии. Особенно ценно то, что сама статья компактна. Особенность этой главы, с грамматической точки зрения, в том, что текст, будучи синтаксически не осложнен, позволяет рассмотреть разные варианты выражения субъекта и предиката в предложении [Стрельникова 2023]. Еще более любопытной и полезной является третья, центральная, глава, которую предлагаем рассмотреть подробнее. Текст главы *Новая приватность*, включающий всего четыре абзаца, представляется удачным во всех смыслах.

Взглянем на этот фрагмент с грамматической точки зрения: перед нами блестящий образец, на примере которого можно повторить основные модели построения сложного предложения. Приведем текст первого абзаца.

«Научить компьютер понимать, что изображено на картинке, пытались с 1960-х. Но для успеха этой технологии потребовалось, чтобы возникла не одна – целые четыре технологии: машинное зрение, машинное обучение, искусственные нейронные сети, обработка больших данных. Теперь мы находимся на этапе, когда “зрячее” ПО стоит недорого и может применяться массово – и это меняет нашу жизнь» [Кацман 2023: 69]. В трех предложениях представлены три модели построения сложноподчиненного предложения: с придаточным изъяснительным, с придаточным обстоятельственным цели, с придаточным обстоятельственным времени. Следующий абзац открывается сложноподчиненным предложением с придаточным определительным. «*Этой весной в австралийские регулирующие органы поступила жалоба на три розничные сети, которые используют камеры с распознаванием лиц в торговых залах*» [Кацман 2023: 69]. Далее в тексте варьируются предложения с придаточным изъяснительным, присоединяющимся союзом *что*, обстоятельственным цели с союзом *чтобы*, придаточным следствия с союзом *поэтому*, определительным с союзным словом *который*.

Как любой другой, данный научно-популярный текст не избежал наличия в нем причастий и конструкций с причастными оборотами, присущими научному стилю в целом. Задания, предлагаемые студентам, могут быть более или менее сложными. От простейшего задания: найти причастия в тексте и назвать глагол, от которого они образованы, до стандартно предлагаемого – заменить причастный оборот конструкциями со словом *который*. Если в тексте присутствуют предложения с причастным оборотом и /или сложные предложения с союзным словом *который*, то такое задание или задание на обратную замену, то есть вместо сложноподчиненного определительного поставить простое предложение, осложненное причастным оборотом, дается всегда. В тексте три причастия – *висящие*, *связанные*, *непробитые*. Приведем еще одно предложение текста, в котором есть и причастный оборот, и придаточное определительное. «*Камеры, висящие над кассами самообслуживания, распознают действия покупателей и помогают исправлять ошибки: напоминают о непробитых пакетах и товарах, которые случайно попали в чек дважды*» [Кацман 2023: 69]. Студенты должны будут найти его самостоятельно и выполнить задание на замену причастия конструкцией со словом *который*, а вместо *которые попали* поставить причастие.

Конечно, практически в любом тексте преподаватель успеет обратить внимание студентов на другие грамматические моменты, заслуживающие, по его мнению, внимания, и предложить задания к ним. Так, в разбираемом отрывке нельзя не заметить нескольких слов, образованных в результате сложения основ, соединенных гласной -О-. Следовательно, предоставляется возможность вспомнить словообразовательные модели и предложить задания на словообразование.

Можно оттолкнуться от прилагательного *противоправный*, состоящего из двух корней *против* и *прав*, соединенных гласной -О-, и попросить студентов найти во всем тексте слова, образованные при помощи метода сложения с помощью соединительной гласной -о- или -е- (интерфикса). В данном отрывке таких слов три: *правозащитник*, *благожелательный*, *самообслуживание*. Студенты могут продолжить этот ряд, подобрав свои примеры.

С лексической точки зрения особого внимания заслуживают некоторые англицизмы. Стоит обратить внимание на заимствованные слова, которые сохраняют первоначальный фонетический облик, но графически начертаны кириллицей. Здесь следует вернуться к заглавию – *Новая приватность*. Узнают ли они это слово, образованное от английского *private*, написанное кириллицей и преобразованное в существительное с помощью суффикса -ость-. Английское *private* переводится как *частный*, а *приватность* есть частная или личная жизнь, которая должна быть неприкосновенной. Здесь может стать любопытным задание, когда мы просим студентов отыскать слова подобные *приватный* или *private*, т. е. когда русский вариант по звучанию практически совпадает с английским, а написание идентично, разница лишь в том, английский (латинский) или русский алфавит использован в написании подобных слов. Студенты не всегда замечают связь между английским вариантом, который им знаком, и их русским эквивалентом. В данном тексте подобных слов достаточно: супермаркет /supermarket; ситуация /situation; компьютер /computer; медиа/media; камера/camera и др. Можно дать задание: самостоятельно найти подобные слова в тексте. Появление англицизмов указанного типа является следствием изменений, происходящих в современном русском языке, а калькирование данного вида лексики – одной из ведущих тенденций в современном русском языке.

Кстати, и в первой главе «Новая реальность» подобных, с интернациональными корнями, слов достаточно много – *артефакт*, *апгрейд*, *офлайн*, *биткоин*, *крипта*, *аватар*, *видеочат*, *хайп*. Их прямые соответствия в английском – *artifact*, *upgrade*, *offline*, *bitcoin*, *crypto*, *avatar*, *video chat*, *hype*. Узнают ли студенты эти заимствованные англицизмы в кириллическом написании? Смогут ли объяснить значение перечисленных понятий по-русски?

С семантической точки зрения рассмотреть и проанализировать текст также совершенно необходимо. После сопоставления англицизмов с интернациональными корнями и их английских соответствий логично снова вернуться к заглавию и задаться вопросом: почему статья называется так? Напомним, что мы начали работу с текстом с грамматики, затем поэкспериментировали со словообразованием, потом перешли к лексике, поговорили о новой и вспомнили известную ранее. Все перечисленное, безусловно, необходимо и важно, но главное, конечно, в самом материале, который ценен как текст, относящийся к научно-популярному жанру. Статья «Новая приватность», будучи небольшой по размеру, затрагивает, между тем, насущные, актуальные в современном мире проблемы. Смысл анализа любой статьи или иного текста – в обсуждении, прежде всего, в аргументах и споре, в сопоставлении *pro et contra*. В данном случае мы начали разговор о материале статьи с грамматики, но можно изменить порядок и начать со смыслового содержания, с семантики, а затем лишь перейти к грамматике.

«Совсем иначе складывается ситуация вокруг австралийской сети супермаркетов *Woolworth*. Она тоже использует камеры с технологией распознавания образов – но, как подчеркивают представители компании, не человеческих лиц. Камеры, висящие над кассами самообслуживания, распознают действия покупателей и помогают исправлять ошибки: напоминают о непробитых пакетах и товарах, которые случайно попали в чек дважды» [Кацман 2023: 69]. Неважно, что речь идет о далекой австралийской сети, супермаркеты есть везде, и проблема, обсуждаемая в статье, общая. «Можно догадаться, что эти камеры и магазину помогают сокращать издержки, связанные с воровством. Но они не помнят посетителей в лицо – поэтому реакция в прессе скорее доброжелательная. Может быть, люди не против того, чтобы камеры следили за их действиями. Но они против того, чтобы камеры следили лично за ними» [Кацман 2023: 69]. В этом последнем абзаце текста содержится проблемный вопрос, требующий того, чтобы с этим обстоятельно разобраться. Кстати, глагол *разобраться* любопытен. Если студенты с ним не знакомы, следует уделить время на объяснение, и неплохо в связи с этим заметить о разнице, существующей между разными функциональными стилями, сопоставив одно слово, используемое в научно-популярном, публицистическом, разговорном стилях. Например, в современном разговорном языке, преимущественно в речи молодежи, часто можно услышать «я разберусь» в качестве ответа на некую проблему. Напомним, что этот глагол встречается в преамбуле статьи: «Разбираемся, как именно ее могут применять» [Кацман 2023: 66]. После последнего предложения – «Но они против того, чтобы камеры следили лично за ними» – стоит задать вопрос: А вы?

Наконец, в предлагаемом материале, впрочем, как и любом другом, можно и стоит обращать внимание на частности, которые иногда способны вызвать и большую заинтересованность студентов, стать более перспективным вопросом обсуждения, чем проблемные вопросы статьи. В главе «Новая приватность», например, глагол *следить* и его производные, однокоренные слова представляют собой целое семантическое поле для интересных наблюдений и рассуждений – *след*,

следователь, следовательно, последовать, преследование, следок, следом, следопыт, наследство, наследник, последний и т.д.

Парадоксально, но в обсуждении любой из глав статьи «Странный новый мир» окажется, что «*странный новый мир*» является и *странным*, и *новым* больше для преподавателей, чем для студентов. Тем интереснее порассуждать, сравнивая мнения людей разных поколений.

Резюмируем сказанное. Непросто, но важно найти дополнительный материал. Необходимо, чтобы он был актуален, еще лучше, чтобы был связан с профессиональными интересами учащихся. Приветствуется краткость, так как удержать внимание современных молодых людей, привыкших к чтению креолизованных текстов [Максименко 2012] и общению в виртуальном мире, все сложнее и проблематичнее для преподавателей. К сожалению, то, что все большее число молодых людей испытывают трудности восприятия линейного текста, становится все более очевидным. Главная задача преподавателя, что мы пытались здесь доказать, – извлечь максимум возможной и разноаспектной работы для анализа, повторения и выхода на дискуссию из минимального по объему текста.

Список литературы

1. Кацман Э. Странный новый мир // РЖД, Журнал для пассажиров. 2023. Февраль. С. 66–71.
2. Максименко О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-vs-kreolizovannyuy-tekst-problema-terminologii/viewer> (дата обращения: 21.04.2023).
3. Смирнова Е. А., Стрельникова Н. Д. Основы научного стиля речи : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во СПбГЭГУ «ЛЭТИ», 2016. 44 с.
4. Стрельникова Н. Д., Баева Е. М. История ЛЭТИ в лицах и фактах : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во СПбГЭГУ «ЛЭТИ», 2021. 32 с.
5. Стрельникова Н. Д. Проблемные вопросы современности на уроках в иностранной аудитории (Язык специальности в техническом вузе) // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе : материалы докл. и сообщ. XXVIII междунар. науч.-метод. конф. СПб. : ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. С. 341–346.

Сведения об авторе:

Стрельникова Наталия Даниловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия.

Н. В. Толкачева

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

N. V. Tolkacheva

Penza State University, Penza, Russia

**METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE EDUCATIONAL
SPACE OF A REGIONAL UNIVERSITY IN TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. Отражен опыт теоретического изучения категории «образовательное пространство регионального вуза», сделан акцент на эффективном использовании компонентов образовательного пространства в обучении русскому языку как иностранному учащимся регионального вуза.

Ключевые слова: образовательное пространство регионального вуза, образовательное пространство региона, методический потенциал образовательного пространства

Abstract. The article reflects the experience of theoretical study of the category «educational space of a regional university», focuses on the effective use of educational space components in teaching Russian as a foreign language to students of a regional university.

Keywords: educational space of a regional university; educational space of the region; methodological potential of the educational space

Образование в XXI веке – наиважнейший фактор, на котором базируется как развитие человека, так и развитие всего общества. Новые технологии в образовании сейчас уже не метафора, как было еще 20 лет назад (технология как некие проверенные методики, которые транслируются от педагога к педагогу). Философы образования уже тогда связывали это понятие с понятием стандартов. Сейчас стандарты в образовании не просто реальность, а неотъемлемая часть учебного процесса.

Главным направлением развития любого образовательного учреждения является формирование образовательного пространства.

Единство образовательного пространства на территории Российской Федерации – один из основополагающих принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, закрепленных в 273-ФЗ «Об образовании» и подкрепленный требованиями Федерального образовательного стандарта (статья 11) [Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012].

Большая роль в контексте педагогического процесса отводится образовательному пространству, которое должно стать фундаментом для любой образовательной организации.

Вузы сегодня не столько платформа получения профессии, сколько центры образования, науки, культуры регионального значения. В связи с этим образовательное пространство регионального вуза становится интегратором образовательного пространства региона, оставаясь при этом открытым в глобальное образовательное пространство.

Проблеме образовательного пространства посвящены исследования М. Я. Виленского, В. И. Гинецинского, О. А. Леоновой, Н. Н. Моисеева, В. И. Панова, Р. Е. Пономарева В. И. Слободчикова, И. Г. Шендрика, И. Д. Фрумина, Б. Д. Эльконина и др.

Определенный интерес представляет понимание образовательного пространства как освоенной среды – природной, культурной, социальной, информационной (И. Д. Демакова, Л. И. Маленкова, Л. И. Новикова и др.).

Различным аспектам функционирования образовательного пространства посвящены исследования Е. П. Белозерцева, В. А. Сластенина, Е. Н. Шиянова (образовательное пространство как специально организованная педагогическая среда); И. Л. Беккера, В. Н. Журавчика (образователь-

ное пространство как результат конструктивной деятельности по формированию модели образования); Б. Л. Вульфсона, Л. А. Густокашиной, Э. Д. Днепров, А. П. Лиферова, Н. М. Стадника (образовательное пространство как система образовательных учреждений, система образования); Р. Е. Пономарева, В. М. Степанова, И. Д. Фрумина, Б. Д. Эльконина (образовательное пространство как место взаимодействия ребенка и взрослого); Д. А. Коноплянского (образовательное пространство как совокупность образовательных сред) и др.

Особое значения имеют научные взгляды на образовательное пространство вуза Н. В. Волковой, В. В. Лобанова, Г. Н. Прокументовой, М. М. Миркеса, Н. В. Мухи, Э. К. Самерхановой, Е. Е. Сергеевой, О. М. Зориной, Ф.К. Тугуз и др.

Развитию темы прогрессивности образовательного пространства регионального вуза способствуют исследования Е. Н. Николаевой, М. Д. Щелкунова и др.

Теоретические основы формирования образовательного пространства представлены в трудах С. К. Бондыревой, О. А. Ступиной, Н. Н. Пядушкиной, И. В. Федосовой и др.

Уровневая организация образовательного пространства представлена в работах А. С. Гаязова, Г. В. Жеребятниковой, Г. Н. Серикова, Н. А. Бочарниковой и др.

Проблема регионального образовательного пространства находит отражение в работах И. Я. Мурзиной, И. Д. Андреева, А. Т. Артюхина, Н. К. Вахтомина, Б. С. Гершунского, А. И. Ракитова и др.

Методический потенциал отдельных компонентов образовательного пространства в обучении РКИ находится в фокусе внимания ученых: лингвострановедческий компонент (Е. М. Верещин, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров, Е. Г. Ростова), лингвокультурологический компонент (В. В. Воробьев), лингвокраеведческий компонент (Т. Н. Доминова, Г. О. Некипелова). В то время как региональный компонент не нашел закрепления в образовательных стандартах, реализуемых вузами, и изучен в меньшей степени.

Не менее важным представляется изучение музейной педагогики. Отметим научные трактовки В. М. Ахунова, Т. В. Галкиной, А. В. Зубарева, Л. М. Кетова, Т. С. Курьяновой, Е. Г. Мельникова, С. М. Морозова, М. М. Туткушева, Л. М. Шляхтина и др.

Образовательное пространство регионального вуза определяется нами как разновидность социального пространства, целостная, открытая система элементов, детерминированных взаимодействиями в образовательных системах, и их восприятием, смысловой значимостью для субъектов образования [Воропаев М. В., Толкачева Н. В., 2017 : 182], проявляющихся на разных уровнях (глобальном, региональном, уровне вуза), выступающая интегратором образовательного пространства региона и в то же время открытая в глобальное образовательное пространство.

Восприятие образовательного пространства с позиций освоенной среды вызывает особый научный интерес с точки зрения методического потенциала в обучении русскому языку как иностранному.

Модель образовательного пространства регионального вуза состоит в нашей трактовке из трех компонентов:

1. Содержательного (отражает наполнение содержания образования целеориентированным содержанием, а именно «региональную» направленность).

2. Организационно-технологического (отражает обеспеченность образовательного процесса необходимыми ресурсами), который включает в себя три элемента:

2.1. Пространственно-предметный структурный элемент (отражает материально-техническое обеспечение и инфраструктуру и их восприятие субъектами);

2.2. Социальный структурный элемент (отражает межличностные отношения субъектов и отношения субъектов к пространству с позиций социализации субъектов);

2.3. Психодидактический структурный элемент (отражает эффективность педагогических технологий).

3. Информационный компонент (отражает объемы информационных потоков и их эффективность с позиции стимулирования интереса субъектов к образовательному пространству).

Региональные вузы, с одной стороны, придерживаются принципа единства образовательного пространства на территории Российской Федерации, с другой стороны, выступают интегратором образовательных потребностей региона за счет регионального компонента в образовании.

В условиях интернационализации и глобализации образования особую значимость приобретает, на наш взгляд, региональный компонент образовательного пространства. При этом в современных средствах обучения русскому как иностранному региональный компонент представлен фрагментарно: описаны педагогические технологии и приемы, усиливающие методический потенциал регионального образовательного пространства при обучении русскому языку как иностранному.

Пространственно-предметные особенности образовательного пространства вуза оказывают влияние на изучение лингвокультурологической составляющей региона пребывания иностранных студентов. Восприятие вуза как текста за счет анализа различных элементов пространства (стендов,

вывесок, экспонатов музейного комплекса и т.д.) позволит встроить эти компоненты среды в процесс обучения русскому языку иностранных учащихся. С другой стороны, учет уровня владения русским языком иностранными студентами и степень их знакомства с региональной культурой позволит скорректировать содержание элементов образовательного пространства, адаптировав их для иностранных студентов.

Иностранные обучающиеся, приезжая получать образование в Россию, имеют разный уровень владения русским языком. Отметим, что развитие речевых навыков на занятиях РКИ и формирование представлений о русской культуре может быть как хаотичным (непосредственное общение иностранных студентов с российскими), так и специально организованным. Специальным образом спроектированное взаимодействие с образовательным пространством становится значимым с точки зрения лингвокультурной адаптации иностранных учащихся к образовательному пространству. Через восприятие текста происходит восприятие иностранными студентами как субъектами образования «внешней» для них культуры.

Ряд авторов (в их числе О. А. Леонова [Леонова 2008], исследующая региональное образование) в качестве структурного элемента образовательного пространства называют образовательное событие.

Сегодня широкое распространение получило мнение о том, что образовательное событие в вузе может стать действенным средством, способным существенным образом формировать компетенции обучающихся.

Для обозначения зависимости системы образования и особенностей развития региона часто употребляется понятие «регионализация». Регионализация образования предполагает выявление особенностей региона в образовании. Региональный вуз становится тем «пограничным пунктом», который позволяет сделать границы региона открытыми, а зоны культурно-образовательного влияния отодвинуть далеко за пределы географического расположения региона. Иностранные студенты, обучающиеся в вузах регионов России, выступают непосредственными объектами данного культурно-образовательного влияния. Это еще раз утверждает нас в мысли об открытости образовательного пространства регионального вуза.

Таким образом, повышению эффективности обучения русскому языку как иностранному в региональном вузе способствуют:

- применение педагогических стратегий с опорой на региональный компонент;
- внедрение в образовательный процесс ресурсов, отражающих историко-культурные особенности региона;
- освоение субъектами навыков эффективного информационного взаимодействия;
- повышение уровня лингвокультурной адаптации иностранных обучающихся к образовательному пространству регионального вуза.

Список литературы

1. Воропаев М. В., Толкачева Н. В. Проблема структурно-функционального анализа образовательного пространства регионального высшего учебного заведения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 180–192.
2. Леонова О. А. Региональное образовательное пространство: принципы формирования и прогнозирования развития : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Волгоград, 2009. 332 с. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/regionalnoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-principy-formirovaniya-i-prognozirovaniya.html>
3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lhiiwdhflf723233961
4. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». Вып. 20. Москва : РГГУ, 2021.

Сведения об авторе:

Толкачева Наталья Викторовна, начальник Управления информационной политики и связей с общественностью Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия.

СОДЕРЖАНИЕ

Направление 1 НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КООРДИНАТАХ ЯЗЫКА И ПРАВА

РАЗДЕЛ 1. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ	3
<i>Александрова А. В.</i> ПРАВИЛЬНОЕ УКАЗАНИЕ ДОЛЖНОСТИ В КАДРОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ПЕНСИОННЫЕ ПРАВА РАБОТНИКА	3
<i>Булатный В. В.</i> ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАОБРАЗА А. ЛУКАШЕНКО В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ NEXTA В ПЕРИОД ПРОТЕСТОВ В БЕЛАРУСИ (2020 г.)	7
<i>Воронина Л. В.</i> ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ЦЕЛИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ	14
<i>Долгополова Т. А.</i> КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИСПАНИИ XVI ВЕКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВУ	18
<i>Есафьева О. О.</i> ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ А. ПЛАТОНОВА	23
<i>Костяев А. И.</i> ЗНАК КОМПЕТЕНЦИИ И ЗНАКОВОЕ ОТНОШЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОЦИОКОДЕ ВЛАСТИ	26
<i>Лапаева А. В.</i> ИДЕЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ВОЗЗРЕНИЯХ В. М. ГЕССЕНА	29
<i>Николина Н. А., Петрова З. Ю.:</i> ЗАКОН В ЗЕРКАЛЕ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	32
РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	36
<i>Акинина А. В.</i> К ВОПРОСУ О СЛОВЕСНОМ ХАРАКТЕРЕ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ, В КОТОРОЕ ВКЛЮЧЕНЫ ЦИФРЫ	36
<i>Теологи В. К., Амириди С. Г.</i> РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. «ЯЗЫК» ПОЛИЦЕЙСКОГО ДОПРОСА	39
<i>Бабикова М. Р.</i> ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ГРАФИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА	48
<i>Багрова Д. А.</i> СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	51
<i>Баранов А. Н.</i> ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВИСТИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	54
<i>Бондаренко Е. Н.</i> О НЕКОТОРЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	59
<i>Галяшина Е. И.</i> ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ	63

Громова Н. С. ПРОПАГАНДА: ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	67
Кривошапова Н. В. МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)	72
Костригина М. Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	77
Лавицкий А. А., Дединкин А. Л. СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ДЕСТРУКТИВНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПРАВОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ	80
Малюка А. А. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	84
Мащенко В. А. ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ КОНТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	88
Месропян Л. М. О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ НАРУШЕНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЗВОЛЯЮЩИХ ПРИЗНАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕДОПУСТИМЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ.....	94
Огорелков И. В. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И АВТОРОВЕДЕЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	101
Хоменко А. Ю. ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ АУТО- И ГЕТЕРОАГРЕССИИ ПО РЕЧЕВОСПРИЯТИЮ.....	104
Чубина Е. А. PR-ЛЕКАЛА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКСПЕРТОВ-РЕЧЕВЕДОВ	108
РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	111
Апкаев Д. М. ПРАВОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА	111
Герасименко Ю. А. ОГОВОРКИ И ОТСЫЛКИ В ПРАВЕ: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	115
Гогитидзе Д. А. УВАЖЕНИЕ КАК ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ В ПРАВЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	119
Дергунов А. А. ГРАДАЦИЯ ПОНЯТИЯ, ТЕРМИНА, ДЕФИНИЦИИ, КАТЕГОРИИ: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СИНТАГМЫ «ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО».....	122
Дудко Г. Н. ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБ КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА.....	126
Игнатьева А. В. ФИКТИВНЫЙ РАЗВОД КАК ФОРМА ОБХОДА ЗАКОНА	131
Казакова Е. А. ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ	134

Катермина В. В. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ ПРАВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ).....	144
Краснова С. И. ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК»: ЛЕКСИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	147
Маргарян А. В. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	151
Онкина И. Ю. СТРАТЕГИИ НАИМЕНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРУПП ЛИЦ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ.....	155
Плахтий Н. А. ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ.....	161
Прокаева Е. А. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИМОНОПОЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБ НА ТОРГИ, ПРОВОДИМЫЕ В РАМКАХ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА.....	164
Семянкова О. И. ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА В КУРСЕ «ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ МАГИСТРАНТА-ДОКУМЕНТОВЕДА.....	168
Турагин В. Ю., Нестеренко В. В. ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	171
Хованцев А. С. ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТСЫЛОЧНЫХ НОРМ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СПОСОБА ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ.....	175
Хънгов В. С. О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 21 ДЕКАБРЯ 2021 Г. № 414-ФЗ «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».....	178
Чиркаев С. А. СЛОВСОЧЕТАНИЕ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ»: ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ И (ИЛИ) НОРМАТИВНЫЙ ТЕРМИН.....	182
Шмидт А. В. ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС (В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА).....	185
РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	188
Annous S., Fleonova O. L. SCHOOLING IN EL-MINA, LEBANON: THE INTERPLAY OF RELIGIONS, FOREIGN LANGUAGES AND IMPERIAL RIVALRY FROM THE LATE OTTOMAN RULE TO THE PRESENT DAY.....	188
Капустина М. А. РУССКИЙ ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	194

Кожевникова Е. И. РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ)	197
Николаев Б. В. ЯЗЫК – СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ ИЛИ РАЗОБЩЕНИЯ? (ОПЫТ США)	202
Мозговой В. И. СИСТЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И «ПИСАНОЕ ПРАВО»	205
РАЗДЕЛ 5. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	212
Арсениев С. В. СБОРНИК «ТУК СЕ СЪЗДАВА НАРОДЪТ НА БЪДЕЩЕТО»: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА	212
Джураева М. Р. ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	218
Крылова И. А., Ху Юнцян О ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	221
Loseva A. Ye., Razuvaeva T. A. DIE INTERKULTURALITÄT: DAS PROBLEM DER BEGRIFFSBESTIMMUNG INTERCULTURALITY: THE PROBLEM OF DEFINITION	225
Кутбиддин Мухтори ПЕРЕВОД МЕДИАТЕКСТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	229
Пенчева А. И. ОБЫЧНОЕ НАРОДНОЕ ПРАВО В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦАХ	232
Shirnen Tsolmon, Khaltar Narmandakh, Gundalai Agiimaa COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNET COMMUNICATION IN MONGOLIAN AND RUSSIAN	237
Шумилина Т. Н. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ	244

Направление 2 ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И МЕТОДЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКА

Барабаш О. В. ПОНЯТИЕ АВАНСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ	247
Закарадзе И. Ю. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МИМИКИ И ЖЕСТОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ РЕБЕНКА, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	251
Козеренко Е. Б., Кузнецов К. И., Романов Д. А., Синягина Ю. И. ДИСТРИБУТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА В ПРОЦЕДУРАХ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	255
Макарова Е. В. ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СЛОВА «ДОМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX в.	260
Скнар Г. Д., Шевченко О. Н. КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕМ	263
Чупрунова О. С. АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	267

Направление 3
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РУСИСТИКЕ И ПРЕПОДАВАНИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Боровая А. Ю., Богомолова С. С. ВИДЕОКУРС КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	271
Загуменникова Н. В. ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	274
Замятина Е. С. ЭКСПУРСИЯ В ЗООПАРК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	278
Илюнина А. А., Нойкина С. С. МОДЕЛЬ И ТИП ПОСТРОЕНИЯ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	282
Квапил Р. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ АУДИТОРИИ.....	286
Колюшко Т. В. К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	292
Кулибина Н. В. ОПЫТЫ ЦИФРОВОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИНТЕРАКТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ПО ЧТЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ.....	296
Малявкина И. В. ВНЕАУДИТОРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В МУЗЕЙНОЙ СРЕДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	301
Паиковская С. С. ВЫ МЕНЯ НЕ ТАК ПОНЯЛИ... ОБУЧЕНИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	305
Пескова Е. А. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОДСТВЕННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРЕ.....	310
Семёнова Л. Ю. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ НАД ПОЭТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ.....	313
Стрельникова Н. Д. ГДЕ ВЗЯТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ? НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	317
Толкачева Н. В. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	321

Научное издание

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

*Сборник статей по материалам
VII Международной научно-практической конференции*

г. Пенза, 16–19 мая 2023 г.

П о д о б щ е й р е д а к ц и е й
Ольги Владимировны БАРАБАШ

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
Ответственность за содержание статей несут авторы.*

Статьи представлены в авторской редакции

Корректор *А. Г. Темникова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Ануровой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 12.05.2023.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 38,36.
Тираж 200. Заказ № 204.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел. 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru